

Сергей Скорый Ян Хохоровски

БОЛЬШОЙ РЫЖАНОВСКИЙ КУРГАН

БОЛЬШОЙ
РЫЖАНОВСКИЙ
КУРГАН

С. Скорый
Я. Хохоровски

СКОРЫЙ Сергей – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины (Киев). В 1979 г. окончил исторический факультет Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе (Таврического, Крымского федерального), в 1982 г. – очную аспирантуру Института археологии АН УССР.

Диссертации: «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)» (Киев, 1983), «Кочевники предскифского и скифского времени в Днепропровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)» (Киев, 1997).

Автор и соавтор более 320 научных работ, в том числе 14 монографий, среди которых: «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья» (Киев, 1986, в соавторстве), «Памятники скифской эпохи Днепропровского Лесостепного Правобережья» (Киев, 1989, в соавторстве), «Курган Переп'ятиха (до этнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя)» (Київ, 1990), «Стеблів: скифський могильник в Поросьє» (Киев, 1997), «Киммерийці в українській Лесостепі» (Киев-Полтава, 1999), «Мотронинское городище скифской эпохи» (Киев-Краков, 2001, в соавторстве), «Скифы в Днепропровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)» (Киев, 2003), «Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропровском Правобережном Надпорожье» (Днепропетровск, 2009, в соавторстве), «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции» (Киев, 2014, в соавторстве).

Руководил экспедициями или принимал участие в раскопках археологических памятников на территории АР Крым, Киевской, Черкасской, Винницкой, Полтавской, Кировоградской, Харьковской областей.

Наиболее значимые памятники, в исследованиях которых брал участие: Акташский могильник в Восточном Крыму (1980-1981), Мотронинское городище (1988-1994, 2000-2003), Бельское городище (1994-1995, 1998-2001, 2003-2006), курганы скифской элиты – Большой Рыжановский курган (1995-1998), Скифская Могила (2000-2002), Турецкая Могила (2016) в украинской Лесостепи.

Научный руководитель 5 аспирантов и соискателей, защитивших кандидатские диссертации.

Научные интересы: предскифский и скифский периоды в Восточноевропейской Лесостепи, древности скифского типа в Средней Европе, Крым в скифскую эпоху

ХОХОРОВСКИ Ян – доктор гуманитарных наук хабилитованный, профессор, бывший (1996-2008) директор Института археологии Ягеллонского университета в Кракове, сенатор ЯУ (1999-2002 и 2013-2016), заведующий Отделом археологии эпохи бронзы ИА ЯУ. В 1972 г. окончил Ягеллонский университет и получил звание магистра археологии, в 1981 – степень доктора гуманитарных наук (диссертация «Kultura tracko-scytyjska na Nizinie Węgierskiej»), в 1994 – степень доктора (хабилитация) гуманитарных наук в области археологии (диссертация «Ekspansja kimmerska na terenie Europy Środkowej», Kraków 1993, 327 с.), в 2003 – звание профессора («Problemy dendrochronologii rosyjskich stacji łowieckich na Spitsbergenie», Kraków 1999, 103 с.).

Автор и соавтор около 300 научных работ, в том числе соавтор научных обобщающих трудов в области мировой преистории: «Encyklopedia historyczna świata, том I, Prehistoria», Kraków 1999, 544 с. и «Wielka historia Świata. Stary i Nowy Świat. Od «rewolucji» neolitycznej do podbojów Aleksandra Wielkiego», том 2, Kraków 2005, 672 с. Редактор серии «Prace Archeologiczne», соиздатель и соредатор серии «Via Archaeologica».

Научный руководитель более 50 магистерских работ в области археологии, культуроведения и антропологии, а также 7 докторских диссертаций.

Научные интересы: археология эпохи бронзы и ранней эпохи железа в Средней Европе, ранние кочевники Великой Степи, полярная археология Шпицбергена, история археологии.

Руководил многолетними экспедициями в Польше: городище позднебронзового века Лубовице (1970, 1972-1977, 1998-2003), мультикультурные стоянки в Корницах (1974-1978, 2008-2009), раннебронзовое городище Иендрыховице (1979-1983), раннежелезные могильники Бжезница (2000-2008) и Монастеж (1982-1983). В промежутке 1998-2016 гг. организовал и руководил (с проф. Янушом Круком и д-ром Яцеком Рыдзевским) раскопками на автобане А4 в Юго-Восточной Польше (230 гектаров исследованных археологических стоянок).

Научный руководитель 3 студенческих экспедиций в Западную Африку (1979-1980, 1981, 1983-1984), соорганизатор и организатор 6 экспедиций на Шпицберген (1982, 1985, 1987-1990), участник 5 экспедиций «Струма» в Юго-Западной Болгарии (1979-1983).

Соорганизатор и участник 11 экспедиций в Украине: Рыжановка (1995-1998), Кошары (1998-2000), Мельники (2000-2003).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЯГЕЛЛОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРГЕЙ СКОРЫЙ, ЯН ХОХОРОВСКИ

БОЛЬШОЙ РЫЖАНОВСКИЙ КУРГАН

КИЕВ – 2018

УДК 904.5 (477.46) «638»

С44

Рецензенты:

С. Бессонова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии НАН Украины.

С. Махортых, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии НАН Украины.

Скорый Сергей, Хохоровски Ян

Большой Рыжановский курган. – Киев: Издатель Олег Філюк, 2018

ISBN 978-617-7122-49-8.

Монография посвящена публикации материалов эталонного погребального памятника скифской элиты – Большого Рыжановского кургана. Последний располагался в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, в междуречье Гнилого и Горного Тикича. Первые работы на нём были проведены ещё в конце XIX в. Полное исследование кургана осуществлено совместной Украинско-Польской экспедицией Института археологии НАН Украины и Института археологии Ягеллонского университета в 1995-1998 гг.

В кургане открыты 2 захоронения, выполненные в гробницах степного типа: центральное, основное, с останками скифского вельможи, и боковое, впускное, принадлежащее знатной молодой скифянке. Оба они сопровождались захоронениями зависимых лиц и оказались неограбленными.

На широком сравнительном фоне скифских древностей представлена архитектура кургана, обряд захоронений, многочисленный и яркий инвентарь, семантика сакрального пространства.

С привлечением традиционного археологического метода, а также датирования по радиоуглероду (14с) определяются позиции Большого Рыжановского кургана в системе хронологии захоронений скифской элиты Северного Причерноморья.

Рассматриваются вопросы этнической принадлежности и социального статуса лиц, погребённых в кургане, места этого выдающегося памятника в контексте скифской истории.

УДК 904.5 (477.46) «638»

ISBN 978-617-7122-49-8.

© Скорый С., Хохоровски Я.

© ФОП «Видавець Олег Філюк»

Пamięci

GODFRYDA OSSOWSKIEGO,

archeologa i geologa,

odkrywcy scytyjskiej «księżniczki» z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego,
badacza Wołynia, Pomorza Nadwiślańskiego, Podola i Zachodniej Syberii,
urodzonego koło Kaniowa, działającego w Krakowie a zmarłego w Tomsku,
samouka, który całe życie i majątek poświęcił nauce.

Пам'яті

ГОДФРИДА ОССОВСЬКОГО,

археолога і геолога,

відкривача «княжни» у Великому Рижанівському кургані,
дослідника Волині, Привіслинського Помор'я, Подолії та Західного Сибіру,
який народився біля Каніва, працював у Кракові та помер у Томську,
самоука, що все життя та майно присвятив науці.

Памяти

ГОДФРИДА ОССОВСКОГО,

археолога и геолога,

открывателя скифской «княжны» в Большом Рыжановском кургане,
исследователя Воыни, Привислинского Поморья, Подолии и Западной Сибири,
родившегося близ Канева, работавшего в Кракове и умершего в Томске,
самоучки, который всю жизнь и имущество посвятил науке.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	6
<i>Глава I.</i> Географическая локализация Большого Рыжановского кургана	10
<i>Глава II.</i> История изучения памятника	13
1. Полевые исследования кургана.....	13
2. Большой Рыжановский курган в научной литературе (в основном до 1995 г.)	20
<i>Глава III.</i> Характеристика погребальных объектов и архитектуры кургана	28
1. Центральная Могила	28
2. Боковая Могила	38
3. Насыпь и ров	41
<i>Глава IV.</i> Вещевой комплекс	46
1. Находки из Центральной Могилы	46
2. Предметы из Боковой Могилы	87
3. Находки на подкурганной поверхности, вблизи могил.....	104
4. Находки в насыпи.....	105
5. Находки во рву.....	107
<i>Глава V.</i> Обрядность Большого Рыжановского кургана на фоне скифских погребальных памятников Северного Причерноморья	110
1. Центральная Могила	110
2. Боковая Могила	123
3. Подкурганная поверхность	127
4. Насыпь и ров	128
<i>Глава VI.</i> Хронология	134
1. Археологическая датировка	134
2. Датировка радиоуглеродным методом (14с)	136
3. Подведение итогов	143

Глава VII. Этническая дефиниция и социальный статус	
лиц, погребённых в кургане	146
1. Этническая принадлежность	146
2. Социальное положение	148
Глава VIII. Большой Рыжановский курган в историческом	
контексте лесостепных и степных древностей	
Восточной Европы IV-III вв. до н.э.	153
Глава IX. Семантика сакрального пространства Большого	
Рыжановского кургана (вместо заключения)	158
Приложение	
Альбом иллюстраций	162
Трейстер М. Бронзовые и серебряные сосуды из	
Центральной могилы Большого Рыжановского	
кургана	308
К приложению М. Трейстера	322
Литература и архивные материалы	342
Список сокращений	382
Summary	383
Индекс	421

ВВЕДЕНИЕ

Погребальный памятник скифской элиты – Большой Рыжановский курган (далее – БРК) исследовался в 1995-1998 гг. силами совместной Украинско-Польской экспедиции, созданной на основе Договора о сотрудничестве между Институтом археологии НАН Украины (Киев) и Институтом археологии Ягеллонского университета (Краков) от 18 июня 1995 г.

Целью указанного сотрудничества являлась реализация научного проекта «Большой Рыжановский курган скифского времени и его окружение (продолжение раскопок, начатых в XIX в. польским исследователем Годфридом Оссовским)».

С украинской стороны экспедицией руководил Сергей Скорый, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины¹. Его заместителем в течение всей археологической кампании в Рыжановке являлся Владимир Григорьев (†), старший научный сотрудник Археологической инспекции управления культуры Черкасской областной государственной администрации².

С польской стороны руководитель экспедиции – Ян Хохоровски, доктор гуманитарных наук, профессор, директор Института археологии Ягеллонского университета. Его заместителем в 1996-1998 гг. был д-р Яцек Рыдзевски, директор Археологического музея в Кракове.

Финансирование работ осуществляла польская сторона.

Раскопки производились по Открытому листу (на право проведения археологических исследований), выдаваемому Полевым комитетом Института археологии НАНУ на имя Скорого С.

В работах экспедиции с украинской стороны в различные годы принимали участие следующие коллеги: Р. Михайлова (1996), Е. Фиалко (1997) (Институт археологии НАНУ), В. Белых (1995-1996), Н. Кривенко (1996-1998), С. Кулик (1995-1997), М. Орищенко (1996-1998), Р. Орищенко (1997-1998) (Археологическая инспекция управления культуры Черкасской областной государственной администрации), В. Романюк (1998), геолог, руководитель археологического кружка Дома молодёжного творчества г. Тараща Киевской области, а также рабочие-землекопы Е. Анисимков и К. Палёхин (Черкасы).

Польскую сторону, помимо руководителей, в разные годы исследований представляли студенты Института археологии Ягеллонского университета А. Гавлик, К. Ормян, И. Дуда, В. Судар, П. Годлевски, М. Сатола, П. Колоджейчик.

¹ Ныне доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины.

² **Григорьев Владимир Павлович** (11.11.1952—01.10.2010) – известный украинский археолог. В течение ряда лет работал в Черкасском краеведческом музее, Археологической инспекции управления культуры Черкасской областной госадминистрации. Активно занимался археологическими исследованиями. В 1987-1997 гг. – начальник Черкасской Левобережной археологической экспедиции, осуществившей раскопки ряда ярких археологических памятников, в том числе скифской поры, среди которых наиболее значимы курганы у с. Гладковщина в Левобережной террасовой Лесостепи, могильник у с. Вишнополь в Лесостепном Правобережье (*Куштан, Нерода, Скорий, Хохоровські 2011*).

В течение всех 4-х полевых сезонов Украинско-Польской экспедиции бульдозерные работы осуществлялись Д. Фенченко, высококлассным специалистом, механизатором Звенигородского районного государственного предприятия по выполнению агрохимических работ.

Большую и разнообразную помощь экспедиции в период её работы оказывали представители Звенигородской районной государственной администрации Черкасской области, прежде всего – её председатель В. Черновол, а также его заместители М. Павленок и В. Петрушевец, имевшие самые тесные контакты с археологами.

Тёплым словом благодарности следует вспомнить председателя колхоза «Украина» В. Швеца (†), на землях которого велись работы, а также председателя сельского совета с. Рыжановка – Е. Семенченко, которые много сделали для устройства быта экспедиции и при решении самых разнообразных вопросов.

В период работы Украинско-Польской экспедиции в Рыжановке её посещали с краткими или продолжительными визитами следующие коллеги-археологи: академик П. Толочко (1996, ИА НАНУ), С. Бессонова (1995, ИА НАНУ), Ю. Болтрик (1996, ИА НАНУ, 2 недели), В. Ключко, Л. Ключко (1996, ИА НАНУ, Музей исторических ценностей Украины), В. Лунгу (1997, Румыния, Исследовательский институт Эко-Музея, Тульча, 2 недели), Э. Хохоровска (1997, Польша, Краковский археологический музей).

Работы Украинско-Польской экспедиции (особенно результаты 1996 г.) широко освещались в средствах массовой информации Украины, Польши, ближнего и дальнего зарубежья. Более трёх десятков статей было опубликовано в различных газетах и журналах. Среди наиболее обстоятельных и оперативных – материалы Н. Куроленко («Киевские ведомости», 8.08.1996), Т. Микитенко («Шевченків край», 10.08.1996), А. Демченко, Д. Киянского («Правда Украины», 17.09. 1996), Ш. Бежника («Super Express», 9.09., 13.09. 1996), Б. Матоги («Dziennik Polski», 9.10, 16.10.1996), Д. Перлез («New-York Times», 16.10.1996, «International Herald Tribune», 17.10.1996), Л. Петерса («Przekroj», 1996), информация в журнале «National Geographic» (1997, № 3) и пр.

После завершения полевых работ на БРК, в 1998 г., с целью сохранения исторического ландшафта, насыпь кургана была восстановлена силами Украинско-Польской экспедиции.

В 1999 г. в Краковском археологическом музее состоялась выставка, посвящённая Большому Рыжановскому кургану, на которой были представлены материалы из Боковой и Центральной гробниц этого погребального памятника, а также разнообразные реконструкции. Выставка имела большой успех. Информация о ней содержится в украинских и польских изданиях (*Козак, Скорый 1999; Chochorowski, Rydzewski, Skoryj 1999; Rydzewski 1999; 2001*).

Информация о каждом полевом сезоне Украинско-Польской экспедиции находила, прежде всего, отражение в украинской и польской научной литературе (*Скорый, Хохоровски, Григорьев 1996; Скорый, Хохоровски, Григорьев, Рыдзевски 1998; 2000; Скорый, Хохоровські, Григор'єв, Ридзевські 1999; Скорый, Хохоровски 1997; Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996; Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski 1997; 1998; 1999; Chochorowski, Skoryj 1997; 2000a; 2001*). Следует упомянуть также работы, опубликованные в США и Румынии (*Chochorowski, Skoryj 1997a; 2000*) о результатах раскопок Центральной Могилы БРК, а также серии статей, дающих общее представление о БРК (*Скорый, Хохоровски 2002; 2007; Chochorowski, Skoryj 2001; 2004; Skory, Chochorowski 2007; Chochorowski, Skory 2013*).

Со временем нами был издан ряд аналитических статей, посвящённых различным аспектам изучения материалов БРК: погребальному обряду (*Скорый 2001; 2001a*),

хронологии кургана, по данным археологии (Скорый 1998) и с привлечением методов радиоуглеродного датирования (Хохоровски 2004; Chochorowski 2000a; Chochorowski, Kovalych, Skripkin 1998; 1999; 2005), отдельным категориям находок – украшениям (Chochorowski 1999; Скорый, Хохоровски 2011), металлической (Скорый 2000; Скорый, Хохоровски 2011a) и керамической (Скорый 2005) античной посуде, вооружению (Скорый, Хохоровски 2004; Скорый 2010; Chochorowski, Skoryj 2014; Skory, Chochorowski 2012), реконструкции костюма (Chochorowski, Skoryj 1999), семантике БРК и ЦМ БРК в частности (Chochorowski 2000; 2005; Chochorowski, Skoryj 2009; Хохоровски, Скорый 2010).

Иными словами, мы старались оперативно знакомить международную археологическую общественность с ходом наших работ, представить первые выводы и обобщения. Следует отметить, что как информация отчетного характера о раскопках БРК, так и аналитические статьи стали сразу же привлекаться специалистами (например: Алексеев 2001, с.71-72; 2003, с.271-273; 2006, с.49-50; 2013, 2014, с.11; 2015, с.90-91, 94; Болтрик 2001, с.174, 180; 2001a, с.78; 2004, с.87; Бунятян, Фіалко, 2009, с.63, рис.2:2; Гуляев 2003, с.572-573, 576; 2016, с.21; Фіалко 2001; Евразия в скифскую эпоху... 2005, с.211-214; Мозолевский, Полин 2005, с.375-380; Бидзиля, Полин 2012, с.328, 330, 361, 411, 416, 419, 494, 594, 511-512, 569-578; Полин 2009, с.212-213, 225-226; 2014, с.72, 88, 122, 126, 135, 137, 141-142, 155, 497-498, 503; Meyer 2013, p.130, fig.49; Scythian Gold... 2001, p.210-211, № 94) и пр.

Вместе с тем, мы хорошо осознаем, что упомянутые наши работы дают далеко неполное представление об исследованном памятнике и, конечно же, ни в коей мере не заменяют его монографического изучения. Именно это обстоятельство явилось решающим стимулом для настоящего исследования.

При работе над данной монографией авторам в разное время была оказана разнообразная и большая помощь со стороны коллег, некоторые из которых уже не с нами. В связи с этим, считаем своим долгом выразить искреннюю сердечную благодарность: а) научным сотрудникам Института археологии НАН Украины: Ю. Болтрику (начальнику Запорожской экспедиции ИА НАНУ), Г. Евдокимову (†) (начальнику Краснознаменной экспедиции ИА НАНУ), А. Кубышеву (†) (начальнику Херсонской экспедиции ИА НАНУ), В. Отрощенко (начальнику Запорожской экспедиции ИА НАНУ) за разрешение использовать в работе сведения по неопубликованным материалам, б) специалистам из Отдела археологии раннего железного века ИА НАНУ, особенно С. Бессоновой, С. Полину, Е. Черненко (†), способствовавшим поискам аналогий для тех или иных находок из БРК, в) иным специалистам, консультирующим нас по вопросам, связанным с рыжановскими древностями: М. Скржинской (Институт археологии НАН Украины), А. Щеглову (†) (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры), проф. П. Александреску (Румыния, Бухарест, Институт археологии), д-ру В. Лунгу (Румыния, Тульча, Исследовательский институт Эко-музея), д-ру Р. Георгиевой (Болгария, София, Институт фракологии).

В силу определённых причин, объективного и субъективного характера, монографическое издание БРК, к сожалению, откладывалась, и работа над рукописью книги неоднократно прерывалась.

Со времени исследования этого погребального памятника, в степной полосе Евразии в целом, в том числе Северном Причерноморье и на Кубани, были раскопаны и изданы в виде книг (или опубликованы ранее исследованные) замечательные памятники кочевой аристократии скифского времени. В степной части Южной Сибири — это Аржан 2 с его выдающимися находками (Аржан 2004; Чугунов, Парцингер, Наглер 2004; Čugunov, Parzinger, Nagler 2006; 2010), в Южном Приуралье — элитный некро-

поль Филипповка 1 (*Яблонский 2014*), в Северном Причерноморье — курган Блинец-2, в Днепровском Правобережном Надпорожье (*Ромашко, Скорый 2009*). Помимо этого монографически были опубликованы материалы ранее исследованных курганов скифской элиты — Бабиной, Водяной, Соболевой Могил (*Мозолевский, Полин 2005*), Братолюбовского кургана (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв 2009*), Гаймановой Могилы (*Бидзиля, Полин 2012*), захоронений знати Золотобалковского курганного могильника (*Полин 2014*), Бердянского кургана (*Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017*) в Нижнем Поднепровье, Трёхбратних курганов (*Бессонова, Быковская, Детерлинг и др. 2008*), группы Юз-Оба (*Бутягин, Виноградов 2014*) в Крыму, Ульских курганов (*Ульские курганы 2015*) в Прикубанье. В последнее время достаточно детально изучаются материалы из знаменитого кургана Куль-Оба в Крыму (*Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014*). После проведённого археологического доисследования (С. Полин) изданы материалы царского Александропольского кургана (Луговой Могилы) (*Полин, Алексеев 2018*).

Представляется, что в силу возросшего интереса к погребальным памятникам элиты скифского времени в целом, издание материалов Большого Рыжановского кургана, принимая во внимание практически полную сохранность этого комплекса, его географическую локализацию (южная часть Днепровской Правобережной Лесостепи), ряд своеобразных черт архитектуры и погребального обряда, а также поздние хронологические позиции памятника, представляется более чем актуальной³.

³ Фотоиллюстрации к данной монографии выполнены в основном профессором **Яном Хохоровским**. Несколько фотографий любезно представили **Михаил Трейстер** (Бонн) и **Андрей Чекановский** (Киев). Фотосъёмку находок XIX в. из Большого Рыжновского кургана, хранящихся в Краковском археологическом музее, осуществила **Агнешка Урсул** (Краков). Рисунки многих вещей подготовили художники Института археологии Ягеллонского университета **Уршуля Соха** и **Уршуля Бак**, которым авторы данной работы выражают сердечную благодарность.

Глава I.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА

Большой Рыжановский курган (БРК) находился примерно в 4,5 км к Ю от современного с. Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской обл., в южной части украинской Правобережной Лесостепи (рис. I).

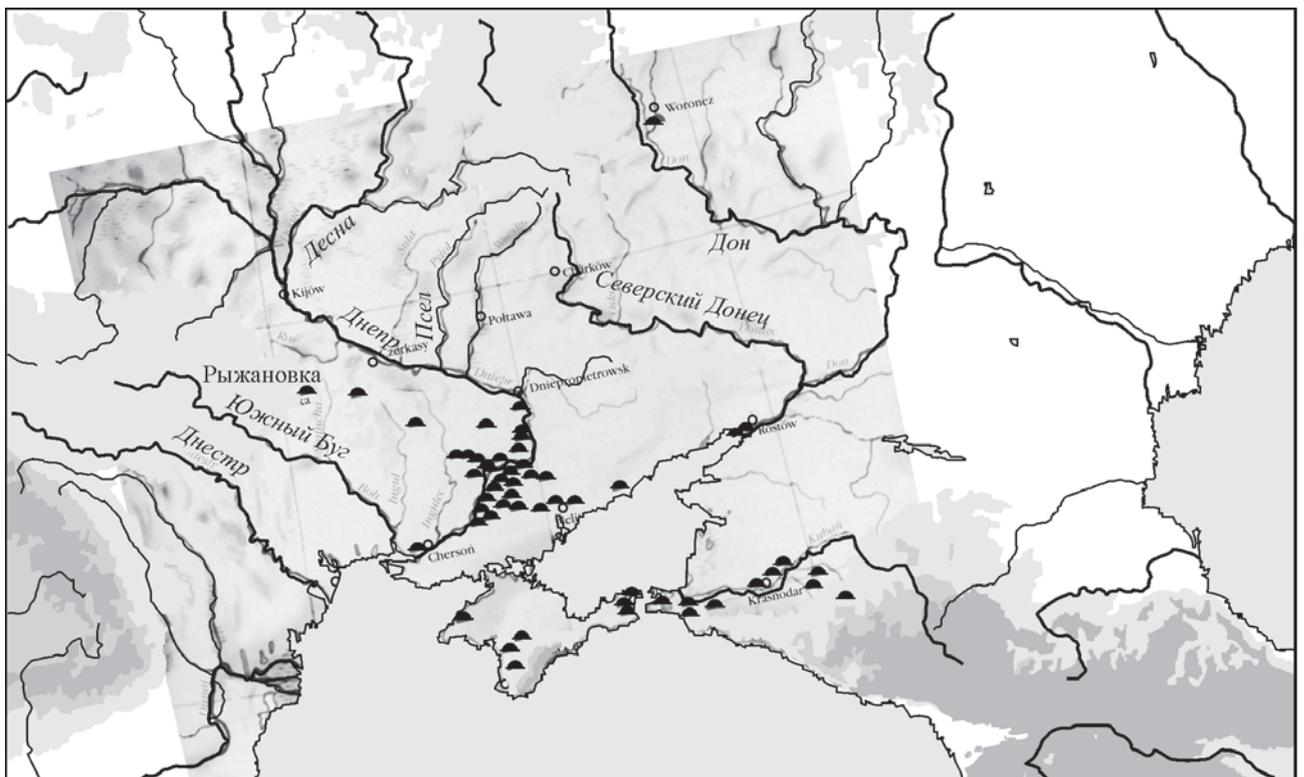

Рис. I. Локализация Большого Рыжановского кургана (БРК)
на карто-схеме Северного Причерноморья

Входил в состав небольшого могильника (насчитывающего в 80-х гг. XIX в. 21 насыпь), имеющего вид цепочки вдоль просёлочной дороги, ведущей из упомянутого села в соседнее с. Кобриново (рис. II).

Курганный могильник располагался на высоком, слабо волнистом, узком (ширина 1-1,5 км) плато длиной до 12 км, протянувшемся с СЗ на ЮВ. На В его склоны понижаются к руслу ручья Никуда и речушки Мокрое болото, на З – к руслу ручья Мокроболотного, текущего со стороны с. Павловка к с. Кобриново. Русла обеих ручьёв и речки

образуют удлинённые, узкие долины, называемые ярами (рис. III). Уровень этих яров располагается ниже относительно уровня плато на 20 м и более.

Описанное плато доминирует над окружающей местностью (самая высокая точка – 238 м над уровнем моря), открывая перспективу обзора на Ю, В и З на расстояние до 20 км.

В древности здесь проходили сухопутные коммуникации, вдоль которых группировались курганные могильники. Наиболее ранние из них относятся к эпохе бронзы. В частности, среди исследованных захоронений известны могилы среднеднепровской культуры (см., например: *Бунятян, 2005, с.28-31*).

Ныне поверхность плато распахивается, и здесь высаживаются различные сельскохозяйственные культуры.

Район Рыжановки располагается в междуречье Гнилого и Горного Тикича (правых притоков р. Синюха, впадающей в Южный Буг), являющегося, исходя из современного географического районирования, южной частью Приднепровской возвышенности (*Діброва 1958, с.30*). По физико-географическим условиям этот район относится к Центральной (Правобережной) провинции Украинской Лесостепи (*Чижов 1961, с.117*). В ландшафтном отношении он представляет собой волнистую, лёссовую равнину (равнинно-волнистый тип местности) (*Чижов 1961, с.36*), расчленённую большим количеством яров и балок.

На указанной территории островки лиственного леса с преобладанием дуба и граба встречаются преимущественно по долинам и балкам. Участки разнотравно-луговых степей и ныне достаточно велики. Последнее неудивительно, поскольку район Рыжановки располагается на небольшом расстоянии от собственно степной зоны, примерно в 100-120 км к С. Несмотря на то, что южная граница украинской Лесостепи, по мнению некоторых почвоведов и геологов, не была неизменной (см. например, по этому поводу: *Доватур, Каллистов, Шишова 1982, с.239-240*), её чаще всего помещают по линии современных городов Балта – Кировоград – Кременчуг – Полтава – Харьков (*Діброва 1958, с.96*).

Климат Правобережной Лесостепи умеренно тёплый с достаточным увлажнением (ныне средняя температура июля + 21° С, осадки – не менее 500 мм в год). По своим климатическим особенностям Приднепровская возвышенность находится в наилучших условиях по сравнению с иной частью лесостепной зоны.

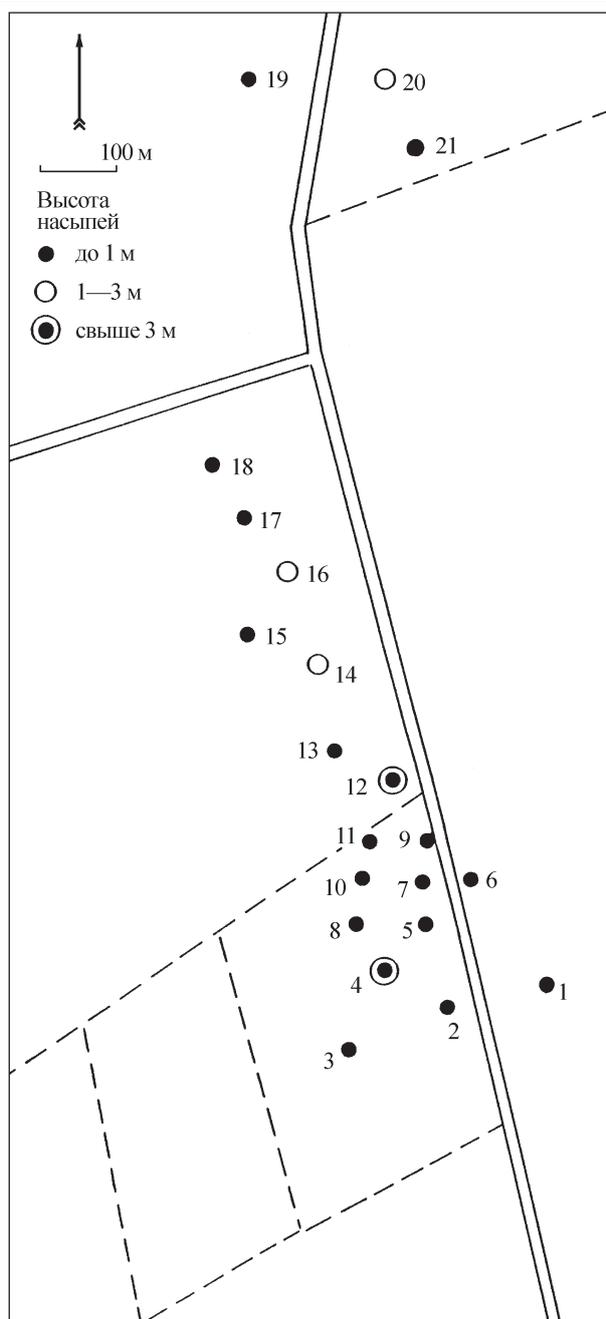

Рис. II. Курганный могильник у с. Рыжановка: насыпь 4 — Большой Рыжановский курган, по материалам Г. Оссовского

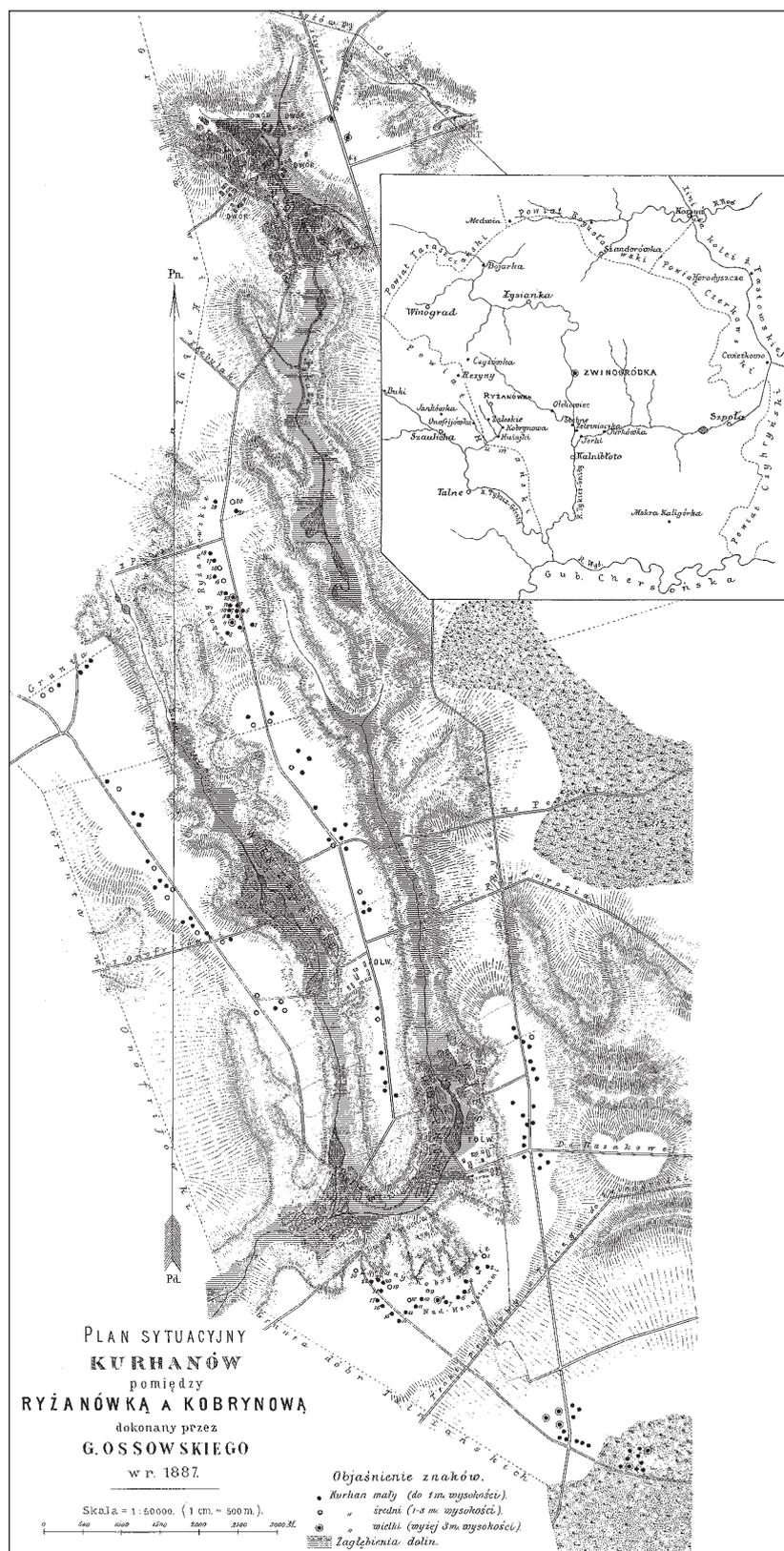

Рис. III. План курганных групп между сс. Рыжановка и Кобринowo (по Ossowski 1888a, tabl. I)

источников – создавали хорошие условия для занятий земледелием и животноводством и в целом могли способствовать сосуществованию двух хозяйственных укладов – оседлого и кочевого.

Почвы здесь, в основном, глубокие луговые чернозёмы, реже – подзолистые (Діброва 1958, с.114; Бучинский 1963, с.61, 231, 234). Глубокие чернозёмы образовались на местах бывших в древности степных участков с богатым разнотравьем (Чижов 1961, с.77).

Данные палеоклиматических, палеоботанических, палеозоологических и иных исследований свидетельствуют о том, что зона Лесостепи, в отличие от степного ареала, подвергалась климатическим изменениям в меньшей степени. В целом же, при реконструкции природно-климатической ситуации на территории Украины в древности, отмечается, что холодный, сухой климат, имевший место в XIII-VIII вв. до н.э., с 1-ой половины VII в. до н.э. (т.е. в начале скифской эпохи) сменился достаточно тёплым, влажным климатом, бытовавшим на протяжении всего скифского периода и в последующее время (Иевлев 1989, с.54-55; Иевлев 1991, с.21-22), что в полной мере касается Правобережной Лесостепи.

Таким образом, природные условия Правобережной Лесостепи и территории Приднепровской возвышенности, к которой относится и междуречье Гнилого и Горного Тикича (где располагается БРК) – благоприятный климат, плодородные почвы, сочетание лесных и степных массивов, наличие водных

Глава II.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

II.1. Полевые исследования кургана

Начало исследованиям Большого Рыжановского кургана (БРК) положили небольшие любительские работы, осуществлённые на памятнике в 80-х гг. XIX в. молодым поляком, Юлианом Талько-Гринцевичем (впоследствии – известный польский антрополог, член Антропологической и Археологической комиссии Польской Академии Знаний (Umiejętności) в Кракове, профессор Ягеллонского университета) (*Blombergowa 1989, s.273*) (рис. IV).

История их такова. После окончания учёбы в Киеве, Ю. Талько-Гринцевич имел врачебную практику в местечке Звенигородка Киевской губернии. Он заинтересовался

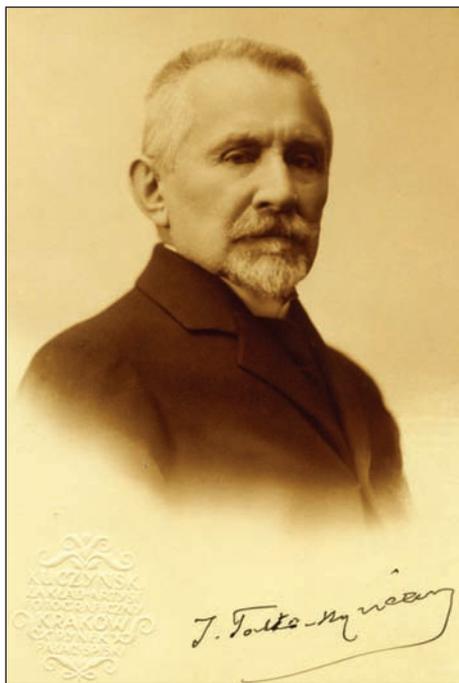

Рис. IV. Юлиан Талько-Гринцевич
(1850—1936)

большим курганом, который располагался на земле его двоюродного брата, помещика Енджея Гринцевича. Высота кургана в то время достигала 7,56, диаметр – около 30 м (рис. V). В мае 1884 г. с помощью крестьян-землекопов Ю. Талько-Гринцевич разрезал насыпь большого кургана двумя двухметровыми взаимно перпендикулярными траншеями с С на Ю и с В на З до «глинистого материка»⁴.

В восточной траншее, в насыпи, был найден железный наконечник копья, на уровне дна траншеи – бараньи рога, угли. В западной траншее, на самом дне, зафиксировано скопление конских костей (от лошадей двух пород), обломки двух больших красных амфор и керамический кружок-фишка (*Talko-Hryncewicz 1913, s.50*).

В месте пересечения траншей, в центре, был открыт слой материковой глины, в сечении – в виде материкового конуса.

Учитывая находки конских костей и амфорного боя в западной траншее и надеясь найти здесь могилу, Ю. Талько-Гринцевич углубил её в материк на 0,70 м.

Поскольку следы могилы отсутствовали, работы на кургане были прекращены, но траншеи остались незасыпанными (*Talko-Hryncewicz 1913, s.50*).

⁴ На самом деле они не столь строго ориентированы по сторонам света. См. глава III. 2.

Рис. V. Вид рыжановских курганов в XIX в. (по Ossowski 1888a, fig. 2)

В таком состоянии курган находился в течение трёх лет. Весной 1887 г., вследствие таяния снега и значительного половодья, в западной траншее просела земля, и образовался провал, в котором было видно горло амфоры. Местные крестьяне из близлежащих сёл Рыжановка и Залесское, которые время от времени занимались кладоискательством на этом кургане, стали искать в провале клад. Один из них, некто Андрей Маслюк, раскапывая яму по ночам, вытащил упомянутую амфору, а также бронзовую миску, зеркало, шпильку и 3 золотых украшения женского головного убора. Копая дальше, Маслюк обнаружил человеческий череп, который рассыпался в его руках. Это обстоятельство испугало крестьянина, и он прекратил дальнейшие «раскопки». Найденные вещи А. Маслюк отнес в рыжановскую усадьбу. Они были приобретены Ю. Талько-Гринцевичем (приехавшим в Рыжановку и осмотревшим курган), и при его посредничестве переданы в Краков, в Академию Знаний, а позже – в Краковский археологический музей⁵. При этом Ю. Талько-Гринцевич обратился с просьбой в указанное учреждение прислать в Рыжановку «делегата» Археологической комиссии «для извлечения из могилы оставшихся предметов» («wydobycia z mogili rozostaiych przedmiotyw»). Талько-Гринцевич сообщал также, что будет охранять «раскопанный курган от грабежа» («od grabieży kurhan rozkopany») (Talko-Hryniewicz 1923, s.181).

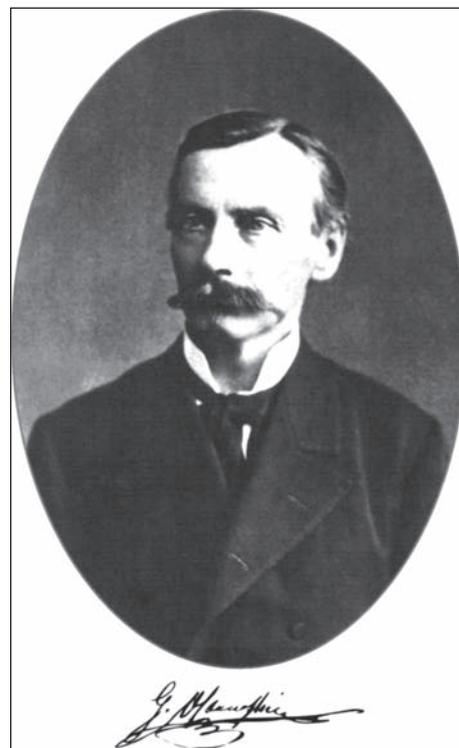

Рис. VI. Годфрид Оссовски (1835—1897)

Следует сказать, что слух о находке А. Маслюком в большом кургане древних предметов распространился среди жителей Рыжановки, и были предприняты попытки дальнейших «раскопок» ямы, впрочем, закончившиеся безуспешно. Местные крестьяне обнаружили лишь 2 золотые подвески (?), утерянные Маслюком.

Суеверные представления о том, что клад охраняет злой дух, глубина ямы в несколько метров, а главное – разлагающийся труп лошади (случайно упавшей ночью в яму и умершей там) сделали дальнейшие работы кладоискателей невозможными.

⁵ История исследований Большого Рыжановского кургана и передачи артефактов, найденных в Боковой могиле в собрание Краковского археологического музея, в определённой степени отражена в недавно опубликованной статье Я. Рызевского (Rydzewski 2016).

В конце сентября 1887 г. в Рыжановку прибыл геолог и археолог Годфрид Оссовски, направленный Археологической комиссией Академии Знаний, членом которой он являлся⁶ (рис VI). Осмотрев яму на большом кургане (а Г. Оссовски стал именовать его «Большой Рыжановский курган»), он пришел к выводу, что она представляет собой погребальную камеру (крипту) катакомбной могилы. Поскольку вход в неё, по мнению Г. Оссовского, располагался с северной стороны насыпи, он решил раскопать северо-западный участок кургана, параллельно с исследованиями самой погребальной камеры. Работы Г. Оссовски проводил совместно с Ю. Талько-Гринцевичем, используя в качестве землекопов местных крестьян (*Talko-Hryniewicz 1923, s.183; 1930, s.185-191*).

Раскопщики проникли в погребальную камеру сверху, через яму, которая образовалась после провала свода камеры. При расчистке её, в южной части, у стены, был обнаружен скелет женщины. Все кости (за исключением черепа, ранее вытасченного А. Маслюком) располагались *in situ*. Покойная сопровождалась обилием личных украшений из золота и серебра, и многими иными вещами, в частности разнообразной посудой – керамической, бронзовой, серебряной и пр. Всего было найдено 473 предмета, 449 из которых были выполнены из золота (в основном являлись аппликациями парадной одежды), 24 – из серебра.

Характер вещей, обнаруженных в погребении, позволил Г. Оссовскому трактовать его в качестве захоронения знатной скифской женщины (см. об этом далее: параграф 2 б).

Следует подчеркнуть чрезвычайную важность еще одного мероприятия, осуществленного Г. Оссовским в период его пребывания в Рыжановке. Польский исследователь произвел съёмку плана (и – как в дальнейшем выяснилось – очень точную!) курганных групп в районе с. Рыжановка, в том числе, на водоразделе к Ю от села, по направлению в с. Кобриново. На этом плане великолепно видно, что ряд курганных групп располагается вдоль дорог, которые, по-видимому, существовали в глубокой древности, в том числе – в скифскую эпоху (рис. III). Группа, в которую входил Большой Рыжановский курган, состояла, как уже отмечалось ранее, из 21 насыпи, вытянувшихся цепочкой с С на Ю. По нумерации Г. Оссовского, БРК был обозначен под № 4 (рис. II).

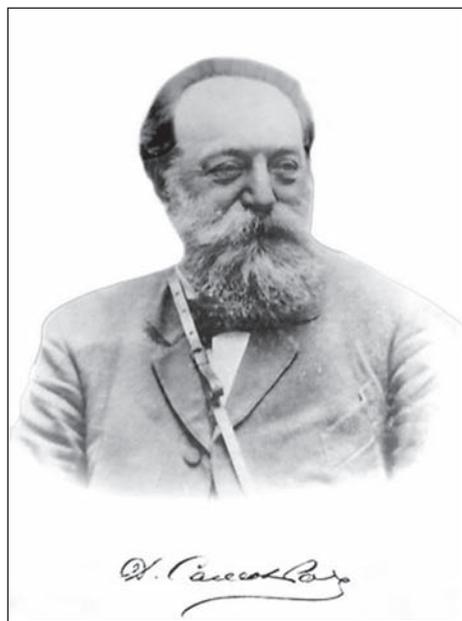

Рис. VII. Дмитрий Самоквасов (1843—1911)

Нужно сказать, что Г. Оссовски, помимо работ, произведенных на БРК, раскопал еще одну небольшую насыпь, расположенную к СВ от него (№ 5), содержащую, по крайней мере, 3 погребения: 1 – эпохи бронзы, 1 – чернолесско-жаботинского времени, 1 – раннескифской поры.

Открытие в 1887 г. великолепных находок в БРК, имеющих важное значение для изучения скифской эпохи, побудило Императорскую Археологическую комиссию (Санкт-Петербург) предложить известному археологу, профессору Московского и Варшавского университетов Дмитрию Самоквасову произвести раскопки некоторых иных курганов в районе Рыжановки (рис. VII). На указанные работы ему было отпущено до 800 рублей (по тем временам – весьма значительная сумма).

⁶ Готфрид Оссовски (1835-1897) – один из ярких представителей польской науки, «непокойный дух археологии XIX века» – как образно охарактеризовал его один из авторов данной монографии, профессор Ян Хохоровски. О Готфриде Оссовском см.: *Godfrid Ossowski... 1997; Chochorowski 2016; 2016a, s. 333-337*.

В 1890 г. Д. Самоквасов осуществил раскопки 11 курганов: 9 в той же курганной группе, на водоразделе, где располагались курганы №№ 4-5 (по нумерации Г. Оссовского), и двух больших курганов, находящихся к СЗ от с. Рыжановка, по дороге в с. Чижовка. Сведения о раскопках перечисленных курганов были помещены в двух работах, вышедших в 1893 и 1908 гг. (*ОАК за 1890, с.51-59; Самоквасов 1908, с.82-84*).

Надежды Императорской Археологической комиссии и самого Д. Самоквасова обнаружить в иных рыжановских курганах ценные вещи, подобные найденным в катакомбе БРК, не оправдались. Все 4 погребения скифского времени (одно – 2-ой половины – конца VII в. до н.э., 3 – скорее всего, IV-III вв. до н.э.), открытые им в раскопанных курганах, в том числе – во втором большом (высотой 7,1, диаметром более 27 м) на водоразделе кургане (№ 12), оказались ограбленными.

Осуществить же полное доисследование БРК Д. Самоквасов не смог, т.к. истратил на раскопки упомянутых 11 курганов практически все, имеющиеся в его распоряжении средства, о чём ученый писал в своем отчете Археологической комиссии 15 января 1891 г. (*ОАК за 1890, с.54*).

Тем не менее, производя раскопки курганов близ Рыжановки в 1890 г. Д. Самоквасов всё же осуществил небольшие работы на БРК. Сохранившиеся в литературе сведения о характере этих мероприятий несколько противоречивы. В одной из работ (Отчёт об исследованиях в с. Рыжановка) отмечается, что Д. Самоквасов сделал «проверочную раскопку земли, выброшенной в 1887 г. из катакомбы большого кургана» (*ОАК за 1890, с.54*). При этом в ней было найдены: железный окисленный предмет – «вроде нижней части гвоздя», 2 фрагмента тонкого сосуда из «электрона, может быть от металлического ведра», обломок золотой узорчатой бляхи с «цветочным орнаментом», круглая ажурная бляшка с крестовидным орнаментом, 5 золотых круглых бляшек в виде семилепестковой розетки, одна маленькая золотая круглая бляшка с 16-лепестковой розеткой и 2 обломка «узорчатой золотой бляшки» (*ОА за 1890, с.54, рис.№№ 21-23; Самоквасов 1908, с.81, рис.33*).

Из другой, более поздней работы Д. Самоквасова, следует, что он не ограничился пересмотром земли, выброшенной в 1887 г. из катакомбы, а произвёл, помимо этого, следующие работы: «...выкопал пробные ямы в СЗ-части насыпи и со всех сторон, где указаны траншеи на рисунках г. Оссовского, откопал дно катакомбы, заваленной новыми обвалами стенок насыпи, оставленных с СВ и Ю сторон раскопкою 1887 г. почти в вертикальном положении, осмотрел ход в катакомбу, оставленный раскопкою 1887 г. неоткопанным» (*Самоквасов 1908, с.79*). Как мы увидим далее, далеко не всё соответствует истине в этой информации Д. Самоквасова.

Определённое возрождение археологического интереса к судьбе Большого Рыжановского произошло почти через столетие после первых на нём работ. В 1983 г. сотрудники Лесостепной Правобережной экспедиции Института археологии АН УССР, скифологи, Г. Ковпаненко и один из авторов настоящей работы (С. Скорый), проводя разведки в зоне строящегося газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород», в бассейне р. Тясмин, параллельно осмотрели ряд памятников в междуречье Гнилого и Горного Тикича, в частности известный Неморожский курганный могильник и курганы к Ю от с. Рыжановка, на водоразделе. Внимание было обращено на 3 кургана, насыпь одного из которых, ориентировочной высотой до 5,0, диаметром до 40 м, не подвергалась распахке. В научном Отчёте о работе экспедиции эти курганы были интерпретированы, как часть курганного могильника, на котором проводили работы Г. Оссовски и Д. Самоквасов. Была высказана версия, что одна из насыпей может быть останцом БРК (*Ковпаненко, Скорый, Бессонова 1983, с.54*).

В декабре 1994 г. один из авторов настоящей работы (С. Скорый), находясь в научной командировке в Кракове (Институт археологии Ягеллонского университета), осмо-

трел вместе с другим автором (Я. Хохоровским) в Краковском археологическом музее коллекцию вещей из рыжановской катакомбы, некоторые из которых находились в экспозиции, но большая часть (изделия из драгоценных металлов) хранились в фондах.

Именно тогда у нас возникло предположение: не является ли наиболее крупная насыпь, расположенная на водоразделе, к Ю от Рыжановки, осмотренная в 1983 г. сотрудниками Лесостепной Правобережной экспедиции, Большим Рыжановским курганом? К тому же, как выяснилось, этот курган, как самый крупный из сохранившихся в районе Рыжановки, был нанесён на крупномасштабной (1: 200 000), ранее секретной карте Черкасской области.

С целью проверки версии о существовании БРК, 12 мая 1995 г. нами, а также В. Григорьевым, начальником экспедиции Археологической инспекции управления культуры Черкасской областной государственной администрации, был осуществлен выезд в Рыжановку и обследование сохранившихся курганов на водоразделе, к Ю от села (*Chochorowski, Skoryj 1995, s.124-125, rys.3; № 8*).

При осмотре курганов, помимо нас, присутствовали: председатель колхоза «Украина» (на землях которого находятся памятники) В. Швец, председатель сельсовета с.Рыжановка Е. Семенченко, зампредседателя Звенигородского райисполкома В. Петрушевец (рис. VIII – X).

Соотнесение выполненного в масштабе плана курганной группы (Г. Оссовского) с реально сохранившимися 9 насыпями могильника позволило отождествить 2 насыпи с изображенными на плане Г. Оссовского курганами №№ 4 и 12.

Рис. VIII. Осмотр рыжановского могильника 12 мая 1995 г.

Рис. IX. На вершине Большого Рыжановского кургана. Слева направо: Я. Хохоровски, Е. Семенченко, В. Петрушевец, В. Швец. 12 мая 1995 г.

Рис. X. На Большом Рыжановском кургане. Слева направо: В. Григорьев, С. Скорый, В. Петрушевец

Идентификация памятников сомнений не вызывала: 1) реальное расстояние от предполагаемого кургана № 4 (Большого Рыжановского) до поворота на с. Павловка полностью совпадало с расстоянием, показанным на плане Г. Оссовского, 2) точно также совпадало расстояние между указанным курганом и предполагаемым курганом № 12 с расстоянием между этими курганами, приводимом на упомянутом плане, 3) предполагаемый курган № 4 являлся самым крупным из сохранившихся, что соответствовало сведениям Г. Оссовского и Д. Самоквасова о БРК, 4) с западной стороны насыпь названного кургана имела оплывшую западину, и это вполне совпадало с данными о нарушении этой части насыпи БРК.

В ходе обследования курганов было осуществлено их фотографирование (рис. XI) и съёмка на видеокамеру.

О результатах нашего осмотра курганов у с. Рыжановка и идентификации одного из них с известным Большим Рыжановским курганом было сообщено дирекциям Ин-

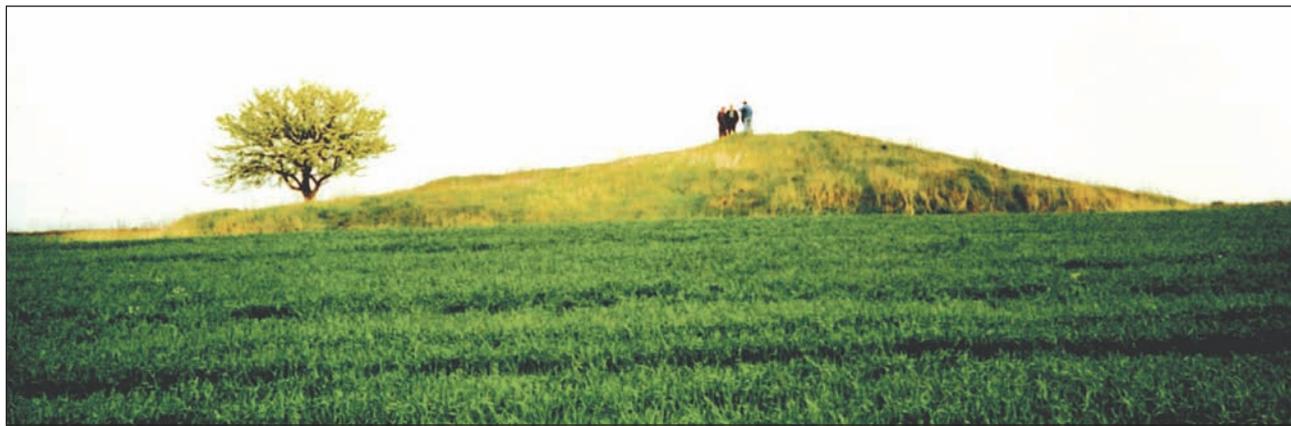

Рис. XI. Большой Рыжановский курган. 12 мая 1995 г. Слева – груша «Оссовского»

ститута археологии НАН Украины и Института археологии Ягеллонского университета, сотрудниками которых мы являемся.

В 1995 г. начались стационарные раскопки БРК, которые, как уже отмечалось во Введении, заняли 4 полевые кампании (1995-1998 гг.) и, соответственно, имели 4 основных этапа.

Первый – 1 июля – 10 августа 1995 г. В ходе его были решены следующие задачи: осуществлена инструментальная съёмка насыпи кургана (рис. 1), удалена западная половина его насыпи, основательно нарушенная и мало что дающая для изучения её структуры, получен полный профиль кургана, вновь открыта и доисследована Боковая могила - катакомба (БМ БРК), обнаружено пятно Центральной могилы (ЦМ БРК), произведена консервация кургана до следующего полевого сезона.

В процессе изучения центрального профиля кургана была получена определённая информация об устройстве насыпи, зафиксированы траншеи Ю. Талько-Гринцевича 1884 г. и глубинные материковые выкиды из ЦМ БРК, имеющие в профиле вид усечённого конуса.

В ходе раскопок БМ БРК выяснилось, что в деталях она существенно отличается от могилы, изображенной на плане в работах Г. Оссовского, хотя, в общем, по размерам и общей планировке реальный вид могилы совпадет с планом, выполненным польским исследователем. Помимо этого, в дромосе были выявлены остатки сопровождающего погребения – девочки, а также обнаружен ряд предметов, не замеченных в процессе работ в катакомбе Г. Оссовским (в частности, золотые украшения). Среди них наиболь-

шую ценность представляет золотой перстень со щитком – пантикапейским золотым статером, третий найденный в этой могиле.

При горизонтальной зачистке открытой подкурганной поверхности были обнаружены следы шурфов, сделанных Д. Самоквасовым в 1890 г. Их расположение свидетельствовало о том, что в боковую могилу исследователь не попал.

Второй этап – 26 июня – 13 августа 1996 г. Основной целью этого полевого сезона являлись раскопки Центральной могилы БРК, что удалось осуществить вполне успешно. Могила представителя скифской элиты оказалась неограбленной.

Помимо этого, было начато исследование восточной части насыпи кургана. Учитывая её хорошую сохранныость, решено было производить разборку поперечными секторами шириной по 5 м каждый, расположенными перпендикулярно центральному профилю кургана. Восточная половина насыпи была разделена на 6 секторов. При этом в ходе удаления каждого сектора, контрольные бровки, как это принято обычно, не оставлялись, а вертикальные профили каждого из секторов тщательно зачищались. Подобный подход позволил в данном конкретном случае: а) более детально изучить устройство насыпи, чем при условии снятия её продольными траншеями с оставлением бровок, б) грунт с восточной половины насыпи перемещать на уже изученную западную половину подкурганной поверхности, что представлялось вполне рациональным, учитывая запланированное восстановление насыпи на месте БРК после исследования данного памятника.

В 1996 г. были удалены первые 2 сектора – северный и южный. В этом же полевом сезоне было начато исследование кольцевого рва (СВ часть).

Третий этап – 27 июля – 30 августа 1997 г. В ходе его выполнялись 3 задачи. Основной из них было полное удаление восточной половины насыпи БРК секторами по оси В-3. После осуществления этой операции, вручную был расчищен останец материкового выкида из Центральной могилы БРК. Северная часть его была основательно повреждена траншеей Ю. Талько-Гринцевича (1884 г.) и обширным шурфом, сделанным в ходе работ на кургане Д. Самоквасова (1890 г.). При подчистке останца, у его основания и сверху на поверхности, обнаружены немногочисленные кости животных, являющиеся остатками тризны. После разнообразной фиксации останца, он был полностью вручную удалён лопатами, и осуществлена проверка древней поверхности под выкидом.

Было продолжено исследование кольцевого рва (раскопана его ЮВ часть).

Четвертый этап – 26 июня – 24 июля 1998 г. Последний полевой сезон предусматривал завершение исследования кургана и восстановление его насыпи с целью сохранения исторического ландшафта данного района Днепровской Правобережной Лесостепи.

Окончанием раскопок кольцевого рва (западная половина) было завершено полевое исследование памятника. Следует сказать, что столь продолжительные его раскопки (в течение 4-х полевых сезонов) объяснялись двумя обстоятельствами: 1) расположением вокруг кургана поля, принадлежащего крестьянскому коллективному предприятию с. Рыжановка, на котором к моменту раскопок, как правило, ещё не убирался урожай, 2) стремлением в ходе изучения подкурганной поверхности параллельно восстанавливать насыпь кургана, что не позволяло также раскрыть ров сразу по всей поверхности, а лишь передвигать отвал в пределах бывшей подкурганной поверхности, на уже исследованные участки. Для удобства фиксации находок и изучения стратиграфии ров был разделён на 44 сектора (каждый длиной, как правило, 3 м), в ходе выборки которых вертикально зачищались профили почти каждого сектора (всего – 41 профиль).

Насыпь БРК была восстановлена с помощью бульдозера точно на месте подкурганной поверхности, до высоты 8 м и диаметре до 45 м, т.е. примерно размеров, которые имел этот памятник в 80-х гг. XIX в., когда на нём начались первые полевые исследования.

Следует также отметить, что в 1997 г., параллельно с работами на БРК, было осуществлено раскопки еще трёх курганов группы, в которую входил Большой Рыжановский курган. Два из них (№№ 2, 7, по нумерации Г. Оссовского) были целиком распаханы и, по сути, не содержали следов погребений. Их местоположение было определено по плану Г. Оссовского. В районе кургана № 7, в пахотном слое, найден обломок веничка лепного горшка, который ориентировочно может быть отнесён к VII-VI вв. до н.э. Курган № 3, несмотря на ограбление, содержал могилу с парным захоронением и довольно выразительный набор вещей, позволивший датировать её в рамках 350-329 гг. до н.э. (*Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski 1998, s.89-95*).

II.2. Большой Рыжановский курган в научной литературе (в основном до 1995 г.)

а) Общая оценка научных работ, касающихся БРК

Открытие Боковой неограбленной могилы с останками знатной скифянки в Большом Рыжановском кургане (далее – БМ БРК), а главное – очень оперативная и качественная публикация этих материалов на польском и французском языках Г. Оссовским, снабжённая планами и разрезами кургана и катакомбы, а также великолепно выполненными рисунками (*Ossowski 1888, s.1-30; 1888a; 1889, s.13-14*) вызвали буквально сразу же большой интерес у археологической общественности, прежде всего – российской, к этому неординарному погребальному памятнику скифской эпохи, что нашло отражение в научной литературе.

Свидетельство тому – 2 события (следующего, после публикации материалов) 1889 г. Об одном из них сообщает печатный орган Московского археологического общества (МАО) «Древности». Суть его – в избрании Г. Оссовского членом-корреспондентом этой известной в России научной археологической институции, что, несомненно, свидетельствует о признании российскими (в частности – московскими) археологами заслуг польского исследователя. При баллотировании в МАО Г. Оссовски представил на русском языке реферат о своих исследованиях БРК, снабжённый иллюстрациями. Краткое изложение реферата, а также ход обсуждения кандидатуры Г. Оссовского отражены в одном из томов «Древностей» (*Древности 1889, с.63-64*). Второе событие – использование сведений об открытии в Рыжановке (хотя и в очень кратком изложении) в фундаментальном труде «Русские древности в памятниках искусства» (вып.2. Древности скифо-сарматские), издаваемом И. Толстым и Н. Кондаковым (*Толстой, Кондаков 1889, с.125-126*).

Но, разумеется, ознакомлению широких археологических кругов, в том числе российских археологов, изучавших скифские древности, способствовали, прежде всего, републикации рыжановских материалов, осуществлённые в трудах А. Бобринского и Д. Самоквасова (последний, как мы знаем, имел самое непосредственное отношение к исследованию курганных древностей у села Рыжановка).

Председатель Императорской Археологической комиссии (Санкт-Петербург) граф Алексей Бобринский в 1890 г. специально посетил Краков с целью непосредственного ознакомления с рыжановскими находками, хранящимися в музее Польской Академии Знаний (*Umiejętności*). Очевидно, тогда же были заказаны или выполнены «превосходные», по определению Д. Самоквасова, цветные рисунки подавляющего большинства вещей из БМ БРК, помещённые А. Бобринским вместе с полным переводом текста Г. Оссовского во 2-ом томе капитального издания «Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы» (*Бобринской 1894, с.138-148*).

Д. Самоквасов в своём основном труде «Могилы Русской земли» привёл сокращённый перевод статьи Г. Оссовского, опубликованной в 1888 г. в журнале «Zbiór wiadomości Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności», снабдив его иллюстрациями, касающимися плана курганного могильника у с. Рыжановка, устройства БРК и открытой могилы (по Г. Оссовскому), а также рисунками большинства найденных в ней вещей. Републикация чертежей (планов, разрезов) была важна, поскольку А. Бобринской не привёл их в своём издании (*Самоквасов 1908, с.71-82*)⁷.

Собственно говоря, эти две публикации, по сути, явились на долгие годы основными источниками по БМ БРК для восточноевропейских специалистов-скифологов. Д. Самковасов, осуществивший небольшие работы на БРК (об этом писалось ранее: гл. II, 1), а также, владея, по его словам, сведениями «по истории исследования Большого Рыжановского кургана» (полученным им, якобы, от владелицы одной из усадеб в районе Рыжановки г-жи Гриельской, а также Е. Гринцевича и крестьян, «открывших катакомбу», впоследствии поступивших к нему на работу), счёл возможным поставить под сомнение сущность археологических работ, произведённых на БРК польскими исследователями Ю. Талько-Гринцевичем и Г. Оссовским⁸.

Претензии Д. Самоквасова сводились к следующему: 1) Ю. Талько-Гринцевич в 1884 г. взаимоперпендикулярных траншей на БРК не делал, а соответственно материкового выкида («конусообразная насыпь из глины в центре подошвы насыпи кургана») не видел: это последующие «домыслы» Г. Оссовского; 2) БМ БРК была обнаружена крестьянами случайно при поиске в кургане кладов; Г. Оссовски в 1887 г. в ней работ не производил, а лишь собрал вещи из могилы, попавшие в руки крестьян и А. Гринцевича; 3) Чертежи кургана и могилы, сведения о расположении женского костяка и вещей в могиле являются фальсификацией (*Самоквасов 1908, с.79-80*).⁹ Как мы знаем, эти обвинения (во всяком случае, касающиеся траншей Ю. Талько-Гринцевича 1884 г. и работ Г. Оссовского в 1887 г. в БМ БРК) оказались незаслуженными и в ходе работ по доисследованию БМ БРК в 1995 г. были полностью сняты.

Наряду с упомянутыми «обвинениями», Д. Самоквасов привёл некоторые сообщения, которые явно заслуживали внимания. Так, он указывал, что часть изделий из драгоценных металлов, первоначально содержащихся в могиле, могла попасть в руки крестьян ещё до того, как с ними ознакомился Г. Оссовски: наше изучение сохранившегося инвентаря из БМ БРК, похоже, подтверждает это предположение (см. об этом в гл. II, 2). Но важнейшим из них, конечно, было мнение (впервые высказанное им ещё в Отчёте Императорской Археологической комиссии за 1890 г.) о том, что поскольку на БРК были произведены весьма небольшие работы и только с западной стороны, совершенно нельзя исключать, что под насыпью находятся ещё гробницы. Для этого – указывал исследователь – необходимо снести «всю насыпь кургана до материковой глины» (*Самоквасов 1908, с.82*). Автор сетовал, что со времени его работ в Рыжановке (1890 г.) прошло 17 лет, «а курган остаётся недоисследованным». При этом Д. Самоквасов вся-

⁷ Показательна оценка этих публикаций Д. Самоквасовым, видевшим в них «... превосходную научную обработку древностей... могущую быть образцом для работы этого рода (выделено нами – С.С., Я.Х.)» (*Самоквасов 1908, с.78*).

⁸ Примечательно, что в краткой информации об его исследованиях на БРК, помещённой в Отчёте Императорской Археологической комиссии в 1893 г., у Д. Самоквасова нет никаких сомнений на этот счёт (*ОАК за 1890, с.51-54*). Речь тогда лишь шла о «замечательных древностях, открытых в 1887 г. в одном из курганов у села Рыжановки».

⁹ К сожалению, Г. Оссовски никак не мог отреагировать на эти обвинения, поскольку умер за 11 лет до появления их в печати, в 1897 г.

чески подчёркивал мысль о том, что БРК занимает «исключительно важное место в русской археологии» (*Самоквасов 1908, с.82*). Как известно, призыв Д. Самоквасова не был услышан Императорской Археологической комиссией. Впоследствии, пожалуй, ещё лишь раз, в 1931 г., на факт недоисследованности кургана указал известный русский учёный, академик М. Ростовцев (*Rostowzew 1931, S.402*), который ранее назвал его «знаменитым золотым ... курганом» (*Ростовцев 1918, с.50-53*).

Все работы, вышедшие в последующее время (после публикации материалов БМ БРК Г. Оссовским и их в той или иной степени полной републикации на русском языке А. Бобринским и Д. Самоквасовым), касающиеся БРК, могут быть подразделены на две, количественно весьма различающиеся группы: *собственно археологические* и *мемуарно-историографического характера*. Поскольку вторая группа крайне немногочисленна по сравнению с первой (требующей большего внимания), имеет смысл вначале охарактеризовать именно её.

Представлена она исключительно работами польских исследователей. Наиболее ранние из них – мемуары Ю. Талько-Гринцевича. В живой и непринужденной форме он излагает историю своих работ на БРК в 1884 г., сообщает сведения о раскопках Г. Оссовского (1887 г.) и работах Д. Самоквасова (1890 г.). Им приводятся также некоторые интересные подробности, хотя и не касающиеся непосредственно самого археологического памятника, но имеющие прямое отношение к истории открытия БМ БРК, но главное – последствиям этого открытия, в частности реакции российских «официальных» археологических властей на поступление вещей из Рыжановки в музей Академии наук в Кракове, в том числе такой ключевой фигуры российской археологии конца XIX – начала XX вв., каким был граф А. Бобринской (*Talko-Hryniewicz 1913, s.49-51; 1923, s.180-187; 1930, s.185-191*).

В историографических работах – Ю. Костшевского, посвящённой в целом истории польской археологии, А. Абрамовича, освещающей проблемы польской археологии XIX в. – приводятся краткие сведения об открытии Г. Оссовского в БРК (*Kostrzewski 1949, s.127; Abramowicz, 1967, s.147*).

В статье и монографии М. Бломберговой, рассматривающей деятельность польских археологов XIX – начала XX вв. на Украине, также уделяется определённое внимание истории работ Ю. Талько-Гринцевича и Г. Оссовского на упомянутом памятнике. При этом основными источниками для указанной исследовательницы послужили в первую очередь мемуары Ю. Талько-Гринцевича (*Blombergowa 1989, s.272-274; 1993, s.81-82*).

Группа *собственно археологической литературы* по степени информативности о БРК может быть подразделена с определённой долей условности на несколько подгрупп.

1. Работы, содержащие *краткую справку* о самом погребальном памятнике (прежде всего – о БМ БРК), найденных с останками знатной женщины вещах. Иногда в таких работах приводятся иллюстрации отдельных находок из БМ БРК. Наиболее ранней из работ этого круга является упоминавшийся уже труд И. Толстого и Н. Кондакова (1889, с.125-126). К ним также относятся работы Э. Миннза (*Minns 1913, p.177-180*), А. Спицына (1918, с.116), М. Ростовцева (1918, с.50-53; 1925, с.486; *Rostowzew 1931, S.402*), П. Либерова (1954, с.160), И. Кубчака (*Kubczak 1971, s.114*), В. Ильинской и А. Тереножкина (*Іллінська, Тереножкін 1971, с.88; Ильинская, Тереножкин 1983, с.254; 1986, с.101*), Р. Ролле (*Rolle 1979, S.118-119*). Пожалуй, наиболее поздней работой аналогичного характера является доклад С. Скорого и Я. Хохоровского на Международной конференции «Украина – Греция: история и современность» (Киев, 1995), тезисы которого были опубликованы (*Скорый, Хохоровски 1995, с.15-17*).

2. Вторая подгруппа, крайне малочисленная, включает в сжатом виде, в отличие от

первой, *практически все данные* о погребальном обряде БМ БРК, обнаруженных в ней находках, и соответствующие иллюстрации. Это, прежде всего, обобщающие монографии по древностям скифского типа в украинской Лесостепи – В. Петренко (1967, с.16, 26, 31, 33, 35, 80, 95), Г. Ковпаненко, С. Бессоновой и С. Скорого (1989, с.108, рис.34:10, 22-24, с.112, рис.35:21, с.116, 128, рис.40:1, с.130, рис.41:9-11, 17, 25, 46, с.161, 238, 312), а также статья Я. Хохоровского и С. Скорого, опубликованная в 1995 г. в Польше, содержащая всю информацию о БМ БРК и снабжённая чертежами кургана и БМ БРК, а также иллюстрациями вещей (по Г. Оссовскому). Важным моментом данной статьи явилась информация об идентификации авторами в мае 1995 г. одного из курганов вблизи с. Рыжановка с БРК и постановка вопроса о необходимости его полного доисследования (Chochorowski, Skoryj 1995, s.1-8).

3. Третья подгруппа работ (безусловно, наиболее многочисленная) касается *вещей погребального инвентаря*, обнаруженного в БМ БРК. По характеру исследовательского подхода к указанным находкам эти работы существенно различаются. В одних из них лишь упоминаются те или иные вещи из женского погребения, иногда играющие роль аналогий сходным предметам, происходящим из других комплексов. Примеры: бронзовая ситула (Ганіна 1970, с.68-69; Ильинская 1968, с.163), серебряные кубок и килик (Мелюкова 1979, с.97-98; Рябова 1986, с.141, 143, 148; 1991, с.155), в целом металлическая посуда (Фиалко 1996, с.188-189), амфора (Зеест 1960, с.66), золотые серьги-подвески (Мозолевський 1979, с.198, 205; Гуляев, Савченко 1998, с.127), золотые детали парадного головного убора - калафа (Мирошина 1980, с.35, 41-42; Клочко 1982, с.118; Клочко, Гребенников 1982, с.91). В других работах приводятся данные либо о некой группе вещей из могилы (Петренко 1961, с.69, 77), например, украшениях (Петренко 1978, с.13, 32, 55, 63), либо практически обо всех вещах инвентаря БМ БРК и их изображения (Онайко 1970, с.27, 39, 58, 65, 12, 115-116). При этом, как правило, даётся типологическая характеристика вещей, предлагается их дата. В этом смысле особенно показательна работа В. Петренко, посвящённая украшениям Скифии, где фигурируют соответствующие находки из Рыжановки.

Наконец, в третьих работах предлагается углублённое изучение конкретных вещей из БМ БРК. При этом рассматриваются вопросы их происхождения, семантика, дата. Нередко в этих работах присутствуют замечания или выводы исторического плана. К таковым, прежде всего, принадлежат работы, посвящённые изучению и реконструкции парадного головного убора женщины, погребённой в БМ БРК (Ростовцев, Степанов 1917, с.76-77; Боровка 1921, с.169-192; Клочко 1982а, с.44-43, рис.6:2; 1992, с.7) и всей её одежды в целом (Клочко 1998). Заслуживают внимания также наблюдения и выводы, сделанные при изучении перстней, щитками которых служат золотые пантикапейские статеры (Шелов 1956, с.140; Mielczarek 1986, p.99-105), золотой пластины с танцующими менадами – наиболее интересного украшения парадного головного убора (Рябова 1979, с.47, 50; Бессонова 1983, с.74-76; 1993, с.56).

б) Основные направления изучения комплекса БМ БРК

Собственно говоря, они были намечены уже Г. Оссовским, издавшим рыжановские находки в 1888 г. Речь идёт о: 1) абсолютной дате БМ БРК, 2) этнической принадлежности погребённой в могиле молодой женщине, 3) её социальном статусе.

Польский исследователь считал, что могила (как, впрочем, и весь курган) может датироваться временем между 650-480 гг. до н.э., в силу существовавших тогда представлений о хронологии. Основанием для такой даты послужили золотые статеры, относящиеся, по мнению Г. Оссовского, к этому времени (Ossowski 1888а, s.21, 41).

Погребённая в могиле женщина «несомненно» («niewątpliwie») являлась *скифянской* (в пользу этого свидетельствовали тип погребального сооружения – катакомба, известный в скифских степных древностях, и характер украшений костюма), занимавшей

при жизни *весьма высокое социальное положение* (аргументы: большой объём работ, затраченный при сооружении могилы, разнообразный и богатый инвентарь, в том числе многочисленные изделия из драгоценных металлов) (*Ossowski 1888a, s.39-41*).

Юная женщина, возможно, принадлежала к *царскому роду* («do rodu krylewskiego»). Однако была ли она *дочерью* одного из скифских владык или лишь одной из его *наложниц* (πάλλακις) может разъяснить – считал исследователь – лишь дальнейшее исследование Большого Рыжановского кургана (*Ossowski 1888a, s.41*).

Из указанных трёх вопросов, пожалуй, наибольшее внимание в литературе, касающейся БРК, уделялось вопросу о дате БМ БРК, что вполне понятно, учитывая сохранность столь яркого комплекса.

Датировка БМ БРК

Уже в следующем (после публикации Г. Оссовским рыжановских материалов) 1889 г. предложенная им дата БМ БРК (между 650-480 гг. до н.э.) была поставлена под сомнение членом Московского археологического общества А. Подшиваловым, который отнёс данное погребение к IV-III вв. до н.э., правда, никак не аргументируя свои позиции (*Древности... 1889, с.64*)¹⁰. В этом же году И. Толстой и Н. Кондаков авторитетно указали, что статеры, подобные найденным в БМ БРК, следует относить к IV-III вв. до н.э. При этом они, однако, подчеркнули, что монеты, обнаруженные в рыжановской могиле, судя по тому, что они были использованы в украшениях «играли роль *художественных изделий; не ходячей монеты*, и поэтому для вещей (остальной инвентарь – С.С., Я.Х.) естественно предположить *более позднее происхождение* (Толстой, Кондаков 1889, с.125). Иными словами, авторы соответственно допускали и более позднюю (чем IV-III вв. до н.э.) дату самой могилы.

Более конкретную дату для упомянутых монет предложил Э. Миннс – 350 – 320 гг. до н.э., однако она не являлась для него основанием датировать БМ БРК указанным временем. Он отнёс могилу к III в. до н.э., ориентируясь на присутствие в составе инвентаря бронзовой ситулы, которая «вероятно, III в. до н.э.» (*Minns 1913, p.177-180*).

В равной степени не смутило наличие среди вещей в БМ БРК «золотого перстня с боспорской монетой IV-III вв. до н.э.» и А. Спицына, который отнёс женское захоронение из БРК к группе погребений «позднескифского периода» (по его периодизации) или к III-II вв. до н.э. (*Спицын 1918, с.116*).

Однако, в дальнейшем, практически во всех работах при определении абсолютной даты БМ БРК (как, впрочем, и самого кургана) присутствие IV в. до н.э. стало *непременным*. При этом исследователи (даже те, которые не ограничивались указанием даты пантикапейских статеров, а привлекали для обоснования даты комплекса и иные вещи погребального инвентаря), похоже, находились под *магическим* воздействием датировки упомянутых монет.

Пожалуй, первым из исследователей, кто без всяких сомнений декларировал для БМ БРК (и всего кургана) исключительно IV в. до н.э., был М. Ростовцев: «Дата Рыжановского кургана... не подлежит *никакому сомнению* (выделено нами – С.С., Я.Х.): она определяется вделанными в кольца пантикапейскими золотыми статерами IV в. до н.э.» (*Ростовцев 1925, с.486; Rostowzew 1931, S.402*).

Позже П. Либеров датировал БМ БРК концом IV в. до н.э. Основания: боспорский золотой статер конца IV в. до н.э.¹¹, а также женский головной убор, сходный с такими же уборами из курганов Деева и Чертомлыка (*Либеров 1954, с.161*).

¹⁰ М.М. Бломбергова ошибается, указывая, что эту дату предложил В. Сизов (*Blombergowa 1889, s.274*).

¹¹ А. Спицын и П. Либеров ошибочно считали, что в БМ БРК найден лишь один перстень с боспорским статером.

Д. Шелов подчёркивал, что вещевой комплекс рыжановского погребения «...не позволяет датировать курган временем более поздним, чем IV или самое начало III в. до н.э.» При этом исследователь указывал, что амфоры из Рыжановки¹² «...совершенно идентичны амфорам из кургана Солоха.» Д. Шелов полагал, что между чеканкой боспорских статеров и их использованием в качестве щитков перстней прошёл небольшой срок (*Шелов 1956, с.140*). Сами же монеты относятся к поздней (IV, по его типологии) серии статеров, время эмиссии которой определяется 330-315 гг. до н.э. (*Шелов 1956, с.93, 95*).

Н. Онайко датировала боковое погребение 2-ой половиной IV в. до н.э. Основания: амфора типа Солоха-I (IV в. до н.э.), чернолаковый канфар (не позже начала последней четверти IV в. до н.э.), бронзовые ситула и чаша (IV в. до н.э.), перстни со статерами 340-315 гг. до н.э., перстни-печатки (*Онайко 1962, с.66, 69, 74-75; 1970, с.58, 94*).

В. Петренко отнесла рыжановское захоронение (учитывая датировки М. Ростовцева, А. Спицына, Н. Онайко) к IV в. до н.э. (*1961; 1967, с.95*) или к рубежу IV-III вв. до н.э. (*1967, с.35*).

В. Ильинская и А. Тереножкин датировали БМ БРК, ориентируясь на золотые пантикапейские статеры, «вправленные в перстни», серединой или 2-ой половиной IV в. до н.э. (*Іллінська, Тереножкін 1971, с.88; Ильинская, Тереножкин 1983, с.254*).

М. Мильчарек, посвятивший нумизматический этюд золотым перстням с пантикапейскими статерами, найденным в БМ БРК, склонен вслед за Д. Шеловым датировать упомянутые монеты временем позже 330 г. до н.э. и саму могилу концом IV в. до н.э. (*Mielczarek 1986, p.102*).

Из современных исследователей к вопросу об абсолютной дате женского захоронения из БРК, пожалуй, наиболее обстоятельно подошёл А. Алексеев. В ряде его работ БМ БРК (как, впрочем, и весь курган) были отнесены к 330-300 гг. до н.э. При этом опорными вещами для подобного датирования послужили: перстни со щитками – пантикапейскими статерами, которые, по Д. Шелову, относятся к 330-300 гг. до н.э., один из золотых перстней, на щитке которого изображены лук, палица и меч, пересечённый перуном (?), что соответствует символике на реверсах монет Филиппа II или, что вероятнее, Александра III (336-323 гг. до н.э.), золотые ажурные крестовидной формы аппликации, известные только в памятниках последних десятилетий IV в. до н.э., бронзовая ситула, время которой по имеющимся аналогиям может быть определено 2-ой половиной IV в. до н.э., серебряные кубок и килик 2-ой половины IV в. до н.э., столовая керамическая посуда (канфар, чашечка, флакон-лакримарий), датирующаяся 2-ой половиной IV в. до н.э., наконец – амфора типа Солоха-I, которая «по пропорциям» также может быть отнесена ко 2-ой половине IV в. до н.э. (*Алексеев 1984, с.72; 1987, с.45; 1987a, с.32, 38; 1992, с.154-157; 1996, с.43, 45*).

Этническая принадлежность женщины, похороненной в БМ БРК

Несмотря на предельно конкретное определение Г. Оссовским этноса молодой женщины, погребённой в БМ БРК, как скифского, вопрос этот в последующей литературе, вплоть до настоящего времени, вовсе не решается однозначно.

Большая часть исследователей, в общем, придерживается версии о степном облике данной могилы. При этом в одних работах проявляется известная сдержанность в её этнической оценке. Например, отмечается, что по обряду захоронения и составу вещей эта могила «полностью соответствует скифским погребениям», «не отличается» от степных (скифских) захоронений (*Іллінська, Тереножкін 1971, с.88; Ильинская, Тереножкин 1983, с.254*) или просто указывается, что в БРК была открыта «катакомба с

¹² Это ошибка Д. Шелова: в погребении была обнаружена одна амфора.

инвентарём степного типа» (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.46*).

Авторы иных исследований, также как Г. Оссовски, руководствуясь, прежде всего, данными обряда захоронения, считают, что похороненная в БМ БРК молодая женщина – скифянка (например: *Либеров 1954, с.160; Rolle 1975, S.118-119; Kubczak 1978, s.114, 143; Скорый, Хохоровски 1995, с.15-17; Chochorowski, Skoryi 1995, s.124-125*).

Альтернативное мнение предложено в работах В. Петренко, полагающей, что в БМ БРК погребена представительница местного населения (т.е. этнически нескифского). При этом, правда, какие-либо аргументы для подобного вывода не приводятся (*Петренко 1961, с.79; 1967, с.20; 1989, с.70*).

Аналогичную точку зрения высказала недавно и Л. Клочко, подкрепляя её следующими доводами: в состав женского костюма из БМ БРК входил пояс, украшенный золотыми аппликациями (пояса же, по этнографическим данным, отсутствуют в костюме кочевников, но известны у оседлого населения), а среди украшений была найдена бронзовая булавка или шпилька: последние же являлись характерной особенностью одежды лесостепных племён (*Клочко 1992, с.11-12, 20; 1998, с.146*)¹³

Социальный статус

В отличие от предположения (впрочем, очень осторожного) Г. Оссовского о том, что похороненная в БМ БРК молодая особа могла быть дочерью скифского вождя или его наложницей, последующие исследователи (за редким исключением) высказывались на этот счёт весьма неопределённо, видя в БМ БРК «одно из богатейших погребений аристократии» (*Петренко 1961, с.79; 1967, с.20*), могилу «представительницы высшего сословия» (*Петренко 1989, с.70*), «погребение аристократии» (*Іллінська, Тереножкін 1971, с.88*), «богатое захоронение» (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.254*), захоронение «высшей скифской знати» (*Murzin, Skory 1994, p.72; Skoryj 1993-1994, S.161; 1996, p.46; Скорый 1996, с.42*), представительницы «скифской степной элиты» (*Скорый, Хохоровски 1995, с.15-17*).

Вполне конкретно определились в этом вопросе лишь несколько исследователей (С. Бессонова, Л. Клочко, В. Рябова), полагающих, что ряд черт обряда и инвентаря, прежде всего, детали украшения парадного головного убора – калафа в виде танцующих менад, свидетельствуют о том, что погребённая в БМ БРК женщина являлась *жрицей экстатического культа плодородия* (*Рябова 1979, с.51; Клочко 1982, с.49, 51; 1992, с.7; Клочко, Гребенников 1982, с.93; Бессонова 1983, с.74-76; 1993, с.56*). Наиболее основательно этот вопрос рассмотрен в специальной работе С. Бессоновой (*1993, с.56*).

Обратиться к гипотетическому тезису Г. Оссовского о возможных родственных связях молодой женщины из БМ БРК стало возможным лишь после полного доисследования кургана и открытия Центральной могилы (ЦМ БРК).

Итак, кратко резюмируя результаты рассмотрения научной литературы, в которой в той или иной степени приводятся сведения о БМ БРК, можно отметить следующее:

1. По степени информативности – это весьма разноплановые работы; в большей части из них речь идет, прежде всего, о вещах, найденных в могиле, при этом предпочтение отдаётся наиболее эффектным предметам, в частности – металлическим, в том числе из драгоценных металлов.

2. Абсолютная дата БМ БРК (при этом её часто распространяют на весь курган в целом), за исключением работ раннего периода (Э. Миннз, А. Спицын) традиционно определяется в рамках IV в. до н.э., с конкретизацией в новейших работах – 330-300 гг.

¹³ Правда, как показали последующие исследования, эта булавка, скорее всего, являлась предметом погребального инвентаря девочки-служанки, похороненной вместе с госпожой (*Chochorowski, Skoryi 1997, p.83,89*).

до н.э. (А. Алексеев).

3. Подавляющее число исследователей видит в женщине, похороненной в БМ БРК, представительницу скифского общества, хотя есть мнение о том, что она носительница автохтонного лесостепного этноса (В. Петренко, Л. Клочко).

4. При признании её высокого социального статуса (представительница аристократии) практически всеми авторами, писавшими о БРК, лишь в нескольких работах предпринята попытка уточнить общественное положение знатной особы из Боковой могилы. Предполагается, что она была жрицей культа плодородия.

Глава III.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ И АРХИТЕКТУРЫ КУРГАНА

При характеристике объектов Большого Рыжановского кургана (БРК) мы придерживаемся следующего принципа: вначале описываем гробницы, затем насыпь кургана, после этого – ритуальный ров. На первое место здесь выступает значимость археологических объектов, хотя несколько нарушается принцип рассмотрения их соответственно последовательности сооружения. Этапы же возведения погребального комплекса, на наш взгляд, были таковы. С целью маркирования места расположения насыпи и сакрализации подкурганного пространства вначале был выкопан ритуальный кольцевой ров. На очищенном для захоронения месте была сооружена гробница для знатного мужчины-воина. Затем над ней была возведена насыпь. После совершения через некоторое время захоронения знатной женщины во впускной (боковой) гробнице, первичная насыпь кургана была досыпана.

III.1. Центральная Могила

ЦМ БРК располагалась в западной половине подкурганной поверхности, вплотную примыкая к её условному центру. Однако, учитывая местоположение к В от могилы обширного могильного выкида, вполне очевидно, что захоронение занимало центральную часть пространства, впоследствии перекрытого насыпью (рис.2). Выкид имел форму широкой дуги. Северная часть выкида основательно разрушена траншеей Ю. Талько-Гринцевича (1884 г.) и обширным шурфом Д. Самоквасова (1890 г.). Сохранившийся выкид имеет вид дуги, вытянутой с С на Ю, с максимальной длиной до 11,0, шириной 5,5 м, высотой от уровня древнего горизонта 0,95 м. Реконструируемая длина выкида равна 15,5 м. В сечении выкид довольно правильной конусовидной формы. Большая часть выкида сложена из однородного жёлтого суглинка.

Могила представляла собой *бездромосную катакомбу*, вырубленную в плотном материковом лёссе. Она состоит из обширной вертикальной входной ямы и примыкающей к ней с ЮЗ подземной погребальной камеры. К моменту исследования свод погребальной камеры был обрушен.

Могила ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Общая длина конструкции 6,74 м (рис.11-12).

Входная яма

Имеет в плане почти правильную прямоугольную форму. Длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры по верху 4,54 x 2,74, по низу 4,4 x 2,68 м. Таким

образом, площадь входной ямы по низу – около 11,8 кв.м. Глубина от уровня древнего горизонта (далее – ДГ) до дна – 2,60 м. Стены входной ямы вертикальные, достаточно ровные, на северной и западной – были хорошо видны следы орудий, которыми копали могилу. Ширина их рабочей части 4 и 6, зафиксированная длина – 15-20 см.

В северном и южном углах входной ямы – небольшие, небрежно вырубленные, подтреугольной формы ступеньки. Северная наклонена ко дну ямы. Находится на глубине 1,52-1,60 м, её ширина 0,84 м. Южная ступенька более горизонтальная, шириной 0,90 м, располагалась на глубине 1,60 м.

В юго-западной, широкой, стене входной ямы был вырублен вход в подземную погребальную камеру (рис.11).

Заполнение входной ямы – достаточно однородное, чернозёмное, явно без следов нарушений. В верхнем слое, при подчистке, найден фрагмент светлоглиняной амфоры. Чернозёмное заполнение по своему характеру отличалось от чернозёмного грунта насыпи, а также слоя чёрнозема вблизи кургана (*Маничев, Ковалюх 1998, с.160*).

На дне входной ямы располагались 2 сопровождающих погребения – воина-охранника и конское, а также – деревянный помост.

Погребение охранника. Оно, как бы, прикрывало собой вход в подземную погребальную камеру. Могила располагалась параллельно входу в подземелье, у юго-западной стены. Ориентирована по оси ССЗ – ЮЮВ (рис.11). Первоначально была перекрыта закладом из дубовых досок или плах, уложенных поперек ямы. К моменту исследования большая часть заклада истлела и просела внутрь могилы. На южном участке зафиксированы остатки 4-х досок различной степени сохранности. Судя по ним, заклад выходил за края могилы на 5-10 см. Одна из досок сохранилась почти полностью. Её длина 80, ширина 18 см. Остальные имеют следующую длину: 10, 30, 26 см при соответствующей ширине – 24, 18, 24 см. Обломки еще двух досок, шириной 17-18 см, найдены при расчистке погребения. Учитывая ширину досок заклада, можно предположить, что первоначально могила была перекрыта примерно 10 досками (рис.11).

Могильная яма имеет вытянутую подпрямоугольную форму, со слегка расширяющейся северной частью. Её юго-западный угол плавно изогнут. Южная торцевая стенка могилы слегка врезана в юго-западный угол входной ямы. Размеры могилы по дну: длина 1,70, ширина 0,35-0,52 м. Стенки могилы довольно ровные.

Заполнение могилы – тёмный чернозём с истлевшими фрагментами дерева заклада.

Её глубина от уровня пола входной ямы 0,52- 0,64 м. На дне могилы, на подстилке из камыша (от которой сохранился белый тлен, хорошо фиксируемый на среднем и северном участках дна могилы), лежал скелет мужчины, вытянуто, на спине, головой на ССЗ. Сохранность костей, особенно черепа, плохая (рис.19; 22). Правая рука покойника вытянута вдоль туловища, левая покоится на бедре. Ноги сведены в щиколотках, при этом правая слегка подогнута в колене. Позвоночник покойного сильно изогнут. Учитывая это обстоятельство, а также то, что череп погребённого лежит вплотную к стенке могильной ямы, можно думать, что могила была мала для покойника, и его буквально втиснули в неё. Скорее всего, охранник был насильственно умерщвлён перед помещением его в могилу.

Все находки сосредоточены слева от погребённого (рис.11). У бедра находился колчан, содержащий блок бронзовых наконечников с остатками древков в большинстве из них и железный нож. Выше, на уровне локтя руки, вблизи грудной клетки, располагалось железное шило. На запястье руки – перевязь-браслет в виде низки бус.

В ногах покойника, а точнее – под ногами, сохранились остатки жертвенной пищи (в виде конских костей¹⁴), помещённой на деревянном подносе или блюде, от которого

¹⁴ Здесь и далее палеозоологические определения произведены с.н.с. Отдела биоархеологии Института археологии НАНУ к.и.н. О. Журавлевым (*Журавлёв 1997, с.97*).

фиксировался лишь тлен (рис.19).

Возраст покойного мужчины – 35-40 лет¹⁵. Обследование костных останков показало, что он был левшой и имел некоторые патологии – прижизненную деформацию левой скулы, а также искривлённые, особенно в области бедренных костей, недостаточно развитые (на уровне общего строения костяка) ноги. Эти факты позволили предположить, что покойник с раннего детства овладевал стрельбой из лука (отсюда – деформация скулы) и много ездил на коне (чем и объясняется недостаточная развитость конечностей, чего обычно нет, если человек много ходит пешком).

Материковый выкид из погребения охранника был удален из входной ямы ЦМ БРК и сложен в виде бесформенной кучи к СЗ от нее.

Конское погребение. Находилось рядом с погребением охранника, почти перпендикулярно ему (рис.11;22). Могила ориентирована по оси В-З. При этом её западная торцевая стенка вплотную соприкасалась с восточной стенкой могилы охранника, а восточная – была слегка врезана в юго-восточный угол входной ямы.

Фрагмент доски в районе её западной торцевой стенки (шириной 16, сохранившейся длиной – 12 см) лежал сверху на одной из досок перекрытия могилы охранника, стратиграфически фиксируя последовательность осуществления сопровождающих погребений: вначале похоронили охранника, затем – коня. Конское погребение не имело перекрытия, как такового.

Могильная яма – прямоугольной формы, со слегка суженной и плавно округлённой восточной (торцевой) стенкой. Размеры могилы по дну: длина 2,22, ширина 0,62-0,82 м. Глубина могилы от уровня пола входной ямы 0,54-0,60 м. Стенки довольно ровные, почти вертикальные. Особенно тщательно вырублена восточная стенка. Первоначально стенки, во всяком случае – длинные, были сверху обложены плахами или досками по всей длине. От них сохранился невыразительный коричневый тлен. Судя по нему, ширина досок или плах составляла до 20, толщина до 4 см.

По краям длинных стенок могилы (северной и южной) первоначально были положены бревна или длинные плахи (на ребро). Их количество не ясно. Длина их с северной стороны, судя по выразительному тлену, – 2,40, южной – 2,36 м. С восточной торцевой стороны их края закреплялись в пазах, вырубленных в стенке входной ямы. Северный паз в плане подпрямоугольной формы, заходит в стенку на 40 см. Имеет высоту 21, ширину 12-20 см. Южный паз в плане в виде вытянутого прямоугольника, более узкий, заходит в стенку на 23-24 см. Имеет высоту 40 при ширине 10-12 см. Учитывая высоту пазов, можно предположить, что с северной стороны могилы была поставлена одна плаха или бревно, с южной – две.

Назначение этой конструкции понятно: она играла роль некой подпорной стенки для материкового выкида, вынутого из могильной ямы и не выброшенного на поверхность (как это было в случае с погребением охранника), а сложенного с двух сторон могилы по всей ширине входной ямы.

Максимальная высота линзы выкида с северной стороны могилы 24, с южной – 48 см, что полностью соответствует версии о нескольких плахах или брёвнах, крепящих выкид с южной стороны. На поверхности северного выкида обнаружено 12 конских ребер. Шесть из них концентрировались на северо-западном участке.

Заполнение могилы – темное, чернозёмное, с небольшими кусками истлевшего дерева.

На дне могилы лежал костяк коня (взрослый жеребец), на животе, с поджатыми ногами, головой на З. Сохранность костей плохая (рис.20). Конский череп с деталями

¹⁵ Здесь и далее антропологические определения и наблюдения принадлежат д-ру Х. Гломбу из Отдела антропологии Института зоологии Ягеллонского университета (*Glqb 1997, s. 95*).

уздечки – железными удилами и псалиями, находящимися в «рабочем» состоянии, т.е. во рту коня, находился отдельно от костяка, мордой вперед, параллельно шейным позвонкам, на расстоянии 25-30 см от них (рис.21). Складывается вполне определённое впечатление, что перед помещением в могилу жеребцу отрубили голову, а затем положили её вблизи тулова.

В области живота фиксировалась органика в виде серого тлена (следы пищи?). Справа от морды коня в перемещённом состоянии находился железный наносник, а в области левой лопатки – железная подпружная пряжка.

Деревянный помост. Располагался непосредственно у входа в подземную погребальную камеру, охватывая первоначально пространство на всю ширину входной ямы (рис.11). По сути, представляет собой 4 широкие дубовые доски, уложенные на пол входной ямы плашмя. Северо-западная половина помоста частично перекрывала участок северного материкового выкида из конского погребения. Юго-восточная половина лежала немного выше деревянного перекрытия могилы охранника; впоследствии она истлела и просела в могильную яму. При этом следует отметить, что края досок с юго-восточной стороны были вставлены в нишу, вырубленную в юго-восточном углу. Ширина ниши 95, глубина 16-20, высота 15-20 см.

Хорошо сохранились части досок северо-западной половины помоста. Длина первой из них – 2,2 м, ширина 12 см, второй – 2,3 м, максимальная ширина 20 см, третьей – 1,84 м, ширина 26 см, четвертой – 2,1 м, ширина более 20 см. Части первых трёх досок были найдены также при расчистке заполнения могильной ямы охранника (рис.16-17). Их длина: 65; 72; 74 см. Ширина соответственно: 16; 17 и 13-16 см. Средняя толщина досок до 2 см.

Учитывая, что данный помост конструктивно не связан с погребением охранника (если бы это было так, то доски перекрывали бы лишь площадь могилы, а не охватывали всю ширину входной ямы), можно допустить, что данная выкладка служила своеобразным столом для совершения первой тризны по погребённым, осуществлённой, скорее всего, непосредственно создателями погребального сооружения. В пользу сказанного свидетельствуют упомянутые уже конские ребра, найденные во входной яме, которые, по-видимому, являлись первоначально большими кусками конины. Примечательно, что некоторые из рёбер были обнаружены вблизи импровизированного «стола».

Погребальная камера

Устье входа в погребальную камеру было закрыто специальным заслоном, состоящим из двух рядов дерева (рис.11; 17-18). Первый ряд составляли доски, уложенные горизонтально одна на другую ребром, второй ряд – брёвна, размещённые аналогичным образом.

Доски сохранились не все: чётко различались лишь 5 из них в верхней части заслона. Наиболее хорошо фиксировалась верхняя доска, длиной более 2,1 м, шириной 18 см. Остальные представлены фрагментами длиной 24-96, шириной 10-20 см. Похоже, что одна из досок, самая нижняя (от неё сохранился в основном тлен) закрывала щель внизу заслона, чтобы не допустить просачивания земли в погребальную камеру. Вторым рядом дерева составляли 11 брёвен, из которых сохранились довольно хорошо девять. Брёвна не одинаковы по длине и диаметру. Приведём их размеры: бревно № 1 – длина 2,5 м, диаметр 14 см; № 2 – соответственно, 2,56 м и 10 см; № 3 (сохранилось в двух фрагментах различной длины) – 2,8 м и 16 см; № 4 – соответственно, 2,9 м и 10 см; № 5 (в центральной части истлело) длина 1,94 м, диаметр 10 см; № 6 (сохранилась лишь часть бревна), соответственно, 0,70 м и 14 см; № 7 – длина 3 м и диаметр 12 см; № 8, соответственно 2,6 м и 10 см; № 9 – длина 2,2 м, диаметр 12 см.

Нижняя часть заслона, по всей видимости, первоначально размещалась в неглубокой канавке (ширина 20, глубина 10 см), прокопанной по всей ширине входной ямы (рис.19), но впоследствии была выдавлена из неё грунтом.

Доски и брёвна заслона крепились, кроме того, с помощью вертикальных плах. Остатки одной из них найдены вблизи заслона, в западном углу входной ямы. Её ширина 20, толщина 10 см.

Устье входа в боковое подземелье было достаточно широким (ширина около 1,6 м), но низким (высота 60 см), напоминая тем самым горизонтальную щель (рис.11-12) Оно делилось на 2 рукава шириной 1 м и 0,60 м, которые почти под прямым углом опускались ко дну погребальной камеры. Деление входа надвое осуществлялось посредством материковой перегородки, проходящей почти по всей длине погребальной камеры (рис. 28; 35-37).

Непосредственно перед перегородкой располагался дубовый столб, несомненно, подпиравший некогда свод погребальной камеры. Основание столба было помещено в яму, выкопанную в верхней части перегородки. В момент открытия столб стоял почти вертикально, будучи слегка наклонённым в сторону входной ямы (рис.11-12; 23). Высота столба 1,1 м, диаметр верхней части 24 x 25 см. Глубина столбовой ямы 26-32, диаметр 36 см.

Погребальная камера в плане трапециевидной формы, со слегка заокруглёнными углами. Размеры по дну: длина 3,7, ширина 2,8-5,1 м. Дно довольно ровное, плавно понижается от входа по направлению к противоположной стене (максимальный перепад глубин – 18-26 см). Стены тщательно вырублены в материковой глине. На некоторых из них, особенно юго-восточной, хорошо фиксировались следы орудий, которыми копали могилу (в виде полосы длиной 12-13, шириной 6 см, с полукруглым основанием). Наиболее хорошо сохранились участки юго-западной (80 см) и особенно – северо-западной (1,34 м) стен. На последнем, в западном углу, виден плавный переход в арковидный (?) свод. Реконструируемая, максимальная высота погребальной камеры примерно 1,8-1,9 м (рис.11-12; 35-37).

Заполнение в районе погребальной камеры неоднородное, что объясняется различными обстоятельствами. В верхней части, примерно до глубины 60 см от уровня ДГ – это серый чернозём насыпи, опустившийся вниз при обрушении свода погребальной камеры. Однако у западной стены фиксировалось более яркое, тёмное пятно подовальной формы (2,7 x 1,9 м) – следы ям современных грабителей¹⁶.

На глубине примерно 1,30 - 1,32 м характер грунта изменился. У юго-восточной стены чётко проявились коричневые, светло-коричневые и тёмно-коричневые пятна с отдельными прослойками жёлтой лёссовой глины. На глубине 2,08 м в центральной и юго-восточной частях стали фиксироваться контуры двух поздних грабительских ям, прокопанных через насыпь, сверху. Одна из них не имеет чёткой геометрической формы (размеры 2,8 x 1,4 м), другая, расположенная ближе к юго-восточной стене (размеры 1,7 x 1,4 м), – прямоугольная. Ямы, несомненно, одновременные: первая более поздняя, поскольку прорезает вторую яму. На остальных участках, в пределах погребальной камеры, заполнение представляло собой завалы жёлтой материковой глины. На глубине около 2,7 м оба грабительских пятна исчезли. Заполнение стало однородным – исключительно завалы рухнувших стен и потолка (зачастую глыбы больших размеров) без каких-либо следов их нарушения. Сходная ситуация наблюдалась и далее, вплоть до дна погребальной камеры.

При расчистке заполнения найдено несколько человеческих костей плохой сохранности: у северной стены, на глубине 0,55 м от уровня ДГ – фаланга пальца ноги и вбли-

¹⁶ Последняя была выкопана буквально за несколько дней до начала работ 1996 г. на кургане.

зи северного угла, на глубине 1,6 м – головка бедренной и обломок трубчатой костей. Поскольку могила была неограблена, нахождение данных костей в районе заполнения погребальной камеры трудно объяснимо. Возможно, это следы какого-то более раннего захоронения, располагавшегося рядом и разрушенного в ходе строительства насыпи Большого Рыжановского кургана.

Несомненно, погребальная камера Центральной могилы являлась имитацией жилого сооружения. Первоначально стены и потолок были драпированы тканью. Её остатки хорошо фиксировались в нижней части южной стены (участок площадью 18x10 см) (рис.29), на развалах амфор и под ними у восточной стены погребальной камеры (рис.30-31), в её юго-восточном углу (в последнем случае это была ткань с потолка, упавшая вместе с рухнувшими кусками свода вниз). Ткань крепилась, во всяком случае, на стенах, с помощью специальных деревянных колышков, отверстия от которых подквадратной формы были обнаружены на различных уровнях. По западной стене они проходят двумя параллельными рядами. Выразительны они и на северо-западной стене, образуя почти прямую линию из 7 отверстий. Здесь сохранился оттиск одного из таких колышков в виде столбика длиной 7,5, с шириной грани 1,0 см, с заострённой нижней частью и широкой округлой (диаметром 3,2 см) верхней (рис.32). Ткань представляла собой полотно редкого плетения растительного происхождения беловато-серого цвета¹⁷.

Практически весь пол был первоначально выстлан плетёными циновками из камыша. Их остатки в виде белого тлена фиксировались на большей части площади пола. Наиболее хорошо сохранились части циновок в юго-западном углу камеры, на северо-западном участке пола, а также под рядом предметов, стоящих на полу (рис.33). Плетение циновок прямое, довольно редкое. Помимо этого, на некоторых участках пола, особенно под отдельными предметами отмечены остатки циновок либо подстилок из лыка или коры.

Погребальная камера была разделена, начиная от входа, на большую часть своей длины, почти по центру, фигурной перегородкой (о которой ранее было уже краткое упоминание). Последняя была целиком вырезана в материковой глине по мере сооружения подземной конструкции и, бесспорно, не выполняла каких-либо крепежных функций, поскольку её высота не достигала свода (рис.28; 35-37). Представляется, что эта фигурная перегородка имитировала какое-то печное сооружение с подпрямоугольной, подрезанной сбоку и горизонтальной сверху «топочной» конструкцией и довольно широкой, близкой по форме усечённому конусу «трубой». Общая длина «печи» 2,4, «топочной» части – 1,6 м. Минимальная ширина последней – 0,50, максимальная – 1,4 м. Высота «топочной» части от пола 0,64-0,66 м. Размеры основания «трубы» 0,92x0,80 м, диаметр верхней части около 0,50 м. Высота «трубы» от уровня пола 1,24 м. Поверхность «печи» тщательно заглажена и не имела следов орудий, которыми её вырезали (в отличие от стен входной ямы и погребальной камеры) (рис.28).

Перегородка – «печь», как бы, делила пространство помещения на 2 части – «хозяйственную» (там найдена большая часть разнообразных вещей) и «жилую», в пределах которой размещалось собственно захоронение знатного покойника.

Умерший располагался у северо-западной длинной стены погребальной камеры, на обширном деревянном помосте (рис.37). Общая длина помоста 3,5 м. Длина участка, в пределах которого лежал покойник, 2,0 м. Максимальная ширина этого участка 1,4-1,6 м. Ширина помоста в иных местах – 0,80-1,15 м. Помост конструктивно представлял

¹⁷ Здесь и далее данные по тканям даются на основании изучения их остатков методом электронной микроскопии, осуществленного Н. Бредис, заведующей Сектором оптико-физических исследований Национального научно-исследовательского, реставрационного центра Украины (*Бредис 1997, с.103-104*).

собой продольную выкладку из 7 дубовых досок, лежащих сверху на 7 поперечных лагах. Верхние доски помоста сохранились сравнительно хорошо, в отличие от нижних. Размеры их, по направлению от стены ко входу, таковы: доска № 1 – длина 1,3, ширина 0,20 м, доска № 2, соответственно, 2,9 и 0,17 м, доски №№ 3-6 – 3,5 и 0,18-0,20 м, доска № 7 – 1,58 и 0,22-0,25 м. Толщина досок не ясна. Размеры поперечных перекладин, по направлению от северо-западной к северо-восточной стене, таковы: перекладка № 1 (сохранилась частично) – длина 0,80, ширина 0,20 м, перекладка № 2 – 1,5 и 0,15 м, перекладка № 3 – 1,7 и 0,15 м, перекладка № 4 – 1,6 и 0,18 м, перекладки №№ 5-7 – 1,5 и 0,20 м. Перекладки №№ 6-7 лежали наискось. О точной высоте помоста судить сложно, но, учитывая, то обстоятельство, что на юго-западной стенке, вблизи помоста, тлен от драпировочной ткани не доходит до дна могилы на расстояние 0,20 м, можно допустить, что помост имел соответствующую высоту, т.е. примерно 0,20 м.

Часть помоста, на которой собственно располагался умерший, похоже, была отделена от остального пространства подземной погребальной камеры. В пользу сказанного свидетельствуют следующие факты. Участок стены напротив тела покойного был несколько углублён и тщательно отёсан, являясь неглубокой нишей. С противоположной стороны концу этой ниши точно соответствовал конец широкой части помоста. Вдоль края помоста, на расстоянии 1,8 м друг от друга располагались 2 небольших железных крюка, и фиксировалась полоса тлена от ткани фиолетового и розового цветов с орнаментом в виде треугольников. Ткань растительного происхождения (лён, конопля). Очевидно, первоначально эти крюки крепились к потолку, и на них была подвешена ширма.

Костяк мужчины располагался на довольно толстой (до 10 см) травяной подстилке, от которой сохранился обильный тлен белого цвета с хорошо различимыми травинками (рис.38). В головах, где толщина слоя достигала 15-20 см, по-видимому, находилась подушка¹⁸. Подстилка имеет прямоугольную форму при размерах 2,1 x 1,06-1,10 м (рис.11; 37).

Умерший лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Череп слегка повернут вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые, одна из ступней развернута вправо (рис.11; 37). Фаланги пальцев рук и ног не сдвинуты с места¹⁹. Сохранность костей – средняя. Возраст покойника 45-50 лет, рост около 180 см. Это был человек физически весьма крепкий, о чём свидетельствует развитость верхних конечностей, шейного позвонка. Вместе с тем, у него наблюдается патология, сходная с той, что зафиксирована у охранника: прижизненная деформация скулы (но правой), недостаточно развитые (на фоне общего строения костяка) ноги. Иными словами, как и в случае с охранником, можно полагать, что знатный воин в свое время чрезвычайно много уделял внимания стрельбе из лука и верховой езде. Причиной его смерти, по всей видимости, послужило разрушение лицевого отдела с правой стороны²⁰.

Судя по незначительным остаткам ткани на костях, можно предположить, что на покойнике были надеты красные штаны и белый (или желтый) кафтан (рис.34). На теменной части черепа слабо фиксировались следы материи (?) красного цвета, но являются ли они остатками головного убора – не ясно. Шею покойника украшала массивная

¹⁸ Несомненно, в момент захоронения слой травы, на который положили покойника, был более толстым, но впоследствии истлел и, к тому же, был сильно смят рухнувшим сводом.

¹⁹ Данное обстоятельство говорит о том, что обвал свода погребальной камеры произошел через небольшой промежуток времени после захоронения (возможно, через 1-2 года), когда еще сохранялись сухожилия конечностей. В противном случае, если бы они истлели, при обвале свода фаланги пальцев рук и ног были бы смещены. Именно обвал погребальной камеры, по-видимому, предохранил ее от ограбления в древности.

²⁰ Наблюдение антрополога Х. Гломба (*Glqb 1997, s. 953-95*).

золотая гривна, являвшаяся символом власти и показателем высокого социального статуса (рис.40). Кисть левой руки сжимала нижнюю часть ножен короткого меча с обложенной золотом рукоятью (рис.42-43; 45-46). Вплотную с мечом лежал большой горит, фиксируемый темным тленом и небольшими фрагментами кожи и дерева, внутри которого находились стрелы, железный нож и железное шило (рис.44). Рядом с горитом, параллельно ему, частично перекрывая его в нижней части, располагались остатки деревянного лука (рис.42-43).

Справа от покойника, на уровне локтевого сустава, у края подстилки, находился бронзовый предмет в виде «вилочки». На подстилке, с трёх сторон от умершего, у ног и справа от головы, располагались 4 медвежьих когтя (у головы 2, у ног – по одному).

Рядом с умершим, в пределах помоста, находилось остальное его вооружение. В головах, слева, – остатки кожаного колчана с набором стрел и железным ножом (рис.47: 1). Рядом – железный крюк, на котором, по-видимому, первоначально висел колчан.

В нижней части помоста, почти параллельно северо-западной стене погребальной камеры (на расстоянии от нее 0,30-0,50 м), пучком лежали копьё и 5 дротиков. Очевидно, первоначально они располагались на двух больших железных крюках, закрепленных в стене параллельно полу, но впоследствии, при обрушении свода и стены погребальной камеры были сбиты на пол (рис.48). От копья и дротиков сохранились железные наконечники, железные втоки, которыми заканчивались древка, тлен от самих древков. Под наконечниками дротиков и копья найдена железная ворварка.

Расположение дротиков и копья на полу пучком (при учёте падения их с определённой высоты на пол, осложнённом ударом части глиняного свода) наводит на мысль, что оружие было скреплено между собой. Скорее всего, были связаны вместе концы древков в районе втоков, а на наконечники дротиков и копья был надет чехол, завязанный ремешком с ворваркой²¹.

Примечательно расположение наконечников дротиков и копья относительно уровня пола: они лежали на слое глины высотой свыше 20 см. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что обвал потолка произошел не сразу. Вначале было незначительное обсыпание свода и лишь потом он рухнул.

В ногах покойника (на расстоянии 0,60 м от них), между стенкой, дротиками и копьём, располагался второй кожаный колчан со стрелами и железным ножом внутри (рис.47: 2). Поскольку он найден в непосредственной близости от одного из крюков, на которых лежали первоначально дротики и копьё, можно предположить, что колчан был подвешен на упомянутом крюке, закреплённом первоначально в стене.

Слева от погребённого, начиная от края помоста по направлению ко входу в погребальную камеру, на полу располагалась группа различных предметов.

Непосредственно у края помоста, точно напротив локтя покойника находился своеобразный «тайник» в виде глиняного возвышения, перекрытого сверху слоем травы (к слову сказать, на этой траве и глине и фиксировались упомянутые отпечатки ткани розово-фиолетового цвета от «ширмы»). Глиняная возвышенность в плане была овальной формы и имела размеры 0,78 x 0,31 м. Под слоем глины, на остатках циновки из луба, на боку, лежала бронзовая ситула (рис.49). Циновка, судя по сохранившимся остаткам, имела прямое плетение из полос шириной до 5 см. Внутри ситулы располагались 2 серебряных сосуда – кубок и килик. Округлая нижняя часть кубка была вставлена в чашечку килика (рис.50-51). На северном склоне глиняной возвышенности «тайника»,

²¹ Тот факт, что наконечники дротиков и копья, тлен от древков и втоки располагались почти по одной линии, несомненно, говорит о том, что в момент обвала свода упомянутое оружие было в хорошем состоянии, во всяком случае – древки его были целы. Следовательно, это ещё одно подтверждение того, что обрушение свода погребальной камеры произошло через непродолжительное время после совершения захоронения.

на слое травы, фиксировались мелкие остатки древесины, среди них – кости животных, в частности ребра и рога плохой сохранности от дикого козла. Здесь же был железный нож. Возможно, это остатки деревянного блюда или подноса с жертвенной пищей, стоящего свеху на возвышенности «тайника», а затем перевернутого при обвале свода.

Некоторые из костей жертвенной пищи перекрывали свеху нижнюю часть штыря металлической курильницы, обнаруженной в момент исследования лежащей на боку (рис.55). Судя по её расположению, первоначально она стояла непосредственно вблизи тайника, а затем была сбита на бок упавшим сводом (при этом направление удара было с юго-западной стороны).

В районе «тайника», особенно между ним и курильницей, наблюдалась концентрация бараньих астрагалов. Некоторые из них лежали бессистемно, другие составляли 2 довольно чётко фиксируемые параллельные выкладки, расположенные перпендикулярно входу, между стенкой и «печью» (рис.49; 55). Первая выкладка (что ближе к входу) складывается из 10 астрагалов. Расстояние между астрагалами 7-27 см. Наиболее удалены между собой лишь 2 астрагала, на расстояние 36 см. Вторая выкладка отстоит от первой внутрь погребальной камеры на 6-13 см. Она числом в два раза больше – 20 астрагалов. Расстояние между ними примерно такое же, как и в первом случае. Нельзя исключать, что описанные выкладки представляли собой некие магические линии, отделявшие место положения покойного от мира живых и одновременно защищавшие его от злых духов. По-видимому, не случайно именно здесь располагалась курильница, окуривавшая место захоронения.

При подчистке дна могилы, здесь, в перемещённом состоянии была найдена нижняя часть костяного веретена.

Дальше, непосредственно у входа, находилась группа сосудов: развалы двух винных амфор, первоначально стоявших рядом у стены, но затем сбитых набок и раздавленных завалом (рис.56), лежащий на боку бронзовый килик, первоначальное положение которого в процессе обвала камеры также нарушено, и бронзовая чаша (рис.57), содержащая остатки овощей, в частности бобовых и дикого чеснока²².

В донной части амфоры, стоящей ближе к северо-западной стенке, хорошо сохранился винный камень тёмного цвета. На отдельных стенках амфор чётко отпечатались ткань беловато-серого цвета от драпировки стен или потолка.

В юго-западном углу погребальной камеры стояли 5 пеньков (2 из них расколоты пополам). Размеры их следующие: первый (расколотый пополам) – высота 11,0, размеры поверху 16,0 x 11,5 см, второй – высота 11,0 диаметр 19,0 см, третий (также расколотый пополам) – высота 10,0 размеры поверху 13,0 x 10,0 см, четвёртый сильно деформированный, высота 10,0 примерный диаметр 16,0 см, пятый пенёк плохой сохранности – высота 10,0 см, примерный диаметр 16,0 см. Края пеньков ровно обпилены. Первые четыре пенька – дубовые, в момент открытия имели тёмно-коричневый цвет и отличались хорошей сохранностью. Пятый пенёк, ярко-жёлтого цвета, похоже, сосновый. В месте соприкосновения первого и второго пеньков располагался предмет в виде продолговатой округлой втулки, представляющий собой естественное образование крокоита – красной свинцовой руды²³.

На втором пеньке лежал на боку чернолаковый канфар, видимо, поваленный при деструкции свода. На пятом пеньке располагалось разбитое на 4 части чернолаковое блюдо (рис.58-59). По-видимому, описанные пеньки были своеобразными стульчиками.

²² Определение растительных остатков произведено сотрудниками Института ботаники НАН Украины д-ром. биолог.наук В. Протопоповой, канд-тами биолог. наук С. Мосякиным, Л. Крицкой, М. Шеверой.

²³ Определение произведено геологом В. Романюком. По его данным, места проявления этой руды находятся на Урале.

Напротив них, вблизи нижнего края погребального помоста, частично перекрывая его угол, лежали остатки женского парадного головного убора и развёрнутого покрывала в виде метопиды и различных аппликаций из золота (рис.60-61). Под головным убором фиксировался травяной тлен. Две аппликации головного убора были найдены в иных местах: к СВ от основного скопления бляшек и среди развала одной из амфор, вблизи юго-восточной стены. Очевидно, они перемещены туда грызунами. Примечательно, что головной убор с покрывалом был положен не вблизи покойника, а практически за пределами помоста, относясь, таким образом, к категории вещей, помещённых уже в «хозяйственной» половине.

Далее, по направлению ко входу, практически вся площадь «хозяйственной» половины погребальной камеры была заставлена вещами, главным образом – различными сосудами (рис.62-63).

Вблизи юго-восточной стены лежали рядом развалы двух больших пифоидных амфор. Первоначально они, несомненно, стояли прислонёнными к стене. На стенках и горловинах амфор с внешней стороны чётко отпечатались остатки тканей, которыми были драпированы стены и потолок. Обе амфоры имели в нижней части тулова, изнутри, следы тёмного винного камня. При разборе развала первой из них (лежащей ближе к пенькам) найдена одна из аппликаций головного убора. Под амфорами фиксировались остатки травы в виде белого тлена.

Горловина одной из амфор (лежащей ближе к входу) в момент обнаружения частично лежала сверху на бронзовом кратере. В связи с этим сосуд был наклонён одним краем ко дну погребальной камеры. Под кратером чётко фиксировались остатки плетёной циновки из луба (ширина каждой полосы примерно 3,5 см). Площадь сохранившегося участка циновки примерно 15 x 15 см.

Внутри кратера лежали золотая, серебряная накладки, а также остатки роговой основы ритона (рис.64). Примечательно, что золотое окончание ритона было найдено среди развала второй, лежащей рядом амфоры. Очевидно, оно было перемещено туда грызунами.

Непосредственно у входа, сразу же за амфорами, располагались многочисленные кости от жертвенной пищи (конское мясо), лежащие как на деревянном подносе или блюде с железной скобой, так и непосредственно на полу. Это были два окорока (ноги) и мясные вырезки с рёбрами. Мясо было помещено в могилу в жареном виде²⁴. Вблизи подноса, на полу, стоял деревянный сосуд округлой формы, имеющий на дне, с одной из сторон, угли. По-видимому, эти угли предназначались для разжигания костра в потустороннем мире. Под подносом и округлым сосудом хорошо фиксировались остатки циновок из луба.

Непосредственно рядом с материковой конструкцией, которую мы условно назвали моделью печи, а точнее как бы, будучи встроенными, в её фигурный вырез – устье, стояли 2 бронзовых котла, большего и меньшего размеров (рис.63; 67). Их ножки были вставлены в специальные ямки – бофры, выкопанные в полу. Иными словами, здесь как бы присутствует синтез модели домашней печи и условного степного кострища. Диаметр ямок 14 и 19, глубина 11 и 20 см. Оба котла содержали остатки жертвенной мясной пищи, которая была помещена в могилу в вареном виде. В меньший котёл, судя по костям, были положены крупные куски конского мяса (части конечностей и пр.), причём мяса было столь много, что оно возвышалось над краем котла. В большой котёл поместили целиком молодую овцу. Сверху пища была покрыта тканью – «скатертью» с вышивкой, от которой сохранились достаточно выразительные куски (рис.68).

²⁴ Заключение здесь и далее археозоолога О. Журавлёва (Институт археологии НАН Украины)

Таким образом, помимо многочисленных и разнообразных вещей, в могилу знатного скифа было помещено обилие напутственной пищи и питья.

Отметим также, что на участке материкового выкида из ЦМ БРК, у его основания и сверху обнаружены немногочисленные кости животных – козы и лошади, являющиеся остатками погребальной тризны.

III.2. Боковая Могила

БМ БРК располагалась в северо-западном секторе подкурганной поверхности (рис.2), примерно там, где она и помещена на плане Г. Оссовского, изданного в 1888 г. (рис.71:1). Является впускной могилой (рис.72).

Гробница представляет собой *катакомбу продольного типа*, состоящую из входной ямы, короткого дромоса и собственно погребальной камеры. Могила вырублена в жёлтом материковом лёссе. Конструкция ориентирована по оси С-Ю с лёгким отклонением к В и З. Общая длина могилы до 9,5 м. Входная яма и часть дромоса расположены за пределами первичной насыпи, лишь собственно погребальная камера заходит под её край примерно на 4,0 м (рис.2).

Могильный выкид вблизи катакомбы обнаружен не был. Можно предположить, что большая его часть уничтожена во время работ Г. Оссовского в 1887 г. и лишь какая-то часть была использована для заброски входной ямы.

Входная яма

Начинается с небольшой площадки, углублённой в подрезанную материковую поверхность примерно на 20 см. Раскопана она не полностью: какая-то её часть осталась под останцом насыпи, на котором растёт грушевое дерево.

Учитывая раскопанную часть площадки и ширину частично раскрытой первой ступеньки, а также полностью открытых ступенек, расположенных ниже, можно допустить, что общая ширина площадки была до 3,0 м, при длине 1,8 м. Судя по раскопанному участку, она имела слегка изогнутую, подпрямоугольную форму (рис.73 I).

Входная яма в плане подпрямоугольной формы, размеры по верху 2,90 x 2,14 м, глубина от уровня подрезанной материковой поверхности 2,72, а от уровня ДГ – 3,0 м. Со всех сторон входная яма сужается ко дну. Дно подпрямоугольной формы, очень узкое. Размеры 1,40 x 0,60 м. С северной стороны входной ямы, вдоль стенки, по направлению ко дну, расположены 3 материковые ступеньки, занимающие практически всю площадь ямы. Ширина первой из них 0,34-0,58 м, максимальная высота 0,54 м. Ширина второй ступеньки до 0,28 м, высота 0,64-0,66 м. Наиболее широкой и высокой является третья ступенька, имеющая подрез по центру, у самого края. Ширина её до 1,14, высота до 0,72 м (рис.73 I-II). В южной стенке входной шахты имеется очень узкий вход в дромос. Он полуовальной формы, к моменту раскопок ширина его была 1,60, высота 0,52 м. Однако, учитывая наличие с двух сторон у входа трещин и заколов, можно думать, что свод в районе входа просел не менее чем, на 0,4 м (рис.74-75).

Дромос

Имеет подпрямоугольную в плане форму, слегка изогнут (рис.73 I). Размеры по дну: 1,30-2,50 x 1,60-2,10 м. Стенки и дно – довольно ровные. Дно плавно понижается по направлению к погребальной камере. Свод дромоса сохранился практически целиком, хотя немного просел. Он аркообразной формы. Высота дромоса при входе в него, как уже отмечалось, 0,52, в средней части – 0,68, у самой погребальной камеры – 1,58 м (рис.73 II; 74-75).

Входная яма и большая часть дромоса были заполнены тёмным однородным чернозёмом. Лишь у дна находился слой жёлтой материковой глины – несомненно, часть выкида, сброшенная во входную яму при её засыпке. Максимальная толщина слоя (в районе ступенек) до 0,4 м.

При расчистке заполнения входной ямы были найдены в переотложенном состоянии 3 золотые штампованные бляшки: 2 круглых – на площадке, с которой начинается входная яма, одна треугольная – во входной яме, вблизи со входом в дромос. Они, скорее всего, являлись украшениями одежды знатной покойницы и были утрачены при вносе её в погребальную подземную камеру.

При подчистке пола дромоса, у восточной стены, под слоем глиняного завала было обнаружено несколько десятков фрагментов тонких, крошечных, сильно разложившихся человеческих костей и 3 фрагментированных зуба от индивидуума 12-14 годов. Они не были замечены в период вскрытия катакомбы Г. Оссовским. Можно предположить, что обнаруженные кости принадлежат девочке (?), служанке, насильственно умерщвленной при захоронении знатной госпожи. По-видимому, кости располагаются *in situ*. В пользу указанной половой принадлежности подростка, как будто, говорят несколько рядовых предметов, извлеченных в 1887 г. из катакомбы и довольно выделяющихся на фоне богатого сопровождающего инвентаря знатной дамы. Речь идет о простых бронзовых украшениях: браслете, шпильке, скромных серьгах (одна из которых с нанизанной пастовой бусиной), стеклянной бусине (см. главу IV, 2).

По своему устройству и размерам входная яма и дромос весьма отличаются от входной ямы и дромоса, изображенных на планах Г. Оссовского (рис. 71: 3-4). У Г. Оссовского – входная яма – прямоугольной формы без ступенек. Дромос («подземная галерея»), по Г. Оссовскому, находился на глубине 3,1 м, имел вид длинного коридора, тянувшегося вначале по направлению с В на З, а затем резко, почти под прямым углом, поворачивающегося на Ю, к погребальной камере. Общая длина его 6,0, высота свыше 1,0 и ширина 1,5 м. Как мы видим, реальные размеры и устройство дромоса боковой гробницы были несколько иные.

Погребальная камера

Она отделялась от дромоса деревянным заслоном, вставленным в специальную канавку. Длина канавки 2,44, ширина 0,14-0,22, глубина 0,14-0,16 м. В разрезе она – подпрямоугольной формы (рис. 73 I; 76-77). В чернозёмном заполнении канавки сохранился древесный тлен от заслона. Конкретное устройство последнего не ясно.

Погребальная камера в плане трапециевидной формы (рис. 73 I). Размеры по дну: длина 3,0, ширина 2,30 – 3,20 м. По сведению Г. Оссовского и плану в его работах, погребальная камера имела почти квадратную форму, при длине (по оси В-З) 3,1, ширине 2,76 м (рис. 71: 4). Таким образом, размеры камеры, полученные при исследованиях 1995 г., в общем, близки, тем, о которых пишет Г. Оссовски.

Стены погребальной камеры – неровные. Восточная и западная слегка расширяются ко дну. Северная и южная стены, по-видимому, плавно округлялись, образуя аркоподобный свод. По описанию, Г. Оссовского, склеп был «со сводообразным верхом». Провал свода катакомбы фиксируется по стенам на следующей высоте от пола: северная стена – 1,60, южная – 2,38 м. Реконструируемая высота свода – около 1,7 м (рис. 73 III), что вполне совпадает с заключением Г. Оссовского, о том, что высота склепа была «более среднего человеческого роста».

На стенах погребальной камеры, в отдельных местах, были довольно хорошо видны следы орудий, с помощью которых копалась катакомба. Судя по ним, рабочая часть

у них была плоская, прямоугольная, шириной 9-10 см. Очевидно, это было орудие, напоминающее тесло.

По описанию, чертежу и рисунку Г. Оссовского (рис.71: 4: 78), в момент исследования им погребальной камеры, в северной части, почти у входа, параллельно северной стене, лежала истлевшая доска длиной 2,0 и шириною 0,40 м, на которой и размещались предметы, забранные А. Маслоком (См., главу II, 1): амфора, бронзовые чаша, зеркало и булавка. По мнению Г. Оссовского, «доска эта была, по всей вероятности, положена преимущественно для установки амфоры, посредством особенного выдолбленного в доске отверстия, в которое опущен был острый конец амфоры» (*Ossowski 1888, s.9*). В южной половине камеры, слегка углублённой, вдоль стены, на подстилке из «лесного моха», покрытой сверху тканью, размещался скелет вытянуто на спине «в положении полусидячем» (верхняя часть туловища лежала выше ног), головой на З. Ноги покойника были в щиколотках перекрещены. Левая рука отогнута в сторону почти под прямым углом. Кроме черепа, изъятых ранее А. Маслоком, остальные части скелета были нетронуты. Костяк принадлежал молодой женщине, небольшого роста и «слабого телосложения». За исключением золотых украшений головного убора (метопида и пр.), лежащих в свое время на черепе или в непосредственной близости с ним и потревоженных А. Маслоком, все прочие украшения располагались на своих местах *in situ* и покрывали костяк во всю его длину. По обеим сторонам головы находились золотые серьги, а при них 4 мелкие золотые бусины и одна сердоликовая «прицепка», предназначенные для подвешивания к серьгам. Далее располагались разрозненные звенья золотого ожерелья и ниже, вдоль всего скелета, находились различные украшения одежды в виде золотых пластинок, количеством свыше 400. Это круглые розетки различной величины и формы, треугольные бляшки, которые украшали верхнюю часть платья, «между плечами». На бёдрах скелета лежали кучно большие золотые розетки, украшавшие пояс покойницы. На руках было 8 золотых перстней, 6 на пальцах правой руки, 2 – на левой, и 2 браслета, золотой и серебряный. У ног, по обеим сторонам, лежали небольшие бронзовые серьги кольцевидной формы, из которых к одному была прикреплена маленькая пастовая бусина, светло-голубого цвета.

Возле головы, слева, на участке до откинутой руки, размещены были следующие предметы. Непосредственно у руки – бронзовая ситула, в которой находился серебряный кубок, к слову, также как и в ЦМ БРК. Рядом с ситулой – серебряный килик, чернолаковый канфар и керамический флакон-бальзамарий. Между этими сосудами располагались бронзовая чаша с обломками уничтоженного временем какого-то серебряного изделия и «глиняное блюдечко», в котором находилось керамическое пряслице. «У самой стенки склепа» (за головой?) лежали фрагменты костяного веретена (по Г. Оссовскому, «распавшиеся на части два костяных шила»). Как и скелет, все перечисленные предметы были расположены на разосланой на полу ткани, от которой сохранились «только пылинки светло-серого цвета». Как отмечал Г. Оссовский, исследование этих остатков под микроскопом показало, что «эта ткань была выделана из шерстяной пряжи» (*Ossowski 1888, s.11*).

При доисследовании нами катакомбы в 1995 г. (рис.79), у южной стены погребальной камеры действительно была обнаружена небольшая ниша, углубленная в пол на 0,22-0,26 м, где в свое время, по-видимому, и было помещено тело знатной покойницы. В плане она подпрямоугольной формы, со слегка скругленными углами. Размеры 3,16x1,12-1,70 (рис.73 I). Дно ровное, неперекопанное (рис.77).

Заполнение в районе погребальной камеры – достаточно разнообразное. В верхней части – это серый чернозём, попавший в погребальную камеру из насыпи при провале свода погребальной камеры. В нём найдены 3 невыразительные стенки от лепных сосудов, по-видимому, следы тризны.

У южной стенки камеры хорошо фиксировалась прослойка затёка, свидетельствующая о том, что в этом месте погребальная камера (после обвала свода в пределах западной траншеи Ю. Талько-Гринцевича) некоторое время стояла открытой.

В заполнении погребальной камеры, на разных уровнях, обнаружено несколько костей животных, а в северо-восточном углу – обломок металлического предмета прямоугольной формы с круглым отверстием в центре, явно позднего характера, не имеющего отношения к скифской эпохе. Возможно, это один из следов деятельности местных крестьян-кладоискателей. Вблизи западной стены погребальной камеры, на глубине 2,9 м от края, найдено конское ребро весьма хорошей сохранности, что заставляет вспомнить сообщение Г. Оссовского об упавшей в провал могилы лошади.

При подчистке дна погребальной камеры, начиная от перемычки, где стоял некогда деревянный заслон, и до южной стены, под которой была ниша для погребенной, найдено несколько предметов, пропущенных в ходе работ 1887 г. На уровне канавки, в северной части погребальной камеры, в переотложенном состоянии, обнаружены треугольная золотая бляшка, 2 круглые золотые бляшки, перстень со щитком из золотого пантикапейского статера (рис.80-81), 2 обломка бронзы от сосуда. Южнее указанных находок фиксировался небольшой слой коричневой органики. К югу от него, также в перемещенном состоянии, найдены обломок железного предмета неясного назначения фрагмент железного ножа.

Заполнение в районе ниши, где располагалось ложе знатной покойницы, в момент доисследования было мешанное (чернозём с материковой глиной), местами земля очень плотная («клёкляя»). У южной и восточной стен имелись завалы древнего происхождения. В заполнении встречались мелкие истлевшие человеческие кости, обломок золотистой бронзы.

К С, З и ЮЗ от боковой гробницы обнаружены остатки тризны, несомненно, связанные с этой могилой. Западный участок включает 2 скопления: 43 кости животных, найденные на расстоянии 4,0 м к З от катакомбы. Это кости одной особи лошади (33 кости), быка (1 кость), овцы или козы (1 кость). Восемь костей животных определить не удалось. В трёх метрах западнее находился участок с амфорным боем.

На северном участке найдены лишь 2 стенки амфор и конская кость. Поскольку эти находки вплотную примыкали к неисследованному участку насыпи с растущим грушевым деревом, нельзя исключать, что часть тризны осталась под указанным останцом.

Юго-западный участок со следами поминальной тризны расположен в 22,0 м к ЮЗ. Здесь было найдено несколько мелких костей животных, к сожалению, неопределимых.

Следует указать, что тризна на западном, а, возможно, и юго-западном участках была совершена до сооружения вторичной насыпи, сразу же после погребения знатной женщины.

Тризна, остатки которой зафиксированы к С от катакомбы, несомненно, произведена уже после досыпки кургана, т.к. она находилась за её пределами. Что же касается обломков лепных сосудов, попавших в заполнение погребальной камеры из насыпи при провале свода, то, скорее всего, это следы тризны, связанные с основным погребением.

III.3. Насыпь и ров

3.1. Состояние насыпи БРК перед началом исследований 1995 г.

Насыпь кургана никогда не распахивалась, хотя её края со всех сторон были подпаханы. Поверхность насыпи задернована, к моменту раскопок была поросшей густым

высоким разнотравьем. В плане насыпь округлая, по данным инструментальной съёмки имеет диаметры по оси С-Ю – 41,5 м, по оси В-З – 37,7 м (рис.1). Максимальная высота насыпи от уровня современной поверхности – 4,75 м (высота от уровня ДГ, как выяснилось в ходе раскопок, – 4,30 м) (рис3; 5). Насыпь была возведена на участке плато, плавно понижающегося с СЗ на ЮВ (перепад высот до 0,75 м). По этой причине, наиболее высокой насыпь выглядит с северо-западной стороны.

Данные визуального осмотра насыпи и инструментальной съёмки (рис.1) свидетельствуют, что наиболее хорошо сохранилась её южная и восточная части. Нарушение насыпи фиксируется в центре, на вершине, на северо-восточном и особенно – на северо-западном участках.

На вершине насыпи, в 1,0 м к ЮЗ от условного центра (репера, который являлся точкой отсчета и привязки всех объектов кургана) была расположена яма округлой в плане формы, диаметром 3,3, глубиной до 1,2 м. Стенки её хорошо сохранились, что свидетельствовало о позднем характере. При расчистке ямы в ней была обнаружена металлическая труба, от некогда стоявшего на вершине кургана триангуляционного знака и камни забутовки.

В 1,0 м восточнее центра начиналась сильно оплывшая траншея, идущая вниз по склону насыпи дугой в северо-восточном направлении. В начале её – расширение прямоугольной формы размерами 3,5 x 2,3 при глубине до 1,0 м. На остальных участках ширина траншеи колеблется от 1,2 до 1,6 м при незначительной глубине, за исключением центрального участка, длиной до 2,5 м с выгнутой в северо-западном направлении стенкой. Ширина траншеи в этом месте – 2,5 м. Северо-восточный край её опускается практически к основанию насыпи. Описанная траншея является, скорее всего, окопом времени Великой Отечественной войны.

Восточнее упомянутой траншеи, буквально от края насыпи к центру, по направлению СВ-ЮЗ, слабо просматривается ложбина, имеющая на отдельных участках ширину до 2,0 м и более. По-видимому, это следы одной из траншей Ю. Талько-Гринцевича.

Наиболее значительные повреждения имеет северо-западный участок насыпи. И визуально, и по данным инструментальной съёмки, здесь фиксируется хорошо выраженная западина, не имеющая чёткой формы. Край насыпи здесь слегка оттянут, деформирован. Именно здесь, по данным Г. Оссовского, располагалась обследованная им катакомба с женским захоронением, его раскоп. Здесь же производил шурфовку Д. Самоквасов, а также искали клады местные крестьяне. Насыпь на этом участке порыта норами различной формы и размеров.

У самого края северо-западного участка насыпи, недалеко от боковой могилы, растёт упомянутое уже довольно большое грушевое дерево, которое мы назвали «грушей Оссовского», возможно, являющееся свидетелем работ на кургане в конце XIX в. (рис.4).

Как уже отмечалось ранее, насыпь кургана не пахалась. Однако, её размеры, которые мы зафиксировали в 90-х гг. XX в., основательно отличались от засвидетельствованных в 80-х гг. XIX в. Изучаемая нами насыпь кургана имела высоту почти на 3,0 м меньше, хотя и больше в диаметре. Эта метаморфоза, на наш взгляд, может быть объяснена, в первую очередь, раскопочными работами XIX в. в северо-западной части, где располагалось боковое захоронение. Вследствие деструкции значительного участка насыпи она стала постепенно оползать, уменьшаясь, таким образом, в высоту и увеличиваясь в диаметре. Разумеется, негативную роль сыграли и более поздние нарушения, в частности, связанные с периодом Великой Отечественной войны, а также с установкой триангуляционного знака.

Используя формулу усеченного конуса $V=\pi/3 \times h (R^2+r^2 +R + r)$, где h – высота, R – радиус основного диаметра кургана, r – радиус малого диаметра – площадки на

вершине насыпи, можно получить примерный объем сохранившейся насыпи – 2, 3 тыс. куб. м.

3.2. Устройство насыпи

Сведения об устройстве насыпи были получены в ходе раскопок, главным образом, в процессе изучения её хорошо сохранившейся восточной половины. Насыпь БРК состоит из двух основных частей, соответствующих двум этапам её возведения или двум строительным периодам – *первичной*, более ранней насыпи (сооружённой над могилой знатного скифа, располагавшейся в центре подкурганной поверхности) и *досыпки*, более поздней (осуществленной после впуска под первичную насыпь женской могилы). Вследствие этого увеличился как диаметр, так и высота кургана.

Первичная насыпь имеет почти правильную округлую форму с лёгким смещением по оси В-З. Диаметр по оси С-Ю – 27, по оси В-З – 30 м (рис.2). Реконструируемая высота – около 8 м (т.е. соответствующая той, которую имел курган в 80-х гг. XIX в.) (рис.83-84). Конструктивно она состоит из следующих компонентов: ядра или основы, сложенного из специально вырезанных пластов или кусков дёрна различной формы и размеров, и чернозёмной части. Наличие дерновой основы в составе насыпи хорошо фиксировалось пятнистой структурой её центрального участка (рис.3). Некоторые из кусков дёрна имели длину до 0,5 м, форма их чаще всего – округлая. При этом куски дёрна не просто довольно компактно располагались в центре подкурганной поверхности. Центральная часть выкладки опиралась на материковый выкид Центральной гробницы, полудугой охватывающей её с восточной стороны. Иными словами, этот выкид также играл определённую роль в формировании основы первой насыпи. Судя по ситуации, зафиксированной в профиле Е/З и центральном профиле кургана, выкладка из пластов дёрна, скорее всего, располагалась и непосредственно над могилой (рис.5). Данные стратиграфии профилей восточной половины насыпи говорят в пользу того, что дерновая выкладка в плане была круглая с ориентировочным диаметром по оси С-Ю – 22 м (рис.5). В сечении же она, похоже, имела форму, близкую к полушаровидной. Зафиксированная максимальная высота выкладки до 3 м.

Слои чернозёма тёмного и коричневого цвета перекрывали эту выкладку со всех сторон и сверху, что увеличило диаметр первой насыпи до 27-30 м. Ширина чернозёмного слоя по краям 2,5 – 4,0 м. Его мощность в центре, очевидно, была более значительной.

После *досыпки* кургана диаметр его насыпи увеличился (во всяком случае, по оси С-Ю) до 35 м. При этом курган расширился с северо-западной стороны, т.е. там, где под первичную насыпь был осуществлен выпуск боковой женской гробницы. Насыпь кургана в плане приобрела в определённой степени овальный контур (рис.2). Досыпка состояла из тёмного чернозема, усиленного определенным количеством дерновых плиток. В нижней части, по склону, досыпка была покрыта слоем грудок материковой глины (очевидно, извлечённой при подчистке рва, выкопанного в более раннее время – см. ниже), игравшего роль своеобразной крепиды (рис.3; 5).

Какова была конкретная высота кургана после досыпки ясно не совсем. Однако, учитывая то обстоятельство, что в конце XIX в. БРК имел высоту около 8,0 м, вполне можно предположить, что после совершения досыпки высота кургана несколько увеличилась. Впрочем, досыпка над женской могилой могла и не достигать вершины насыпи. Стоит вспомнить, что Г. Оссовски писал, что ещё в его время (т.е. в 1880-х гг.) был виден некий горб на склоне насыпи, в районе впускного погребения.

Разницу во времени между сооружением первичной насыпи и досыпки (а, соответственно, и захоронениями в основной и впускной гробницах) определить трудно. Однако можно думать, что она была невелика, не более чем 3-4 года. Стратиграфи-

ческие наблюдения говорят о том, что между её досыпанной частью и первичной насыпью нет следов какого-либо дернового слоя, который вполне мог быть в случае наличия большого промежутка времени. Вместе с тем, нет оснований считать, что этапы сооружения насыпи кургана следовали непосредственно один за другим. Дело в том, что под досыпкой на северно-западном склоне первой насыпи наблюдался смыв, достигающий в своей основе около 40 см. Он образовался вследствие размывания первичной насыпи дождевой водой до возведения досыпки.

Ров

Тёмное пятно рва стало фиксироваться на уровне материковой глины, т.е. горизонта, с которого и был выкопан ров (рис.85). Чернозёмный слой в районе рва был снят и, вероятно, использовался для сооружения определённой части насыпи. В плане ров имел почти круглую форму с диаметрами по оси С-Ю – 43,2 (внутренний) и 44,2 (внешний), по оси В-З – 43,5 (внутренний) и 46,0 м (внешний). С северо-западной и юго-восточной сторон ров имеет две материковые перемычки шириной 4,7 и 4,8 м (рис.2; 86). Отметим, что именно на этой оси, т.е. СЗ-ЮВ, располагается и входная яма основной (Центральной) гробницы (рис.2). Этот факт убедительно говорит о том, что ров был сооружен ранее могилы, с учетом её будущего местоположения и планировки. Примечательно, что в дальнейшем вблизи этой оси было совершено и боковое захоронение знатной женщины. Конфигурация рва, имеющего с северо-западной стороны некий выступ, как бы, учитывает присутствие в этой части подкурганной поверхности в будущем захоронения (рис.2). Иначе говоря, в момент выкапывания рва строители кургана уже могли видеть потребность адаптировать форму погребальной зоны к планированию двух могил.

Ров по всему периметру имел довольно близкую ширину, в пределах 1,6-2,3 м, лишь в отдельных местах достигая 3,0 м (рис.87: 1-3). К сожалению, в юго-восточной части его верхние стенки были несколько срезаны в ходе бульдозерных работ.

В сечении ров на всех участках, как правило, вытянутой конусовидной или остроугольной формы (рис.88). Только в некоторых местах его нижняя часть – вытянутая и сильно суженная в виде канавки. Глубина рва от материковой поверхности (за исключением восточной половины, где он несколько срезан бульдозером) в среднем около 1,0 м, хотя в юго-западной части его глубина более значительная – 1,2-1,3 м.

Остатки тризны во рву располагались не на его дне, а выше, на грунте, образовавшемся из грязевых затеков вследствие дождей (рис.89). Это ещё одно косвенное свидетельство в пользу того, что ров был выкопан перед строительством гробницы, и в нём после его сооружения не совершалось каких-либо ритуальных действий, очевидно, до похорон. Каков был промежуток времени между сооружением рва и похоронами (а соответственно – тризной) мы не знаем. Но не исключено, что он мог насчитывать несколько недель. Вспомним в связи с этим свидетельство Геродота о 40 днях прощания скифов с вождем, в течение которых, очевидно, и сооружалась для него гробница.

Последовательность прослоек, составляющих заполнение рва, как правило, следующая. У самого дна – грунт жёлтого или коричневого цвета, выше – прослойки коричневатого-жёлтого грунта, следующие прослойки – жёлто-пятнистого цвета и состоят из грудок материковой глины, некогда составлявших «крепиду» по склону досыпки. Наконец, самые верхние прослойки представляют собой тёмный, чернозёмный грунт, смытый с верхней части насыпи вниз.

Остатки поминальной тризны в виде костей животных, обломков гончарной и лепной посуды располагались на затёчном грунте рва весьма неравномерно (рис.2). Определённое их скопление наблюдалось с двух сторон юго-восточной перемычки, вблизи

последней (конские кости, обломки сосудов). Затем в обе стороны от неё, на расстояние до 10-12 м, остатки тризны отсутствовали. Далее, примерно на таком же расстоянии, встречались единичные кости животных и фрагменты керамики. Однако по мере приближения к северо-западной перемычке следов поминальных действий становилось все больше. Наибольшая концентрация остатков поминальной тризны фиксируется на участке примерно в 20-21 м к В от упомянутой перемычки (при этом особый интерес представляет обнаруженный во фрагментарном состоянии череп ребенка, по-видимому, связанный с жертвоприношением) и примерно в 33,0 м к З от данной перемычки. В нескольких местах, по периметру рва, встречены следы слабых кострищ. Как правило, рядом с ними – кости животных. Наибольшее скопление остатков тризны наблюдалось с двух сторон северо-западной перемычки, особенно к ЮЗ от неё (рис.2; 90). Здесь найдены 2 венчика амфор, 2 ножки, амфорная ручка и стенки сосудов (рис.91), а также 5 конских черепов и 2 нижние челюсти (рис.92).

Всего во рву было найдено кости 7 лошадей (6 взрослых особей, одна полувзрослая), 2 быков (взрослая и молодая особь), козы или овцы (1 особь), зайца-русака (1 особь), а также рог оленя (?). Часть костей, в силу их фрагментарности, оказалась неопределимой.

Связаны ли остатки тризны, происходящие из рва, только с основным захоронением или часть из них относится к похоронному пиршеству, состоявшемуся после погребения знатной женщины, однозначно утверждать сложно.

Тем не менее, некоторые моменты все же позволяют предположить, что тризна во рву относится, прежде всего, к основному захоронению. Напомним, что в отличие от Боковой (впускной) могилы, вблизи с которой в ходе работ Ю. Талько-Гринцевича и наших раскопок 1995 г. были обнаружены остатки похоронного пиршества в виде амфорного боя и костей лошадей (3 особи), быка (1 особь), козы или овцы (1 особь), поблизости с Центральной (основной) могилой такие остатки практически отсутствовали: лишь несколько мелких костей козы и лошади.

Глава IV.

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

IV.1. Находки из Центральной Могилы ²⁵

А) Захоронение охранника

1. Остатки кожаного колчана с набором стрел

От колчана сохранились невыразительные фрагменты тёмной кожи. Набор стрел (65 экз.), располагавшихся в 3 ряда, имел вид блока шириной 9,0, толщиной 2,6 см (рис.96). Наконечники стрел – бронзовые, литые (53 – трёхгранные, 12 – трёхлопастные) содержали во втулках остатки древков, выполненных из клёна, берёзы, граба (Сергеева, 1999), длиной до 3,0 см (преднамеренно обломаны?)²⁶. Наконечники были скреплены окислами (рис.97).

Все *трёхгранные* экземпляры имеют скрытую втулку. Представлены двумя типами:

1. Наконечники с треугольной головкой и плавно подрезанными краями граней. Слегка различаются в деталях.

Вариант 1: наконечники без проточенного ложка (9 экз.). Высота 2,1-2,8 см. (рис.99: 44-52).

Вариант 2: со слабо намеченным ложком в самой нижней части граней (3 экз.). Высота 2,9 см (рис.98: 21; 99: 34, 53).

Вариант 3: с ложком, проточенным до половины граней или по всей длине (21 экз.). Высота 3-3,4 см (рис.98: 1-11, 13-17, 19-20, 22, 30). В деталях грани наконечников отличаются различной степенью проработки. Диаметр втулок примерно одинаков – 3,0 мм.

подавляющее число наконечников данного типа происходит из поздних комплексов, которые ранее относили к IV-III вв. до н.э. (Петренко 1967, с.47, 175, табл.35).

2) Наконечники с длинной узкой треугольной головкой и фигурно подрезанными, сильно опущенными вниз концами граней (2 экз.) Высота наконечников 3,3- 3,4 см (рис.99: 57-58).

Как и наконечники первого типа, известны в наиболее поздних колчаных наборах Скифии (Мелюкова 1964, с.25, табл.9: И3, К5, Н6, П1,7).

Итак, все трёхгранные наконечники стрел (35 экз.) относятся к наиболее поздним типам, время которых ранее определялось IV-III вв. до н.э.

Трёхлопастные наконечники делятся на 2 группы: со скрытой втулкой (24 экз.) и со слегка выступающей втулкой (6 экз.).

²⁵ Хранятся в Институте археологии НАН Украины и Археологическом музее указанного учреждения.

²⁶ Ср.: Бессонова 1973, с. 246.

Среди наконечников первой группы выделяются следующие типы:

1. Наконечники с башневидной головкой и слегка проточенным снизу ложком (4 экз.) Высота 2,2; 2,5 см (рис.99: 39, 40, 42, 55). Такие наконечники известны в скифских погребальных комплексах, относящихся, по датировке А. Мелюковой, к IV-III вв. до н.э. (*Мелюкова 1964, табл. 9: О8, 10: 9, П8*).

2. Наконечники с треугольной головкой и ложком, проточенным в нижней и средней части лопасти (15 экз.) Высота 2,2-2,7 см (рис.98: 3, 18, 23-29; 99: 31-33, 35-37).

Подобные наконечники появились в Восточноевропейской Лесостепи и в Днепровском Правобережье в частности, по наблюдениям В. Петренко, ещё в начале V в. до н.э., но широкое распространение получили в последующий период (*Петренко 1967, с.47, 175, табл.35: 256*).

3. Наконечники со сводчатой треугольной головкой и с хорошо выделенной с помощью ложков втулкой (4 экз.). Высота наконечников 2,5; 3 см (рис.98: 10, 12; 99: 43, 59). Наконечники данного типа известны в Скифии и в Лесостепи, в частности, с начала V в. до н.э. на протяжении указанного столетия (*Петренко 1967, с.46, табл.34: 132-154*).

4. Наконечник с башневидной головкой, П-образно проточенным ложком, практически до середины горизонтальной внизу лопасти. Высота 2,4 см (рис.99: 38). Такие наконечники господствуют в колчаных наборах Скифии во 2-ой половине VI – начале V вв. до н.э. (*Полін 1987, с.28, рис.7:13-20, 36, с.30, рис.9:14-16, 20, 31, 36*).

Среди наконечников второй группы (с выступающей втулкой) выделяются 2 типа:

1. Массивные наконечники с вытянутой треугольной головкой, хорошо выделенной втулкой, подрезанными под острым углом концами лопастей (4 экз.). Высота 3,2-3,9 см (рис.99: 60-63). Эти наконечники известны в основном в комплексах 2-ой половины VI-V вв. до н.э. (*Мелюкова 1964, с.21, табл. 7: Е 10; Полін 1987, с.28, рис.6:10-11, с.31, рис.11:19-21*).

2. Наконечники с треугольной головкой, слегка выступающей втулкой и ложком подпрямоугольной формы, доходящим до середины лопасти (2 экз.). Высота 3,1; 3,4 см (рис.99: 64-65). Как и наконечники описанного выше типа, данные экземпляры свойственны в основном для колчаных наборов конца VI-V вв. до н.э. (См.: *Полін 1987, с.30, рис.10:31, 38-39, с.31, рис.11:22-24*).

Итак, среди описанных 65 наконечников колчанного набора охранника все трёхгранные экземпляры (35) и 19 трёхлопастных наконечников, безусловно, принадлежат к поздним типам, время которых ранее традиционно определяли IV-III вв. до н.э.; 11 же трёхлопастных наконечников (и особенно 6 из них) имеют явно *архаический* облик, известный по наконечникам из колчаных наборов Скифии конца VI-V вв. до н.э. Это чрезвычайно любопытный факт зафиксирован лишь в колчане охранника: в трёх колчаных наборах знатного скифа – как мы увидим далее – совершенно иная ситуация. Удивляет чрезвычайно большое число ранних наконечников (11 экз.) по отношению к общему количеству наконечников колчана (65 экз.): они составляют более 16% всего набора.

Отметим, что случаи обнаружения архаических наконечников в скифских погребальных памятниках, в том числе – в колчаных наборах, относящихся к более позднему времени, известны, но представлены такие наконечники, как правило, единичными экземплярами. Фиксируются они в погребениях различных социальных групп Скифии (см., например: *Мозолевский 1980, с.83, рис.20: 4; Скорый 1982, с.235, рис.5:22, с.236*), в том числе – в курганах скифской аристократии, например, в Огузе, Чертомлыке, Краснокутском кургане (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.94, рис.64:17, с.96; Мелюкова 1981, с.63-64, рис.18:и-м*). Возможно, последние играли не столько роль оружия, сколько аму-

летов, апотропеев, подобно тому, как это было в позднескифское время, когда иногда в могильниках первых веков н.э. встречаются бронзовые наконечники стрел, наиболее ранние образцы которых относятся к VII-VI вв. до н.э. (*Высотская 1994, с.130*).

Однако случаи обнаружения такого количества ранних наконечников в колчане более позднего времени, как это имело место в Рыжановке, нам не известны. Можно предположить, что при жизни охранник не воевал стрелами с такими архаическими наконечниками. Скорее всего, они были преднамеренно положены в его колчан уже после смерти, чтобы в потустороннем мире, снабжённый стрелами, воплощающими мощь не только современного ему, но и более раннего оружия предков, он надёжно защищал своего господина. Иными словами, стрелы с такими наконечниками, имели ритуальный характер (*Скорый, Хохоровски 2004, с.36-37; Chochorowski, Skoryj 2014, s.78*).

2. Нож железный с костяной ручкой

Имеет прямое (длиной 9,0, шириной 1,8-2,2 см), слегка расширяющееся к концу лезвие, обрезанное под тупым углом к острию, небольшую ручку со слегка обломанным верхним краем. К ручке с двух сторон с помощью двух железных заклёпок крепились костяные накладки. Длина накладок 4,0, максимальная ширина 1,4 см. Средняя часть ножа сточена. Металл коррозирован. Нож входил в состав колчанного набора и предназначался для затачивания древков стрел (рис.100: 1).

Относится к широко известной в скифской материальной культуре группе ножей «с горбатой спинкой и прямым лезвием» (*Граков 1954, с.110, табл.XIII:1*). По типологии Б. Шрамко, это нож 1-го подтипа 2-го типа подгруппы «Б» II-ой группы ножей раннего железного века, или заклёпочный нож с рукояткой, снабжённой простыми костяными накладками (*Шрамко 1983, с.53-54*). Подобные ножи стали широко применяться в скифо-сарматском мире уже с V в. до н.э. и не дают узкой даты.

3. Шило железное с деревянной ручкой

Обнаружено во фрагментированном состоянии. Сохранившаяся длина рабочей части 7,0 см (конец обломан), черенка со следами дерева – 2,0 см. Шило в сечении четырёхгранное (2 x 2 мм) (рис.100: 2).

Подобные шилья, являющиеся в определённой степени универсальными орудиями труда, получили широкое распространение в скифскую эпоху. По типологии Б. Гракова, данный экземпляр относится к прямым шильям 3-го типа (с коротким четырёхгранным насадом в виде усечённой пирамиды) (*Граков 1954, с.111, табл.XIII: 8*).

4. Браслет-перевязь в виде низки бус

Состоит из 27 бусин: 25 стеклянных колёсовидных с ребристой поверхностью, чёрных (диаметр 5-7, толщина 4,0, диаметр отверстия 3,0 мм), одной стеклянной бочёнковидной формы, белой, с тремя голубыми глазками в коричневом ободке (диаметр 7,0, высота 6,0, диаметр отверстия 3,0 мм) и одной большой костяной, бочёнковидной формы бусины с гофрированной поверхностью (диаметр 9-10, высота 11, диаметр отверстия 5 x 6 мм) (рис.101).

Бусы, особенно выполненные из стекла и являющиеся античной продукцией, пользовались широкой популярностью в Скифии в качестве личных украшений и декора костюма. По наблюдениям В. Петренко, бусы, подобные описанным выше, в значительном количестве встречаются в скифских могилах (прежде всего – женских) V-III вв. до н.э. (*Петренко 1967, с.33*). В мужских же захоронениях бусы фиксируются крайне редко и в небольшом количестве (*Петренко 1967, с.33*).

Сочетание в перевязи со стеклянными бусинами костяной, возможно, свидетельствует об амулетном назначении браслета (*Клочко 1992, с.17*).

5. Остатки деревянного подноса или блюда

Фиксировались в виде тлена коричневого цвета, образующего прямоугольную форму (размеры: 43 x 23 см).

Деревянные подносы или блюда, тарелки, на которых располагалось жертвенное мясо, являлись обычным предметом в составе погребального инвентаря скифских захоронений, начиная с V в. до н.э. Чаще всего от них сохраняются лишь незначительные фрагменты. Относительно целые экземпляры, дающие представления об этой деревянной посуде, крайне редки. Примеры: поднос в кургане у с. Нагорное Днепропетровской области (*Мозолевский 1973, с.198, рис. 4*), блюдо и тарелка в кургане № 2 (погребение № 3) у с. Зелёное Херсонской области (*Фиалко 2015, с.128, рис.4:1, 5*), блюдо в кургане № 5 (погребение № 2) близ р. Ташенак в Приазовье, в Запорожской области (*Болтрик, Фиалко 2011, с.142, рис.11: 12*).

Б) Конское захоронение

От конской сбруи сохранились лишь металлические детали, некогда крепившиеся на кожаной основе: удила в комплекте с псалиями и налобник, входившие в состав оголовья, и подпружная пряжка.

1. Удила железные стержневидные с концами, загнутыми в круглые петли (а), с железными прямыми двудырчатыми псалиями, имеющими восьмёрковидные расширения в средней части и плоские шляпки по краям (б).

а) *Удила* кованые петельчатые, состоят из двух звеньев длиной по 15,0 см. Одно звено – шестигранное в сечении (9 x 9 мм), другое – четырёхгранное (9 x 9 мм). Диаметр внешний малых колец – 3,0, диаметр внутренний – 1,2-1,4 см. Диаметр внешний больших колец 4,1-4,2, диаметр внутренний – 2-2,2 см. На левом звене удила в районе сочленения его с псалием, располагалось железное кольцо, которое в момент открытия было «приварено» железным окислом. Внешний диаметр кольца 2,7-3, внутренний 2-2,2 см. Это кольцо крепилось ремешком к удилам и служило одним из колец для повода. На нём сохранился небольшой участок минерализованной кожи от упомянутого ремня (рис.102: 1; 103: 1; 104: 1).

б) *Псалии* двудырчатые также выкованы из прута. Длина одного экземпляра 16,8, другого – 17,1 см. В сечении прут подквадратной или шестигранной формы (7 x 8 мм). Ширина восьмёрковидного расширения псалиев до 3,0 см. Диаметр шляпок на концах 1,3-1,5 см, диаметр отверстий – 7-8 мм.

На правом псалии, на большом внешнем кольце, сохранился отпечаток кожаного (?) ремня шириной до 1,0 см (рис.102: 2; 103: 2; 104: 2). Удила и псалии а момент обнаружения были сильно коррозированы.

2. *Налобник (нахрапник)* железный, кованный с тесловидной, ассиметрической нижней частью, выступающей вперёд, полукруглой средней частью (имеющей круглое отверстие для крепления на ремне) и загнутой в петлю верхней частью. Общая длина предмета 6,8, максимальная ширина нижней тесловидной части 1,8, диаметр большого отверстия 0,8 и диаметр внутренней петли – 0,5 см (рис.102: 3; 103: 3; 104: 3).

3. *Пряжка подпружная* железная, кованная, прямоугольной формы с выступающим, загнутым под прямым углом, язычком. Размеры пряжки: внешние – 5,5 x 4,4, внутренние 4,2 x 3,2 см. Язычок выступает за пределы пряжки на 5,0 мм. На одной из сторон пряжки в районе язычка фиксировались фрагменты минерализованной кожи от подпружного ремня (рис.102: 4; 103: 4; 104: 4).

Металлические детали конской упряжи, подобные описанным выше, достаточно хорошо известны в конских наборах Скифии.

Так, железные двусоставные петельчатые удила (тип II,1.3, по А. Могилову), появившись в скифо-савроматском мире ещё с конца VII в. до н.э., бытовали на протяжении всей скифской эпохи. Широко известны в ареале Восточноевропейской Лесостепи: только в пределах Днепровского Правобережья их зафиксировано более 390 экз. (Могилов 2008, с.19-22, рис.13-37).

Прямые двудырчатые стержневые псалии, с восьмёрковидными расширениями у отверстий и плоскими шляпками на концах (тип II,5.2, 11, по А. Могилову) известны с конца раннескифского периода, но получают широчайшее распространение на территории степной и лесостепной зон Северного Причерноморья в IV в. до н.э. (Ильинская 1973; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.123; Могилов 2008, с.39, рис.82, 83:1-26).

Кованые железные налобники (нахрапники) с тесловидной нижней частью появляются в конском уборе со 2-ой половины V в. до н.э. Но характерны для наиболее поздних (не ранее 2-ой половины – конца IV в. до н.э.) конских уборов Скифии (Могилов 2008, с.88). Они достаточно хорошо известны как в степных древностях (Фіалко 1996, с.94, рис.1, с.95, рис.2), так и в памятниках Восточноевропейской Лесостепи, особенно на Среднем Дону (Могилов 2008, с.88). Однако, их бытование вовсе не ограничивается исключительно IV в. до н.э. В могильнике Глиное (Нижнее Поднестровье) в нескольких погребениях, несомненно, III в. до н.э. встречены именно такие налобники, близкие к тому же и по размерам (Тельнов, Четвериков, Сеника 2065, с.87, рис.30:11, с.242, рис.125:8). В связи с этим, уместно вспомнить точку зрения А. Симоненко, высказанную достаточно давно в статье, посвященной происхождению позднескифских конских налобников с петлей, о генетической связи последних с железными налобниками поздней поры классической Скифии, имеющими ассиметрической (тесловидной) формы лопасть и загнутую в петлю верхнюю часть (Симоненко 1987, с.243-244). Позже сходные соображения высказал и А. Канторович (2007, с.76-77). В любом случае, вполне очевидно, что подобные налобники использовались в конском уборе, во всяком случае, и в 1-ой половине III в. до н.э. Правда, С. Полин полагает, что время бытования подобных налобников следует ограничить в рамках 1-ой – 3-ей четвертей IV в. до н.э. (Полин 2014, с.37-39), но для этого автора вообще свойственна тенденция удревнения многих материалов скифской эпохи.

Подпружные железные пряжки, близкие по форме рыжановской, не редкость в конском уборе, относящемся к позднескифскому времени (Могилов 2008, с.62-63), чаще всего – 2-ой половины IV в. до н.э. С. Полин склонен ограничивать «время господства» таких деталей конской упряжи 3-ей четвертью IV в. до н.э., хотя, на наш взгляд, для этого нет должных оснований. К слову сказать, в ряде погребений уже упоминаемого могильника Глиное (III-II вв. до н.э.) присутствуют такие подпружные пряжки (Тельнов, Четвериков, Сеника 2015, с.153, рис.68: 14, с.157, рис.70:1).

В целом же, конская узда с исключительно железными деталями присуща наиболее поздним погребальным памятникам Скифии (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.123). Примечательно, что железные детали конской узды, абсолютно аналогичные найденным в ЦМ БРК (совпадают размеры, отсутствует лишь подпружная пряжка), обнаружены в гробнице № 2 кургана Хомина Могила близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области (Мозолевский 1973, с.228, рис.34: 9-10. с.229). Найденная в этой могиле херсонесская амфора с клеймом ΠΡΟΔΟΤΟΣ ΑΣΤΥ (Мозолевский 1973, с.228, рис.34:8, с.229, рис.35) позволяет отнести захоронение к 300-285 гг. до н.э. (Кац 1994, с.51, 76, табл. XXII-XXIII). Однако, С. Полин не согласен с подобной датировкой, указывая, что в свете пересмотра датирования хронологии херсонесского клеймения, гробница № 2 Хоминой Могила должна быть отнесена ко 2-ой-3-ей четвертям IV в. до н.э. (Полин 2014, с.501-502), Стоит отметить при датировании этого комплекса довольно любопытный методический поход С. Полина. То он, при этом, опирается на изменив-

шиеся представления о хронологии херсонесских амфор (что, в общем, выглядит верным при наличии в комплексе хроноиндикатора в виде античной керамики и – главное – верных её хронологических позиций), то апеллирует к типам бронзовых наконечников стрел комплекса, отмечая, что они представлены «отнюдь не поздними типами». Однако, при условии, что амфора имеет надёжную датировку, именно она должна являться доминирующей в определении времени захоронения. Известен не один случай, когда в колчаных наборах довольно поздних захоронений присутствуют экземпляры несомненно более ранних наконечников стрел.

Погребальная камера Захоронение знатного скифа

Вооружение и связанные с ним предметы воинской амуниции

1. Меч железный, однолезвийный, с обтянутой тонким золотым листом рукоятью (рис.105:1). Находился в деревянных ножнах с серебряным наконечником. От ножен сохранился лишь тлен. Общая длина меча 55,0 см. Клинок очень плохой сохранности, сильно корродирован и разломан на несколько частей²⁷. Навершие меча овальной формы (4,5 x 1,6 см). Ручка прямая. В сечении – овальная. Ширина её 2,9-3,0, длина 8,0, толщина 1,2 см. Перекрестье полубабочковидное, максимальная ширина – 5,0 см.

С двух сторон, по бокам, золотой лист прорван корродированным металлом ручки. Проба золота – 750°²⁸.

На золотом листе плакировки, с двух сторон, имеются рельефные чеканные изображения животных (рис.105:2). На навершии, в овальном медальоне, передано сидящее животное с поджарым туловищем, мощными лапами, длинным хвостом, высокой шеей, на которой – небольшая повернутая влево голова с длинными, отогнутыми назад ушами и открытой пастью. Шерсть изображена круглым пуансонным орнаментом. Видовая принадлежность животного под вопросом. Хотя, на наш взгляд, оно более всего напоминает кошачьего хищника. Изображение в целом весьма схематично.

Вдоль ручки, в прямоугольном медальоне, изображены 2 животных: лежащий лось с поджатыми под туловище ногами, низко опущенной мордой и непропорционально большими рогами, и стоящий кошачий хищник (по-видимому, рысь) с поджарым туловищем, мощными лапами, коротким, загнутым в петлю хвостом, небольшой головой, развернутой в фас с острыми «кошачьими» ушами. Шерсть передана пуансонным орнаментом.

В трапециевидном медальоне перекрестья представлен стоящий кошачий хищник с поджарым туловищем, мощными лапами, небольшой головой со стоящими ушами, удлинённым толстым хвостом. Шерсть также показана с помощью пуансонного орнамента. Не исключено, что это пантера. Описанные изображения выполнены в весьма условной манере.

Обкладка рукояти потерта, особенно с одной из сторон, очевидно, вследствие долговременного ношения на поясе⁵.

Серебряный наконечник ножен имеет вид вытянутого узкого треугольника длиной 16,0, шириной 3,3, толщиной 1,1 см. По краю наконечника проходит бортик шириной до 4,0 мм. По центру – ложбинка-нервюра длиной до 5,0 см. Серебро плохо сохранилось. Покрывается окислами фиолетового цвета.

²⁷ По мнению д-ра Э. Носек (Отдел консервации Краковского археологического музея), осуществлявшей реставрацию меча, у него был тонкий и не качественный клинок, что, по-видимому, указывает на вторичное использование рукояти (*Nosek, Mazur 1999, s.335-336*).

²⁸ Здесь и далее пробы и вес изделий из драгоценных металлов, найденных в ЦМ БРК, даны по результатам их опробирования и взвешивания в Государственной пробирной палате Министерства финансов Украины.

Меч из ЦМ БРК относится к серии однолезвийных мечей с рукоятью, обложенной золотым листом с изображением животных. Помимо экземпляра из упомянутого кургана, в настоящее время известно еще 9 таких мечей: в Степи — 1) курган Чертомлык, юго-западная камера, северный воин, 330-300 гг. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.170-171, кат.73); 2) с. Пески, курган № 9, погребение № 1, середина – 2-я половина IV в. до н.э. (Гребенников 1987, с.153-154, рис.4:10); 3) курган Соболева Могила, южная гробница (№ 2), середина – 3-я четверть IV в. до н.э. (Мозолевский, Білозір, Василенко 1993, с.72; Мозолевский, Белозор 1996, с.35; Tresors... 1998, р.52; Мозолевский, Полин 2005, табл.19); 4) с. Малая Лепетиха, курган № 10, погребение № 4, 1-я половина IV в. до н.э. (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, с.83, рис.7:1, с.91, рис.16:1-2; Евдокимов, Куприй 1994, с.200; Данилко, Куприй 2004, с.85, рис.3: 2); 5) Шульговка, Большой (Первый) курган, не ранее 330 г. до н.э. (Алексеев 2006, с.46-47, 61, рис.1:1); 6) с. Новониколаевка, курган, IV-III вв. до н.э. (Мелюкова 1964, табл.19:11); 7) Керчь (?), собрание Эрмитажа (Алексеев 2006, с.46-47, 61, рис.2:4); 8) Между селами Новоалександровка-Богачевка, Крым, Присивашье, курган № 5, погребение № 3, 3-я четверть IV в. до н.э. (Колтухов 2006, с.75-76, 125, рис.16:4-5). В Лесостепи – 9) Капитановка (Турия), курган № 487, погребение № 2, IV-III вв. до н.э. (Бобринской 1910, с.70, рис.80).

Д. Топал, рассмотревший недавно данную группу однолезвийных парадных мечей, предложил для них наименование «мечи типа Шульговка», принимая во внимание топоним наиболее ранней находки данного оружия (Топал 2014, с.143).

Мечи из Чертомлыка, Соболевой Могилы, Керчи (?), Малой Лепетихи являются прямыми аналогиями рыжановскому экземпляру. Прежде всего, по характеру оформления рукояти. Можно вполне предположить, учитывая чрезвычайное сходство в деталях изображений животных, что золотые обкладки указанных мечей сделаны на одной матрице. Примечательно, что у мечей из Соболевой Могилы и кургана у с. Пески наконечники ножен, такие же, как и у рыжановского экземпляра, изготовлены из серебра (в Чертомлыке – он золотой, в кургане № 10 у с. Малая Лепетиха – электровый). Иными словами, упомянутые мечи почти идентичны и отличаются лишь размерами клинка: ЦМ БРК – 55, Пески – 50, Малая Лепетиха – 57, Соболева Могила – 66,7 см, что, по-видимому, может объясняться желанием заказчика. Таким образом, наиболее близким по размеру мечу из БРК является экземпляр из Малой Лепетихи. Поскольку в Соболевой Могиле было четко зафиксировано покрытие деревянных ножен «тиснённой, раскрашенной алыми цветами кожей» (Мозолевский, Белозор 1996, с.35), можно предположить, что аналогичное оформление имели ножны всех мечей этой серии. Таким образом, в Северном Причерноморье, вероятно в Пантикапее, в IV в. до н.э. существовала мастерская (или мастерские?), изготавливавшая однотипные парадные мечи с обложенной золотом рукоятями (Онайко 1970, с.31; Черненко 1980, с.69; Мозолевский, Полин 2005, с.352-353; Скорый 2010, с.399-403; Skory, Chochorowski 2010, p.267-281).

2. Копьё с железным наконечником (а), деревянным древком (б), железным втоком (в), крепящемся на конце древка.

а) Наконечник копья длиной 58,6 см с пером узкой листовидной формы. Перо тщательно проковано, в сечении – ромбовидное. Его максимальная ширина 4,5 см. Максимальный диаметр (внешний) втулки наконечника 2,7 см. По всей длине втулки имеется шов-разрыв. Внешний диаметр муфты 3,0, внутренний диаметр (а соответственно – и втулки) – 1,9 см. На одной из сторон пера, лежащей в момент открытия на глиняном затеке, образовавшемся на полу погребальной камеры, четко фиксировался фрагмент плотной кожи, окрашенной в красный (?) цвет. На втулке наконечника удалось отметить остатки полностью минерализованного шнура. В целом, металл наконечника копья сильно корродирован (рис.106: 1). Наконечник изготовлен из железа хорошего качества (Nosek, Mazur 1999, s.336-338) (рис.107:1).

Наконечник копья, по классификации А. Мелюковой, относится ко 2-му варианту 2-го типа II-го отдела скифских наконечников копий (или наконечники с остролистным узким и длинным пером без ребра) (рис.108:1). Это достаточно поздний тип, который датируется IV или IV-III вв. до н.э. (Мелюкова 1964, с.40-42).

б) От деревянного древка сохранился лишь тлен коричневого цвета. Однако, расположение наконечника копья и втока *in situ* указывают длину этого оружия – 2,35 м. Диаметр древка, исходя из внутреннего диаметра втулки наконечника копья, был не менее 1,9-2 см. Судя по древесным остаткам во втулке копья, древко его было изготовлено из ясеня²⁹.

в) Вток имеет вид продолговатой цилиндрической трубки с незамкнутым верхним концом, длиной 11,0 см, имеющей внешний диаметр 2,0, внутренний 1,2-1,3 см. Поверхность втока сильно коррозирована. На ней фиксировались небольшие кусочки кожи. Внутри сохранился тлен от древка (рис. 109:1; 111: 1).

Исходя из общих размеров, данное копье может быть отнесено к длинным или «штурмовым» скифским копьям, имевшим длину более 2,2 м (Черненко 1984, с.234).

3-4). Два дротика с длинными железными наконечниками (а), деревянными древками (б) и железными втоками (в).

а) Наконечники дротиков абсолютно одинаковые по форме и размерам, длиной 57 см. Каждый наконечник состоит из продолговатой круглой втулки, плавно переходящей в длинный круглый прут (диаметром 1,0 см) с двусторонними жаловидными окончаниями. Наконечники тщательно выкованы. Длина втулки 17,5, диаметр внешний 2,0, внутренний – 1,5 см. Вдоль втулки, по всей длине – шов-разрыв. На конце втулки закреплена плоская муфта шириной 0,5, диаметром 3,0 см. На каждой втулке, на расстоянии 5,0 см от края, с двух сторон, находятся сквозные отверстия диаметром примерно 0,5 см для лучшего закрепления наконечника на древке.

Длина жаловидного окончания у одного из наконечников 6,5, у другого – 7,5 см. Острие жаловидного окончания в сечении ромбовидное. Металл наконечников сильно коррозирован. У одного из экземпляров, также как и в случае с наконечником копья, на одной из сторон прута фиксировались ярко выраженные следы кожи (рис.106: 2-3; 107: 2-3; 108: 2-3).

б) От древков в основном сохранился лишь тлен коричневого цвета и небольшие фрагменты во втулках наконечников и втоках. Судя по диаметрам втулок наконечников дротиков, диаметр их древков был не менее 2,0 см.

в) *Втоки* в виде продолговатых цилиндрических трубок с незамкнутым верхним концом, практически одинаковых размеров: длиной 11,0 и 11,2 см, с внешним диаметром 1,8, внутренним – 1,2 см. У одного из втоков, состоящего из двух фрагментов, на расстоянии 3,0 см от нижнего конца, имеется сквозное отверстие диаметром до 2,0 мм для лучшего закрепления втока на древке. На поверхности этого втока отмечены небольшие участки кожи. Металл втоков сильно коррозирован (рис.109: 4, 6; 111: 4, 6).

5-7). Три дротика с короткими железными наконечниками (а), деревянными древками (б) и железными втоками (в).

а) Наконечники дротиков однотипные и практически одинаковые по размерам: их длина варьирует от 34 до 34,5 см. Также, как и описанные выше длинные наконечники, они состоят из небольшой удлиненно-конической втулки, плавно переходящей в длинный (превосходящий её по длине примерно в 2 раза) прут диаметром до 1,0 см. На конце его – двусторонние жаловидные окончания. Длина втулок – примерно 11,0, диаметр внешний (максимальный) 2,2, внутренний – примерно 1,5-1,7 см. По краю

²⁹ Определение остатков дерева, связанного с вооружением, здесь и далее осуществлено к.и.н. Сергеевой М. из Института археологии НАН Украины (Сергеева 1999, с. 314).

втулки проходит муфта шириной до 7,0 мм. На расстоянии 1,6-2 см от края на всех трёх втулках – сквозное круглое отверстие диаметром до 5,0 мм для лучшего закрепления наконечников на древках. Длина жаловидных окончаний у двух дротиков равна 6,0 см (у одного из них жало с одной стороны обломано), у третьего дротика длина жаловидного окончания 5,5 см. Остриё дротиков в сечении имеет ромбовидную форму.

На жаловидном острие одного из коротких дротиков, так же, как и на наконечнике копья и на одном из длинных наконечников, фиксировались остатки кожи. Металл всех трёх наконечников сильно коррозирован (рис.106: 4-6; 107: 4-6; 108: 4-6).

б) *Втоки* коротких дротиков, в отличие от длинных, одинаковых по форме и размерам, различаются между собой. Один из них – в виде продолговатой трубки (длина 10, диаметр внешний 1,4, внутренний – 1,0 см), со слегка расширяющимся округлым окончанием, диаметром 1,8 см (рис.109: 6; 110: 3; 111: 5); другой – имеет вид вытянутой конусовидной трубки с хорошо выделенным округлым утолщением на конце (длина втока 9,8, диаметр внешний максимальный 2,3, минимальный – 1,0, диаметр внутренний 1,2-1,7, диаметр округлого утолщения 2,0 см), вдоль всей длины трубки – шов-разрыв (рис.109: 3; 110: 2; 111: 3); третий вток, наибольший по размерам (длина 15,2 см), имеет форму продолговатой трубки, слегка сужающейся к краю, который снабжен утолщением (диаметр внешний максимальный 1,8, минимальный – 1,0, диаметр утолщения 1,5, внутренний диаметр втока 1,2 см). У нижнего края третьего втока, на расстоянии 3,2 имеется сквозное круглое отверстие диаметром 3,0 мм для лучшего закрепления втока на древке (рис.109: 2; 110: 1; 111: 2).

Тем не менее, при описанных различиях данные втоки сближает одна особенность, а именно – «глухой» замкнутый верхний конец с явно выделяющимся утолщением. Металл всех втоков сильно коррозированный. На поверхности двух, более коротких втоков, фиксировались остатки кожи.

Все дротики и втоки изготовлены из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*).

Несмотря на различную длину втоков, данные дротики с короткими наконечниками (судя по расположению *in situ* наконечников и втоков) имели такую же длину, как копье и дротики с длинными наконечниками, т.е. 2,35 м. Пожалуй, следует также отметить, что древки указанного оружия, имеющие практически одинаковый диаметр (около 2,0 см) по всей длине, сужались в местах их креплений во втулках и втоках.

Дротики с наконечниками, имеющими двустороннее жаловидное окончание, появившись в скифской панолии в V в. до н.э., особое распространение получили в последующее столетие – IV в. до н.э. (*Мелюкова 1964, с.45*). Описанные типы втоков, закрепляющихся на древках, также хорошо известны в скифских воинских могилах, где встречены наконечники копий и дротиков (*Мелюкова 1964, табл.13:12-13,16*).

8). *Ворварка железная*, кованная, в виде усечённого конуса, с намеченными гранями, обнаруженная рядом с наконечником копья и дротиков. Размеры: высота 0,5, диаметр нижней части 1,4, верхней – 0,7, диаметр сквозного отверстия 0,5 см (рис.111: 7). Металл сильно коррозирован.

Учитывая, что наконечники копья и дротиков лежали рядом, пучком, вплотную друг к другу (как, впрочем, и втоки), наличие остатков кожи (красного цвета?) на наконечнике копья и, по крайней мере, – на двух дротиках, остатки минерализованного шнура на втулке наконечника копья, а также железную ворварку, есть все основания считать, что на наконечники копья и дротиков был надет кожаный чехол красного (?) цвета, завязанный шнурком с ворваркой. Расположение же втоков пучком, говорит о том, что концы древков были связаны кожаным ремешком (вспомним следы кожи почти

на всех втоках !) и в таком положении оружие было помещено на двух крюках, закреплённых в стенках погребальной камеры.

Ситуация, когда на наконечниках копий или дротиков были надеты специальные чехлы из кожи или холста, закреплённые ремешком с ворваркой, неоднократно фиксировалась в скифских погребениях Северного Причерноморья (*Бессонова, Скорый 1986, с.167; Фиалко 1987, с.184; Скорый, 1997, с.32*). Очевидно, назначение таких футляров или чехлов – защита, как воина, владельца оружия, так и его коня от слишком острых концов копья или дротика. Можно полагать, что в мирной обстановке копья и дротики были всегда зачехлены.

9-10). Крюки железные, кованые, плавно изогнутой округлой формы, на которых крепились дротики и копья. Различаются, прежде всего, размерами. Изготовлены из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*).

Сохранились сравнительно хорошо, хотя и покрыты коррозией.

9). Крюк больших размеров выкован из круглого прута диаметром 11-12 мм. Длина крюка 36, максимальная ширина 25,6 см. Верхний конец горизонтально раскован, прямоугольной формы (2,2 x 2,6 x 0,8 см), примерно в центре имеет круглое сквозное отверстие диаметром 6,0 мм. В этом отверстии, в момент открытия, фиксировались остатки деревянного колышка (?), с помощью которого крюк крепился к стене. Нижний конец крюка имеет конусовидную шляпку диаметром до 2,0 см (рис.112-113).

Практически вся поверхность крюка была старательно обмотана в технике прямой обмотки кожаным ремешком шириной около 1,0 см.

10). Крюк меньших размеров выкован из круглого прута диаметром 11-13 мм. Длина крюка 30,7, максимальная ширина 23,3 см. Верхний конец также, как и у описанного выше крюка, уплощён, раскован, прямоугольной формы (2,5 x 2 x 1,4 см), примерно в центре – сквозное круглое отверстие диаметром 4,0 мм, посредством которого крюк крепился к стене.

Вся поверхность крюка была обмотана кожаным ремешком, шириной до 1,0 см, в технике косой обмотки (рис.114).

На поверхностях обоих крюков в момент обнаружения фиксировались фрагменты ткани, которой в своё время были покрыты стены погребальной камеры.

Подобные железные крюки – не редкость в курганах скифской элиты Северного Причерноморья, хотя они известны и в древностях Восточноевропейской Лесостепи. Несомненно, предназначались для развешивания или крепления на них разнообразного вооружения и погребальной утвари. Наиболее ранние крюки относятся ко 2-ой четверти V в. до н.э., бытуя до конца скифского периода. Примечательно, что в погребальных памятниках на иных территориях они не фиксируются (*Полин 2014, с.125-126, здесь же аналогии*).

11). Горит (футляр для лука) (а) с набором стрел (б), ножом (в) и шилом (г).

а) Горит в момент обнаружения фиксировался пятном тлена коричневого цвета, отдельными фрагментами кожи и кусочками дерева. Судя по ним, он имел суженную, слегка округлую нижнюю часть, расширенную, фигурно подрезанную среднюю, как бы повторяющую силуэт сигмавидного лука на 1/3 его длины, и верхнюю часть, похожую, овальной формы. Фрагменты плотной коричневой кожи толщиной до 4 мм, наиболее хорошо сохранились в верхней части, кусочки дерева – в нижней. Последние имели вид слегка изогнутых реек шириной 4-6 мм (длина сохранившихся фрагментов 3-4 см). В верхней части горита слабо фиксировалась совершенно истлевшая костяная застёжка в виде продолговатой палочки, закрывавшей, очевидно, отделение горита или магазин с колчанным набором.

Таким образом, основа горита – рама была сделана из деревянных реек. Затем на неё была натянута плотная кожа. Общая длина горита 59, максимальная ширина до 25, ширина зауженной фигурной части до 13 см (рис.43).

Обнаруженный в ЦМ БРК горит, изготовленный из дерева и кожи, относится, по типологии Е. Черненко, к категории простых горитов. В отличие от парадных, они не имели деталей, изготовленных из драгоценных металлов или полностью металлических обкладок. Такие гориты были на вооружении основной массы скифского воинства (Черненко 1981, с.31). К сожалению, в погребениях они сохраняются очень плохо – в виде обломков сгнившего дерева, фрагментов кожи, которые, как правило, не дают точных представлений о внешнем виде, особенностях конструкции, размерах (Мелюкова 1964, с.32; Черненко 1981, с.30).

Судя по размерам металлических обкладок парадных горитов, футляры имели длину 43-47 см, наибольшая ширина 25-26 см (Мелюкова 1964, с.32). Таким образом, горит из ЦМ БРК имеет длину, несколько большую обычной (56 см), но ширина его (24 см) близка традиционной³⁰. Заслуживает внимания еще одна деталь рыжановского горита, а именно – фигурно подрезанная и хорошо выделенная средняя часть, повторяющая силуэт лука почти на треть его длины. Гориты, которые использовались скифами, судя по сохранившимся металлическим обкладкам парадных экземпляров (из кургана Солоха, гориты «чертомлыкской» серии: из Чертомлыка, Ильинцов, Мелитопольского кургана, Пятибратнего кургана, Виргины) (Черненко 1981, с.76, рис.77, рис.53, с.78, рис.54, с.80, рис.56, с.81, рис.58, с.68, рис.45), изображениям на антропоморфных скифских изваяниях (Ольховский, Евдокимов 1994, илл.1; 3:4; 4; 5: 9; 6 :8; 7 : 10; 8; 13-14; 16;20-21;34; 28; 53; 30; 33; 34-35; 38; 72; 40-48; 52, 88; 53-55; 57: 97; 59: 96; 62; 65: 110; 69; 71-73; 75; 85: 147; 89), произведениях античной торевтики из курганов скифской знати (например, сосуд из Частых курганов, «шлем» из Передеревской Могилы, один из горитов у скифа на амфоре из Чертомлыка, два из трёх горитов у воинов на чаше из Гаймановой Могилы) (Черненко 1981, с.85, рис.63, с.89, рис.67; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.91, деталь 3; Моруженко 1992, с.73, рис.7), чаще всего имели трапециевидную форму – со слегка расширенным верхним краем, суженным нижним и почти прямыми верхней и нижней сторонами. Вместе с тем, есть и изображения горитов, которые в определённой степени передают форму сигмавидного лука (например, гориты на гребне из кургана Солоха, чаше из Куль-Обы, один из горитов Чертомлыкской амфоры и один из трёх горитов на чаше из Гаймановой Могилы, а также гориты, изображённые на пекторали из Толстой Могилы (Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, kat.129, 184-187; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат.91, деталь 12; Мозолевский, 1979, рис.68-69). Впрочем, на указанных изображениях гориты повторяют форму лука не столь рельефно, как рыжановский экземпляр, в связи с чем его форма представляется достаточно оригинальной.

б) Набор стрел имел вид блока из 94 бронзовых трёхгранных наконечников³¹ с деревянными древками, сохранившимися примерно на одинаковую длину – до 10 см. Возможно, перед помещением стрел в горит, в процессе акта погребения, древки стрел были преднамеренно обломаны, что могло символизировать смерть их владельца. Несомненно, стрелы располагались в специальном отделении – магазине, находившемся с наружной стороны горита (рис.115). Древки стрел, во всяком случае, те, которые удалось подвергнуть определению (17 экз.), были изготовлены из клёна (Сергеева, 1999,

³⁰ В принципе, известны гориты и более узкие, например, в погребении № 1 кургана № 2 у с. Новофёдоровка Херсонской области (Куприй 1991, с.114).

³¹ Один из наконечников оказался практически целиком разрушенным окислом.

с.314). На некоторых из них, у самих наконечников, чёрной и красной красками был нанесён орнамент в виде узких горизонтальных полосок.

Ширина блока наконечников примерно 11 см, что, по-видимому, соответствует ширине магазина. Толщина блока – более 3,0 см. Стрелы располагались в 6 рядов. Относятся к двум основным типам.

Два ряда содержали по 15 стрел. Их наконечники – со скрытой втулкой и плавно подрезанными концами граней, с ложком почти на всю высоту головки. У 14 экз. – рельефное изображение продольного и поперечного кантов. Они имеют высоту до 4,0 см, при внутреннем диаметре до 3,0 мм (рис.118: 65-93).

Каждый из иных четырёх рядов включал по 16 стрел с наконечниками другого типа – с вытянутой головкой, имеющей скрытую втулку и сильно опущенные концы граней. У некоторых экземпляров – слабо выраженный ложок. Несколько наконечников в процессе окисления «сварились». Высота наконечников 3,4-3,5 см, диаметр втулки внутренний до 3,0 мм (рис.116-117, 118:57-64).

Оба типа наконечников относятся к числу позднейших, широко использовавшихся в колчаных наборах IV-III вв. до н.э., исходя из датировок, например, А. Мелюковой и В. Петренко (*Мелюкова 1964, с.25, рис.1, табл.9: Н7; Петренко, 1967, с.47, 175, табл.35:280*).

На большинстве наконечников нет следов использования, т.е., возможно, их изготовление было приурочено к акту погребения.

Количество стрел в горите знатного воина из ЦМ БРК (94 экз.) вполне соответствует наборам стрел, свойственным горитам, число которых, по наблюдениям Е. Черненко, колебалось от 50-70 до 180 экз. (*Черненко 1981, с.51*).

в) *Нож железный* с костяной ручкой располагался в кармане-магазине вместе со стрелами. От лезвия сохранилась небольшая часть, в двух фрагментах, общей длиной 3,2 при максимальной ширине 1,9 см. Металл сильно коррозирован. Нож изготовлен из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*). Ручка ножа переломана примерно по центру. Костяные накладки-колодки крепились к черенку ножа посредством трёх железных заклёпок. Накладки прямоугольной формы с расширяющимися краями, в сечении они трапециевидной формы. Длина ручки 9,5, ширина 1-1,8, толщина 0,8 см. Поверхность накладок хорошо заполирована (рис.119:1). Нож предназначался для затачивания древков стрел.

Находки ножей в горитах или колчанах – черта довольно обычная для скифских погребений, в частности IV в. до н.э. (*Черненко 1981, с.43*).

Железные ножи с костяными накладками на ручке, имеющими трапециевидную в сечении форму (по классификации Б. Шрамко, ножи 2-го подтипа. 2-го типа, подгруппы «Б», II-ой группы или ножи заклёпочные с костяными гранёными накладками на ручке) (*Шрамко 1983, с.54. 79. табл.5:19*), широко встречаются в скифских захоронениях, начиная с V в. до н.э. (*Петренко 1967, с.26-28*).

г) *Шило железное* с костяной ручкой. Располагалось в кармане-магазине горита, среди стрел, рядом с ножом. Общая длина 12 см. Длина рабочей части 7,4 см, в сечении шило – четырёхгранное (2 x 2 мм), сужающееся к острию. Длина ручки 4,6, ширина 1,2-1,5 см. В сечении ручка овальной формы. Верхняя часть ручки слегка расширена и скруглена, нижняя – более узкая, прямая. Ручка изготовлена из трубчатой кости животного, поверхность тщательно заполирована. Металл рабочей части сильно коррозирован (рис.119: 2).

Шило, скорее всего, использовалось для извлечения обломков деревянных древков из втулок наконечников.

Достоверные случаи нахождения шильев в горитах или колчанах не часты. Это обстоятельство, вероятно, следует объяснять ограблением многих скифских захоронений и соответствующим разрушением остатков горитов или колчанов. Приведём известные нам примеры обнаружения шильев в составе колчаных наборов: курган № 13, погребение № 2 группы близ Богдановской горнообогатительной фабрики у г. Орджоникидзе Днепропетровской области (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.162*), курган Двугорбая Могила (погребение слуги) в Днепропетровской области, где, помимо шила, в колчанном наборе также, как в ЦМ БРК, присутствовал нож (*Привалов, Зарайская, Привалов 1982, с.157*), курган № 2, погребение № 2 у с. Каиры Херсонской области (*Кубышев, Куприй, Ковалев 1999, с.143*), курган № 20, погребение № 2, группы Солохи в Херсонской области (*Мелюкова 1999, с.71, 76*).

12. *Лук деревянный сигмавидной формы*. Располагался вблизи с горитом, слева от него. Сохранился очень плохо: в момент обнаружения фиксировался в основном древесным тленом коричневого цвета, за исключением одного из концов в виде фрагмента общей длиной 11,5, шириной 0,9-1,3, толщиной 0,8-1,1 см (рис.42-43). В сечении этот фрагмент овальной формы. Точная длина оружия из-за плохой сохранности восстанавливается с трудом, ориентировочно она равна 70 см. Данный лук относится к категории так называемых сложных луков скифо-сарматского времени (*Блаватский 1954, с.18; Мелюкова 1964, с.14-15; Литвинский 1966, с.53-55; Хазанов 1966, с.32-33; Черненко 1981, с.7-8*). Об этом говорят как его форма (сигмавидная), так и наличие в средней части лука, на рукояте-перехвате и на верхнем конце (плече) дополнительных деревянных пластин, которые, по-видимому, были приклеены (?) к деревянной основе внахлест и служили для усиления центральной части и плеч. Длина изогнутой пластины в средней части лука не менее 11, ширина до 1,2-1,3 см, длина пластины на верхнем плече – не ясна, ширина аналогичная. Какие-либо костяные пластины или сухожилия, свойственные сложным лукам, здесь отсутствуют.

Сложная составная конструкция деревянной основы луков с использованием соединений внахлест является архаической традицией, присущей лукам скифо-сарматской и гуннской эпох (*Савин, Семёнов 1997, с.39*).

Сложные луки, судя по изображениям, носились с натянутой тетивой, т.е. в рабочем положении, в отличие от простых луков, которые от пребывания в натянутом состоянии теряли свою упругость (а потому их носили в спущенном виде) (*Мелюкова 1964, с.15*). Принимая во внимание четко сигмавидную форму лука из ЦМ БРК, можно полагать, что он был помещён в могилу в рабочем положении, с натянутой тетивой.

Изображения скифских луков сигмавидной формы хорошо известно на предметах эллинской торевтики из курганов скифской знати, в монументальной скифской скульптуре, на монетах, чеканенных в греческих полисах Северного Причерноморья, наконец – на произведениях античной вазописи, где изображены варвары – стрелки из лука. Бесспорный интерес представляет также бронзовая модель скифского лука, найденная в погребении № 49 (детском) середины V в. до н.э. некрополя Ольвии (*Козуб 1973, с.272, рис.1*).

Находки же самих луков, как собственно в Скифии, так и на иных территориях евразийской Степи столь редки, что это позволило высказать довольно интересное мнение о том, что лук отнюдь не всегда клали в могилу вместе с хозяином, и он мог передаваться по наследству (*Черненко 1981, с.17*). Собственно говоря, с территории Скифии, до раскопок в Рыжановке, достоверно были известны всего 3 находки луков: в могиле кургана № 2 группы Три Брата у с. Огоньки (IV в. до н.э.) (*Бессонова 1973, с.259, рис.б:1-2*), погребении № 4 кургана у с. Владимировка (середина IV – начало III вв. до н.э.) (*Колотухин 2000, с.14, 86, рис.б:10*) в Крыму и погребении № 4 кургана №

8 у с. Водославка на Херсонщине (конец V – 1-я половина IV вв. до н.э.) (*Кубышев, Дорофеев, Шилов и др. 1983, с.80, табл.43, рис.6; Куприй 1994, с.107; Кубышев, Куприй 1998, с.46; Куприй, Данилко 2004, с.47*).

Аналогичная ситуация имеет место и на землях сарматов в Приуралье. Здесь обнаружено также лишь 2 лука – в одном из курганов Новокумакского могильника (*Смирнов 1977, с.15, рис.7: 3*) и погребении № 7 кургана № 7 (IV – III вв. до н.э.) Мечет-Сайского могильника (*Смирнов 1975, с.120, рис.42*).

В последние десятилетия немногочисленный перечень луков скифо-сарматского времени пополнили ещё 2 находки, происходящие с более восточных территорий евразийского кочевого мира, в частности – Тувы: один лук был найден в погребении, выполненном в деревянной колоде в Саглы-Бажи (*Semionov, 1994, p.38-43*), другой обнаружен в царском погребении кургана раннескифской поры Аржан 2 (*Чугунов 2004, с.19-20; Сугунов, Parzinger, Nagler 2010, S.29, Abb.37: 29,44-46, Abb.53, 55*). Примечательно, что в большинстве случаев, за исключением Большого Рыжановского кургана и кургана Аржан-2 луки были помещены в могилы без горитов (правда, в Аржане 2 – в специальном чехле).

Длина скифских луков, судя по памятникам изобразительного искусства, а также находкам стрел с хорошо сохранившимися древками, варьировала примерно от 60 см до 1,0 м (*Граков 1930; Мелюкова 1964, с.14-15; Іллінська, Тереножкін 1971, с.133; Хансар 1973, S.15-15; Черненко 1981, с.20-21*). Упомянутые луки из погребений скифской эпохи имели следующую длину: из кургана у с. Владимировка – около 55 см, кургана № 2 группы Три Брата – 64,5 см, Водославки – 74 см, сарматский лук из Мечет-Сайского могильника – 75-80 см. Рыжановский лук (72 см) хорошо вписывается в эту серию.

Ксилотомический анализ фрагментов одного из окончаний рыжановского лука показал, что данная деталь оружия изготовлена из дуба (*Сергеева 1999, с.313-315*). Конечно, это вовсе не означает, что весь лук непременно состоял лишь из древесины дуба. В сложных луках могли использоваться различные породы дерева (*Анучин 1887, с.350; Хазанов 1966, с.32-33*). Вместе с тем, следует отметить, что физико-механические свойства древесины дуба (с одной стороны – значительная прочность, а с другой – способность к гнущю) в целом не исключает изготовление из неё отдельных, составных частей сложного лука.

К сожалению, определение пород древесины немногочисленных луков скифской поры осуществлялось далеко не всегда. Тем не менее, примечательно, что для изготовления лука из кургана № 2 группы Три Брата в Северном Причерноморье послужила древесина клёна (*Сокольский 1971, с.286, табл.2*), экземпляра из Саглы-Бажи на Алтае – березы (*Semionov 1994, p.38-43*). Есть мнение, что в северокавказском регионе в скифо-сарматское время для изготовления луков использовалась древесина кизила и реже – клёна (*Савин, Семёнов 1995, с.76; 1997, с.38*). Такие луки, например, найдены в захоронениях северокавказских аланов (*Милованов, Иерусалимская 1976, с.40-49; Каминский 1982, с.48*).

В свете приведённых данных, остатки лука из ЦМ БРК заслуживают бесспорного интереса (*Chochorowski, Skoryj 2014*).

13). *Колчан кожаный (а) с набором стрел (б) и железным ножом (в), первоначально подвешенный на железном крюке (г), в головах знатного воина.*

а) *Колчан сохранился очень плохо, в основном его нижняя часть, в виде коричневого тлена под наконечниками стрел и небольшого фрагмента плотной коричневой кожи (94,5 x 5,0 см), слева от наконечников. Форма колчана не восстанавливается. Но низ его, вероятно, был прямой. Судя по ширине лежащих стрел, пятну и фрагменту кожи, нижняя часть колчана имела ширину не менее 7,5 см (рис.47: 1).*

б) Стрелы с бронзовыми наконечниками (84 экз.) располагались в колчане очень плотно, в виде блока, шириной 5,4-6,2 см, в 7 рядов (рис.120). Древки некоторых стрел сохранились в длину на 5,0 см, но у большинства они лишь слегка выступали из втулок (рис.121). Складывается впечатление, что, как и в описанных случаях (колчаный набор охранника и набор стрел в горите знатного покойника), они были обломаны в момент совершения погребения.

По данным ксилотомического анализа древков стрел (исследованы 32 наиболее хорошо сохранившихся экземпляра), они были изготовлены из древесины березы, клёна, лиственных пород, а также липы (Сергеева 1999, с.313-315).

В нижней части некоторых древков был орнамент в виде узких горизонтальных полосок, нанесенных чёрной и красной красками.

Все наконечники стрел трёхгранные со скрытой втулкой.

Четыре ряда наконечников (по 13 экз.) располагались по 2, с лицевой и оборотной сторон колчана, 3 ряда наконечников (по 11 экз.) находились между ними.

Некоторые экземпляры «скипелись» в процессе коррозии. На отдельных наконечниках видны следы литейного брака в виде отверстий.

Наконечники относятся к двум основным типам. Первый из них – наконечники с треугольной головкой, приземистых пропорций и горизонтально обрезанными концами граней (33 экз.). Высота – 2,5-3,0 см. Внутренний диаметр втулки – 2,0-2,5 мм (рис.122: 1-7, 17-25; 123: 40-49, 61-66).

На 28 из них острым и тонким орудием были процарапаны метки в виде двух сходящихся острыми углами равнобедренных треугольников. Существует мнение, что подобные гравированные знаки, в отличие от различных литейных значков, являвшихся метками мастеров-оружейников, были метками владельцев стрел (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.96).

Второй тип – наконечники с треугольной, длинной, узкой головкой и фигурно подрезанными, сильно опущенными вниз концами граней. Они преобладают в данном колчанном наборе (51 экз.) (рис.122: 8-16, 2-35; 123: 50-60, 67-84; 124: 72-84).

Практически все экземпляры после отливки были заточены на абразивах. Напомним, что на большинстве наконечников из горита следов такой обработки нет.

Как уже отмечалось ранее, наконечники первого типа (по классификации В. Петренко, отдел IV отдел, тип 2, вариант 4) широко использовались в колчаных наборах скифов IV-III вв. до н.э. В равной степени к числу позднейших относится и второй тип наконечников из данного колчана (по классификации В. Петренко, отдел IV, тип 2, вариант 2) (Петренко 1967, с.47, 175, табл.35: 279, 300, 302).

в) Нож железный с костяной ручкой, лежавший у одной из широких стенок колчана, в нижней его части. Верхняя часть ручки обломана. Общая сохранившаяся длина ножа 12,3 см. Длина лезвия 8,4, максимальная ширина 2,0 см. Верхняя часть лезвия (спинка) примерно по центру изогнута под тупым углом, по отношению к острию. Поверхность лезвия ножа сильно коррозирована (рис.125:1). Нож изготовлен из железа хорошего качества (Nosek, Mazur 1999, s.336-338). На одной из сторон – отпечаток кожи колчана. Верхняя часть лезвия входит в пропилен костяной ручки на 2,0 см и закрепляется в нём с помощью двух железных заклёпок. Ручка сделана из цельной кости животного. Сохранилась в длину на 4,0 см. Ширина ручки 1,1-1,4, толщина 0,9 см (рис.125:2-3). Нож предназначался для затачивания древков стрел. По классификации, Б. Шрамко, относится к ножам 3-го типа подгруппы «Б» II группы или ножам с костяной ручкой, заклёпочным, имевшим в центре ручки пропилен (Шрамко 1983, с.54. 80, табл.6: 24).

г) Крюк железный (для подвешивания колчана). Имеет округлую форму, фрагментированный (состоит из двух частей). Выкован из круглого прута, диаметр до 12 см.

Длина крюка 22, максимальная ширина 11 см. Верхний край крюка загнут в кольцо диаметром 1,8 см с отверстием для крепления. Нижний – скруглён (рис.126). Крюк изготовлен из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*).

На поверхности крюка фиксировались следы кожаного ремешка от обмотки (характер её не ясен) и беловато-серой ткани – остатки драпировки стен или потолка погребальной камеры.

14). *Колчан кожаный (а) с набором стрел (б) и железным ножом (в)*, располагавшийся в ногах знатного покойника.

а) *Колчан* сохранился плохо. В момент обнаружения фиксировалась его нижняя часть в виде тлена коричневого цвета и отдельных фрагментов плотной коричневой кожи. Размеры наиболее больших кусков – 6,2 x 3; 4,7 x 3,0 см. Судя по ним, нижняя часть колчана была почти прямоугольной, со слегка скруглёнными углами, довольно широкая, примерно до 10 см. В длину колчан сохранился на 12,0-15,5 см (рис.47: 2).

Итак, все 3 колчана, найденные в ЦМ БРК (принимается во внимание и колчан охранника), были изготовлены из кожи и имели, по-видимому, вид узкой прямоугольной сумки, что сближает их с остатками подобной амуниции, неоднократно фиксируемыми в скифских могилах Северного Причерноморья.

б) *Стрелы* (86 экз.) были снабжены бронзовыми трёхгранными наконечниками со скрытой втулкой. Все они относятся к одному, описанному уже типу – с длинной узкой головкой и фигурно подрезанными, сильно опущенными вниз концами граней. У некоторых экземпляров – слабо выраженный ложок. На ряде наконечников – следы литейного брака в виде лакун, как правило, овальной формы (рис.128).

Древки стрел у большинства экземпляров сохранились лишь у втулок, хотя некоторые имеют более значительную длину, до 7-8 см. Возможно, они обломаны преднамеренно. Из 19 наиболее хорошо сохранившихся древков, доступных для определения, большая часть изготовлена из древесины клёна, в меньшей степени – берёзы и лиственных пород дерева (*Сергеева 1999, с.313-315*).

На некоторых древках у втулки виднелись следы раскраски в виде горизонтальных полосок, нанесённых красной и чёрной красками.

Стрелы в колчане лежали очень плотно, блоком, шириной 8-9 см (подобной ширины был блок наконечников в колчане охранника, что, вероятно, свидетельствует об одинаковых размерах колчанов). В процессе окисления многие наконечники «сварились» вместе. Все экземпляры имели почти одинаковые размеры: высота 3,2-3,5, диаметр втулки внутренний 2-2,5 см.

Стрелы лежали в 6 рядов. Первый ряд – 18 экз., второй – 18 экз., третий – 20 экз., четвёртый – 18 экз., пятый – 12 экз.

Таким образом, в двух колчанах и горите, положенных в могилу вместе со знатным покойником, содержалось 264 стрелы, т.е. в среднем около 90 стрел в каждом. В двух случаях, в колчанах, имело место шестирядное размещение стрел, в третьем – колчане в головах – стрелы лежали в 7 рядов. Примечательно, что в двух колчаных наборах с 6-ти рядным (горит) и 7-ми рядным (колчан в головах) расположением стрел наблюдается их близкое количество во всех рядах. В первом случае, в горите 6 рядов содержали: 15, 15, 16, 16, 16, 16 стрел. Во втором случае (колчан в головах) четыре из 7 рядов включали по 13 стрел, три ряда – по 11 стрел. Иными словами, в данных случаях можно говорить об определённом стандарте как по количеству стрел в колчанах, так и по числу стрел в каждом ряду.

Подчеркнём также, что все 264 наконечника стрел, найденные в двух колчанах и горите, положенных вместе со знатным покойником, являются трёхгранными экземплярами, относящимися к наиболее поздним типам скифских наконечников стрел.

в) *Нож железный с костяной ручкой*. Лезвие с горбатой спинкой, расширяется в последней трети длины. Край лезвия скошен под тупым углом к острию. Общая длина ножа 18,4 см. Длина лезвия 8,2, максимальная ширина 1,9 см. Металл сильно коррозирован. Нож изготовлен из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*). Ручка состоит из двух гранёных накладок-колодок, трапециевидных в сечении, между которыми на 2,2 см запущен черенок ручки ножа. Колодки прикреплены к черенку с помощью двух железных заклёпок. Помимо этого, они скреплены дополнительно между собой ещё в двух местах: в центре ручки (в этом месте ручка переломана) и в верхней части, у края. Длина костяной ручки 10,2 см. Колодки расширяются у лезвия и верхнего края. Ширина ручки 1-2, толщина 0,9-1,0 см. Поверхность костяных накладок-колодок тщательно заполирована (рис.129).

Как и все упомянутые ножи, найденные в колчанах и горите, этот экземпляр также предназначался для затачивания древков стрел. По классификации Б. Шрамко, относится к ножам 2-го подтипа, 2-го типа, подгруппы «Б», II-ой группы (заклёпочные ножи с костяными гранёными ручками) (*Шрамко 1983, с.54, 79, табл.5: 19*). Нож такого же типа находился и в горите. Как уже отмечалось ранее, подобные ножи получают широкое распространение в Скифии с V в. до н.э. (*Петренко, 1967, с.26-28*).

15). *Наконечник вилкообразный бронзовый с трубчатой втулкой для насада на древко*. Концы округлены. Высота предмета 5,2, ширина «вилочки» – 4,0, высота втулки 1,7, диаметр отверстия 0,5 см. Изделие выполнено в технике литья (рис.130).

В настоящее время в погребальных комплексах степной и лесостепной областей Северного Причерноморья известно более 40 подобных предметов (*Фиалко 1993, с.12; Фиалко, Болтрик 2000, с.287*), охватывающих сравнительно обширный хронологический диапазон – от рубежа V-IV вв. до н.э. (*Мелюкова 1981, с.100*) до I в. до н.э. Функциональное назначение вилкообразных наконечников до сих пор не выяснено: к сожалению, их подавляющее большинство происходит из разрушенных комплексов (*Фиалко, Болтрик 2000, с.287*). Тем не менее, замечено, что они встречаются лишь в тех погребениях, где есть наконечники стрел (*Фиалко 1993, с.12*). Иными словами, возможно, они имели какое-то отношение к колчанным наборам. Правда, в последнее время высказано мнение, что подобные бронзовые «вилочки» могли быть некими фетишами, «игравшими важную роль в погребальном культе ираноязычных племен» (*Фиалко, Болтрик 2000, с.294*).

Примеры наличия «вилочек» в неограбленных скифских захоронениях: погребение № 1 кургана № 8 у с. Водославка Херсонской области (IV в. до н.э.) – «вилочка» находилась рядом с колчаном (*Кубышев, Дорофеев, Шилов и др. 1983, с.75*), погребение № 2 кургана № 487 у с. Капитановка Черкасской области (IV-III вв. до н.э.), в захоронении – 2 колчана, «вилочка» располагалась возле копья (*Бобринской 1910, с.69*).

Личные украшения и изделия, выполненные из драгоценных металлов

16) *Гривна золотая, шейная* в 1,5 оборота, из круглого в сечении прута, украшенная на концах фигурками львиц. Выполнена в технике литья с последующей проработкой деталей. Гривна слегка изогнута и имеет овальную в плане форму. Диаметр прута 4,0 мм. Диаметр гривны внешний 14 x 16,2, внутренний – 15,6 x 13,3 см (рис.131).

Львицы изображены в лежащей позе с поджатыми передними и задними лапами (при этом передние лапы сдвинуты вместе, а задние слегка разведены). Шерсть зверя, особенно грива, переданы мелкой насечкой, а сзади – орнаментом в виде «ёлочки». Округлые уши прижаты к голове, глаза узкие, вытянутой формы. Фигурки львиц отделяются от прута гривны рифлением в виде 11 рубчиков, 3 из которых – широкие округлые, 8 – узкие (рис.131).

Сохранность изделия хорошая. Вес гривны 158,34 г. Проба – 750° .

По классификации В. Петренко, данное украшение относится к гривнам 2-3 вариантов 2-го типа IV отдела (гривны, сделанные из гладкого стержня, концы которого заходят друг за друга и оканчиваются литыми фигурками «припавших» хищников и группой рубчиков перед ними) (Петренко 1978, с.44-45). В основном такие гривны изготавливались из золота, исключение – 2 серебряные гривны из курганов у с. Ковалевка в Побужье и с. Владимировка в Поднепровье.

Ныне известно 10 гривен данного типа, на концах которых изображены львицы: 1) Капитановка, курган № 487, погребение № 2, IV-III вв. до н.э., Лесостепное Днепро-Правобережье (Бобринской 1910, с.70, рис.6; Петренко 1967, с.31, 153, табл.22:13; 1978, с.120, табл.32:5); 2) совхоз Красный Перекоп (с. Вольная Украина), курган № 22, погребение № 2, IV в. до н.э. (Лесков 1974, с.80, рис.68, с.84, рис.72); 3) Чертомлык, северо-западная камера, 340-320 гг. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.192, кат.102), 4) с. Владимировка, курган № 12, погребение № 2, IV в. до н.э. (Ковпаненко, Бунятян 1978, с.145), 5) курган Соболева Могила, южная гробница (№ 2), середина – 3-я четверть IV в. до н.э. (Мозолевский, Білозір, Василенко 1993, с.72; Мозолевский, Белозор 1996, с.35; Мозолевский, Полин 2005, табл.14:1), Нижнее Поднепровье, 6) Ковалевка, группа V, курган № 2, погребение № 1, IV в. до н.э., Нижнее Побужье (Ковпаненко, Бунятян 1978, с.143, рис.3:15; Петренко 1978, табл.32:2), 7) 8-ой Пятибратний курган, 340-320 гг. до н.э., Нижний Дон (Петренко 1978, с.120, табл.32:1), 8) Апан-Сарча (ныне с. Баштановка), Северо-Западный Крым, 18-20 км к С от Евпатории, находка из грабительских раскопок кургана 1893 г. (Петренко 1978, с.120, табл.32:1³²; Shcegllov, Katz 1991, fig.9-10). Дата, по А. Щеглову и В. Кацу, 2-я половина IV в. до н.э. (Shcegllov, Katz, 1991, p.111), 9) курган № 9 у с. Звонецкое, Нижнее Поднепровье, IV в. до н.э. (Мухопад, Шалобудов, Ромашко, Гусак 1992, с.61, рис.7:2), 10) курган № 13, погребение № 5 у с. Золотая Балка, 2-я четверть IV в. до н.э. (Полин 2014, с.71, рис.39:2, с.72).

В определённой степени данной группе украшений близки ещё следующие 3 золотые гривны: 1) Чертомлык, юго-западная камера, северный воин: на концах гривны – львицы, но обруч гладкий (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.87), 2) Куль-Оба, 320-340 гг. до н.э.: на концах гривны изображены львы (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.125), 3) курган Карагодеуашх, конец IV в. до н.э.: на концах гривны – лев, терзающий вепря (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat. 240).

Наиболее близкими рыжановской гривне являются 5 экземпляров, из числа выше перечисленных, 3 из которых – золотые (гривны из совхоза Красный Перекоп, Соболевой Могилы и Капитановки) и 2 серебряные (Ковалевка и Владимировка). Почти прямые аналогии рыжановскому экземпляру – гривны из совхоза Красный Перекоп и Капитановки.

Шейные гривны в виде обруча, выполненные из драгоценных металлов (прежде всего – золота), как правило, встречаются в погребениях скифской аристократии (в том числе вождей различных рангов) и служили не столько украшениями, сколько символами власти, инсигниями, свидетельствами высокого социального положения их владельцев (Петренко 1978, с.41).

Шейные гривны, по-видимому, являлись не переменными атрибутами скифской знати. Примечательно, что они изображены на 44% известных скифских каменных изваяний (Ольховский, Евдокимов 1994, с.65).

17) *Ритон* – сосуд для питья в виде рога, фрагментированный. Представлен несколькими деталями.

а) *Остатки роговой основы*, на которой закреплялись металлические накладки,

³² В. Петренко, опубликовавшая в своем своде эту гривну, обозначила её, как случайную находку из Апанчи (Крым).

выполненные из драгоценных металлов. Сохранилось несколько небольших фрагментов чёрного цвета, размеры наибольшего из них 5,0 x 2,9 см.

б) *Верхняя часть ритона в виде обоймы*, изготовленной из тонкого золотого листа (21,48 г, проба 500°), спаянного довольно небрежно, по всей ширине с одной стороны. Верхний край обоймы слегка расширен, отогнут и завернут вниз, образуя бортик. В плане обойма имеет правильную овальную форму. Высота её 3,5, диаметр сверху 10 x 8,8, внизу 8,0 x 6,4 см. Обойма крепилась сверху на роговую основу посредством упомянутого бортика (рис.132: 1).

в) *Нижняя часть ритона (раструб)* изготовлена из серебра и имеет воронковидную форму с расширяющимся верхним и сужающимся нижним краями. Судя по оформлению верхнего края раструба, нижняя часть ритона располагалась по отношению к нему под тупым углом. Края раструба повреждены, металл сильно окислен. Длина раструба 14, диаметр сверху 4,2, внизу – 1,0 см (рис.132: 2).

г) *Наконечник ритона* – мундштук в виде золотой трубочки, украшенной сверху пояском плетёнки («косичка»), а внизу – аналогичной плетёнкой и скульптурной головкой льва, выполненной достаточно схематично (вес мундштука 6,24 г, проба – 500°). По всей длине трубочки – шов от пайки. Между концами плетёнок имеется разрыв. Вблизи верхней плетёнки – круглое отверстие диаметром 1,0 мм, посредством которого мундштук дополнительно крепился к роговой основе. Длина наконечника 4,5, диаметр 1,0 см (рис.132: 3-4).

д) мелкие и невыразительные обломки серебряных пластинок, найденные вблизи с остатками рога, позволяет предположить, что они использовались дополнительно для украшения роговой основы.

Ритон графически и модельно реконструирован (рис.133-134). Предполагаемая длина сосуда 31 см (*Chochorowski, Rydzewski, Skoryj 1999, s.49, rys.28*).

Данный ритон, по классификации Е. Лебедевой, относится к I-ой группе ритонов, обнаруженных на Юге Восточной Европы (сосуды с роговой основой). Следует отметить, что такие сосуды преобладают среди ритонов, известных для скифского времени в Северном Причерноморье. Есть мнение, что основой для таких ритонов служил рог тура или зубра (*Лебедева 1999, с.40*). Ритон, изготовленный из рога, был обнаружен в Талаевском кургане в Крыму (*Манцевич, 1957, с.158-167*).

Ритоны, мундштук которых украшен головкой льва, составляют в целом небольшую серию и не дают узкой даты. Одни из них, типа обнаруженных в кургане у с. Великая Знаменка и в Братолюбовском кургане, относятся к V в. до н.э. (*Золото Степу...1991, с.318, кат.120с; Trésor... 1998, p.54*) или 1-ой половине IV в. до н.э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв 2009, с.87*), другие, например, ритоны из Толстой и Гаймановой Могил, датируются 2-ой половиной IV в. до н.э. (*Мозолевський 1979, с.142, рис.127:2, с.143; Бідзіля 1971, с.50, рис.5; Мозолевський, 1983, с.125*).

Ритоны входили в набор скифской ритуальной посуды. В космогоническом аспекте они, вероятно, отражали определённую зону мироздания (*Раевский 1983, с.54*), а в культовом – были атрибутом божества, символом приобщения владельца ритона к этому божеству.

Ритоны довольно часто воспроизводились на скифской антропоморфной скульптуре: их содержат 29% известных изваяний (*Ольховский, Евдокимов 1994, с.67*), хотя в самих захоронениях они не являются частой находкой. На начало 90-х гг. минувшего века их было найдено всего лишь около 20 (*Рябова 1991, с.155*), что позволило сделать предположение о том, что ритоны имелись лишь у достаточно узкого круга лиц скифской знати, связанной с культовой практикой (*Рябова 1991, с.155*). В настоящее время есть сведения более чем о 40 подобных сосудах (*Лебедев, 1999, с.40; Власова 2000; Мозолевский, Поли 2005, с.344-345*).

18) *Кубок серебряный* с шаровидным туловом, короткой шейкой и плавно отогнутым венчиком (296,81 г, проба – 960°). Кованный, отличается очень хорошей, можно сказать, уникальной сохранностью металла, хотя на поверхности, особенно в нижней части тулова, видны следы потёртостей, по-видимому, связанные с продолжительным использованием сосуда. Внутри на стенках сосуда – темный налёт.

Высота кубка 12, диаметр тулова 11,3, диаметр венчика 6,5 см. Все изображения на сосуде выполнены в технике штамповки (рис.135).

Центр шаровидного дна сосуда украшен двойной девятилепестковой розеткой, заключённой в двойную окружность общим диаметром 3,6 см. В нижней части тулова – многолепестковая розетка, над которой расположен орнамент в виде плетёнки по всей окружности тулова. С двух сторон плетёнка ограничена параллельными линиями – по 2 с каждой стороны. Ширина орнаментального пояса 1,0 см.

Выше, в центральной части тулова, расположены сцены терзания копытных животных мифическими хищниками-грифонами. Изображения выполнены в высоком рельефе. Фигуры животных закомпонованы по три.

Одна сцена изображает нападение орлиноголовых грифонов на быка (рис.135). Мощными клювами и передними лапами грифоны придавили животное к земле и терзают его тело. Бык передними ногами подгребает под себя землю, шея его напряжена, язык высунут, на морде – выражение предсмертной муки.

Другая сцена передает нападение двух грифонов на оленя (рис.135). Один из них – орлиноголовый – впился клювом в шею животного, когтя двумя лапами оленю грудь. Второй грифон – львиноголовый с длинными изогнутыми рогами – придавив передними лапами туловище оленя к земле, разрывает ему круп. Язык оленя высунут, на морде – выражение ужаса.

У всех животных хорошо выражены признаки пола.

Изображения отличаются детальной проработкой, сцены полны динамизма и экспрессии.

Рельеф местности, на которой разворачиваются сцены, низкохолмистый.

Ширина фриза со сценами терзания 4,0 см. Сверху он ограничен орнаментальным поясом, состоящим из чередующихся овальных и продолговатых выпуклин.

Кубок из ЦМ БРК по уровню исполнения может быть сопоставлен с лучшими образцами античной торевтики, найденными в курганах скифской элиты Северного Причерноморья. Укажем, что подобный по типу серебряный кубок был обнаружен и в БМ БРК, но речь о нём пойдет далее.

Кубок, как и описанный выше ритон, относится к категории культовых или ритуальных сосудов (Ростовцев 1914, с.83; Бессонова 1983, с.103-104; Рябова 1986, с.133; 1991, с.155-156; Кузнецова 1988; 2004, с.100-101; Королькова 2003, с.44, 48), достаточно широко встречающихся в захоронениях, прежде всего, скифской знати. В настоящее время известно примерно 40 таких круглодонных сосудов. Из них лишь 9 происходят с территории Восточноевропейской Лесостепи (4 из них найдено в Днепровском Правобережье), остальные обнаружены в скифских погребальных древностях степного региона. Несколько схожих по форме серебряных сосудов происходят из фракийских памятников IV в. до н.э. на территории Болгарии, например, кубки из кладов у сел Радювене, Луковит, погребений у сел Аязлер Поповско и Тетевенски Балкан. По мнению А. Мелюковой, эти кубки все же имеют ряд деталей, отличающих их от сосудов подобного рода, происходящих из Северного Причерноморья, говорящих о том, что их производили в иных мастерских (Мелюкова 1979, с.192).

Металлические круглодонные кубки в Северном Причерноморье, как правило, встречаются в мужских захоронениях. Лишь три раза они засвидетельствованы в женских могилах, 4 раза – в парных, 1 раз – в детском погребении (Рябова 1986, с.146).

По форме и оформлению дна, верхнего или нижнего участков поверхности орнаментом в виде многолепестковой розетки кубок из ЦМ БРК вполне подобен многим сосудам, найденным в основном в захоронениях скифской элиты IV в. до н.э. (например, сосуды из Куль-Обы, Гаймановой, Соболевой Могил и др.).

Что же касается сюжетов изображений, то следует отметить следующее. Сцены терзания быка грифонами на металлических сосудах ранее не встречались, хотя они известны в греческой вазописи, в частности IV в. до н.э. (*ОАК за 1860 с.28, табл.2:2*)³³. Весьма редким персонажем на изделиях античной торевтики является и львиноголовый рогатый грифон.

В целом же, сцена терзания оленя на кубке из ЦМ БРК весьма напоминает сюжет на одном из серебряных кубков, покрытых позолотой, из кургана Куль-Оба (330-300 гг. до н.э.). Правда, противниками оленя на нём являются не мифические орлиноголовый и львиноголовый грифоны, а вполне реальные звери – лев и пантера. Эта сцена близка рыжановской, прежде всего, абсолютно идентичной позой оленя (голова у него высоко поднята, передняя левая нога выброшена вперед, задняя левая – назад), а также расположением хищников относительно оленя (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.193, 195*). Со второй сценой на сосуде из ЦМ БРК (нападение орлиноголовых грифонов на быка) в определённой степени может быть сопоставлен еще один сюжет, представленный на том же упомянутом кубке из Куль-Обы, а именно – сцена терзания орлиноголовыми грифонами дикого козла (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.194*). Эти кубки сближает также сама манера изображения животных.

Упомянутый кубок из Куль-Обы, как, впрочем, и иные круглодонные кубки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, с гладкой поверхностью или украшенной изображениями, убедительно трактуют как продукцию северопричерноморских (боспорских) торевтов (*Ростовцев 1925, с.446; Артамонов 1966; Онайко 1970, с.34*). Вероятно, там же был изготовлен и кубок из БРК.

Чрезвычайная близость многих круглодонных кубков позволила высказать мнение о существовании одной мастерской, где могли производиться такие сосуды (*Грач 1984, с.102*).

Существует мнение, что изобразительные сюжеты на ряде круглодонных кубков, передающие сцены борьбы реальных и мифических животных, ловли одних другими или погони одних за другими, относятся к символике загробного мира, при этом сцены терзания трактуются как «метафорическое обозначение смерти», «своего рода эквивалент жертвоприношения, совершаемого во имя продолжения жизни». В этой связи, круглодонные кубки трактуются как сосуды, использовавшиеся в ритуалах, связанных с жертвоприношениями (*Кузнецова 1988, с.18-20, 22*).

19) *Килик серебряный* с полусферической чашечкой, фигурными ручками и невысокой полой ножкой (вес 107,15 г, проба – 925°) (рис.136 - 137). Высота сосуда 5,0, диаметр чашечки 10,5 см. Высота ножки – 1,0, диаметр – 3,4 см. Сосуд выполнен в техникековки. Ручки и ножка крепились к тулову посредством пайки. В момент обнаружения килика ручки и ножка лежали рядом с туловом (т.е. пайка «разошлась»). Сохранность металла очень хорошая. На дне и стенках килика видны следы его использования в виде полосок, легких вмятин, потёртостей (рис.136). Сходный килик был найден и в БМ БРК; его описание мы приведём далее.

Подобные килики, использовавшиеся в качестве столовой винной посуды, относятся к числу достаточно массовой продукции греческих средиземноморских центров. По-видимому, этот импорт в значительном количестве поступал в эллинские колонии

³³ На этот факт наше внимание любезно обратила д.и.н. М. Скржинская (Институт археологии НАН Украины).

Северного Причерноморья, а оттуда – населению Степи и Лесостепи, где он был весьма популярным. Во всяком случае, такие килики являются почти неотъемлемой частью вещевого комплекса в могилах скифской знати 2-ой половины – конца IV в. до н.э. В меньшей степени известны они в так называемых рядовых могилах. По одним данным, в скифских погребениях Северного Причерноморья обнаружено около 20 серебряных киликов различных модификаций (*Фиалко 1996, с.188*), по другим – более 30 находок (*Рябова 1991, с.155*), хотя обе эти цифры представляются нам несколько заниженными. Сосуды, вполне аналогичные рыжановскому килику, происходят в частности из таких известных погребальных памятников скифской элиты как Гайманова Могила, Куль-Оба, Мелитопольский курган, Чертомлык, Толстая, Соболева Могилы и ряда других. Весьма часто серебряные килики и круглодонные кубки встречаются в пределах одного вещевого комплекса в погребениях, составляя как бы небольшой сервиз для ритуальных возлияний. Напомним, что в ЦМ БРК килик и кубок были составлены вместе (дно кубка лежало в чашечке килика) и помещены в бронзовый сосуд-ситулу.

20) *Остатки головных уборов – калафа (I) и покрывала (II) в виде золотых пластин-аппликаций.*

1) Головной убор – *калаф* первоначально имел твёрдую основу, покрытую, судя по отпечаткам на внутренней стороне аппликаций, тканью *фиолетового цвета*.

а) Налобная лента – *метопида* длиной 34,6, шириной 2, 2 см (вес 17,6 г, проба – 375°). Имеет 2 фриза изображений. На верхнем представлен растительный орнамент, состоящий из чередующихся девятилепестковой розетки, цветка лотоса, пальметты и шестилепестковой розетки в круге. Нижний фриз заполнен изображениями полуов, «идуших» в противоположные стороны от центра (рис.138). В верхней части метопиды, примерно по центру, имеется повреждение длиной до 1,0 см.

Метопида крепилась к основе посредством отверстий диаметром до 1,0 мм. По 5 отверстий располагалось вдоль узких сторон, 40 – вдоль верхней, широкой стороны. Последние группировались по 2, располагаясь на расстоянии 1,8 см.

Наиболее сходные украшения обнаружены в трёх курганах. Два из них (Татьянина Могила или курган № 16 группы Чертомлыка, середина IV в. до н.э., по датировке В. Мурзина, С. Полина и Р. Ролле, и курган № 22, погребение № 2 у совхоза Красный Перекоп, с. Вольная Украина, IV в. до н.э.) содержали метопиды, украшенные в верхней части растительным орнаментом в виде розеток и пальметт, в нижней – полуовами (*Мурзин, Полін, Ролле 1993, с.95, рис.9; Клочко, Мурзин, Ролле 1991, с.59, рис.2; Лесков 1971, с.92-93*). Третья налобная лента происходит из северо-западной камеры Чертомлыка и, в общем, по схеме изображений близка рыжановской. В верхней части она украшена цветками лотоса и побегамии арацеи, в нижней – овами (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.174, 191, кат.981*).

б) *Ажурные пластинки-аппликации, украшенные растительным орнаментом* в виде чередующихся розетки, цветка лотоса, пальметты, т.е. аналогичным орнаменту верхнего фриза метопиды. Соответственно на них в полной мере распространяются приведённые выше аналогии. Ширина пластин 1,3 см, длина варьирует: 13,4; 9,0; 7,2 (пластина была снята); 5,6; 5,1; 3,0 см. По-видимому, некоторые из них – часть более крупных пластин (рис.139: 1). Общий вес 6,31 г, проба – 375°.

в) *Ажурные пластины-аппликации подпрямоугольной формы с довольно реалистическими изображениями зайцев, стоящих друг против друга* (16 экз., вес варьирует – 0,64-1,13 г, общий вес – 13,48 г, проба – 958°). Размеры: 3,5 x 1,3 см (рис.140). Одна из пластин в момент обнаружения была разломана на 2 части, другая – треснута.

Абсолютно аналогичные аппликации происходят из погребения в кургане Шульговка (330-300 гг. до н.э.) в Нижнем Поднепровье (*Онайко 1970, с.209, табл.XIII:*

498 ж). Не исключено, что рыжановские и шульговские бляшки изготовлены на одном штампе. В подобной же схеме «противостояния» – на что обратила внимание ещё Н. Онайко (1970, с.50) – изображены лев и пантера, паук и муха на ажурных бляшках из погребения № 1 Мелитопольского кургана (*Тереножкин, Мозолевский 1988, рис.98: 7:11; Полидович 2017, с.186, рис.1*) и кургана № 4 у с. Водославка Херсонской области (середина –3-я четверть IV в. до н.э.) (*Полин, Кубышев 1997, с.31, 85, рис.24: 11-14*), пантера и лев на ажурных бляшках из кургана № 1 у с. Дуровка на Среднем Дону, относящегося ко 2-ой половине IV – 1-ой половине III вв. до н.э. (*Пузикова 2001, рис.9: 1*).

г) *Аппликации в виде узких лент, к которым подвешены круглые «шумящие» подвески*. На лентах – штампованные изображения в виде ов, ограниченных с двух сторон узкими кантиками. Длина трёх лент 14,5 см, ширина 8,0 мм. Верхний край слегка изогнут, нижний – прямой. Ленты крепились на твердую основу головного убора с помощью маленьких отверстий сверху и снизу. В центре лент – петельки для подвесок. Диаметр подвесок 0,9 см. На двух лентах было по 14 подвесок, на одной, третьей, сохранилось лишь 9 (остальные оторваны в древности?). Все описанные ленты слегка изогнуты, как бы передавая контур головного убора. Четвёртая лента имеет длину 10 см. К ней первоначально крепились 10 подвесок, сохранилось 9 из них. Лента в момент обнаружения была деформированной (изогнута под острым углом). Пятая и шестая ленты – фрагментированы. Одна из них имеет длину 5,0 см, и к ней крепятся 4 подвески. Другая сохранилась в длину на 7,2 см. Один из краев у неё сильно смят. Подвески отсутствуют вовсе. Очевидно, они были утрачены в древности. Детальными описанных аппликаций являются 2 отдельно обнаруженные подвески, одна из которых – с петелькой для крепления (рис.141).

Общий вес 25,64 г, проба ленты – 585°, подвески – 375°.

Примеры подобных аппликаций, которые бы использовались в качестве деталей скифского головного убора, нам не известны. Но применение подобных круглых подвесок как составных частей тех или иных украшений фиксировалось, хотя и в небольшом количестве в скифских погребальных памятниках. Примеры: 1) курган № 2 группы Любимовские курганы на Херсонщине (IV в. до н.э.) – серьга с круглыми подвесками (*Лесков 1974, с.36*), 2) курган № 22 (южная могила) у совхоза Красный Перекоп близ с. Вольная Украина Херсонской области – 2 кольцевидные серьги с 10 маленькими круглыми подвесками (*Лесков 1974, с.74*), 3) курган Каменская Близница в Днепропетровской области – круглая подвеска найдена в комплексе с бляшками-розетками (*Андросов, Мухопад 1987, с.61, рис.3:3, с.65, рис.5:11*), имеющими прямые аналогии в боковой могиле (БМ) БРК). В одной из публикаций исследователи этого памятника определили его дату рубежом IV-III вв. до н.э. (*Андросов, Мухопад 1987, с.73*), в другой – совершенно справедливо указали, что среди амфорного боя на тризне данного кургана найден фрагмент херсонесской амфоры с клеймом начала III в. до н.э. (*Андросов, Мухопад 1987а, с.15*), которое входит в круг клейм, датируемых ныне В. Кацем 300-275 гг. до н.э. (*Кац 1994, с.76, табл.VII:1-16, 2*). Подобная датировка Каменской Близницы была поддержана А. Алексеевым (*Алексеев 1992, с.157; 2000, с.302*), но позже вызвала несогласие со стороны С. Полина, связывающего этот курган с более ранним пластом скифских древностей (*Полин 2014, с.499-500*).

д) *Бляшки треугольной формы, украшенные пуансонным орнаментом, в виде рядов псевдозерни* (21 экз.). Изготовлены из тонкого золотого листа в технике штамповки. Размеры – 1,7 x 2,0 см. Крепились на основу посредством отверстий, расположенных по углам. Диаметр отверстий 1,0 мм. Три бляшки в разной степени погнуты, на одной – прорвано отверстие. Вес бляшек варьирует: 0,22-0,67 г, общий вес – 9,86 г, проба 7 бляшек – 500°, остальных – 958° (рис.139: 2).

Аналогичные треугольные бляшки, как элемент декора костюма, получили широкое распространение на протяжении всего IV в. до н.э., т.е. не дают узкой абсолютной даты.

Описанные золотые аппликации, а главное – расположение их *in situ* позволили авторам настоящей работы произвести графическую и модельную реконструкцию головного убора, золотые детали-аппликации которого были описаны выше (рис.142; 145). Последний представлял собой так называемый скифский калаф – невысокую шапку с узким околышем и более широкой, слегка выпуклой верхней частью (*Chochorowski, Skoryj 1999*). Парадные головные уборы такого же типа были обнаружены в женских захоронениях IV в. до н.э.: кургана № 21 (погребение № 2) у с. Каменка Николаевской области (*Клочко, Гребенников 1982, рис.8*) и упомянутом уже кургане № 46 (Татьянина Могила) в Днепропетровской области (*Клочко, Мурзин, Ролле 1991, с.60, рис.3*).

Мнение Ю. Болтрика о том, что данный головной убор был мужским и имел иную, конусовидную или остроконечную форму (*Болтрик 2001, с.174, 180; 2001а, с.78; 2004, с.87*) лишено необходимых оснований. Единственным «аргументом» в пользу указанного мнения для исследователя послужила изогнутость под острым углом одной из узких пластин-аппликаций, снабжённых «шумящими» подвесками (о чём речь шла ранее).

Но, во-первых, изгиб этот столь небрежен, что ставит под сомнение рукотворное создание данного силуэта.

Во-вторых, это лишь одна пластина подобной формы, а наличие у головного убора остроконечных очертаний (если принять версию Ю. Болтрика) бесспорно предполагало бы явно не одну, если не конструктивную, то декоративную пластину.

Наконец, в-третьих, – что является принципиальным и на что явно не обратил внимание наш коллега – украшение снизу пластины-аппликации висящими «шумящими» подвесками, несомненно, *изначально* предполагало её *горизонтальное* положение. Расположение вертикально пластин с подобными подвесками бессмысленно: они бы перекрывали друг друга и не создавали необходимого шумового эффекта. Изогнутая форма пластины образовалась совершенно случайно в ходе деструкции свода и стен погребальной камеры, когда имело место обрушение больших кусков глины. Нами показан вариант реконструкции расположения в могиле головного убора, что и повлияло на изменение формы пластины в процессе обвала свода погребальной камеры (рис.146). Жаль, что этот, в общем-то, не заслуживающий внимания факт, имеющий простое объяснение, явился для Ю. Болтрика аргументом для далеко идущих выводов по вопросу о стратификации скифской элиты (*Болтрик 2001, с.174; 2001а, с.78; 2004, с.87*).

Не представляется серьёзно обоснованным и альтернативный вариант реконструкции данного головного убора, предложенный Е. Фиалко (2001, рис.4Б), впрочем, в отличие от Ю. Болтрика определённо считающей, что данный головной убор принадлежал женщине.

II. *Покрывало*, судя по отпечаткам материи на оборотной стороне золотых аппликаций, представляло собой отрезок ткани красного цвета, с нашитыми на одной из длинных сторон бляшек двух типов (а, б). Расположение бляшек (*in situ*) в обе стороны от остатков калафа, позволяет предположить, что покрывало имело длину более 1,5 м. Ширина его, к сожалению, не ясна. По-видимому, ткань красного цвета была предпочтительной при изготовлении подобных покрывал. Так, остатки пурпурного покрывала, обшитого золотыми бляшками, были найдены в камере № 4 кургана Чертомлык (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.62*), следы тканей ярко-лилового и ярко-розового цветов, возможно, связанных с покрывалом или пологом, обнаружены на оборотной стороне многочисленных золотых бляшек, открытых в упоминавшемся кургане № 1 у с. Дуровка (*Пузикова 2001, с.184*).

а) *Крупные круглые, слегка выпуклые бляшки с изображением Медузы Горгоны с закрытым ртом и длинными волосами, украшенными сельдереем и плющом* (34 экз.). Бляшки изготовлены, как минимум, на двух штампах из золота высокой пробы (750°). Вес бляшек варьирует: 1,12-1,59 г. Общий вес 44,29 г. Диаметр 3,2-3,3 см. Бляшки крепились на ткань посредством четырёх отверстий. Восемь экземпляров в момент обнаружения были в различной степени помяты, на одном – разрыв в верхней части (рис.143).

Подобные бляшки, как детали декора одежды скифской знати, встречаются нечасто. Достоверно известно лишь несколько комплексов, где обнаружены бляшки в виде Медузы Горгоны с закрытым ртом.

1). Курган Огуз. Медуза Горгона с длинными волосами, украшенными сельдереем и плющом (*Онайко 1970, с.48, 207, табл.XLI: 500б*).

2). Курган Шульговка, впускное погребение. Медуза изображена с коротким венком на голове (*Онайко 1970, табл. XLI: 498в*). Напомним, что в Шульговке были найдены также, как в БРК, ажурные пластинки с изображением зайцев.

3). Курган Деев, впускное женское погребение. Бляшки в количестве 100 штук (*ОАК...1900, с.32, рис.98*).

4). Курган № 4, погребение № 2 группы Страшной Могилы близ г. Орджоникидзе (38 бляшек). Две из них были найдены в районе черепа покойной (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.146, 148-149, рис.29: 3,5*).

5). Курган Карагодеуашх (конец IV в. до н.э.). Бляшки являлись аппликациями женского покрывала (*Лаппо-Данилевский, Мальберг 1894, с.33, табл.III: 2*).

Перечисленные украшения в деталях отличаются от рыжановских бляшек. Наиболее близкие аналогии обнаружены в двух следующих погребальных памятниках:

6). Курган Татьяна Могилы, погребение № 2 (*Мурзин, Полин, Ролле 1993, с.91, рис.5:13, с.93*).

7). Курган Хомина Могилы, гробница № 3. Найденная здесь бляшка весьма сходна с рыжановскими украшениями (*Мозолевский 1973, с.231, рис.37: 6, с.233, рис.38*). Следует также отметить, что в этой могиле найдены также маленькие золотые биконические бусы, внешне близкие найденным в БМ БРК (*Мозолевский 1973, с.233, рис.38*).

Напомним, что в гробнице № 2 Хоминой Могилы обнаружены железные детали конской упряжи, аналогичные открытым во входной яме ЦМ БРК, и херсонесская амфора, датирующаяся по клейму 300-285 гг. до н.э. (*Кац 1994, с.51, 76, табл.XXII-XXIII*).

б) *Маленькие бантикоподобные бляшки* (54 экз.), выполненные из золота 900°. По краям украшены двумя круглыми выпуклостями. В центральной части – псевдозерню. Крепились на основу с помощью двух отверстий, расположенных по краям бляшек. Край одной из бляшек повреждён. Размеры: 1,4 x 0,6 см. Вес бляшек варьирует: 0,09-0,22 г (рис.144).

Маленькие бляшки (судя по их расположению *in situ* в момент обнаружения) были нашиты на основу покрывала в одну линию, параллельно крупным, ниже их. Очевидно, они ограничивали край покрывала. Почти точные аналогии бантикоподобным бляшкам из ЦМ БРК происходят из кургана № 1 у с. Дуровка на Среднем Дону (*Пузикова 2001, рис.9:2*). В определённой степени напоминают их и бляшки из северо-восточной и юго-восточной камер Чертомлыка (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.212:21. с.65, рис.79*), а также кургана № 5 у с. Аксютинцы в Посулье (2-я половина IV вв. до н.э.) (*Ильинская 1968, табл.XXII:11*). В целом же, миниатюрные фигурные бляшки с изображением бантика зафиксированы во многих скифских курганах IV в. до н.э., прежде всего – знати: например, Малый курган возле Огуза, Александрополь, курган № 4 у с. Владимировка, Калькова, Соболева Могилы и пр. (*Спицын 1906, табл.XIV: 7, 13; Древности... 1872, Атлас, табл.IX: 27-28; Полин, Кубышев 1997, рис.24:10; Мозолевский, Полин 2005, табл.12: 26а*).

Фиксация всех деталей данного головного убора позволила осуществить модельную реконструкцию покрывала (*Chochorowski, Skoryj 1999*) (рис.145). Версия Ю. Болтрика о том, что описанные украшения принадлежали мужскому парадному поясу, а не покрывалу (*Болтрик 2001, с.174; 2004, с.87*) не выдерживает критики.

Во-первых, подобные бляшки известны в качестве украшений именно покрывала (в частности, они обнаружены в кургане Карагодеуашх, о чём уже шла речь).

Во-вторых, столь тонкие золотые украшения использовать в качестве блях пояса, предполагавшего некую силовую нагрузку при натяжении вряд ли было возможно: вследствие давления эти украшения были бы деформированы.

Покрывала, украшенные золотыми аппликациями, в том числе с изображением Медузы Горгоны, по-видимому, широко использовались представительницами скифской аристократии либо в комплекте с калафом, либо как отдельный головной убор. В нашем конкретном случае это было 2 головных убора: калаф и покрывало, которые могли использоваться как отдельно, так и вместе (возможно, в наиболее торжественных случаях).

Сосуды для напутственной пищи и питья

Бронзовые сосуды

21. *Котёл литой* с яйцевидным, овальным в плане туловом, двумя петлевидными вертикальными ручками, украшенными тремя шишковидными выступами, на высокой, полый, конической формы ножке. Край котла оформлен в виде слегка выступающего бортика.

Общая высота котла 61 см (высота тулова 40, ножки – 13, ручек – 8 см). Диаметр тулова по внешнему краю 51 x 38 см, изнутри – 47,6 x 33,5 см. Верхний край котла горизонтальный, ширина 2,2 см. Ручки в сечении круглые, диаметром 2,1 см, размеры шишковидных выступов 2,0 x 0,8 см. Ниже ручек, на корпусе – выпуклый орнамент в виде расходящихся в разные стороны дуг.

Диаметр ножки внутри 12,5 см. У самого края, с внешней стороны, выступает гребень высотой до 2 см (неудалённый литник?).

Ёмкость котла 62 л, вес 36 кг.

Изнутри котёл имеет следы окислов светло-зелёного и фиолетового цветов. С наружной стороны весь корпус сосуда и ножка были покрыты слоем сажи и копоти (рис.147, 149).

22. *Котёл литой*, абсолютно аналогичной формы, но меньших размеров. Общая высота сосуда 36,6 см (высота тулова 20,3, ножки – 11,7, ручек – 4, 6 см). Диаметр тулова по внешнему краю 37,8 x 26,3 см, изнутри – 35,2 x 23,6 см. Тулово котла с одной из сторон деформировано. Верхний край сосуда горизонтальный, слегка выступающий, ширина его 1,0 см. Высота прямоугольных выступов 0,8, ширина 0,3 см. Ниже ручек, на корпусе – такой же выпуклый орнамент, как и на большом котле.

Диаметр основания ножки 13 см. На ножке, в верхней и нижней частях, следы неудалённых литников. С одной стороны на ножке – отверстие размерами 2,7 x 2,0 см – следы литейного брака.

Ёмкость котла 12 л, вес 5 кг.

На поверхности сосуда, возле одной из ручек, имеются следы ремонта в виде заливов (*Недопако, Горникова 1998, с.163*)³⁴.

Изнутри поверхность котла патинирована окислами светло-зелёного и голубого цветов. Вся внешняя поверхность и ножка были покрыты слоем нагара (рис.148-149).

³⁴ О технологии отливки котлов, их ремонте (*Недопако, Горникова 1998*).

Описанные сосуды принадлежат к типу котлов, преобладающих в памятниках Скифии V-IV вв. до н.э. и являющихся, по-видимому, местной скифской продукцией.

К этой группе Н. Боковенко относит, например, по одному из наборов котлов из курганов Солоха и Чертомлык, экземпляры из Толстой Могилы, Днепрорудного, кургана Патиниотти и кургана № 487 у с. Капитановка (Боковенко 1991, с.261-262, рис.33, 34). Ныне сюда можно добавить и котёл из Соболевой Могилы (Мозолевский, Полин 2005, с.165, рис.95). По классификации А. Манцевич, котлы из Рыжановки относятся ко 2-му типу литых котлов (1961, с.150), по новейшей классификации А. Ромашко, это котлы типа С/1/в наибольшее распространение получившие в IV в. до н.э. (Ромашко 2013, с.38-39, рис.3: 59-65, с.40, 42).

Бронзовые котлы предназначались для варки мяса: при этом ножку котла вкапывали в землю, а под туловом разводили костер. О способе использования таких котлов скифами сообщает Геродот (IV, 61).

По-видимому, подобные котлы могли быть в употреблении весьма продолжительное время, о чём свидетельствуют следы древних реставраций на ряде таких сосудов, например, на одном из котлов из Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.209, кат.133), экземпляре из Двугорбой Могилы (Привалов, Зарайская, Привалов 1982, с.170), одном из котлов из кургана Солоха (Манцевич 1987, с.97) и некоторых других.

23. Ситула с округлым, усечённо-биконическим туловом на выделенном кольцевом поддоне, с носиком-сливом с цедилкой (верхняя часть носика имеет ушко для ручки) в виде скульптурной головы льва с широко открытой пастью, и массивными высокими двойными ручками с загнутыми краями, украшенными кеглевидными выступами (рис.150-151). К поддону крепились 2 плоские пластинки-подставки. Подобная ситула была найдена и в БМ БРК, но о ней – ниже.

В момент обнаружения ситула была во фрагментированном состоянии. Поверхность примерно на 80% была покрыта зелёными коррозионными наслоениями. Впоследствии сосуд был реставрирован.

Тулово ситулы было изготовлено из тонкой золотистой бронзы в техникековки, носик-слив, ручки, пластинки-подставки – в технике литья. Последние крепились к тулову посредством пайки оловом.

Размеры ситулы из ЦМ БРК: высота 20,6, диаметр по краю 13,1, максимальный диаметр тулова 19,6, диаметр поддона 11,5 см. Поддон украшен концентрическими кругами с точкой в центре, нанесёнными пуансоном.

Ручки выполнены в виде дуг. Ширина их 16,2, высота над уровнем края тулова 7,5 см. В сечении ручки прямоугольные, 1,2 x 0,7 см. Загнутые края в сечении округлые, покрытые вдоль канелюрами. Ручки крепились к тулову ситулы посредством двух фигурных ушек. Их высота 1,5-1,6, диаметр отверстий 0,8 см.

Изображение головы льва (носик-цедилка) весьма реалистично и отличается детальной проработкой. Волнистая шерсть гривы передана объёмным рельефом. Уши овальной формы. Надбровные дуги хорошо выделены. Глаза в виде округлых выпуклостей. Рельефно показана лобная складка. Скульптура имеет небольшие повреждения с правой стороны. Высота носика-слива 6,2, ширина 5,2, диаметр округлого отверстия 1,0 см (рис.151).

Ситула из ЦМ БРК относится к группе сосудов, основным местом изготовления которых являлись, по-видимому, художественные центры Центральной Италии – Этрурии. Ситулы подобного типа, т.е. с носиком-сливом в виде львиной головы и противоположным ушком, оформленным иногда в виде голов Афины-Полады в шлеме, Силена, Персея или пальметты, в большом количестве были обнаружены именно на этой территории, а также в соседней с ней Умбрии. Многие из них ныне хранятся в музеях Италии: во Флоренции, Тарквинии, Риме, в том числе – в Ватикане. Вероятно,

в достаточно большом количестве они начали производиться в Этрурии с 1-ой четверти V в. до н.э. (Ганина 1970, с.68, 71).

Следует подчеркнуть, что довольно часто ситуты данного типа встречаются во фракийских памятниках, как правило IV в. до н.э., на территории Болгарии (Венедиков, Герасимов 1973, с.80-81). По мнению некоторых болгарских исследователей, отдельные экземпляры таких ситут, отличающихся своеобразным оформлением, прежде всего, литых частей, могли производиться по этрусским образцам в художественных центрах древней Фракии (Венедиков, Герасимов 1973, с.80-81).

Аналогии сосуду из ЦМ БРК: 1) одна из двух ситут, найденных в составе группы бронзовых сосудов в торфянике р. Супой у с. Песчаное Черкасской области на Украине. Отличие: одно из ушек ситуты украшено горельефом в виде головы Афины-Полады в шлеме. Предположительная дата изготовления сосуда – 1-я половина V в. до н.э. (Ганина, 1970, рис.2; 19-22; с.90); 2) Ситута из Злокучене, округ Шумен, Болгария, фракийское погребение 2-ой половины IV в. до н.э. Отличие: одно из ушек украшено головой Силена (Венедиков, Герасимов 1973, кат. 108, с.366); 3) Сосуд из могилы «Е» некрополя Никесиани в Восточной Македонии (Греция), дата могилы – середина IV в. до н.э. Этот сосуд соответствует ситуте из ЦМ БРК во всех деталях, иными словами – является полной аналогией последней (*Treasures... 1979, p.97, pl.56, 406*).

Возможно, ситута такого же типа была в свое время помещена в в гробницу № 1 (основное погребение) Мелитопольского кургана (340-320 гг. до н.э.) в Нижнем Поднепровье: от неё сохранились 3 плоские пластинки-подставки и край венчика, напоминающий таковой у рыжановской и иных упомянутых ситут (Тереножкин, Мозолевский 1988, с.98, рис.105: 15, 17, с.100, рис.108).

Ситуты с цедилкой и сливом в эллинском мире использовались для разливания и процеживания вина, в которое вместе с сусликом попадали виноградные косточки.

Бронзовые ситуты различных типов в памятниках скифской эпохи Северного Причерноморья встречаются крайне редко и, как правило, в захоронениях знати. Всего в степной и лесостепной областях указанного региона, по нашим подсчетам, помимо находок в Рыжановке, обнаружено 9 ситут: 6 – в Степи (курганы IV в. до н.э. – Чертомлык, Огуз, Башмачка, Мелитопольский курган, Гайманова Могила, курган № 9 у с. Пески Николаевской области) и 3 – в Лесостепи (2 экз. в упоминавшейся группе сосудов у с. Песчаное и ситута в кургане у с. Тишки в бассейне Сулы, IV в. до н.э.) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.218, кат.157; Фіалко 1993, с.12; Ганина 1970, с.69, прим.1; Тереножкин, Мозолевский 1988, с.98, рис.106: 15; Бидзиля, Полин 2012, с.356, рис.478; Гребенников 1987, с.155, рис.5: 3; Ильинская 1968, с.163, табл.LVI:1).

Несколько фрагментированных бронзовых ситут найдено и на соседней со степным Северным Причерноморьем территорией – в Прикубанье. Все они происходят из захоронений местной эллинизированной синдской и меотской знати: Курджипского кургана (Галанина 1980, с.82, кат.12), Большой Близницы (Отчет... 1871, с.8), кургана Карагодеуашх, где найдены обломки двух ситут (Ланно-Данилевский, Мальберг 1894, с.45, рис.13).

Подчеркнём, что этрусские ситуты с носиком-сливом в виде скульптурной головы льва на территории Юга Восточной Европы представлены пока лишь тремя экземплярами, два из которых происходят из могил БРК.

По мнению М. Трейстера, ситуты, близкие найденным в обеих могилах БРК (о ситуте из Боковой Могилы – далее) находят ближайшие аналогии в Западной Македонии, где они относятся в основном ко 2-ой половине IV в. до н.э. (см. Приложение М. Трейстера в данной работе).

24. *Кратер* с полусферическим приземистым, слегка вытянутым туловом, широким, плавно отогнутым краем, отделённым от тулова довольно широкой ложбинкой.

Первоначально у сосуда были 2 массивные полукруглые ручки, оканчивающиеся круглыми дисками (одна ручка утрачена в древности, вторая в момент находки располагалась рядом с туловом) и поддон (как и одна из ручек, утрачен в древности). Края сосуда, особенно с одной стороны, были сильно погнуты, вследствие его использования, несомненно, до помещения в могилу.

Кратер сосуд был обнаружен с поврежденной нижней частью тулова (вследствие долговременного пребывания в земле) и был восстановлен в ходе реставрации (рис. 152). Поверхность его была местами покрыта зелеными коррозионными напластованиями.

Тулово сосуда изготовлено из тонкой золотистой бронзы в техникековки, ручки и поддон были отлиты отдельно и крепились к тулову посредством пайки оловом.

На внутренней поверхности сосуда имелись следы чистки его песком. Отсутствие ручки и поддона, помятые края, указанные следы чистки – свидетельствуют о продолжительном пользовании этим сосудом.

Размеры сосуда: высота 17,5, диаметр по краю – 41,5 x 38,5 см, диаметр основания корпуса 10-12 см. Ширина ручки 12,5, диаметр дисков – 5,0 см (рис. 153).

Вероятно, данный сосуд служил для разведения вина. Об использовании его именно в этом качестве свидетельствует его положение в могиле – рядом с двумя большими амфорами (в которых, судя по винному камню на дне, было вино) и найденный внутри него ритон – сосуд для питья вина.

Мы располагаем сведениями лишь о нескольких подобных сосудах, найденных на различных территориях.

1. Кратер, входивший в состав группы бронзовых сосудов, обнаруженных у с. Песчаное, в торфянике р. Супой, на Украине. Сохранился целиком. Имеет профилированный литой поддон высотой 9,0, диаметром 19 см. По-видимому, такой же поддон был первоначально и у рыжановского «кратера». Ручки аналогичной формы. Сосуд из Песчаного несколько крупнее рыжановского: его диаметр по краю 50, общая высота 26 см. Емкость 24 л. Время изготовления сосуда – 1-я четверть V в. до н.э. (Ганіна 1970, кат.28, с.93).

2. Кратер, обнаруженный в 1889 г. при случайных обстоятельствах у с. Тарнавка (Польша?). Поддон у него, также как и у рыжановского сосуда, был утрачен в древности. Сохранившиеся ручки с круглыми дисками – литые. Он имеет больший, чем рыжановский сосуд диаметр (45-48 см), но близок ему по высоте тулова – 18-20 см. Дату определяют 1-ой половиной V в. до н.э. (Ганіна 1970, с.80).

3. Кратер, найденный в одной из могил IV в. до н.э. некрополя в Дервени, вблизи Салоник (греческая Македония). Сосуд сохранился целиком и имеет примерно такие же пропорции, что и упомянутые «кратеры». Корпус выкован из одного листа золотистой бронзы, массивные ручки и поддон – литые, припаянные к тулову.

В связи с последней находкой высказана версия об изготовлении таких сосудов где-то на севере Греции или на соседних с ней территориях (Ганіна 1970, с.81). Учитывая небольшое число известных сосудов, можно предположить, что их производство не отличалось массовостью, а следовательно и экспорт таких кратеров за пределы Греции был незначительным.

С точки зрения генезиса формы тулова, данные кратеры, по-видимому, происходят от глубоких металлических чаш, получивших распространение, по крайней мере, с начала V в. до н.э. (Pfrommer 1987, Taf.62: T.8).

В целом же, металлические сосуды типа кратеров являются крайне редкими находками в Северном Причерноморье, тем более – в скифских погребениях. Известный нам случай – фрагментированный ионийский бронзовый кратер «классического» типа с художественно оформленными ручками, обнаружен в кургане 1-ой половины VI в. до

н.э. у с. Мартоноша Кировоградской области, на пограничье украинской Степи и Лесостепи (*Онайко 1966, с.63, 99, табл.XIV*).

Как полагает М. Трейстер (см. Приложение к настоящей работе), подобные кратеры были наиболее распространены в Македокии и Припонтийской Фракии, где они датируются временем не ранее последней трети IV в. до н.э.

25. *Килик* рюмковидной формы с округлой полусферической чашечкой, имеющей слегка отогнутый край, длинными (круглыми в сечении), фигурно загнутыми кверху ручками, оканчивающимися листовидными креплениями, высокой стройной, полый изнутри ножкой с широким поддоном. В месте перехода тулова чашечки к венчику – выпуклый пояс, шириной 5,0 мм, ограниченный с двух сторон углублёнными двойными бороздками. Такая же двойная бороздка расположена и у края сосуда (рис.154-155).

Все упомянутые детали (чашечка, ручки, ножка) отлиты отдельно из бронзы золотистого цвета и соединены между собой посредством пайки оловом. В целом сосуд хорошо сохранился, за исключением того, что ручки в момент обнаружения были отсоединены (отпали) от корпуса.

Общая высота сосуда 8,0, диаметр чашечки по краю 10,1, диаметр поддона ножки 5,9 см.

В отличие от серебряных сосудов, бронзовые килики в скифских (как, впрочем, и в эллинских) памятниках Северного Причерноморья почти не известны. Мы располагаем сведениями лишь о 2-х случаях обнаружения бронзовых киликов в скифских могилах северопричерноморской Степи. Речь идёт о сосуде из кургана Гайманова Могила (1-я половина IV в. до н.э., по С. Полину), сохранившемся целиком (*Бидзиля, Полин 2012, с.332, рис.455*) и фрагментах (ножка, ручка) килика из упоминавшегося уже кургана Татьяна Могила (погребение № 2, середина IV в. до н.э.) (*Мурзин, Полин, Ролле 1993, с.98*).

Килик из Гаймановой Могилы весьма отличается от рыжановского в деталях: он имеет более глубокую чашечку, вместо высокой, стройной ножки, у него кольцевой поддон, ручки массивные, менее изогнутые (*Золото Степу... 1991, кат.120 б; Бидзиля, Полин 2012, с.332, рис.455*). О внешнем виде килика из Татьяниной Могилы судить в виду его фрагментарности сложно.

По общим пропорциям рыжановскому сосуду в определённой степени близок серебряный килик из Чмыревой Могилы конца IV в. до н.э. (*Онайко 1970, с.21, табл.XV*), хотя различие по ряду признаков между ними существенное.

Судя по находкам на территории Греции, бронзовые килики производились там в достаточно большом количестве (*Mertens 1976, p.72, fig.1-2; Rolley 1983, ill.288; Treasures... 1979, pl.32, 214*), хотя по непонятным причинам предметами широкого экспорта на берега Северного Понта они не стали. Следует, однако, заметить что все известные нам по публикациям бронзовые килики с длинными, загнутыми кверху ручками, безусловно, копирующие эллинистические керамические сосуды IV-III вв. до н.э., в деталях отличаются от рыжановского килика. Речь идёт, прежде всего, о профилировке чашечки: чаще всего у иных сосудов она имеет резко отогнутый край и ребро жёсткости в нижней части тулова (например, килики из собрания Х. Бастиаса в Метрополитэн музее в Нью-Йорке³⁵, находки из могил IV в. до н.э. некрополя в Дервени) (*Mertens 1976, p.72, fig.1-2; Treasures, 1979, pl.32, 214*). У иных – чашечка округлая, полусферическая, без отогнутого края (например, килик из собрания Британского музея в Лондоне) (*Mertens 1976, p.72, fig.22*). Помимо этого, высокая ножка у всех упомянутых киликов имеет в средней части узкий выпуклый валик, чего нет у рыжановского сосуда: ножка у него – гладкая.

³⁵ На этот факт наше внимание любезно обратил А. Щеглов (Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург, Россия).

По форме чашечки и ножки рыжановскому килику весьма близки серебряные килики, производившиеся в Аттике во 2-ой четверти V в. до н.э. (*Bloech 1940, S.137-138, Taf.39: 4a; Tallcot, 1936, p.336-337, fig.4*). На территории Юга Восточной Европы несколько подобных киликов обнаружено, например, в одном из богатых женских захоронений древней Колхиды (Грузия) (*Лордкипанидзе 1976, с.146, рис.4*).

Таким образом, учитывая упомянутое морфологическое сходство, можно допустить, что рыжановский килик относится к аттической продукции IV в. до н.э., наследующей традиции более ранних керамических и металлических сосудов Аттики. По-видимому, производство таких сосудов, в отличие от иных бронзовых киликов, изготавливающихся в Элладе, было ограниченным. Изредка попадая в Северное Причерноморье, такие сосуды в силу их немногочисленности и изящества формы, вероятно, ценились не менее (если – не более) серебряных киликов. Как отмечает М. Трейстер, сходные, но не идентичные сосуды (он называет их канфарами) известны в памятниках 2-ой половины IV в. до н.э. из Македонии, Фракии и Центральной Греции (см. Приложение к данной монографии).

26. Чаша полусферической формы, на низком кольцевом поддоне. Первоначально имела 2 фигурные петельчатые ручки: одна из них обломана в древности.

Край чаши горизонтальный, слегка отогнутый вовнутрь. С внешней стороны под ним – выпуклый кант шириной 2,0 мм.

Из-за долговременного пребывания в почве, нижняя часть сосуда разрушилась и впоследствии была восстановлена в ходе реставрации. В момент обнаружения сосуда, ручка и поддон располагались рядом с туловом. Поверхность сосуда на 80% была покрыта зелёными коррозийными наслоениями.

Тулово чаши изготовлено из тонкой золотистой бронзы в техникековки, поддон и ручки литые. Соединялись с туловом посредством пайки оловом. Диаметр чаши по краю 19, высота 10 см. Ручка треугольной формы (3,5 x 4,0 см), в сечении – круглая. Поддон диаметром 6,9 см, в центре его – круглое отверстие диаметром 3,2 см (рис.156-157).

Сходная чаша найдена и в Боковой Могиле БРК (о чём далее).

Подобные сосуды греческого средиземноморского производства довольно широко встречаются в погребальных памятниках V-IV вв. до н.э. местного населения степной и лесостепной областей Северного Причерноморья.

Аналогии в погребениях V в. до н.э. (территория Лесостепи): Журовка, курган № 403; Бобрица, курган № 66 (*Петренко 1967, с.139, табл.15: 10-11*). Аналогии в погребениях IV вв. до н.э. (Лесостепь и Степь Северного Причерноморья): Бобрица, курган № 63; Волковцы, курган № 1/1887; Иванков, курган № 6, погребение № 1; Капитановка, курган № 487; совхоз Красный Перекоп, с. Вольная Украина, курган № 22, погребение № 2; курган Чертомлык, камера V (*Петренко 1967, с.139, табл.15:5; Ильинская 1968, табл.XXXVIII: 4; Ильинская 1966, с.153. рис.1, с.154; Онайко 1970, с.115. кат.766; Лесков 1974, с.86, рис.74; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.218, кат.152*).

По размерам чаше из ЦМ БРК наиболее соответствует сосуд из кургана № 66 у с. Бобрица (бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье). Как отмечает М. Трейстер (см. Приложение к данной монографии), близкие по форме чаши получили особенное распространение во 2-ой половине IV в. до н.э. в Македонии и Фракии.

Обнаруженные на дне чаши бобовые и дикий чеснок свидетельствуют о том, что такая посуда использовалась в качестве мисок для той или иной пищи.

Итак, 3 из 4-х бронзовых сосудов, обнаруженных в ЦМ БРК, вполне могут рассматриваться как небольшой винный сервиз: ситула – для разлива и процеживания вина, кратер – для разведения (смешивания) его с водой) и килик – непосредственно для питья.

Интересной особенностью всей бронзовой посуды является золотистого цвета поверхность, что делало её чрезвычайно эффектной для восприятия. В свое время было высказано мнение, что поверхность таких бронзовых сосудов покрывалась тонким слоем золота, т.е. была позолоченной (*Ганіна 1970, с.93*).

Анализы состава металла бронзовых сосудов из ЦМ БРК, осуществлённые в консерваторской лаборатории Краковского археологического музея под руководством д-ра Э. Носек, показали наличие на всех сосудах поверхностного наслоения, обогащённого оловом. Это свидетельствует об использовании специальной технологии для изготовления сосудов, которая заключалась в лужении их поверхности с применением на следующем этапе специальной термической обработки, в результате чего получался золотистый слой металла.

Безусловно, золотистая бронза имитировала благородное золото. Следует заметить, что подобная технология использовалась, судя по всему, не только античными торевтами, но и местными мастерами в Северном Причерноморье, в частности – в Лесостепной Скифии (*Шрамко 1983, с.36*).

Не исключено, что бронзовая посуда, имитирующая золотую, пользовалась большой популярностью в среде скифской знати: вспомним сообщение Геродота об использовании скифскими царями «золотых чаш» (*Herod., IV, 71*).

Керамические сосуды

27. *Канфар* чернолаковый на кольцевом поддоне, с приземистым туловом и массивными ручками. Высота сосуда 11,5, диаметр венчика внутренний 12,7, диаметр сосуда по краю 14,4, высота поддона 2,3, его диаметр 7,2 см. Дно сосуда украшено штампованным орнаментом в виде трёх окружностей, состоящих из горизонтальных насечек и заключенной в них ромбовидной розетки с небольшими пальметтками по углам. Качество лака – невысокое, особенно вблизи одной из ручек, где лак – серого цвета, вероятно, вследствие плохого обжига. В отдельных местах, на внутренней и внешней поверхности сосуда, лак повреждён. Особенно сказанное касается дна и поддона канфара. На ручках и по краю сосуда – следы потёртостей и небольшие сколы, говорящие о продолжительности пользования им. Верхняя часть сосуда имеет слабые паутинообразные трещины (рис.158-159).

Канфар относится к продукции Аттики. По материалам Афинской Агоры подобные сосуды датируются 350-325 гг. до н.э. (*Sparkes, Talcott 1970, fig.700-701, pl.29, p.122*). Абсолютно аналогичные сосуды найдены, например, в могилах конца IV в. до н.э. Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (*Брашинский 1980, с.133-134, 224, №№ 200-202*), в некрополе Енисала в Северной Добрудже, где они датируются 330-310 гг. до н.э. (*Lungu 1993, p.169, pl.IV:14, 16, p.186, pl.X:14, 16, p.182*) и ряде иных мест. Однако следует отметить, что аналогичные канфары известны и в памятниках более позднего времени, в частности 1-ой четверти III в. до н.э. (*Thompson, 1934, fig.5*)³⁶.

28. Блюдо чернолаковое, на довольно высоком, кольцевом поддоне, с округлым туловом и прямым, горизонтально обрезанным краем. В момент обнаружения было разбито на несколько частей. Восстановлено.

Высота сосуда 8,1, диаметр края внешний 25,4, внутренний 23,5 см. Высота поддона 3,0, диаметр 13 см. Лаковое покрытие весьма хорошего качества. На дне блюда – орнамент в виде 3-х окружностей, образованных светлыми линиями (неокрашенные участки). В центре дна – неокрашенный круг диаметром 9,0 см, украшенный по краю

³⁶ Мнение о необходимости датировать данный канфар, как, впрочем, и блюдо из ЦМ БРК, 1-ой четвертью III в. до н.э. высказал и проф. П. Александреску, ознакомившись с цветными иллюстрациями сосудов в 1997 г. во время встречи с ним одного из авторов этой работы в Истрии (Румыния).

косыми черточками. Лак на отдельных участках поврежден. Внутренняя часть поддона украшена концентрическими окружностями, образованными линиями лака и незакрашенными светлыми участками. В центре поддона – светлый круг с маленьким кружочком и точкой посередине (рис.160-161).

Блюдо также относится к продукции Аттики. Подобные сосуды по материалам Афинской Агоры датируются 350-325 гг. до н.э. (*Sparkes, Talcott 1970, fig.8,806, pp.293-294, p.128*), по материалам некрополя в Аполонии – концом IV-началом III вв. до н.э. (*Аполония... 1963, №№ 535, 543, табл.115*). Весьма близкие сосуды найдены в курганах некрополя Елизаветовского городища на Нижнем Дону, например, кургане № 4/1909 г., кургане № 3/1908 г. Первый из них датируется И. Брашинским 2-ой половиной IV – началом III вв. до н.э., второй – последней четвертью IV в. до н.э. (*Брашинский 1980, с.135, №№ 208-209, с.225, табл.XVII, №№ 208-209*). Однако, подобные чернолаковые блюда встречены и в материалах 1-ой четверти III в. до н.э. (*Thompson 1934, p.317, fig.3A: A7*).

29. Амфора с яйцевидным туловом, оканчивающимся небольшой усечённо-конической ножкой, невысоким цилиндрическим горлом, короткими, круглыми в сечении ручками и широким, воротникообразным венчиком, лежащим на верхние прилепы ручек. Тесто плотное, светло-оранжевого цвета с мелкими тёмными включениями. Поверхность сосуда тщательно заглажена.

На плечиках амфоры, с одной из сторон – граффито из трех греческих букв ΘΕΙ, возможно, это сокращение от слова «прекрасное», «превосходное» (*Русяева 2004, с.385-386, рис.1*).

Сосуд был обнаружен во фрагментированном состоянии, реставрирован (*Шиянова 1999, с.329-331*).

Высота амфоры (Н) – 77, глубина вместилища (Н₀) – 72, максимальный диаметр тулова (Д) – 47,2, высота верхней части сосуда, от линии максимального диаметра (Н1) – 39, диаметр устья горла (d) – 8,6, внешний диаметр по венчику (d₁) 17,6 x 14,6 см. Вес сосуда 14 кг. Предположительный объем – около 40 л (рис.162; 166: 4).

Сосуд относится к коринфским амфорам, точнее типу А', по классификации Кэролин Кёлер. Амфоры этого типа производились в Коринфе на протяжении достаточно продолжительного времени, во всяком случае – с V по III вв. до н.э. При этом, исследовательница полагает, что к началу III в. до н.э. производство таких сосудов увеличивается (*Кёлер 1992, с.269-271*).

Сосуды, близкие по форме рыжановскому, были обнаружены в составе груза амфор судна, погибшего у Балеарских островов (*Кёлер 1992, с.281, табл. 2*). Последние датируются К. Кёлер ориентировочно в пределах 2-ой – 3-ей четвертей IV в. до н.э. Впрочем, исследовательница, не настаивает на этой дате, подчеркивая «отсутствие хорошо датированных комплексов» с подобными амфорами (*Кёлер 1992, с.270*). С. Монахову датировка К. Кёлер коринфских амфор типа А представляется несколько завышенной (*Монахов 1999, с.373*).

В скифских курганах коринфские амфоры данного типа до настоящего времени достоверно не фиксировались.

Следует сказать, что коринфские амфоры, но более раннего, архаического периода встречаются в Северном Причерноморье, прежде всего, в материалах эллинских поселений, хотя и очень редко (*Зеест 1960, с.71*). Впрочем, весьма редки и находки более поздних коринфских амфор, в частности упомянутого типа А, по К. Кёлер. В качестве примера, можно привести обломки коринфских сосудов, правда, отличающихся от рыжановской амфоры, (относящихся к иным вариантам типа А) из усадьбы б поселения Панское-I в Восточном Крыму (*Кас, Monachov, Stolba, Ščeglov 2002, p.106, pl.48, ad.85-*

86) и Елизаветовского городища на Нижнем Дону (*Marčenko, Žitnikov, Kopylov 2000, Taf.41, Abb.70: 7,10*).

По-видимому, коринфское вино поступало на берега Северного Понта в весьма ограниченном количестве.

30. *Амфора* пифоидная, с округлым, сужающимся книзу туловом, на небольшой ножке усечённо-биконической формы (без углубления), с коротким цилиндрическим горлом, слегка сужающимся к тулову сосуда, тонкими, овальными в сечении ручками, и так называемым грибовидным венцом.

Тесто светло-оранжевое, очень плотное, с мельчайшими белыми включениями слюды или кварца. Поверхность сосуда тщательно заглажена и покрыта светло-охристым ангобом.

Амфора была обнаружена в виде развала, включающего сотни фрагментов и восстановлена в ходе реставрации (*Шиянова 1999, с.329-331*).

Высота сосуда (H) – 87,2, глубина вместилища (H₀) – 76,6, максимальный диаметр тулова (D) – 46,4, высота верхней части сосуда, от линии максимального диаметра (H1) – 32,8, диаметр устья горла (d) – 15, внешний диаметр по венчику (d₁) – 19,6 см. Вес амфоры 13 кг. Предположительный объем около 40 л (рис.163; 166: 3).

Данный сосуд относится к амфорам, объединенных в тип «Солоха-I». На основании находки 3-х подобных сосудов в кургане Солоха, А. Манцевич выделила эти амфоры в упомянутый тип (*Манцевич 1947, с.3-5; 1968, с.48-53; 1975, с.72-86; 1987, с.51, кат.32: 1. с.105, кат.90*). Она же предложила их дату (используя для этого инвентарь кургана Солоха) – 1-я половина IV в. до н.э. и определила сосуды в качестве продукции Тероны (*Манцевич 1947, с.3*). Впоследствии тезис о подобной локализации центра производства амфор «Солоха-I» вызвал критику со стороны многих исследователей (*Погрехова 1953, с.257; Зеест 1960, с.93; Брашинский 1965, с.96-97; Онайко 1970, с.12*). И. Зеест предложила искать центр их производства на островах Эгейского моря, возможно, Косе (*1960, с.94*), что встретило поддержку со стороны И. Брашинского (*1965, с.96-97*).

В настоящее время большинство исследователей полагает, что амфоры с грибовидными венчиками, условно объединённые в тип «Солоха-I», производились во многих центрах античного мира (*Брашинский 1980, с.27; 1984, с.43-45; Монахов, Рогов 1990, с.140; Монахов, Абросимов 1993, с.130; Монахов 1999, с.243*), поскольку они отличаются по ряду характеристик и прежде всего – профилировке венца, тесту и размерам. Среди возможных центров производства амфор с грибовидными венчиками называют Самос, Родос (*Grace 1963, p.322; 1971, p.67*), Накос, Парос, Книд, Кос (*Брашинский 1965, с.96*), Пепаретос (*Daulgeri-Intzessiloglou, Garlan 1990, p.387-388; Гарлан, 1992, с.40-41; Амперер, Гарлан, 1992, с.20*), возможно, Икос, а также иные центры Великой Греции и Сицилии. Существует также мнение о том, что амфоры с подобной профилировкой венчика получили широкую популярность в античном мире, прежде всего в IV в. до н.э., что и вызвало их производство во многих центрах (*Монахов 1999, с.241*).

Столь же широкий спектр мнений существует и по вопросу о времени производства этой группы амфор. И. Зеест датировала их суммарно IV-III вв. до н.э., отметив, что сами сосуды из Солохи относятся к IV в. до н.э. (*1960, с.93*). Тезис о распространении этих амфор в основном в пределах IV в. до н.э. (*Зеест 1960, с.93*) поддержала Н. Онайко (*1970, с.12*). Ряд авторов попытался уточнить их хронологические рамки в пределах указанного столетия, относя сосуды с грибовидным венцом в основном к 1-ой половине – середине IV в. до н.э., впрочем, отмечая, что в материалах Ольвии они встречаются и во 2-ой половине столетия (*Брашинский 1965, с.97; 1984, с.124*), ко 2-ой – 3-ей четвертям (*Монахов, Рогов 1990, с.140; Монахов, Абросимов 1993, с.130*) или – середине – 3-ей четверти IV в. до н.э. (*Монахов, Рогов 1990, с.130*). Предложена и более

ранняя «узкая» дата – конец V – 3-я четверть IV вв. до н.э. (Полин, Кубышев 1997, с.43). Однако существует мнение и о более широком хронологическом бытовании амфор с грибовидными венцами – конец V – III вв. до н.э. (Daulgeri-Intzessiloglou, Garlan 1990, p.386; Гарлан 1992, с.40). О расширении хронологических рамок бытования амфор типа «Солоха-I» на III в. до н.э. (во всяком случае – на начало этого столетия) вполне определенно пишет А. Аврам (Avram 1989, S.251). Аналогичное наблюдение было сделано в свое время и Н. Лейпунской, указавшей, что «поздние границы бытования амфор типа Солоха-I в Ольвии дают совместные находки их с родосскими и синопскими клеймами». При этом исследовательница подчеркнула, что в целом же в III в. до н.э. ввоз этих амфор Ольвию прекратился (Лейпунская 1981, с.67).

В свете сказанного вполне очевидно, что сами по себе эти амфоры узкой и конкретной даты не дают и, скорее, их время следует определять по иным, хорошо датирующимся вещам того или иного комплекса.

Было бы неверным говорить, что амфоры этой группы плохо представлены в Северном Причерноморье: их фрагменты довольно часто встречаются в слоях античных поселений, а также на поселениях скифской культуры в степной и лесостепной областях. Что же касается целых экземпляров, то нам известно, по меньшей мере, 18 амфор, происходящих из памятников скифской поры. Десять из них обнаружено в 9 пунктах Лесостепи: Боковая гробница БРК; беспаспортный экземпляр из собрания Национального музея истории Украины; курган № 4 у с. Новосёлки; курган № 493 у с. Париевка-Ильинцы; 2 экз. из с. Лесовичи; курган № 1 погребение № 1 у с. Вишнополь; курган № 3, погребение № 1 у с. Иванков; курган № 3 группы III: у пос. Старый Мерчик; курган № 18 Песочинского могильника (Ossowski 1888, tabl.V: 1; Ханенко 1899, с.42, табл. XXXV, № 781; Bydłowski 1904, s.70, rys.99; Галанина 1977, с.36, табл. 16: 8; Яковенко 1964, с.199, рис.1; 1965, с.155, рис.2; Бандуровский, Буйнов 2000, с.147, рис.7: 1, с.190, рис.49: 17; Григорьев, Скорый 2011, с.184-185, рис.10-11). Восемь амфор найдено в 5 скифских курганах Степи: Солоха – 3 экз.; курган Плоская Могила – 1 экз., могильник Мамай-Гора, курганы №№ 13,15 – 2 экз.; курган № 8 группы Чередникова Могила; курган Водяна Могила – 1 экз. (Болтрик, Савовский 1991, с.101, рис.3: 4; Андрух, Тоцев 1999, с.90, рис.24: 6, с.92, рис.25: 24; Монахов 1999, с.346, табл.150:2; Мозолевский, Полин 2005, с.91, рис.24).

В целом же, по публикациям, нам известно на Юге Восточной Европы более 30 целых сосудов группы «Солоха-I» (помимо Северного Причерноморья, территории Прикубанья, Северо-Западное Причерноморье, Колхида и пр.). Эти амфоры достаточно варьируют по размерам: высота (Н) 50-77, диаметр тулова (Д) – 23,5-47, диаметр венца, 9-18 см, что, соответственно, предполагало различную ёмкость амфор. И. Брашинский указывал, что, исходя из метрологических характеристик, пифоидные амфоры группы «Солоха-I» изготавливались по двум основным стандартам. Господствующими были сосуды ориентировочной ёмкостью 32.400 л или объемом 10 аттических хоев (к ним относятся сосуды из кургана Солоха – высота 68-69, диаметр 40-42 см и сосуды, близкие им по размерам) и 38.880 л или объемом 12 хоев. К ним принадлежат амфоры, хранящиеся в Краснодарском музее, из кургана № 4 у с. Новоселки и Лесовичей, высотой 77, диаметром 47 см. Наряду со стандартными амфорами, выпускались и так называемые фракционные сосуды, примерно половины объема стандартных амфор (6 или 5 аттических хоев) (Брашинский 1984, с.124). Такие, например, найдены в Вани в Колхиде (Монахов 1999, с.383, табл.169: 2), некрополе Керкинитиды в Крыму (Кутайсов, Ланцов 1989, с.28, рис.8: 1).

Исходя из этих данных и метрологических характеристик амфоры из ЦМ БРК (Н – 87,2, Д – 46,4 см), можно вполне считать, что её объём был более 40 л, т.е. она относится к числу наиболее крупных пифоидных амфор с грибовидным венцом.

По общей профилировке амфора из ЦМ БРК близка ряду сосудов, в том числе уже упомянутым (Солоха, Ильинцы, Иванков, Вишнополь, Новоселки, Плоская Могила), а также амфорам из кургана № 5 группы Пять Братьев на Нижнем Дону (Монахов 1999, с.252, табл.100:1), кургана № 8 группы Чередниковой Могилы в Нижнем Поднепровье (Монахов 1999, с.346, табл.150:2), гетского погребения в Спиру Харет в Румынии (Hartuche, Anastasiu 1976, kat.424), сосудам из груза судна, потерпевшего крушение у Балеарских островов, в Западном Причерноморье (Монахов 1999, табл.164:2).

Особо подчеркнём, что у амфор из кургана № 4 у с. Новоселки, Плоской Могилы, кургана № 8 группы Пятибратние курганы и найденных в составе груза корабля у Балеарских островов, также, как и у сосуда из ЦМ БРК, горло сужается к плечикам. Есть, правда, одна деталь, которая отличает рыжановскую амфору от всех перечисленных выше сосудов, а именно – отсутствие сколько-нибудь выразительного углубления на её ножке.

Тесто у большинства перечисленных сосудов светло-коричневое. Ангоб достоверно отмечен лишь у амфоры из Вишнополя.

Наиболее близкими сосуду из ЦМ БРК являются амфоры, найденные в составе груза корабля близ Балеарских островов, и амфора из Плоской Могилы в Нижнем Поднепровье (у остальных названных сосудов тулово более приземистое). Первые, как и весь комплекс кораблекрушения, датируют серединой – 2-ой половиной 60-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 1999, с.379), дату Плоской Могилы авторы публикации склонны определить в пределах 3-ей четверти-конца IV в. до н.э. (Болтрик, Савовский 1991, с.107), что, в общем, свидетельствует о достаточно продолжительном бытовании данного типа амфор.

Если ранее местом производства пифоидных амфор с грибовидным венцом, суженным к плечикам горлом, тестом светло-коричневого цвета, определяли Самос (В. Грейс) или Родос (Ж. Амперер), то ныне предлагается версия о принадлежности их к керамической продукции Книда (Монахов 1999, с.345, 423; 2003, с.102-104). По недавно предложенной классификации С. Монахова, сосуд может быть отнесён к чередниковому варианту типа II квидских амфор с цилиндрическим горлом и грибовидным венцом. По его мнению, «надёжных оснований для точной датировки» таких амфор пока нет», «но, скорее всего, данный вариант должен датироваться серединой-третьей четвертью IV века» (Монахов 2003, с.102-103).

31-32. Амфоры с рюмкообразной ножкой, однотипные, но различаются по некоторым деталям и размерам.

31. Сосуд со стройным коническим туловом, высоким цилиндрическим горлом, плавно расширяющимся к плечикам, с венчиком трапециевидной формы, имеющим горизонтально обрезанный верхний край. Ручки амфоры массивные, в сечении удлинённо-овальные или линзовидные. Рюмкообразная ножка сильно расширяется к подошве.

Тесто амфоры светло-оранжевое, с мелкими белыми включениями слюды. В средней части горла амфоры есть граффито, процарапанное острым тонким предметом по обожжённой поверхности. Оно состоит из греческого слова «ασίνης» и буква «к». Слово «ασίνης» может быть переведено как «безвредное», «нетронутое», иногда – «доставляющее удовольствие», т.е. удостоверяющее качество вина. Буква «к», по-видимому, относится к цифровой метке (20), что может обозначать объём или стоимость вина (Русяева 2004, с.386-387, рис.2).

Амфора была обнаружена во фрагментированном состоянии, восстановлена (Шуянова 1999, с.329-331).

Метрическая характеристика: высота сосуда (Н) – 80, глубина вместилища (Н₀) – 68, максимальный диаметр тулова (Д) – 35,5, высота верхней части сосуда от линии

максимального диаметра (H_1) – 35,5, диаметр устья горла (d) – 9,5, внешний диаметр по венчику (d_1) – 12,5, диаметр основания подошвы ножки – 8, диаметр углубления в подошве – 2,2 см. Вес сосуда 8 кг. Объем – более 20 (?) л (рис. 16; 166: 1).

32. Вторая амфора имеет менее стройное коническое тулово, высокое цилиндрическое, слегка ребристое горло, расширяющееся к плечикам, венчик. Верхний край его, слегка оттянутый вперед и скруглённый, горизонтально обрезан. Массивные ручки в сечении – овально-вытянутой или линзовидной формы. Ножка была отбита в древности и, судя по затёртости одного из краев, сосуд этот до помещения его в могилу, какое-то время мог вторично (?) использоваться. Тесто светло-оранжевое с включениями мелкой ракушки.

Почти в центре средней части горла расположено дипинто, состоящее из двух греческих букв («П», внутри которой находится «О»), написанное красной охрой. Подобная монограмма могла быть началом имени или имела цифровое значение (Русаева 2004, с.387, рис.3).

Амфора была обнаружена во фрагментированном состоянии; восстановлена в ходе реставрации (Шиянова 1999, с.329-331).

Метрическая характеристика: сохранившаяся высота сосуда (H) – 65, глубина вместительности (H_0) – 54, максимальный диаметр тулова (D) – 30,4, высота верхней части сосуда (H_1) – 28, диаметр устья горла (d) – 8,6 x 9,7 (оно овальной формы), внешний диаметр по венчику (d_1) – 11,0 x 11,8 см. Вес сосуда 10 кг. Объем более 14 л (рис.165; 166: 2). Таким образом, данная амфора по своим метрическим параметрам меньше выше описанной.

Оба сосуда относятся к группе амфор с рюмковидными ножками, выделенными впервые И. Зеест, точнее – к её «мелитопольскому» типу (в Мелитопольском кургане представлена наиболее значительная – 11 экз. – и выразительная серия подобных амфор) (Зеест, 1960, с.89).

Ныне производство таких сосудов убедительно связывают с городом Мендой, располагавшимся на западном берегу полуострова Паллена, в Халкидике (Брашинский 1976, с.65-74).

Амфоры с рюмковидной ножкой изготавливались на протяжении почти всего IV в. до н.э. и даже в начале III в. до н.э.

По предложенной недавно классификации С. Монахова, рыжановские сосуды могут быть отнесены к варианту II-C (мелитопольскому) второго типа мендейских амфор (Монахов 1999, с.609-610; 2003, с.89).

Наиболее близкими аналогиями для первой рыжановской амфоры являются 2 сосуда (амфоры №№ 9-10) из центральной гробницы Мелитопольского кургана (Тереножскин, Мозолевский 1988, с.75, рис.77-78), сосуды из центральной могилы кургана Жёлтокаменка (Драна Кохта) (Мозолевский 1982, с.202, рис.30), амфора из кургана № 9 (погребение № 1) у с. Пески (Монахов 2003, с.295, табл.65:4) в Степном Причерноморье. Они сходны с рыжановскими экземплярами не только по морфологическим признакам, но и метрическим характеристикам. Как известно, дата Мелитопольского кургана не определяется однозначно: Б. Мозолевский склонен помещать её в интервале 340-320 гг. до н.э. (Тереножскин, Мозолевский 1988, с.147), А. Алексеев – 330-315 гг. до н.э. (1992, с.153), недавно С. Монахов предложил дату – 340-320 гг. до н.э. или 30-е гг. IV в. до н.э. (Монахов 1999, с.397), С. Полин – 350-345 гг. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012, с.555).

Дата погребения № 1 кургана № 9 у с. Пески, по С. Монахову, определяется в рамках 330-310 гг. до н.э. (Монахов 2003, с.94, сноска № 46), по С. Полину – 3-я четверть IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012, с.559).

Со вторым рыжановским сосудом (по профилировке венчика, ручек, пропорциям тулова) наиболее сходны амфоры с рюмкообразными ножками, найденные в составе

тризны кургана Чертомлык (330-300 гг. до н.э.), под северо-западным останцом насыпи, а также в скоплениях №№ 1, 6 (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.367, рис.4:12, 35, с.368. рис.5:2*), а также амфоры из центральной могилы кургана № 14 у с. Гюновка (*Монахов 1999, с.380, табл.167:1*) и кургана № 8 группы Чередниковой Могилы (*Монахов 1999, с.346, табл.150:1*). Первый из этих курганов С. Монахов датирует 2-ой половиной 60-х гг. IV в. до н.э., второй – 50-40 –ми – началом 40-х гг. IV в. до н.э. (*Монахов 1999, с.380-381, 377*). По С. Полину, даты соответственно – около 370 г. до н.э. (для центральной могилы кургана № 14 у с. Гюновка (*Полин 2014, с.351*) и около 350 г. до н.э. (для кургана № 8 группы Чередниковой Могилы) (*Бидзиля, Полин 2012, с.550*). Приведенные данные (если они верны) свидетельствуют об изготовлении таких амфор, по крайней мере, с 70-х гг. IV в. до н.э. Примечательно, что в кургане № 8 группы Чередниковой Могилы найдена и книдская амфора, вполне подобная сосуду из ЦМ БРК, о чём речь уже шла выше.

С точки зрения хронологии мендейских амфор «мелитопольского» типа, точнее верхнего хронологического рубежа их бытования (и поступления в Северное Причерноморье), несомненный интерес представляет находка фрагментов таких сосудов, в составе тризны, во рву, кургана Каменская Близница в Степном Поднепровье, вместе с обломками клеймённой херсонесской амфоры (*Андросов, Мухопад 1987, с.15; 1987а, с.60-61, рис.3: 3-4*), которая, по классификации В. Каца, относится к сосудам, производимым в Херсонессе в 300-285 гг. до н.э.

В Менде существовали прославленные винодельческие центры, производящие дорогое, качественное вино (*Брашинский 1976, с.69*), а потому не случайно мендейские амфоры в варварской среде Северного Причерноморья встречаются, как правило, в составе инвентаря усыпальниц скифской знати – в Огузе, Жёлтокаменке, Мелитопольском кургане и пр. Что же касается лесостепной зоны, во всяком случае – Правобережья Среднего Приднепровья, то здесь амфоры Менды достоверно пока (помимо Рыжановки) зафиксированы лишь однажды: в погребении знатного воина в кургане № 3 могильника в Стеблёве, относящемуся к более раннему времени (*Скорый 1997, рис.23:1-2; Монахов 2003, с.94, 296, табл.66:3*).

Вероятно, качественное, а соответственно и дорогое вино, было и в книдской и особенно – коринфской амфорах (вспомним, кстати, граффито на коринфской амфоре – «прекрасное», «превосходное»).

В общей сложности в 4-х амфорах из ЦМ БРК (если допустить, что они были полные) находилось весьма значительное количество вина – не менее 110 л.

Деревянные сосуды

33. *Блюдо* округлой формы с двумя дуговидными выемками по краям. В нём в могилу было помещено жаренное жертвенное мясо. Сосуд сохранился очень плохо: фиксировался в основном в виде пятна древесного тлена чёрного и коричневого цветов, размерами 52,5 x 42,5-51,6 см. В отдельных местах, по периметру, сохранился бортик толщиной до 4,0 см. В районе древесного тлена зафиксирована железная скоба очень плохой сохранности, подквадратной в плане формы (от ручки?). Размеры: 1,6 x 1,4, высота 2,5 см. Скоба состоит из 6 фрагментов. Способ крепления её на сосуде не ясен.

Подобные сосуды, в том числе снабженные железными скобами, особенно широко представлены в памятниках Степной Скифии IV в. до н.э. В качестве примера приведем находки из курганов Северо-Западного Приазовья (*Полин, Кубышев 1997, с.7, рис.4:4, с.14-15, рис.13:16, с.18, 20*). Известны случаи обнаружения практически целых экземпляров таких блюд (например, в кургане у с. Зеленое Херсонской области) (*Koczowniczy Ukrainy 1996, с.175, кат.25*).

34. Сосуд округлой формы, выполненный из одного (?) куска дерева с угольками на дне. Сохранился очень плохо, в виде тлена коричневого цвета. Предполагаемый диаметр сосуда 22-25, высота 4-5 см. Похоже, что сосуд имел цилиндрическую форму.

Аналогичный сосуд был найден в кургане № 2 некрополя «Б» на территории Большого укрепления Бельского городища в бассейне р. Ворскла (1-я половина V в. до н.э.) (Супруненко 1996, с.112).

35. Остатки подноса или блюда, зафиксированные в районе «тайника». Ни форма, ни размеры сосуда не восстанавливаются: сохранились лишь мелкие обломки древесины. На них располагались кости от жертвенной мясной пищи и нож.

36. Нож железный с горбатой спинкой и костяной ручкой из двух колодок-накладок, аналогичный по типу описанным выше двум ножам из колчаных наборов. Общая длина ножа 16,3, длина лезвия 8,0, максимальная ширина 1,8-1,9 см. Металл сильно коррозирован. Нож изготовлен из железа хорошего качества (Nosek, Mazur 1999, s.336-338).

Колодки крепятся между собой с помощью четырёх железных заклёпок. Максимальная ширина ручки 1,3, минимальная 0,9-1,0 см, средняя толщина 8,0 мм. У лезвия и у края ручки уплощена. В момент обнаружения была переломана посередине (рис.167).

Ритуальные предметы

37. «Курильница» биметаллическая, состоящая из двух основных частей. Верхняя часть – бронзовая, кованная, круглая, неглубокая чашечка, а точнее – плоска, диаметром 11,7, глубиной 0,8-0,9 см, имеющая в центре, внизу круглую полую втулку (длина 6,0, диаметр 1,3 см), крепящуюся к ней посредством четырех железных заклёпок. На горизонтально отогнутом крае чашечки расположены 4 круглых сквозных отверстия диаметром 2,0 мм. Их наличие никак не объясняется функционально на данном изделии и, скорее, говорит о том, что данная чашечка или плоска была ранее частью какого-то иного изделия, т.е. используется как составная часть «курильницы» уже вторично.

Нижняя часть представляет собой кованый железный стержень длиной 72,8 см, в сечении прямоугольной формы (на большей части длины – 0,8 x 0,8 см), нижний конец его сужен и заострён. Верхняя часть стержня входит в упомянутую втулку бронзовой чашечки. В нижней части стержень имеет двойной изгиб, вначале под острым, затем – под прямым углами. Можно предположить, что первоначально первый изгиб также имел прямой угол, но при падении свода погребальной камеры был несколько деформирован. Несомненно, конструкция нижней части железного стержня предполагала закрепление «курильницы» в полу, в вертикальном положении.

В целом, предмет выполнен довольно небрежно, втулка крепится к чашечке различными по размерам заклепками, штырь, пройдя через втулку, возвышается над дном чашечки на 1,5 см. В момент обнаружения бронзовая чашечка была слегка помята, на одном из участков внутренней стороны имелись следы закопченности. Железный стержень у втулки был переломан (рис.168).

Нам не удалось обнаружить близких аналогий данному предмету.

В определённой степени рыжановская «курильница» напоминает так называемые канделябры, известные в античных памятниках Греции, Кипра, а также фракийских древностях Болгарии, Македонии. Их сближает наличие длинного, зачастую кованого железного стержня, а сверху – бронзовой неглубокой чашечки. Отличает то, что нижняя часть канделябров оканчивается треножником с заострёнными концами (Rutkowski 1979, S.144-222). Как наиболее показательный пример, можно привести канделябр из богатого фракийского погребения IV в. до н.э. в могильнике вблизи Старой Загоры на севере Центральной Болгарии (раскопки 1879 г.) (Vickers 2002, p.74, pl.29).

Металлические курильницы в степных скифских погребениях Северного Причерноморья, до находки в Рыжановке, достоверно не фиксировались. Однако, они известны у восточных соседей скифов – савроматов Поволжья и Приуралья (их роль чаще всего выполняли медные жаровни) (Смирнов 1964, с.170, 307, рис.14: б, с.362, рис.70: Б,12), племен Горного Алтая (например, бронзовая четырёхугольная курильница на ножках из 2-го Пазырыкского кургана) (Руденко 1953, табл.ХХIV:2), Тувы, Минуссинской котловины, Памира и т.п. (Чугунов 1996, с.72-73).

Что же касается Северного Причерноморья, то здесь примерно с IV в. до н.э. в скифских могилах в небольшом количестве известны лепные (керамические) округлые курильницы (Яковенко 1971), которые широкое распространение в этом регионе получают в позднескифское время (см., например, Вязьмитина 1972, с.155-156; Высотская 1979, с.173-174; Пуздровский 2007, рис.82-84).

Возможно, правы те исследователи, которые считают, что курильница не являлась собственно погребальным инвентарем умерших, а использовалась соплеменниками в ритуальных обрядах «проводов» покойного (Савинов 1995, с.7-8).

38. Красная свинцовая руда – крокоит³⁷ в виде естественного образования, имеющего вид продолговатой круглой втулки длиной 52, максимальным диаметром 2,7 см. Диаметр внутреннего, сквозного отверстия – 0,7-1,2 см. Края обломаны (рис.169). Место проявления данной руды – Урал.

Аналогичные предметы в скифских погребениях Северного Причерноморья, как, впрочем, и в погребениях скифского периода на иных территориях Евразии (в том числе в районе Приуралья) нам не известны.

В целом же, данный предмет, дающий при трении о твёрдую поверхность красный цвет, по-видимому, относился к таким же ритуальным предметам, как, например, реальгар, находки которого широко известны в могилах скифо-сарматского времени Евразии, в том числе – в Северном Причерноморье, и который традиционно связывают с проявлением культа огня (Ильинская 1968, с.86; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.36, 40, 48; Ольховский 1991, с.61, 72, 82, 89, 114). К слову сказать, кусочки реальгара были найдены в Боковой могиле БРК, о чём – далее.

38. Астрагалы или альчики бараньи – 35 экз., из которых 28 сохранились целиком, 7 – во фрагментированном состоянии. Четыре астрагала имеют следы обработки. У одного из них слегка спилена с одной стороны спинка, в результате чего поверхность стала относительно гладкой. Три других имеют спинки, сточенные с двух сторон, при этом с одной стороны у каждого астрагала, в спинке есть отверстие овальной формы (1,5-1,7 x 0,6-0,9 см), глубиной до 1,0 см, в которое вставлялся свинцовый грузик. У одного из астрагалов грузик сохранился. С противоположной стороны, в спинке имелись 3 сквозных отверстия круглой формы диаметром 2,0-3,0 мм, через которые, по-видимому, пропускались свинцовые штифы, соединяющиеся с грузиками. С их помощью грузики хорошо закреплялись в астрагалах (рис.170). Вероятно, крепление грузиков в кости осуществлялось путем заливки расплавленного свинца.

Астрагалы в составе погребального инвентаря достаточно часто встречаются в скифских погребениях Северного Причерноморья (Ольховский 1991, с.89), хотя, в общем, они известны на этой территории, по крайней мере, с эпохи бронзы (катакомбная, срубная культуры) (Пустовалов, Черных 1982; Ковалева 1990). Засвидетельствованы они здесь и в последующее позднескифское время (Вязьмитина 1972, с.152; Сыманович 1983, с.91).

В скифскую эпоху астрагалы чаще всего присутствуют в погребальных комплексах, начиная с IV в. до н.э. По данным В. Ольховского, астрагалы встречены в 17 бедных и богатых захоронениях в количестве от 1 до 40 экз. в каждом (Ольховский 1991, с.113)

³⁷ Определение осуществлено геологом В. Романюком.

Вопрос о функциональном назначении данных предметов вовсе не решается однозначно:

1. Астрагалы – это наборы игральные кости (*Вишневецкая 1973, с.70; Арсланова 1974, с.60*).

2. Они являлись амулетами, оберегами, хотя могли быть и детскими игрушками (*Вязьмитина 1972, с.152*). Заметим, что применительно к рыжановскому погребению версия «о детских игрушках» снимается.

3. Были не только игральными костями, но и использовались в качестве амулетов (оберегов) и при гадании (*Сыманович 1983, с.91; Ольховский 1991, с.113*).

4. Применялись исключительно для гадания профессиональными гадателями-жрицами (вывод применительно к находкам срубной культуры) (*Ковалева 1990, с.69*).

Наличие в некоторых рыжановских астрагалах свинцовых грузов, утяжеляющих их, говорит о том, что они могли использоваться в качестве игральные кости (быть битами?), что, однако, не исключает их использования и в каких-либо ритуальных операциях.

Остальной инвентарь

40. *Нижняя деталь составного веретена*, выточенная из кости в виде фигурки, напоминающей шахматную пешку, т.е. с округлым утолщенным основанием, сужающимся в верхней части и шаровидным окончанием. Длина предмета 4,5, диаметр нижней части 1,4 см, верхней, шаровидной – 7,5 мм. В центре нижней части – круглое отверстие диаметром 5,0 мм для насаживания на стержень (рис.171).

Описанная деталь является частью веретена греческого производства. Такие сложносоставные веретёна, имеющие сходные по форме нижние окончания, достаточно обычны в богатых захоронениях Степной Скифии (*Фиалко 1987а, с.123-124; Гаврилюк 1987, с.131*). Что же касается нижней части рыжановского веретена, то она наиболее напоминает детали веретён из кургана Огуз, кургана № 11 у г. Орджоникидзе и кургана Хомина Могила (гробница № 3) (*Фиалко 1987а, с.132, рис.1:1, 9-10*).

Фрагментированное веретено с подобной нижней частью встречено и в Боковой могиле БРК, о чём – ниже.

41-42). *Крюки железные*, кованные из круглого прута, от шторы или полога.

Имеют плавно изогнутую, округлую форму. Различаются размерами и некоторыми деталями. Крюк больших размеров имеет длину 18, максимальную ширину 9,7, диаметр прута 0,6-0,7 см. Верхний край загнут набок, в петлю, с внешним диаметром 1,5, внутренним – 0,4-0,7 см. Посредством этой петли крюк крепился к своду. Поверхность крюка была обмотана кожаным ремешком шириной около 1,0 см, от которого сохранились фрагменты (рис.172: 2, 4).

Крюк меньших размеров имеет длину 12,8, максимальную ширину 10,4 см. Диаметр прута 0,4-0,5 см. Верхний конец раскован в виде лопаточки размерами 1,2 x 1,4 см. В центре её – круглое отверстие диаметром 0,6 см, с помощью которого крюк крепился к потолку. Как и описанный выше экземпляр, этот крюк был первоначально обмотан кожаным ремешком (рис.172: 1, 3).

Крюки изготовлены из железа хорошего качества (*Nosek, Mazur 1999, s.336-338*).

43. *Остатки ткани (полотенца?)*, найденные на жертвенной пище в малом бронзовом котле. Представлены несколькими фрагментами различных размеров.

Два из них – наиболее крупные. Один продолговатой формы, длиной 9,0, при максимальной ширине 6,0 см. С одной стороны его край обмётан (?). Ткань серо-коричневого цвета с окраской отдельных участков в красный (?) и бордовый (?) цвета (рис.173). Другой фрагмент округлой формы, размерами 7,2 x 7,0 см. Представляет собой ажур-

ный орнамент в виде восьмилепесткового цветка (стилизованной ромашки?). Края лепестков отделены тонким двойным белым (?) шнуром. В центре каждого лепестка – участок ткани красного (?) или бордового (?) цветов (рис. 173).

Изучение данных фрагментов с помощью электронного микроскопа (*Бредис 1997, с.101-104*) позволяет предполагать, что они представляли «собой довольно сложную по своему техническому исполнению двухслойную ткань, основа которой растительно-го происхождения – из льна и конопли различных видов. Сверху на ткани была вышивка тонкими пуховыми нитями».

Ещё несколько кусочков представляют собой ткань сложной структуры с узором, выполненным в «гобеленовой» технике (рис.174). Микрохимические реакции при анализе волокон указывают на шерсть (*Бабенко, Бредис, Клочко 1999, с.318*).

Фрагменты тканей с узором в «гобеленовой» технике известны по находкам в греческих некрополях Северного Причерноморья.

Остальные небольшие фрагменты также относятся к шерстяной ткани, но сохранились очень плохо.

В целом, трудно сказать, являлись ли упомянутые фрагменты частями одного изделия или принадлежали нескольким.

Из-за плохой сохранности органических материалов в земле, ткань лишь изредка фиксируется в скифских захоронениях Северного Причерноморья, при этом, как правило, из-за фрагментарности судить о её внешнем виде (структура, цвет) бывает затруднительно. На этом фоне положительно выделяются остатки цветных шерстяных и льняных тканей, найденных в кургане Вишневая Могила (погребение № 5) (*Прилипко, Болтрик 1991, с.18-33*) и кургане Чертомлык (северо-восточная камера) (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.198-201, кат.120, с.203-205, кат.127, с.208, 212, кат.136*). Тем не менее, они отличаются от описанной ткани, найденной в ЦМ БРК. Можно предположить, что последняя была изготовлена греками, учитывая упомянутые выше аналогии.

IV.2. Предметы из Боковой Могилы³⁸

А) Захоронение девочки-служанки

1. *Браслет бронзовый* из круглой, слегка уплощённой в сечении проволоки (диаметр 2,0 мм), согнутой в виде кольца диаметром 6,0 см, с незамкнутыми, слегка заострёнными концами. Поверхность покрыта неглубокой гравировкой в виде параллельных линий, по 4 линии вместе, с интервалами в 1,0 см (рис.175: 2).

По классификации В. Петренко, данное украшение относится к группе проволочных спиральных браслетов. Как подчеркивает упомянутый автор, браслеты этой формы появились уже в V в. до н.э., но наибольшее распространение получили с IV в. до н.э., преимущественно в степной полосе Северного Причерноморья (*Петренко, 1978, с.55*).

В Лесостепном Поднепровье известно несколько подобных браслетов: в кургане № 447 (погребение № 2) у с. Пастырское (*Галанина 1977, с.33, табл.14: 7*) – по В. Петренко, V-III вв. до н.э. (*1967, с.94*), по С. Бессоновой, 1-я половина IV в. до н.э. (*Ковпащенко, Бессонова, Скорый 1989, с.155*); в кургане № 6 у с. Сеньковка (2-я половина V-IV вв. до н.э.) (*Покровська 1965, с.142, табл.11: 5-6, с.143, 146*), кургане № 15 у Старинской птицефабрики (IV в. до н.э.) (*Петренко 1978, с.13*).

2. *Шпилька (булавка) бронзовая*, гроздевидной формы, длиной 18,5, с максимальным диаметром стержня 0,5, диаметром шляпки 2,2 см. У одного из краев шляпки – небольшое сквозное отверстие (рис.175:1). Булавка до настоящего времени не сохранилась.

³⁸ Практически все находки из БМ БРК хранятся в Краковском археологическом музее.

Относится к числу характерных украшений населения Лесостепи скифской поры. По классификации В. Петренко, принадлежит к 4-му варианту 5-го типа булавок (булавки с большой плоской круглой шляпкой, гладким стержнем, равномерно сужающимся к острому концу). По наблюдениям упомянутого автора, булавки этого варианта достаточно хорошо известны в различных регионах Лесостепи. Появляются они в VI в. до н.э. и имеют популярность до конца скифского периода (Петренко 1978, с.13).

Экземпляры с отверстием в шляпке (что имеет место у рыжановской булавки) встречаются крайне редко. Одна из булавок описанного варианта найдена на Люботинском городище скифского времени в бассейне Северского Донца (Шрамко 1998, с.29, рис.14:25), еще 2 булавки, но относящиеся к 3-му варианту того же 5-го типа, происходят из района Канева и кургана у с. Сеньковка (V-IV вв. до н.э.) на Правобережье (Петренко 1978, табл.4:26, 30).

3. *Серьги бронзовые*, кольцевидные, одна из них имеет нанизанную пастовую бусину. Изготовлены из проволоки сечением 1,1 мм. Диаметр кольца 3-3,4 см. Концы слегка заходят один за другой. Бусина пастовая, колёсовидная, голубого цвета. Сохранился лишь один экземпляр (рис.175: 3).

Серьги относятся к группе украшений широко встречающихся в рядовых скифских захоронениях степной полосы Северного Причерноморья, в частности, могилах IV в. до н.э. Примеры: курган № 13, погребение № 2 у с. Львово Херсонской области (1-я четверть IV в. до н.э.); курган № 1, погребение № 3, группы Лисей Могилы близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области; курган № 27, погребение № 4, могильник Гайманово Поле близ с. Балки Запорожской области (2-я половина IV в. до н.э.) (Евдокимов 1992, с.140-141, рис.4:8; Мозолевский 1980, с.119, рис.55:8-9, с.122; Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, с.184, рис.37:13, с.186).

Известны подобные серьги, но значительно реже, и в захоронениях скифской поры Террасовой левобережной Лесостепи, например, в кургане № 12, погребение № 1 у с. Старое (IV в. до н.э.), кургане № 4, погребения №№ 1,4 у с. Подолье Киевской области (IV в. до н.э.) (Фиалко 1994, с.36, рис.13:4, с.31, рис.8: 4, с.32, рис.9:1).

4. *Бусина стеклянная*, биконической формы, светло-зелёного (салатного) цвета³⁹. Примерно половина бусины отбита. Высота бусины 0,9, диаметр максимальный 1,1, диаметр отверстия – 0,1 см.

Биконические стеклянные бусы нечасто встречаются в захоронениях скифской эпохи и, к сожалению, не дают узких дат. В качестве подобных находок можно упомянуть биконические «серые» бусы из курганов №№ 33, 36 (погребение № 3), 38 (погребение № 3) могильника Мамай-Гора в Нижнем Приднепровье, относящихся к IV в. до н.э. (Андрух, Тоцев 1999, с.143, рис.42:12, с.150, рис.44: 17, с.153, рис.45: 10).

Сходные по форме и цвету биконические бусы известны, однако, и в более ранних памятниках, например, встречены в инвентаре погребения милоградской культуры (VI-V вв. до н.э.) у с. Приборск в Киевском Поднепровье (Рассадзин, Скоры 1991, с.76, рис.2: 8).

Б) Захоронение знатной скифянки

І. Детали парадного костюма⁴⁰

а) золотые аппликации головного убора – калафа.

Исходя из того, что почти все детали головного убора были извлечены из могилы вначале крестьянами-кладоискателями (Ossowski 1888a, s.6) и лишь потом попали в руки учёных, можно полагать, что часть из них, увы, не стала достоянием науки.

³⁹ Бусина была обнаружена в 1995 г. в ходе доисследования Боковой Могилы.

⁴⁰ Костюм реконструирован Л. Клочко (1998, с.139-149). Некоторые дополнения к реконструкции сделаны Я. Хохоровским и С. Скорым (Chochorowski, Skory 1999, fot. 7)

1. *Метопида – налобная лента*. Изготовлена из тонкого листового золота и имеет вид полосы длиной 38,8, шириной 4,0 см. Вес 14,50 г. Края ленты слегка скошены. Метопида состоит из двух фрагментов, один из которых, меньший, имеет длину 12-13 см. На большом фрагменте, снизу, вырван участок края длиной до 2,8, шириной до 0,7 см. Метопида имеет 3 фриза изображений, выполненных в технике штамповки. На верхнем, очень узком, ограниченном с двух сторон выпуклыми параллельными полосками, переданы овальные выпуклости или «жемчужины». Низкий фриз, шириной до 2,2 см, заполнен изображением полуов, расходящихся в противоположные стороны от центра. В основном, центральном, наиболее широком фризе (2,4-2,5 см) переданы в весьма стилизованной манере изображения 4-х гиппокампов (2 из них противостоят друг другу), а также головок хищных птиц с сильно загнутыми клювами, пальметт и пятилепестковых розеток. Примечательно, что обе стороны метопиды (от центральной пальметты) не являются зеркальным повторением друг друга (а это – необычно для метопид), что наводит на мысль об использовании при изготовлении метопиды не одной монолитной матрицы, а скорее – нескольких, причем мастер-торевт не соблюдал при их компановке в ходе изготовления украшений строгой последовательности.

Метопида крепилась на твёрдую основу головного убора посредством отверстий диаметром 1,5-2,0 мм, расположенных по краям и на верхней широкой стороне. Отверстия группировались парами. С правой и левой сторон – по 4 пары отверстий, расстояние между ними – 5-7 мм. Сверху – 15 пар отверстий, расстояние между ними колеблется от 1,3 до 2,7 см (рис.176: 7).

Несомненно, наиболее близкой аналогией рыжановской налобной ленты является метопида из впускного, женского захоронения Деева кургана (*Ростовцев, Степанов 1917, табл.VII; ОАК за 1891, с.73, рис.53-54; ОАК за 1897, с.31-33, рис.96; Лесков 1974, с.113, рис.100*), относимого А. Алексеевым ко времени около 300 г. до н.э. (1992, с.156) или около 330 г. до н.э. (2003, с.297). На ней также изображены гиппокампы, стилизованные головки хищных птиц и элементы растительного орнамента, хотя в некоторых деталях она отличается от рыжановской метопиды.

2. *Детали стленгиды* – дугообразной, согнутой пластины со срезанным верхним краем, образующей верхний ряд украшений калафа. Известны 4 детали стленгиды: 2 из них – узкий дуговидно изогнутый край и пластина подпрямоугольной формы, по-видимому, верхней части стленгиды – были обнаружены в 1887 г., еще 2, также пластина прямоугольной формы от верхней части стленгиды и фрагмент еще одной, были найдены Д. Самоквасовым в 1890 г. (при просмотре земли из Боковой могилы). К сожалению, они не сохранились и известны лишь по изображениям, приведенным в работе Д. Самоквасова (1908, с.81, рис.33). Вес сохранившихся пластинок – 2,65; 3,65 г. Размеры пластинок: первая – длина 12, ширина 2,0 см; вторая – длина 5,4, ширина 3,9 см (один из углов слегка обломан); третья – длина 3,0, ширина 2,9 см (края с двух сторон обломаны); четвертая представляет собой небольшой фрагмент размерами 2 x 2 см. Пластины украшены растительным орнаментом, выполненным в технике штамповки: побеги аканфа и цветы каллы или арацеи. Все указанные пластины имеют по краям сквозные отверстия для крепления их на твердой основе калафа⁴¹ (рис.176: 1, 6).

Прямые аналогии данным деталям стленгиды найдены во впускной женской могиле упоминавшегося уже Деева кургана (около 330 или 300 г. до н.э.) (*Piotrovsky,*

⁴¹ Л. Клочко при реконструкции головного убора из этой могилы, на наш взгляд, ошибочно рассматривает упомянутые пластины, покрытые растительным орнаментом, отдельно от стленгиды, видя в них иные детали, украшавшие калаф (*Клочко 1998, табл.V*). Сохранившаяся целиком стленгида из Деева кургана вполне однозначно указывает, что такие пластины входили в её состав (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat. 135*).

Galanina, Grach 1986, kat. 135), а также в гробнице № 1 Мелитопольского кургана (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.89, рис.95:14-16*). Судя по целиком сохранившейся, аналогичной рыжановской, стленгиде из Деева кургана, в БМ БРК мы имеем примерно третью часть деталей, некогда составлявших стленгиду. Судьба остальных частей не известна. Скорее всего, последние были похищены местными крестьянами-кладоискателями в 1887 г. (см. по этому поводу: *Самоквасов 1908, с.81*).

3. Широкая, плавно изогнутая пластина с изображением 5 танцующих менад. Длина пластины 17, ширина 5,0 см. Вес – 14,5 г. Края пластины неровно обрезаны, с обеих сторон. По краю – 19 отверстий диаметром до 1,5 мм, для крепления пластины на твёрдой основе (рис.176: 2; 177).

Изображения выполнены в технике штамповки, в высоком рельефе. Фигурки менад (высота 4,6 см) закомпонованы по 2: менада с тирсом и козлиной головой в руках и менада с ножом и козлиной ногой в руках. Пятая фигура (крайняя слева) изображает менаду с ножом и козлиной головой в руках. Отсутствие рядом с этой фигурой её «пары» – менады с тирсом, а также повреждённость (обрезка края) пластины в этом месте, наряду с пробитыми отверстиями для крепления, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что часть пластины была повреждена, затем обрезана, иными словами – можно предполагать вторичное использование этой пластины после ремонта в системе украшений данного головного убора.

В настоящее время нам известны, помимо Рыжановки, 7 случаев, когда в женских погребениях встречены аппликации с изображением танцующих менад: 1) курган Большая Близница, погребение № 4 (1868 г.) (последние десятилетия IV в. до н.э.) (*ОАК за 1869, с.12; Артамонов 1966, с.68; Рябова 1979, с.48, рис.1:1; Бессонова 1983, с.75, рис.6:4*); 2) Деев курган, впускная могила (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.135*); 3) курган Гайманова Могила, гробница № 4 (2-я половина IV в. до н.э.) (*Рябова 1979, рис.1:4; Бессонова 1983, рис.6: 1-2*); 4) курган № 14 у с. Гюновка (IV в. до н.э.) (*Рябова 1978, с.62-63*); 5) Денисова Могила (около 330-300 гг. до н.э.) (*Рябова 1979, с.50, 48, рис.1:5; Мозолевский 1980, с.133, рис.68:11*); 6) курган № 6 (погребение № 1) у с. Водославка (IV в. до н.э.) (*Кубышев 1985, с.301-302; Tresors... 1998, p.62*); 7) курган № 8 (погребение № 1) Песочинского могильника (IV в. до н.э.) (*Бородулин 1979, с.306; 1978, с.42, альбом В, табл.ХХVa, ХХVII в, г; Бабенко 1999, с.86, рис.1, 3, с.87; 2002, фото 11*).

В первых 6 случаях – это бляшки, изображение которых обрезано по контуру. В последнем случае изображения менад, также как и в БМ БРК, расположены на целых, необрезанных пластинах.

Характер изображений менад и их размеры позволяют говорить о том, что менады из БМ БРК, Деева кургана, Денисовой Могилы, кургана № 6 у с. Водославка и кургана № 8 Песочинского могильника (малые пластины) могли быть сделаны одним и тем же штампом. Помимо внешнего сходства, все названные изображения имеют одинаковые размеры, в частности высоту около 4,6 см. Несомненно, пластинам из БРК по оформлению наиболее близки малые пластины из кургана № 8 Песочинского могильника. Менады из Большой Близницы, Гаймановой Могилы и Гюновки являются изделиями иных мастеров. К слову сказать, о вероятности исполнения менад на пластинах из Рыжановки и Деева кургана одним и тем же штампом писали в свое время М. Ростовцев и П. Степанов (*1917, с.63, 69-101*), а позже – В. Рябова, справедливо присоединяя к ним изображения из Денисовой Могилы (*1979, с.47*).

Безусловно, описанная пластина с менадами не являлась единственным украшением подобного рода в системе рыжановского калафа. По-видимому, таких пластин было 2 или 3 (*Клочко 1998, с.142*), что подтверждается и наличием 2 подобных пластин среди остатков калафа из Песочинского могильника (*Бабенко 1999, с.86, рис.1:3; 2002,*

фото 11). Не исключено, что не достающая деталь (или детали) оказалась в руках крестьян-кладоискателей в 1887 г.

4. Фрагмент *прямоугольной пластины* с первоначальным тиснёным изображением грифона, идущего вправо. Размеры сохранившегося фрагмента 4 x 2,3 см. Внизу пластины – окантовка, сделанная кривой насечкой. Штамп весьма чёткий. Сохранилось изображение мощных (львиных?) лап, часть бедра и нижняя часть морды, а также низ правого крыла, оформленного как бы чешуйками (рис.176: 3). Возможно, на пластинке был представлен львиноголовый грифон. Вес – 0,93 г. Вероятно, первоначально на головном уборе было несколько таких пластинок.

Аппликации с изображением грифонов в качестве деталей скифских головных уборов известны достаточно хорошо. Примеры: пластины калафов из юго-восточной камеры Чертомлыка (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.206-207, кат.128, с.210-211, кат.136*), аппликации парадного головного убора из боковой гробницы Толстой Могилы (*Мозолевский, 1979, с.130, рис.111-112*).

5. Узкая *пластина-стойка* с крючками, к которым крепились полые орнаментированные жёлудеподобные подвески. Длина пластины 20,6, ширина – 0,7 см. Высота крючков – до 1,5 см. На стойке 13 крючков, причём 3 из них слегка помяты. Подвески сохранились лишь на 9 из них. Стойка крепилась на твёрдую основу головного убора посредством сквозных отверстий диаметром до 2,0 мм (рис.176: 5). Отсутствие подвесок возможно связано с их утратой еще при жизни владелицы головного убора. Хотя, конечно, нельзя исключать, что они попали в руки крестьян-кладоискателей в 1887 г. Вес стойки – 19,50 г.

Сходные детали головного убора обнаружены в ряде курганов скифской знати IV в. до н.э., например, в Чертомлыке, хотя указанные подвески и отличаются в деталях от рыжановских (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.194, кат.113, с.202-203, кат.113, с.202-203, кат.122, с.206-207, кат.128, с.210-211, кат.136*), Куль-Обе (340-320 гг. до н.э.) (*Артамонов 1966, с.199*), Деевом кургане (подвески в деталях также отличны от рыжановских) (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, кат.135*). Абсолютно аналогичные подвески зафиксированы в гробнице № 1 Мелитопольского кургана (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.191, рис.98: 15*).

6. Узкие *ободки (верхняя окантовка калафа)* с полыми гладкими жёлудеподобными подвесками. Сохранились лишь 2 фрагмента длиной 3,0, шириной 0,7 см. В сечении ободки [- образной формы. Украшены тисненным орнаментом из ов. По центру пластинок припаяны кольца, к которым крепились подвески. Расстояние между кольцами 1,0 см. На одном из фрагментов – 2 подвески, на другом – сохранилась лишь одна (рис.176:4). Вес фрагментов 3,75г.

По всей видимости, большая часть ободков попала в руки крестьян в 1887 г.

Также, как и описанные выше пластинки-стойки, аналогичные ободки с подвесками достаточно хорошо известны в качестве деталей головных уборов знатных скифянок, погребённых в курганах Чертомлык, Куль-Оба, Деевом кургане, а также кургане № 8 (погребение № 4) Песочинского могильника (*Бородулин 1979, с.306*), в кургане № 21 у с. Каменка (*Клочко, Гребенников 1982, рис.8*), кургане № 5 (1905 г.) у с. Аксютинцы (*Ильинская 1968, табл.ХХII: 4*).

Ободки с подвесками, абсолютно идентичные рыжановским, происходят из Деева кургана и кургана № 21 у с. Каменка (IV в. до н.э.). В последнем случае они украшали верхнюю, наиболее широкую часть головного убора. Аналогии многим золотым деталям калафа из женского захоронения в БРК, имеющиеся в Деевом кургане, позволяют вполне поддержать мнение о том, что указанные головные уборы были одинаковые (*Ростовцев, Степанов 1917, с.69-100; Рябова 1979, с.50; Мирошина 1980, с.41*).

б) Золотые аппликации платья

7. Бляшки *треугольной формы*, украшенные пуансонным орнаментом в виде рядов псевдозерни. Сделаны из тонкого листа в технике штамповки. Обнаружено 44 экз.: 42 – в 1887 г., 2 – в 1995 г. при доисследовании могилы (*Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996, foto 3*). Бляшки отличаются размерами: 1,6 x 1,5 (3 экз.), 1,7 x 1,5 (2 экз.), 1,8 x 1,5 см (39 экз.), что свидетельствует об изготовлении их на различных штампах. Бляшки обрезаны по краю довольно грубо. Пришивались на ткань платья посредством 3-х отверстий (диаметр 1,0 мм) по углам (рис.178: 4; 180: 4, 6). Общий вес бляшек – 15,88 г, проба бляшек 1995 г. – 585°. Судя по наблюдениям Г. Оссовского, бляшки являлись украшением верхней части платья (район груди, «между плечами»), располагаясь в 3 ряда (*Ossowski 1888a, s.10*).

Как уже отмечалось ранее, подобные треугольные бляшки, как элемент декора скифского костюма, получили широкое распространение на протяжении всего IV в. до н.э., т.е. не дают узкой даты. Несколько примеров обнаружения подобных аппликаций в курганах скифской знати: боковая гробница кургана Солоха (1-я половина IV в. до н.э.) (*Манцевич 1987, с.66-67, кат.43*), центральная гробница Толстой Могилы (середина – начало 3-ей четверти IV в. до н.э.) (*Мозолевский 1979, с.56, рис.38: 2-3*), Чертомлык (330-310 гг. до н.э.) (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.250-251, кат.212: 36*), гробница № 1 Мелитопольского кургана (340-320 гг. до н.э.) (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.89, рис.95: 2-4, с.95, рис.104*).

8. *Круглые крупные ажурные бляшки*, украшенные растительным орнаментом, образующим схематизированный крест, в центре которого расположена 12-ти лепестковая розетка, а с 4-х сторон – пальметтки (рис.181).

По наблюдениям Г. Оссовского, бляшки располагались в районе бедер покойной, являясь, по-видимому, украшениями пояса (*Ossowski 1888a, s.10*). Всего обнаружено 22 бляшки: 21 – Г. Оссовским в 1887 г., 1 – Д. Самоквасовым в 1890 г. при пересмотре земли из бокового погребения (*ОАК за 1890, с.54, № 22; Самоквасов 1908, с.81, рис.33*). Последний экземпляр до настоящего времени не сохранился. Вес каждой бляшки около 1,55 г, общий вес – 28,25 г.

Круглые ажурные бляшки, аналогичные рыжановским, известны в ряде погребальных памятников знати скифского периода, относящимся к последним десятилетиям IV в. до н.э.: Александрополе, 8-ом Пятибратнем кургане, гробнице «а» Большой Близницы (*Алексеев 1987, с.34, рис.3: 11, с.38*).

9. *Круглые полусферические бляшки*, имеющие в центре 5-ти лепестковую розетку; по краям украшены псевдозернью. Пришивались к платью посредством 3-х сквозных отверстий диаметром 1,0-1,2 мм. Некоторые из бляшек слегка помяты и патинированы. Обнаружено 45 экз.: 44 – в 1887 г. (рис.178:4), 1 – в 1995 г. (рис.179:2) при доисследовании БМ БРК (*Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996, foto 3*). Край последней бляшки слегка повреждён. Диаметр бляшек до 2,0, диаметр внутренней розетки 1,2 см. Общий вес бляшек 22,86 г. Проба бляшки 1995 г. – 585°.

10. *Бляшки круглые, плоские, с изображением 10-ти-лепестковой розетки*. Диаметр 1,5-1,6 см. Нашивались с помощью 2-х отверстий, находящихся на расстоянии 9,0 мм друг от друга. Обнаружено 7 бляшек: 2 – 1887 г., 5 – в 1890 г. Д. Самоквасовым при пересмотре земли из Боковой могилы (к сожалению, не сохранились). Вес двух бляшек (1887 г.) – 0,63 г., проба – (рис.178: 2).

11. *Бляшка круглая, плоская, в виде 7-ми лепестковой розетки*. Диаметр 2,2 см. Крепилась с помощью 4-х отверстий по краям. Расстояние между отверстиями 0,9-1,0 см (рис.178: 3).

12. *Бляшки круглые, слегка выпуклые, с изображением в центре 15-ти лепестковой розетки*, по краю – узкий кант. Всего было найдено 24 экз.: 21 – в 1887 г. (в настоящее время в Краковском археологическом музее сохранилось лишь 10 из них) (рис.178:

7), 1 – в 1890 г. Д. Самоквасовым (*ОАК за 1890, с.54. № 23; Самоквасов 1908, с.81, рис.33*), 2 – в 1995 г. при доисследовании Боковой могилы (*Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996, foto 3*) (рис.180: 1, 3). Общий вес бляшек (1887 г.) и 2-х экз. 1995 г. – 3,01 г, проба золота бляшек 1995 г., – 500°.

Бляшки крепились с помощью 3-х отверстий. Расстояние между ними до 8 мм. Некоторые из бляшек патинированы, красного цвета.

13. *Бляшки круглые полусферические со схематическим изображением креста в центре.* Диаметр большинства бляшек 1,1 см, а 5 экз. – 9,0 мм. Крепились с помощью 2-х отверстий. Эти бляшки составляли самую многочисленную группу золотых аппликаций. Всего обнаружен 231 экз.: 225 – в 1887 г. (ныне из них сохранилось 10 экз.) (рис.178: 8), 5 – в 1890 г. (*Самоквасов 1908, с.81. рис.33*) (к сожалению, не сохранились), 1 – в 1995 г. при доисследовании Боковой гробницы (*Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj, 1996, foto 3*) (рис.180: 5).

Вес бляшек 1887 г. и 1 экз. 1995 г. – 46,65 г. проба экземпляра 1995 г. – 500°.

14. *Бляшки круглые, плоские, с изображением круга, окаймлённого бортиком и крупной псевдозернью (2 экз.).* Диаметр бляшек 9,0 мм. Крепились с помощью двух отверстий, находящихся на расстоянии 4,0 мм друг от друга. Вес – 0,17 г (рис.178: 1).

15. *Бляшки круглые, мелкие, слегка выпуклые, с изображением 9-ти лепестковой розетки.* Диаметр – 8,0 мм. Крепились с помощью 2-х отверстий, располагавшихся на расстоянии 3,0 мм. Было обнаружено 48 экз. Некоторые из бляшек покрыты патиной. Вес бляшек – 5,60 г (рис.178: 6).

Описанные виды бляшек с растительным орнаментом, прежде всего различного рода розетки, встречаются в скифских древностях на протяжении IV в. до н.э. (например, курганы Кара-Тюбе, Чертомлык, Огуз, Жёлтокаменка, Каменская Близница (*Болтрик 1993, с.192, рис.6; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.78; Болтрик 1981, с.233; Мозолевский 1982, с.210-211, рис.31: 1, 14-15; Андросов, Мухонад 1987, с.65, рис.5:11*). Но увеличение их процентного соотношения (в пределах одного комплекса) характерно именно для наиболее поздних комплексов скифской знати (*Алексеев, 1987, с.39*). Этому наблюдению А. Алексеева более, чем соответствует ситуация в БМ БРК. Здесь из 423 нашивных аппликаций платья 379 представлены бляшками в виде розеток, что в процентном отношении составляет около 90 %. Иными словами, аппликации в виде розеток являются полностью доминирующими украшениями.

16. *Украшения серебряные в виде маленьких сплюснутых трубочек.* Размеры украшений 8 x 5 мм. По данным Г. Оссовского, их было обнаружено около 20 экз. До настоящего времени указанные украшения не сохранились и известны нам лишь по иллюстрациям в работах упомянутого исследователя (*Ossowski 1888, s.4, fig. 18; 1888a, s.27, table.III:31*). Г. Оссовски предполагал, что указанные предметы являлись украшениями одежды (*1888, s.26; 1888a, s.27*).

II. Личные украшения

17. *Ожерелье золотое, состоящее из звеньев двух видов: бантикоподобных, украшенных тиснёным орнаментом (сохранилось 8 экз.) и в виде круглых 8-ми лепестковых розеток (сохранилось 7 экз.; в системе ожерелья их было первоначально не менее 9).* Последние помещались в окружности, образованной двумя сторонами бантикоподобных бляшек. К бантикоподобным бляшкам, снизу, посредством припаянных крючков и колечек крепились по 2 жёлудеподобных полых подвески, украшенных тиснёным орнаментом длиной 2,3 см. Звенья ожерелья – двусоставные. Обратная сторона – гладкая.

У ожерелья, с левой стороны, сохранилась застёжка в виде бляшки треугольной формы с тиснёным растительным орнаментом. Высота бантикоподобного звена 2,1,

максимальная ширина 2,0, диаметр звена в виде розетки 2,0, длина застёжки 2,0, максимальная ширина 1,8 см. Звенья скреплялись между собой в ожерелье с помощью отверстий в верхней и нижней частях. Сохранившаяся длина ожерелья 20 см. Общий вес звеньев – 41,5 г (рис. 178: 9; 179).

В данном ожерелье отсутствуют правая треугольная застёжка и, по-видимому, 2 круглых звена. Последние, скорее всего, попали в руки крестьян-кладоискателей в 1887 г.

Следует отметить, что в работах, изданных Г. Оссовским, где приводятся иллюстрации данного ожерелья, на нём представлено 7, а не 8 бантикоподобных звеньев (*Ossowski 1888, tab.III, 9; 1888a, s.23, fig.10*).

Описанное ожерелье прямых аналогий не имеет. Тем не менее, конструктивно рыжановскому ожерелью близка целая серия функционально подобных украшений, найденных в основном в курганах высшей скифской аристократии или знати иных варварских племён Северного Причерноморья. Это, прежде всего, ожерелье из женской могилы Деева кургана (*Лесков 1974, с.32, рис.22*). Более отдалённые аналогии происходят из женских захоронений Мордвиновского I-го кургана (340-320 гг. до н.э.) (*Лесков 1974, с.50, рис.40*). Верхнего Рогачика (350-300 гг. до н.э.), кургана № 3 у с. Рыжановка, находящегося в непосредственной близости с БРК (350-325 гг. до н.э.) (*Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski 1998, foto 12*) в Нижнем и Среднем Поднепровье, кургана Карагодеуаш (конец IV в. до н.э.) в Прикубанье (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, kat.254*).

18. *Золотые серьги-подвески в виде скульптурных фигурок крылатых львиц*, лежащих на продолговатых постаментах, со скруглёнными углами. Фигурки животных – полые, состоят из двух половинок, спаянных по центру. В носу животного – кольцо, к которому прикреплена круглая дисковидная подвеска. Аналогичная подвеска находится и на S-видно изогнутом хвосте. Полый постамент украшен орнаментом в виде 4-х параллельных «косичек» с каждой из сторон и волнистой линией между ними, выполненным в технике скани.

К нижней части постамента на цепочке прикреплены 6 полых шариков. Украшения крепились к головному убору (или ушам) с помощью изогнутых, заострённых в конце дужек. Общая высота серег-подвесок до 7,5, ширина – более 3,5 см. У одной из серёг, сбоку, на постаменте – косая вмятина, возможно, нанесённая орудием труда при раскопках 1887 г.

Вес каждого экземпляра – 14,30 г (рис.182).

Описанные серьги-подвески прямых аналогий не имеют, но, несомненно, относятся к группе серёг-подвесок в виде скульптурных фигурок мифических сфинксов на постаментах: типы 12-13, по классификации В. Петренко (1978, с.32).

Наиболее близкими аналогиями рыжановским украшениям являются серьги-подвески из двух скифских погребений: впускной могилы Деева кургана в Нижнем Поднепровье (львиноголовый сфинкс изображен сидящим, к постаменту внизу прикреплены калачиковидные полые подвески) (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.131-132*) и погребения № 1 кургана № 18 могильника «Колбинский» на Среднем Дону (3-я четверть IV в. до н.э.), где львиноголовый сфинкс изображён лежащим, т.е. точно в такой же позе, как и на рыжановских украшениях) (*Гуляев, Савченко 1998, с.125, рис.7: 5-6, с.127; 1999, с.159, рис.2: 5-6, с.153*). Колбинские серьги – самая близкая аналогия украшениям, найденным в Рыжановке. Отличия их – второстепенны. У колбинских подвесок отсутствует дисковидная подвеска на хвосте (имеющаяся у рыжановских украшений), вместо 6 круглых полых шариков (Рыжановка), к постаменту на цепочках прикреплены также 6, но жёлудевидных подвесок. Наконец вместо изогнутой полудуги заострённых дужек, посредством которых серьги-подвески прикреплялись к головному убору или ушам (Рыжановка), у колбинских украшений имеются дужки в виде незамкнутых колец.

В целом же, в серию серёг в виде скульптурных сфинксов на постаменте, найденных в Северном Причерноморье, входят и весьма изящные золотые украшения, изображающие крылатых львов с женской головой. Пара таких украшений обнаружена в кургане № 1 группы Три Брата близ с. Огоньки в Крыму (2-я половина IV в. до н.э.) (Кирилин 1968, с.184, рис.5; Бессонова, Быковская, Детерлинг и др. 2008, табл.57: 106), по одному экземпляру найдено в кургане Огуз (Болтрик 1981, с.233) и Феодосии (Катюшин 1997, с.1). Более грубые и схематичные экземпляры, выполненные из электра и являющиеся, по-видимому, репликой (варварской?) указанных высокохудожественных подвесок, обнаружены в северо-западной камере кургана Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.116).

19. Бусы золотые, биконической формы, полые, диаметром 4,0 мм и сердоликовая круглая бусина красного цвета, диаметром 4,0 мм. По наблюдениям Г. Оссовского, располагались рядом с серьгами и, возможно, крепились к ним в качестве подвесок. Бусы до настоящего времени не сохранились и известны по изображениям в работе Г. Оссовского (1888a, tabl.III: 8).

Золотые биконические бусы малых размеров нечасто встречаются в скифских захоронениях, преимущественно в памятниках знати последней четверти IV в. до н.э. Например, укажем на находки таких бус в гробнице № 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с.89, рис.95: 7), в погребении № 3 кургана Хомина Могила (Мозолевский, 1973, с.231, рис.37: 5, с.233, рис.38), относящейся к 1-ой четверти III в. до н.э.

20. Браслет золотой в виде спирали в 3,5 оборота. Изготовлен из проволоки диаметром до 2,0 мм. Диаметр браслета 5,2 - 5,4 - 5,5-6,0 см. Вес украшения – 66, 25 г (рис.183: 1).

По классификации В. Петренко, относится к 7-му типу стержневых браслетов (браслеты, свёрнутые в виде спирали, концы их обрезаны или округлены). Обычно такие браслеты изготавливались из серебра, реже – бронзы и как исключение – железа. Встречаются в основном в памятниках IV в. до н.э. (Петренко 1978, с.54-55).

21. Браслет серебряный в виде спирали в 5 оборотов с конусовидными утолщениями-окончаниями. Изготовлен из проволоки диаметром 2,0-2,1 мм. Диаметр браслета внешний до 6,0 см. В отдельных местах, на поверхности видна гравировка в виде 6-7 параллельных полосок. Вес украшения – 43 г (рис.183: 2).

По классификации В. Петренко, принадлежит к 8-му типу стержневых браслетов (1978, с.55). Наиболее близкие аналогии происходят из кургана № 4 (погребение № 1) у с. Мирное (Погорельый, 1981, с.44-45, рис.2: 1) и кургана № 9 (погребение № 1) у с. Песчаное (Гребенников, 1987, с.152-154, рис.3:2), относящимся к IV в. до н.э.

22-24. Перстни золотые, вырезанные из тонкой (до 1,0 мм) металлической пластины, с гладким овальным (2 экз.) и круглым (1 экз.) щитками и заходящими друг за друга концами дужек (безразмерные.) (рис.184: 1-3). Относятся к 7-8 типам перстней, по классификации В. Петренко (1978, с.61-62) или к V типу, по классификации О. Неворова (1986, с.21).

22. Перстень с плоским овальным щитком (2,3 x 1,9 см). Размеры дужки – 1,6 x 2,0 см. Поверхность щитка тщательно заполирована. Дужки – гранёные, сужающиеся к краям. Вес – 5,70 г.

23. Перстень с плоским, слабо изогнутым по краям, овальным щитком (2,0 x 1,9 см). Дужки (1,5 x 1,5 см), узкие, сужающиеся к краям. Вес – 9,78 г.

24. Перстень с плоским, слегка выпуклым, круглым в плане щитком, диаметром 1,7 см. Дужки узкие (1,7 x 1,7 см). Вес – 3,78 г.

Описанные экземпляры принадлежат к одному из наиболее распространённых типов перстней в Скифии. Они известны на протяжении всего скифского периода. Най-

денны в большинстве могил скифской знати, при этом главным образом – в женских захоронениях. В некоторых случаях такие перстни были надеты почти на все пальцы погребённых. Примеры: в кургане № 22 (погребение № 2) у совхоза Красный Перекоп близ с. Вольная Украина их было 6, кургане № 8 (погребение № 1) Песочинского могильника – 8, камере № 5 кургана Чертомлык и боковом погребении Деева кургана – по 9, боковой гробнице Толстой Могилы – 10 (Лесков 1974, с.50, рис.40, с.94; Бородулин, 1978, с.39-40, табл.ХХХа; Мозолевский, 1979, с.110).

25-26. Перстни золотые, литые, с резными изображениями.

25. Перстень с круглым плоским щитком и дужками, концы которых заходят один за другой. Диаметр щитка 1,9 x 1,8 см. На нём – резное изображение идущего влево грифона с длинной мордой, высокими стоячими ушами и длинной бородой. Хвост длинный, дуговидно изогнутый, расположен между ног. В целом изображение довольно схематично. Размеры дужек 1,8 x 1,6 см. Вес перстня – 8,73 г (рис.184: 7).

По сюжету изображения перстень относится к группе так называемых понтийских (Неверов 1986). Наиболее близкой аналогией ему является перстень из Куль-Обы, на щитке которого изображён сидящий грифон (Петренко, 1978, табл.52: 25). К этой же серии, бесспорно, относятся и 3 перстня, обнаруженные в камере № 5 кургана Чертомлык (с резными изображениями утки, лежащей собаки, стоящего быка) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.191, кат.96-97, кат.163-165) и малом кургане близ Огуза (резное изображение Пегаса?) (Петренко, 1978, табл.52: 17). Н. Онайко полагала, что эти перстни боспорского производства (1970, с.105, № 477). В принципе, все приведённые аналогии указывают на довольно позднее их появление в среде скифских украшений – последняя четверть IV в. до н.э.

26. Перстень с овальным плоским щитком и одной массивной дужкой полукруглой формы. Размеры щитка 2,0 x 1,6 см, толщина 1,0 мм. Размеры дужки: 1,8 x 1,5 см, ширина до 3,0 мм. Вес перстня – 12,65 г.

На щитке очень чёткое резное изображение лука, палицы Геракла и короткого меча (?) (рис.184: 4).

Как отмечает А. Алексеев, подобные аксессуары вполне соответствуют символам, известным на реверсах монет Филлипа II и Александра III, относящихся к 336-323 гг. до н.э. (Алексеев 1992, с.155).

27-29. Перстни золотые, щитками которых служат золотые боспорские (пантикапейские) статеры (3 экз.). Два из них найдены в 1887 г., третий – в 1995 г.

На аверсе монет – изображение левостороннего профиля бородатого Сатира (Пана) в плющевом венке, на реверсе – львиноголовый (рогатый?) грифон с копьем в пасти, идущий влево по хлебному колосу и надпись ПАН.

27. Перстень с дужками, концы которых заходят один за другой (безразмерный). Диаметр статера (по обмерам С. Скорого) 18 x 20 мм, размеры дужки 16 x 17 мм, диаметр монеты (по данным Я. Хохоровского) 19/20 мм (Chochorowski 1999, p.33). Вес перстня 11,30 г (по данным Г. Оссовского) или 11,52 г (по данным Я. Хохоровского) (Chochorowski 1999, p.33). Проба монеты – 22 карата, проба дужки – 14 каратов. Находка 1887 г.

Лицевая сторона щитка (т.е. изображение Сатира) весьма потёрта, некоторые детали почти не различимы. Монета несколько изогнута. Слегка деформирована. Изображение на оборотной стороне (реверсе) практически не сохранилось. Просматриваются лишь отдельные детали: передние лапы грифона, затёртая голова, колос, по которому идёт существо. Дужки припаяны к монете весьма грубо, причём повторно, т.е. перстень явно подвергался ремонту. Следы крепления первых дужек видны в центре поверхности реверса монеты.

Сильная потёртость лицевой стороны щитка (аверса монеты), следы ремонта дужек говорят о том, что перстень мог быть в употреблении в течение продолжительного

времени. Учитывая грубость вторичной пайки дужек, можно предполагать, что ремонт был сделан не особенно квалифицированно, скорее всего, в скифской среде (рис.184: 6).

28. Перстень с монолитной полукруглой дужкой. Диаметр статера 20 мм, размеры дужки 12 x 15 мм (по обмерам С. Скорого), диаметр монеты 21 мм (по сведениям Я. Хохоровского) (*Chochorowski 1999, p.33*). Вес перстня 11,40 г (по Г. Оссовскому) или 10,25 г (по данным Я. Хохоровского) (*Chochorowski 1999, p.33*). Проба монеты – 22 карата, дужки – 14 каратов. находка 1887 г.

Изображение на лицевой стороне щитка (т.е. аверсе монеты) сохранилось значительно лучше, чем в первом случае, хотя следы потёртостей также присутствуют.

Дужка, крепящаяся посредством пайки к краям монеты, с одной стороны оторвана. Судя по сильно нарушенной средней части реверса монеты (здесь явно видны следы напайки золота), нельзя исключать, что сохранившаяся монолитная дужка – вторична, т.е. и этот перстень подвергался ремонту (рис.184: 5).

29. Перстень с дужками, концы которых заходят один за другой (безразмерный). Диаметр щитка, т.е. статера 17-18 мм, толщина 1,0-1,5 мм, размеры дужек 18 x 17 мм. Вес перстня – 11,45 г, проба монеты – 958°, дужки – 500°. находка 1995 г. (*Chochorowski 1999, p.33*).

Лицевое (аверс) и обратное (реверс) изображения на монете – чёткие, непотёртые, выполнены в высоком рельефе. По степени сохранности данный перстень является лучшим среди всех, обнаруженных в БМ БРК. Дужки впаяны в монету почти вертикально. При надевании перстня на палец, изображение Сатира располагается поперек относительно пальца (рис.185-186).

При внимательном рассмотрении изображений Сатира на аверсе трёх монет (с использованием микроскопа) выясняется, что они в деталях различаются между собой, например, по форме уха: на первой из монет (находка 1887 г.) оно широкое и короткое, на иных монетах – острое, вытянутое. Все 3 экземпляра различаются и по оформлению нижней части шеи Сатира, форме завитков волос причёски. На монетах (в перстнях 1887 г.) наблюдается также различие в изображении носа Сатира, листьев венка на его голове.

Складывается вполне определённое впечатление, что все 3 монеты, использовавшиеся в качестве щитков перстней, относятся к различной чеканке (*Chochorowski 1999, p.36*), о чем речь уже шла в параграфе 26 главы II.

Время золотых пантикапейских статеров, послуживших щитками 2-х перстней, обнаруженных в 1887 г., определяется по-разному, чаще всего в пределах IV в. до н.э. Не повторяя уже сказанное, отметим лишь, что наибольшую популярность приобрела дата монет, предложенная Д. Шеловым – 330-315 гг. до н.э. (1956, с.93, 95), что нашло поддержку современных исследователей, в частности М. Мильчарека (*Mielczarek 1987, p.102; 1995, S.16*) и А. Алексеева (1987, с.45; 1987а, с.32, 38; 1992, с.154-157; 1996, с.43, 45; 2003, с.271).

Дата чеканки золотых статеров, аналогичных вправленному в перстень в качестве щитка (находка 1995 г.), определяется, по А. Зографу, 325-300 гг. до н.э. (1951, табл.XL: 10-11), а В. Анохин подобные монеты объединяет в самую позднюю группу пантикапейских статеров, время чеканки которых 314-294 гг. до н.э. (Анохин 1986, с.140, № 109, с.141, №№ 115-116) или – как полагает один из авторов настоящей работы – относит их к 314-310, 310-304 гг. до н.э. (*Chochorowski 1999, p.33*).

С. Полин, который изучал визуально лишь один рыжановский перстень со статуром, найденный в 1995 г. (остальные 2 ему известны лишь по публикациям), полагает что монеты, послужившие щитками для перстней, найденных в БРК в 1887 г., изготовлены одним штемпелем, а статур третьего перстня (1995 г.) – иным, с помощью которого штамповались монеты в виде варианта одного и того же типа (4-го, по классификации Д. Шелова). Дату всех монет, послуживших щитками перстней С. Полин

ограничивает 3-ей четвертью IV в. до н.э. (до 325 г. до н.э.) (Мозолевский, Полин 2005, с.394, 409; Полин 2009, с.211-218; Бидзиля, Полин 2012, с.577-578).

Однако даже если принять версию С. Полина о датировке упомянутых статеров в предложенном хронологическом диапазоне (а для статера 1995 г. нам представляется более обоснованными позиции В. Анохина), это никак не снимает вопрос о возможности бытования перстней, во всяком случае, судя по потёртостям и ремонтам на двух из них, во временном интервале, значительно превышающем время хождения данных монет в обороте.

За всю историю раскопок скифских памятников в Северном Причерноморье было обнаружено всего 4 перстня со щитками в виде боспорских (пантикапейских) золотых статеров. Три из них, описанные выше, происходят из БМ БРК, еще один – четвертый был найден в 1976 г. экспедицией под руководством Н. Чередниченко в ограбленной мужской могиле (погребение № 4) кургана № 92 у с. Марьевка Днепропетровской области (*Golden warriors 1993, p.46, №79*).

Перстни со щитками в виде статеров, учитывая их количество, происходящее из БМ БРК, вполне резонно назвать перстнями *рыжановской* серии.

Принимая во внимание, что подобные украшения абсолютно не известны в эллинском мире, в том числе – в Северном Причерноморье, вполне можно допустить, что такие перстни производились в скифской среде, т.е. не греческими торевтами.

30. *Перстень-амулет(?)* состоит из тонкой перекрученной пластинчатой дужки (шириной до 3,0 мм), сделанной из золота низкой пробы (9 каратов), проходящей через щиток из обычного известняка. По обеим сторонам щитка находится по глубокому вырезу. С двух сторон щитка, на дужке, расположена спирально закрученная проволока, закрепляющая щиток на дужке. Диаметр щитка – 10 мм, размеры дужки 15 x 16 мм. До настоящего времени украшение не сохранилось и известно лишь по иллюстрации в работе Г. Оссовского (*Ossowski 1888, tabl.III: 30*).

Как правило, такие перстни имеют в качестве щитка камень-скарабей. Экземпляры, роль щитка у которых выполняют обычные камни, отмечены в скифских древностях лишь несколько раз. В Мордвиновском I-ом кургане (2-я половина IV в. до н.э.) в качестве щитка использован «пёстрый камень». В одном из курганов в уроч. Галуцино близ Пастырского городища скифского времени был также найден сходный перстень с серебряной дужкой (*Петренко 1978, с.63, табл.52: 36*). Перстень подобного рода был обнаружен и в Марьяновском кургане (IV в. до н.э.) в Прикубанье (*Отчёт 1916, с.55, рис.79*).

III. Предметы туалета

31. *Зеркало бронзовое*, литое, эллинского производства. У ручки (обломанной) расположен небольшой фигурный выступ, выходящий за пределы диска, с нанесённым на нём гравированным орнаментом в виде пальметты и волют. Диаметр диска 14 см, толщина 1,5 мм, ширина изображения 6,5, высота 3,0 см. Поверхность зеркала с двух сторон тщательно заполирована. После утраты бронзовой ручки, к диску, по-видимому, была прикреплена железная с помощью двух железных заклёпок; последняя также не сохранилась. Расстояние между отверстиями, где крепились заклёпки, 1,4 см, диаметр отверстия 3-3,5 мм (рис.189: 1-2).

Аналогичные греческие массивные, достаточно большого диаметра зеркала, выполненные в технике литья, украшенные внизу гравировкой, по классификации Т. Кузнецовой, относятся к зеркалам II-го класса, II-го отдела, 5-ой группы, 1-го типа (сложносоставные зеркала с комбинированными ручками) (*Кузнецова 1987, с.41-42*).

В древностях Северного Причерноморья такие зеркала известны, по крайней мере, с конца VI в. до н.э. (некрополь Ольвии, могила № 78 (1902 г.), засвидетельствованы в V в. до н.э. (некрополь Нимфея, могила I B) (*Vickers 1979, pl.III, p.36*) и весьма хорошо

представлены в IV в. до н.э. (например, Куль-Оба; курган № 2, погребение № 2 у совхоза Красный Перекоп; боковая могила Деева кургана) (*Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, kat.178; Лесков 1974, с.75, рис.63; Браун 1906, с.172*).

Зеркала, наиболее близкие рыжановскому, происходят из Куль-Обы и кургана № 2 (погребение № 2) у совхоза Красный Перекоп Херсонской области.

32. *Бальзамарий керамический, очевидно, флакон для благовоний*. Имеет округлое тулово, хорошо выделенный кольцевой поддон, узкое невысокое горло с резко расширяющимся краем. Поверхность сосуда белого цвета, в нескольких местах есть следы прилипшей к нему извести. Высота сосуда 11,8, максимальный диаметр сосуда 7,2, диаметр горла по краю 3,5, диаметр поддона 4,0 см (рис.189:3).

Сосуд до настоящего времени в фондах Краковского археологического музея не сохранился. Известен нам по описанию и иллюстрациям, помещённым в работах Г. Оссовского (1888а, *tabl.IV: 3*).

По мнению Н. Онайко, данный сосуд представляет собой «ранний вариант эллинистического флакона-лакримария» (1970, с.61). Он относится ко II-му типу флаконов, по классификации М. Парович-Пешикан (1974, с.109-110, рис.93: 6). Подобные сосуды появляются в последних десятилетиях IV в. до н.э. и распространяются в начале III в. до н.э. (*Forti 1963, p.9,10, tabl.IV:1-3,5*). В Причерноморье достаточно близкие по форме флаконы, относящиеся к указанному времени, найдены в кургане № 4/ 1908 г. Елизаветинского могильника (*Брашинский 1980, с.139, 226, № 226*), кургане XXXIV некрополя Истрии (*Histria 1966, p.186, 524, № 92*), кургане № 27 (погребение № 2) могильника Высочино-V на Нижнем Дону (*Лукьяшко 2000, с.175, рис.8:1*). Важно подчеркнуть, что весьма сходные сосуды бытуют в 1-ой половине III в. до н.э. В этой связи большой интерес представляет флакон из склепа № 52/1902 г. некрополя Ольвии (*Зайцева 1962, с.187, рис.5*) и особенно сероглиняный сосуд, покрытый тёмным ангобом, найденный на полу эллинистического дома в Керкинитиде, в слое с монетами 1-ой половины III в. до н.э. (*Кутайсов 1987, с.175, рис.б: 4, с.172*)⁴²¹⁸. Следует особо подчеркнуть, что ни в одном из достоверно датированных IV в. до н.э. скифских погребений Северного Причерноморья подобные сосуды пока не засвидетельствованы. Сосуд из Северной гробницы № 1 Гаймановой Могилы, которому, по мнению С. Полина, «очень близок по форме сероглиняный сосудик из Рыжановского кургана» (*Бидзиля, Полин 2012, с.374, рис.490*), на самом деле имеет горло совершенно иное, чем у рыжановского сосуда, а именно: узкое, прямое, с небольшим венчиком-кантиком. Иными словами, это сопоставление выглядит неудачным и не может служить основанием для какого-либо хронологического заключения.

IV. Орудия труда

33-34. *Фрагменты веретена и пряслице*.

33. *Костяное веретено* представлено двумя большими фрагментами длиной 14,9 см, дающими почти полное представление об этом предмете. У изделия частично обломана лишь верхняя часть стержня. Веретено – сложной профилированной формы с нижней частью, имеющей округлый край, напоминающий шахматную пешку, с расширенной средней частью и сужающейся, переходящей в стержень – верхней частью (рис.190:1). До настоящего времени данные предметы в фондах Краковского археологического музея не сохранились и известны нам лишь по описанию и иллюстрации, представленной в монографии Г. Оссовского (1888а, с.31, *tabl.IV:7-8*), который считал их костяными шильями, выточенными на токарном станке.

⁴² Временем не ранее 1-ой половины III в. до н.э. датировала флакон и Н. Лейпунская, любезно ознакомившаяся в своё время с его изображением.

Как уже отмечалось ранее, подобные костяные веретена относятся к эллинской продукции и получили достаточно широкое распространение в Скифии, особенно со 2-ой половины IV в. до н.э. (Фиалко 1987а, с.131). Прямые аналогии данному веретену нам не известны. Наиболее близкий экземпляр происходит из кургана Александрополь (Фиалко 1987а, с.132, рис.1: 8), время которого ныне определяется, по А. Алексееву, примерно 300 г. до н.э. (Алексеев 1999, с.10).

34. *Пряслице керамическое усечённо-биконической формы.* Поверхность тёмного, почти чёрного цвета, хорошо заглажена. Высота пряслица 1,2, максимальный диаметр 1,4 см, диаметр отверстия – 3,0 мм (рис.190: 2).

Пряслица подобного типа широко известны в памятниках скифской поры степной и лесостепной областей Северного Причерноморья (Радзієвська, 1979, с.19-26; Гаврилюк, 1987, с.119-120) и не дают узких дат.

35-36. *Обломки двух железных ножей.*

35. Один экземпляр был обнаружен Г. Оссовским в 1887 г., однако, в описание вещей, помещённое в его монографии, не был включён.

Хранится в фондах Краковского археологического музея (МАК-3598). Сохранился в длину на 4,5, в том числе лезвие – на 3,7 см. Ширина лезвия 1,6-1,8 см, толщина – 1,5 мм. Лезвие слегка расширялось к рукоятке. Ручка ножа была костяной. Сохранилась плохо, в длину на 1,0 см, ширина её у начала лезвия 1,8 см. Ручка была цельной, крепилась на черенке посредством пропила и заклёпок. Металл сильно корродирован. Фрагментарность ножа не позволяет отнести его к конкретному типу.

36. Четыре фрагмента другого ножа (2 от лезвия с частью ручки и 2 заклепки от ручки) были обнаружены в 1995 г. в процессе доисследования БМ БРК. Общая длина сохранившейся части лезвия и ручки до 4,0, максимальная ширина 1,4 см. Металл сильно корродирован. Одна из заклёпок, длиной 1,0, диаметром 0,15, другая – длиной 1,8 см. Нож, очевидно, относится к типу обычных скифских ножей с горбатой спинкой, черенковой ручкой, имевшей с двух сторон деревянные накладки-колодки, крепящиеся с помощью заклёпок.

37. *Иглы железные* найдены Г. Оссовским, но в перечень вещей из могилы, включённых в его монографию, не вошли. Хранятся в фондах Краковского археологического музея (МАК-3598). Представляют собой блок сшипевшихся, сильно корродированных стержней. Различается не менее 6 экземпляров. Сохранившаяся длина игл 3,8 см, диаметр каждой примерно 1,0 мм.

Железные иглы, как правило, по несколько экземпляров, не часто встречаются в захоронениях скифской поры, при этом большая часть из них отмечена в могилах, датирующихся временем не позже IV в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.114; Гаврилюк 1989, с.89; Мурзін, Полін, Ролле 1993, с.95, рис.97, рис.12).

V. Посуда

Серебряные сосуды

38. *Кубок с шаровидным туловом*, короткой шейкой и плавно отогнутым венчиком (вес 264 г). Кованный. По типу аналогичный кубку из ЦМ БРК. Отличается очень хорошей сохранностью. На тулове есть 3 небольшие вмятины, очевидно, относящиеся ко времени функционирования сосуда, и следы потёртостей, свидетельствующие, вероятно, о долговременности пользования данным кубком.

Высота сосуда 10, диаметр тулова 10,8, диаметр венчика 6,1 см.

Центр шаровидного дна украшен двойной 8-ми лепестковой розеткой, включенной в 2 окружности общим диаметром 3,9 см. Всю нижнюю часть тулова занимает многолепестковая розетка. По характеру и расположению данных элементов декора сосуд из БМ БРК вполне подобен кубку из ЦМ БРК.

В верхней части тулова описываемого сосуда, за исключением его центральной части, располагается орнамент в виде многолепестковой розетки. Сверху, в районе перехода в горло, он ограничен узким выпуклым пояском, покрытым вертикальными строенными насечками и позолотой.

Эти элементы декора выполнены в технике штамповки, в высоком рельефе.

В центральной части тулова находится фриз шириной 2,0 см, ограниченный с двух сторон выпуклым, позолоченным пояском. На фризе представлено изображение 6 бегущих животных: 3 собак и 3 хищников кошачьей породы, по-видимому, леопардов, и растений с двумя ветками, имеющих по одному широкому листу продольной формы (папоротник?). Изображения выполнены в технике гравировки, фигурки животных позолочены.

Собаки – рослые, мускулистые, короткошерстные, с короткими хвостами и стоячими ушами (доги?). Животные закомпонованы в 2 сцены. На первой из них – к убегающей собаке, с двух сторон стремительно приближаются 2 хищника. На второй – представлены 2 собаки, несущиеся одна за другой навстречу леопарду. У двух хищников оскалены морды, от быстрого бега у всех леопардов развиваются хвосты. Сцены полны экспрессии и динамизма (рис.191-192).

По сюжету кубок из БМ БРК не имеет аналогий. Однако, по технике исполнения центрального фриза (гравировка с последующим золочением) вполне может быть сопоставлен с двумя серебряными сосудами подобной формы – кубком из кургана № 14 у с. Дуровка на Среднем Дону, где в центральной части изображены 2 пары стоящих гиппокампов, а между ними – ныряющая рыба, а также гиппокамп, рыба и утка (*Пузикова 1997, с.218, рис.6*) и кубком из кургана у с. Будки в бассейне Сулы, на котором в средней части тулова представлен орнамент в виде плетёнки (*Ильинская, 1968, с. 164, рис.43: 2*).

Следует подчеркнуть, что кубок из БМ БРК и указанные сосуды имеют совершенно одинаково оформленное тулово розетками, близкие размеры, позволяющие предположить, что они могли быть продукцией одной мастерской, работавшей на Боспоре. Как и описываемый ранее кубок из ЦМ БРК, данный экземпляр относится к числу культовых, ритуальных сосудов.

39. *Килик с кованной полусферической чашечкой*, имевший первоначально фигурные ручки и невысокую полую ножку. Одна из ручек и ножка обломаны в древности⁴³¹⁹. Диаметр чашечки 10, высота 3,5 см. Вес сосуда 82 г. Сохранность металла хорошая (рис.193). Данный килик, будучи подобным сосуду, найденному в ЦМ БРК, слегка отличается от него размерами. Является продукцией средиземноморских мастерских.

Поверхность килика, особенно изнутри, имеет многочисленные царапины, мелкие вмятины, вероятно, свидетельствующие о долговременном пользовании сосуда.

Бронзовая посуда

40. *Ситула этрусского происхождения*, по типу абсолютно аналогичная сосуду, обнаруженному в ЦМ БРК. Изготовлена из золотистой бронзы. Верхняя часть сосуда в процессе долговременного пребывания в почве в определённой степени была нарушена и впоследствии восстановлена реставраторами Краковского археологического музея. Следует указать, что, по-видимому, обломки этой ситулы были обнаружены в 1890 г. Д. Самоквасовым «при пересмотре земли, выброшенной из катакомбы» (*ОАК за 1890, с.53*), а также нами в 1995 г. при доисследовании БМ БРК, когда в земляном заполнении, у пола погребальной камеры, был найден фрагмент бронзового тонкостенного сосуда открытого типа с «позолотой» (*Скорый, Хохоровски, Григорьев 1996, с.27*). Небольшой фрагмент края этой ситулы (1,7 x 1,0 см) и несколько иных невыразитель-

⁴³ В монографии Г. Оссовского килик изображен с двумя ручками (*1888a, tabl.IV:2*), что не соответствует

ных обломков от этого сосуда хранятся ныне и в фондах Краковского археологического музея (МАК- 3598).

Данный сосуд имеет несколько большие размеры, чем ситула из ЦМ БРК. Его высота 21,5, диаметр по краю 15,5, максимальный диаметр тулова 20,6, поддона 10 см. Соответственно, ёмкость его была большей (рис.194:1). Бронзовая ручка сосуда и ушки для её крепления были обломаны в древности и затем заменены, как отмечал Г. Оссовски, «новой железной, простой кузнечной работы» (*Ossowski 1888a, s.29*).

Первоначальные бронзовые, художественно оформленные ушки также были заменены грубыми копиями (несомненно, выполненными местным мастером), которые, однако, вполне могли выполнять необходимые функции. Одно из таких ушек сохранилось, хотя и фрагментировано. Оно изготовлено из круглой в сечении бронзовой проволоки (диаметр до 3,0 мм), резко перегнутой в центре и имеющей закруглённые в виде колец концы, к которым и крепилась железная ручка. Высота ушка 3,2, ширина такая же, диаметр колец – до 1,0 см. Один из концов проволоки – гофрирован (рис.194: 1; 195: 1).

Вторичная железная ручка, найденная во фрагментарном состоянии, изображена на иллюстрациях в работах Г. Оссовского (*Ossowski 1888, tabl.IV:1; 1888a, tabl.VI:6*). Похоже, что обломок от неё был обнаружен Д. Самоквасовым в 1890 г. («окисленный железный предмет вроде нижней части гвоздя») (*ОАК за 1890, с.53*). В настоящее время фрагменты этой железной ручки в фондах Краковского археологического музея отсутствуют. Не сохранился в фондах музея и бронзовый носик-слив в виде львиной головы: последний исчез из собрания музея в годы Второй мировой войны.

Аналогии подобным сосудам, их датировка даны при описании ситулы из ЦМ БРК.

41. Чаша полусферической формы на низком кольцевом поддоне. Средиземноморское производство. Тулово в нижней части было повреждено в процессе длительного хранения в почве и было восстановлено реставраторами Краковского археологического музея. Два обломка этого сосуда были найдены нами в 1995 г. при доисследовании БМ БРК (*Скорый, Хохоровски, Григорьев 1996, с.27*).

Первоначально сосуд имел 2 фигурные петельчатые ручки, которые – как справедливо указал Г. Оссовски (*1888a, s.31*) – были обломаны в древности.

Чаша из БМ БРК имеет несколько большие размеры, чем сосуд из ЦМ БРК: её диаметр по краю 20,4, высота сосуда 10,8, диаметр поддона 7,0 см (рис.194: 2; 195: 2). Ей вполне отвечает круг аналогий, приведенный для сосуда из БМ БРК.

42. «Тарелочка» или маленькая «чашечка». Имеет высоту 0,8, диаметр по краю 7,0, диаметр по дну – 5,7 см. Предмет выполнен в технике литья с последующей токарной (?) доработкой. На дне – 5 концентрических кругов различного диаметра (рис.196). В момент обнаружения в «тарелочке» лежали мелкие обломки какого-то серебряного изделия неясного назначения.

Опубликовавший предмет Г. Оссовски определил его в качестве тарелки или тарелочки, тип которой, якобы, был известен у греков (*1888a, s.29*). Это же наименование фигурирует и в работе А. Бобринского, осуществившего републикацию материалов из БМ БРК (*Бобринской 1894, с.141*). Впоследствии данная трактовка упомянутого предмета достаточно широко вошла в научную литературу, причём Н. Онайко почему-то считала, что он серебряный, а место его изготовления – Средиземноморье (*Онайко, 1970, с.116, кат.774*).

К сожалению, сама вещь в фондах Краковского археологического музея не сохранилась. Тем не менее, внимательное изучение опубликованного изображения «тарелочки» убеждает в том, что это предмет вторичного использования, а не посуда пер-

действительности. О том, что килик был найден с одной ручкой (по мнению Г. Оссовского, вторая ручка и ножка были утрачены в древности) пишет и сам исследователь (*1888a, s.28*).

воначальная по форме. Скорее всего, это литой поддон какого-то крупного бронзового сосуда, тулово которого пришло в негодность, а полый поддон стал использоваться в качестве маленькой ёмкости. Вторичное использование разнообразных предметов широко известно в древности. К слову сказать, в кругу античной бронзовой посуды нам не известны аналогии рыжановской «тарелочке», что ещё раз убеждает в правильности определения её как предмета вторичного использования.

Керамическая посуда

Чёрнолаковые сосуды

43. *Канфар* с приземистым туловом, массивными ручками, на невысоком кольцевом поддоне. По типу аналогичен сосуду из ЦМ БРК, является продукцией Аттики. От сосуда из ЦМ БРК отличается лишь меньшими размерами: высота сосуда 10,5. Высота поддона 2,1, диаметр поддона 6,8 см. Был обнаружен в разбитом состоянии, впоследствии восстановлен. Тулово канфара покрыто трещинами. Видны следы древнего ремонта в виде 7 небольших просверленных круглых отверстий диаметром 3-4 мм, посредством которых сосуд скреплялся. Канфар имеет следы разнообразных повреждений: верхний выступ одной из ручек обломан, лак на тулове во многих местах сбит, ручки и особенно край сосуда сильно потёрты (рис.197: 1-2). Все это, как и следы ремонта, указывают на долговременное пользование этим сосудом в скифской среде.

Внутри поддона есть граффито в виде грубо процарапанной буквы «А».

44. Так называемая мисочка (рис.194:3). Как совершенно справедливо указал Г. Оссовски, она является на самом деле ножкой сосуда, похожего на канфар из БМ БРК (*Ossowski 1888a, s.31*). Тем не менее, впоследствии в работе А. Бобринского этот предмет был определен как блюдечко (*1894, с.146*), а Н. Онайко рассматривала его как чашечку-солонку аттического производства, относящуюся ко 2-ой половине IV в. до н.э. (*Онайко 1970, с.114, № 709*).

Предмет, к сожалению, не сохранился в фондах Краковского археологического музея. Однако, внимательное изучение его изображения, опубликованного Г. Оссовским, вполне убеждает в правоте мнения, высказанного в 1888 г. данным автором: безусловно, данный предмет является обточенной ножкой аттического чернолакового канфара, по времени синхронного сосудам из погребений БРК.

45. *Амфора пифоидная* с округло-биконическим туловом, на гайковидной небольшой ножке с углублением в пятке, коротким цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся к тулову сосуда, тонкими, овальными в сечении ручками и так называемым грибовидным венчиком.

Тесто светло-коричневое (?) с мельчайшими частицами слюды. Поверхность тщательно заглажена.

Высота сосуда (Н) – 74,5, глубина вместилища (H_0) – 70, максимальный диаметр тулова (Д) – 40,4, высота верхней части сосуда от линии максимального диаметра (H_1) – 34, диаметр устья горла (d) – 14, внешний диаметр по венчику (d_1) – 18,5 см. Объем амфоры 39 л (рис.198-199).

Данный сосуд, также как и одна из амфор из ЦМ БРК, относят обычно к группе амфор, условно объединенных в тип Солоха-I (об этом уже шла речь ранее). Заметим, однако, что по морфологическим особенностям эта амфора весьма отличается от сосуда из ЦМ БРК.

По-видимому, наиболее близкими по пропорциям сосуду из БМ БРК являются 2 амфоры, найденные у с. Лесовичи Киевской области (*Яковенко 1964, с.199, рис.1*), что уже отмечалось в литературе (*Скорый 1998, с.127; Монахов 1999, с.413, 422; 2003, с.29*). Несколько таких же амфор происходят из грунтовых меотских могильников Прикуба-

нья – например, у хутора Ленина (погребения №№ 2, 5) (Монахов 2003, с.246, табл.16: 1-2) и станицы Старокорсунской (Монахов 1999, с.413). Известны такие сосуды в комплексах кораблекрушения у Балеарских островов и в материалах раскопок Каллатиса (Монахов 2003, с.29). Недавно верхняя часть амфоры этого же типа была обнаружена и среди остатков тризны в Краснокутском кургане (Алексеев 2001, с.70, рис.1: 2).

С. Монахов объединил эти амфоры в рыжановский тип или тип III-A амфор с грибовидным венцом. На первых порах им было осторожно высказано мнение в пользу Самоса (1999, с.413), которое было более утвердительно декларировано в его недавней работе (Монахов 2003, с.28-29). Импортные поставки в таких амфорах в Северное Причерноморье были достаточно заметными (Монахов 1999, с.423).

Что же касается даты амфоры из БМ БРК, то С. Монахов определяет её «по богатому набору инвентаря (могилы – С.С., Я.Х.), в том числе аттическому чернолаковому канфару ... в пределах 3-ей четверти IV в. до н.э.» (Монахов 1999, с.414). Как нам представляется (в частности, учитывая долговременное функционирование многих вещей до попадания их в могилу, в том числе и канфара, о чём речь уже шла выше), эта дата весьма занижена.

Ритуальные предметы

46. *Реальгар* в количестве 5 кусочков различных размеров (6,7 x 3,5; 6 x 3,5; 4,3 x 4,2 x 1,7; 3 x 2 x 1,1; 3 x 2 x 2 см. Поверхность всех кусочков затёрта.

При описании находок из могилы Г.Оссовским не упоминаются. В Краковском археологическом музее реальгар расположен среди иных находок из БМ БРК.

О принадлежности реальгара к кругу культовых предметов уже говорилось при описании красной свинцовой руды-крокоита из ЦМ БРК.

Фрагмент предмета неясного назначения

47. В фондах Краковского археологического музея среди находок, происходящих из БМ БРК, присутствует фрагмент сильно коррозированного железного предмета со следами дерева с одной из стороны. Железо сильно расслоилось. Размеры: 4,5 x 2,2 x 1 см.

При описании Г. Оссовским находок из упомянутой могилы не упоминается.

VI.3. Находки на подкурганной поверхности, вблизи могил

А) Находки у ЦМ БРК

1. *Остатки ножа (?) железного*. Были обнаружены в 1884 г. Ю. Талько-Гринцевичем, непосредственно на глине выкида из ЦМ БРК, среди угольков и нескольких обломков «бараньих рогов». О находке он сообщает буквально следующее: были найдены «следы железной ржавчины, происходящей от железного изделия, похожего на нож» (Ossowski 1888a, s.50). К сожалению, до настоящего времени остатки данного предмета не сохранились. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь этой крайне скудной информацией.

В принципе наличие ножа среди остатков тризны вполне реально.

2. Несколько фрагментов *лепной посуды* скифского типа было обнаружено при подчистке поверхности выкида из ЦМ БРК. Однако, они столь мелки и невыразительны, что не дают оснований определить вид посуды, которой они принадлежали.

Б) Находки вблизи БРК

Западная (точнее – юго-западная) траншея Юлиана-Талько-Гринцевича

1. *Многочисленные обломки от 2-х амфор ярко-красной (оранжевой) глины и глины более тёмного цвета*. Среди фрагментов амфор были найдены ножка и одна из

ручек (хранятся в фондах Краковского археологического музея, МАК-3598). К сожалению, в работе Г. Оссовского отсутствуют сведения о количестве фрагментов каждой из двух амфор. До настоящего же времени они не сохранились.

По-видимому, с первой из двух упомянутых амфор, вполне могут быть соотнесены 49 больших фрагментов стенок амфоры оранжевой глины, обнаруженные примерно в том же месте при работах 1995 г. Глина указанных фрагментов плотная, с мелкими белыми включениями. Некоторые стенки заизвесткованы (рис.200).

2. *Две стенки (одна из них с переходом в горло) от амфоры розовой глины* (14 x 8,5 x 0,9-1,1; 8,7 x 7,1 x 0,1-1,2 см). О данных находках не сообщается в монографии Г. Оссовского, но сами находки находятся в фондах Краковского археологического, среди находок, обнаруженных в БМ БРК.

Примечательно, что стенка амфоры аналогичной глины (розовой) была обнаружена нами в 1995 г., к западу от БМ БРК, в пределах заполнения рва (см. об этом далее). По-видимому, речь может идти о фрагментах одного и того же сосуда.

3. *Стенка амфоры светлой глины* (размеры 11,5 x 3,2-5,1 x 0,9-1,2 см), покрытая более светлым ангобом. Как и в описанном выше случае, о её находке нет информации у Г. Оссовского, хотя сам фрагмент присутствует среди обломков амфорной керамики, соотносящейся с БМ БРК.

На наш взгляд, по особенностям глины данный фрагмент вполне может быть поставлен со стенкой светлоглиняной амфоры, имеющей поверхность, покрытую ангобом, также обнаруженной нами в 1995 г. к западу от БМ БРК, в пределах участка рва (см. об этом далее).

Если наши соображения верны, мы можем допустить, что после совершения захоронения знатной женщины в БМ БРК, какие-то поминальные действия были совершены не только вблизи могилы, а также при досыпке насыпи (см. далее), но и во рву, сооружение которого непосредственно связано с ЦМ БРК.

4. *Кружок*, изготовленный из стенки амфоры светло-коричневой глины. Почти правильной круглой формы, диаметром 2,8 см, толщина стенки 1,0-1,1 мм. Поверхность предмета патинирована (рис.201: 5).

Назначение подобных предметов не ясно. Они широко встречаются на памятниках многих культур, в том числе скифского периода. Заслуживает внимания точка зрения о том, что такие предметы могли предназначаться для игры, т.е. быть игрально-счётными жетонами (*Высотская 1979, с.111*).

5. *Фрагмент ручки амфоры светло-оранжевой глины.*

Сохранился в длину на 8,0 см. В сечении правильной овальной формы (3,7 x 2,9 см). Глина плотная, с мельчайшими белыми включениями. Примерно по центру фрагмента – 3 зарубки. Края с двух сторон частично обточены и зашлифованы. Не исключено, что данный фрагмент использовался в качестве орудия труда – тёрочника. В работе Г. Оссовского ничего не сообщается о данной находке, но предмет хранится в Краковском археологическом музее среди находок, связанных с БМ БРК (МАК-3598) и, скорее всего, обнаружен там же, где и все описанные выше находки.

IV. 4. Находки в насыпи

А) Первичная, ранняя насыпь

(восточная, точнее – юго-восточная траншея Ю. Талько-Гринцевича)

1. *Наконечник копья железный с пером лавролистной формы, без ребра.* Перо плавно переходит во втулку. Острие пера и, по-видимому, значительная часть втулки, обломаны. Сохранившаяся длина предмета 20 см. Максимальная ширина пера 2,7 см, в сечении оно вытянутой линзовидной формы. Диаметр втулки внутренний 0,9, внешний – 1,1 см. Наконечник реставрирован в Краковском археологическом музее (МАК-3598) (рис.201:1-2). По классификации А. Мелюковой, он относится ко 2-му варианту 3-го

типа I-го отдела наконечников копий (Мелюкова 1964, с.38-39, табл.13: 2,4).

Копья с наконечниками данного типа наибольшее распространение получили в конце VI-1-ой половине V вв. до н.э., хотя продолжали использоваться и в более позднее время (Мелюкова 1964, с.38-39).

2. Несколько невыразительных *фрагментов лепной посуды* скифского времени, зафиксированные на трёх участках восточной половины насыпи, к сожалению, столь малы, что невозможно определить их принадлежность определённым сосудам.

Б) Вторичная насыпь, связанная с досыпкой кургана
(Северный участок, раскоп Г. Оссовского)

3. *Фрагмент железного меча*. Представлен частью рукоятки и обломком клинка. Первый из них (фрагмент рукоятки) не сохранился, поэтому при характеристике воспользуемся его описанием и иллюстрацией, помещёнными в монографии Г. Оссовского (Ossowski 1888a, s.8, fig.6). Исследователь охарактеризовал его как «обломок какого-то железного изделия неясного назначения, напоминающего часть плоской ручки ножа, кинжала или меча». Размеры предмета, особенно его ширина – 4,0 см (сохранился в длину на 6,0 см) никак не позволяют видеть в нём остатки ножа и вполне определённо свидетельствуют о возможности трактовки его как части рукоятки меча, что, в общем, подтверждает версию Г. Оссовского.

Исходя из описания предмета, на металлической части рукоятки с двух сторон, на всю её ширину, были прикреплены тонкие деревянные пластинки-накладки с помощью бронзовых заклёпок, располагающихся по центру рукоятки в одну линию. Сверху на эти пластины крепились, также с помощью заклёпок, другие, более толстые пластины, имеющие с одной стороны зигзагообразные выступы. Железная основа предмета сильно окислена, на дереве – также следы железных и бронзовых окислов (рис.201: 3).

Второй из фрагментов, хранящийся в фондах Краковского археологического музея (МАК-3598), является, скорее всего, нижней частью клинка. Металл сильно расслоился. Сохранившаяся длина фрагмента 4,6, максимальная ширина 2,3, толщина 1,1 см. С одной стороны на металле – следы деревянного тлена, возможно, от ножен.

Мечи, имеющие рукоятки с накладками (чаще всего – костяными) относятся к наиболее поздней группе этого вида вооружения Скифии. Дата их, как правило, определяется временем не ранее IV в. до н.э. Эти мечи имеют обычно овальные или округлые навершия и достаточно схематическое бабочковидное перекрестье (Граков 1962, с.105, рис.4:2; Либеров 1965, с.73, табл.17:5-6; Петренко 1967, табл.33:5). Ближайшими аналогиями рыжановской находке по оформлению рукоятки (пластинки-накладки с выступами) являются мечи из погребения № 3 кургана № 3 у с. Дудчаны (середина IV в. до н.э.) (Фридман 1987, с.168, рис.6: 2), погребения № 1 кургана № 7 у с. Подовое (IV в. до н.э.) на Херсонщине (Кубышев 1977) и особенно меч из погребения № 2 кургана № 4 (середина IV в. до н.э.) у с. Ильинка Запорожской области. Примечательно, что у него, также как и у рыжановского экземпляра, на металлической основе рукояти с двух сторон крепились с помощью бронзовых заклёпок деревянные пластинки. Фигурные же пластинки были костяными, в отличие от деревянных на рыжановском мече (Плещивенко 1991, с.61, рис.6: 3).

4. *Фрагментированное звено железных кольчатых удил*. Выковано из прута диаметром 0,7-0,8 см. Поверхность витая. Звено сохранилось в длину на 8,9 см. Часть его вместе с внешним кольцом обломана. Внутреннее кольцо небольшого размера. Внешний диаметр 1,9-2, внутренний – 0,7 см. Сохранность металла довольно хорошая (рис.201: 4).

«Витые» удила в системе скифской конской узды не получили особого распространения и известны в основном со 2-ой половины IV в. до н.э. Примеры: курган № 6

у Старинской птицефабрики в Киевской области (*Ильинская 1973, с.45, рис.1:2*), Краснокутский курган в Днепропетровской области (*Мелюкова 1981, с.59, рис.17: 7*).

На территории Восточноевропейской Лесостепи подобные удила найдены в могильнике Частые курганы (курган № 11), курганах № 9 у с. Дуровка, № 29/21 на Среднем Дону (*Либеров 1965, с.85, табл.23: 33; Могилов 2006, с.22, рис.25, 7*).

IV.5. Находки во рву

а) Фрагменты лепной посуды

Обнаружено 13 фрагментов: 9 из них принадлежат сосудам с простой, грубой поверхностью, 4 фрагмента – от лощёных сосудов, причем 1 из них – орнаментирован.

1. Маловыразительный фрагмент непрофилированной части. Внешняя поверхность подлощена. Глина в изломе светло-оранжевого цвета, поверхность – серая. В тесте – включения мелких слюдянистых частиц и кусочков кварца. Фрагмент склеен из двух обломков. Размеры: 2,9 x 2,8 x 1 см (рис.202: 12).

2. Фрагмент венчика (?) миниатюрного лепного кубка. Верхний край плоский, прямо срезанный, шейка плавно переходит в тулово. На наиболее выпуклой части – остатки врезного геометрического орнамента: 2 горизонтальных пояса с х-образными значками. Орнамент затёрт белой пастой (?). Поверхность черепка светло-серого цвета, лощёная, в изломе – тёмно-серая. Тесто хорошо отмучено, с примесями мелких белых частиц. Размеры: 2 x 1,6 x 0,5 см (рис.202: 6).

3. Два фрагмента непрофилированной части лепного сосуда открытого типа (миски?). Поверхность с двух сторон подлощена, темно-жёлтого цвета. Черепок в изломе – ровного тёмно-желтого цвета, тесто плотное с примесями мелких слюдянистых частиц и большого количества крупных частиц кварца. Размеры: 2,3 x 2,0 x 0,8; 4,7 x 1,0-2,0 x 1,0 см (рис.202: 1-1а).

4. Невыразительный фрагмент стенки или дна лепного сосуда с грубой, nelloщёной поверхностью (горшка?). Вследствие неравномерного обжига, черепок двухцветный, оранжево-чёрный. В тесте – примеси песка. Размеры: 1,7 x 1,5 x 0,7 см (рис.202: 8).

5. Фрагмент непрофилированной стенки лепного сосуда крупных размеров с грубой поверхностью (горшка?). Обжиг неравномерный: черепок в изломе трёхцветный, ближе к поверхности – светло-жёлтый. Внутри – чёрный. В тесте – примеси песка и мелких слюдянистых частиц. Фрагмент склеен из двух обломков. Размеры: 6,5 x 5,7 x 1-1,2 см (рис.202: 10).

6. Мелкий фрагмент непрофилированной части сосуда (горшка?). Поверхность грубая. Тесто в изломе – рыхлое, с примесями большого количества крупных частиц белого кварца. Обжиг неравномерный, черепок – оранжевого цвета. Размеры: 2,0 x 1,0 x 0,4 см (рис.202: 2).

7. Мелкий скол стенки сосуда. Черепок в изломе по составу и цвету аналогичен предыдущему фрагменту. Размеры: 1,2 x 0,9 x 0,6 см (рис.202: 5).

8. Невыразительный фрагмент непрофилированной части сосуда неясной формы, с простой грубой поверхностью. Обжиг – неравномерный: снаружи – красновато-оранжевый, внутри – жёлтый. В тесте – мелкие слюдянистые частицы и крупные включения белого кварца. Размеры: 2,4 x 1,9 x 0,95 см (рис.202: 11).

9. Два мелких фрагмента непрофилированной части сосуда с простой грубой поверхностью. Черепок в изломе двухцветный: снаружи – коричневый, внутри – чёрный. В тесте – примеси толченой ракушки (?). Размеры: 1,5 x 1,7 x 0,8 см; 1,6 x 2,5 x 0,9 см (рис.202: 4, 7).

10. Мелкий фрагмент непрофилированной части лепного сосуда с простой, грубой поверхностью. Черепок в изломе – двухцветный: снаружи – оранжевый, внутри – чёр-

ный. Тесто с примесями большого количества толчёной ракушки (?). Фрагмент склеен из двух обломков. Размеры: 1,8 x 1,8 x 0,7 см (рис.202: 9).

11. Фрагмент тонкостенного лепного сосуда (4,8 x 2,0-2,8 x 0,7 см). Черепок в изломе чёрный, пористый, с мелкими белыми включениями. Тип сосуда не ясен (горшок?) (рис.202: 3).

Итак, судя по сохранившимся фрагментам лепной посуды и некоторым особенностям черепка, с определённой долей вероятности можно говорить о том, что во рву БРК обнаружены фрагменты 10 лепных сосудов: миниатюрного кубка (который, скорее всего, попал в заполнение рва случайно, т.к. относится к скифской архаике, т.е. датируется временем, вряд ли позже VI в. до н.э.), лощёной миски (?), сосуда неясной формы с подлощенной поверхностью, по-видимому, а также горшков различной размеров и формы.

б) Фрагменты гончарных сосудов

Представлены практически целиком обломками амфорной тары.

По морфологическим особенностям (форма венчика, ручек, ножки), а также цвету, характеру черепка, амфорный бой с некоторой долей условности может быть отнесён к 6 сосудам.

1. Обломки пифоидной амфоры группы «Солоха-I» («рыжановский «тип, или тип III-A амфор с грибовидным венцом, по С. Монахову, центр производства, скорее всего, Самос). Всего 15 фрагментов (13 стенок, ручка, ножка). Черепок амфоры в изломе плотный, серо-коричневый, с мелкими включениями слюды. Диагностирующей деталью, позволяющей отнести фрагменты данного сосуда к амфорам «рыжановского» типа, является короткая ножка, оканчивающаяся гайковидным утолщением. Диаметр ножки – 6,7, высота 2,8, диаметр отверстия в «пятке» – 2,4 см (рис.203: 4).

Ручка (нижний прилеп) в сечении овальной формы (4,2 x 2,7 см). Сохранилась в длину на 5,8 см. В месте соединения ручки с туловом – крупный отпечаток пальца (рис.203: 3). Фрагменты стенок амфоры различны по форме размерам. Обломки этой амфоры концентрировались на участке рва более-менее компактно (сектора 40-45).

2. Обломки пифоидной амфоры светло-коричневой глины, покрытой светло-серым (зеленоватым) ангобом. Относится к группе амфор, условно объединённых в группу «Солоха-I».

От сосуда сохранились лишь часть горловины с венчиком и 3 фрагмента стенок. Венчик так называемого грибовидного типа, имеет срезанный под тупым углом край. Высота венчика 3,0 см, реконструируемый диаметр горла амфоры 13 см (рис.203:1). По особенностям венчика этот сосуд вполне может быть с пифоидной амфорой из БМ БРК («рыжановский « тип или тип III-A амфор с грибовидным венцом, по С. Монахову).

3. Фрагменты горла (2) амфоры ярко-красной (оранжевой) глины с высоким, нависающим грибовидным венчиком (или венчиком, резко срезанным под острым углом). Высота венчика 3,0, реконструируемый диаметр 12 см. Черепок в изломе плотный, с мелкими включениями слюды (рис.203: 2). По типологии С. Монахова, сосуд относится к самосским амфорам с грибовидным венцом (тип III-C). Амфоры этого типа бытовали в конце IV – 1-ой трети III вв. до н.э. (Монахов 2003, с.29). Данный сосуд по особенностям оформления венчика вполне определённо может быть сопоставлен с амфорой, найденной в составе керамического комплекса усадьбы № 6 у с. Панское в Западном Крыму (Монахов 1999, с.501, табл.214:4; Кас, Monachov, Stolba, Ščeglov 2002, p.106, pl.48, ad.81), погибшей в первой трети III в. до н.э., вероятнее всего, в 270 г. до н.э. (Кас, Monachov, Stolba, Ščeglov 2002, p.80), а также с амфорой, происходящей из подвала 1988 г. на Елизаветовском городище, время которого определяется 80-ми гг. III в. до н.э. (Монахов 1999, с.486, табл.207: 8).

4. Нижняя часть амфоры светло-красной (оранжевой) глины с рюмковидной ножкой. Этот сосуд также, как 2 описанные амфоры из ЦМ БРК, может быть отнесен к продукции Менды и соответственно датироваться.

Сохранившаяся высота ножки 17, диаметр 7,0, диаметр углубления в пятке – 4,0 см (рис.203: 5).

Возможно, этому же сосуду принадлежат 18 фрагментов различной величины и формы от амфоры светло-красной (оранжевой) глины, обнаруженные недалеко от места находки ножки.

5. Стенка от светло-глиняной амфоры (10 x 4,3-7,5 x 1,0 см). Поверхность покрыта более светлым ангобом. На внутренней стороне – 4 полосы, нанесённые гончаром по сырой глине при работе на круге. Черепок в изломе плотный, глина хорошо отмучена с мельчайшими светлыми включениями.

6. Стенка розово-глиняной амфоры (3,5 x 1,2-2,2 x 0,6 см). Глина очень плотная, с мелкими белыми включениями. Поверхность черепка сильно заизвесткована.

Итак, из 6 амфор, обломки которых были обнаружены во рву БРК, 3 находят аналогии среди сосудов, найденных в БМ и ЦМ БРК: пифоидная амфора «рыжановского» типа, возможно, Самос (аналогия в БМ БРК; точные хронологические позиции не известны, С. Монахов датирует её по комплексу могилы); амфора пифоидная, вероятно, Книд (аналогия – в ЦМ БРК, хронологические рамки производства таких сосудов широки: конец V – начало III вв. до н.э.); амфора с рюмковидной ножкой, производство Менда (аналогии – в ЦМ БРК, время бытования таких сосудов в основном IV в. до н.э., хотя они известны и в начале III в. до н.э.).

Стенки же двух амфор (№№ 5-6) с точки зрения хронологии и центра изготовления определить невозможно.

Несомненно, особый интерес представляет четвёртая амфора (Самос?), обнаруженная во фрагментарном состоянии, находящая надёжные аналогии в причерноморских комплексах 80-70-х гг. III в. до н.э. Именно она корректирует хронологические позиции всего амфорного материала, найденного в БРК и имеет важнейшее значение для определения абсолютной хронологии кургана.

Таким образом, среди остатков *тризны во рву* кургана, имевшей, по нашему мнению, прежде всего отношение к захоронению в *Центральной могиле (ЦМ БРК)*, обнаружены остатки 16 сосудов, 10 из которых – фрагменты скифской лепной посуды, 6 – обломки античных амфор.

Подводя итог характеристике предметов, найденных вне самих могил и относящихся к поминальной обрядности в кургане, можно констатировать следующее.

Предметами, относящимися к тризне по погребённым в Центральной могиле (ЦМ БРК) являются: обломки ножа и лепной посуды (район могилы), наконечник копья, обломки лепных сосудов, о количестве которых судить сложно (первичная насыпь), остатки, по меньшей мере, 10 лепных сосудов и 6 амфор (ров).

Предметы, относящиеся к тризне, по погребённым в Боковой могиле (БМ БРК): керамический кружок, амфорная ручка-терочник (район могилы), обломки меча, звено железных удил (вторичная насыпь – досыпка), обломки от 2-х амфор (ров).

В целом же, в кургане, помимо костей животных, остатков человеческого жертвоприношения, некоторых предметов, связанных с тризной по лицам, погребённым в кургане, в качестве следов этой тризны обнаружены обломки 10 лепных сосудов скифского типа и, по меньшей мере – 8 амфор, тип 5 из которых вполне может быть определен.

Глава V.

ОБРЯДНОСТЬ БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА НА ФОНЕ СКИФСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Большой Рыжановский курган (БРК) относится к числу элитных погребальных памятников позднего периода истории Скифии, известным ныне по нескольким десяткам исследованных курганов⁴⁴.

В свете сказанного, казалось бы, логичным рассматривать погребальную обрядность данного памятника именно на фоне материалов из курганов скифской элиты. Однако, некоторые обстоятельства указывают на необходимость более широкого привлечения аналогий из круга скифских погребальных древностей, не ограничиваясь лишь аристократическими курганами.

Во-первых, многие из курганов скифской аристократии в различной степени (иногда – опустошительно) ограблены, а, следовательно, надеяться на обнаружение в них аналогий некоторым деталям и особенно микродеталям погребальной обрядности, зафиксированным в БРК, не стоит.

Во-вторых (что более существенно) уже не раз отмечалось, что курганы скифской элиты с точки зрения устройства могил, их размеров, состава и количества инвентаря, сопровождавших зависимых лиц, конских захоронений и пр. существенно различаются. Таким образом, ожидать совпадения всех (или большинства) черт погребальной обрядности из могил БРК с обнаруженными в гробницах иных курганов скифской знати (даже избежавших ограбления) не приходится.

V.1. Центральная Могила

1. Тип погребального сооружения, архитектурные особенности гробницы, интерьер

Центральная могила БРК, по классификации В. Ольховского, относится к типу бездромосных скифских катакомб (тип 1, вариант 1) (*Ольховский 1991, с.215, табл.II*). Иногда такие погребальные сооружения называют также подбойными могилами (см.: *Болтрик, 1986, с.22-23*) или камерными сооружениями подбойного типа (*Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994, с.152*).

Как полагает В. Ольховский, катакомбы 1-го типа были широко распространены на протяжении всего скифского периода (*1991, с.35*). По мнению Ю. Болтрика, этот тип могил был наиболее характерен, прежде всего, для V – начала IV вв. до н.э. (*1986, с.22-23*).

⁴⁴ По мнению Б. Мозолевого (*1979, с.150, табл.I; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с.151, табл.2*), к таковым, т. е. элитным, прежде всего, следует относить курганы высотой от 4 м и выше. Курганами же высшей скифской аристократии названный исследователь считал памятники высотой 8 м и более (*Мозолевский, 1979, с.152, табл.4; 1990, с.122*).

Прямых аналогий среди известных бездромосных катакомб ЦМ БРК не имеет, хотя в целом ей близок по форме и размерам ряд могил с трапециевидной в плане погребальной камерой, имеющей аркообразный свод, в том числе открытых в курганах скифской элиты. К ним относятся, например, Южная и Восточная могилы Бердянского кургана (375-365 гг. до н.э.) в Приазовье (размеры погребальных камер: 5,3 x 4,8 м; 4,4 x 3,3 м), но значительное превосходящие ЦМ БРК по глубине (10,7; 5,9 м) (*Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, с.148, рис.9, с.149-150, рис.11; Мурзин, Белан, Подвысоцкая, 2017, с.83, рис.32, с.85, рис.35*), гробница Страшной Могилы у г. Орджоникидзе, IV в. до н.э. (размеры погребальной камеры 5,5 x 3,5 – 5 м, глубина 6,9 м), могила № 1 кургана Хомина Могила у с. Нагорное Днепропетровской области (5,5 x 2,7-4,6 м, глубина 5,5 м) 1-ой трети III в. до н.э. (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.135, рис.18; Мозолевский 1973, с.211, рис.24*). Пожалуй, наиболее сходной с ЦМ БРК по конструкции является могила № 1 кургана № 13 группы Богдановской обогатительной фабрики (БОФ) у г. Орджоникидзе, отличающаяся, однако, меньшей площадью (погребальная камера: 4,0 x 2,7, глубина 5,25 м) и не относящаяся к погребальным сооружениям скифской элиты (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский, 1973, с.158, рис.39*).

В степных скифских гробницах не известны примеры сооружения могильных ям (к тому же перекрытых деревянным накатом) для сопровождающих захоронений в полу входных шахт катакомб, как это выявлено в ЦМ БРК. Захоронения зависимых лиц, а также коней обычно располагаются либо непосредственно на полу входной ямы, либо (в частности захоронения коней) в специальных нишах-подбоях, вырубленных в стенах входной ямы. Пример подобных конских захоронений: курган Хомина Могила, гробница № 1 (2 коня в подбоях), гробница № 2 (1 конь) (*Мозолевский 1973, с.211, рис.24, с.226, рис.33*). В этой связи мы склонны расценивать случай в ЦМ БРК как проявление влияния лесостепного погребального обряда скифской эпохи: могилы в виде грунтовых ям, перекрытых деревом – распространённый тип погребальных конструкций лесостепного региона (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.27-49*).

Использование дерева для сооружения заслона, закрывающего вход из входной шахты в дромос или в погребальную камеру (при этом заслон, как правило, вставлялся в специальную канавку, сделанную по ширине входа), хорошо известно по целому ряду скифских погребений, в том числе – аристократических. К сожалению, сами заслоны в силу характера материала из которого они были изготовлены, сохраняются обычно очень плохо, в виде древесного тлена. По этой причине о деревянном заслоне в катакомбе судят, прежде всего, по наличию упомянутой канавки (*Ольховский 1991, с.30*). Иногда роль заслонов в гробницах аристократии IV в. до н.э. выполняли части разобранных повозок, на которых покойников доставляли к могиле (*Бессонова 1982, с.105-106; Ольховский 1991, с.30*). Приведём несколько случаев относительно хорошей сохранности собственно деревянных заслонов в могилах IV в. до н.э.: 1). Огуз, вторая Западная могила; от заслона сохранилось 7 вертикальных столбов у входа, на которые, очевидно, опирались горизонтально положенные доски (*Фиалко 1994, с.130-131, рис.4:2*), 2). Соболева Могила, Южная гробница (№ 2); от массивного деревянного заслона с железными скрепами сохранился кусок бревна; конкретное устройство конструкции не ясно (*Мозолевский, Белозор 1996, с.35; Мозолевский, Полин 2005, с.155*), 3) Курган № 11 группы БОФ у г. Орджоникидзе: заслон в виде сплошного щита из луба шириной 1,2, длиной – свыше 3 м, опирался на 4 вертикальных столба (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.152-153, рис.36*), 4). Курган № 8, погребение № 4 у с. Водославка: заслон был двухслойный – верхний слой – доски, нижний – дубовые бруски (*Кубышев, Дорофеев, Шилов и др. 1983, с.80*). По конструктивным особенностям последний заслон вполне напоминает открытый в ЦМ БРК.

Столб, поддерживавший свод погребальной камеры (аналогично тому, как это имело место в ЦМ БРК), – вовсе не обязательная и весьма редкая «архитектурная» деталь скифских катакомб, появление которой возможно объясняется аварийным состоянием свода к моменту окончания подземных работ (например, появлением трещины). Помимо ЦМ БРК, нам достоверно известны 3 случая обнаружения вертикальных столбов-подпорок в скифских катакомбах: первый – в погребении № 4 аристократического кургана № 2 у с. Малая Лепетиха (высота 7,5 м, IV в. до н.э.): четырехугольный монументальный столб (ширина стороны – 1,65 м) был сложен из камней (*ОАК за 1913-1915, с.137*), второй – в рядовом кургане № 2 Западнобогдановской курганной группы у г. Орджоникидзе: был изготовлен из дерева (диаметр 0,2 м) и располагался в центре погребальной камеры (*Мозолевский 1980, с.154*), третий, судя по сохранившемуся тлену, подпирает свод погребальной камеры в кургане № 2 (погребение № 1) у с. Бурты на Кировоградщине (*Бокій 1977, с.70*).

Безусловно, наиболее заслуживающей внимания архитектурной особенностью ЦМ БРК является фигурная материковая перегородка, как бы, делящая погребальную камеру на 2 части («жилую» и «хозяйственную») и имитирующая, как нам представляется, некое печное устройство.

Сразу подчеркнем, что аналогичная конструкция ни разу еще достоверно не фиксировалась в скифских погребальных сооружениях степной полосы Северного Причерноморья; нет их и в могилах скифской поры Лесостепи. Лишь в нескольких случаях в катакомбах IV в. до н.э. встречены материковые конструкции, имеющие либо вид обычной разделительной стенки, например, в Центральной катакомбе кургана Солоха (*Манцевич 1987, с.10-11, рис.4*), либо перемычки-«колоны», делящей вход в погребальную камеру надвое, например, в погребениях №№ 7-8 кургана № 4 группы II у с. Первомаевка, погребениях №№ 1-2 кургана № 2 у с. Каиры на Херсонщине (*Евдокимов, Поруцкий, Гершкович, 1981, с.64; Кубышев, Шилов, Симоненко и др., 1988, с.49-50; Кубышев, Куприй, Ковалев 1999, с.143*). Недавно высказано мнение о том, что такие особенности в подбоях и катакомбах как разделители входа в погребальную камеру в виде материковой перемычки, каменного столба, копыя, возможно, является субэтническим или родовым признаком (*Болтрик 2002, с.12-13*).

Что же касается сооружений в виде печи в могилах, то, пожалуй, здесь следует упомянуть о двух таких конструкциях, обнаруженных в гетских курганных могильниках IV-III вв. до н.э. в Задунавье⁴⁵: в Поянешти (где конструкция в виде печи круглой формы диаметром 2,3 м сооружена из глиняных вальков, замешанных на соломе; сохранилась в высоту на 1,0 м; располагалась в могильной яме глубиной до 1,5 м) (*Vulpe 1953, p.223, 311, 313*) и Зимниче («печь», сооруженная из камня и глины, судя по сохранившейся части, имела прямоугольную в плане форму) (*Nestor 1949, p.121-122*). И. Никулице выделяет могилы с «печами» в отдельный вид погребальных сооружений гетов (*1977, с.75*).

Ряд особенностей интерьера, достоверно зафиксированных в ЦМ БРК, имеет аналогии в скифских катакомбах Степи IV в. до н.э., в том числе содержащих захоронения скифской знати. Так, в нескольких случаях в исследованных могилах аристократии встречались следы драпировки стен, а возможно и потолка, тканями: курган № 22, погребение № 2 у совхоза Красный Перекоп на Херсонщине (где ткань крепились с помощью железных гвоздей) (*Лесков 1974, с.90*), курган IV (основное погребение) группы Беш-Оба в Предгорном Крыму (где хорошо прослеживались остатки «цветных, лёгких и тяжёлых тканей») (*Колтухов, Мыц, Колотухин 1997, с.54*). По-видимому, во втором

⁴⁵ На данный факт наше внимание любезно обратила болгарская исследовательница д-р Румяна Георгиева (София, Институт фракологии).

погребении, также как и в ЦМ БРК, драпировочные ткани могли крепиться с помощью деревянных колышков: во всяком случае, именно с помощью деревянных колышков крепились к стенам камышовые циновки в двух катакомбах скифского могильника у с. Кут Днепропетровской области (*Березовец 1960, с.53-55, 58-59*).

Достаточно обычны в погребениях, как и в ЦМ БРК, плетённые камышовые циновки, располагавшиеся на полу, покрывая при этом всё его пространство, как в ЦМ БРК (например, в погребальной камере 8-го Пятибратнего кургана на Дону) (*Шилов 1961, с.153-155; 1962, с.64*) или – что чаще – участок, где располагался покойник (например: *Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.65; Плещивенко 1991, с.56; Ольховский 1991, с.104*). Иногда циновки использовались в качестве заслона входа в погребальную камеру (курган Вишневая Могила, погребение № 5) (*Прилипка, Болтрик 1991, с.19*) или даже, как отмечалось выше, для драпировки стен.

Значительно реже встречаются остатки плетеных лубяных циновок, как это имело место в ЦМ БРК, где они располагались, прежде всего, под теми или иными предметами погребального инвентаря. Достоверно можно лишь говорить пока о двух случаях обнаружения плетёных из луба циновок в скифских погребениях: в кургане № 13 (погребение № 2) группы БОФ у г. Орджоникидзе Днепропетровской области – остатки лубяной подстилки были найдены под деревянным погребальным ложем (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.163*), в кургане № 1 (погребение № 1) группы Дмухайловка XIV: плетённая из луба циновка красного цвета находилась на дневной поверхности вблизи могилы (*Ольховский 1991, с.10*). Тем не менее, те или иные изделия из луба, причём достаточно большего размера, по-видимому, не являлись чем-то необычным в скифской среде. Об этом, кстати, достаточно красноречиво говорит изготовленное в технике плетения лубяное днище гробовища, найденное в захоронении девочки в кургане Вишневая Могила в Запорожской области (*Прилипка, Болтрик 1991, с.24-25, рис.4*).

Закрепление в стенах специальных железных крюков для развешивания предметов вооружения, сбруи, одежды и иных предметов – деталь, хорошо представленная в курганах Скифии, особенно захоронениях знати различных рангов, относящихся преимущественно ко 2-ой половине IV в. до н.э. Примеры: Чертомлык, Мелитопольский, Бердянский курганы, курган № 15 Золотобалковского могильника в Нижнем Поднепровье, 8-ой Пятибратний курган на Дону и др. (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.61, 63; Тереножкин, Мозолевский 1988, с.99, рис.107, 10-11, 19, 21-24, с.101; Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, с.143-144; Полин 2014, с.122, рис.71; Шилов 1962, с.64*). Известны они и в курганах скифской поры Восточноевропейской Лесостепи, например, Песочинском могильнике (*Бабенко 2005, с.154, рис.11: 2; 40: 4*), курганах №№ 3, 6, 12 некрополя у с. Старый Мерчик на Северском Донце (*Бандуровский, Буйнов 2000, с.81, рис.8: 9-10; 12: 15; 22: 8-9*) и др. При этом подчеркнем, что в Центральной могиле Бердянского кургана, точно также как, в ЦМ БРК, с помощью крюков на стене были подвешены копья, связанные в пучёк. Аналогичная ситуация зафиксирована и в погребении кургана № 12 у пгт. Старый Мерчик в бассейне Северского Донца (*Бандуровский, Буйнов 2000, с.161, рис.21: 2*).

Весьма необычной, ни разу не встречающейся ранее в скифских могилах особенностью интерьера ЦМ БРК, являются остатки специального лёгкого устройства типа ширмы или шторы из разноцветной ткани (подвешенной первоначально к потолку на небольших железных крюках), отделявшего ложе с покойником от остальной части погребальной камеры. Напомним, что в стене, напротив шторы, на длину тела умершего была сделана неглубокая ниша, как бы ограничивающая пределы указанной отделительной конструкции. Возможно, в определённой степени данная деталь интерьера может быть сопоставлена с балдахинами, следы которых открыты в нескольких захороне-

ниях эллинизированной скифской знати IV в. до н.э. в Восточном Крыму, в зоне тесных контактов с эллинским миром. Речь идет о кургане Куль-Оба, Ак-Бурунском кургане 1875 г., гробнице № 1 кургана № 1 группы Трёхбратние курганы у с. Огоньки, близ Тобечикского озера (Ольховский 1991, с. 140).

Деревянные настилы той или иной конструкции и размеров сравнительно широко встречаются в могилах Скифии. По данным В. Ольховского, на начало 90-х гг. XX в. они отмечены почти в 40 захоронениях среднего и высшего слоя населения Скифии (1991, с.105). Чаще всего, в силу плохой сохранности, конкретное устройство настилов не ясно. Лишь в нескольких случаях о них можно говорить определённо. В кургане № 6 у с. Нагорное настил состоял из продольных досок длиной 2,7, шириной 0,1 м, скреплённых между собой с помощью скоб (Мозолевский 1973, с.196), кургане № 13 (гробница № 2) группы БОФ близ г. Орджоникидзе продольные доски шириной 3,0-6,0 см были изредка переплетены узкими поперечными планками шириной 2,0-3,0 см (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.162-163). Полагаем, что в силу простоты изготовления, настилы, типа найденного в ЦМ БРК, использовались чрезвычайно часто в захоронениях.

Покрытие деревянного настила сверху органической подстилкой и травой в частности, встречается в скифских захоронениях нечасто (значительно чаще имеют место просто настилы или органические подстилки). Примеры таких сочетаний: курган № 18, погребение № 1 у с. Львово; курган № 3, погребение № 2 у с. Богдановка на Херсонщине (Кубышев, Николова, Полин 1982, с.134, рис.5; Битковский, Полин 1987, с.76-77). И уж совсем редко в скифских могилах отмечается такая деталь, как подушка, состоящая из травы, соломы или иных органических материалов (Ольховский 1991, с.162-163). При этом она, как правило, сосуществует с настилом или подстилкой. Подушки из органических материалов были найдены в кургане № 13 (погребение № 2) группы БОФ у г. Орджоникидзе (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.162-163), кургане № 8 (погребение № 4) у с. Водославка Херсонской области (Кубышев, Дорофеев, Шилов и др. 1983, с.80), Боковой гробнице Толстой Могилы (Мозолевский 1979, с.101). При этом подчеркнём, что именно в Толстой Могиле, также как в ЦМ БРК, погребённая женщина находилась на деревянном настиле, покрытом толстым слоем травы, с подушками в головах и ногах. Иными словами, имела место ситуация, абсолютно аналогичная той, что зафиксирована в ЦМ БРК. Вряд ли будет ошибочным считать подобные конструкции достаточно близкой имитацией ложа с подстилкой - «матрасом» и подушкой в головах.

По-видимому, в качестве детали интерьера погребальной камеры ЦМ БРК следует рассматривать и пеньки, аккуратно опилённые и поставленные в одном из углов погребального помещения. Вероятно, они играли роль своеобразных табуреток. Помещение в могилу подобной мебели вполне возможно, если вспомнить обнаруженные в одном из курганов IV в. до н.э. у с. Зелёное Херсонской области хорошо сохранившиеся части деревянной табуретки (Koczowniczy Ukrainy 1996, с.175, рис.24, с.228, кат.24). Вместе с тем, укажем, что находки в погребальных сооружениях деревянных пеньков до раскопок в Рыжановке не фиксировались.

Итак, все, что мы знаем об архитектурных особенностях и интерьере подземной погребальной камеры ЦМ БРК, вполне однозначно указывает на то, что в ней, пожалуй, как ни в каком ином погребальном сооружении Скифии, максимально материализовалось стремление её строителей создать модель прижизненного жилого помещения.

2. Детали и микродетали погребального обряда

Ориентировка бездромосных катакомб, т.е. подобных по типу ЦМ БРК, не являлась строго выдержанной и достаточно варьировала. Так, среди приведенных ранее

могил, наиболее близких по форме и размерам, Южная гробница Бердянского кургана ориентирована по оси С-Ю, Восточная могила, также как и ЦМ БРК – СВ-ЮЗ, центральная гробница Хоминой Могилы имеет ориентировку ВСВ-ЗЮЗ, основная гробница Страшной Могилы – СЗ-ЮВ, наконец, могила № 1 кургана № 13 группы БОФ у г. Орджоникидзе – по оси В-З. В целом же, по наблюдениям В. Ольховского, для катакомб 1-го типа более характерны широтные ориентировки (1991, с.103).

Безусловно, интересной чертой обряда, не фиксируемой ранее достоверно в скифских могилах (прежде всего, очевидно, из-за отсутствия почвоведческих исследований), является гумусное заполнение входной ямы ЦМ БРК. Оно разительно отличается по характеру от располагавшейся вблизи кургана почвы, из которой создана большая часть насыпи, и доставлено с территории, находившейся от кургана на значительном расстоянии (Маничев, Ковалюх 1998, с. 160). Возможно, использование данной почвы имело сакральное значение в силу её особой чистоты и стерильности и предполагало, таким образом, особую изоляцию погребения от мира живых.

Сопровождающие захоронения зависимых лиц и коней, в том числе осуществленные во входной яме катакомбы – достаточно обычное явление в курганах скифской знати, во всяком случае, с IV в. до н.э. При этом, как уже отмечалось ранее, слуги или кони располагались либо непосредственно на полу входной ямы, либо в подбоях, сделанных в её стенах, т.е. имела место ситуация иная, чем в ЦМ БРК.

Отметим, что нам пока достоверно не известны и случаи обнаружения во входной яме скифских катакомб сочетания захоронений зависимого лица и лошади, как в ЦМ БРК, что, на наш взгляд, скорее говорит не об уникальности ситуации в Рыжановке, а об ограблении многих катакомб через входную яму, в ходе чего разрушались упомянутые захоронения.

Погребение слуги-охранника

Помещение останков на подстилке растительного происхождения (камыш), вытянутое на спине положение погребённого, ориентировка головой в западном полукруге (в том числе – головой на СЗ), наличие в ногах покойника жертвенного мяса (на блюде или подносе) – все эти черты обычны в скифских захоронениях Северного Причерноморья (Ольховский 1991, с.105, 107, 103, 116).

Скромный набор вещей, сопровождавший зависимое лицо (прежде всего, – колчаный набор), вполне соответствует погребальным канонам, по которым хоронили слуг-охранников, оставляя им в качестве оружия обычно стрелы. Как пример, приведём аналогичное захоронение в гробнице № 1 кургана № 4 в урочище Носаки Запорожской области (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.93-95, рис.13). Изредка указанное оружие дополнялось копьем (например, охранник в дромосе Центральной могилы кургана Огуз) (Фиалко 1994, с.125).

Вместе с тем, с точки зрения обрядности интересны такие микродетали, как положение кисти левой руки покойника на бедре и скрещивание ног.

Следует подчеркнуть, что подобные случаи лишь изредка встречаются в скифских захоронениях. По данным В. Ольховского, положение рук или руки на бедрах и скрещивание ног известно в нескольких захоронениях северопричерноморской Степи и Крыма уже в VII-VI вв. до н.э. (1991, с.58, 81). Эти черты изредка встречаются в крымских погребениях V в. до н.э., но отсутствуют в собственно скифском степном регионе в это время (Ольховский 1991, с.67, 87). Наконец, положение одной или двух рук на тазу встречено в нескольких могилах более позднего периода (начиная с IV в. до н.э.), а скрещивание ног отмечено в 10 из 738 сохранившихся костяков в степных северопричерноморских погребениях. Иными словами, последняя черта известна лишь

у 1,3% погребений позднего периода, т.е. она явно не являлась характерной особенностью погребального ритуала скифов, хотя и фиксируется на протяжении всего скифского времени.

Как известно, подобные черты обрядности были свойственны савромато-сарматскому миру, причем не столько переkreщивание ног (последнее объясняется тем, что покойнику связывали ноги), сколько положением кистей одной или двух рук на бёдрах. Данная черта, связанная с каким-то культом, известна примерно у 11% погребенных в савроматских могилах (Смирнов 1964, с.92-93, табл.4). Нашла она отражение и в более поздних сарматских захоронениях (Смирнов 1959, с.116).

Было бы заманчиво связать упомянутые черты, зафиксированные в БРК, с неким восточным сарматским влиянием, тем более что, по мнению некоторых исследователей, процесс сарматизации Скифии начался в Северном Причерноморье уже с конца IV в. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.140). Однако, наличие данных черт, хотя и в небольшом количестве в скифских погребениях, несомненно, более раннего времени не дает серьёзных оснований для подобного заключения.

Конское захоронение

Поза коня – на животе с поджатыми ногами – широко известна в кругу конских сопровождающих захоронений в скифских курганах Северного Причерноморья. Реже встречается иная поза, в частности помещение животного на боку, например, в конских гробницах Толстой Могилы, Мелитопольского кургана (Мозолевский 1979, с.30-32, с.27, рис.12, с.39-40, с.27, рис.13; Тереножкин, Мозолевский 1988, с.58, рис.54), что следует, скорее, расценивать, как исключение.

Ориентировка коней не является строго определённой, однако замечено, что конь чаще всего лежит головой в сторону основного погребенного (Мозолевский 1979, с.161), что вполне соответствует ситуации в ЦМ БРК. Конь в ЦМ БРК был погребён взнузданным, что является характерным в практике захоронения коней скифами (Мозолевский 1979, с.161).

Вместе с тем, не совсем обычным, а точнее – совсем необычным для скифских конских погребений – является отсечение головы у животного. Мы располагаем достоверными сведениями лишь об одном случае захоронения коня без головы (отрублена?) в кургане № 4 могильника Мамай-гора в Нижнем Поднепровье (Андрух, Тоцев 1999, с.37, рис.8:12, с.40). Известно ещё несколько степных погребений IV в. до н.э., содержащих конские останки в нарушенном, не «нормативном» состоянии: курган № 6 у с. Новотроицкое (конь был погребён в расчлененном состоянии) (Кубышев, Дорофеев, Евдокимов и др. 1976, с.102), курган № 2, погребение № 4 у с. Подовое Херсонской области (костяк коня имел переломанный в средней части хребет) (Кубышев, Дорофеев, Николова и др. 1977, с.106), курган № 35 у с. Большая Белозерка Запорожской области (у коня отсутствовали череп и ноги) (Отрощенко, Болдин, Жигулина и др. 1979, с.50-51), наконец – курган № 9 (погребение № 1) у с. Пески Николаевской области, где во входной яме неграбленной катакомбы был найден череп лошади со сбруей плохой сохранности (Гребенников 1987, с.153).

В определённой степени обычай захоронения коня обезглавленным имел место в савроматском мире Поволжья и Приуралья (Смирнов 1964, с.101).

Возможно, отсечение головы у коня связано с некими апотропейными функциями; верой в то, что отсеченная голова животного обладает могучей силой, оберегающей покойника от злых духов и грабителей (Андрух, Секерська 1999, с.115).

К сожалению, засвидетельствованный в ЦМ БРК случай пока единичен, чтобы делать какие-либо выводы с точки зрения генезиса этой черты обрядности.

Нет оснований видеть в положенных горизонтально на дно входной ямы ЦМ

БРК нескольких досок, образующих как бы помост, проявление каких-либо обрядовых норм, свойственных скифскому погребальному ритуалу (тем более, что ни в одном из многочисленных исследованных погребений подобная черта больше не фиксируется). Скорее всего, данные доски представляли собой импровизированный стол, за которым совершали первую поминальную тризну строители подземной погребальной камеры. Вспомним, что на дне входной ямы, в том числе вблизи упомянутых досок, были найдены конские ребра, которые первоначально очевидно были большими кусками мяса.

Погребальная камера

Поза и ориентировка основного покойника (вытянутая на спине, головой на СЗ) вполне соответствуют скифским погребальным традициям (*Ольховский 1991, с.101-102*). По данным Б. Мозолевого, положение покойника головой на СЗ (и Ю) засвидетельствовано в 15% захоронений наиболее знатных скифов и скифянок с территории Степной Украины (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.159*). Вместе с тем, положение одной из рук покойного на каком-либо предмете вооружения (в ЦМ БРК левая рука сжимала меч в районе ножен) отмечается в скифских погребениях нечасто. По-видимому, его следует трактовать как «готовность к бою». Приведём примеры подобных захоронений: курган Огуз, центральная могила; у охранника, погребённого в дромосе, в левой руке – копьё (*Фиалко 1994, с.125*); курган № 18, погребение № 2 у с. Львово Херсонской области; левая рука воина размещена на горите со стрелами, правая – на древках двух дротиков и копья (*Кубышев, Николова, Полин 1982, с.139, рис.9*); курган № 4 (гробница № 2) группы Страшной Могилы у г. Орджоникидзе; левая рука вооруженного мужчины расположена на горите и древке одного из дротиков, правая – на древке копья (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.142, рис.25*), курган Соболева Могила, гробница № 2; левая рука размещена на горите, к которому прикреплен однолезвийный прямой меч (*Мозолевский, Полин 2005, с.157, 172, рис.99а*).

Данная поза «готовности к бою» (в частности – положение руки на мече) нашла отражение на некоторых скифских каменных изваяниях, например, из Кривого Рога, кургана № 11/1985г. у с. Суворовское, с. Черноморское, станицы Преградной (*Ольховский, Евдокимов 1994, илл. 34 (63), 60 (101), 69 (117), 75 (124)*). Примечательно, что левая рука основного погребённого положена не на рукоять меча, а на ножны, как бы придерживая их перед тем, как правой выхватить клинок.

Именно такое положение левой руки (т.е. на ножнах) изображено на одной из сцен на золотом «шлеме» из Передереевой Могилы (IV в. до н.э.), где молодой воин, стоящий на коленях, выхватывает из ножен меч (*Моруженко 1992, с.73, рис.7:2*).

Стоит отметить, что «готовность к бою» основного покойника в ЦМ БРК подтверждается и тем обстоятельством, что лук воина с натянутой тетивой был вынут из горита и лежал рядом с ним.

Набор вещей, помещённых в могилу вместе с основным покойником, включает предметы, достаточно хорошо известные в скифской материальной культуре (о чём уже шла речь в главе IV), имеющие многочисленные аналогии в первую очередь – в погребениях знатных воинов. Это, прежде всего, различное вооружение, столовая, кухонная металлическая и керамическая посуда, а также – обилие напутственной еды и питья. Примечательно, что среди жертвенного мяса преобладает конина (*Журавлев 1997*), что в целом характерно для богатых захоронений Скифии (*Гаврилюк 1989, с.33; Андрух, Секерська 1999, с.113*). Что же касается вина, то, как уже отмечалось ранее, его было не менее 110 л.

Выразительна группа личных социально-престижных, знаковых предметов, маркирующих высокий общественный ранг покойника: шейная золотая гривна, меч с обложенной золотом рукоятью и серебром – ножен, ритон с золотыми и серебряными

детальями, ритуальные серебряные сосуды – кубок высокохудожественного исполнения и килик.

При практически полном наборе наступательного вооружения (нет разве что боевого топора) несколько удивляет полное отсутствие доспеха, как правило, присутствующего в захоронениях со столь значительным ассортиментом наступательного оружия.

Большинство вещей, сопровождавших знатного воина, расположены там, где они, как правило, фиксируются в скифских захоронениях. Личное украшение и символ власти – гривна была одета на шею погребенного, что является обычным местоположением данного предмета. Нам известно лишь несколько исключений из этого правила: в погребении № 8 кургана № 4 у с. Первомаевка и центральной гробнице Братолюбовского кургана гривны были в тайнике (*Евдокимов, Фридман 1987, с.102; Кубышев, Ковальев 1994, с.144, Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с.20*); в погребении № 2 кургана № 2 у с. Корнеевка Запорожской области гривна лежала на груди (*Ковалев, Полин 1991, с.41*).

Положение меча слева у бедра характерно для скифских погребений, начиная с IV в. до н.э. Например, по данным В. Ольховского, анализ положения меча в 43 непотревоженных скифских погребениях показал следующее: в 27 случаях он находился слева от костяка, в 4-х – справа, в 5-ти располагался поперек таза, в 3-х – поперек бёдер, в 2-х случаях был вбит вертикально в пол и еще в 2-х случаях вбит в стенку погребальной камеры (*Ольховский 1991, с.109*). По-видимому, в это время меч чаще всего носился слева, у бедра, что подтверждается изображением его в этом месте на некоторых предметах торевтики из скифских курганов, например, известном гребне из Солохи (*Мозолевский 1983, с.90-91, рис.72*), «шлеме» из Передереевой Могилы (*Моруженко 1992, с.73, рис.7*).

Горит в скифских могилах помещался, также как в ЦМ БРК, слева, у бедра покойного, впрочем, как и колчан, если он был представлен одним экземпляром (*Мелюкова 1964, с.32-33; Ольховский 1991, с.108*). Безусловно, с левой стороны, на ремне горит и носился, что подтверждается многочисленными изображениями этого вида паноплии на скифских каменных изваяниях (*Ольховский, Евдокимов 1994*) и ряде произведений торевтики IV в. до н.э., например, на кубках из Куль-Обы, Частых курганов, чаше из Гаймановой Могилы (*Мелюкова 1964, табл.4; Бідзіля 1971, с.53, рис.11; Бідзіля, Полин 2012, рис.135-136, 149-151*), амфоре из Чертомлыка (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат.91*), «шлеме» из Передереевой Могилы (*Моруженко 1992, с.73, рис.7*). Если колчанов, помещённых с погребённым воином, было несколько (как в ЦМ БРК), например 2, один из них находился в жёстко регламентируемом месте – слева, у бедра, а второй – обычно в головах. Например, подобная ситуация имела место в кургане № 487 у с. Капитановка Кировоградской области; кургане № 5 (погребение № 1) у с. Новое Запорожской области; кургане № 3 (погребение № 4) у с. Дудчаны; кургане № 18 (погребение № 2) у с. Львово Херсонской области (*Бобринской 1910, с.67-69; Фиалко 1987, с.176; Фридман 1987, с.164; Ковалёв, Полин 1991, с.43*). Реже один из колчанов помещался в ногах погребённого, как, например, в кургане № 1 (погребение № 1) у с. Яснозорье Черкасской области (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с.46*). Исключения из описанных правил весьма редки. Известный нам случай зафиксирован в кургане № 9 у с. Пески Николаевской области, где единственный горит с колчанным набором лежал в головах покойника (*Гребенников 1987, с.153*).

Местоположение копий и дротиков в скифских могилах, в отличие от описанных выше категорий вооружения, не было строго регламентированным. Так, в одних случаях они, также как в ЦМ БРК, находились справа от покойника, например, в погребении № 1 кургана № 1 у с. Первомаевка; погребении № 1 кургана № 2 у с. Новофёдоровка Херсонской области; кургане № 4 у с. Новосёлки Винницкой области (*Евдокимов,*

Фридман 1987, с.87, рис.2; Куприй 1991, с.109, рис.1; Бессонова 1994, с.14, рис.3), в других – слева, например, в погребении № 8 кургана № 4 у с. Первомаевка Херсонской области; погребении № 2 кургана № 2 у с. Корнеевка Запорожской области; погребении № 1 кургана № 9 у с. Пески Николаевской области (Евдокимов, Фридман 1987, с.109; Ковалёв, Полин 1991, с.41; Гребенников 1987, с.153). Известно расположение копий и дротиков в головах воина, например, в гробнице № 2 кургана Соболева Могила (Мозолевский, Полин 2005, с.161, рис.91). Встречается, хотя и редко положение копий и дротиков сразу с двух сторон от покойника. Пример: курган № 4, гробница № 2 группы Страшной Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской области (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.142, рис.25).

Хотя мы располагаем скудными сведениями о находках луков в скифских могилах, тем не менее, можно предположить, что их обычно размещали слева от погребенного, т.е. как и в ЦМ БРК – в горите, возле горита или колчана. Именно в этом месте, возле колчана, находился лук в скифской гробнице кургана № 2 группы Три Брата у с. Огоньки в Восточном Крыму (Бессонова 1973, с.244, рис.1:4, с.247). Аналогичное место занимает лук и в двух сарматских могилах, где зафиксировано это оружие (Смирнов 1975, с.120, рис.42: 1). Правда, судя по ситуации, отмеченной в кургане № 8 (погребение № 4) у с. Водославка Херсонской области в местоположении лука в скифских могилах могли быть исключения. В упомянутом случае лук лежал сверху, на самом погребенном (Кубышев, Дорофеев, Шилов и др. 1983, с.80; Куприй, Данилко 2004, с.47).

Местоположение посуды, как содержащей напутственную пищу и питье (деревянные блюда, подносы, бронзовые котлы с жертвенным мясом, амфоры с вином), так и столовой (керамической и металлической) в скифских захоронениях не было строго регламентированным. Правда, стоит отметить, что котёл, например, чаще всего располагается, если не в специальной хозяйственной нише или хозяйственной камере – что особенно характерно для погребений степной скифской знати (Ольховский 1991, с.112; Ромашко, Скорый 2009, с.190, рис.9), – то обычно находится в ногах покойника (например, Полин, 1984, рис.4:5; Гребенников, 1987, с.153-155, рис.5:5; Евдокимов, Фридман 1987, с.109, рис.19; Плешивенко 1991, с.59, рис.4; Григорьев 1994, с.67, рис.2). Учитывая, что котлы в ЦМ БРК находились в «хозяйственной» половине погребальной камеры, где была сосредоточено большинство предметов инвентаря, можно считать, что их положение вполне отвечает нормам скифского погребального ритуала. Закрепление ножки котла для большей устойчивости в специально вырытой ямке (что имело место в ЦМ БРК) – черта, достаточно широко представленная в скифских погребениях (Евдокимов, Поруцкий, Гершкович, 1981, с.44, 56; Мозолевский 1982, с.191; Евдокимов, Фридман 1991, с.83; Зарайская, Привалов 1992, с.123; Скорый 1997, с.88).

Известен и случай вероятного покрытия, также как в ЦМ БРК, бронзового котла с жертвенным мясом сверху тканью (полотенцем?). В гробнице кургана № 487 у с. Капитановка, возле бронзового котла с костями «коровы», лежали «несколько остатков шерстяной материи» (Бобринской 1910, с.72). Возможно, аналогичная ситуация имела место и в погребении № 1 кургана № 18 Песочинского могильника в бассейне Северского Донца середины – 3-ей четверти IV в. до н.э. Здесь «внутри котла сохранились отпечатки ткани» (Бабенко 2005, с.26).

Что же касается размещения котлов из ЦМ БРК в устье «печи», то, на наш взгляд, этот факт является яркой материальной иллюстрацией встречи и взаимодействия двух миров, двух культур – оседлого и кочевого населения.

При поисках аналогий деталям интерьера погребальной камеры ЦМ БРК, уже отмечалось, что нам не известны какие-либо случаи обнаружения деревянных пеньков

в скифских могилах. Следовательно, говорить и о такой черте, как размещение на них посуды (что имело место в ЦМ БРК) не приходится.

Весьма интересной чертой обряда, не имеющей пока аналогий в известных скифских захоронениях, является размещение вблизи с останками покойного, с 3-х сторон от него медвежьих когтей. находка медвежьих когтей в скифских могилах – весьма редкая вещь, отмеченная в нескольких архаических (конца VII – начала VI вв. до н.э.) могилах Лесостепи, в частности, гробнице № 2 кургана Репяховатая Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (где 6 медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями являлись уздечными украшениями), гробнице кургана № 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (где найден медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания) (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с.48, рис.19; Бандуровский, Буйнов, Дегтярев 1998, с.152, рис.5: 5, с.153*) и кургане скифской степной элиты Близнац-2 (конец V в. до н.э.) на окраине Днепропетровска, в Днепровском Правобережном Надпорожье, где в заполнении ограбленной могилы найдены 5 лежащих вместе когтей, вероятно, первоначально медвежья лапа (*Ромашко, Скорый 2009, с.19*). Можно полагать, что наличие упомянутых медвежьих когтей в ЦМ БРК, как и упомянутые аналогии, отражают существование культа медведя в обширном ареале племён скифского мира (*Гуляев 2016, с.19-28*).

Зубы медведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки довольно обычны в курганах скифского времени Киевщины (*Бобринской 1887, с.77, 90, табл.XII: 9, 10; 1901, табл.V: 22, 27*).

Подобные находки вполне однозначно трактуются как амулеты-обереги, обладающие магической силой (см. подробно об этом: *Фіалко 1996, с.97-98*).

По-видимому, когти могучего зверя, каковым являлся медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил.

Обычай помещения в могилу сосуда с углем или золой (для возжигания огня в потустороннем мире?), хотя и нечасто, но всё же фиксируется в погребениях скифского времени Северного Причерноморья. Так, остатки обожжённого круглого деревянного сосуда с угольками найдены в кургане № 2 некрополя «Б» на территории Большого укрепления Бельского городища в бассейне р. Ворскла (1-я половина V в. до н.э.), где они трактуются как остатки курильницы (*Супруненко 1996, с.112, 116*). Лепной сосуд, наполненный углями и золой, происходит из кургана IV в. до н.э. у с. Суклея в Нижнем Поднестровье; при этом отмечается его ритуальное значение (*Мелюкова 1962, с.132*). Исходя из того, что в первом из случаев, деревянный сосуд (как и в ЦМ БРК) имел следы обожжённости, можно считать, что в могилы помещались горящие угли.

Впрочем, угольки, помещённые в сосуды, иногда фиксируются и в сарматских захоронениях, в частности последних веков до н.э. – первых веков н.э., где этот обычай связывается с культом огня и верой в его очистительную силу (например: *Вязьмитина 1972, с.110, 167*).

Не является уникальным и факт обнаружения в погребальной камере ЦМ БРК, содержащей останки мужчины-воина, типично женских вещей – костяной детали греческого наборного веретена и остатков парадного головного убора – калафа и покрывала. Аналогия первому случаю известна в южной гробнице кургана Соболева Могила, где костяное веретено было найдено в дромосе (*Мозолевский, Білозір, Василенко 1993, с.72; Мозолевский, Белозор 1996, с.35; Мозолевский, Полин 2005, с.156*), второму – в основном, мужском погребении Бердянского кургана, где найдены фрагменты верхней плечевой одежды – куртки, сетчатого нагрудного украшения и двух женских парадных головных уборов (*Болтрик, Фіалко, Чередниченко 1994, с.147-148*).

По-видимому, вполне правильно трактовать подобные факты в качестве реминисценции в погребальном обряде скифской аристократии известного обычая принесения

в жертву знатному мужчине жены или наложницы, о чём повествует Геродот (IV, 71) (*Клочко 1995, с.22*). Вероятно, по прошествии времени кровавый обычай насильственного жертвоприношения женщины был заменен помещением в могилу знатного мужчины определённых женских вещей, наполненных особым сакральным смыслом (*Клочко 1995, с.22*), по принципу парциальной магии – *pars pro toto*.

Совершенно необычным, во всяком случае, пока, для скифской обрядности выглядит так называемый тайник, сооруженный непосредственно на полу погребальной камеры, недалеко от помоста, где лежал умерший. Напомним, что «тайник» представлял собой глиняное возвышение, покрывающее сверху бронзовую ситулу, внутри которой и располагались 2 ритуальных серебряных сосуда – кубок и килик.

Собственно говоря, тайником данное сооружение можно назвать с большой натяжкой, поскольку тайник в скифских могилах представлял собой чаще всего углубление, сделанное в полу или стенках погребальной камеры, куда помещались те или иные сакральные вещи (*Мозолевський 1979, с.159; Болтрик, Фиалко 1992*) и которое затем тщательно маскировалось. С другой стороны, набор вещей, открытых в «тайнике» ЦМ БРК (ритуальные сосуды из драгоценных металлов) вполне соответствует кругу предметов, обнаруженных в тайниках некоторых курганов скифской аристократии (*Болтрик, Фиалко 1992, с.29*), например, в Гаймановой, Чмыревой Могилах, погребении №1 кургана № 2 у с. Красный Подол (*Бідзіля 1971, с.49-51; Бидзіля, Полин 2012, с.101-118; Ильинская, Тереножкин 1983, с.148; Полин 1984, с.108*). Причём, практика помещения металлических сосудов один в другой наблюдается в упомянутом тайнике из Гаймановой Могилы (небольшой серебряный кубок находился внутри известной чаши с изображением скифов) (*Мозолевський 1983, с.124, рис.100; Бидзіля, Полин 2012, с.104-105*). Напомним, что серебряный кубок размещался внутри бронзовой ситулы и в БМ БРК. Но была ли последняя перекрыта травой и глиной, как в ЦМ БРК, не ясно.

Помещение в могилу курильницы, по-видимому, имело цель очищение покойника огнем, изгнание от него злых духов. По данным этнографии, с окуриванием связан обряд очищения от злых влияний (*Токарев 1959, с.23*). Данный обряд по материалам археологии известен, по крайней мере, с эпохи бронзы (находки курильниц в шахтовых гробницах позднеэллиадского времени в Микенах). Курильница наполнялась вначале горящими углями, а сверху помещалась смола или иные ароматические вещества.

Наряду с указанной, широко распространенной версией о назначении курильниц, помещаемых в могилы, существует и иная, не менее привлекательная точка зрения, высказанная К. Смирновым применительно к савроматскому миру. Согласно ей, в таких курильницах курили фимиамом умершим, которые должны были обязательно войти в общение со своими героизированными предками (*Смирнов 1964, с.248*).

Возможно, правы исследователи, считающие, что курильницы не являлись собственно погребальным инвентарем умерших, а использовались соплеменниками в ритуальных обрядах «проводов» покойника в потусторонний мир (*Савинов 1995, с.7-8*).

По мнению ряда авторов, обычай помещать в могилы курильницы является новой чертой скифской обрядности в Северном Причерноморье (*Ольховский 1991, с.115*), проявившейся, прежде всего, в Крыму (*Яковенко 1971, с.90*), Поднепровье и Поднестровье с IV в. до н.э. Есть мнение, что данное явление следует связывать с сарматским влиянием (*Вязьмитина 1972, с.170; Смирнов 1984, с.65*), хотя не исключена и связь с гето-фракийцами.

Как уже отмечалось в главе, посвященной вещевому комплексу ЦМ БРК, находки астрагалов в скифских захоронениях – черта довольно обычная. Что же касается расположения их с соблюдением какой-либо закономерности в могилах, так как это зафиксировано в ЦМ БРК, например, в виде двух параллельных линий, то подобная деталь пока

в скифских могилах не встречалась. Один из случаев соблюдения некоей закономерности в размещении астрагалов в погребении известен нам по публикации, касающейся материалов более раннего времени – памятников срубной культуры: в кургане № 2 (погребение № 1) у с. Сухая Калина на Днепре: 71 астрагал был выложен вдоль скелета подростка, от темени до колен (Ковалева 1990, с.64).

Впрочем, следует указать, что размещение астрагалов порядно, а точнее – в 3 ряда (всего 28 штук) было зафиксировано в подземном святилище – норе скифского времени в кургане № 1 могильника Бельмак-Могила в Приазовье (Антонов 2000, с.39).

По-видимому, обнаруженная в ЦМ БРК двойная линия из астрагалов, располагающаяся по всей ширине у начала одного из входов в погребальную камеру, как раз напротив местоположения знатного покойника, представляла собой некую магическую границу сакральной зоны, в пределах которой были помещены тело умершего и сопровождавшие его предметы. Можно думать, что данные особенности обряда, также как и упомянутая курильница, выполняли функции защиты покойника от злых сил. Впрочем, нельзя исключать и иную трактовку упомянутых астрагалов: данная магическая линия имела целью обезопасить живых от покойника. Иными словами, вполне можно допустить некую дуальность этой черты погребального ритуала.

Данные детали обряда, несомненно, связаны с культом мертвых, занимавшим одно из ведущих мест в скифской идеологии. В нём воплощалось стремление не только умилостивить покойного, положив ему пищу, питьё, разнообразные вещи, но и страх перед умершим, что заставляло соплеменников всевозможным образом изолировать покойника от мира живых, в том числе путем засыпания могилы «стерильным» грунтом, что имело место во входной яме ЦМ БРК.

Итак, приведенные выше данные говорят о том, что большинство деталей и микродеталей похоронного ритуала, а также архитектуры погребального сооружения, интерьера и пр. находят аналогии в кругу скифских погребальных сооружений, в том числе – знати. Однако, при этом ни одна из скифских могил не дает *всей совокупности (или подавляющего числа)* черт, соответствующим открытым в ЦМ БРК. И в этом смысле данная могила, как и многие гробницы скифской аристократии, является *вполне оригинальной*.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что в совокупности скифских погребений Северного Причерноморья полностью отсутствуют захоронения, близкие *по ряду признаков* ЦМ БРК. Такие гробницы есть. Во всяком случае, на наш взгляд, можно говорить о 3-х таких захоронениях, выполненных в катакомбах. Важно, что эти могилы оказались неграбленными.

Одно из погребений открыто в кургане № 487 у с. Капитановка Кировоградской области, в южной части украинской Правобережной Лесостепи. С ЦМ БРК данную могилу сближают: 1) тип и размеры катакомбы; 2) наличие сопровождающего захоронения зависимого лица; 3) захоронение коня, хотя и выполненное в отдельной могиле, но сопровождавшееся уздой, железные детали которой полностью аналогичны рыжановским; 4) наличие шейной золотой гривны у основного погребенного; 5) железный однолезвийный меч с обложенной золотом рукоятью, располагавшийся слева от покойника; 6) горит, также лежавший слева; 7) второй колчан, положенный за головой; 8) три копья и два дротика, располагавшиеся справа от костяка; 9) бронзовая «вилочка», также положенная справа; 10) бронзовый котел типа рыжановского с остатками напутственной пищи, по-видимому, также покрытый тканью; 11) чаша из золотистой бронзы (Бобринской, 1910, с.67-72). По-видимому, дата совершения этого захоронения весьма близка ЦМ БРК.

Второе захоронение (середины – 2-ой половины IV в. до н.э.) – могила № 1 в кургане № 9 у с. Пески Николаевской области (Поингулье). Сближает его с ЦМ БРК неко-

торые детали погребального обряда и предметы вещевого набора. Это: 1) такой же тип катакомбы (I тип, по В. Ольховскому); 2) наличие во входной яме могилы отрубленной головы коня с железными деталями сбруи; 3) шейная золотая гривна у знатного покойника; 4) железный однолезвийный меч, с рукоятью обложенной золотом; 5) горит; 6) бронзовый котёл типа, найденного в Рыжановке; 7) ситула (серебряная); 8) 3 дротика; 9) три амфоры (Гребенников, 1987, с.152-156).

Наконец, третья могила – Южная гробница (№ 2) кургана Соболева Могила в Днепропетровской области (Нижнее Поднепровье), середины-3-я четверти IV в. до н.э. Сближает этот погребальный памятник с ЦМ БРК, прежде всего, ряд вещей, отдельные из которых вполне подобны рыжановским. Речь идет о: 1) шейной золотой гривне; 2) однолезвийном мече типа рыжановского с рукоятью, обложенной золотом, также располагавшемся слева от покойника; 3) горите, также лежавшем слева; 4) ритоне, выполненном из серебра; 5) серебряных церемониальных сосудах – кубке со сценами борьбы животных и килике; 6) костяном греческом веретене; 7) бронзовом котле; 8) амфорах (3 экз.); 9) копьях (2 экз.) и дротиках (2 экз.); 10) колчанах (5 экз.) (Мозолевский, Белозор 1996, с.34-36; Мозолевский, Полин 2005, с.155-162).

Тем не менее, все перечисленные погребения вовсе не являются абсолютно подобными ЦМ БРК, имея отличия от него не только по некоторым вещам погребального инвентаря и их количеству, но и по ряду деталей похоронного ритуала.

V.2. Боковая Могила

1. Тип погребального сооружения, архитектурные особенности гробницы, интерьер

БМ БРК, по классификации В. Ольховского, относится к однодромосным однокамерным скифским катакомбам (тип VI, вариант 2) (Ольховский 1991, с.215, табл.II); имеет входную яму подквадратной формы, короткий, слегка изогнутый дромос, трапезиевидной формы погребальную камеру.

Подобные погребальные сооружения особое распространение получили в Скифии со 2-ой половины IV в. до н.э. (Ольховский 1991, с.35).

По общим пропорциям и размерам БМ БРК близок ряд скифских катакомб, традиционно относимых к IV в. до н.э., например, могила № 1 кургана № 11 могильника Гайманово Поле (размеры погребальной камеры 3,75 x 2,25-4,0 м) (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, с.166, рис.15), могила № 1 кургана № 2 группы Лисьей Могилы у г. Орджоникидзе (размеры погребальной камеры 2,5 x 1,6-2,4 м, т.е. площадь меньше, чем у БМ БРК) (Мозолевский 1980, с.123-124, рис.50), а также Центральная могила аристократического кургана «Каменская Близница» (300-285 гг. до н.э.) в Днепропетровской области (размеры погребальной камеры 4,6 x 3,0 м) (Андросов, Мухопад, 1987, рис.4). Все упомянутые могилы имеют арочный свод, а в гробнице «Каменской Близницы» перед входом в погребальную камеру выявлена канавка, в которой в свое время крепился деревянный заслон (точно также как, в БМ БРК). Отличия упомянутых гробниц от БМ БРК являются второстепенными и касаются, главным образом, наличия или отсутствия ступеней во входной яме, их количества, некоторых размеров.

Подобной по общим пропорциям и размерам БМ БРК является и боковая гробница усыпальницы скифской элиты Деева кургана (330-300 гг. до н.э.), план которой, к сожалению, издан довольно схематично. Упомянутая могила имела небольшой дромос, камеру с арочным сводом, размерами 3,90 x 3,19 x 1,42 м (ОАК за 1891, с.73, ОАК за 1897, с.31-33; Браун 1906, с.168-169, рис.36).

Довольно интересной архитектурной особенностью погребальной камеры БМ БРК является специальная яма небольшой глубины в полу для помещения в ней покой-

ной. Следует отметить, что подобная конструкция – весьма редко встречается в захоронениях скифской аристократии. Во всяком случае, нам она известна лишь в двух случаях: гробнице кургана Дорт-Оба (конец 90-х – 1-я половина 80-х гг. IV в. до н.э.) вблизи Симферополя в Центральном Крыму (*ОАК за 189, с.6-13; ОАК за 1895, с.13; Колтухов, Сенаторов 2016, с.47-48*) и кургане Близнец-2 (конец V в. до н.э.) на южной окраине Днепропетровска (Днепровское Правобережное Надпорожье) (*Ромашко, Скорый 2009, с.18, 29, 188, рис.7*). Чаще эта черта фиксируется в захоронениях зависимых лиц (слуг, охранников), прежде всего выполненных в дромосах катакомб, например, погребение № 2 кургана № 2 у с. Каиры Херсонской области (*Кубышев, Шилов, Симоненко и др. 1988, с.54*), погребение № 1 в гробнице № 1 кургана № 4, погребение № 2 в гробнице № 2 кургана № 12 в урочище Носаки у с. Балки Запорожской области (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.93-94, 143*), либо в погребальных камерах катакомб, где похоронены представители рядового скифского населения, например, в погребении № 1 кургана № 11 могильника Широкое – III на Херсонщине (*Черненко, Симоненко 1977, с.15. табл. III, с.17*), в погребении № 2 кургана № 1 у с. Великая Знаменка Запорожской области (*Отрощенко, Болдин, Жигулина и др. 1979, с.59*).

В БМ БРК не были выявлены столь разнообразные и столь интересные детали интерьера погребальной камеры, известные по материалам в ЦМ БРК.

По наблюдениям Г. Оссовского, покойница лежала на шерстяной ткани, под которой располагалась подстилка из лесного мха. Если определение органики верно, то перед нами достаточно своеобразное сочетание материалов, из которых выполнена подстилка. Мох в этих целях пока достоверно не фиксировался; ткань в качестве подстилки встречается крайне редко, в погребениях, относящихся ко времени не ранее IV в. до н.э.; по данным В. Ольховского, зафиксирована пока лишь в двух случаях (*1991, с.105*). Остатки полихромной ткани были засвидетельствованы и на полу скифской аристократической гробницы в кургане IV группы Беш-Оба в Центральном Крыму (*Колтухов, Мыц, Колотухин 1997, с.54*), но относится ли она к подстилке, на которой располагался погребённый, сказать сложно.

Наличие длинной доски, возможно, имитирующей стол или скамью (на которой располагались некоторые предметы, в том числе – амфора, бронзовая чаша, зеркало), черта в скифских могилах не известная и, на первый взгляд, как бы, вызывающая некоторое недоверие. Однако если вспомнить о пеньках, со стоящими на них чернолаковыми греческими сосудами в ЦМ БРК (деталь также нигде ранее не фиксируемая), указанная информация о доске, сообщаемая Г. Оссовским, представляется вполне вероятной.

2. Детали погребального обряда

Ориентировка однодромосных однокамерных катакомб не была строго выдержанной: известны как широтные, так и меридиональные ориентировки, а также – с определёнными отклонениями. Что же касается могил, наиболее близких по пропорции БМ БРК, о которых уже шла речь (за исключением впускной могилы Деева кургана), то они были ориентированы по оси СВ-ЮЗ (напомним, что БМ БРК ориентирована по оси С-Ю, погребальной камерой на Ю). Боковая же могила Деева кургана, также как и БМ БРК, имела ориентировку по оси С-Ю с небольшими отклонениями к В и З.

Заполнение входной ямы катакомбы материковой глиной выкида, зафиксированное в БМ БРК, – черта, широко встречаемая в скифских могилах с IV в. до н.э., особенно впускных захоронениях. Примеры: курган № 3, погребения №№ 2-3 у с. Меловое (*Кубышев, Дорофеев, Евдокимов и др. 1976, с.11-12*), курган № 2, погребение № 2 у с. Каиры Херсонской области (*Кубышев, Шилов, Симоненко и др. 1988, с.49-50*), курган № 4, погребение № 3, курган № 5, погребение № 2 в урочище Носаки у с. Балки Запорожской области (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.106, 119*).

Дромос

Захоронения служанок, по-видимому, насильственно умерщвлённых, сопровождавших знатную особу в потусторонний мир, что имело место в БМ БРК (напомним: в дромосе были найдены остатки скелета девочки 12-14 лет и несколько рядовых находок) – черта, широко известная в скифских могилах, начиная с IV в. до н.э. Как известно, подобные захоронения располагались чаще всего в дромосе (также как, и в БМ БРК) или во входной яме катакомбы, сопровождалась весьма скромным инвентарем или вообще не имели вещей. Приведем несколько примеров. В кургане № 4 (гробница № 3) в урочище Носаки, в дромосе, непосредственно на полу, находились останки девочки. Инвентарь – лишь низка пастовых бус. В кургане № 12 (погребение № 2) этого же могильника, также в дромосе и также просто на полу, открыты останки женщины, рядом с которой был скудный инвентарь – пряслице, каменный сфероид, деревянное древко с бронзовой лентой (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.195, рис.17: 1, с.117, с.143-145*). Во входной яме погребения № 1 кургана № 18 у с. Львово Херсонской области скелет молодой женщины без каких-либо вещей, располагался на подстилке из коры (*Кубышев, Николова, Полин 1982, с.133-134, рис.5*). На фоне перечисленных погребений достаточно выделяется по условиям захоронения и сопровождающим вещам погребение служанки, по-видимому, молодой женщины, в дромосе гробницы № 1 аристократического Мелитопольского кургана. Останки последней располагались на дощатом настиле и сопровождалась личными украшениями (серебряные серьги, ожерелье из стеклянных, костяных, каменных бус, бронзовый и железный браслеты), а также пряслицем, шилом и пр. (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.26-28, рис.20*).

Скифской знати прислуживали как свободные скифы, так и рабы. Считается, что захоронения рабов отличаются некоторыми признаками, например, скорченной позой (или позой «брошенности»), подчеркивающей их принижённое положение, а также отсутствием каких-либо вещей (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.186*). В свете сказанного, в девочке-служанке, похороненной вместе со знатной молодой дамой, следует видеть представительницу свободного сословия. Соотносимые с нею вещи – бронзовый браслет, серьга, бусы, булавка – достаточно обычны для рядовых захоронений.

Погребальная камера

Ориентировка знатной покойницы головой на З является наиболее характерной для скифской погребальной обрядности. По данным В. Ольховского, западная и северо-западная ориентировки погребённых являются доминирующими в катакомбах типа БМ БРК (*1991, с.105*). Такую ориентировку имеют 40% погребённых наиболее знатных скифов (*Тереножкин, Мозолевски, 1988, с.159*). Можно предположить, что в Боковой могиле Деева кургана (весьма близкой по размерам и ориентировке БМ БРК) знатная покойница также была ориентирована головой на З.

Несколько необычным представляется «полусидячее» положение скелета в БМ БРК (наблюдение Г. Оссовского), когда верхняя часть туловища располагалась выше ног. Мы не знаем примеров подобного положения костяков в скифских могилах Северного Причерноморья, что, однако, не дает оснований сомневаться в упомянутом факте. Такая поза могла быть достигнута в случае наличия под верхней частью тела знатной покойницы высокой подушки, о чём Г. Оссовским не сообщается. Впрочем, нужно отметить, что «сидячая поза» покойников отмечена в могильниках скифского времени культуры Сентеш-Векерцуг в Средней Европе.

Также как, и у воина-охранника из ЦМ БРК, ноги знатной покойницы были перекрещены (т.е., очевидно, были связаны после смерти). Как уже отмечалось ранее, такое

положение ног не является характерным для скифской погребальной обрядности, хотя и фиксируется изредка уже с эпохи архаики.

Безусловно, заслуживает внимания и положение левой руки покойной – согнутой в локте и отведенной в сторону (правая рука была вытянута вдоль туловища, что обычно для скифских погребений).

Как и в случае с положением ног, здесь мы имеем дело с неким отступлением от обычной традиции, по которой скифов хоронили вытянуто на спине с сомкнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками (Ольховский 1991, с.101).

Ранее считалось, что такое положение рук (одной или двух), раскинутых в стороны (так называемая «свободная» поза), характерно исключительно для захоронений слуг и вообще – зависимых лиц. Однако, по наблюдениям Б. Мозолевого, оно было зафиксировано, по крайней мере, у двух знатных скифянок: достоверно в боковой гробнице кургана Казённая Могила у с. Шмальки (Бидзия, Ляшко, Никитенко и др. 1974, с.115-116) и предположительно в гробнице № 1 Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевски, 1988, с.34. рис.28). Б. Мозолевский предлагает видеть в этом этническую черту, свойственную скифскому населению Приазовья, позже перенесённую в Нижнее Поднепровье (Тереножкин, Мозолевский 1988, с.159-160).

По характеру украшения золотыми нашивными аппликациями платья и головного убора, гарнитуру личных украшений (серьги-подвески, ожерелье, браслеты, перстни) захоронение молодой скифянки в БМ БРК вполне может быть сопоставлено с группой женских захоронений 2-ой половины – конца IV в. до н.э., к счастью, неограбленных, совершенных, как правило, в боковых гробницах таких курганов скифской знати, как Деев, Мордвиновский I-ый курган, Толстая Могила (ОАК за 1900, с.31-32; Браун 1906, с.81-116; Ильинская, Тереножкин 1983, с.152; Мозолевский 1979, с.101-110) и в определенной степени с женскими погребениями в кургане ранга царских – Чертомлыке (камера № 4) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.62).

Во всех случаях (за исключением погребения в Мордвиновском I-ом кургане) рядом с женщиной располагалось зеркало, чаще – у руки, причём в Деевом кургане оно было абсолютно такое же, как и в БМ БРК. Рыжановское погребение сближает с женским захоронением из Толстой Могилы наличие в них круглотелых ритуальных кубков.

Укажем также, что захоронения женщин в перечисленных курганах (во всяком случае – в Толстой Могиле, Мордвиновском I-ом, Чертомлыке) роднит с женским погребением БМ БРК одинаковая ориентировка погребённых – головой на З, а могилу в Мордвиновском I-ом кургане, кроме того, наличие сопровождающего захоронения служанки.

Следует отметить, что, если часть инвентаря, найденная в БМ БРК, присуща исключительно женским захоронениям Скифии (помимо упомянутых деталей костюма и украшений, зеркало, веретено, железные иглы, туалетный сосуд), а иные предметы обычны как для женских, так и мужских захоронений (керамический канфар, бронзовая чаша, амфоры, серебряный килик), то несколько предметов вещевого набора, как бы, выпадают из круга вещей, свойственных скифским женским захоронениям. Мы имеем в виду уже упомянутый круглотелый серебряный кубок, а также бронзовую ситуту. Большинство кубков, выполненных из драгоценных металлов, безусловно, являлись принадлежностью мужских захоронений (Рябова, 1986, с.146; 1989, с.138). Лишь в 3-х случаях (кроме БМ БРК) кубки были встречены в женских захоронениях. Помимо упомянутой боковой гробницы Толстой Могилы, это захоронения в Куль-Обе и кургане у с. Будки в Посулье (Ильинская 1968, с.164, рис.43:2). В равной степени сказанное касается помещения в женские могилы ситул: достоверно, помимо БМ БРК, известно еще 2 случая присутствия упомянутых сосудов в захоронениях представительниц вар-

варской высшей знати – в Северной могиле кургана Огуз (*Фіалко 1993, с.12*) и гробнице «а» кургана Большая Близница на Тамани, содержащей останки синдской жрицы (*ОАК за 1869. с.8*).

Размещение большей части погребального инвентаря в основном за головой покойной, достаточно обычно для скифской погребальной обрядности, связанной с захоронением женщин, в том числе представительниц аристократии (см., например, ситуацию в женском погребении Толстой Могилы) (*Мозолевський 1979, с.103, рис.87*).

Как уже отмечалось, часть вещей – амфора, бронзовая чаша и зеркало – располагалась на доске, неподалеку от погребений, что пока не имеет аналогий. Особенно необычным выглядит такое положение зеркала, которое, как правило, помещается в непосредственной близости от тела покойницы: у её руки (см., например, *Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.121, рис.8*), у лица (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.142, рис.25*; *Кубышев, Николова, Полин, 1982, с.134, рис.5*; *Евдокимов, Фридман 1991, с.93, рис.15*), у плеча (*Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.162, рис.42*; *Евдокимов, Фридман 1991, с.89, рис.13*). Нескольким удивляет и отсутствие данных о напутственной пище в могиле, которая является характерной для скифских, в том числе женских захоронений. Отметим, что среди инвентаря находились, по крайней мере, 2 железных ножа, обычных в могиле именно при мясной жертвенной пище. Можно все же допустить, что таковая в могиле присутствовала, но её остатки не были зафиксированы.

Если исходить из совокупности признаков, то, БМ БРК, пожалуй, наиболее сопоставима с захоронением знатной женщины, погребённой в Боковой (впускной) могиле Деева кургана. Напомним, что обе гробницы – одного типа и близки по размерам. Они имели одинаковую ориентировку С-Ю, к тому же не исключено, что покойница в Боковой могиле Деева кургана также была ориентирована головой на З. Находит ряд аналогий и инвентарь. Так, чрезвычайно близки золотые детали головных уборов (по-видимому, калафы были либо совершенно одинаковые, либо – подобны), личные украшения, выполненные из золота (массивные серьги-подвески, ажурное наборное ожерелье, перстни с плоскими щитками). Также, как в Рыжановке, платье покойной было расшито многочисленными золотыми аппликациями. Судя по описанию, у скифянки, похороненной в Деевом кургане, было такое же, как в БМ БРК, бронзовое массивное зеркало, украшенное в районе ручки гравированным орнаментом.

Однако есть и существенные различия. Женщина, погребённая в Боковой могиле Деева кургана, не сопровождалась захоронением зависимого лица, в частности – служанки. Её погребальный инвентарь, за исключением костюма и некоторых личных украшений, выглядит значительно скромнее вещевого набора из БМ БРК: в нём, в первую очередь, нет серебряных ритуальных сосудов, бронзовой, чернолаковой посуды, а также ряда иных вещей, представленных в БМ БРК. Все это свидетельствует о том, что особа, похороненная в БМ БРК, скорее всего, занимала более высокое социальное положение, чем скифянка, чьи останки обнаружены в Боковой могиле Деева кургана.

У.3. Подкурганная поверхность

Следы подкурганной тризны на различных участках подкурганной поверхности, в том числе и вблизи могил, в виде костей животных, обломков лепной и гончарной посуды, особенно – винных амфор, а также те или иные предметы – подношения покойным – достаточно хорошо известны во многих скифских курганах (*Ольховский 1991, с.131*; *Мозолевский, Полин 2005, с.287-289*), особенно содержащих захоронения скифской аристократии, например, в Чертомлыке (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.52*), Толстой (*Мозолевський 1979, с.18*) и Гаймановой (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.144*; *Бидзиля,*

Полин 2012, с.64-75) Могилах, Краснокутском кургане (Мелюкова 1981, с.10) и ряде других.

V.4. Насыпь и ров

Конструкция насыпи БРК не является оригинальной, находя многочисленные аналогии в кругу скифских погребальных памятников.

Речь идёт, прежде всего, об основе первичной насыпи, состоящей из материкового выкида из Центральной могилы, специально уложенного в виде дуги, конической в сечении, и выкладки из дерновых плиток, опиравшихся на упомянутую обваловку, а также заполнявших пространство внутри её.

Подобная обваловка известна по ряду курганов скифской знати, например, Краснокутскому кургану (*Древности... 1872, с.50-51*), Желтокаменке (*Мозолевский 1982, с.182-183*), Огузу (*Фиалко 1994, с.136*), Соболевой Могиле (*Мозолевский, Полин 2005, с.146*) и ряду других.

Что же касается использования в конструкции насыпи дерновых плиток, то ныне вполне однозначно можно утверждать, что эта черта присуща большинству скифских курганов, находя особенно яркое выражение в степных «пирамидах» скифской аристократии. Наиболее ранним курганом скифской эпохи, где мы видим использование дерновых «кирпичей» является известный архаический (конец VII в. до н.э.) курган Перепятыха, расположенный в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Скорый 1990, с.10, 19*). Круг более поздних (как, правило, IV в. до н.э.) курганов скифской знати, для сооружения насыпей которых использовались пласты дёрна весьма широк. При этом у некоторых курганов из них выложены лишь участки насыпи (курган № 6 у с. Башмачка; Страшная Могила) (*Спицын 1901, с.73; Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973, с.132*), у других, также в БРК, – центральная часть (Мелитопольский курган, Огуз) (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.18-19; Фиалко 1994, с.136-136*), у третьих – практически вся насыпь (Чертомлык, Жёлтокаменка, Бердянский, Братолюбский курганы, Хомина, Вишнёвая, Бабина Могилы (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.144; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.29-30; Мозолевский 1982, с.182; Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, с.140; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с.19-20; Кубышев, Ковальов 1994, с.142; Кубышев, Бессонова, Ковалёв 2009, с.12; Болтрик, Отрощенко, Савовский 1977, с.269; Мозолевский, Полин 1987, с.80; Мозолевский, Полин 2005, с.98, 103*). Высказано интересное мнение, что куски дерна в конструкции насыпей скифских курганов символизируют компактно уложенные, сконцентрированные в одном месте пастбища, которые принадлежали умершему, т.е. они являлись своеобразным погребальным инвентарем (*Rolle, 1979, S.42; 1980, S.34*). Это предположение сопоставляется с данными мифологии древних индоевропейцев, которым потусторонний мир представлялся в виде пастбищ, где паслись души умерших людей и принесённых в жертву животных (*Гамкрелидзе, Иванов 1984, с.283*).

После сооружения ядра первичной насыпи из обваловки и дёрна, она дополнялась либо, как в случае с БРК, чернозёмом – что присуще конструкции большинства курганов (например, см.: Мелитопольский курган, Сахнова Могила у с. Большая Белозерка) (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.12, рис.5-6; Отрощенко, Болдин, Жигулина и др. 1979, с.3*), или укреплялись – что реже – толстым слоем глины (например, см.: Мордвиновский I-ый курган) (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.152*).

В случае совершения подзахоронений в крупные курганы, насыпь обязательно досыпалась, что вполне соответствует ситуации в БРК. После такой досыпки низ вторичной насыпи нередко обкладывался материковой глиной (*Ольховский 1991, с.120*).

Исходя из высоты насыпи, БРК на момент начала исследований на нём в 80-х гг. XIX в. (около 7,56 м), с определенной долей условности может быть отнесен ко II-

ой группе курганов скифской степной знати (высота 5,7- 7,5 м), по классификации Б. Мозолевого, в которую входят: Каменная Могила (5,7 м), Чмырева Могила (5,7 м), Мордвиновские I и II курганы (6,5; 7,0 м), Башмачка (7м), Страшная Могила (7 м), Малая Лепетиха (7,5 м) (*Мозолевский 1979, с.152*). К ней же следует присоединить и Соболеву Могилу (6,0 м) (*Мозолевский, Белозор 1996, с.34; Мозолевский, Полин 2005, с.143*). Вместе с тем, БРК по высоте насыпи близок и Гаймановой Могиле (8,0 м), которая помещается Б.Мозолевым в следующую, III-ю, по высоте классификационную группу (8,0 -11 м).

Что же касается диаметров насыпей упомянутых курганов II-ой группы, то они значительно превосходят первоначальный диаметр БРК (36 м). Минимальный из них – 50 м (Страшная Могила), максимальный – 62 х 66 м – (Мордвиновский II-ой курган) (*Тереножкин, Мозолевский 1988, с.151, табл.2*).

Б. Мозолевский, изучая курганы скифской элиты в северопричерноморской Степи, отмечал, что курганы высотой около 4,0 м в данном регионе всегда имеют диаметр не менее 40 м (*Тереножкин. Мозолевский 1988, с.150*). Следует, однако, указать, что курганы скифского времени в лесостепной области Восточной Европы, в частности – в Днепровском Правобережье (синхронные по времени степным скифским курганам), обладая значительной высотой, имеют, как и БРК, существенно меньший диаметр, чем степные курганы подобной высоты. Например, курган № 13 у с. Оситняжка в бассейне р. Тясмин при высоте 8,0 м имеет диаметр 42 м (т.е. достаточно близкий диаметру БРК); у кургана близ с. Ильинцы в Восточной Подолии при высоте 8,5 м, диаметр – 50 м (*Скорый 1990, с.107, табл.6*).

С точки зрения присутствия в насыпи остатков поминальной тризны в виде отдельных предметов, в частности – конской узды (звено удил) и вооружения, БРК вполне может быть сопоставлен со многими элитными курганами Степной Скифии, где засвидетельствованы подобные находки. Так, те или иные детали конской узды, вместе с иными находками или сами по себе открыты в насыпях Александрополя, Цимбаловой Могилы, Слоновской Близницы (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.136, 149, 154*), Чертомлыка (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.48-49*), Гаймановой Могилы (*Бидзиля, Полин 2012, с.64-75*), Чмыревой Могилы (*Ростовцев 1925, с.424*), Плоской Могилы (*Болтрик, Савовский 1991, с.98, 100, рис.2:1*), Передереевой Могилы (*Моруженко 1992, с.68*).

В насыпи Краснокутского кургана, также как в БРК, найдены детали конской узды и наконечник копья (*Мелюкова 1981, с.10*).

Вместе с тем, укажем, что находка среди остатков тризны в насыпи БРК меча является, в общем, необычной. Чаще всего предметы вооружения, которые находят среди остатков тризны в насыпи, – наконечники стрел (например, Чертомлык, Краснокутский курган и пр.). Известный случай обнаружения скифского меча в перемычке курганов №№ 6, 8 (эпохи бронзы) могильника в урочище Носаки в Запорожской области (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с.125-126, рис.25*), к сожалению, не является аналогией нашей ситуации.

Обнаруженный в основании БРК кольцевой ров, как и иные конструкции подобного рода, относится к числу наиболее распространенных внекурганых сооружений в скифских погребальных комплексах. По данным В. Ольховского, они обнаружены в 23,9 % курганов V в. до н.э. и у 20,5 % курганов IV-III вв. до н.э. (*1991, с.77, 129*). Что же касается погребальных памятников скифской аристократии, то рвы были зафиксированы в Александрополе, Геремессовом кургане, Острой Томаковской Могиле, Близнице Слоновской (*Древности... 1866, с.2; Древности... 1872, с.30, 59, 64*), Огузе (*Фиалко 1994, с.135, рис.6*), Мордвиновских курганах (*Лесков, 1974, с.19*), Толстой Могиле, Желтокаменке (*Мозолевский 1979, с.18, рис.2; Мозолевский 1982, с.184-188*,

рис.4-5), Каменной Близнице (Андросов, Мухонад 1987, с.57-59, рис.1), Соболевой, Бабиной и Водяной Могилах (Мозолевский, Білозір, Василенко 1993, с.71; Мозолевский, Полин 1987, с.9; 2005, с.145; Мозолевский, Полин 2005, с.78-79, 104-105, 150). Однако раскопаны рвы были лишь в Толстой, Водяной, Бабиной, Соболевой Могилах, Жёлтокаменке, Каменной Близнице.

Как отмечал в свое время Б. Мозолевский, рвы, по-видимому, существовали вокруг большинства курганов скифской знати и отсутствие данных об этом «можно объяснить, прежде всего, небрежностью раскопок подобных памятников» (Мозолевський 1979, с.153).

Вполне определенно считается, что рвы имели важное значение в отправлении заупокойного культа. Им придавалось магическое охранное значение (Ильинская, Тереножкин 1983, с.122; Рябинина 2002, с.211) Они создавали, как бы, сакральную зону вокруг место погребения. Кроме этого, рвы использовались для помещения в них остатков погребального пира и последующих тризн (Ильинская, Тереножкин 1983, с.122; Ольховский 1991, с.130), различных подношений покойным и жертвоприношений в их честь.

Ров БРК по особенностям устройства, сохранившимся остаткам тризны и большинству прочих деталей имеет хорошие аналогии в кругу скифских погребальных памятников Северного Причерноморья в целом и в курганах скифской аристократии в частности.

Так, ров БРК копался не с уровня древнего горизонта, а непосредственно с материка, до которого была снята часть грунта, использовавшаяся при сооружении насыпи. Этот прием засвидетельствован во многих скифских курганах, начиная с V в. до н.э. (Мозолевский 1987, с.65), в том числе, например, в таких элитных скифских курганах IV в. до н.э. как Жёлтокаменка (Мозолевский 1982, с.18, рис.2), Каменная Близница (Андросов, Мухонад 1987, рис.1), Бабина Могила (Мозолевский, Полин 2005, с.104) и других.

Кольцевой ров БРК, как и ряд аналогичных внекурганых конструкций в скифских погребальных памятниках, особенно – знати, отдалён на значительное (до 7 м) расстояние от первичной насыпи. Это вполне напоминает ситуацию в Толстой Могиле и Жёлтокаменке. В первом из курганов – ров располагался в 6 м от первичной насыпи; во втором – в 7-10 м от каменной крепиды насыпи (Мозолевський 1979, с.153; 1982, рис.4).

Разумеется, диаметр рва зависел от планируемого подкурганного пространства и диаметра будущей насыпи. По данному параметру ров БРК (диаметр внутренний 43,2 м) близок рву Каменной Близницы: при диаметре насыпи (по кольцу крепиды) в 33 м он имел диаметр (внешний) – 43 м.

Шириной рва (1,6 – 2,3, максимальная – до 3,0 м) БРК напоминает Толстую Могилу (2,0-2,9 м), но по глубине (от уровня материка 1,2-1,3 м) превосходит её, будучи более сходным с Каменной Близницей (максимальная глубина рва у последней – 1,2 м).

В сечении ров БРК имеет в основном треугольные очертания, что достаточно обычно для подобных конструкций (Ольховский 1991, с.129). Из курганов скифской аристократии, рвы которых изучены, подобное сечение, например, имел ров кургана Жёлтокаменка.

Количество и расположение материковых перемычек в скифских курганах не являются строго регламентированным (Ольховский 1991, с.129), хотя чаще всего их бывает две (что мы и видим в БРК) и располагаются они широтно, т.е. на В и на З. Данное местоположение перемычек соответствовало сторонам восхода и захода солнца. В БРК местоположение перемычек не является строго широтным, а достаточно смещено к СЗ

и ЮВ. Последнее, несомненно, объясняется солнцестоянием в тот сезон года, когда осуществлялось захоронение в Центральной могиле.

В тех курганах скифской элиты, сведениями о рвах которых мы располагаем, перемишки чаще находятся по оси В-З, иногда с небольшими отклонениями (Толстая, Бабина, Водяна, Соболева Могилы, Каменская Близница), реже можно говорить об ином местоположении перемишек (например, в Жёлтокаменке они располагались на СЗ и ЮЗ рва).

В целом же, аналогичное БРК местонахождение перемишек относительно сторон света имеет ряд ровов в скифских курганах Степи (относящихся, правда, к менее значимым социальным прослойкам скифского общества), сооружённых, по-видимому, в то же время года, что и БРК (например, *Бунятян, Чередниченко, Мурзин 1977, с.73, рис.11; Мозолевский 1980, с.142, рис.75; 1987, с.65, рис.3; Евдокимов, Фридман 1991, с.84, рис.9; Ковалев, Полин 1991, с.37, рис.3*).

Ширина материковых перемишек во рвах исследованных курганов скифской элиты различна: минимальная 1,5-1,7 (Каменская Близница), максимальная 3,2-4,0 м (Жёлтокаменка). В свете этих данных, ров БРК выделяется шириной перемишки – 4,7-4,8 м.

Давно замечено, что одни рвы (также как, в БРК) имеют в плане форму, приближающуюся к правильному кругу. Контур же других – извилистый, ширина по периметру неодинаковая. На наш взгляд, предлагаемое по этому поводу объяснение вполне убедительное: в одних случаях разметка рва, а может и его выкапывание, осуществлялись до сооружения насыпи кургана (см.: по этому поводу: *Мозолевский, Полин 2005, с.146*), в других – уже обкапывались готовая насыпь, зачастую далеко не идеальной круглой формы, поэтому и форма рва была соответствующей (*Ольховский 1991, с.130*).

Этот тезис нашёл убедительное подтверждение при исследовании кургана Турецкая Могила конца VI-V вв. до н.э. вблизи Харькова (бассейн Северского Донца). Ров этого кургана – а это наглядно засвидетельствовано с высоты беспилотным летательным аппаратом – имел форму почти идеального круга, что, несомненно, объясняется его предварительной разметкой (*Окатенко, Скорый 2017, рис.7, с.323, рис.16: 1*).

Как уже отмечалось, ров БРК имеет довольно правильные круглые очертания, напоминая в этом смысле, например, ров Жёлтокаменки (*Мозолевский 1982, с.184*). Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют считать, что ров БРК был выкопан до осуществления захоронений и создания насыпи.

Извилистые очертания имеют, например, рвы в Толстой Могиле (*Мозолевский, 1979, с.153*), Каменской Близнице (*Андросов, Мухомад 1987, с.59*).

Расположение остатков тризны не на дне рва, а выше, на затёке, говорящее о более раннем сооружении рва, нежели могилы (на что мы обращали внимание ранее), также не является особенностью Большого Рыжановского кургана, а фиксируется у целого ряда курганов скифской аристократии. В качестве примеров назовем Толстую Могилу (*Мозолевский 1979, с.150*), Жёлтокаменку (*Мозолевский 1982, с.184*), Водяну, Бабину, Соболеву Могилы (*Мозолевский, Полин 2005, с.78, 105, 150*).

Концентрация остатков погребального пира в виде обломков лепной и гончарной посуды, в частности – винных амфор, а также костей животных, по большей части с двух сторон у западной (в БРК соответственно – у северо-западной) перемишки – черта, широко известная в скифских курганах различных рангов и особенно – аристократических (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.122; Ольховский 1991, с.130*). Западная перемишка, несомненно, имела сакральный характер, указывая, по-видимому, направление, куда в сторону заходящего солнца следовала душа покойного.

Также как, и в БРК, во рвах ряда курганов, именно у этой перемишки фиксируются конские черепа, причем максимальное их количество, по данным В. Ольховского, до-

стигает 11, а в Толстой Могиле, во рву найдены остатки 50 черепов (*Ольховский 1991, с.130*). Приведем лишь несколько примеров обнаружения конских черепов у перемычек: курган Жёлтокаменка – «несколько черепов» (*Мозолевский 1982, с.185*), Плоская Могила у с. Балки Запорожской области – 3 черепа (*Болтрик, Савовский 1991, с.98*), Соболева Могила – 3 черепа (*Мозолевский, Полин 2005, с.150*), курган № 4 группы Солохи – 4 черепа (*Мелюкова 1999, с.61, 84, рис.2А*), курган № 2 у с. Корнеевка – 5 черепов (*Ковалев, Полин 1991, с.39*). Во рву БРК, также как и во многих степных курганах, в пищевых остатках преобладали кости коня, хотя, хотя отмечено и несколько костей быка, овцы или козы, оленя (?), что вполне находит аналогии в степном регионе (*Ольховский, 1991, с.130*).

Как известно, на одном из участков рва БРК, среди остатков тризны зафиксирован череп ребёнка. На наш взгляд, в этом факте следует усматривать остатки человеческого жертвоприношения в честь знатного покойника (или покойников), совершённого во время погребального пира. Подобная деталь кровавого обряда, хотя и нечасто, но всё же встречается среди остатков тризны во рвах скифских курганов. Из курганов скифской аристократии следует упомянуть Каменскую Близницу, где во рву обнаружена плечевая кость взрослого человека и остатки скелета ребёнка (*Андросов, Мухонад 1987, с.59*), Бабину Могилу, во рву которой была найдена плечевая кость руки (*Мозолевский, Полин 2005, с.292*). Сходные находки известны по ряду скифских курганов IV в. до н.э. в Херсонской области. В одном из курганов у с. Сивашовка во рву найдены отдельные человеческие кости (*Кубышев, Дорофеев, Шилов 1980, с.210*), во рву кургана № 4 у с. Каиры, вблизи западной перемычки обнаружен скелет человека, убитого стрелой: её бронзовый наконечник сохранился между шейными верхними позвонками (*Кубышев, Шилов, Симоненко и др. 1988, с.71-72*), человеческий череп с пробоиной в лобной части происходит из кургана № 20 группы Солохи (*Мелюкова 1999, с.63, 70*). Расширенный перечень подобных фактов представлен в не столь давно опубликованной работе Б. Мозолевского и С. Полина (*Мозолевский, Полин 2005, с.292*). Наиболее впечатляют в качестве следов человеческих жертвоприношений, совершенных на тризне в честь покойного, кости 3-х индивидуумов: мужчин и двух женщин, сброшенные в ров вместе с остатками погребального пира в кургане № 3 у с. Ивановка Киевской области, в бассейне р. Рось (*Ковпаненко, Скорый 1988, с.80, рис.7. с.81, рис.8*).⁴⁶

Итак, достаточно подробное, на наш взгляд, рассмотрение погребального обряда Большого Рыжановского кургана (в широком смысле этого понятия) на фоне скифских, в том числе – элитных курганов, позволяет сделать следующие основные заключения.

1. По архитектурным особенностям насыпи, устройству кольцевого рва, характеру поминальной тризны БРК находит хорошие аналогии в кругу скифских погребальных памятников степной области Северного Причерноморья и в частности в курганах скифской элиты, относящихся в основном к IV в. до н.э.

2. Конструкции ЦМ и БМ БРК, как типы погребальных сооружений, имеют достаточно близкие подобия в ряде скифских, в том числе аристократических курганов Северопричерноморской Степи. Первая (ЦМ БРК) – в Бердянском кургане (Южная и Восточная гробницы), Страшной Могиле (IV в. до н.э.), вторая (БМ БРК) – в Каменской Близнице, Деевом кургане (около 300 г. до н.э.).

3. По ряду вещей погребального инвентаря, положенным в могилу со знатным покойником, ЦМ БРК близка, по крайней мере, трём элитным захоронениям – в кур-

⁴⁶ Мы не уверены, что стоит столь решительно соотносить верхнюю часть черепа одного из индивидуумов, найденную во рву упомянутого кургана, среди костей животных, рядом с горлом амфоры, с чашей из человеческого черепа (*Лушин 2015, с.8-9*). В этом же рву, особенно в его южной части, также наблюдались отдельные фрагменты верхних частей человеческих черепов, на которых, как и в первом случае, не было видно никаких следов обработки (*Ковпаненко, Скорый 1988, с.79-80*).

гане № 487 у с. Капитановка (конец IV или начало III вв. до н.э.), кургане № 9 у с. Пески (середина – 2-я половина IV в. до н.э.), кургане Соболева Могила (середина-третья четверть IV в. до н.э.) Наибольшее сходство по инвентарю у ЦМ БРК с капитановским погребением, хотя последнее, безусловно, беднее.

БМ БРК, прежде всего, по богатству костюма погребённой в ней женщины, набору личных украшений может быть сопоставлено с несколькими женскими элитными захоронениями 2-ой половины – конца IV в. до н.э., открытых в боковых гробницах скифских аристократических курганов в Нижнем Поднепровье – Толстой Могиле, Мордвиновском I-ом кургане, Деевом кургане. Женское захоронение из Деева кургана по вещевому набору наиболее близкое погребению в БМ БРК, хотя и выглядит скромнее.

4. Приведённые данные свидетельствуют, что Большой Рыжановский курган, имея много общего с рядом курганов скифской аристократии Северного Причерноморья, тем не менее, как цельный погребальный комплекс (во всем своём многообразии) не знает среди них целиком себе подобных, являясь, таким образом, достаточно оригинальным источником для изучения различных аспектов скифской культуры. Правота данного вывода представляется ещё более обоснованной, если вспомнить ряд деталей и микродеталей похоронного ритуала, засвидетельствованных в БРК, но не находящихся себе аналогий в кругу скифских погребальных древностей северопричерноморского региона.

Глава VI.

ХРОНОЛОГИЯ

Полная сохранность погребений БРК – и основного (ЦМ), и впускного (БМ), а, следовательно – всего погребального комплекса представляет собой почти уникальное явление в истории исследования захоронений скифской элиты Северного Причерноморья. Важность данного погребального памятника в качестве одного из эталонных археологических источников по различным аспектам истории Скифии еще более усиливается в случае верного определения хронологии кургана.

Для решения этой задачи мы использовали как традиционный для археологии путь, заключающийся в сравнительном анализе, прежде всего, поддающихся датировке предметов вещевого набора и особенностей погребального обряда захоронений, так и привлечения данных радиоуглеродного (^{14}C) изучения материалов из БРК.

VI.1. Археологическая датировка

Прежде, чем переходить к вопросу об определении абсолютной даты кургана на основе археологических реалий, следует подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство, имеющее к нему самое непосредственное отношение. Стратиграфические наблюдения, сделанные при изучении насыпи БРК в процессе его раскопок 1995-97 гг. (см. главу III.3.1), неоспоримо свидетельствуют: между осуществлением захоронения покойников в основной (ЦМ БРК) и впускной (БМ БРК) могилах прошёл крайне незначительный срок, примерно 3-4 года. Дело в том, что на первичной насыпи кургана к моменту сооружения досыпки (после похорон в БМ БРК знатной скифянки) не успел образоваться дерновый слой (*Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj 1996, s.257*).

Данные стратиграфии подтверждаются и рядом предметов, входивших в состав погребального инвентаря обеих могил. Они абсолютно идентичны или близки по внешнему виду: например, серебряные кубки и килики, бронзовые ситулы и чаши, чернолаковые канфары (об этом сходстве речь уже шла в главе IV, при рассмотрении вещевого комплекса БРК). Иными словами – обе могилы БРК можно считать *археологически синхронными*.

Как следует из обзора существующих в научной литературе точек зрения о дате БРК (а точнее – дате БМ БРК, которую традиционно проецируют на весь курган, хотя он и не был полностью исследованным; см. главу II.2), до последнего времени доминировало мнение, наиболее основательно отраженное в ряде работ А. Алексеева, о том, что время указанного погребального памятника следует определять в рамках около 330-300 гг. до н.э. Правда, в последние годы, вопроса о хронологии БРК неоднократно касался в ряде работ С. Полин, но об этом – далее.

По периодизации, предложенной А. Алексеевым, БРК может быть отнесён к хронологическому пласту или группе «Г» захоронений скифской аристократии (330-300

гг. до н.э.), в которую входит ряд погребальных памятников степной элиты: Александрополь, Краснокутский курган, Деев (впускная могила), Шульговка (впускное погребение), Лемешев (?), Денисова Могила, Верхний Рогачик (впускное), Жёлтокаменка (впускное), Бабина Могила, Каменская Близница (Алексеев 1992, с.156-157; 1996, с.45; 2003, с.242).

Анализ предметов погребального инвентаря обеих могил БРК показал, что эти вещи, как и большинство захоронений скифской элиты, в хронологическом отношении неоднородны. Это вполне объяснимо, поскольку ряд изделий, особенно престижных, а также – культовых, постепенно накапливался в руках той или иной богатой семьи и, по-видимому, передавался по наследству.

Все предметы, найденные в БРК, можно разделить на 4 хронологические группы, существенно различающиеся по численности.

1. Бесспорно, наиболее значительна по количеству группа вещей, имеющих хорошие аналогии в погребальных памятниках Скифии IV в. до н.э., точнее 2-ой половины – конца столетия. Эти предметы составляют ядро (по А. Алексееву) вещевого комплекса кургана.

2. Небольшим числом представлена группа находок, известных и в более раннее время, по крайней мере, с V н.э., но продолжающих встречаться и в более поздних комплексах. Это бронзовые котлы, этрусские ситуты, аттические чаши (ЦМ и БМ БРК), кратер (ЦМ БРК), зеркало, булавка-шпилька (БМ БРК), некоторые типы бронзовых наконечников стрел (колчаный набор охранника в ЦМ БРК).

3. Примерно в таком же количестве в погребениях представлены вещи, характерные как для конца IV, так и для начала или 1-ой четверти III вв. до н.э.: чернолаковые канфары и блюдо (ЦМ и БМ БРК), золотые круглые «шумящие» подвески – детали головного убора, железные принадлежности конской узды, амфоры типа Солоха-I (Книд) и мендейские (ЦМ БРК), золотые бляшки-аппликации в виде розеток и полые биконические бусы (БМ БРК).

4. Крайне малочисленная группа предметов находит аналогии в древностях III в. до н.э. Речь идет о бляшках-аппликациях в виде головы Медузы Горгоны с закрытым ртом, украшавших покрывало (1-я четверть III в. до н.э.) (ЦМ БРК), флаконе-лакримарии 1-ой половины III в. до н.э., перстне, щитком которого служит золотой пантикапейский статер, подобный тем, чеканка которых осуществлялась на Боспоре в 310-304 или 314-294 гг. до н.э. (БМ БРК), и, наконец – фрагменте красноглиняной амфоры с высоким «нависающим» венчиком 80-70-х гг. III до н.э., предположительно самосского производства (ров БРК).

Принимая во внимание поздние даты последней группы находок, а также учитывая встречаемость вещей третьей группы как в погребальных памятниках конца IV, так и в древностях начала III вв. до н.э., *представляется методически верным определить время совершения захоронений в БРК на основе археологических реалий в рамках 1-ой трети III в. до н.э.* На наш взгляд, наличие среди остатков погребальной тризны во рву кургана фрагментов упомянутой самосской амфоры еще более конкретизирует дату этих событий, ориентировочно определяя их **80-70-ми гг. III в. до н.э.** Следует сказать, что после публикации статьи, где были отражены представления о дате БРК на основании археологических материалов (Скорый 1998), а также результатов исследования БРК методом 14с (см. об этом далее), А. Алексеев стал склоняться к более поздней абсолютной дате памятника – в рамках конца IV – начала III вв. до н.э., точнее – в пределах 315-285 гг. (Алексеев 2001, с.71-72; 2006, с.50).

VI.2. Датировка радиоуглеродным методом (14с)

Для определения времени БРК методом радиоуглеродной хронологии (или 14с) были использованы образцы практически всех полученных во время раскопок органических материалов⁴⁷ (рис.204-207, 209-211). Результаты этих анализов в большинстве своем уже опубликованы (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, сопост. I-III; 1999, сопост. II*). Учитывая характер и познавательный потенциал датирующего материала, следует обратить внимание на факт, что определения возраста ВР для человеческих костей («вождя» и охранника), а также костей животных из ЦМ БРК колеблется в пределах «2250» (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, s.101-102*)⁴⁸. Похожие результаты были получены и для трёх проб, отобранных из костей знатной женщины, найденных в 1887 г. Г. Оссовским в БМ БРК и хранящихся в Археологическом музее в Кракове (табл.1).

Табл. 1. Обозначение возраста ВР для костей знатной скифянки из Боковой Могилы БРК

П/П	Тип пробы	№ лаб. индекса	Возраст 14 с	
			ВР	ВС
1	Бедренная кость, проба 1	Ki-6641	2245±30	1δ 372-354 296-240 238-208 2δ 384-342 326-200
2	Бедренная кость, проба 2	Ki-6642	2295±25	1δ 394-366 272-268 2δ 400-358 288-252 224-212
3	Бедренная кость, проба 3	Ki-6643	2250±30	1δ 376-354 294-242 234-208 2δ 386-342 324-202
4	Среднее значение датирования	Ki-6644	2261±25	1δ 384-358 288-250 224-212 2δ 388-350 312-206

Несколько более неоднозначны хронологические определения для костей животных, происходящих из рва кургана (остатки погребальной тризны). Самые древние из них относятся к 2280 ± 80 ВР, а самые поздние достигают значения 2040 ± 50 (табл.2) причём значительное число определений позже, чем дата «2250». Это может свиде-

⁴⁷ Выполнено 166 определений возраста для проб из различных материалов. Результаты 40 из них не были опубликованы. В основу параграфа 2 главы положена статья Я. Хохоровского (*Хохоровски 2004*).

⁴⁸ Только один результат, полученный для костей «охранника» (Ki-7271, 2180 ± 60 ВР), значительно моложе этого обозначения (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1999, рус. II: 3*). Не ясна, однако, стратиграфическая позиция кости, найденной в верхней части заполнения входной ямы ЦМ БРК (грабительский ход?), для которой была получена дата 2090 ± 70 ВР (Ki-7272).

тельствовать о том, что мы имеем дело с хронологически неоднородным материалом, а депозиты костей являются остатками не одного (непосредственно после похорон), а нескольких траурных пиршеств. Это, однако, полностью не объясняет сложившейся ситуации. Хотя время тризны, несомненно, было регламентировано символично-религиозными правилами, но это не мог быть слишком долгий период, например, продолжительнее времени существования одного поколения. Такой характер хронологических определений (диапазон дат для ВР), полученных для костей из рва, может свидетельствовать о том, что они были брошены туда приблизительно в годы 275-255 ВС, когда наблюдается внезапная инверсия и сокращение содержания радиоактивного углерода за короткий период времени.

Табл. 2. Обозначение возраста ВР для костей животных, найденных во рву БРК

П/П	Местонахождение пробы	№ лаб. индекса	Возраст 14 с	
			ВР	BC/AD
1	Ров, сектор 40, гл.12 см	Ki-8550	2150±50	1δ 351-317 BC 307-299 BC 231-219 BC 207-109 BC 103-95 BC 2δ 359-273 BC 259-241 BC 237 -49 BC
2	Ров, сектор 44, гл.31 см, № 37/к	Ki-8551	2195±50	1δ 357-275 BC 259-243 BC 235-199 BC 187-179 BC 2δ 387-147 BC 135-115 BC
3	Ров, сектор 31, гл.48 см, № 27/ к	Ki-8552	2245±60	1δ 385-351 BC 317-231 BC 219-207 BC 2δ 401-173 BC
4	Ров, сектор 41/42, гл.38 см	Ki-8553	2190±50	1δ 357-285 BC 281-277 BC 259-243 BC 235-197 BC 189-175 BC 2δ 385-141 BC 139-113 BC
5	Ров, сектор 32, гл.43 см, №31/к	Ki-8554	2040±50	1δ 111-99 BC 97 BC-5AD 9-23AD 2δ 171BC-65AD
6	Ров, сектор 40, гл.6 см, № 53/к	Ki-8555	2260±60	1δ 393-351 BC 315-309 BC 297-231 BC 219-207 BC 2δ 403-197 BC 191-175 BC

Продолжение табл. 2. Обозначение возраста ВР для костей животных, найденных во рву БРК				
7	Ров, сектор 43, гл.20 см, №59/к	Ki-8556	2205±60	1δ 361-271 BC 261-201 BC 185-179 BC 2δ 395-113 BC
8	Ров, сектор 43, гл.30 см, №81/к	Ki-8557	2180±50	1δ 357-287 BC 279-277 BC 259-245 BC 233-171 BC
9	Ров, сектор 43, гл.6 см, №53/к	Ki-9335	2210±60	1δ 363-271 BC 263-201 BC 2δ 395-145 BC 137-113 BC
10	Ров, сектор 40, гл.12, №55/к	Ki-9336	2280±80	1δ 403-345 BC 323-227 BC 223-203 BC 2δ 757-701 BC 541-527 BC 523-113 BC

Такое же значение определения – 2250 ± 60 ВР (Ki-6669) – было получено также для поверхности ископаемой почвы, покрытой насыпью БРК (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, сопост. V, поз. 1-4*).

Далеко идущее сходство радиоуглеродных определений для тех проб, которые отображают основные эпизоды формирования всего археологического комплекса, которым является БРК, создаёт достоверные основы для определения его хронологии. Проблема, однако, заключается в том, что попытка преобразования радиоуглеродной даты (ВР) в календарную или историческую дату с помощью процедуры калибровки, согласно принятым правилам, является причиной увеличения пределов неопределённости этой даты до 200 лет (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, с.107, рис.3*). Причиной неточности датировки являются приходящиеся на период 400-200 ВС инверсия и колебания содержания радиоактивного углерода в атмосфере, вследствие чего этот отрезок *Stuivera* имеет форму, приближающуюся к горизонтальной (*plateau*). Процедура калибровки даты 2250 ± 20 ВР, полученной для невралгических моментов образования всего комплекса, показывает, что существуют две возможности преобразования её в календарный возраст. Одна возможность указывает на отрезок времени в пределах между 395 и 340 ВС, что в свою очередь, следует однозначно исключить, принимая во внимание археологические показатели датировки (например, *Алексеев 1992, с.154-157; 2003, с.277; 2015, с.91; Скорый 1998, с.119-137*; см. также первый параграф данной главы). Итак, по всей вероятности, датировка этого комплекса приходится где-то на отрезок времени между 320 и 200 ВС, что является, однако, не совсем удовлетворительным диагнозом для потребности оценки исторических процессов в этот период.

В такой ситуации особенно обнадеживает иная возможность – использование для исследований обнаруженных в этом комплексе фрагментов стволов деревьев с полной секвенцией годовых колец. С помощью этого представляется возможным получение серии следующих один за другими во времени радиоуглеродных определений, остающихся в полной зависимости друг от друга. В наших исследованиях были применены методы, разработанные в Киевской радиоуглеродной лаборатории, главным образом,

метод названный исполнителями анализов Н. Ковалюхом и В. Скрипкиным «субкалиброванным» (графическим) методом датировки или лучше – методом «сравнения кривых». Его можно использовать при наличии фрагмента древесины с количеством колец не меньше двадцати. Этот фрагмент следует разделить на группы годовичных колец для того, чтобы после определения в каждом из них концентрации радиоуглерода наметить субкалиброванную кривую. Полученная кривая по своей форме сравнивается с соответствующими отрезками кривой Stuivera (в пределах полученного среднего возраста ВР), что в последствии позволяет определить абсолютный возраст пробы. Возраст cal. ВС устанавливается с помощью графического метода определения координаты точки пересечения выбранного отрезка кривой Stuivera и определения ВР для самой поздней секвенции колец исследуемого образца. Стандартная погрешность определяется также графическим методом, причём её величина зависит как от неточности начального возраста ВР, так и от угла наклона кривой Stuivera в рассматриваемом интервале. Поскольку на практике все более сложные отрезки калибрационной кривой имеют уникальную, очень специфическую форму, полученная дата характеризуется высоким уровнем вероятности (90 % и более). Метод субкалиброванной датировки позволяет тоже значительно уменьшить неточность определения возраста ВС, даже в несколько раз, для особенно сложных периодов колебания 14с.

Материалом, позволяющим провести такого рода анализы, послужили, прежде всего, находки равномерно срезанных пеньков (5 штук), найденных в углу погребальной камеры Центральной могилы БРК (рис.210-211). Они, возможно, выполняли функцию «табуреток», используемых скифами как с церемониальной целью (*Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski 1997, s.108*), так и утилитарной (например, во время приёма пищи). В любом случае в Центральной могиле БРК, они, несомненно, были существенным элементом оформления интерьера погребальной камеры.

Состояние одного из пеньков (№ 5) не позволяло точно определить следующие одна за другой группы в секвенции годовичных колец. Из оставшихся пеньков анализировались пеньки №№ 1, 2, 4 (рис.210-212). Пенёк № 3 остаётся в нетронутном состоянии с целью возможного проведения исследований в будущем.

Для проведения анализа каждого из пеньков была использована другая технология (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin, 1998, s.108*), но и принцип, и цель были одинаковы: получение секвенции следующих один за другим хронологических определений (ВР) для выделенных в регулярные интервалы групп пенька с определённым количеством колец, начиная внутренними (самыми старыми) и оканчивая внешними (самыми поздними). Полученные данные о концентрации углерода в отдельных группах пня, позволили составить график соответственно исследуемой пробе. Сравнение этих графиков с определённым (в пределах средней для пробы дат даты ВР) отрезком кривой Stuivera помогло назвать дату ВС, определяющую приблизительный момент среза дерева⁴⁹ (рис.212-213). В итоге для пенька № 1 была получена календарная (ВС) дата среза в интервале 270±12, для пенька № 2 – 360±20, а для пенька № 4 – 239±25 (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, c.108-109, сопост. VI-VIII, рис.5-9*).

Расхождения в полученных определениях заставляет задуматься и одновременно возлагает на археологов, проводящих исследовательские процедуры, обязанность представления интерпретации полученных дат. Если отсутствуют существенные причины, в том числе технические, которые ставят под сомнение вероятность полученного специалистами определения – а таковых нет в данном случае – то объяснить сложившееся

⁴⁹ Ни один из пеньков не имел следов коры и поэтому не известно, сохранились ли внешние (наиболее молодые) партии секвенции годовичных колец. Тем не менее, если даже это повлияло на удревнение даты для последнего крайнего отрезка пенька, то оно, скорее всего, было незначительным.

положение должен археолог. В подобной ситуации недостаточным будет утверждение, что в закрытом комплексе (а с таковым мы имеем дело) датирующим является самый поздний предмет. Следует ещё объяснить присутствие более ранних находок.

Характер метода радиоуглеродной датировки, которая помещается в статистически определенном интервале стандартной погрешности, является причиной того, что обе поздние даты (270 ± 12 и 239 ± 25) соприкасаются друг с другом в коротком отрезке лет 264-258 BC (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, рис.9*). Присутствие в комплексе пенька, датируемого годами 360 ± 20 BC, можно, вероятно, объяснить социально-идеологическими (символическими) причинами. Нельзя исключать, что такого рода пеньки имели символическое значение, благодаря которому они могли использоваться в течение долгого времени (даже несколькими поколениями). На похожей, низкой «табуретке», покрытой ковриком (?), сидит, например, знатный скиф, представленный в «сцене с престолом» (?), изображенной на известном кубке из Куль-Обы (*Reinach 1892, tabl.XXXIII*). Поэтому оправдано предположение, что пеньки, находящиеся в углу погребальной камеры центральной могилы БРК, входили в состав используемого при жизни «вождя» комплекта предметов («мебели»), происходящих из юрты кочевника (?) или другого жилого помещения. После его смерти вместе с другими личными предметами они вошли в состав погребального инвентаря. Некоторые из них могли передаваться по наследству из поколения в поколение, придавая, таким образом, «архаический» характер всему комплексу⁵⁰.

Поскольку полученные для пеньков хронологические определения неоднозначны, были предприняты попытки датировать самый значительный (из сохранившихся в Центральной могиле) фрагмент дерева. Речь идет о дубовом столбе-колонне длиной 108 и диаметром 22 см, поддерживающей изначально глиняный свод над входом в могилу. Решение об его использовании, очевидно, было принято спонтанно, в момент появления трещин в лёссовом своде подготовленной к захоронению погребальной камеры. Можно предполагать, что в данном случае дубовый столб-колонна готовился наспех из срезанного дерева с соответствующими габаритами, крепостью и пр. Существуют предпосылки, чтобы выдвинуть тезис о том, что датировка этого столба может точно определить момент сооружения Центральной могилы и захоронения в ней умершего «вождя».

Уже при первом пробном анализе, произведенном для внешней трехмиллиметровой партии столба, был получен довольно неожиданный и озадачивающий результат: 2070 ± 60 BP (Ki) (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1999, сопост. II, поз. II*). Позднюю дату этой находки подтвердил результат (205 ± 30 BC), полученный после проведения всей стандартной процедуры датирования методом субкаллибрации или «сравнения кривых» (*Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1999, с.293-295, сопост. I, рис.1*).

Результаты датировки столба-колонны, заставили задуматься над характером самой пробы датированного материала. Этот столб сразу же после обнаружения был изъят из ямы, в которой находился первоначально, и из-за отсутствия других технических возможностей (например, замораживания или хотя бы хранения в условиях предотвращения развития биологических микроорганизмов), был плотно упакован в герметическую пленку (рис. 214). Это должно было предохранить его от внезапного высыхания, что угрожало распадом древесины на мелкие кусочки. Подчеркнем, что столб был сильно прогнившим, и высокая степень биологической деструкции являлась причиной того, что пористая распадающаяся структура древесины требовала механической защиты⁵¹. Однако способ

⁵⁰ Впрочем, нельзя исключать, что присутствие столь старого пенька в могиле случайно, например, вследствие вторичного использования «старой» древесины (балки и пр.).

⁵¹ Из-за сильной степени загнивания и расслоения древесины было невозможно (также как и в случае с пеньками) подвергнуть столб дендрохронологическому анализу, целью которого было хотя бы получение так называемой «плавающей кривой», позволяющей сравнить его с каким-нибудь из

защиты столба непроницаемой пленкой в еще *большей степени* привел в движение биологические процессы деструкции и развития микроорганизмов, потенциально оказывающих влияние на состояние концентрации радиоуглерода в структуре древесины.

Учитывая эти обстоятельства, в Киевской радиоуглеродной лаборатории была сделана ещё одна попытка «субкалиброванной» датировки столба-колонны, но уже с применением *специальных* процедур, устраняющих возможность погрешности результатов, вызванную «вторичными» факторами. На этот раз после специальной водной ванны вырезанный спил столба был заморожен, что позволило точно выделить в структуре древесины 5 сегментов по 8-10 колец каждый. В дальнейшем каждая из проб была подвергнута специальной химической обработке с целью удаления вторично накопленных органических веществ. Речь, прежде всего, шла о гумусовой кислоте и – особенно о биологически активных микроорганизмах, развитие которых могло способствовать «омоложению» пробы. После такой химической обработки были получены пробы практически чистой целлюлозы, являющейся наиболее достоверным материалом для радиоуглеродной датировки.

Для каждой из выделенных секвенций прироста дерева группы колец, проводились по 2, а для внешней кроновой группы – по 3 анализа, результаты которых были усреднены (табл.3). Полученные определения ВР позволили сделать диаграмму, представляющую изменения концентрации радиоуглерода в исследуемой пробе, а в дальнейшем с помощью графического метода они были подобраны для соответствующих отрезков кривой *Stuivera*⁵² (рис.215). В результате была получена для крайней внешней группы исследуемого столба дата 255 ± 13 ВС, что определяет момент среза дерева в пределах времени 268-242 ВС. Этот результат совпадает со сферой накладывания определений для пеньков №№ 1 и 4, приходящейся на годы 264-258 ВС. Представляется, что определение даты захоронения «вождя» в Центральной могиле БРК **«приблизительно**

Табл. 3. Обозначение возраста ВР для колец годичного прироста столба-колонны, подрезывавшего свод над входом в погребальную камеру Центральной могилы БРК (повторный анализ)

П/П	Местонахождение пробы	№ лаб. индекса	ВР	Возраст 14 с	
				ВР-среднее	ВС
1	Кольца 1-8 (внутренняя часть пенька), проба 1	Ки-8788	2225±50	2210±35	1δ 377-349
					321-26
2	Кольца 1-8, проба 2	Ки-8789	2195±50	2210±35	263-229
					221-205
					2δ 393-197
					191-173
					1δ 357-275
					259-243
					235-199
					187-179
					2δ 387-147
					135-115

существующих дендрохронологических стандартов. За содержательную консультацию по этому поводу – благодарность профессору Марку Кромпцу из Горнометаллургической академии в Кракове.

⁵² Выбор отрезка кривой *Stuivera* облегчает средняя дата ВР для всей пробы, а точного подбора – конфигурация графика, составленного для исследуемой секвенции следующей одна за другой партии колец.

Продолжение табл. 3. Обозначение возраста ВР для колец годичного прироста столба-колонны, под- древявшего свод над входом в погребальную камеру Центральной могилы БРК (повторный ана- лиз)					
3	Кольца 9-16, проба 1	Ki-8790	2230±50	2220±35	1δ 377-351 319-267 263-229 221-205 2δ 393-197 189-175
4	Кольца 9-16, проба 2	Ki-8791	2205±50		1δ 359-273 259-241 237-201 2δ 391-161 131-119
5	Кольца 17-24, про- ба 1	Ki-8792	2040±50	2270±35	1δ 387-353 315-309 295-231 219-207 2δ 397-201
6	Кольца 17-24, про- ба 2	Ki-8793	2290±50		1δ 401-355 287-257 245-233 215-211 2δ 407-341 337-335 325-203
7	Кольца 25-32, про- ба 1	Ki-8794	2260±50	2265±35	1δ 393-353 295-255 251-231 219-209 2δ 399-331 327-203
8	Кольца 25-32, про- ба 2	Ki-8795	2275±50		1δ 397-355 291-257 249-233 217-209 2δ 403-341 325-203
9	Внешняя часть пенька, проба 1	Ki-8796	2235±35		1δ 377-371 363-345 323-269 263-227 223-203 2δ 391-171

260 cal. BC» является вполне допустимым. Как уже отмечалось ранее, стратиграфические данные свидетельствуют, что с точки зрения абсолютной хронологии боковое захоронение знатной женщины следует считать почти одновременным с центральным.

Следует отметить, что публикация первых результатов углеродного датирования БРК была с интересом встречена исследователями. В частности, как уже отмечалось, после ознакомления с ними, например, А. Алексеев, считающий ранее необходимым датировать БРК в рамках 330-300 гг. до н.э., стал допускать омоложение хронологии этого комплекса, хотя и ограничивает его в пределах конца IV – начала III вв. до н.э. (315-285 гг. до н.э.) (Алексеев 2001, с.71). Следует, однако, обратить внимание, что вопреки его мнению, кроме пенька № 2, достоверно датированного в интервалом 360 ± 20 ВС, датирование пеньков №№ 1, 4 и столба-колонны в рамках как IV-III вв. до н.э. *невозможно*. Дату «IV в. до н.э.» полностью исключает конфигурация, полученная для кривых, представляющих изменение концентрации радиоактивного углерода в кольцах проб в сопоставлении с кривой Stuivera. Следует также заметить, что с точки зрения метода «субкалиброванного датирования» (сопоставления кривых) *не допускается* оперирование определениями, полученными в ходе усреднения всех определений ВР для отдельных групп, выделенных из полной секвенции колец годичного прироста древесины. *Датирующим* для пробы является **исключительно** обозначение, полученное для *крайней, самой поздней группы колец, определяющее момент среза дерева*. Любые статистические процедуры усреднения определений являются причиной **искусственного удревнения даты** и считаются злоупотреблением этим методом. Средняя величина полученных дат ВС служит лишь для обозначения общего названия места, в котором на стандарте Stuivera следует искать наиболее близкий по форме отрезок кривой. *Конечную же дату* – что нужно особенно подчеркнуть – определяет **только** координата точки пересечения определения ВР для крайнего (самого позднего) отрезка исследуемой пробы с кривой Stuivera (Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin 1998, с.101).

VI.3. Подведение итогов

Итак, и данные традиционного археологического метода датирования, и радиоуглеродного метода свидетельствуют в пользу того, что погребальный комплекс БРК следует датировать *в рамках первой половины III вв. до н.э.* Как мы видим, расхождение между крайними датами – *верхней археологической* датировки «80-70-е гг. III в. до н.э.» и **радиоуглеродной** датировкой «приблизительно 260 г. до н.э.» – крайне не велики и реально могут укладываться примерно в 20 лет. По-видимому, именно в этом временном интервале и были осуществлены захоронения в Большом Рыжановском кургане – **между 280-260 гг. до н.э.**

В пользу датировки БРК III в. до н.э. свидетельствуют и косвенные немаловажные обстоятельства. Напомним, что почти все импортные вещи, обнаруженные в обеих могилах БРК, имеют следы потёртостей и ремонта. Это в полной мере касается и чернолаковой посуды – канфаров и блюда. Время подобных сосудов нередко определяют по аналогиям с Афинской Агоры 350-325 гг. до н.э. Однако уже не раз писалось о том, что греческие импортные вещи (в том числе и чернолаковая посуда) весьма высоко ценились в варварской среде. Следовательно, они могли попасть в скифские могилы после достаточно длительного пользования ими (см., например, Брашинский 1965, с.91; Алексеев 1987, с.32; Лейпунська 1989, с.114; Фиалко 2004, с.90). Похоже, прямое подтверждение сказанному – канфар из БМ БРК, потёртый, разбитый, а затем собранный из отдельных частей, скреплённых между собой с помощью просверленных отверстий и, вероятно, тонкой бечевы.

Есть ещё одно обстоятельство, хотя и косвенно, но, похоже, свидетельствующее, об относительно поздней дате ЦМ БРК, а соответственно, и всего кургана. У женского головного убора (украшенного золотыми аппликациями), лежащего у ног основного

мужчины-покойника в ЦМ БРК, в момент обнаружения отсутствовал ряд украшений на передней, фасадной части – так называемых круглых шумящих подвесок (*Chochorowski, Skoryj 1999, Fot.5A, Fot.6*). Данный парадный убор – калаф эллинского изготовления, несомненно, был ценным атрибутом наряда знатной скифской женщины, и в случае поломки или утраты каких-либо украшений его, они должны были бы, конечно, восстановлены. Однако этого не случилось, как мы полагаем, именно в силу того, что приобрести подобные украшения было, увы, невозможно, поскольку они имеют более ранний характер и, скорее всего, уже не производились.

Таким образом, БРК не может быть поставлен в один хронологический ряд с большинством наиболее поздних курганов скифской аристократии, дата которых, по А. Алексееву, обозначена в рамках 330-300 гг. до н.э. (группа «Г»). Из известных ныне элитных скифских захоронений ему хронологически близки лишь курганы Каменская Близница и Хомина Могила, но они, по-видимому, всё же несколько старше БРК.

В заключение мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что из современных скифологов, пожалуй, лишь С. Полин *активно* не принимает предложенные хронологические позиции Большого Рыжановского кургана в рамках III в. до н.э. На основании рассмотрения предметов погребального инвентаря, исследователь предлагает для него *значительно* более раннюю календарную дату – 3-я четверть IV в. до н.э. или 350-325 гг. до н.э. (*Мозолевский, Полин 2005, с.375-380; Полин 2009, с.226; Бидзиля, Полин, 2012, с.569-578; Полин 2009; 2014, с.503*). Мы а priori не видим смысла вступать в дискуссию с нашим оппонентом, ибо на положительный её исход для нашей стороны надеяться не стоит. И дело здесь даже не в наших расхождениях по датировке артефактов, составляющих вещевой комплекс обеих гробниц БРК. Скорее, вопрос заключается в различном понимании финального этапа существования классической Скифии.

Стоит добавить следующее. Коллега С. Полин, конечно, не прав, убеждая себя и читателей в том, что «...*анализ археологических материалов... проведён совершенно тенденциозно* (выделено нами – С.С., Я.Х.)... *для подтверждения радиоуглеродной датировки*» (*Мозолевский, Полин 2005, с.376*). Абсурдность занятий подобного рода очевидна, и один из авторов настоящей работы (С. Скорый), рассматривая вопрос об определении времени БРК на основе археологических реалий, разумеется, перед собой такой задачи не ставил. Использование (помимо традиционного археологического) радиоуглеродного метода для определения календарной даты БРК объясняется лишь одним: исторической значимостью целиком сохранившегося скифского элитного кургана и соответственно – стремлением максимально объективного определения даты этого эталонного погребального памятника. Данная задача решалась параллельно с археологическим датированием и независимо от него. Думается, отрицание известным исследователем возможностей радиоуглеродного метода для определения календарных дат археологических памятников скифского периода не является подходом позитивным и продуктивным: этот метод находит все большее применение в трудах коллег различных научных школ, исследующих евразийские древности раннего железного века. Заметим, что весьма радикальные позиции С. Полина, касающиеся возможностей абсолютного датирования памятников археологии радиоуглеродным методом, вызвали недавно обстоятельную критику со стороны А. Алексеева, посвятившему этому вопросу несколько работ (*Алексеев 2014; 2015*).

Видимо, лишь будущее рассудит, кто был прав в оценке хронологических позиций Большого Рыжановского кургана⁵³. Но и сейчас, даже невооружённым глазом видно,

⁵³ Сложная ситуация, сложившаяся с датированием Большого Рыжановского кургана хорошо продемонстрирована в статье Д. Топала (*Топал 2014, с.146-148*).

что в нём присутствует ряд черт, чуждых курганам скифской элиты 2-ой половины IV н.э. Это касается архитектуры ЦМ БРК, некоторых деталей погребального обряда, отдельных вещей инвентаря в обеих гробницах и сохранности большинства артефактов, свидетельствующих о продолжительности их бытования в скифской среде.

ГЛАВА VII.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДЕФИНИЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦ, ПОГРЕБЁННЫХ В КУРГАНЕ

VII.1. Этническая принадлежность

Одним из важнейших индикаторов этнической принадлежности умершего является обряд погребения, с соблюдением которого он похоронен. Сказанное особенно касается древних обществ, для которых характерны традиционность и консерватизм погребального ритуала (*Генинг, Борзунов 1975, с.42*).

Положение о роли погребального обряда для этнических диффиниций, к слову сказать, применительно к скифской эпохе, предельно чётко сформулировал еще в 40-х гг. XX в. М. Артамонов: «Отличие в устройстве могил и обряде погребения безусловно должны рассматриваться как наиболее важные этнографические признаки, поскольку погребальный обряд, как известно, является наиболее стойкой, наиболее консервативной, а потому – наиболее надёжной этнической особенностью» (*Артамонов 1949, с.133*).

Анализ всей совокупности деталей погребального ритуала, зафиксированного в обеих могилах Большого Рыжановского кургана – основной, Центральной (ЦМ БРК) и впускной, Боковой (БМ БРК), а также устройства курганной насыпи, организации подкурганного пространства (глава V) убедительно свидетельствует, что большинство из них находит хорошие аналогии в кругу скифских погребальных древностей Степного Северного Причерноморья. Это касается, прежде всего, таких *генеральных* черт, как тип погребального сооружения, положение и ориентировка основных покойников и слуги-охранника из ЦМ БРК, состав вещей и их расположение в могиле относительно усопших и ряда других деталей и микродеталей, характерных для захоронений скифов.

К слову сказать, уже сам по себе факт появления могил в виде катакомб (типичных погребальных сооружений степных скифов) в лесостепной зоне Северного Причерноморья в скифскую эпоху вполне однозначно трактуется как проникновение туда и проживания там скифов (*Петренко 1961, с.64-65, 82. 96-97; 1967, с.53; 1989, с.69; Иллінська, Тереножкін 1971, с.89; Ильинская, Тереножкин 1983, с.253-254; 1986, с.101; Ильинская 1975, с.7; Хазанов 1975, с.240; Бокий 1980, с.126; Skoryj 1993/1994*).

Анатомо-антропологическое изучение костных останков основного покойника и охранника из ЦМ БРК, сравнение их с представительными антропологическими выборками из скифских могил северопричерноморской Степи (а ныне исследовано более 700 скелетов), также, как и обряд захоронения, достаточно убедительно свидетельствует в пользу степного характера упомянутых лиц.

Между тем, нужно подчеркнуть, что население Северопричерноморской Степи в скифскую эпоху отнюдь не было однородным и в сложении скифского этноса принимали участие многие племена различные по своему происхождению (*Круц 2017, с.83*).

Костные останки юной женщины, погребённой в БМ БРК, к сожалению, сохранились до настоящего времени в крайне малом количестве (Археологический музей в Кракове), что не позволило произвести их сравнительный анатомо-антропологический анализ. В ходе доисследования БМ БРК в 1995 г. нам удалось обнаружить лишь несколько фрагментированных костей знатной скифянки, также непригодных для упомянутого анализа. Однако, все, что мы знаем об обряде погребения, с соблюдением которого похоронена эта молодая особа, также не вызывает сомнений в принадлежности её к скифскому этносу. Напомним, что подобного мнения придерживалось и большинство исследователей (начиная от Г. Оссовского), в той или иной степени соприкасавшихся с материалами БМ БРК (глава II, 2). Точка зрения В. Петренко и Л. Клочко о том, что это – представительница местного лесостепного населения (*Петренко 1967, с.20; 1989, с.70; Клочко 1992, с.11-12, 20; 1998, с.146*) в свете анализа погребальной обрядности захоронения представляется ошибочной.

Ответить на вопрос, являлась ли скифянкой девочка-служанка, похороненная вместе с хозяйкой в БМ БРК (напомним, что её отдельные кости были найдены в дромосе катакомбы при её доисследовании в 1995 г.) однозначно не просто. Наряду с многочисленными вещами, которые составляли погребальный инвентарь служанки, имевшими вполне скифский облик, несомненно, заслуживает внимания бронзовая булавка-шпилька – типичное украшение местного населения Лесостепи скифской поры (см. главу II, 2). Её вполне можно рассматривать как этнографический признак (*Клочко 1998, с.146*). А если это так, то в качестве очень осторожного предположения можно допустить, что эта девочка, служанка знатной скифянки, в отличие от охранника из ЦМ БРК, не принадлежала к собственно скифскому этносу, являясь представительницей автохтонного лесостепного населения.

К слову сказать, в женских захоронениях скифского времени Лесостепи известны случаи присутствия зависимых лиц, по-видимому, иноэтничной (по сравнению с основными погребёнными) принадлежности. Так, например, в центральной могиле кургана № 20 у Холодного Яра близ Смелы вооруженную женщину из среды «скифов-пахарей» сопровождала служанка, являвшаяся, судя по характерным серьгам-подвескам, представительницей иного населения так называемой подгорцевско-милоградской культуры (*Ильинская, Тереножкин 1983, с.255*).

Итак, признавая, что знатные особы, похороненные в БРК – мужчина (ЦМ) и молодая женщина (БМ), а также охранник вельможи (ЦМ БРК) были скифами, отметим несколько, на наш взгляд, заслуживающих внимания моментов, как бы дополняющих характеристику лиц, погребённых в кургане.

1. Упомянутые представители скифского общества не были «вчерашними» пришельцами на лесостепную территорию: они прожили здесь определённое время, тесно общаясь с автохтонным лесостепным населением, что нашло выражение в частности в конструктивных особенностях Центральной могилы и некоторых деталях обряда. Учитывая весьма юный возраст скифской дамы, погребённой в БМ БРК, мы вправе предположить, что она вполне могла быть рожденной здесь в Лесостепи, а не на «исторической» родине.

2. Знатные скиф и скифянка относились, очевидно, к достаточно эллинизированной прослойке скифской элиты, которая активно контактировала с греками, особенно проживавшими на Боспоре. Подтверждение тому – ряд предметов погребального инвентаря в обоих захоронениях, например, ритуальные серебряные кубки, но особенно

– перстни с пантикапейскими золотыми статерами. В их кругу и такая выразительная особенность интерьера в ЦМ БРК, как специальная ширма или занавеска, отделявшая местоположение знатного покойника от остального пространства погребальной камеры, что в определенной степени перекликается с балдахинами в захоронениях сильно эллинизированной варварской знати на Боспоре. Можно допустить, что «рыжановские» скифы принадлежали к той категории скифской знати, которая в определённой степени знала язык эллинов.

3. Скифы, погребённые в БРК (или их ближайшее окружение), судя по некоторым деталям обряда, в частности – положению ног у знатной скифянки, ног и руки – у охранника, могли иметь некоторые контакты с восточными племенами сарматов, что вполне реально, учитывая весьма поздние хронологические позиции кургана. Похоже, также, что они неплохо были знакомы с западным миром гетов. Во всяком случае, именно в задунайских землях, в гетских могилах известны пока лишь хоть и отдаленные, но аналогии так называемой печи из ЦМ БРК.

VII.2. Социальное положение

Пытаясь решить вопрос о социальной принадлежности представителей знати, похороненных в больших скифских курганах, исследователи обычно используют следующие основные оценочные критерии: 1) размер насыпи кургана (прежде всего высота), величина и сложность погребальных сооружений (их трудоёмкость), 2) богатство инвентаря, 3) количество и состав человеческих жертвоприношений, 4) конские сопровождающие захоронения; роскошь убранства коней (Мозолевский 1979, с.152, табл.4, с.157; Курочкин 1980, с.106; Ильинская, Тереножкин 1983, с.121). Некоторыми исследователями для скифского периода предлагается иногда лишь один, достаточно универсальный, по их мнению, оценочный признак социального статуса лица, погребённого в кургане, например, объём насыпи кургана (Болтри, 2004, с.86).

Используя указанные диагностические признаки, Б. Мозолевский подразделил сохранившиеся наиболее крупные курганы Скифии (высотой от 3,0 м и более) на 4 основные группы: I-я (высотой 3,0-4,5 м), II-я (5,7-7,5 м), III-я (8,0-11 м), IV-я (14-21 м). По мнению названного исследователя, данное деление, скорее всего, лишь в общих чертах соответствует основным общественным группам Скифии, о которых нам сообщают античные письменные источники. Иными словами, самые крупные курганы (IV-ой группы) следует соотносить с местами захоронения верховных царей Скифии, в курганах III-ей группы погребены правители составных частей скифского политического объединения, а возможно и члены царских семей, в курганах II-ой группы хоронили номархов или (по Геродоту) начальников отдельных округов (номов) Скифии (Herod., IV,2), курганы же I-ой группы содержат захоронения старейшин родов и зажиточных скифов (Мозолевский 1979, с.156-157).

В свете этих данных Большой Рыжановский курган, имевший к началу его исследований в 80-х гг. XIX в. высоту 7,56 м при диаметре 36 м, вполне может быть отнесен ко II-ой группе курганов скифской знати (о чём речь уже шла в главе V), а его *центральную могилу* соответственно может трактовать как *усыпальницу номарха*.

В данную II-ю группу включены следующие степные курганы: Каменная Могила (5,7 м), Чмырева Могила (5,7 м), Мордвиновский II-ой курган (6,5 м), Мордвиновский I-ый курган (7,0 м), Башмачка (7,0 м), Страшная Могила (7,0 м), Малая Лепетиха (7,5 м). Ныне этот перечень можно дополнить Соболевой (6м) и Водяной (6,5 м) Могилами (Мозолевский, Полин 2005, с.71, 143).

Мнение о соотношении подобных курганов с местами захоронения скифских номархов поддержал В. Генинг, конкретизировавший некоторые отличительные черты подобных захоронений. Такие могилы сопровождаются: 1) захоронением лишь одного слуги, 2) погребением коня, 3) обильной тризной, 4) богатым и разнообразным инвентарем, в том числе достаточно многочисленными изделиями из серебра и золота (Генинг 1984, с.144, 147). Центральная могила БРК в полной мере соответствует всем этим признакам. Более того, счастливо избежав ограбления, как в древности, так и в более позднее время, она может являться *эталлонным захоронением* для данного круга погребальных памятников. На наш взгляд, для таких погребений, помимо признаков, подмеченных В. Генингом, характерны не просто серебряные и золотые изделия, а в их числе *непременное наличие* – золотой гривны, меча и ритона, украшенных золотом и серебром, несомненно, являвшихся социально-престижными вещами, отражавшими высокий статус их владельца, а также – серебряных церемониальных сосудов.

По мнению Е. Фиалко, ссылающейся на сообщение Геродота об использовании скифскими номархами кратеров на ежегодных праздниках для угощения скифов, убивших врага, вином (Herod., IV, 66), с захоронениями номархов могут быть соотнесены, прежде всего, те погребения скифской элиты, где встречены подобные сосуды (Фиалко 1997, с.15-15; 1999, с.139; Фиалко 2001, с.86-87; Фиалко 2004, с.157). В Степной Скифии достоверно пока известно лишь 2 таких погребения: в Бердянском кургане (Болтрик, Фиалко, Чередниченко 1994, с.140-156) и кургане Ташенак (Болтрик, Фиалко 1991, с.7-9).

Возможно, это мнение справедливо, хотя несколько смущает весьма малое число погребений с кратерами, а следовательно – захоронений номархов. Вместе с тем, стоит напомнить, что в составе погребального инвентаря ЦМ БРК присутствует бронзовый кратер. Таким образом, и с учетом данного критерия захоронение знатного скифа в ЦМ БРК следует трактовать как усыпальницу скифского номарха.

Есть мнение, что определёнными критериями захоронений номархов в небольших курганных могильниках могли быть и бронзовые котлы (Кузнецова 2009, с.85-89). Напомним, что в ЦМ БРК располагались сразу 2 таких сосуда.

На наш взгляд, гораздо более чётким критерием захоронений номархов являются однолезвийные мечи, с рукоятками, обложенными золотом, и ножами, более скромными по сравнению с двулезвийными парадными мечами, имеющими, как правило, роскошные ножны, покрытые золотом (Скорый 2010, с.399-403; Skory, Chochorowski 2010, p.267-281).

Пожалуй, стоит упомянуть попытку трактовки знатного мужчины, погребённого в ЦМ БРК, в качестве некоего «колпаконосца» («пилофора», по Лукиану) (Лукиан, Скиф или гость, 1), предложенную Ю. Болтриком, полагающего, что материалы из ЦМ БРК являются «своеобразной точкой отсчёта в социальной пирамиде Скифии» (Болтрик 2004, с.87). Данная версия основана на ошибочной интерпретации женского парадного головного убора, лежащего в ногах знатного скифа в качестве мужского «остроконечного колпака» (кстати, подобный корзинообразный калаф находит хорошие аналогии в ряде женских захоронений Скифии) и покрывала, декорированного по краю двумя рядами золотых бляшек, в качестве мужского пояса (критика этой версии была приведена в главе IV, 1).

Как полагают некоторые исследователи, *номы или округа* в скифскую эпоху соответствовали крупным административно-политическим единицам⁵⁴, а номархи со-

⁵⁴Термины «ном», «номарх» встречается у ряда античных авторов и трактуется по-разному. Неоднократно упоминает его и Геродот, в изложении которого ном – некий округ, а номарх – его начальник. По поводу трактовки этого термина существует многообразие мнений (Доватур, Каллистов, Шишова 1982, с.300).

ответственно были администраторами – начальниками данных территориальных подразделений (например, *Дьяконов 1956, с.342*). Другие авторы, прежде всего В. Ильинская и А. Тереножкин, видят в номархах вождей значительных племенных подразделений или племен, глав больших скифских воинских соединений (*Ильинська, Тереножкин 1971, с.45; Ильинская, Тереножкин 1983, с.121*). Это мнение, в общем-то, перекликается с положением М. Ростовцева об особой военноорганизованной аристократии скифского общества, к которой принадлежали номархи (*Ростовцев 1989, с.203-204*).

Нам более импонирует вторая точка зрения. Номарх, погребённый в ЦМ БРК, в сопровождении слуги-охранника, безусловно, был прежде всего воином, о чём свидетельствует обилие помещённого вместе с ним разнообразного вооружения. Он, вероятно, являлся хорошим конником, уделявшим чрезвычайно много внимания стрельбе из лука (это подтверждается некоторыми патологическими изменениями в строении скелета). Да, и умер он не своей смертью, а погиб в результате обширной лицевой травмы, полученной, очевидно, в одной из воинских акций.

Как уже отмечалось ранее (глава V), по составу инвентаря Центральной могиле БРК наиболее близки 3 могилы, содержащие останки знатных скифских воинов – Южная гробница Соболевой Могилы (высота 6,0 м) в Нижнем Поднепровье, погребение № 1 кургана № 9 у с. Пески (высота 2,5 м) в Нижнем Побужье и погребение № 1 кургана № 487 у с. Капитановка (5,7 м) в бассейне р. Тясмин, в южной части украинской Правобережной Лесостепи. Несмотря на упомянутое сходство, пожалуй, лишь капитановское погребение можно совершенно опеределенно сопоставить в социальном плане с могилами номархов (хотя по количеству предметов погребального инвентаря оно выглядит скромнее рыжановского погребения). Возможно, к этой же социальной группе следует относить и захоронение скифского вельможи из Соболевой Могилы, которое, однако, не сопровождалось погребением зависимого лица. Что же касается могилы в кургане № 9 у с. Пески, то при безусловном сходстве предметов его вещевого инвентаря с инвентарем упомянутых захоронений, в нём не было ни слуги, ни конского захоронения, т.е. отсутствовали признаки, характерные для могил номархов. Да, и размеры насыпи кургана № 9 у с. Пески также не соответствуют насыпям курганов II-ой группы.

Как следует из обзора мнений о социальной роли молодой женщины, погребённой в БМ БРК (глава II,2), большая часть исследователей высказалась на этот счет не слишком определенно, видя в ней представительницу «высшего сословия», «высшей скифской знати», «аристократии».

В том, что данная особа являлась представительницей скифской элиты нет никаких сомнений: это подтверждается разнообразным и богатым инвентарём, в том числе многочисленными изделиями из серебра и золота. О высоком социальном ранге покойницы свидетельствуют и сопровождение её очевидно насильственно умерщвленным зависимым лицом – служанкой, а также значительным объёмом досыпки насыпи кургана после совершения в нём её похорон.

Как уже отмечалось ранее, по отдельным деталям обряда, украшению костюма, гарнитуру личных украшений БМ БРК может быть сопоставлена с несколькими захоронениями знатных скифских женщин, к счастью, сохранившихся неограбленными – в Деевом кургане, Мордвиновском I-ом, а также – Толстой Могиле и Чертомлыке (камера № 4). Однако, в последних двух могилах набор и вес золотых изделий, помещённых вместе с покойницами, был более значительным, чем в БМ БРК. Похороненные в этих могилах скифянки имели в частности массивные золотые шейные гривны (отсутствующие у женщин в БРК, Деевом, Мордвиновском I-ом кургане), подчеркивающие их исключительно высокое общественное положение. Общий же вес золотых изделий, например, в женской гробнице Толстой Могилы (1000,83 г) в 2,5 раза превышает вес

золотых предметов из БМ БРК (более 400 г). Иными словами, молодая скифянка, погребённая в БМ БРК, при жизни стояла на более низкой ступеньке социальной иерархии, чем женщины, похороненные в гробницах Чертомлыка и Толстой Могилы.

Несколько исследователей высказывалось достаточно конкретно по поводу социальной роли знатной скифянки из БРК. По их мнению, её, прежде всего, определяют украшения парадного головного убора – калафа в виде танцующих менад, а также набор перстней (3 экз.), щитками которых служат золотые пантикапейские статеры с изображением на аверсе Пана (Сатира), отражающие дионисийскую символику. Данные образцы говорят в пользу того, что погребённая в БМ БРК женщина была *жрицей экстатического культа плодородия* (Рябова 1979, с.51; Клочко 1982, с.49, 51; 1992, с.7; Клочко, Гребенников 1982, с.93; Бессонова 1983, с.74-76; 1993, с.56).

Развивая этот тезис, С. Бессонова подчеркивала, что скифские «дионисии», конечно, отличались от эллинского культа. В варварской кочевой среде они, скорее всего, пережили некую трансформацию и, по-видимому, представляли собой скотоводческие обряды или ритуалы, связанные с погребальным культом «в контексте мистических верований о возрождении к новой жизни после смерти» (Бессонова 1993, с.6).

Данное определение социальной роли скифянки из БРК представляется вполне убедительным.

В равной степени нам импонирует мнение Л. Клочко о том, что жреческие функции, которые выполняла скифянка из БРК, могли быть связаны с *родовыми традициями* (1998, с.148). Повреждения на пластинах-аппликациях головного убора-калафа, в том числе на пластине с танцующими менадами, следы потёртостей и ремонта двух перстней с пантикапейскими статерами, говорящие о долговременности бытования этих вещей, похоже, могут свидетельствовать о получении их по наследству.

К сожалению, практически все скифские женские захоронения, где найдены пластины от головных уборов с танцующими менадами (напомним, это Деев курган; Гайманова Могила, гробница № 4; Денисова Могила; курган № 6, погребение № 1 у с. Водославка; курган № 8, погребение № 1 Песочинского могильника), за исключением находок в первой и последней из упомянутых могил, оказались ограбленными, что не позволяет их детально сравнивать с БМ БРК. Что же касается захоронений жриц (?) в Деевом кургане и кургане № 8 Песочинского могильника, то они по инвентарю выглядят скромнее, чем БМ БРК, особенно песочинское захоронение.

В скифоведении прочно утвердился тезис о том, что большая часть скифских курганов представляла собой усыпальницы одной семьи (Ильинская 1966, с.167; Артамонов 1966, с.63; Хазанов 1975, с. 59, 78). Материалы курганов скифской знати вполне подтверждают этот вывод: в них, как правило, содержится одно (чаще всего – основное) мужское захоронение, одно или два женских, иногда присутствуют и детские могилы (Мозолевский 1979, с.155).

В случае с БРК ситуация на первый взгляд, будто бы, проста: одному мужскому захоронению соответствует одна женская могила. Однако, учитывая существенную разницу в возрасте погребённых (скифский вельможа 45-50 лет, женщина – юного возраста) они могли быть связаны следующими семейными отношениями: быть отцом и дочерью (т.е. кровными родственниками) или мужем и женой. Сразу подчеркнем, что юная особа в силу своего возраста вряд ли могла быть родной сестрой номарха: слишком большой, не менее 25-30 лет, между ними была разница в возрасте. Что же касается мнения, высказанного еще в 1887 г. Г. Оссовским, о том, что молодая скифянка могла быть одной из наложниц скифского владыки (правда, он не исключал мысли, что в равной степени она могла являться и его дочерью) (Ossowski 1888a, s.41), т.е. не состоять с ним в родственных связях, то это предположение не подкрепляется ни роскошью по-

гребального инвентаря, помещённого с ней в могилу, ни её вероятным статусом жрицы.

Итак, дочь или жена? Вспомним, что вместе с вельможей в составе сопровождающих его вещей, находился женский парадный головной убор, очевидно, символизирующий захоронение его жены. По внешнему виду он весьма отличается от того, который был на голове у юной скифянки из БМ БРК. Иными словами, принципиальное различие этих головных уборов позволяет говорить о том, что, если молодую особу из БМ БРК рассматривать в качестве *жены* вельможи из ЦМ БРК, то это должна быть иная, самая младшая (?) жена. В принципе исследователи допускают, что в среде скифской аристократии существовала полигиния (*Хазанов 1975, с.77*).

Однако признание факта полигинии еще не означает его неопровержимого отражения в материалах БРК. В равной степени большая разница в возрасте погребённых и существенное отличие упомянутых головных уборов из БМ и ЦМ БРК могут свидетельствовать в пользу того, что во впускной (Боковой) могиле кургана похоронена *дочь* вождя-номарха, нашедшего упокоение в основной (Центральной) могиле, обличенная высокими жреческими функциями и умершая в сравнительно молодом возрасте, через небольшой промежуток после кончины номарха.

Итак, мы видим, что, к сожалению, нет абсолютных аргументов ни в пользу первой, ни в пользу второй версий. Хотя лично нам более привлекательной представляется вторая версия – о захоронении в БРК знатных скифов – отца и дочери, игравших чрезвычайно важную роль в одном из скифских объединений, располагавшихся в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, в междуречье Гнилого и Горного Тикича.

ГЛАВА VIII.

БОЛЬШОЙ РЫЖАНОВСКИЙ КУРГАН В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЛЕСОСТЕПНЫХ И СТЕПНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IV-III ВВ. ДО Н.Э.

Скифские захоронения, выполненные в типичных степных могилах – катакомбах, т.е. аналогичные по типу рыжановским могилам, появляются в украинской Лесостепи, в том числе – Днепровском Правобережье уже с конца V в. до н.э., хотя подавляющее большинство их относится ко 2-ой половине – концу IV в. до н.э. Ареал катакомб достигает бассейна р. Рось, но основная концентрация приходится на южную часть Лесостепного Правобережья – бассейн р. Тясмин (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с.43-45, табл.8*).⁵⁵

Данные погребения – наиболее яркие индикаторы третьего этапа продвижения степных иранцев-номадов в Правобережную Лесостепь. В отличие от первых двух (начало VII; конец VII-начало VI вв. до н.э.), третий этап весьма растянулся во времени, охватывая весь V в. до н.э. (*Скорый 1996, с.43; Скорый 2003, с.82-86, 89*).

Появление типичных скифских погребальных памятников в указанном регионе совпадает во времени с прекращением функционирования ряда городищ, другие приходят в упадок (например, Мотронинское, Пастырское, Шарповское в бассейне р. Тясмин, Трахтемировское в бассейне р. Рось). Связь этих явлений представляется очевидной, что позволяет трактовать приход скифов в Лесостепь в качестве завоевателей (*Skoryj 1993/1994*).⁵⁶

Нужно отметить, что процесс этот имел более широкий характер, охватывая не только Лесостепное Правобережье, но и в определённой степени некоторые районы Левобережья, особенно Террасовую Лесостепь, где также известны погребения кочевников в катакомбах степного типа (*Фиалко 1994*).

Можно полагать, что в IV в. до н.э. южная часть Правобережной Лесостепи вошла в состав северопричерноморской Скифии, став её провинциальной областью (*Скорый 1997, с.74-75*). Эти события не нашли какого-либо отражения в письменных (в частности – античных) источниках указанного периода, однако археологические памятники дают основания говорить о них вполне определённо.

В междуречье Гнилого и Горного Тикича, где расположен Большой Рыжановский курган, с IV в. до н.э., по нашему мнению, обитало одной из скифских племён или пле-

⁵⁵ Ныне в южной части Правобережной Лесостепи известно более 40 могил-катакомб. Не столь давно опубликован скифский могильник степного облика, исследованный в свое время у с. Вишнополь на Черкашине, в числе погребальных конструкций которого входят и катакомбы (*Григорьев, Скорый, 2011*)

⁵⁶ Об иных точках зрения см.: *Граков, Мелюкова, 1954, с.75; Петренко 1967, с.53; 1989, с.69; Шрамко 1983, с.26; 1990, с.126; Романчук, 1999, с.263-268.*

менных объединений, пришедших сюда из степной зоны Северного Причерноморья, возможно, из Приазовья, о чём свидетельствуют некоторые черты обряда БРК, находящиеся аналогии именно на указанной территории (см. об этом в главе V). Вождь или один из вождей этого объединения и был похоронен в БРК. Помимо захоронений в БРК, известны и иные скифские погребальные памятники этого времени, хотя и в небольшом количестве⁵⁷. Прежде всего, следует упомянуть несколько могил в курганах самого Рыжановского могильника, куда входил и БРК. Речь идет о 4-х курганах, 3 из которых были исследованы в 80-х гг. XIX в. Д. Самоквасовым (курганы II, III, IV) (*Самоквасов 1908, с.82-88*), четвертый (№ 3, по нумерации Г. Оссовского) – нами в 1997 г., о чём уже шла речь ранее (*Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Ryzdewski 1998, s.89-93*). В кургане IV, также как и в БРК, было захоронение в катакомбе. Курган № 3 (датируется 3-ей четвертью IV в. до н.э.) содержал парное захоронение – воина и молодой женщины, в остальных могилах были воинские захоронения. Могилы, раскопанные Д. Самоквасовым, в своё время датировали временем не ранее IV-III вв. до н.э. (*Петренко 1967, с.95-96*), хотя нельзя исключать, что среди них есть погребения, синхронные БРК, составляющие, так сказать, «почётный эскорт» этой усыпальницы скифской аристократии. Однако вещи из могил не были изданы, а датировать их без иллюстраций, по скупому описанию в работе Д. Самоквасова достаточно проблематично.

Круг упомянутых захоронений дополняют погребение в кургане у с. Ризино, относящееся к 1-ой половине IV в. до н.э. (*Ossowski 1888a, s.79-80, tab.XII-XIII*) и захоронение в катакомбе IV в. до н.э. в кургане № 2 у с. Кобриново, недалеко от Рыжановки, исследованное С. Бессоновой (*Ковпаненко, Бессонова, Рычков, 1986*).

Усилившаяся экспансия кочевников на север, в зону Лесостепи, вполне вписывается в канву внешних агрессивных акций, которые осуществляла Скифия, особенно во 2-ой половине IV в. до н.э.

К середине указанного столетия это степное политическое образование достигло высокого уровня экономического и социального развития, что привело к усилению внешнеполитической активности кочевников, идущей в различные направления (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с.3, 138*). Будучи в зените своего военного могущества, Скифия особенно агрессивно вела себя в Подунавье, на пограничье с западными фракийскими племенами. Здесь её интересы столкнулись с Македонской державой, во главе которой в это время стоял Филипп II.

Война, протекавшая с переменным успехом, закончилась генеральным сражением 339 г. до н.э., в котором решающую победу одержали македонцы. В этом же году погиб 90-летний царь Атей, игравший активную роль в антимакедонской кампании.

Это событие, по-видимому, имело тяжелые последствия для скифов. Во всяком случае, после их поражения и последовавшего за ним ряда неудач, внешнеполитическая ситуация стала складываться явно не в их пользу. На западной границе усилились фракийцы, и Днестро-Дунайское междуречье оказалось под властью гетских племен. На восточных границах Скифии активизировались сарматские племена.

Время финала Скифии определяется по-разному: конец IV в. до н.э. (*Максименко 1997, с.43*), рубеж IV-III вв. до н.э. (*Алексеев 1992, с.164; 2003, с.251*), начало III в. до н.э. (*Ильинская, Тереножскин 1983, с.367*), 1-я четверть указанного столетия (*Симоненко 1998, с.154*), конец 1-ой – начало 2-ой трети III в. до н.э. (*Виноградов, Марченко, Рогов 1997, с.18*), 1-я половина III в. до н.э. (*Полин, Симоненко 1997, с.95*).

⁵⁷ Последнее, скорее всего, объясняется тем, что этот район пока является слабо изученным в археологическом отношении. Между тем, здесь существовали, во всяком случае, до конца 80-х гг. XIX в. курганные могильники, насчитывавшие по несколько десятков насыпей (*Ossowski 1888a, tabl.I*), среди которых, по-видимому, могли быть и курганы со скифскими захоронениями.

На обломках скифской державы возникли небольшие образования, так называемые Малые Скифии в Нижнем Поднепровье, Предгорном Крыму, Нижнем Подунавье с населением, перешедшим к оседлости и культурой, весьма отличающейся от скифской всаднической культуры.

По мнению некоторых исследователей, собственно культура Скифии исчезла на рубеже IV-III вв. до н.э. или – в 309-290 гг. до н.э. (Алексеев 1992, с.164). Иные авторы отмечают, что сооружение курганов скифской знати прекращается в последней трети IV в. до н.э. и лишь курганы скифского рядового населения встречаются еще в более позднее время, в частности в начале III в. до н.э. (Полин, Симоненко 1997, с.94).

Гробницы БРК, содержащие яркие комплексы скифской элиты, датированные 1-ой третью, или самым началом 2-ой трети III в. до н.э., позволяют корректировать приведенные выше мнения. Подчеркнём при этом, что БРК – вовсе не единственный, хотя и, безусловно, самый яркий погребальный памятник скифской аристократии III в. до н.э. в Северном Причерноморье. Сейчас уже начинает вырисовываться группа таких захоронений, в частности в правобережной части Степного Поднепровья, например, уже не раз упоминавшиеся в нашей работе курганы Хомина Могила и Каменская Близница. Однако, выделение данного пласта скифских погребальных древностей – особая тема⁵⁸.

По поводу причин упадка Скифии существует целый спектр точек зрения, высказанных как достаточно давно, так и сравнительно недавно. Кратко сформулируем их.

1. Вторгшиеся из-за Дона сарматские племена уничтожили скифское политическое объединение и установили своё господство. Эта версия получила широчайшее распространение в науке еще со времени М. Ростовцева; была впоследствии поддержана ведущими скифоведом и детально разработана Д. Мачинским (1971). В дальнейшем её особенно активно развивали А. Щеглов, Ю. Виноградов и др. (Щеглов 1985; Виноградов, Щеглов 1990, с.361-362). Как полагают сторонники данной точки зрения, именно об этих исторических событиях ярко повествует более поздний автор Диодор Сицилийский, указывая, что они (т.е. сарматы – С.С., Я.Х.) «... опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побеждённых, превратили большую часть страны в пустыню» (*Diod.*, II, 43).

2. Резкое изменение природно-климатических условий оказало разрушительное воздействие на экономику населения Северного Причерноморья и явилось губительным для Скифии (Полин 1984, с.28-30; 1989, с.14-16; 1992, с.128; Иевлев 1989, с.54-55). Приверженцы этой гипотезы опровергают мнение о гибели Скифии в связи с внешней агрессией, в частности со стороны сарматов. Они подчеркивают, что по данным археологии между финалом Скифии и приходом на её территорию сарматов существует хронологическая лагуна не менее 100 лет, поскольку самые ранние сарматские погребения в Северном Причерноморье относятся к середине II в. до н.э.

3. Причина гибели степного объединения кроется в хозяйственном кризисе, постигшем Скифию в конце IV – начале III вв. до н.э. (Гаврилюк 1989, с.93) или начале III вв. до н.э., сопровождавшемся и иными негативными событиями (Гаврилюк 2013, с.533-534).

4. Финал Скифии связывается с опустошительными рейдами в Северное Причерноморье из районов Карпато-Подунавья военных отрядов кельтов или германцев-галатов, упоминавшихся в ольвийском декрете в честь Протогена (Рубан 1985, с.43-44; 1989, с.19; Яйленко 1990, с.274).

5. Разрушение Скифии как политического объединения произошло вследствие так называемого управленческого кризиса, истоки которого таились в самом военно-политическом устройстве скифской кочевой орды (Мурзин, Ролле 2000, с.216-219).

⁵⁸ В последнее время этому вопросу определённое внимание уделено С. Полиным (Полин, 2014, с.632-635).

6. Наконец, гибель Скифии объясняют неблагоприятным и роковым сочетанием многих факторов, прежде всего экономического и политического характера (*Алексеев 1992, с.141-142; 2003, с.251*).

Группа петербургских исследователей, внимательнейшим образом проанализировавшая все известные в современной историографии точки зрения о причинах, вызвавших финал северопричерноморской Скифии, показав недостаточную аргументированность большинства из них, решительно склонилась к традиционной версии о решающей роли в этих событиях сарматской агрессии начала III в. до н.э.

Активизация сарматских племен в конце IV – начале III вв. до н.э. подтверждается упоминаниями Еудокса Книдского (391-338 гг. до н.э.), Гераклида Понтийского (около 388-310 гг. до н.э.), Псевдо-Скилака (2-я половина IV до н.э.) или Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) (*Мачинский 1971, с.42-54; Исмагилов 1993, с.62; Симоненко 1994, с.32-48; Марченко 1996, с.72; Клепиков, Скрипкин 1997, с.28-31*). Явления дестабилизации в зоне Степной Скифии и на её стыке с греческими центрами (что выражается также в гибели открытых и укрепленных поселений на обширной территории – дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Подунавья, Побужья и Поднестровья, а также на Кубани) становятся повсеместными в начале III в. до н.э. и особенно в 70-60-х годах (*Виноградов 1989, с.188; Виноградов, Марченко 1991, с.153; Виноградов, Марченко, Рогов 1997, с.7*).

В условиях кризиса и дестабилизации нарушаются связи с миром античной цивилизации и практически прекращается поступление новых античных импортов. В этих условиях в скифской среде наблюдается своеобразный консерватизм материальной культуры, проявляющийся в долгосрочном использовании греческих изделий, типичных для более ранних этапов элино-скифских политико-экономических связей. Представители скифской элиты живут как бы традициями своего бывшего великолепия.

В принципе нам импонирует версия о негативной роли сарматского фактора в конечной судьбе Скифии, тем более что вполне резонным кажется мнение тех исследователей, которые подчеркивают, что разгром Скифии в начале III в. до н.э. осуществлялся в ходе серии опустошительных набегов или масштабной военной акции, а не путем массового переселения сарматов. Оно состоялось позже – в середине – 2-ой половине II в. до н.э. и хорошо документируется материалами погребальных памятников (*Максименко 1997, с.47; Мошкова 1997, с.75*). По мнению М. Мошковой, указанная агрессия преследовала важную политическую цель – «сломить, разгромить Великую Скифию и занять ее место в сношениях с греческими колониями Северного Причерноморья» (*Мошкова 1997, с.75-76*).

Похоже, в сферу сарматской агрессии этого времени попали и некоторые районы восточноевропейской Лесостепи. Так, последствиями сарматского набега объясняют гибель на рубеже IV-III вв. до н.э. Коломакского городища в бассейне р. Ворскла: там обнаружены сгоревшие жилые постройки, останки убитых обитателей, в костях некоторых из них были найдены наконечники стрел (*Радзиевская 1992, с.178-179*). С этими же событиями соотносят массовые захоронения погибших (?) жителей на территории Семилукского городища на Верхнем Дону, следы пожаров и разрушений на Кнышевском городище в верховьях р. Псел и некоторых иных «скифоидных» поселениях Днепроовского Лесостепного Левобережья (*Медведев 1997, с.51-59*).

Однако в Днепроовском Лесостепном Правобережье ситуация была иной. Сарматы стали совершать эпизодические набеги на эту территорию, переправляясь через Днепр, лишь с конца II-I вв. до н.э., что привело к интенсивному строительству искусственных оборонительных сооружений автохтонными племенами зарубинецкой культуры, обитавшими в Среднем Поднепровье (*Максимов 1975, с.186-192*). Массовая же миграция

сарматов в область Правобережья Среднего Поднепровья состоялась на рубеже новой эры (Максимов 1978, с.50-55; Симоненко 1981, с.67-69; Кубишев, Покляцкий, Симоненко 1987, с.59-62). С I в. н.э. Правобережье Среднего Поднепровья (прежде всего бассейны рек Тясмин и Рось) стало местом обитания сарматского племени или племенного объединения, что подтверждается наличием там характерных погребальных памятников сарматов (Симоненко 1981, с.69). Кстати, одно из богатых сарматских подкурганых захоронений 2-ой половины II в. до н.э., выполненное по обряду сожжения, было обнаружено у восточной окраины с. Рыжановка (Самоковасов 1908, с.88-90).

Итак, скифское население, обитавшее в южной части украинской Правобережной Лесостепи и в междуречье Гнилого и Горного Тикича в частности, в том числе представители знати, погребенные в БРК, были современниками драматических событий, имевших место в Степной Скифии и некоторых районах Левобережной Лесостепи в начале – 1-ой половине III в. до н.э. в связи с сарматской агрессией. Однако, в отличие в первую очередь от степного региона, указанная территория, очевидно, не стала театром военных действий между скифами и сарматами. Впрочем, это обстоятельство вовсе не исключает каких-то контактов с сарматами проживавшего там населения, в том числе участия лесостепных правобережных скифов в военных мероприятиях степняков против сарматов.

Таким образом, Большой Рыжановский курган является своеобразным «свидетелем» ухода с исторической арены Скифии после кризиса и падения, вызванного стечением различного рода факторов, решающую роль среди которых сыграла сарматская военная активность.

Но как бы то ни было, население скифской поры, в том числе и этнические скифы, обитавшие в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, избежали, на наш взгляд, трагической участи скифов степной зоны Северного Причерноморья. По-видимому, здесь скифская всадническая культура не исчезла столь стремительно как в степном регионе, а продолжала еще какое-то время бытовать, медленно затухая.

Вероятно, остатки собственно скифского этноса, носители степной иранской культуры, обитавшие в южных пределах Днепровского Лесостепного Правобережья, явились передаточным звеном некоего скифского наследия формирующейся в конце III в. до н.э. новой этнокультурной общности – населению среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Отдельные скифо-иранские черты нашли отражение в материальной культуре и погребальном ритуале «зарубинцев», что неоднократно подчеркивалось исследователями (Максимов 1972, с.101-104, 116-129; Скиба 1994, с.13-15; 2001, с.51- 61; Кубишев, Скиба, Скорий 1995).

Глава IX.

СЕМАНТИКА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Исследовательский подход археолога к изучению изначальных значений сакрального пространства, скрытых в материальных остатках прошлого, а также в сфере символической культуры, представляемой сепулькральными (погребальными) объектами, должен начинаться с источниковедческого анализа. Он в свою очередь базируется на функциональной оценке артефактов, интерпретации смыслового контекста, заложенного, например, в структуре архитектурных объектов, в характере погребального инвентаря и взаиморасположения составляющих его элементов, отражающего особенности погребальной обрядности. Применительно к курганам, содержащим кочевнические захоронения скифской знати, внедрение таких процедур достаточно затруднительно, поскольку многие такие погребения были ограблены и разрушены, иногда ещё в древности.

Одним из немногих счастливых исключений является БРК. Значение открытой в 1996 г. Центральной (мужской) могилы в этом кургане (ЦМ БРК) можно рассматривать, исходя из различных аспектов оценки данного объекта. Несомненно, важнейшим из них является факт сохранения могилы в неприкосновенности: она не была разорена грабителями. Помимо естественного разрушения, которое объект претерпел вследствие обрушения лёссового свода погребальной камеры вскоре после захоронения, состав могильного инвентаря – и самое главное – его размещение, остались прежними. Нетронутой грабителями оказалась также Боковая (женская) могила Большого Рыжановского кургана (БМ БРК), хотя обстоятельства её открытия и раскопок в XIX в., а также состояние сохранившейся документации усложняют достоверную оценку этого комплекса. Наблюдения, сделанные в ходе исследования ЦМ БРК, позволяют однако реинтерпретацию, либо подтверждение результатов исследований, произведенных в 1887 г. первооткрывателями БМ БРК.

Особенно важно в оценке культурной значимости ЦМ БРК исходить из логики создателей погребального сооружения, чтобы правильно понять семантику отдельных элементов могильного оснащения и символику его размещения в камере, а также иносказательность архитектурной структуры погребального помещения. Важно учесть, что материальный контекст является какой-то проекцией смыслового значения, т.е. символики, как отдельных предметов, так и человеческого поведения. Здесь, прежде всего, следует опираться на оценку функции отдельных предметов, отслеживание зависимости между функцией разных элементов инвентаря, характером его размещения относительно друг друга и в пределах погребальной камеры, определённым – не-

сомненно – смысловым контекстом и т.д. Такой оценкой охватываются также элементы погребальной архитектуры, их вид и расположение относительно друг друга. Необходимо подчеркнуть, что в ритуальных процедурах, связанных с захоронением умершего, нет места случайностям. Однако следует учесть, что исследователь, выявляющий основное значение материальных реликтов прошлого, которое им придавали их создатели, отягощён субъективным их пониманием. Стало быть, необходимо осознать тогда предположительную позицию исследователя в процессе интерпретации минувшей социально-культурной действительности, предоставляющую ему право рассуждать с авторской точки зрения.

Среди различных аспектов семантической интерпретации погребальной архитектуры и погребального ритуала БРК отметим следующее:

1. Кольцевидный ров, видимо, разграничивал сферу «сакрум» подкурганного пространства, имевшую магическое значение, от сферы «профанум» (скорее, полумагического пространства) остальной части иных курганов этого небольшого могильника.

2. Ориентировка погребений и перемычек во рву (по линии ЮВ – СЗ), а также расположение могил и остатков тризны, остаются во взаимозависимости. Размещение отдельных элементов архитектуры курганного погребального комплекса, по всей видимости, имеет астральный (солярный) контекст.

3. Планировка погребальной архитектуры, как и хореография отдельных погребальных ритуалов, была подчинена высшей правде бренности и преходящности всего сущего, символом которой являлись путь (восходы и закаты) солнца над горизонтом (с ЮВ к СЗ). Захоронение покойника в глубокой камере в данном контексте означало акт символического ухода «в хтонический мир тьмы».

4. Погребальная камера ЦМ БРК, с одной стороны, имитировала жилое помещение, главными элементами которого были: ложе-помост – место отдыха вождя и муляж «печи» – символ домашнего тепла, с другой стороны, она напоминала привал кочевников – под открытым небом, вокруг котлов с пищей, поставленных на костре. Синкретизм инсценировки образует слияние образцов культуры, характерных для степной (кочевнической) цивилизации с образцами культуры лесостепного (оседлого, земледельческого) населения. Обуславливается это продолжительным, исчисляемым несколькими поколениями, сосуществованием обеих этнических массивов.

5. В оформлении «частной» («для отдыха») половины погребальной камеры, были предусмотрены места для пиршеств (за киликом вина, игрой в кости, а может быть, и дымом жареной конопки). Пространство это является более личным, «интимным», в функциональном разделении погребальной камеры.

6. Оформление «хозяйственной – публичной» части погребальной камеры с «привалом» и инсценировкой приготовления пищи на костре символизирует витальный аспект посмертного бытия покойника («жизнь после смерти»). Представление посмертного существования является проекцией насущной действительности. Вместе с тем пространство это выполняет также церемониальную («официальную») функцию. «Хозяйственная» часть погребальной камеры представляет собой в определенной степени реальную сторону жизни умершего.

7. Парадный женский наряд, размещённый в символических границах этого пространства у «трона-престола» умершего «вождя», возможно, указывает (как суррогат) на присутствие подруги жизни покойника. Рационализм ритуальной обрядности (т.е. оставление в живых владелицы наряда) являлся, по всей видимости, следствием воздействия основополагающих (социальных и религиозных?) факторов. В этом контексте обоснованным является предположение, что захороненная в БМ женщина (без всякого сомнения, лицо близкое «вождю» из ЦМ, возможно, дочь) могла быть жрицей. Под-

тверждает сказанное магическое значение изображенных на её убранстве и украшениях иконографических символов (Менады, Сатир/Пан, Медуза-Горгона).

8. Оформление захоронения умершего «вождя», а в особенности размещение его личного снаряжения, состоящего исключительно из наступательного оружия, отражает его реальное социальное положение воина и вождя (гривна с львиными головами – символ жизненной силы и доминирования). Физические достоинства умершего мужчины как конного воина (лучника) находят однозначное подтверждение в результатах антропологического анализа.

9. Пространство с находящимся за ширмой помостом с телом покойника и церемониальной посудой отделено от остальной части погребальной камеры «демаркационной сакральной линией» из разложенных в два ряда астрагалов, веретена (символ оборванной нити жизни?) и курильницы (символ духовности), что символизирует уход из мира сего в загробный мир. Одновременно такое оформление ставит разграничение между двумя крайними состояниями бытия: жизнью («развлекательная, с выпивкой» часть) и смертью («спальная – траурная» часть погребальной камеры), то есть, между телесной и духовной сущностью человека.

10. Характерное для обеих могил оформление депозитов, состоящих из серебряной церемониальной посуды (кубка и килика), которые находились в положенной на бок, венчиком к земле ситуле с преднамеренно пролитым содержимым, обозначает, по-видимому, жертвенный акт освобождения от телесного облика и погружение в духовное. Использованный напиток (?) и серебряный сервиз для пиршеств, кажется, также имеют какой-то трудноуловимый семантический контекст.

11. Погребения зависимых и насильственно умерщвлённых лиц: воина-оруженосца с верховой лошастью во входной шахте ЦМ БРК и девочки-служанки в дромосе БМ БРК демонстрируют ритуальную готовность к служению, а также указывают на их социальное положение. Разницу общественного статуса подчеркивает не только место захоронения, но и, прежде всего, его форма и характер оснащения.

12. Использование при возведении насыпи дёрна, покрытого богатой растительностью, заставляет предполагать, что в этом элементе архитектуры кургана также присутствует символический фактор. Известна гипотеза, согласно которой в символически выраженном праве на владение умершим пастбищами – как при жизни, так и после смерти – отражается гарантия зажиточного существования кочевника в ином мире.

13. Завершающая церемонию (либо её основные акты) тризна также не носит характер чисто потребительский. Об этом свидетельствуют фрагменты человеческих костей, зафиксированных среди остатков пиршества в заполнении рва, указывающих, быть может, на обряды каких-то жертвоприношений или ритуального каннибализма скифов.

14. Досыпка, соединяющая в одно целое обе могилы и увеличивающая курган, подчеркивает не только связь захороненных в ней людей («вождя» и «княжны-жрицы»), но также однородность символики ритуальных обрядов, формирующих сакральный характер «погребального храма».

15. Расположение этого элитного кургана вдоль древнего пути, на водоразделе, по-видимому, может ассоциироваться с существующими в фольклоре и этнографии представлениями о дороге, как пути перехода в потусторонний мир.

К важнейшим идейным чертам погребального ритуала БРК относятся чёткость и недвусмысленность отображения норм общественной и религиозной жизни в погребальной архитектуре, организации погребального пространства и характере оснащения, вплоть до изображения их в буквальном смысле. Совокупность идентифицированных поведений-действий («жестов» в ритуальном спектакле), отражая символику

жизни, подчёркивает долговечность существования умершего, который на данном этапе выполнения общественной роли достиг статуса героического лица, полубоже-ства. Однако, перенесённый в потустороннюю (хтоническую) действительность, бла-годаря своеобразной инсценировке жизни, в которой он продолжает играть свою роль, «вождь» остаётся и в земном мире. Зачастую каменные статуи воинов, водружённые на вершинах курганов, олицетворяли умерших скифских вождей и владык, предводителей племён, возведенных в ранг мифических героев (др. греч. *ἥρωες*). Всё это подчёркивает значимость мифа о превращении воина-вождя в «божественного героя» как освящён-ной сакральной формулы. Находящиеся на пограничье двух миров, на определенных ритуалом и выраженным в магических обрядах условиях, они были покровителями благополучного существования живых. **Это отражает особенную роль кочевниче-ской знати, которая в данной среде являлась носителем определенной идейной программы.** Поэтому неудивительна записанная Геродотом знаменитая речь верхов-ного скифского царя Иданфирса, переданная персидскому «царю царей» Дарию I Ги-стаспу, в которой очень лаконично изложена сущность самосознания скифов: «У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они будут захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступать с вами в сражение... Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть **отчие могилы**. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем» (*Herod., IV, 127*). Изречение чётко выражает идеологию скифской знати, в кругу которой Иданфирса можно считать «первым среди равных». **Именно «отцы» (предки), представители знати, благодаря силе символического присутствия в курганах («могилах») обеспечивали чувство идейной, культурной и политической тождественности мобильным племенам кочевников.** В кочевническом мире, огра-ниченном чертой непрочного бытия, постоянно ощущающем давление окружающей среды, существование которого зависело от часто меняющихся природных условий, этот фактор был **единственной и непреходящей ценностью, составляющей «опор-ную точку» коллективного менталитета.** Утверждение это, отнесённое к символике БРК, является существенным ещё и потому, что он содержал могилу, по всей види-мости, одного из последних (может быть и последнего) правителя-вождя классической Скифии.

«Вождь», погребённый в БРК, был наследником культурных идеалов «непобе-димых» скифов, выраженных накануне падения их цивилизационной и политической независимости, перед тем, как очередная волна доблестных кочевников – сарматов и прочие превратности судьбы не ограничили их до второстепенной роли поликультур-ной *Scythia Minor*, а, в конце концов, не унесли и вовсе с исторической арены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

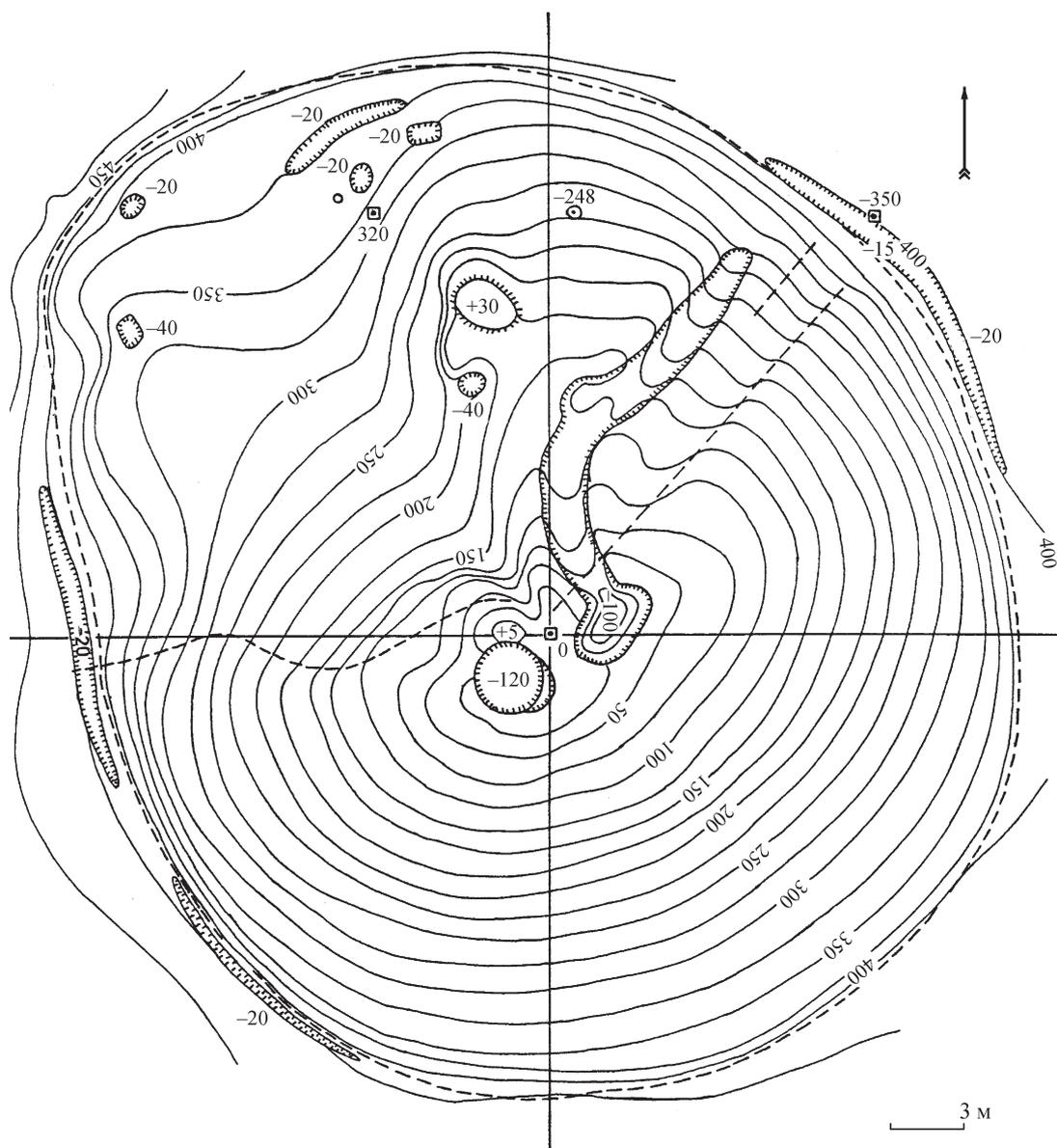

Рис. 1. Топографический план Большого Рыжановского кургана (1995)

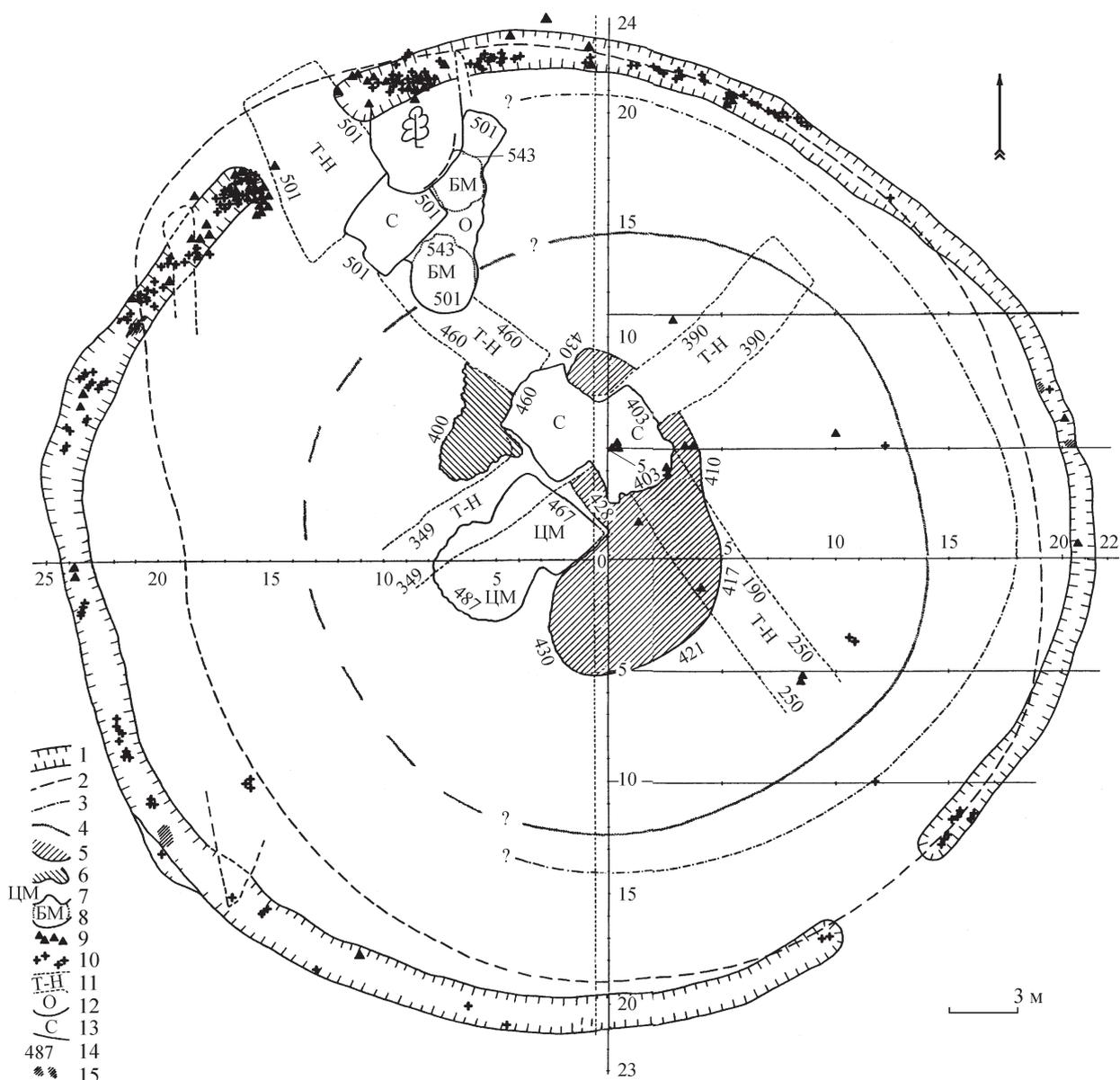

Рис. 2. Общий план Большого Рыжановского кургана (1995—1998): 1 — кольцевой ров вокруг насыпи кургана; 2 — граница насыпи до начала исследований в 1995 г.; 3 — граница досыпки к первичной насыпи; 4 — граница первичной насыпи, сооружённой над Центральной могилой Большого Рыжановского кургана (ЦМ БРК); 5 — материковый лёссовый выкид из входной шахты и подземной камеры ЦМ БРК; 6 — материковый лёссовый выкид из могилы охранника на дне входной ямы ЦМ БРК; 7 — очертания входной шахты и просевшей погребальной камеры ЦМ БРК; 8 — очертания входной шахты и просевшей погребальной камеры Боковой впускной могилы (БМ БРК); 9 — керамика; 10 — кости животных; 11 — траншеи Ю. Талько-Гринцевича; 12 — раскоп Г. Оссовского; 13 — шурфы Д. Самоквасова; 14 — уровень глубины раскопок относительно вершины кургана; 15 — следы кострищ

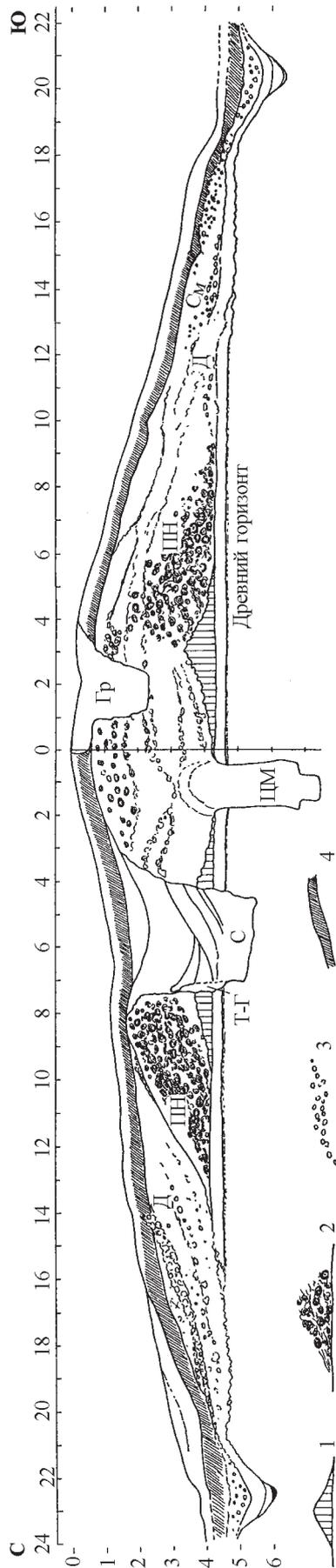

Рис. 3. Центральный профиль Большого Рыжнановского кургана по линии север—юг: ПН — первичная насыпь; Д — досыпка; См — сыв; ЦМ — Центральная могила (ЦМ БРК); Т-Г — траншеи Ю. Талько-Гринцевича; С — шурфы Д. Самоквасова; Гр — грабительская яма; 1 — материковый лёссовый выкид; 2 — брикеты из дёрна; 3 — примеси материковых комьев; 4 — уровень современной поверхности гумуса

Рис. 4. Центральный профиль Большого Рыжановского кургана по линии север—юг, фото.

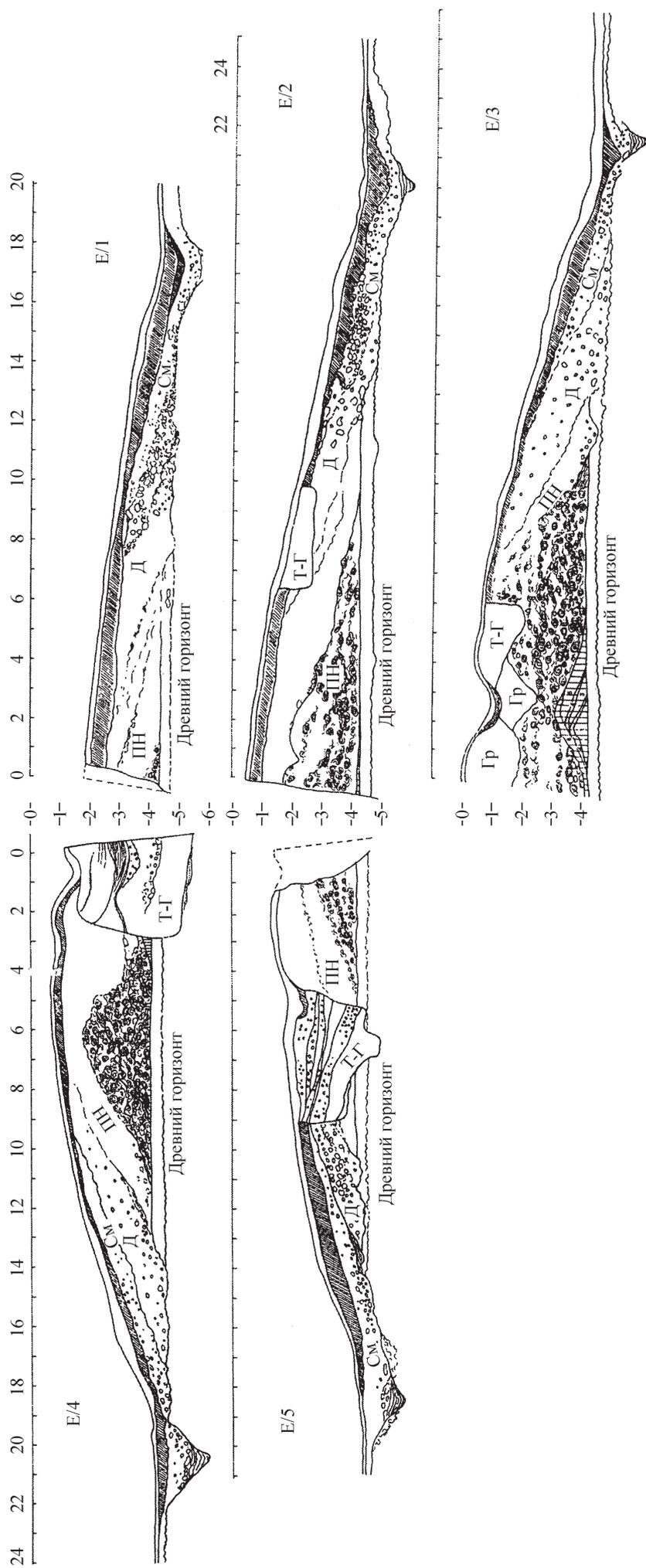

Рис. 5. Профили участков восточной половины насыпи Большого Рыжановского кургана E/1—E/5. Условные обозначения см. на рис. 3

Рис. 6. Профиль E/4 восточной половины насыпи кургана

Рис. 7. Пятно Центральной могилы Большого Рыжановского кургана (ЦМ БРК) на фоне насыпи кургана. Вид с юго-запада

Рис. 8. Пятно Центральной могилы Большого Рыжановского кургана.
Вид с южной части насыпи кургана

Рис. 9. Начальный этап раскопок Центральной могилы

Рис. 10. Раскопки Центральной могилы.
Синхронная работа во входной яме (справа) и погребальной камере (слева)

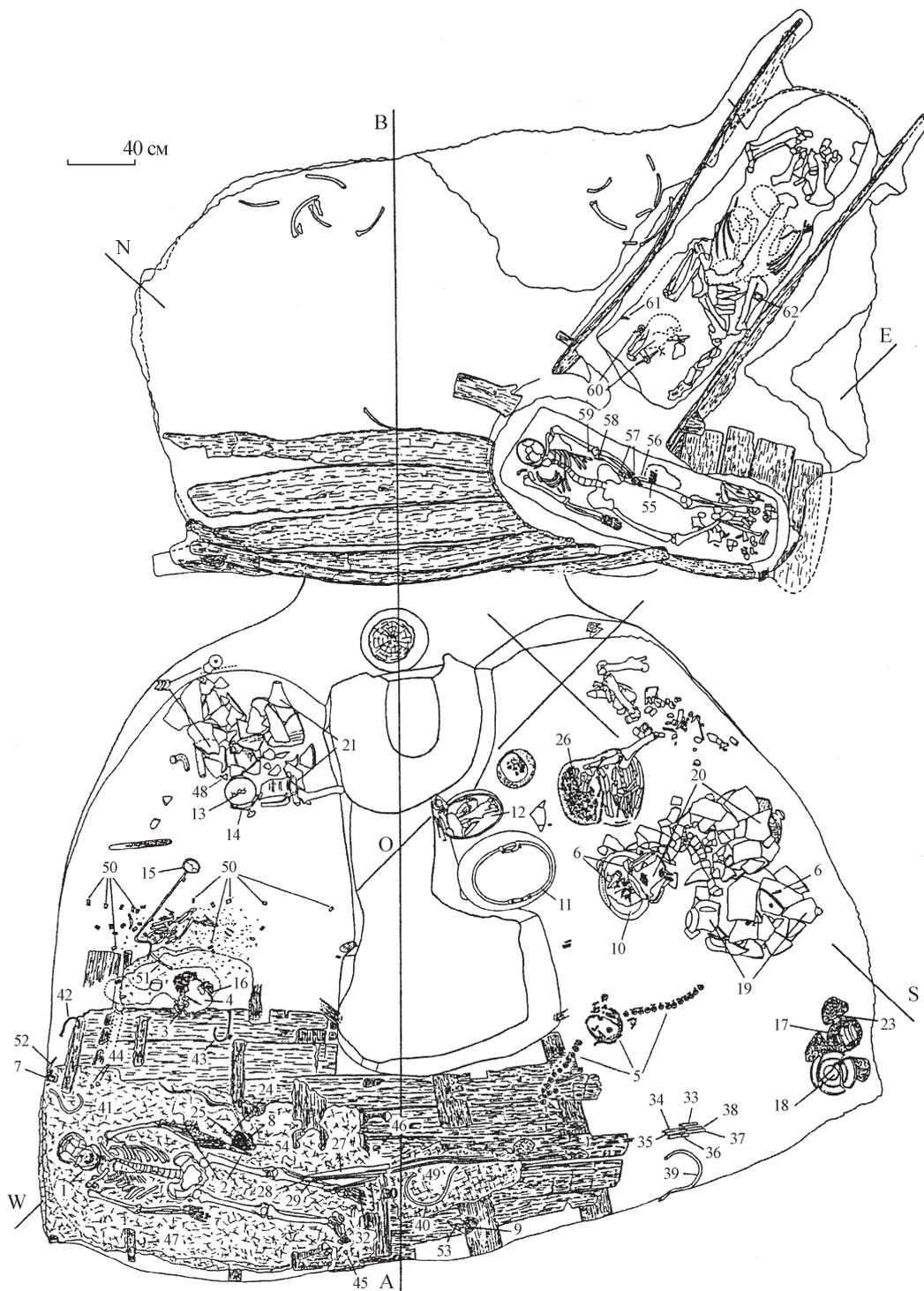

Рис. 11. План Центральной могилы Большого Рыжановского кургана. Расположение находок в погребальной камере и входной яме: 1 – золотая гривна; 2 – однолезвийный меч; 3 – серебряный кубок; 4 – серебряная чаша; 5 – золотые аппликации головного убора и покрывала; 6 – ритон; 7, 9 – остатки колчанов; 8 – горит с колчанным набором; 10 – бронзовый кратер; 11-12 – бронзовые котлы; 13 – бронзовая чаша; 14 – бронзовый килик; 15 – курильница; 16 – бронзовая ситула; 17 – чернолаковый канфар; 18 – чернолаковое блюдо; 19-22 – амфоры; 23 – самородок руды-крокоита; 24 – нож; 25 – шило; 26 – железная скоба; 27 – железный наконечник копья; 28-32 – железные наконечники дротиков; 33-38 – железные втулки копья и дротиков; 39-43 – железные крюки; 44-46 – когти медведя; 47 – бронзовая «вилочка»; 48 – ушко бронзовой чаши; 49 – железная ворварка; 50 – астрагалы; 51-53 – железные ножи; 54 – деревянные фрагменты лука; 55 – бронзовые наконечники стрел; 56 – железный нож; 57 – пастовые бусины; 58 – шило; 59 – костяная бусина; 60 – железные удила с псалями; 61 – железный наносник; 62 – подпружная пряжка

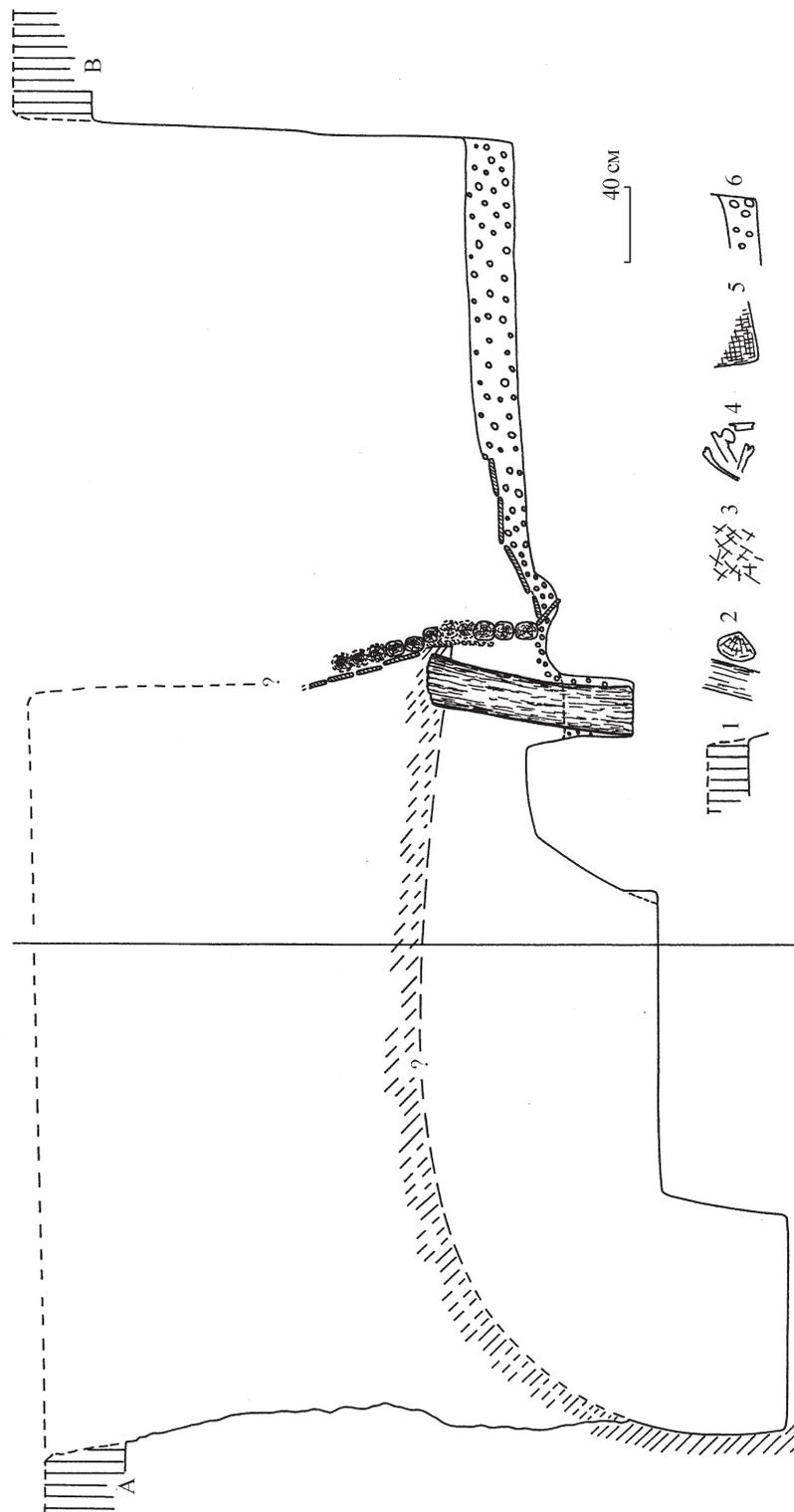

Рис. 12. Продольный разрез Центральной могилы: 1 — погребённая почва; 2 — дерево; 3 — подстилка из травы; 4 — кости животных; 5 — куски коры; 6 — материковый лёссовый выкид, лежащий на дне входной ямы

Рис. 13. Участок материкового выкида из Центральной могилы с профилем

Рис. 14. Остаток материкового выкида из Центральной могилы

Рис. 15. Расчистка на дне входной ямы Центральной могилы погребений охранника и лошади. Слева — Я. Хохоровски, справа — С. Скорый. На заднем плане — остатки деревянного заклада в погребальную камеру

Рис. 16. Работа на дне входной ямы Центральной могилы. Я. Хохоровски

Рис. 17. Участок дна входной ямы Центральной могилы. Слева — пятна могил охранника и лошади, справа — остатки деревянного помоста и заклада в погребальную камеру

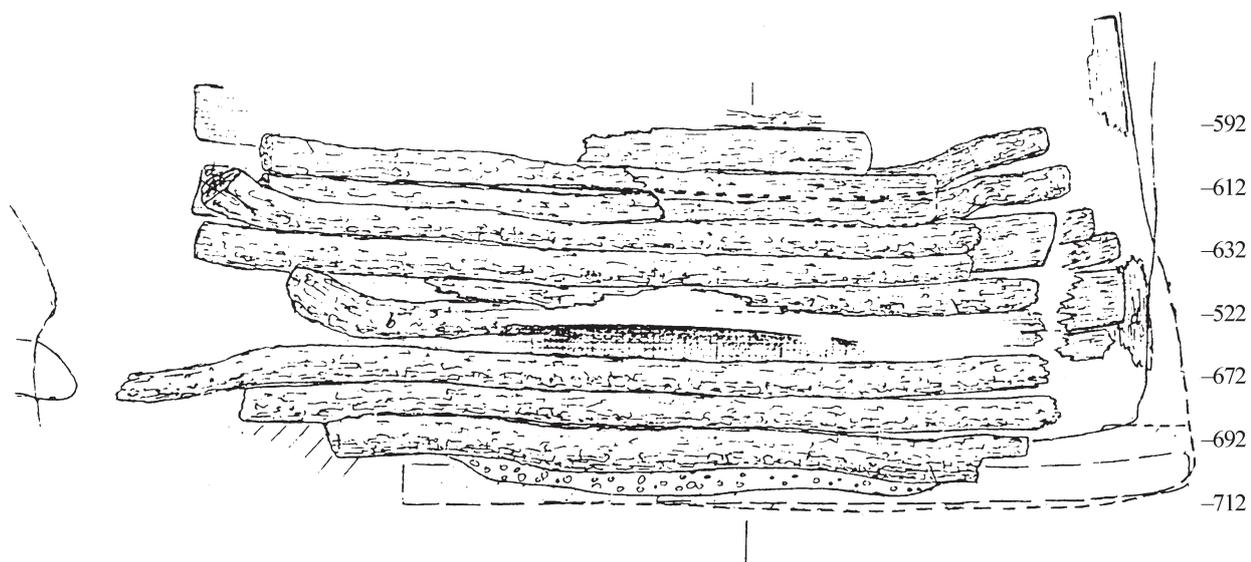

Рис. 18. Заклад из брёвен в погребальную камеру Центральной могилы. Графика

Рис. 19. Погребение охранника на дне входной яме Центральной могилы

Рис. 20. Конское погребение на дне входной ямы Центральной могилы

Рис. 21. Конское погребение. Деталь. Череп отдельно от остова коня

Рис. 22. Могилы охранника и коня на дне входной ямы

Рис. 23. Этап расчистки погребальной камеры Центральной могилы. На переднем плане — дубовый опорный столб для поддержания свода подземной камеры. Вид с северо-востока

Рис. 24. Этап расчистки погребальной камеры Центральной могилы. Проявилась верхняя часть глиняной конструкции в виде «печи» и края бронзового котла. На заднем плане — дубовый опорный столб. Вид с северо-запада

Рис. 25. Этап расчистки конструкции в виде «печи»

Рис. 26. Рабочий момент расчистки «печи» и стоящих рядом бронзовых котлов: слева — С. Скорый, справа — Я. Хохоровски

Рис. 27. Рабочий момент в Центральной могиле: слева — С. Скорый, в центре — Я. Хохоровски, справа — М. Орищенко

Рис. 28. Расчищенная материковая конструкция в виде «печи» в погребальной камере Центральной могилы. Вид с запада

Рис. 29. Фрагмент ткани, которой были драпированы стены и потолок (?) погребальной камеры. Нижняя часть южной стены

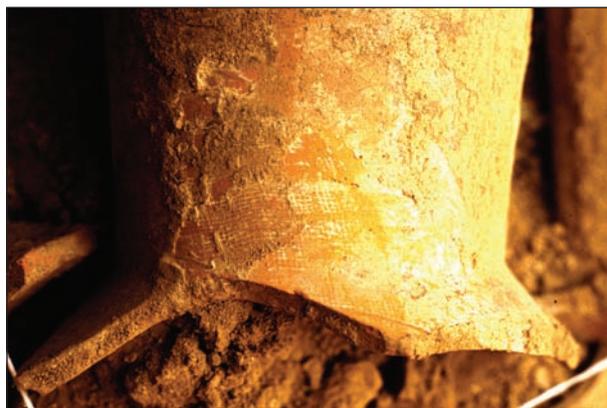

Рис. 30. Отпечатки ткани на горловине амфоры у восточной стены погребальной камеры

Рис. 31. Фрагменты ткани под амфорным развалом у восточной стены погребальной камеры

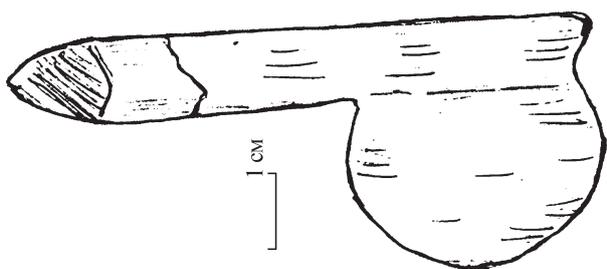

Рис. 32. Негатив деревянного кольщика, которым крепилась ткань к стенам и потолку (?) погребальной камеры

Рис. 33. Участок камышовой циновки на полу погребальной камеры Центральной могилы

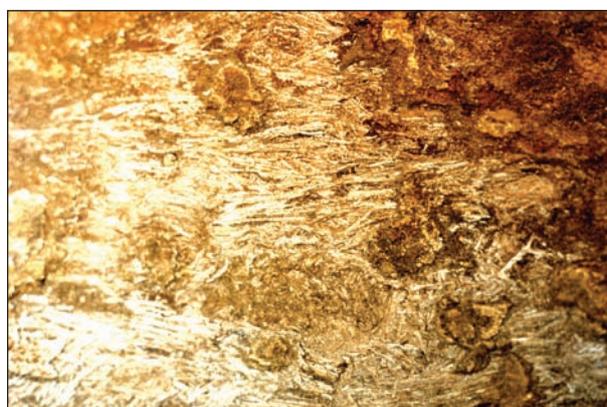

Рис. 34. Фрагменты белой ткани у правого плеча знатного скифа

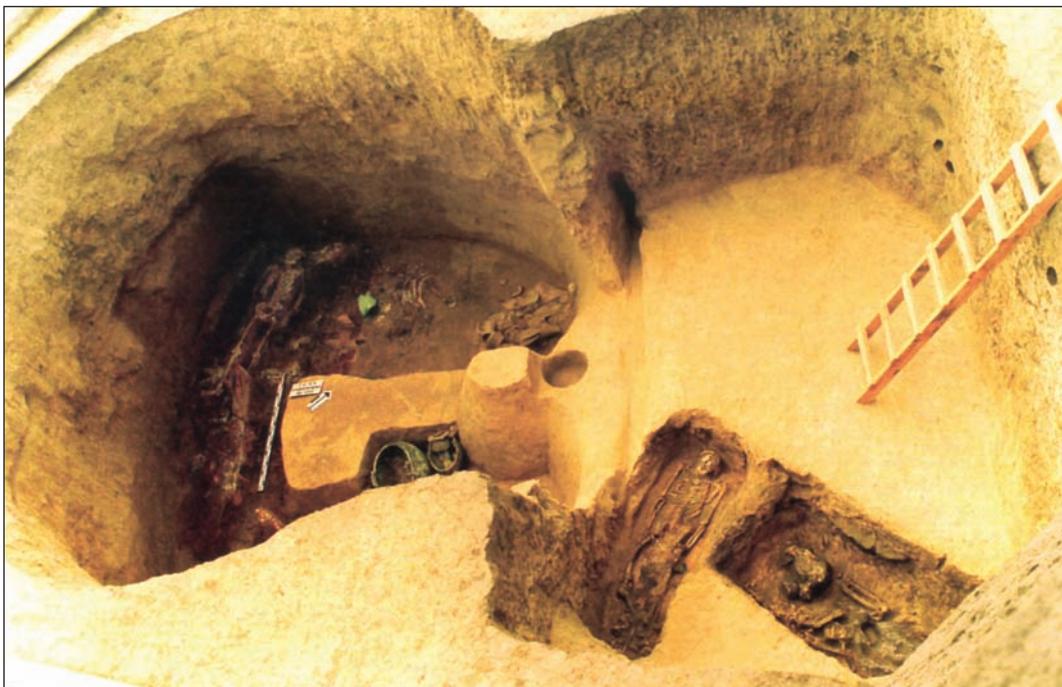

Рис. 35. Общий вид Центральной могилы Большого Рыжановского кургана

Рис. 36. Вид на погребальную камеру Центральной могилы из входной ямы

Рис. 37. Погребальная камера. Вид сверху

Рис. 38. Останки знатного скифа в погребальной камере Центральной могилы

Рис. 39. Остатки травы на деревянном помосте-кровати

Рис. 40. Верхняя часть костяка вождя. На шее — золотая гривна

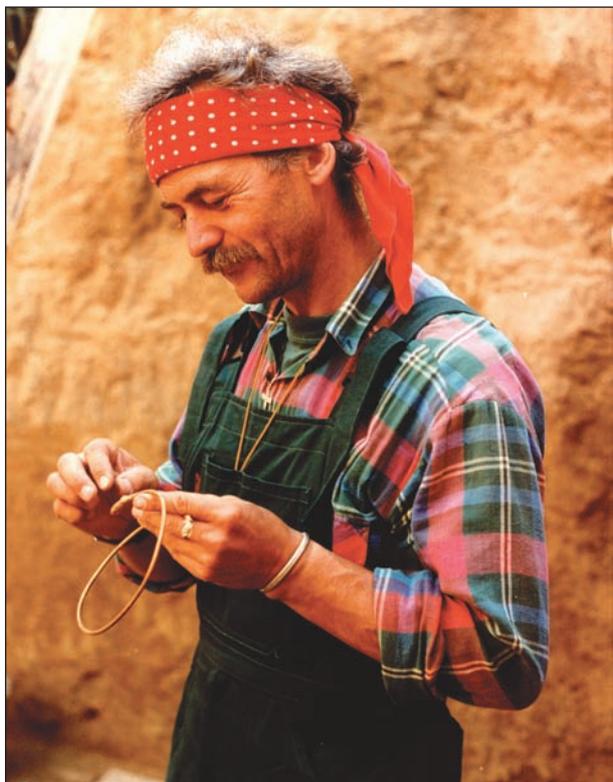

Рис. 41. Я. Хохоровски с гривной в руках

Рис. 42. Деталь погребения: под левой рукой — ножны меча, ниже — остатки горита и детали сигмавидного лука

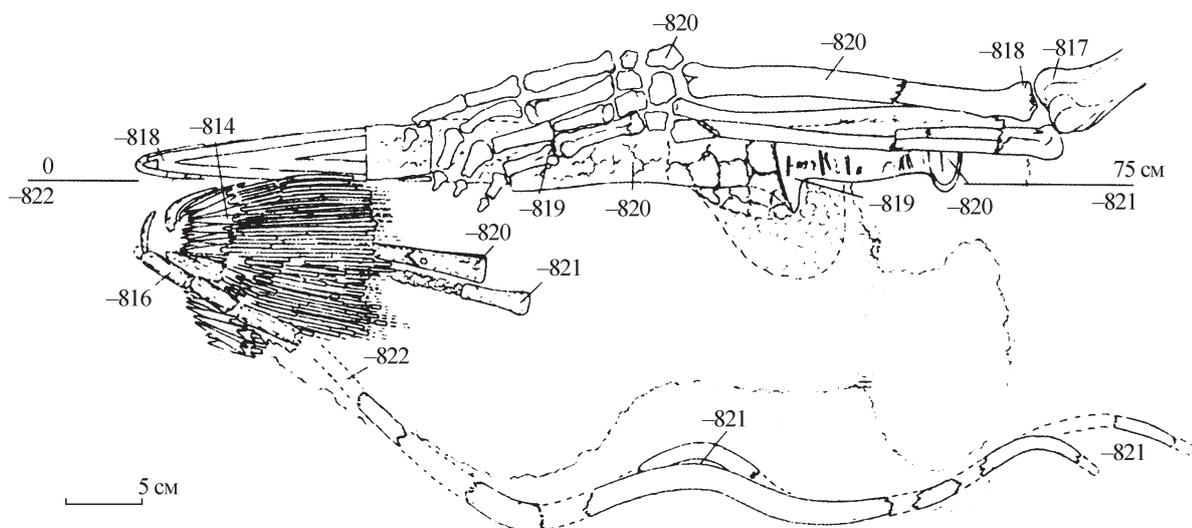

Рис. 43. Деталь погребения. Графика

Рис. 44. Нижняя часть горита с блоком бронзовых наконечников стрел

Рис. 45. Расчищенный меч у левого бедра воина

Рис. 46. Рукоять меча, обложенная золотым листом

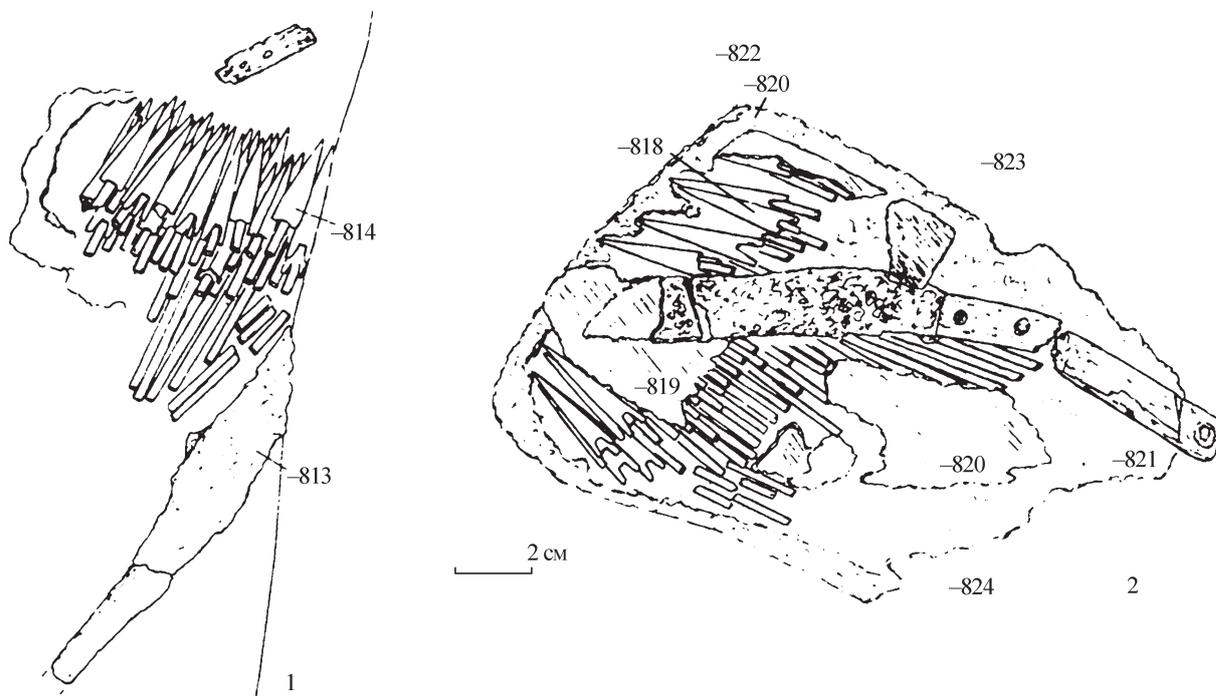

Рис. 47. Колчаны у головы (1) и ног (2) знатного воина. Графика

Рис. 48. Деталь погребения: наконечники копья, дротиков и один из железных крюков для крепления оружия на стене

Рис. 49. Деталь погребения: группа предметов в заданной половине погребальной камеры: на переднем плане — бронзовая ситула, далее — кости от жертвенной мясной пищи, астрагалы и железный штырь лежащей на боку курильницы

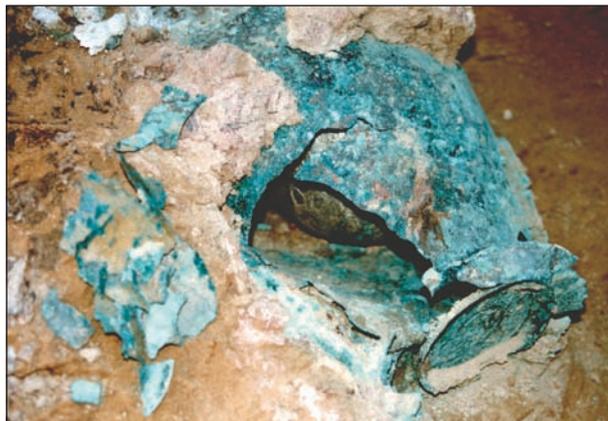

Рис. 50. Бронзовая ситула. Внутри виден бок серебряного кубка

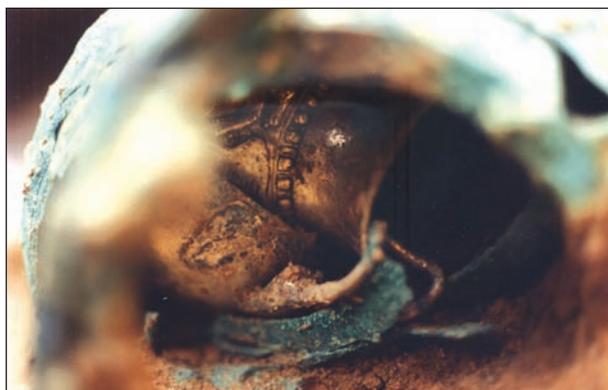

Рис. 51. Ситула. Деталь. Видны горло серебряных кубка и бок килика

Рис. 52. Я. Хохоровски расчищает предметы вблизи бронзовой ситулы

Рис. 53. Фотографирование расчищенной ситулы

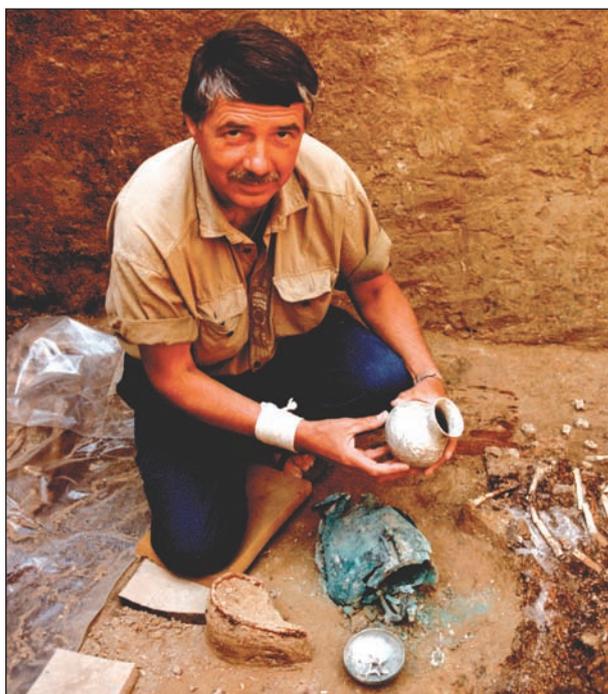

Рис. 54. С. Скорый с серебряными сосудами из ситулы

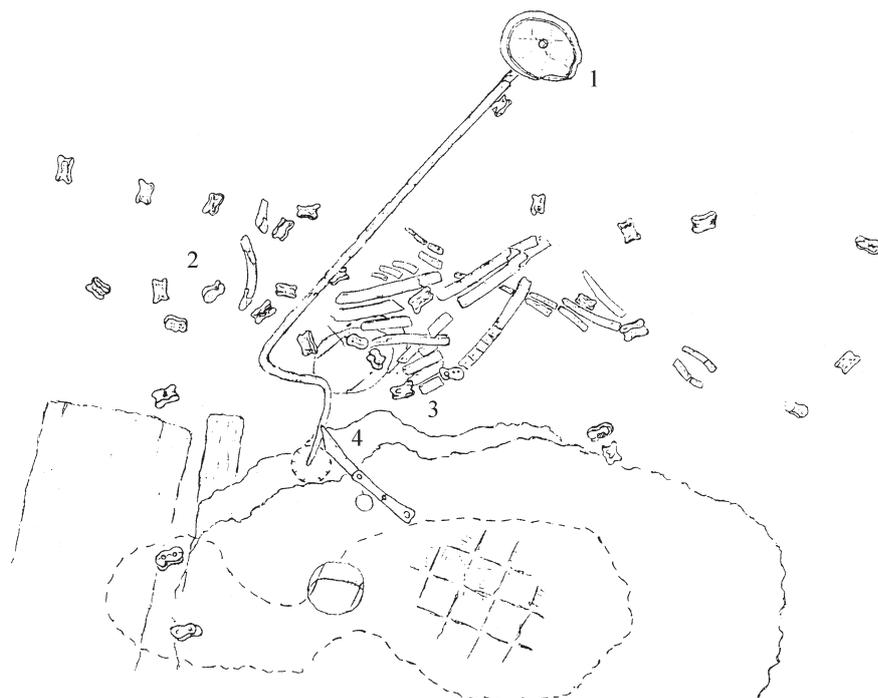

Рис. 55. Деталь погребения. Сверху вниз: лежащая на боку курильница (1), астрагалы (2), место положения жертвенной мясной пищи на плетенную из луба циновку (3), железный нож (4)

Рис. 56. Деталь погребения: развалы двух винных амфор у входа в погребальную камеру

Рис. 57. Бронзовые чаша и килик вблизи развала амфор

Рис. 58. Деталь погребения вождя: пеньки с лежащими на них чернолаковыми сосудами и рудю-крокоитом

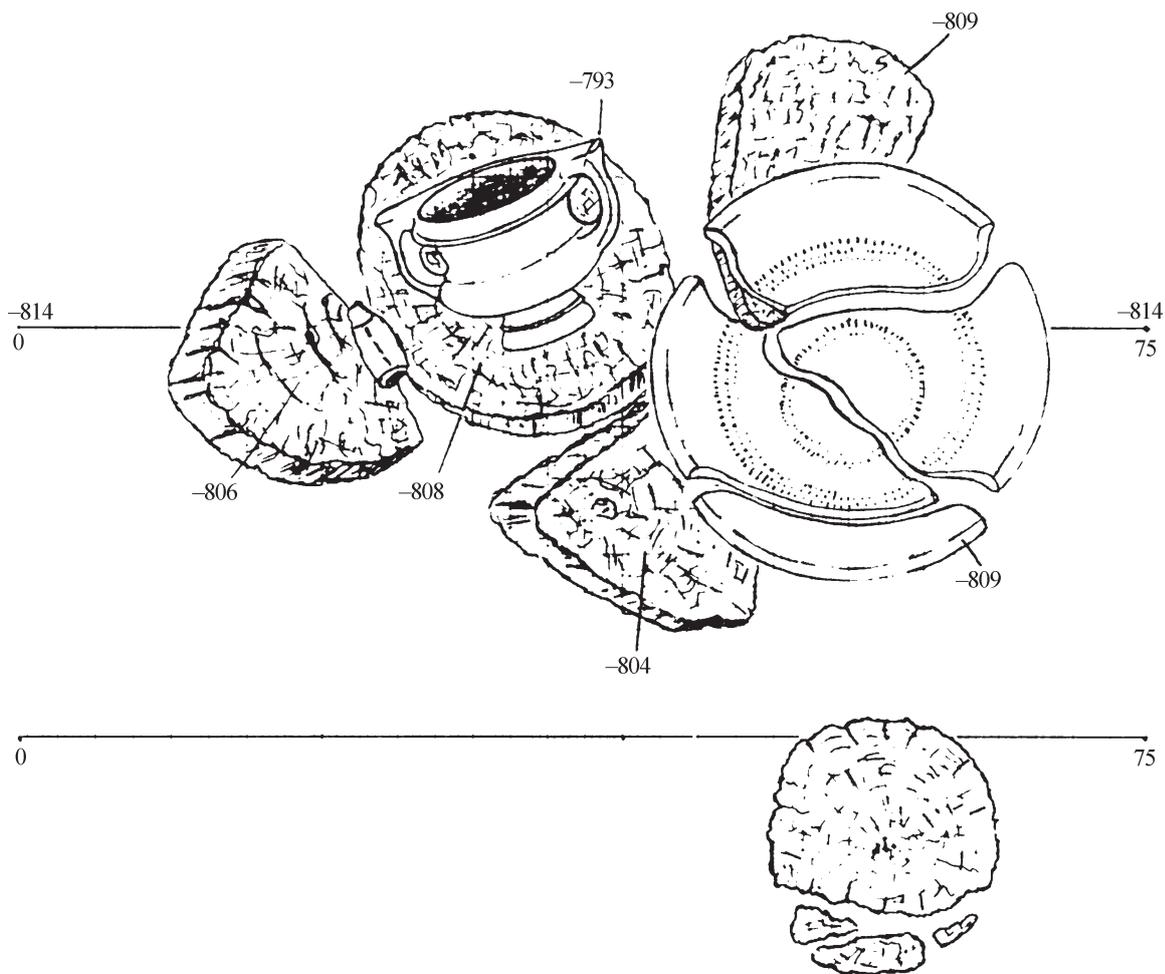

Рис. 59. Пеньки с лежащими на них сосудами. Графика

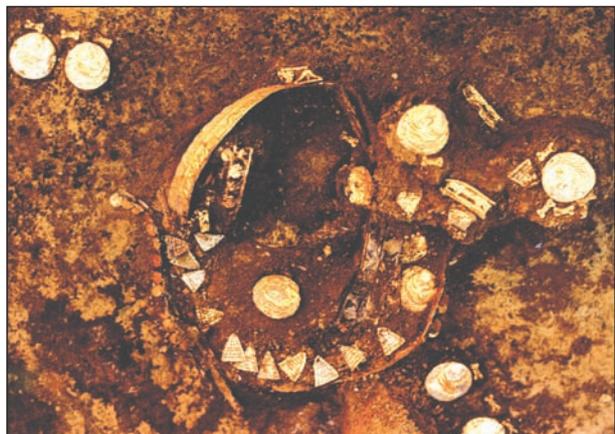

Рис. 60. Деталь погребения: золотые аппликации женского головного убора

Рис. 61. Золотые аппликации покрывала: 1 — общий вид; 2 — деталь

Рис. 62. Восточный участок погребальной камеры Центральной могилы. С деталями ритона в руках Я. Хохоровски

Рис. 63. Восточный участок погребальной камеры, ближе ко входу

Рис. 64. Деталь погребения: бронзовый кратер, остатки ритона и горло винной амфоры

Рис. 65. Деталь погребения: остатки деревянного блюда с мясной жертвенной пищей

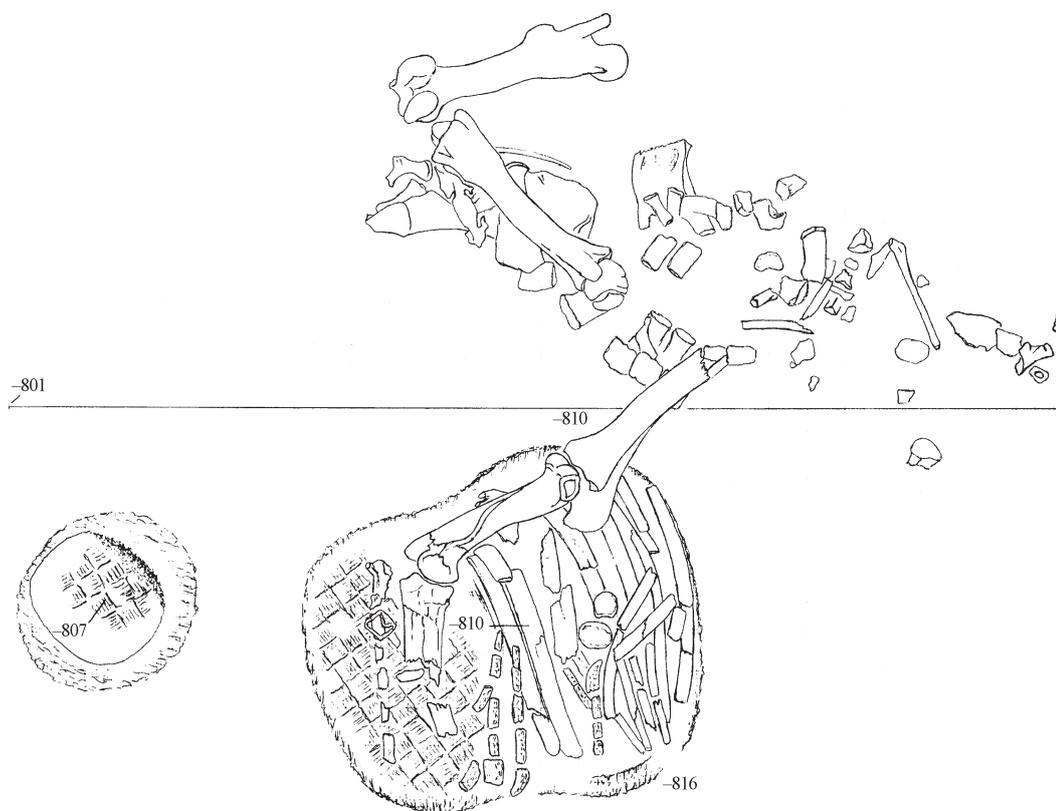

Рис. 66. Остатки деревянного блюда с жертвенной пищей и маленький деревянный сосуд. Графика

Рис. 67. Деталь погребения: бронзовые котлы вблизи конструкции в виде печи: 1 — вид сбоку; 2 — вид сверху

Рис. 68. Остатки тканей с вышивкой и верёвки в большом котле

Рис. 69. Во входной яме Центральной могилы, слева — направо: сидят — Я. Рыдзевски, С. Скорый, Я. Хохоровски, В. Григорьев. Стоят — М. Орищенко и Н. Кривенко

Рис. 70. Директор Института археологии НАН Украины академик П. Толочко (второй справа) и корреспондент «Киевских ведомостей» Н. Куриленко — гости Украинско-Польской экспедиции

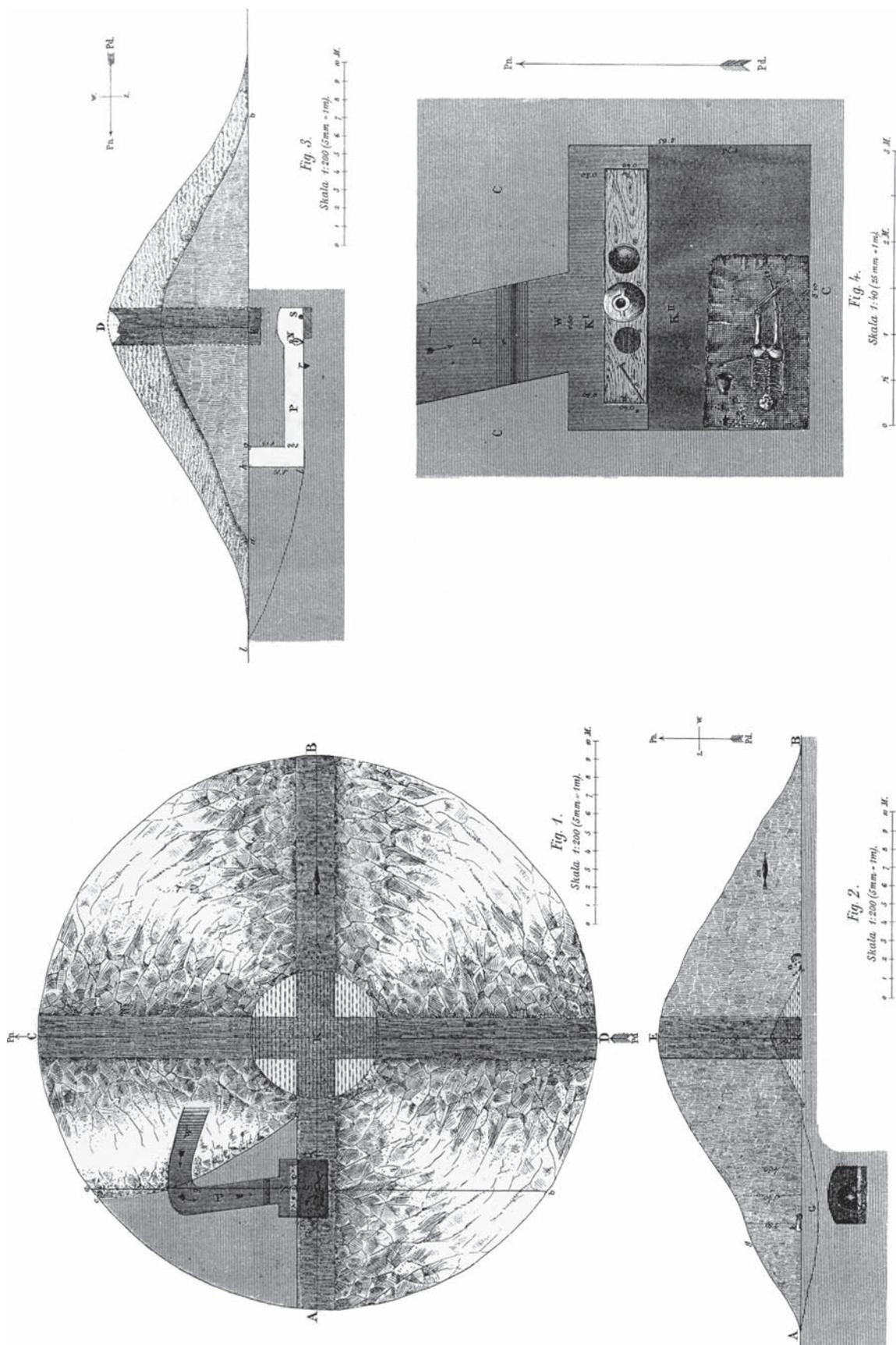

Рис. 71. План и разрезы Большого Рыжановского кургана и Боковой могилы (по Ossowski 1888a, fig. 1—4)

Рис. 72. Пятно Боковой могилы. Исследования 1995 г.

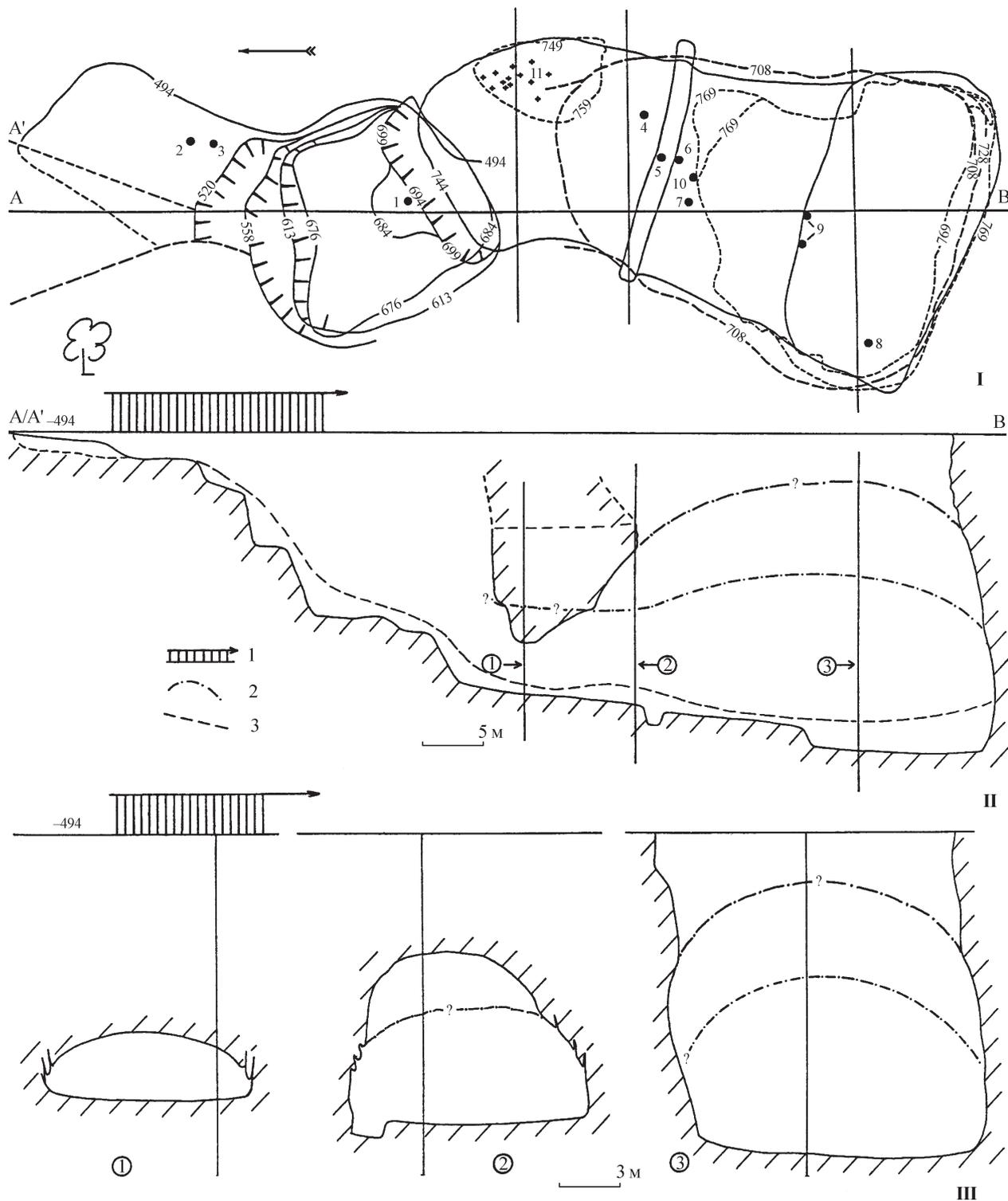

Рис. 73. План и разрезы Боковой могилы

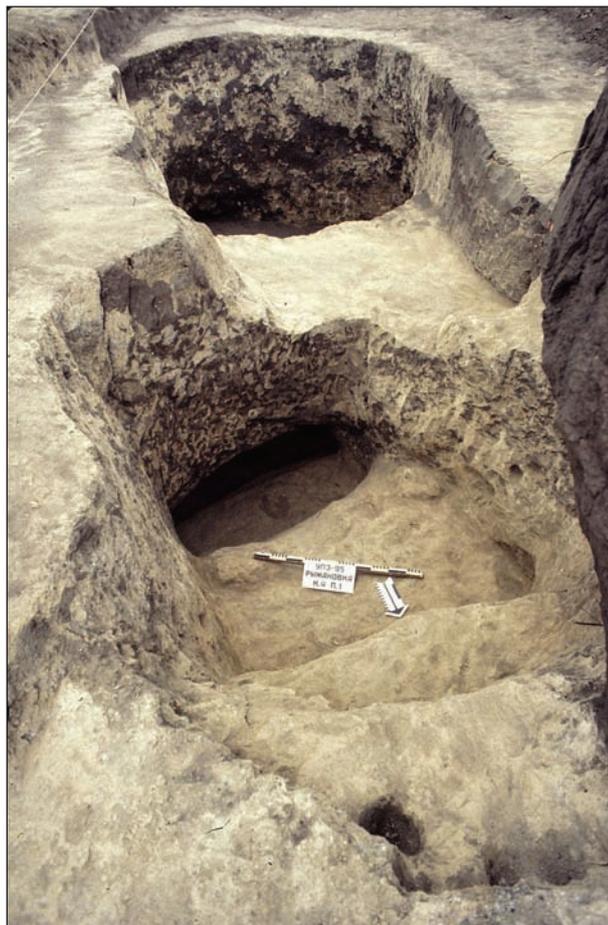

Рис. 74. Вид Боковой могилы с сохранившимся участком дромоса, со стороны входной ямы

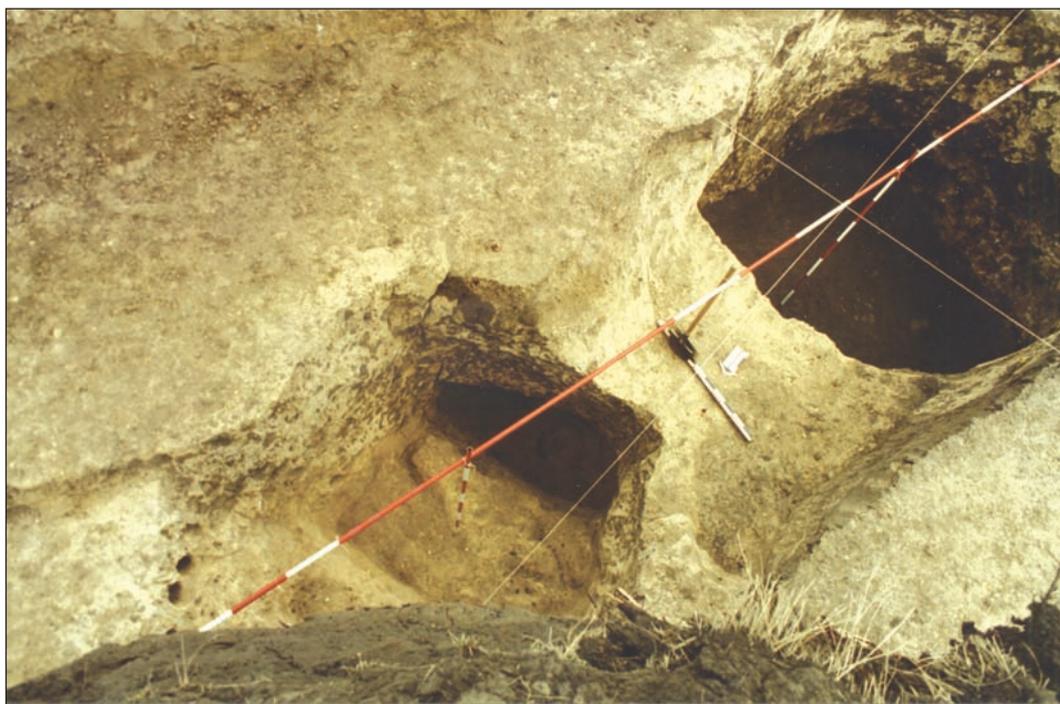

Рис. 75. Боковая могила с участком дромоса

Рис. 76. Боковая могила со стороны входа. Участок дромоса удалён

Рис. 77. Боковая могила с удалённым участком дромоса

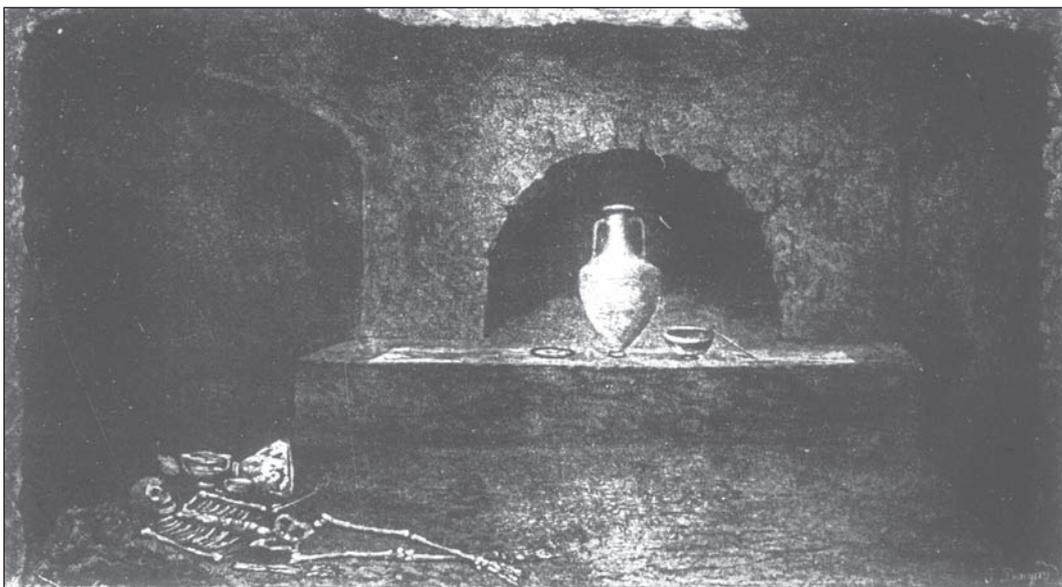

Рис. 78. Погребальная камера Боковой могилы (катакомбы) (по Ossowski 1888a, fig. 8)

Рис. 79. Работа внутри Боковой могилы. Слева, в углу — С. Скорый, в центре — Я. Хохоровски, за ним — В. Григорьев

Рис. 80. Обнаружение золотого перстня со щитком — пантикапейским статером. Справа — С. Скорый, слева — В. Григорьев

Рис. 81. Перстень в момент находки

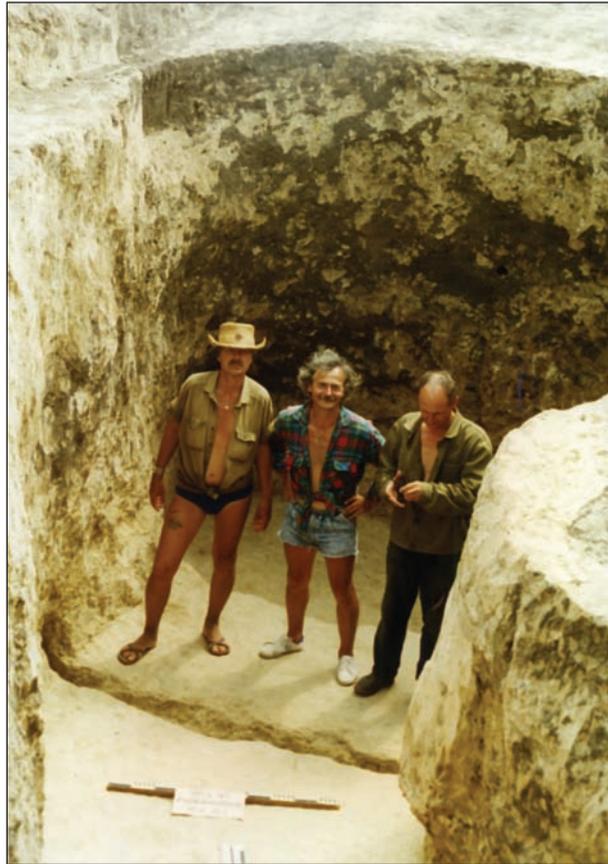

Рис. 82. Исследование Боковой могилы завершено. Слева направо: С. Скорый, Я. Хохоровски, В. Григорьев

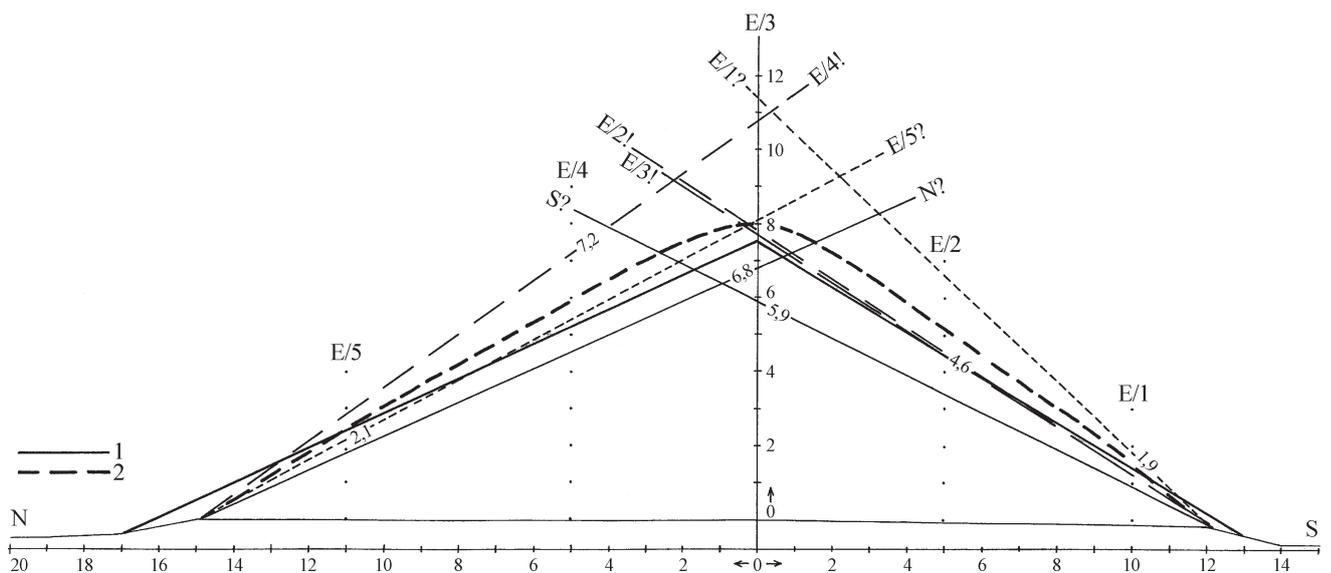

Рис. 83. Моделирование размеров первичной насыпи Большого Рыжановского кургана: 1 — предполагаемые размеры кургана в 1887 г.; 2 — предположительная первичная насыпь кургана. Остальные линии обозначают высоту склонов в местах пересечения профилей, зафиксированных в ходе раскопок 1995—1998 гг.

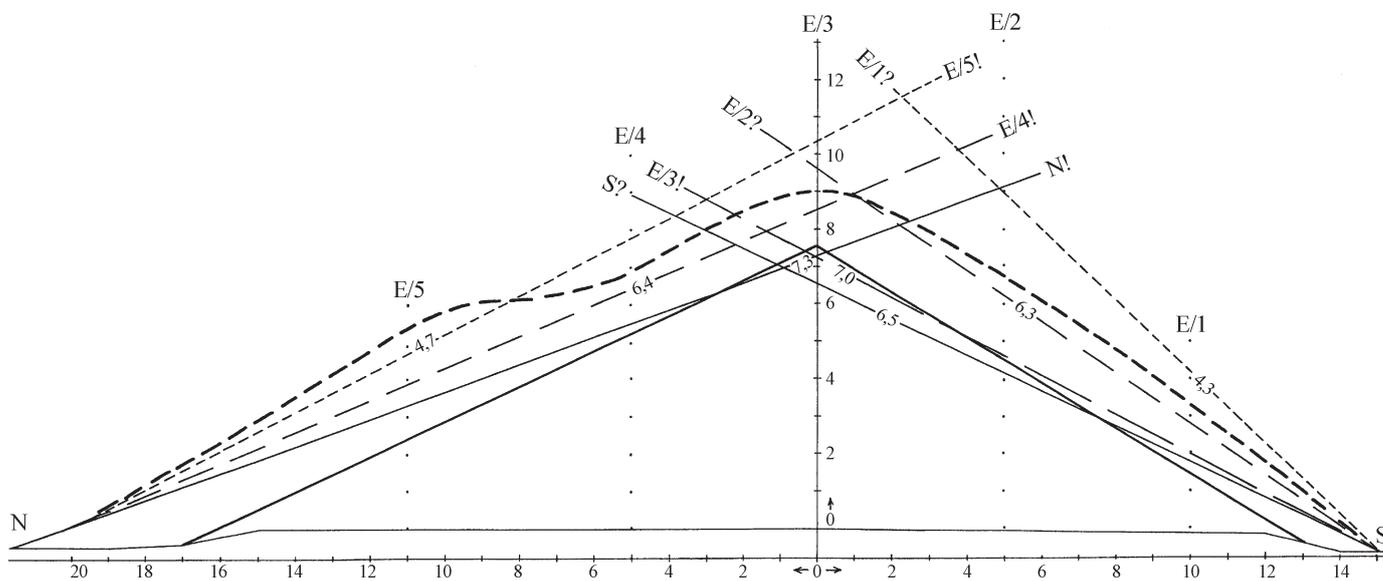

Рис. 84. Моделирование размеров кургана после его наращивания досыпкой. Условные обозначения см. на рис. 83

Рис. 85. Большой Рыжановский курган. Пятно кольцевого рва и начальный этап восстановления насыпи кургана

Рис. 86. Участок раскопанного рва вблизи одной из перемычек

1

2

3

Рис. 87. Различные участки исследованного рва

Рис. 88. Профиль одного из участков рва с заполнением

Рис. 89. Профиль одного из участков рва с костью животного в замыве

Рис. 90. Расчистка остатков тризны во рву, у северо-западной перемиčky

Рис. 91. Остатки тризны у северо-западной перемычки рва

Рис. 92. Конские черепа у северо-западной перемычки

Рис. 93. Начальный этап восстановления насыпи Большого Рыжановского кургана

Рис. 94. Конечный этап восстановления насыпи БРК

Рис. 95. Насыпь воссоздана до размеров 1880-х гг.

Рис. 96. Бронзовые наконечники стрел в колчанном наборе охранника

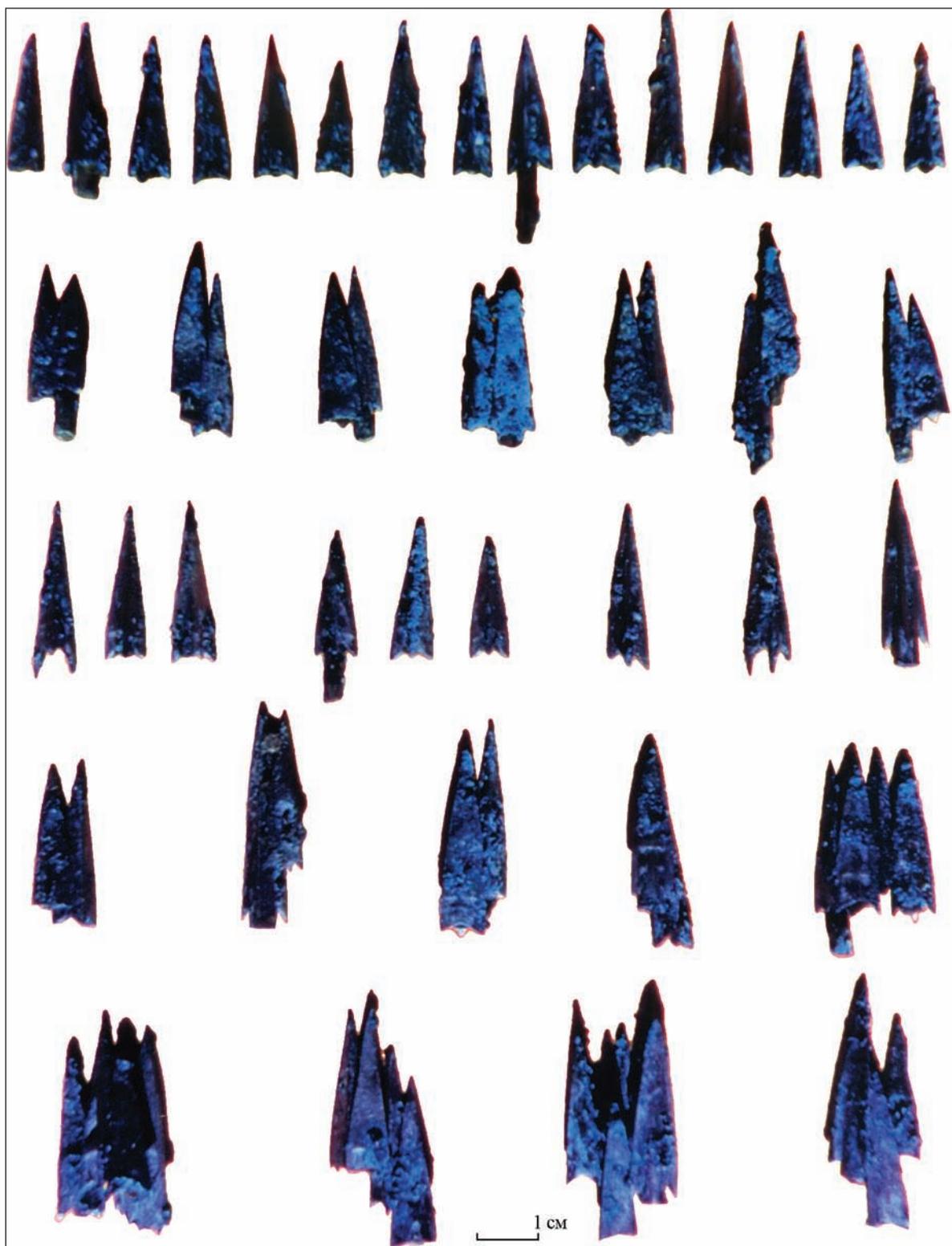

Рис. 97. Наконечники стрел колчанного набора. Фото

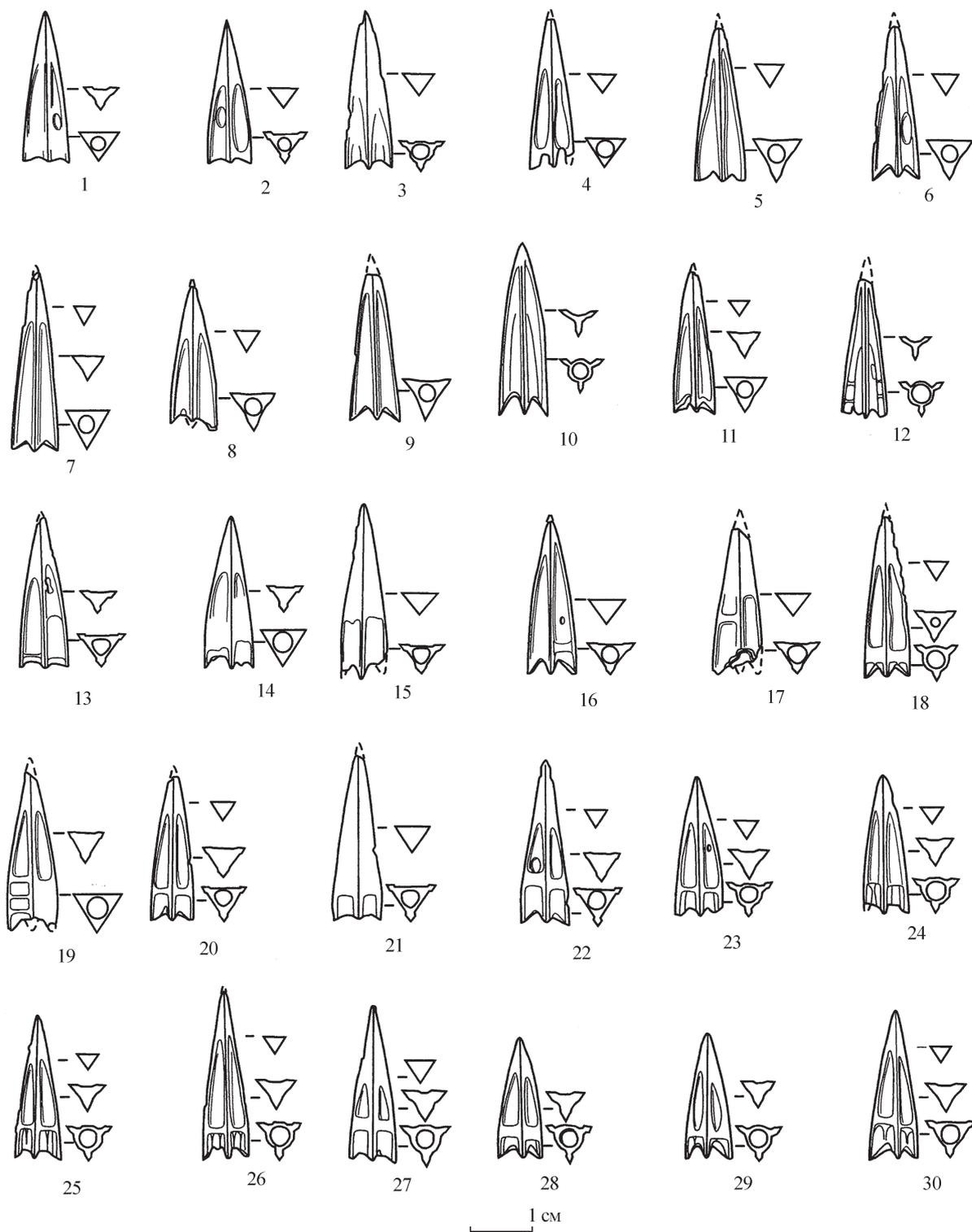

Рис. 98. Наконечники стрел колчанного набора. Графика

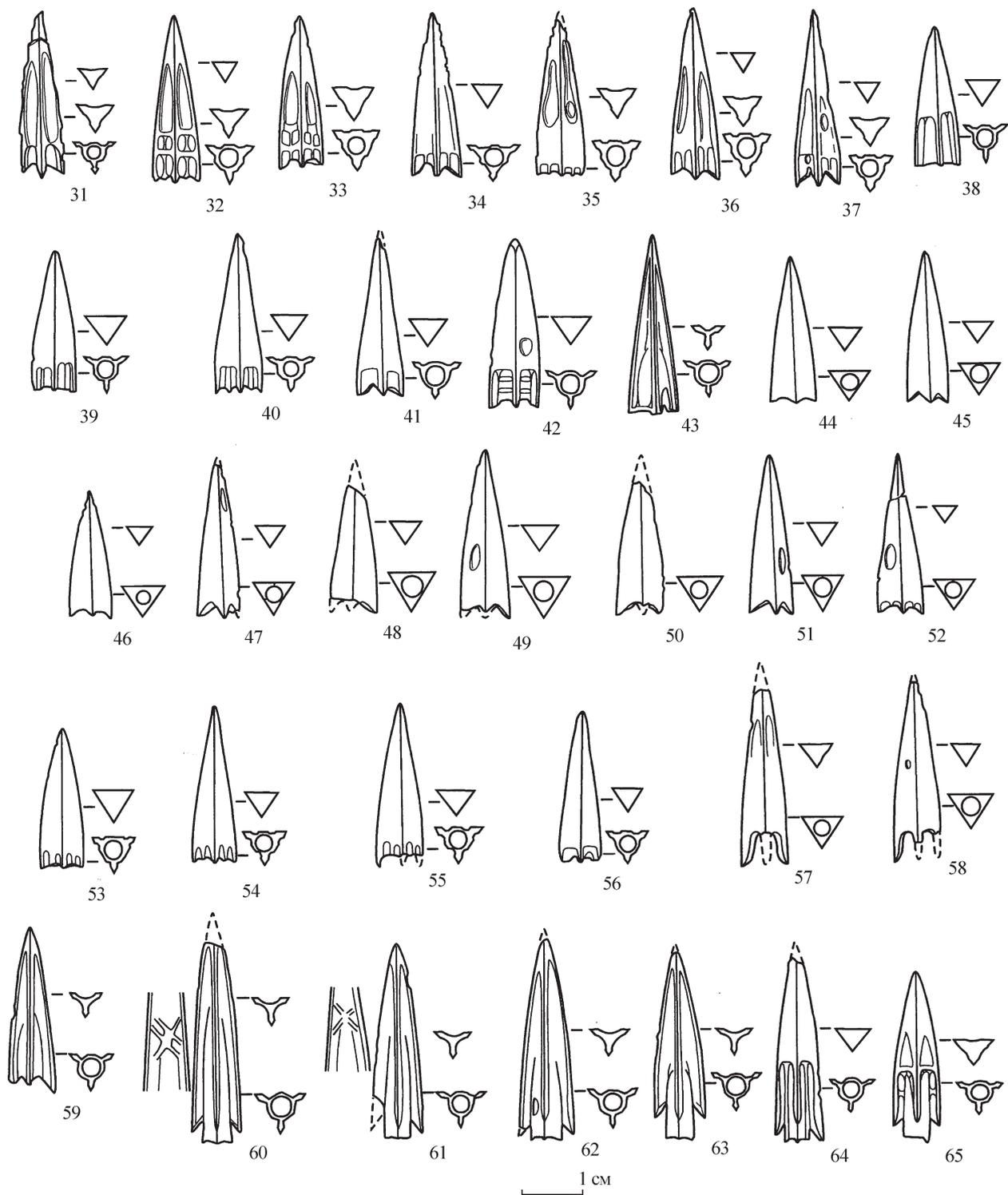

Рис. 99. Наконечники стрел колчанного набора. Графика

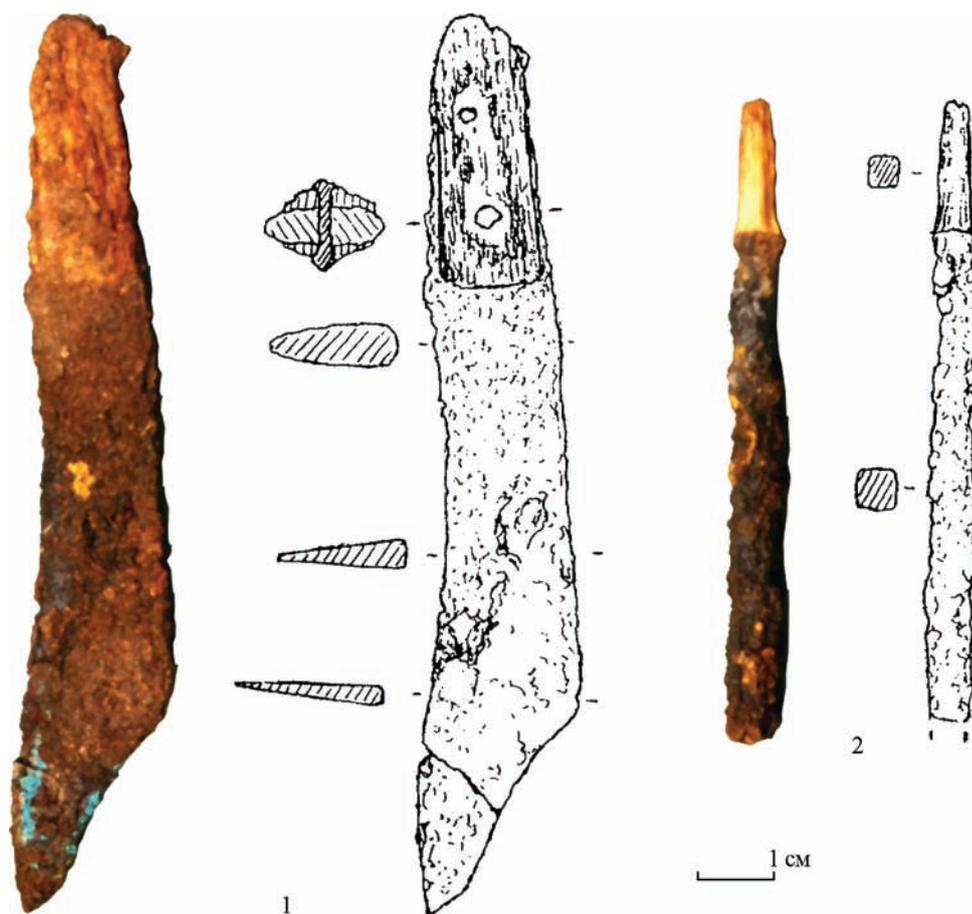

Рис. 100. Железные нож (1) и шило (2)

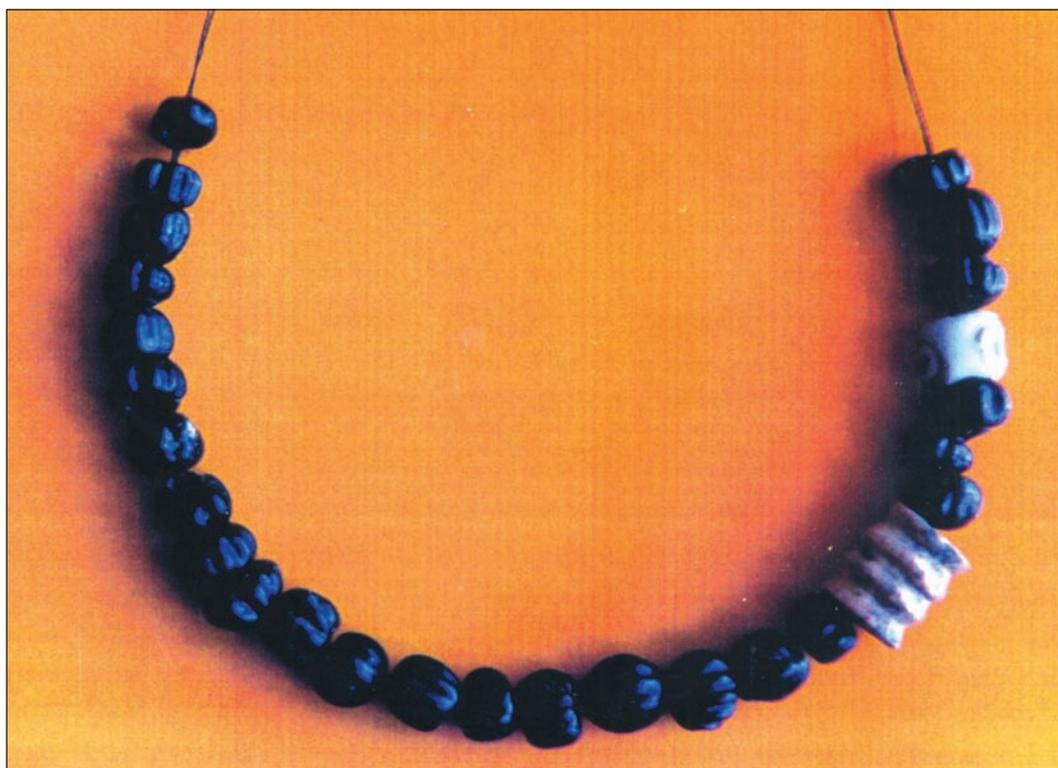

Рис. 101. Бусы-перевязь на руке охранника

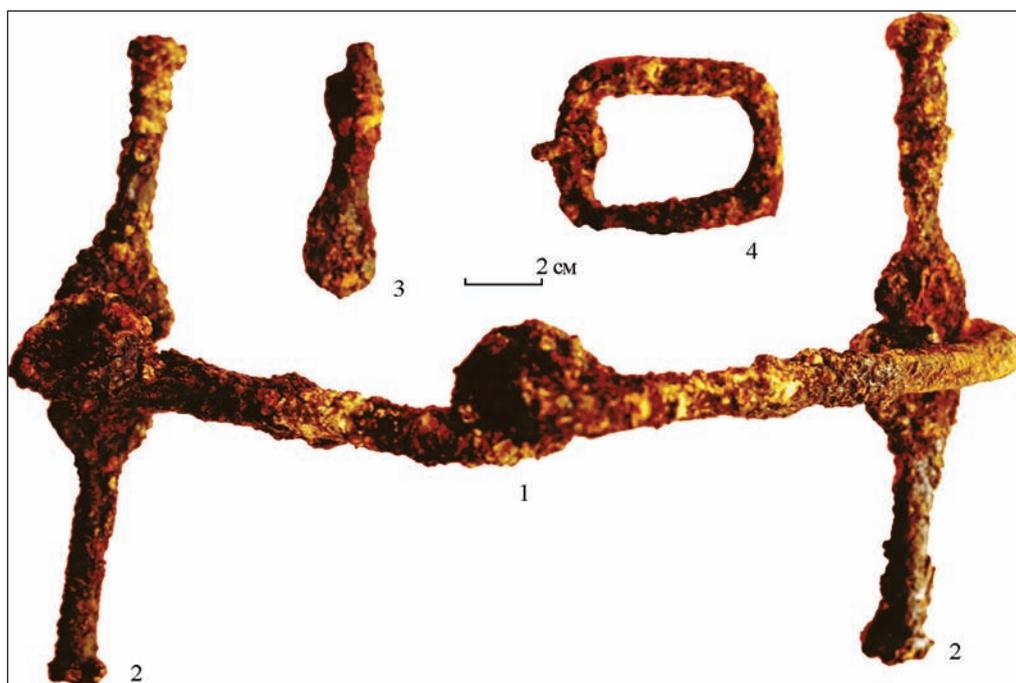

Рис. 102. Железные детали конской узды до реставрации: 1 — удила; 2 — псалии; 3 — наносник; 4 — подпружная пряжка

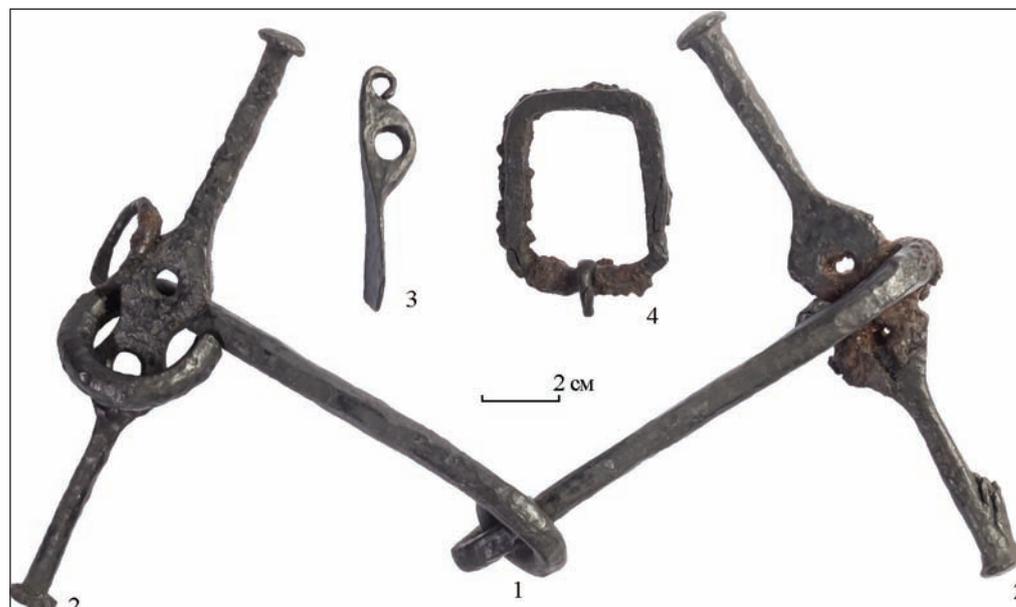

Рис. 103. Детали конской узды после реставрации (фото А. Чекановского): 1 — удила; 2 — псалии; 3 — наносник; 4 — подпружная пряжка

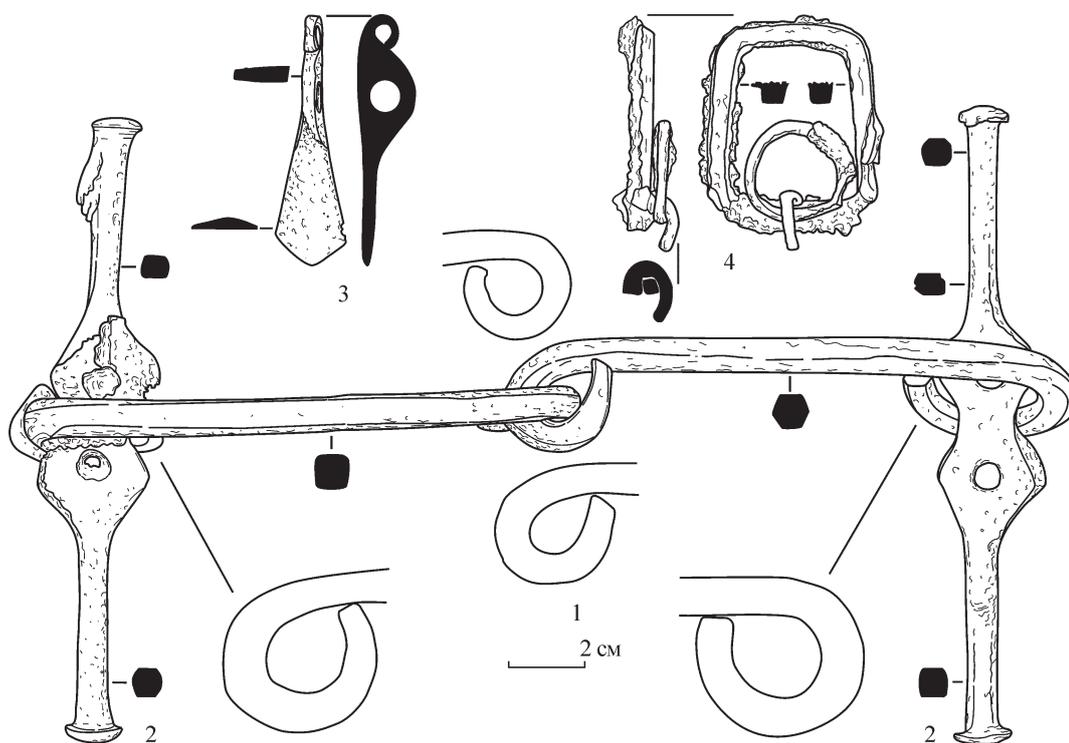

Рис. 104. Детали конской узды. Графика: 1 — удила; 2 — псалии; 3 — наносник; 4 — подпружная пряжка

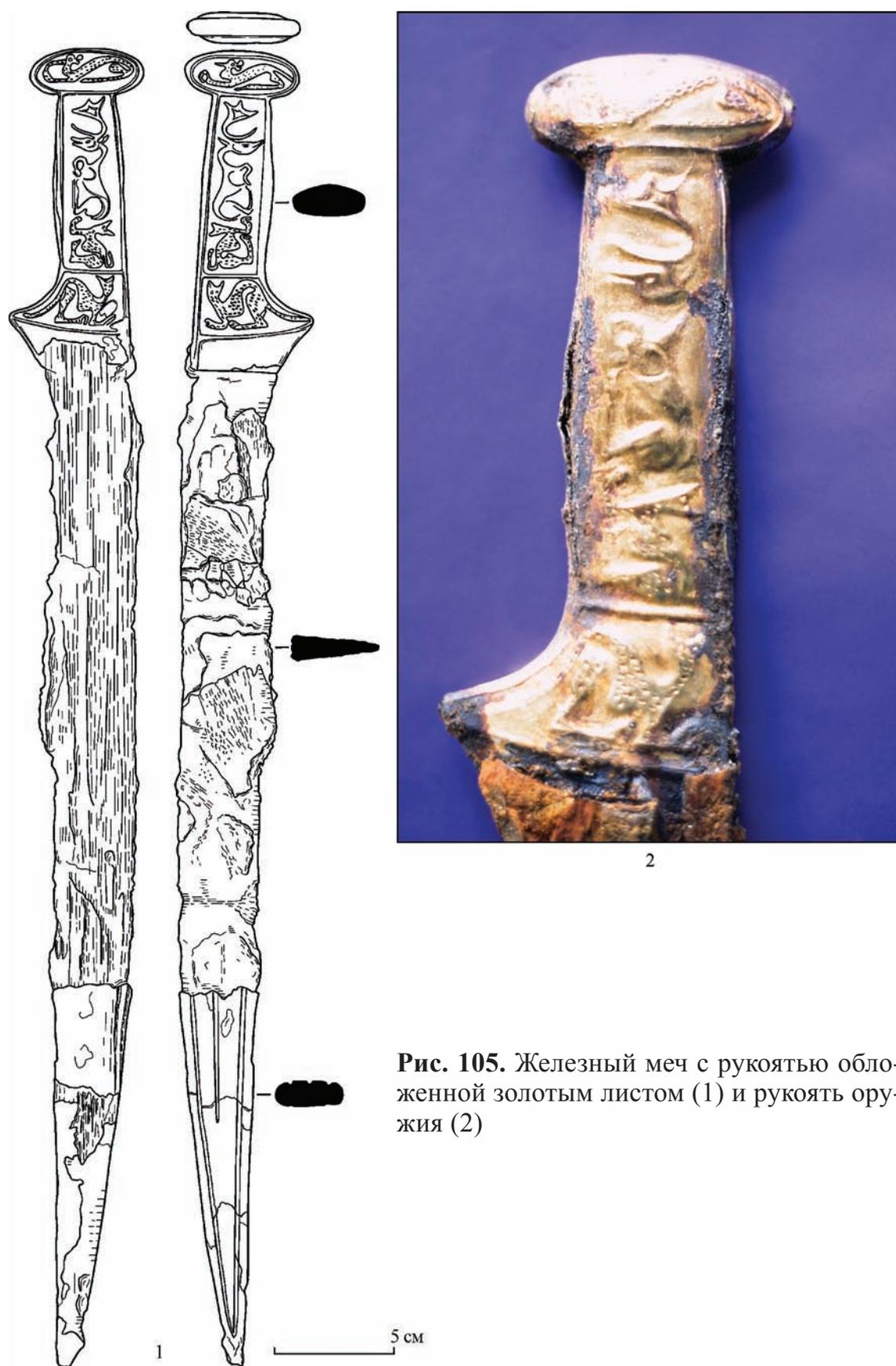

Рис. 105. Железный меч с рукоятью обложенной золотым листом (1) и рукоять оружия (2)

Рис. 106. Железные наконечники копья (1) и дротиков (2—6) до реставрации

Рис. 107. Наконечники копья (1) и дротиков (2—6) после реставрации. Фото А. Чека-
НОВСКОГО

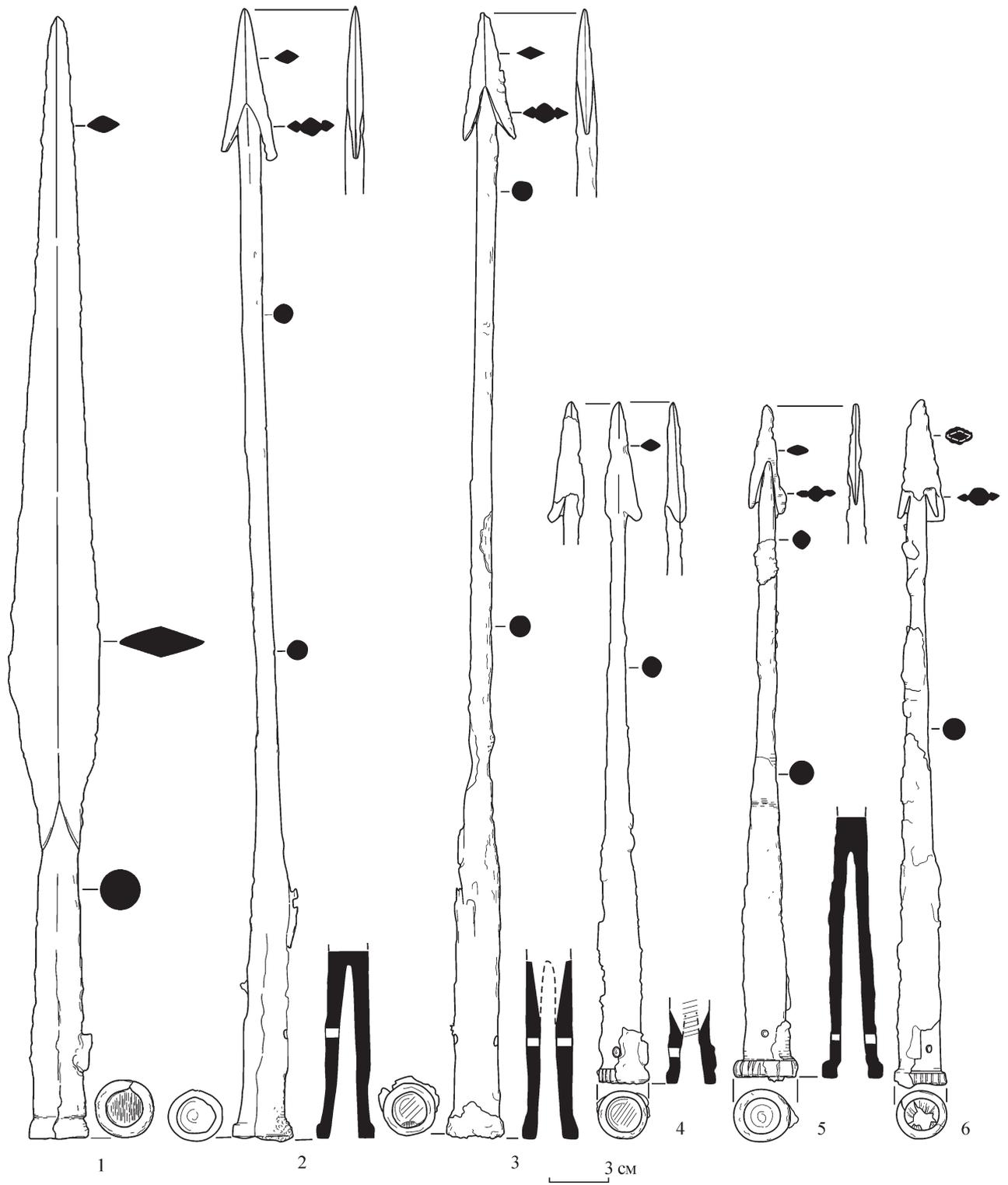

Рис. 108. Наконечники копья (1) и дротиков (2—6). Графика

Рис. 109. Железные втки копья (1) и дротиков (2—6) до реставрации

Рис. 110. Железные втки некоторых дротиков после реставрации. Фото А. Чекановского

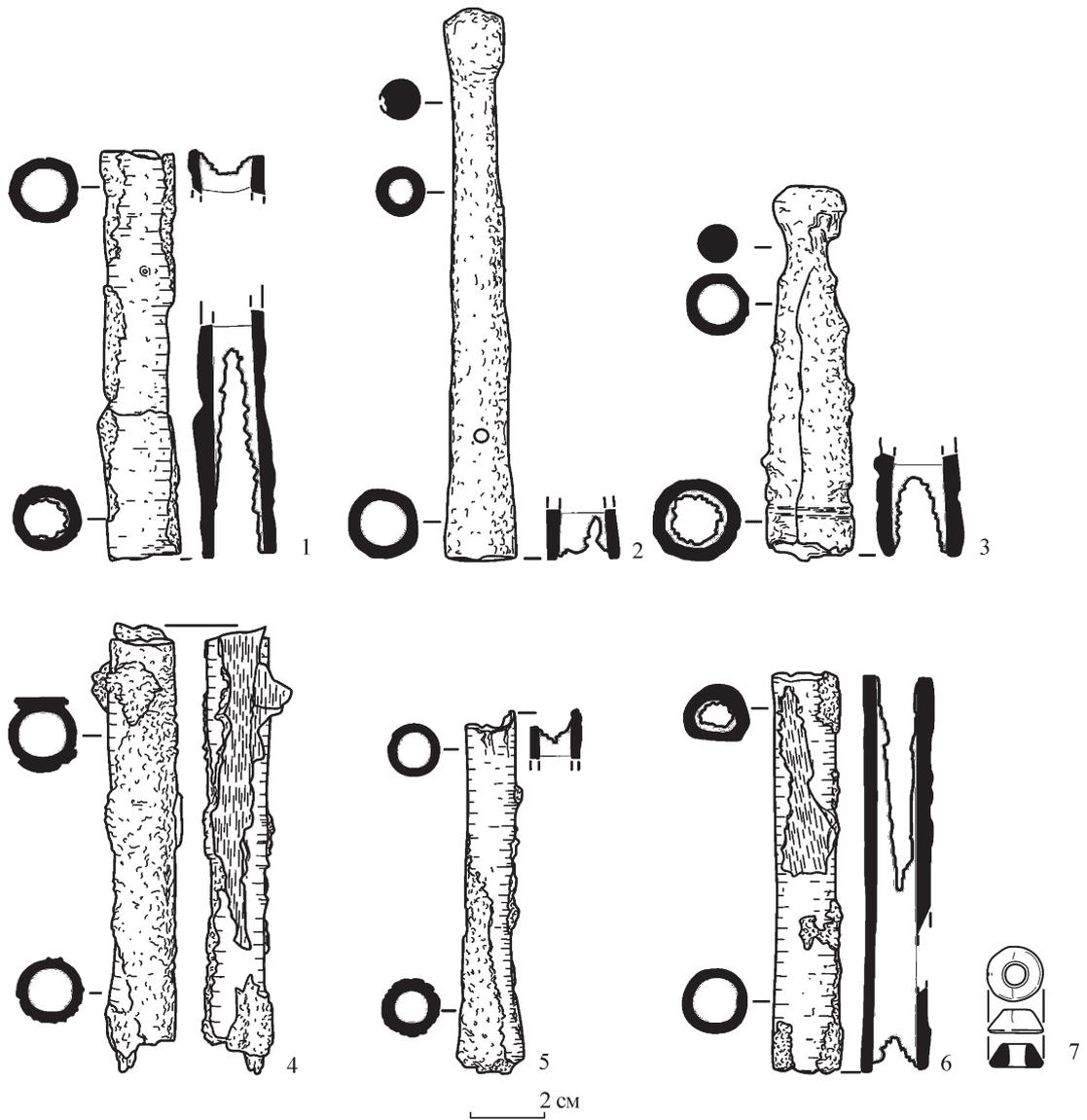

Рис. 111. Железные втки копья (1) и дротиков (2—6), ворворка (7). Графика

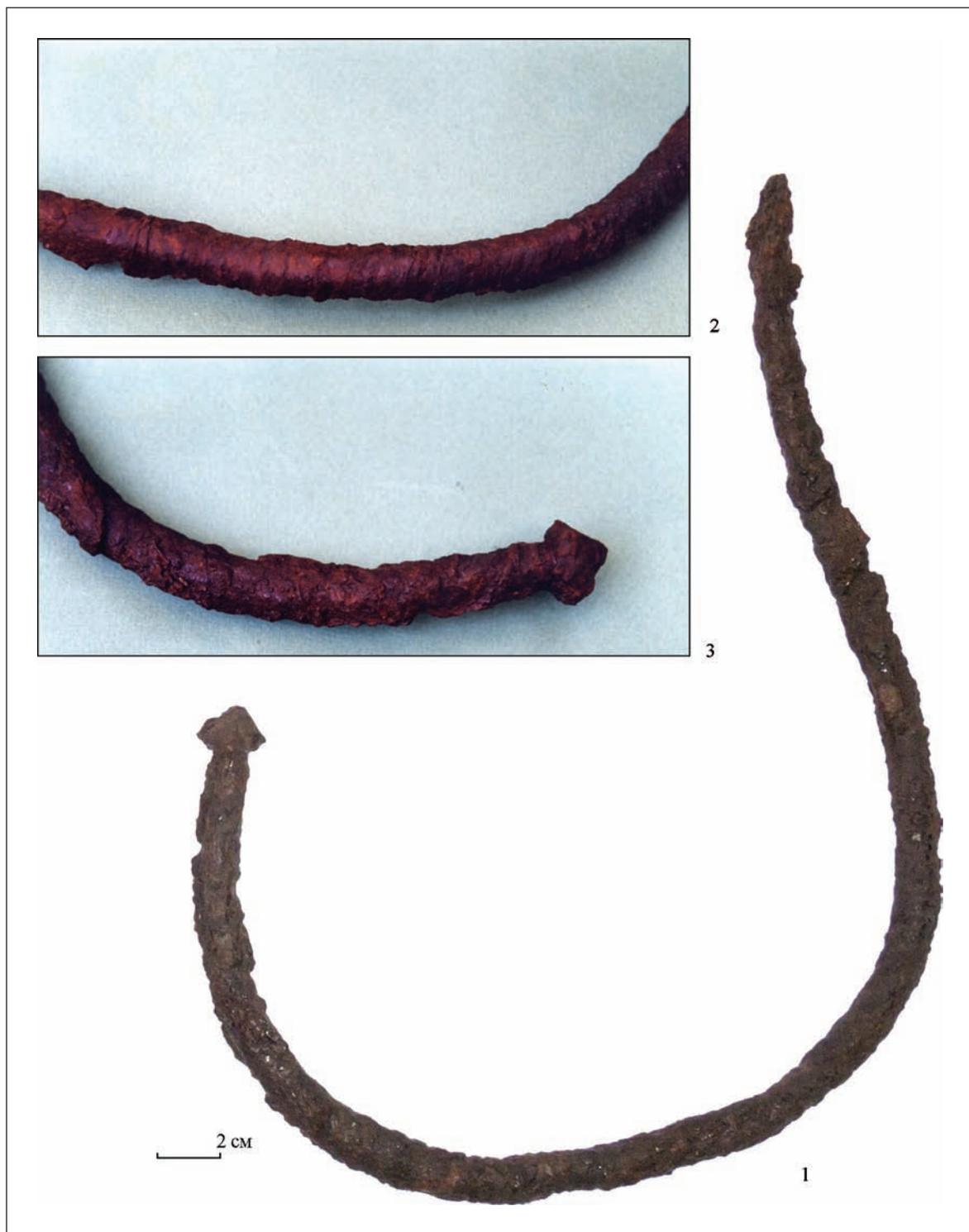

Рис. 112. Большой железный крюк для крепления копья и дротиков на стене (1) и его детали (2, 3)

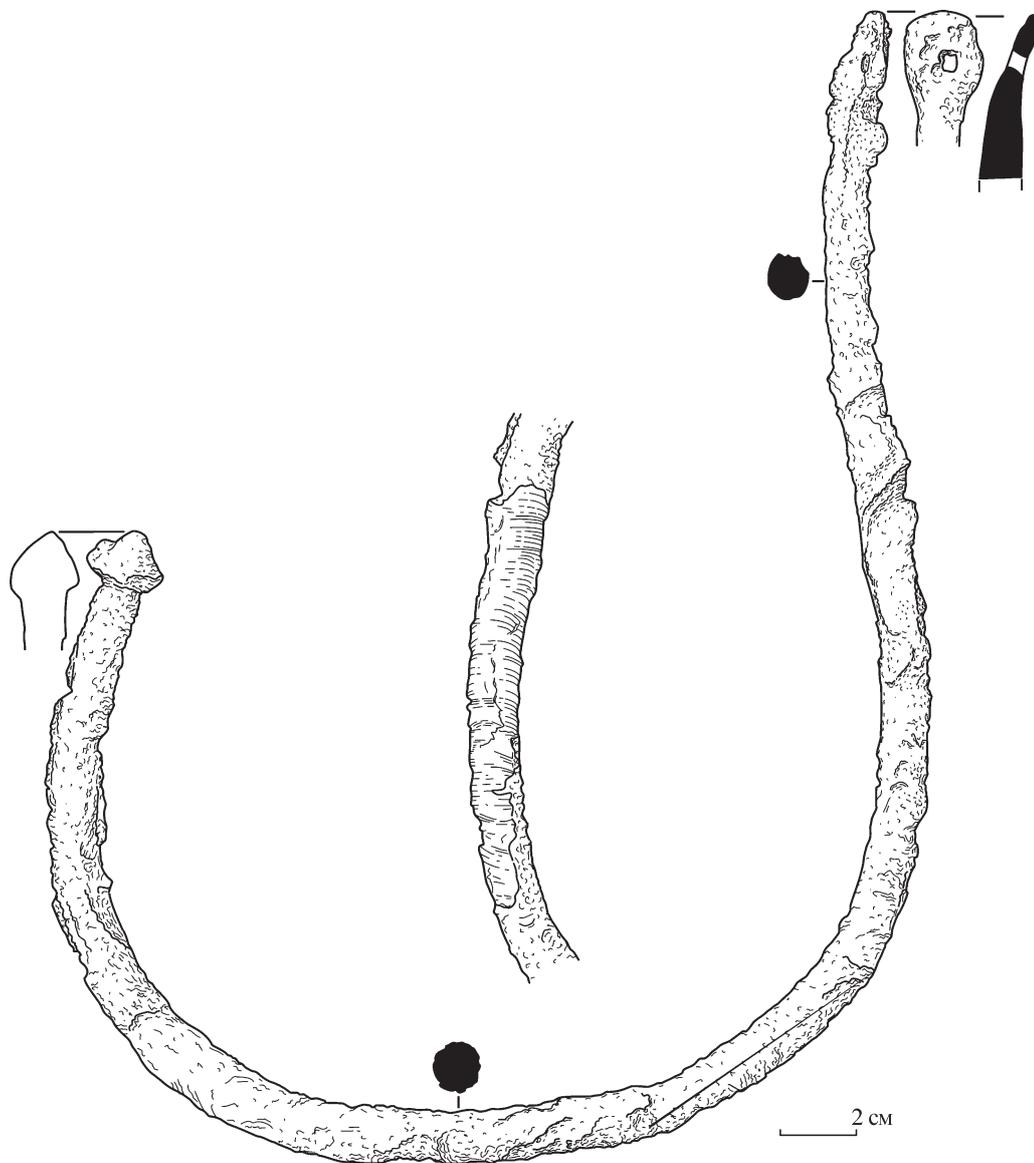

Рис. 113. Большой железный крюк. Графика

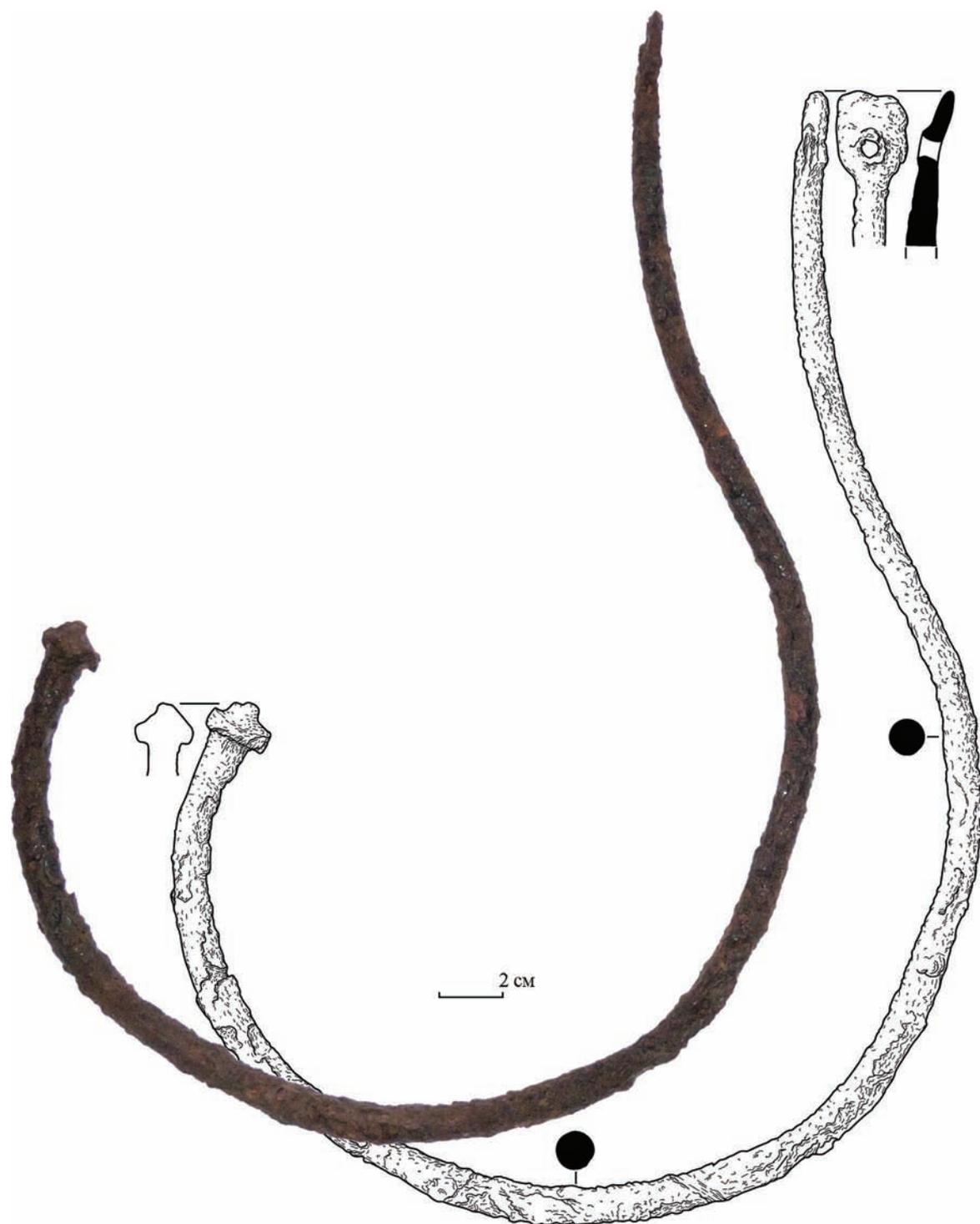

Рис. 114. Большой железный крюк для крепления копья и дротиков на стене

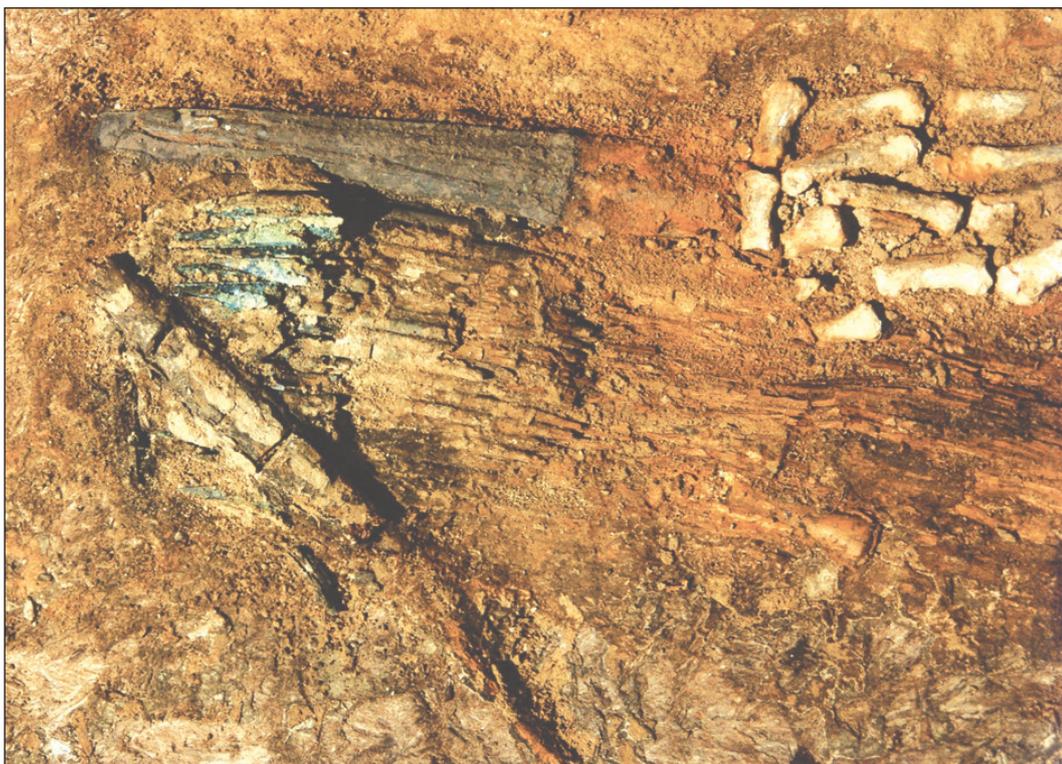

Рис. 115. Бронзовые наконечники стрел с остатками древков в колчанном отделении горита

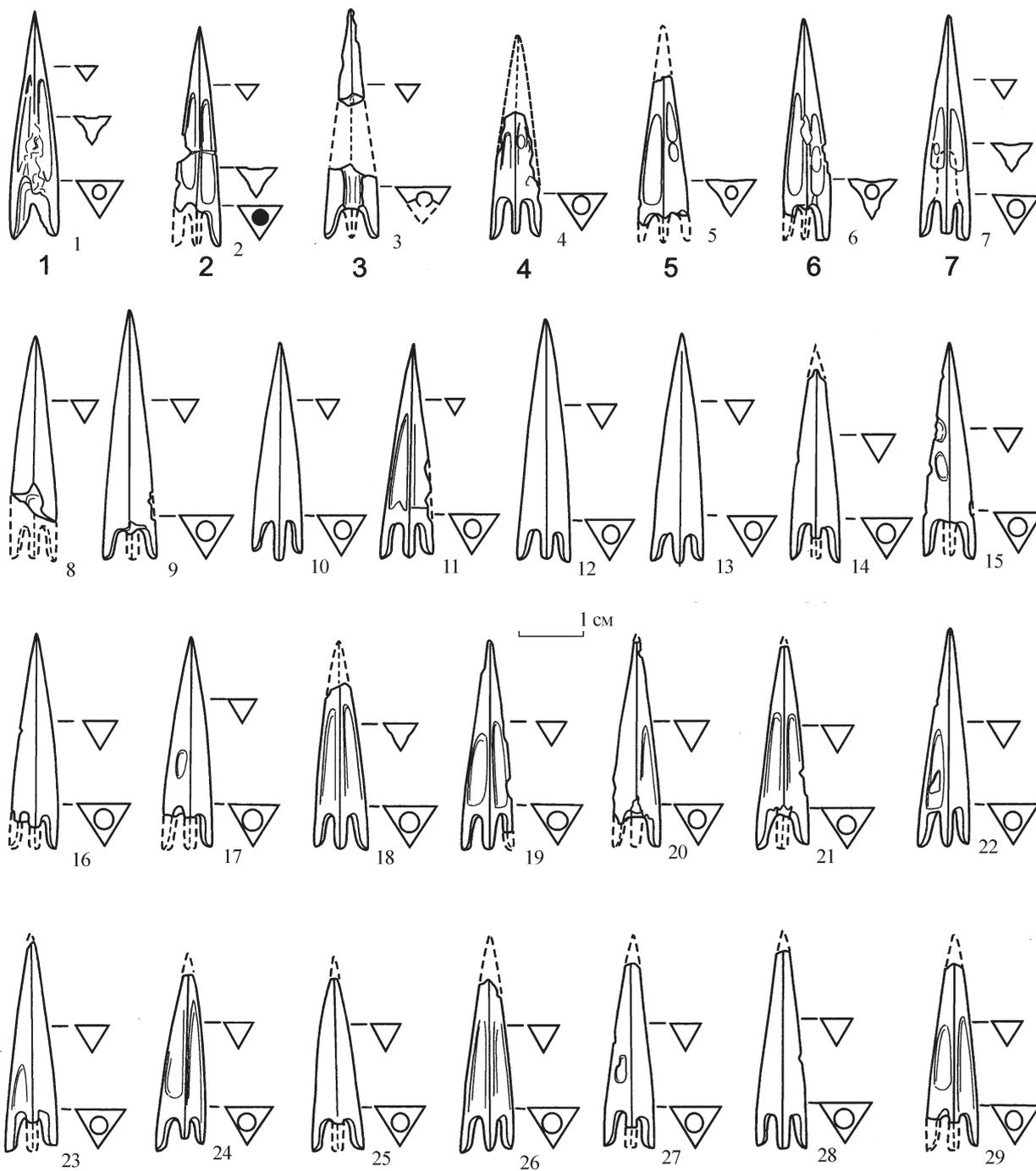

Рис. 116. Бронзовые наконечники стрел набора в горите

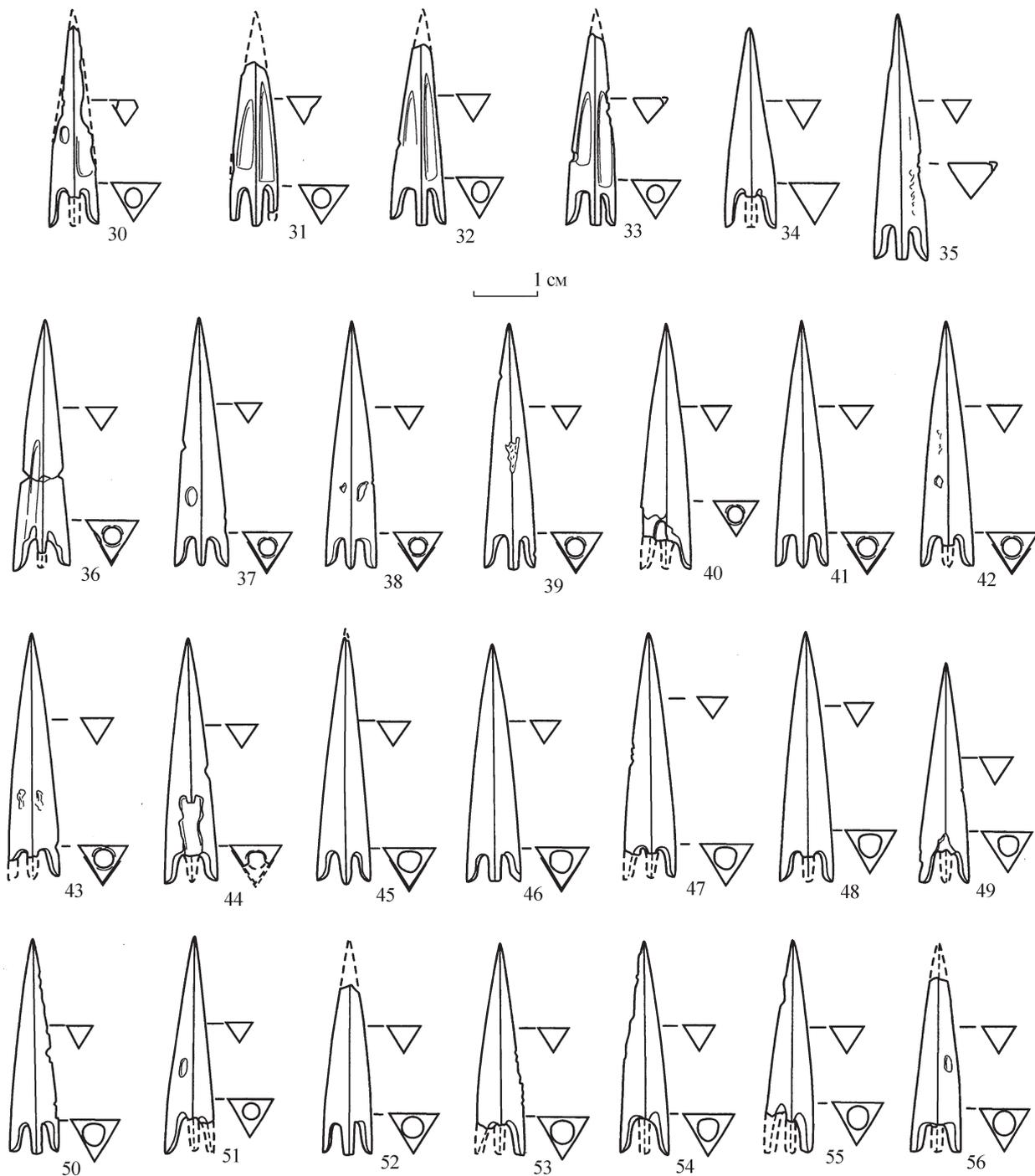

Рис. 117. Бронзовые наконечники стрел набора в горите

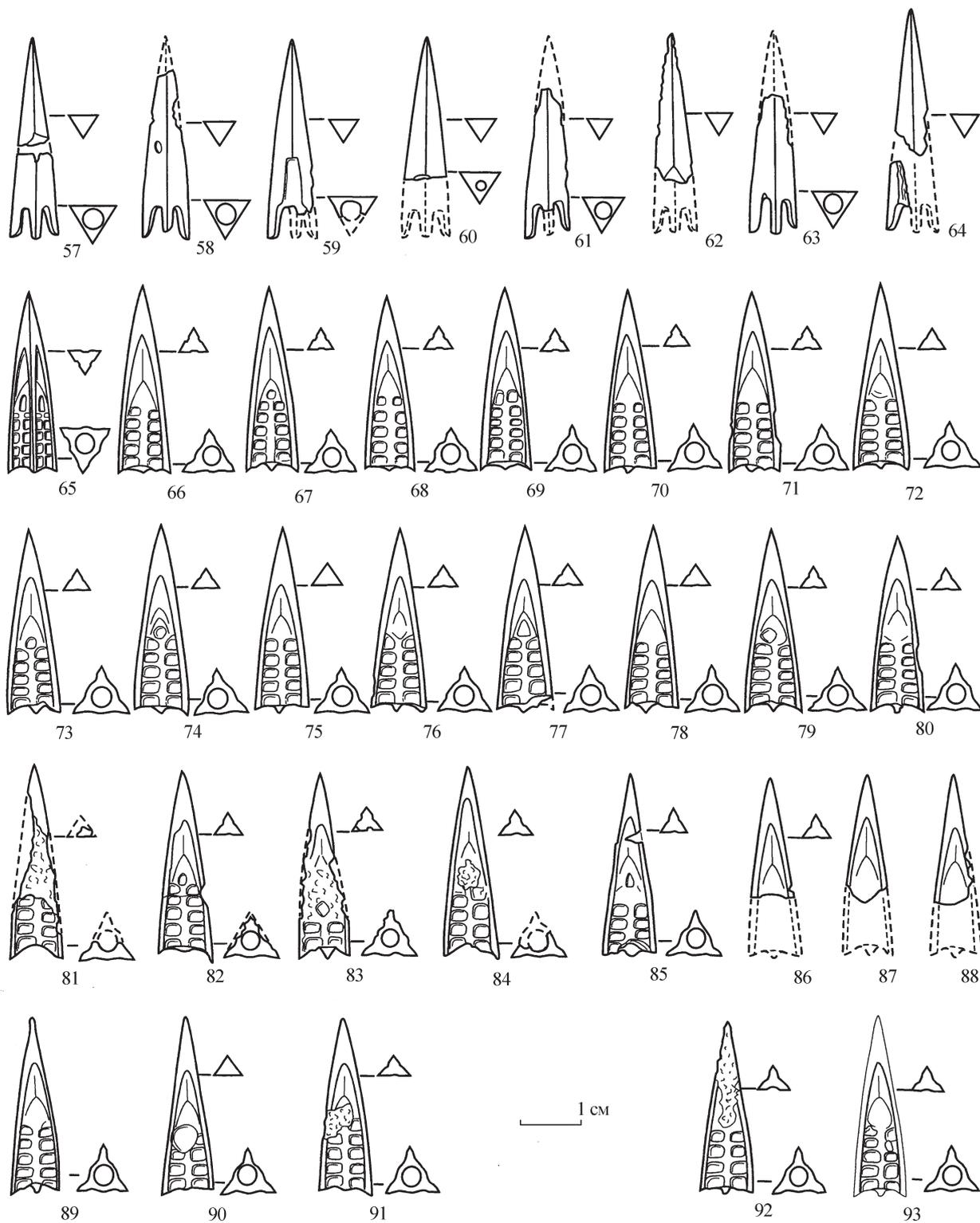

Рис. 118. Бронзовые наконечники стрел набора в горите

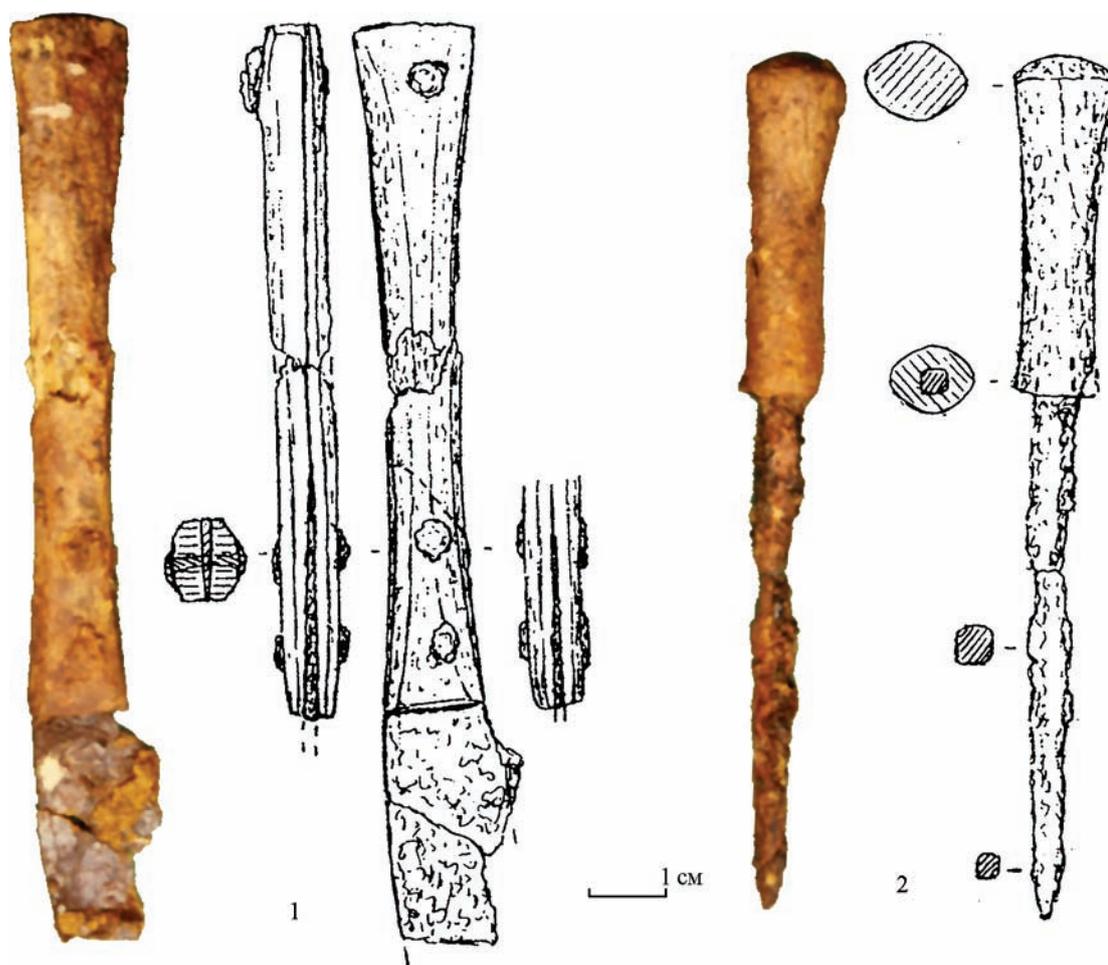

Рис. 119. Железные нож (1) и шило (2) из колчанного набора в горите

Рис. 120. Блок бронзовых наконечников стрел колчанного набора в головах знатного скифа

Рис. 121. Наконечники стрел с остатками древков в колчане у головы знатного скифа

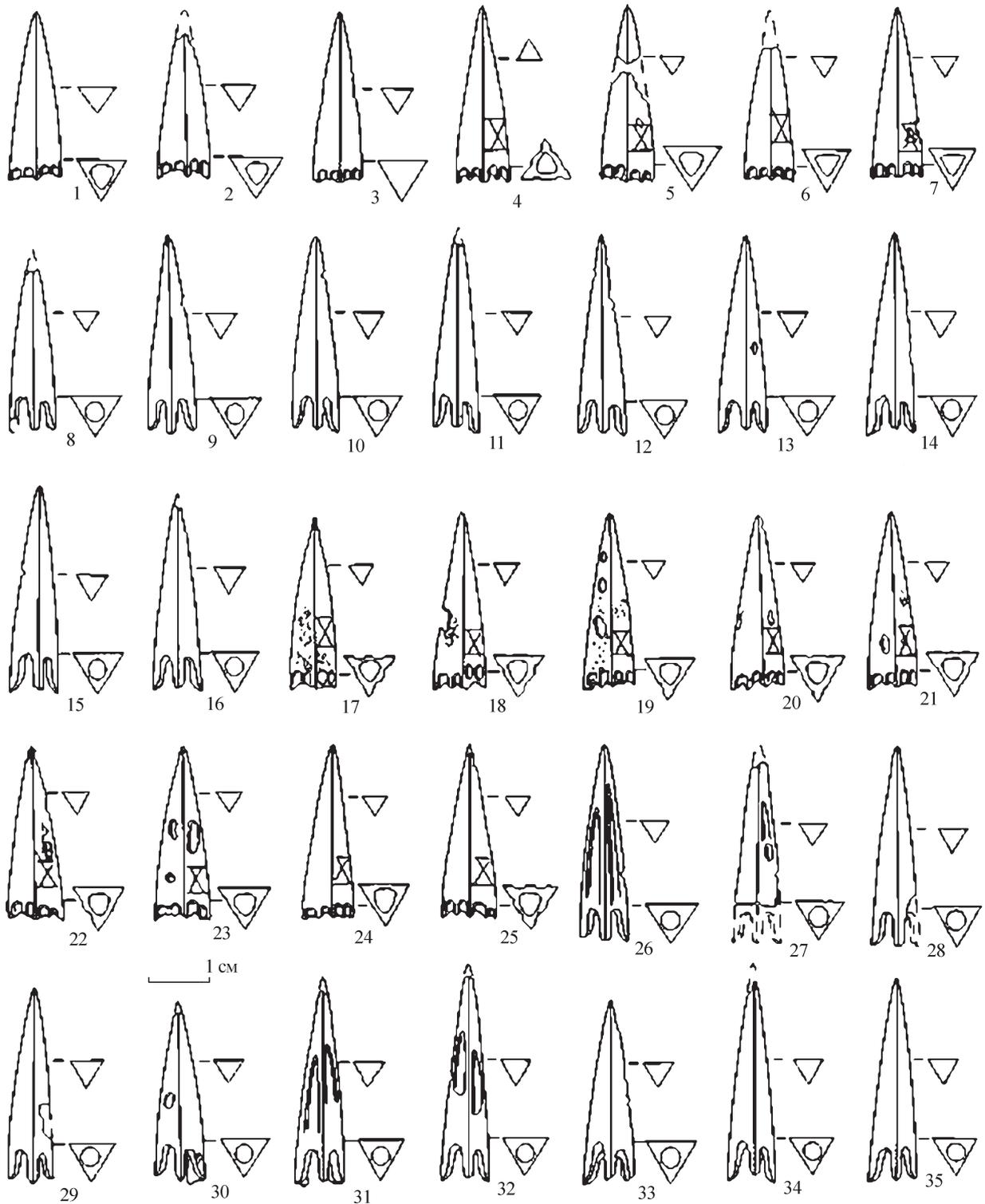

Рис. 122. Наконечники стрел из колчана у головы вождя

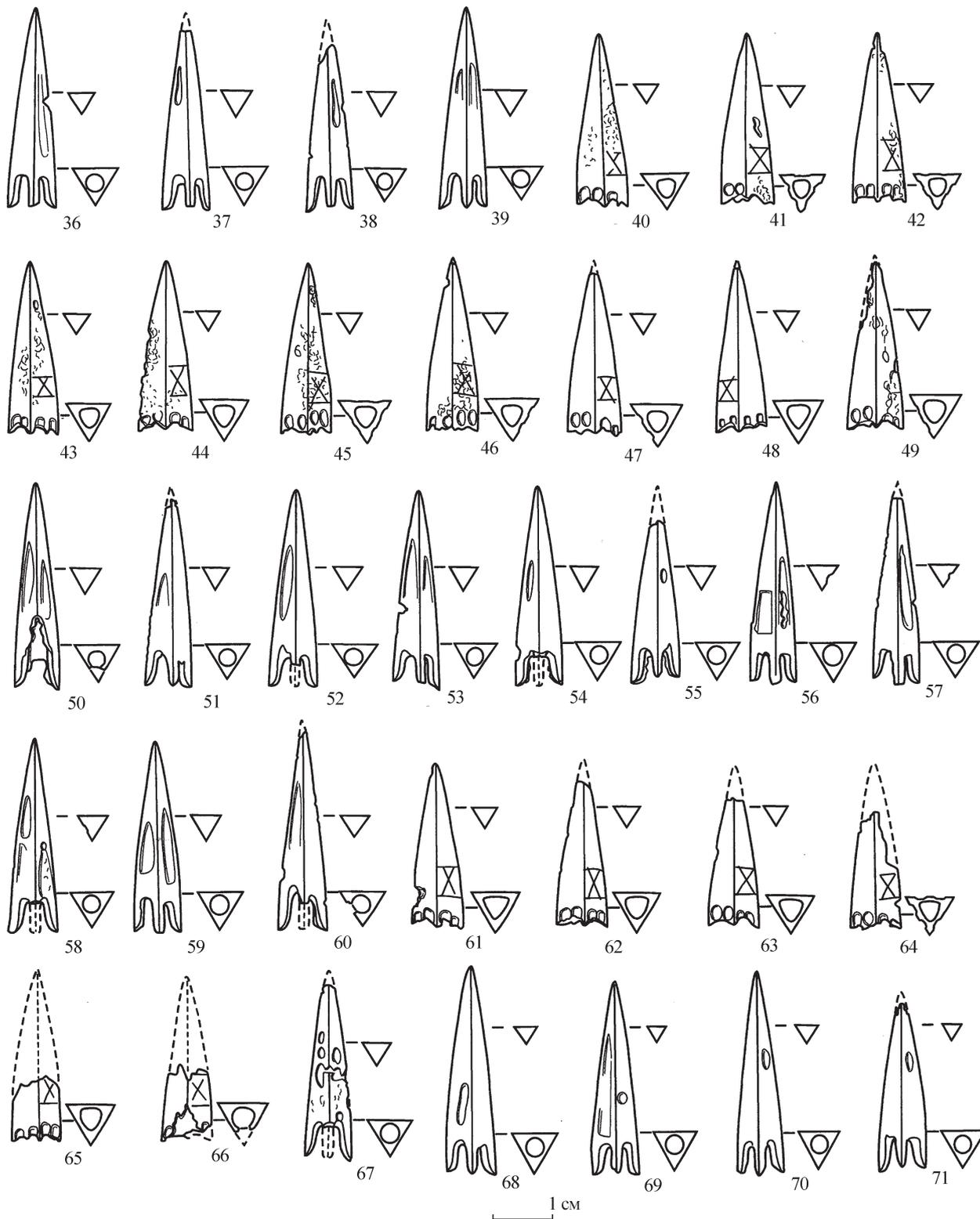

Рис. 123. Наконечники стрел из колчана у головы вождя

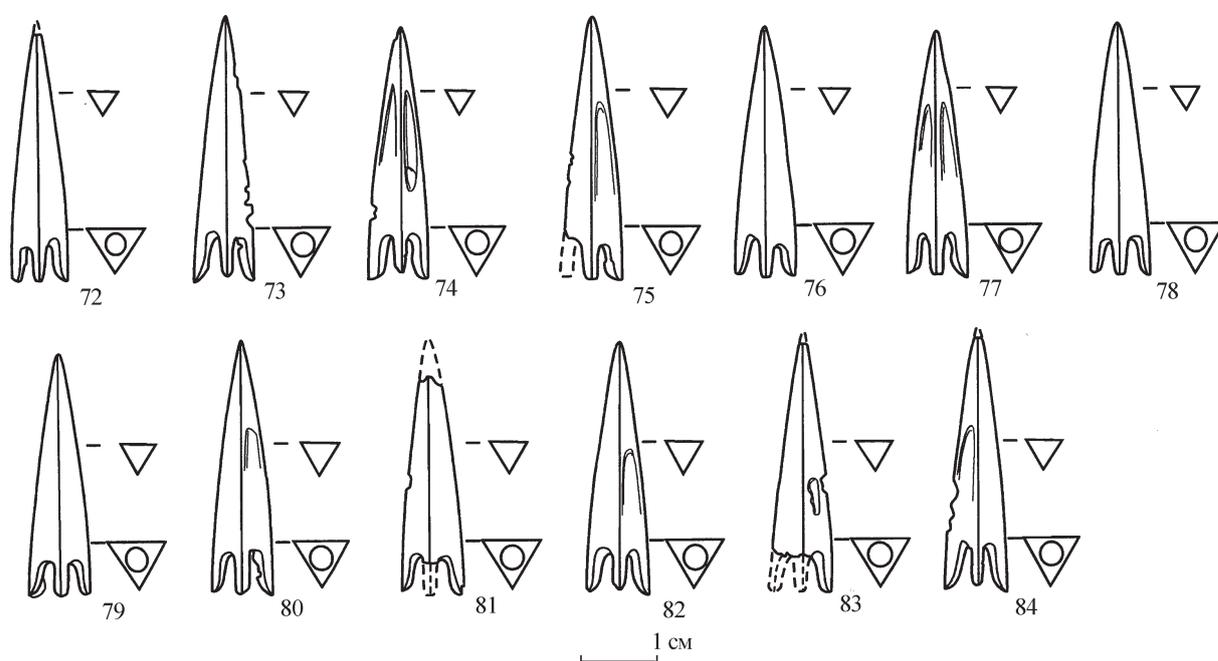

Рис. 124. Наконечники стрел из колчана у головы вождя

Рис. 125. Железный нож из колчана в головах: 1 — вид до реставрации; 2 — вид после реставрации (фото А. Чекановского); 3 — графика

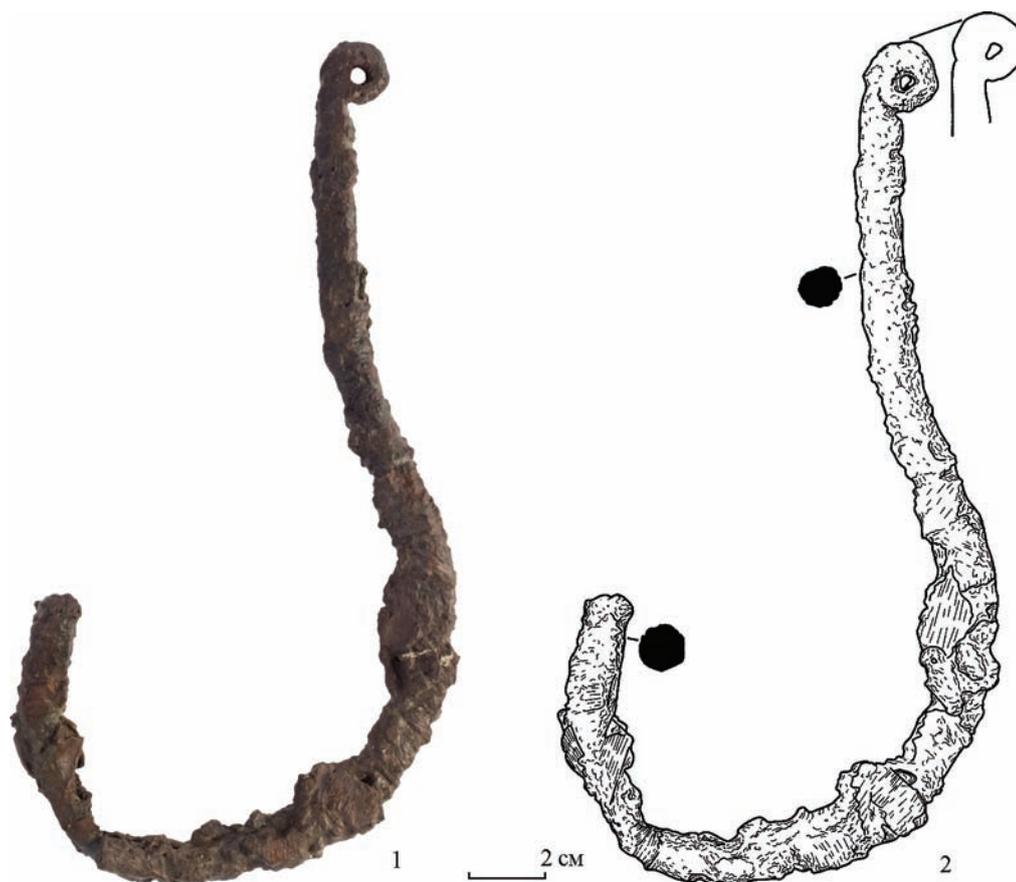

Рис. 126. Железный крюк для подвешивания колчана у головы воина: 1 — вид после реставрации (фото А. Чекановского); 2 — графика

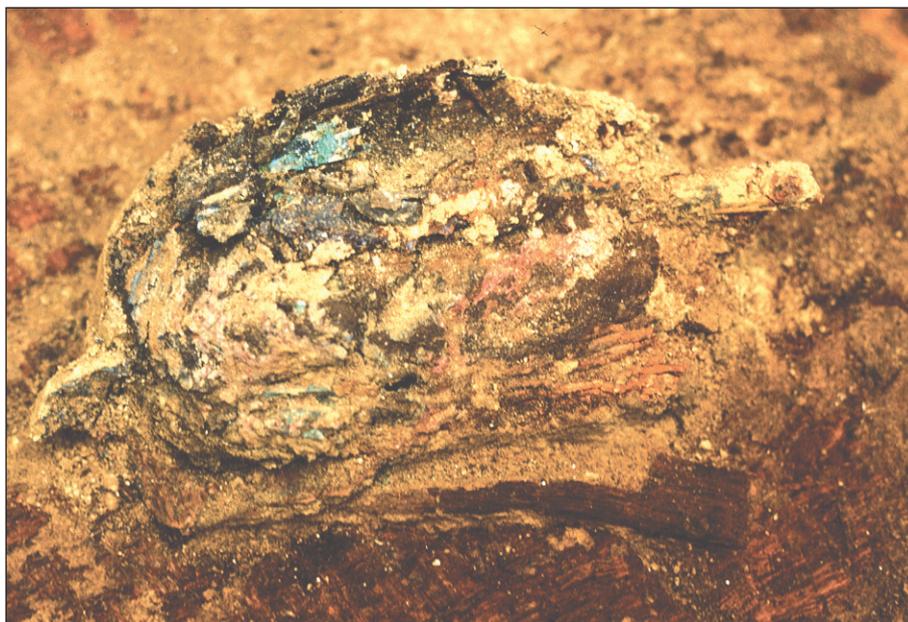

Рис. 127. Остатки колчана *in situ* у ног вождя

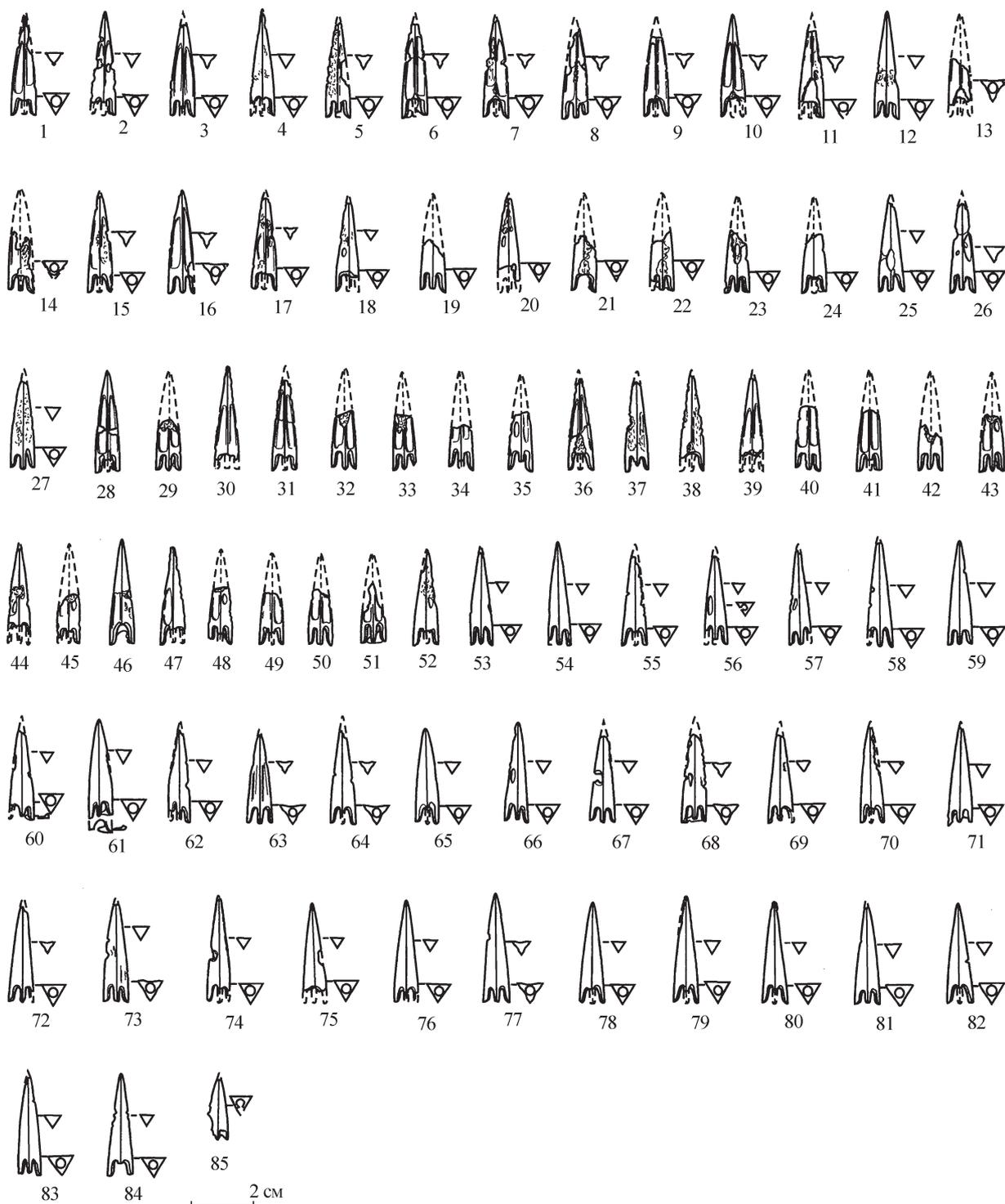

Рис. 128. Бронзовые наконечники из колчана в ногах вождя

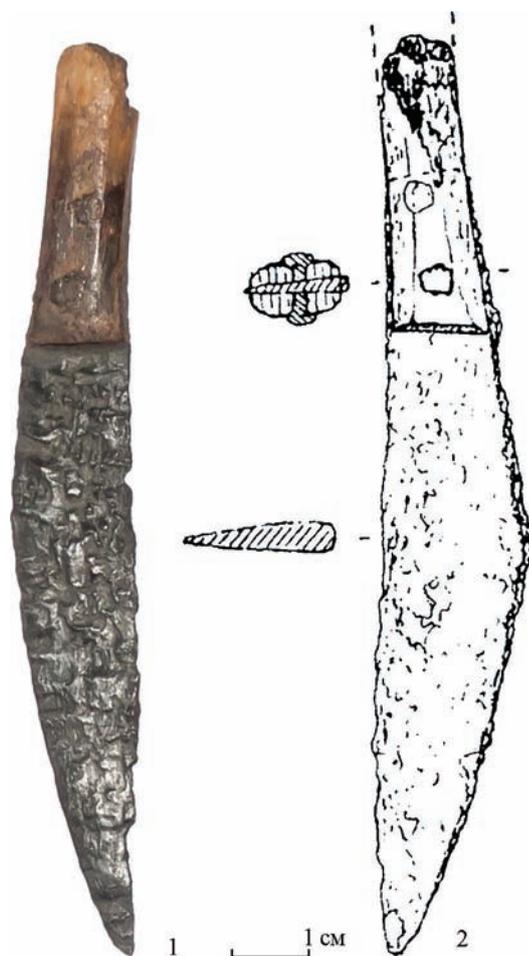

Рис. 129. Железный нож из колчана в ногах вождя: 1 — вид после реставрации (фото А. Чекановского); 2 — графика

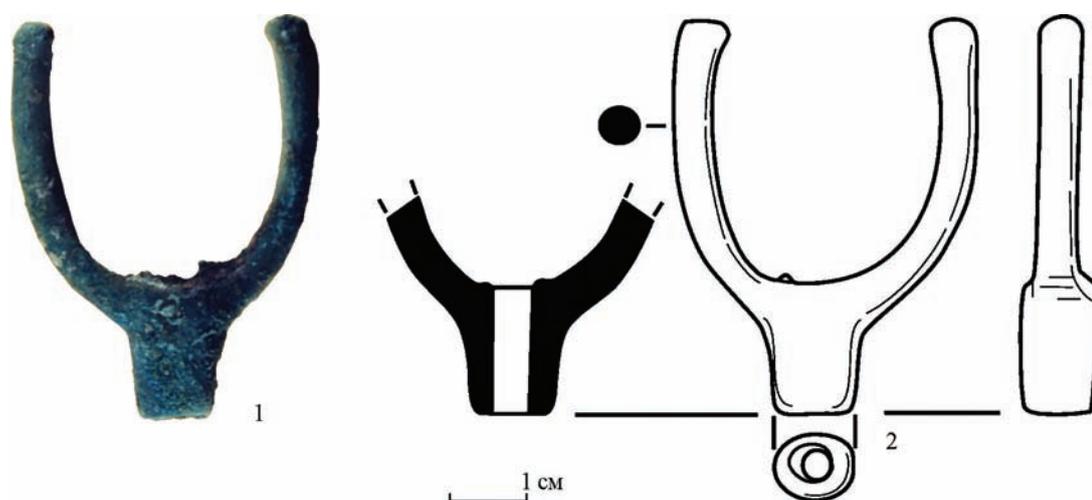

Рис. 130. Бронзовый вилкообразный наконечник: 1 — вид до реставрации; 2 — графика

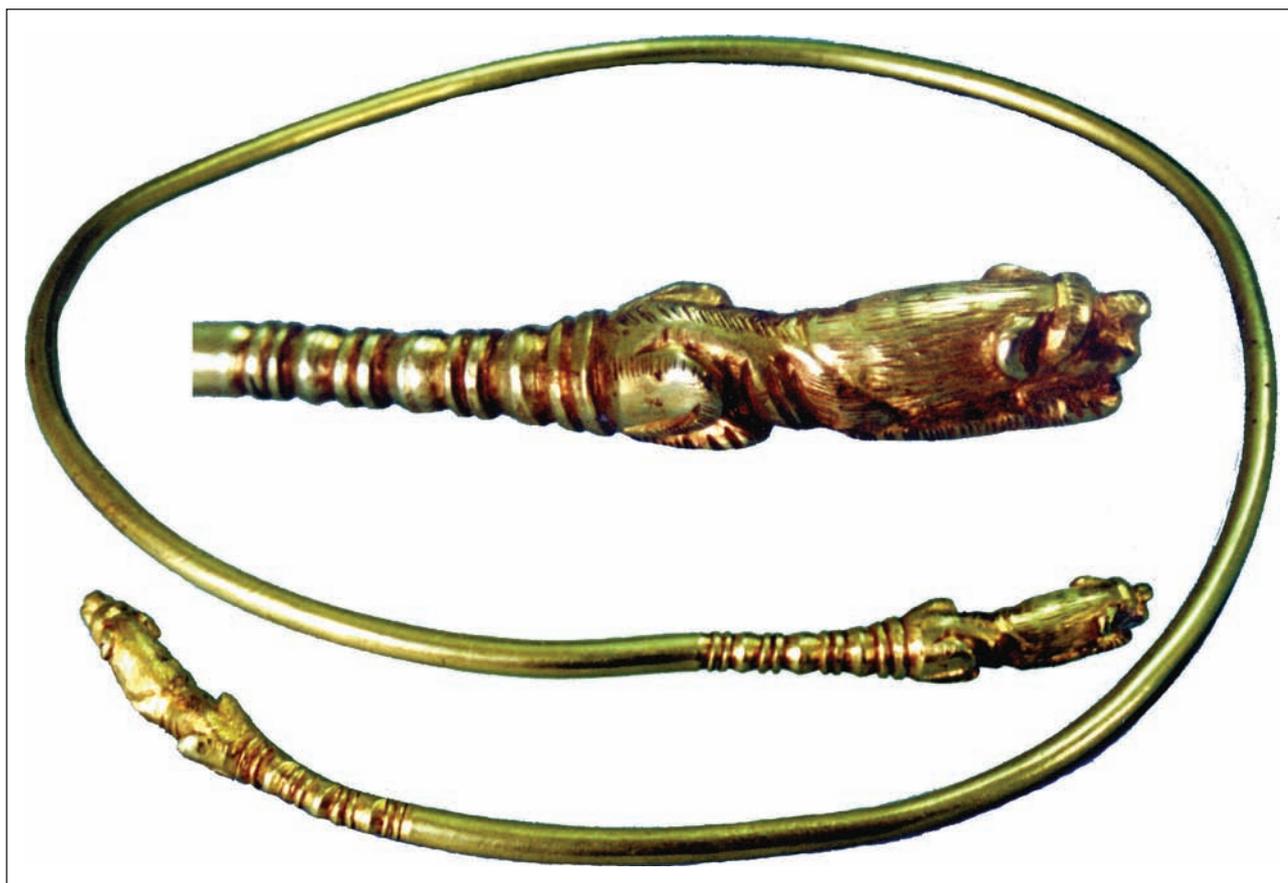

Рис. 131. Гривна золотая

Рис. 132. Детали ритона в момент обнаружения: 1 — верхняя часть — обойма (золото); 2 — средняя часть — раструб (серебро); 3, 4 — наконечник-мундштук (золото)

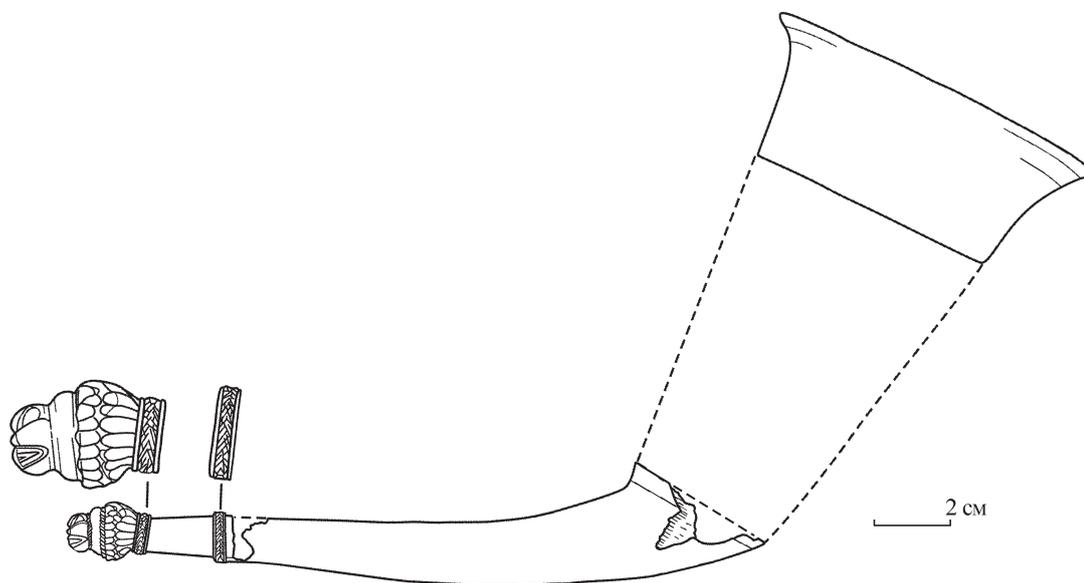

Рис. 133. Ритон. Графическая реконструкция

Рис. 134. Ритон. Модельная реконструкция

Рис. 135. Кубок серебряный

Рис. 136. Килик серебряный

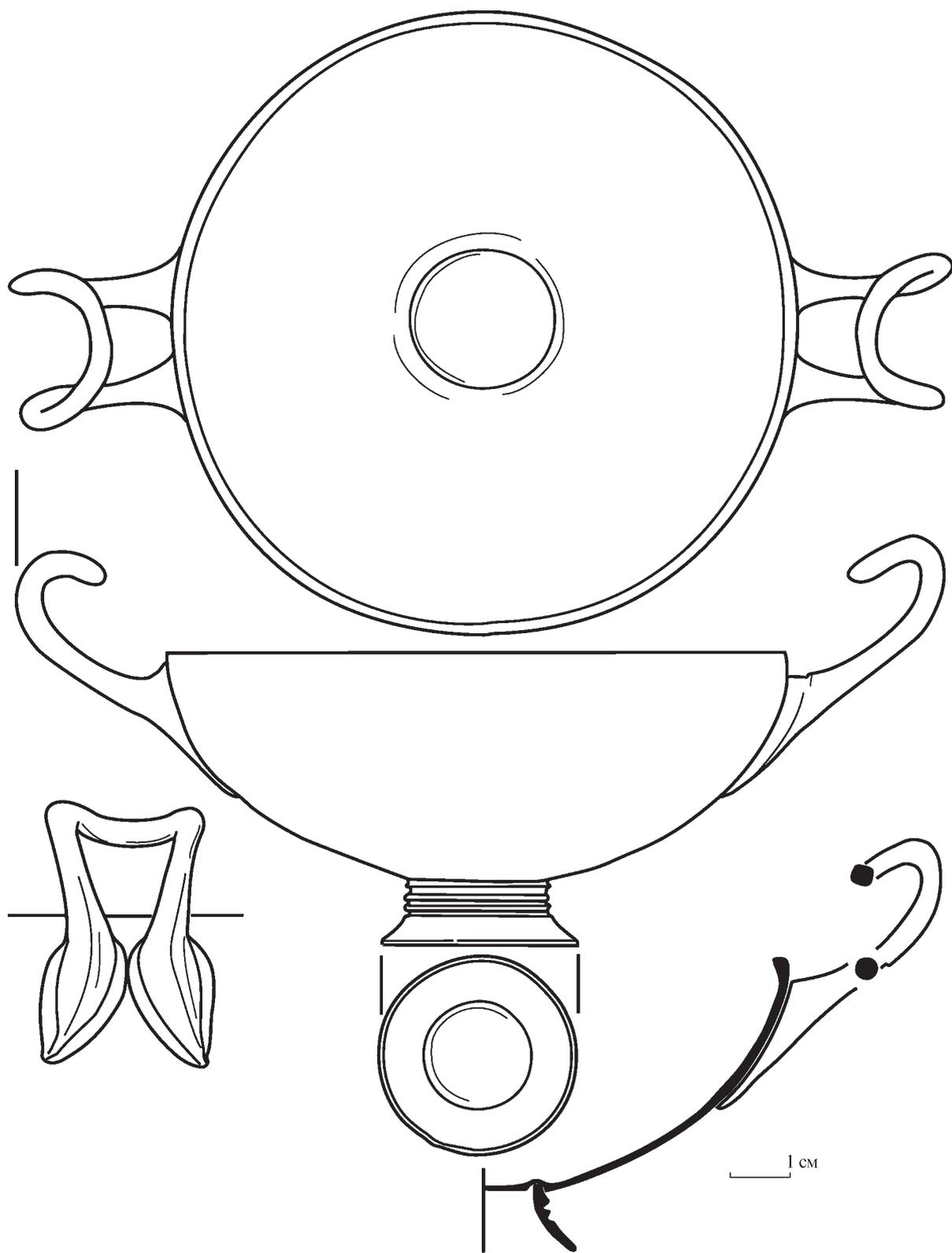

Рис. 137. Килик. Графика

Рис. 138. Метопида калафа

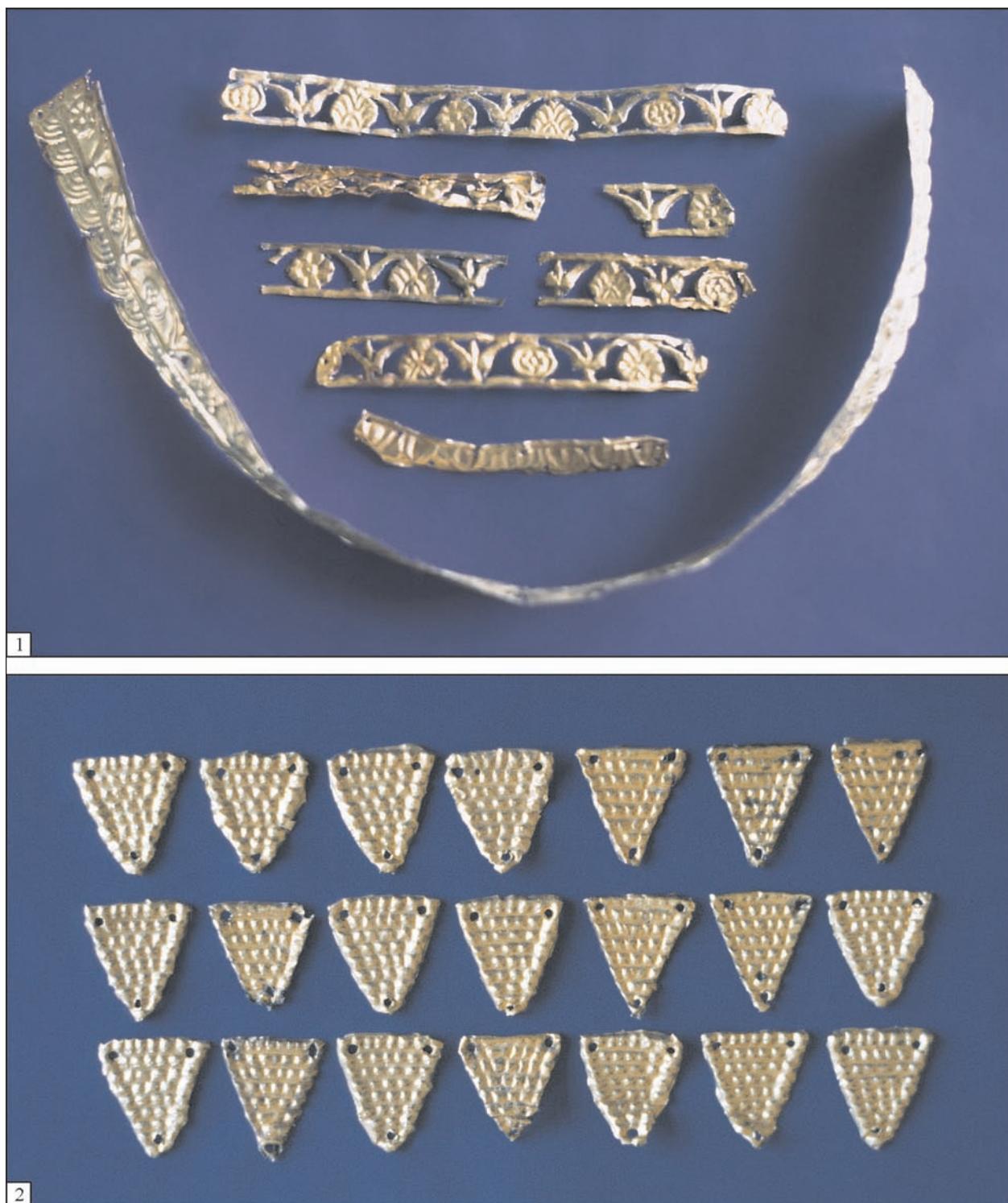

Рис. 139. Пластинки-аппликации с растительным орнаментом (1), метопида и бляшки треугольной формы, украшенные пуансонным орнаментом (2)

Рис. 140. Аппликации с изображением зайцев — детали головного убора

Рис. 141. Ленты с шумящими подвесками — детали головного убора

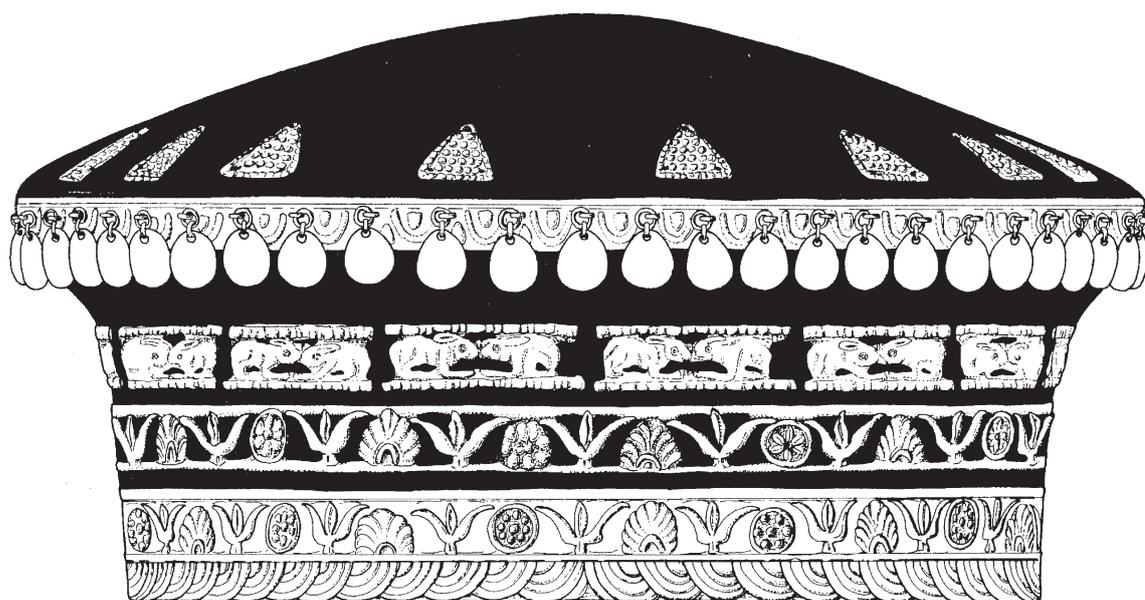

Рис. 142. Графическая реконструкция женского головного убора

Рис. 143. Крупные золотые аппликации в виде головы Медузы Горгоны — украшения покрывала

Рис. 144. Мелкие золотые бантикоподобные аппликации — украшения покрывала

Рис. 145. Модельная реконструкция калафа и покрывала. Изготовила М. Савич

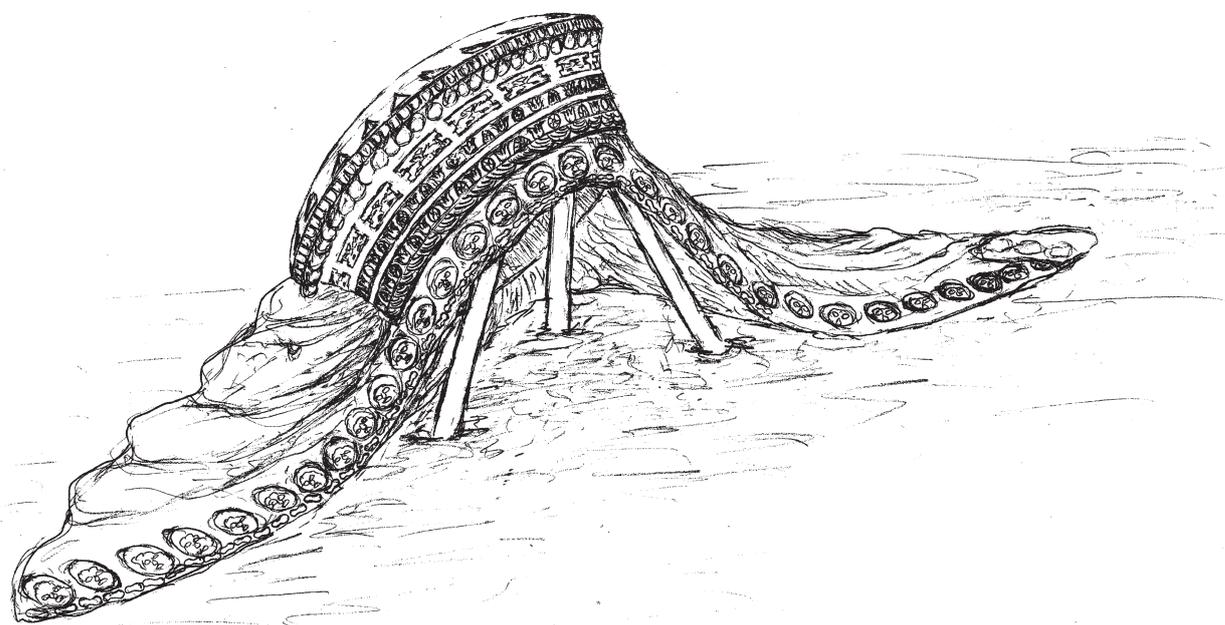

Рис. 146. Реконструкция положения головного убора и покрывала в погребальной камере Центральной могилы Большого Рыжановского кургана

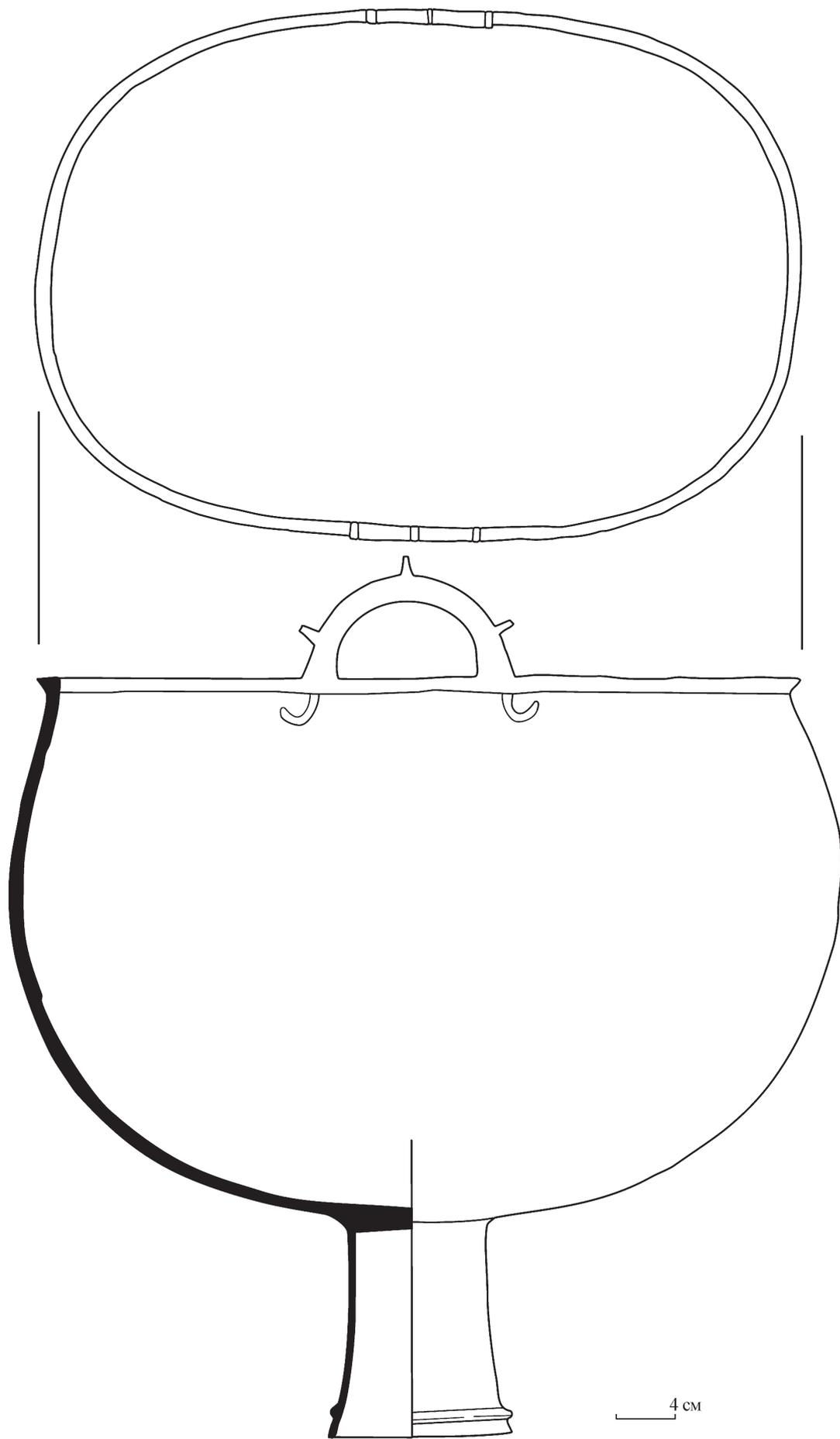

Рис. 147. Котёл бронзовый большой

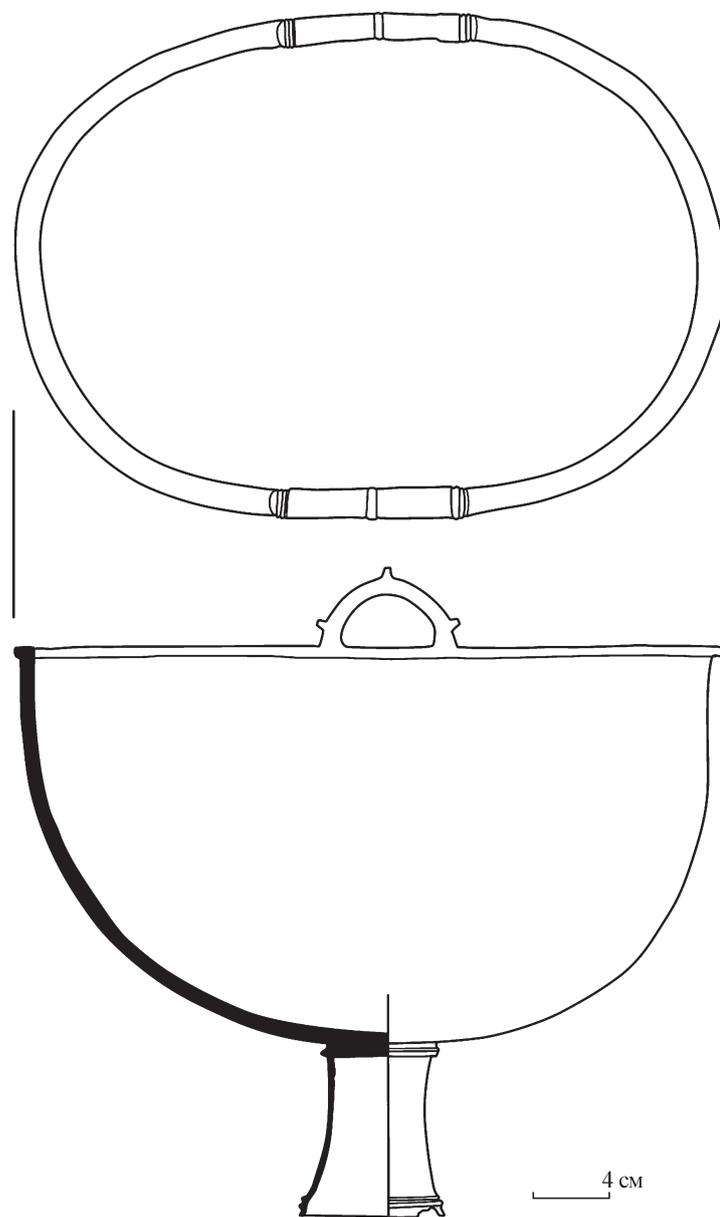

Рис. 148. Котёл бронзовый малый

Рис. 149. Я. Хохоровски возле бронзовых котлов из Центральной могилы

Рис. 150. Бронзовая ситуала. Фото М. Трейстера

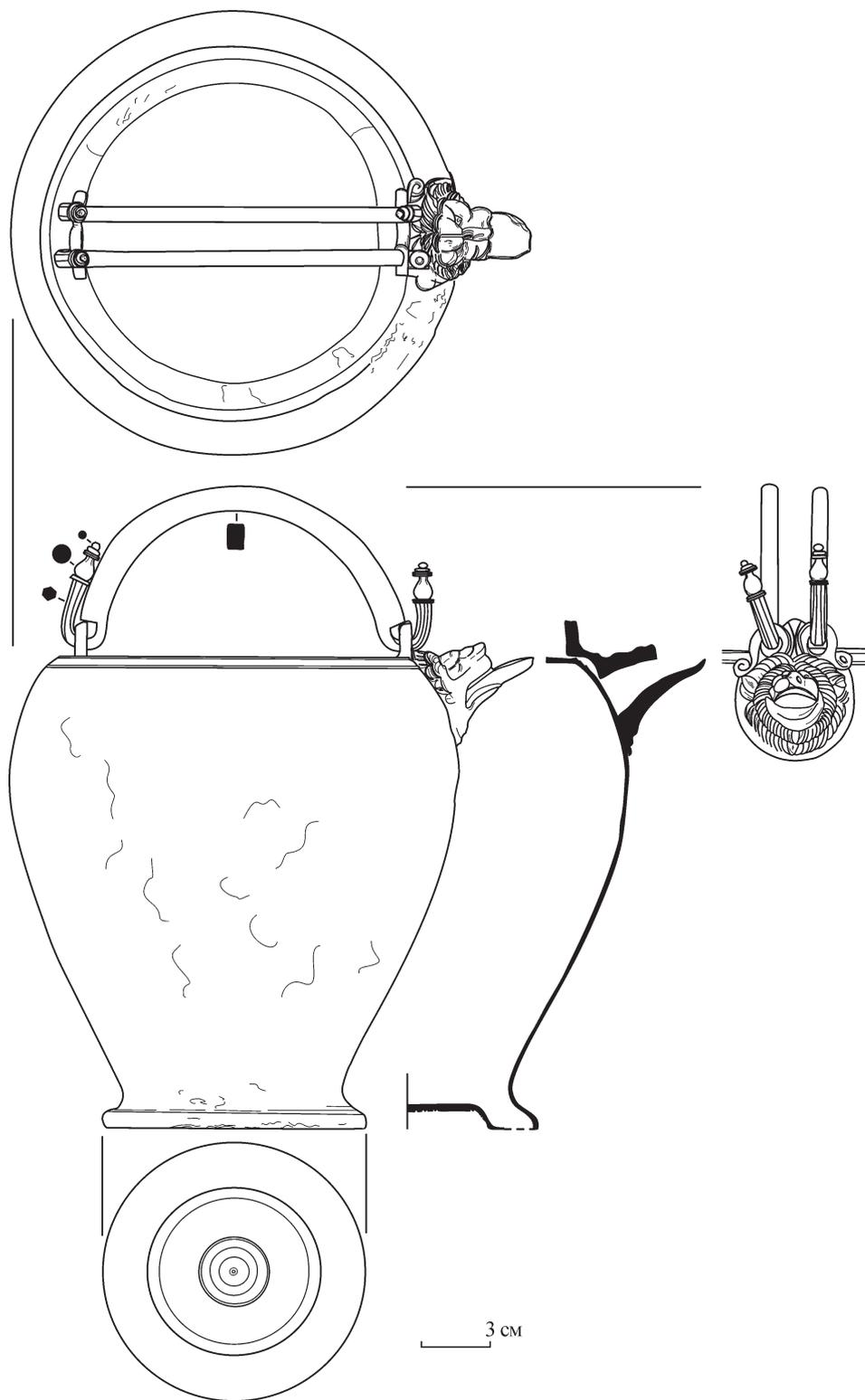

Рис. 151. Бронзовая ситула. Графика

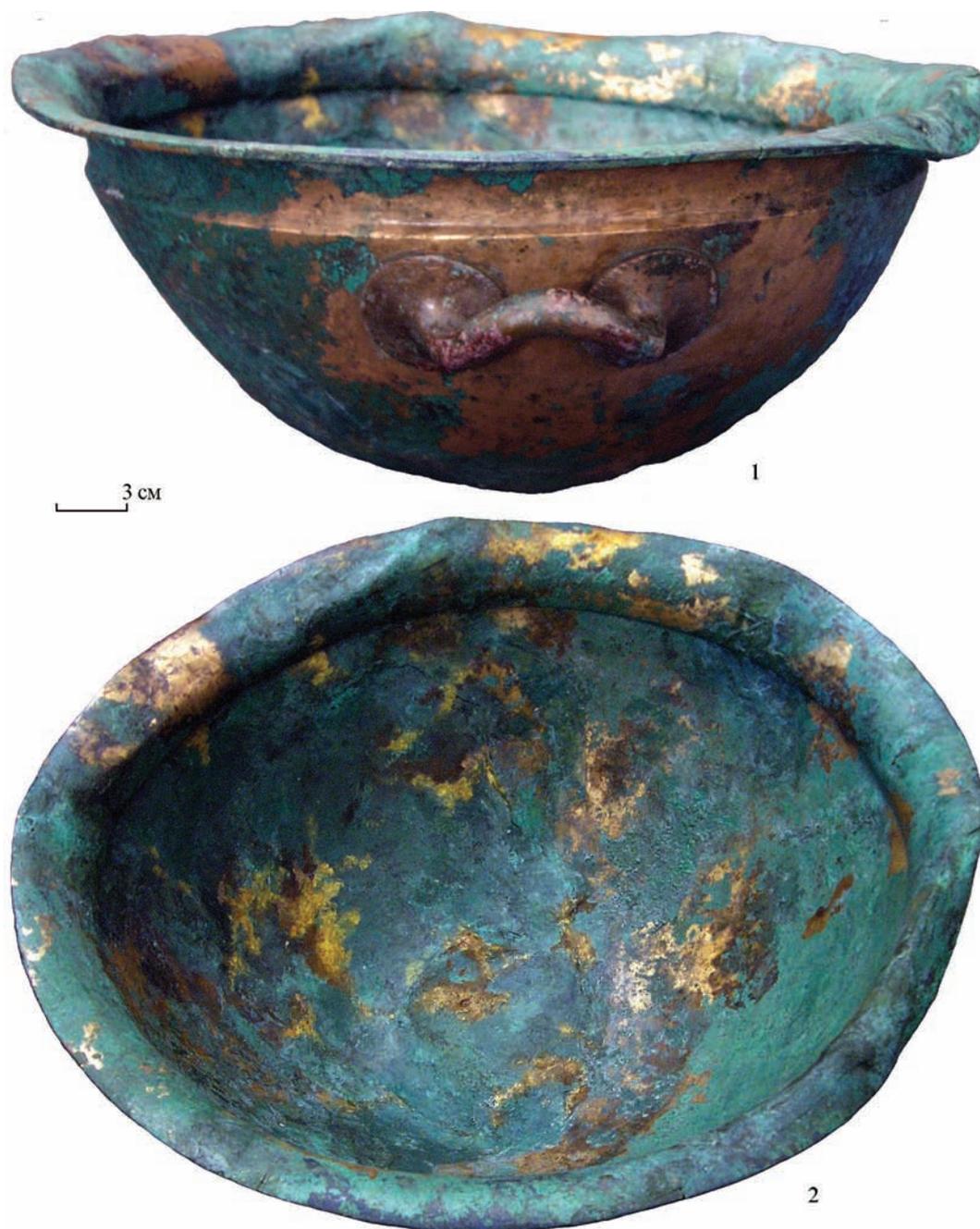

Рис. 152. Бронзовый кратер. Фото М. Трейстера

Рис. 153. Бронзовый кратер. Графика

Рис. 154. Бронзовый килик с фигурными ручками. Фото М. Трейстера

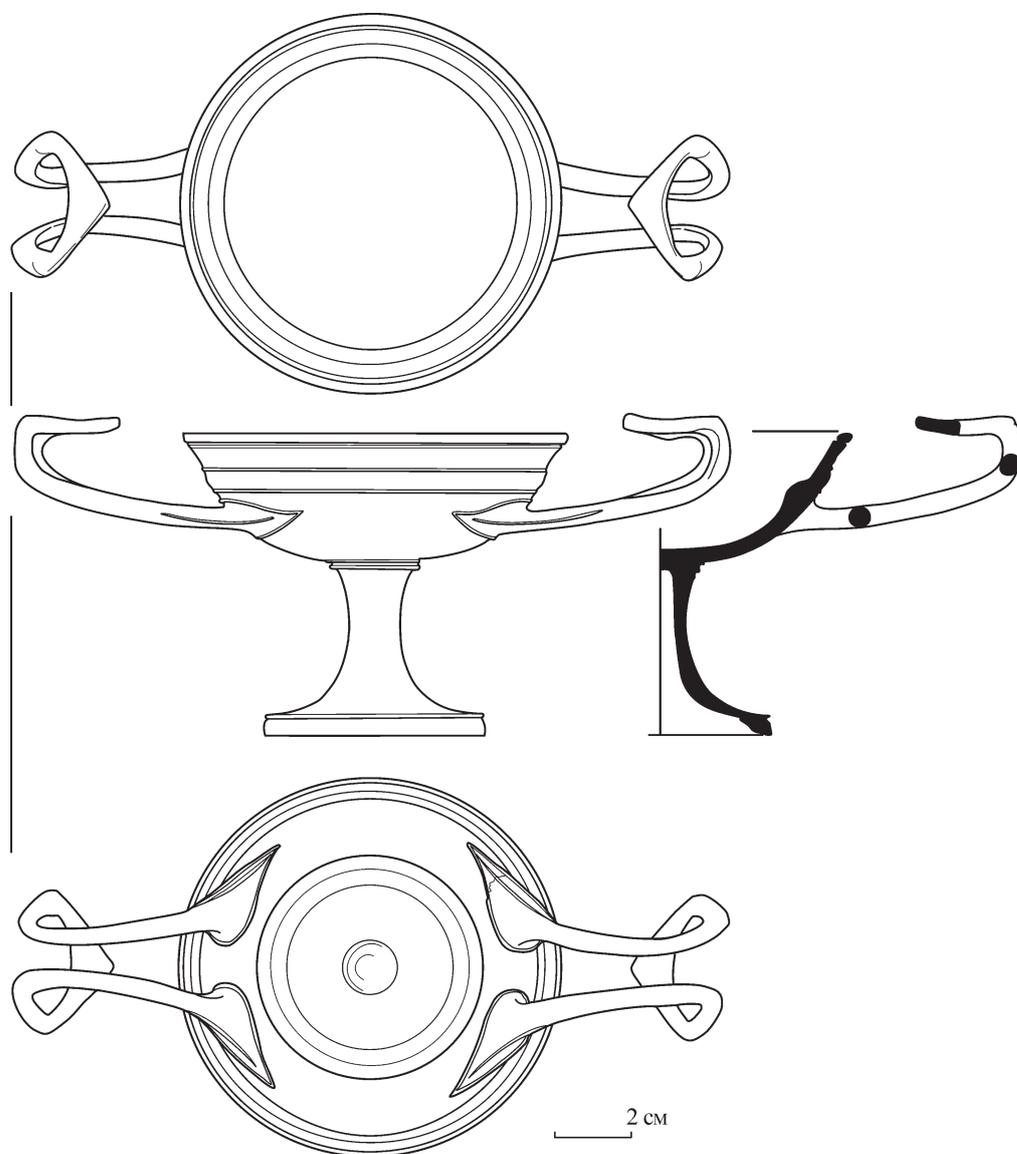

Рис. 155. Бронзовый килик. Графика

Рис. 156. Бронзовая чаша полусферической формы. Фото М. Трейстера

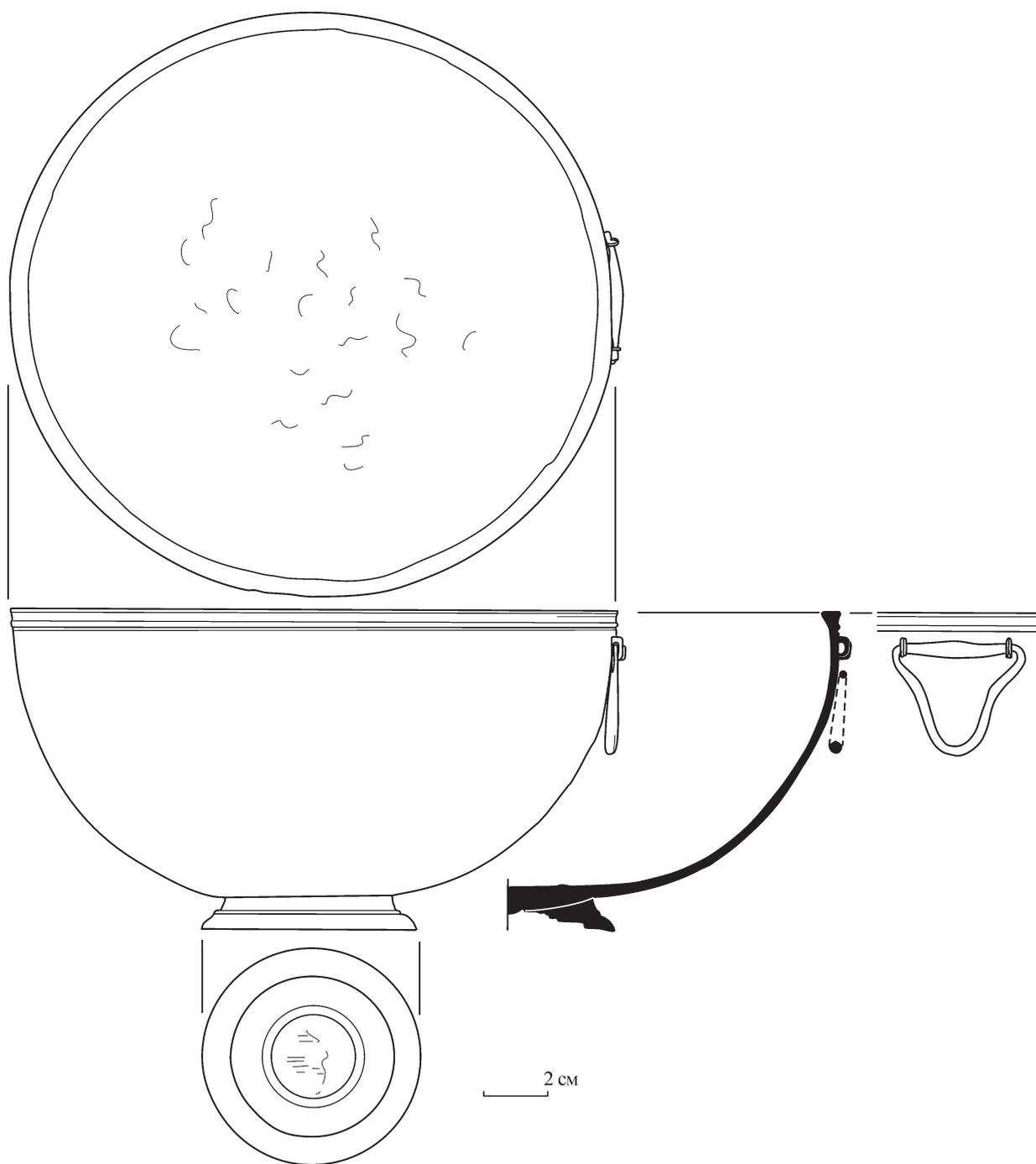

Рис. 157. Бронзовая чаша. Графика

Рис. 158. Чернолаковый канфар: 1 — вид сбоку; 2 — вид сверху

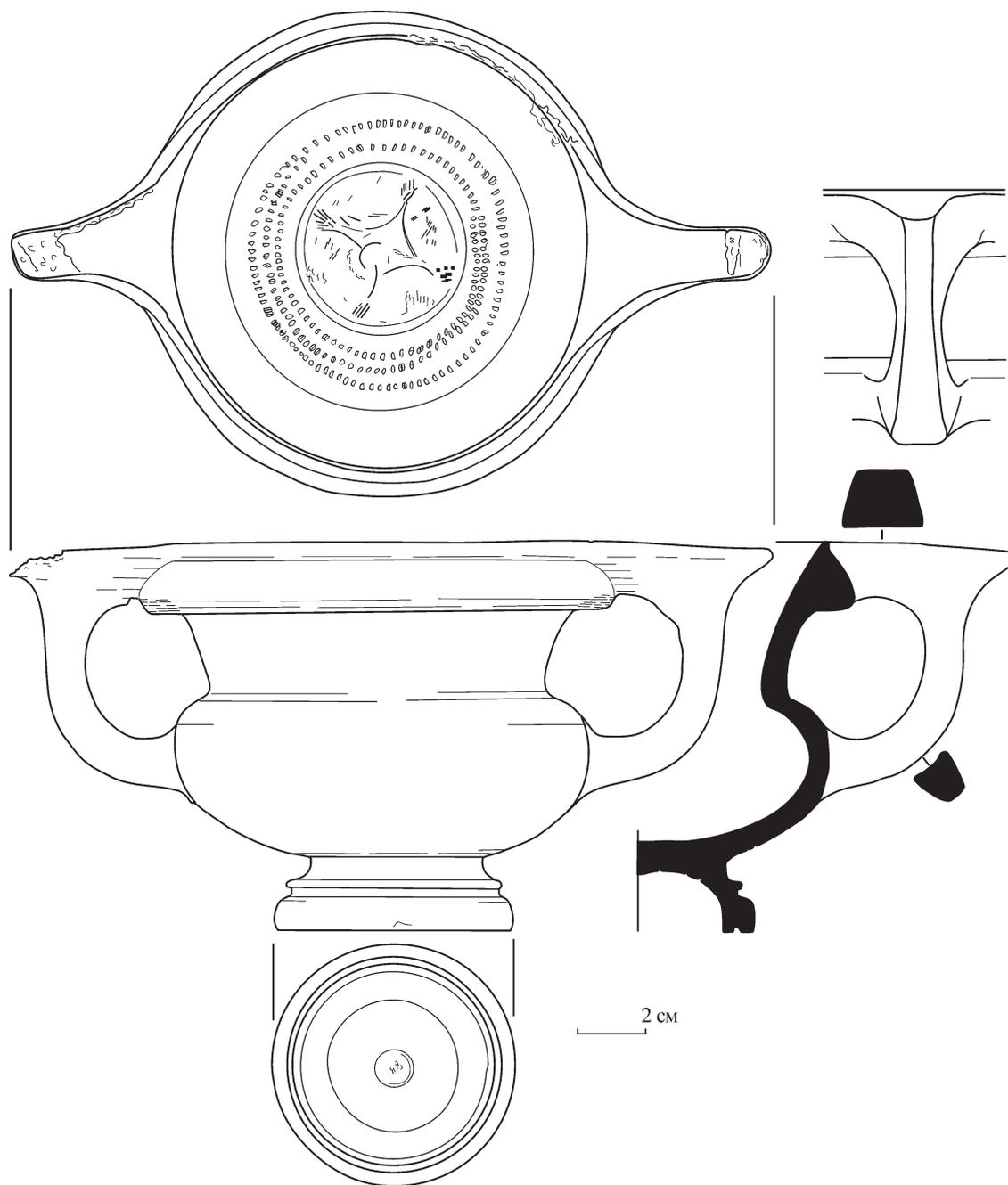

Рис. 159. Чернولاковый канфар. Графика

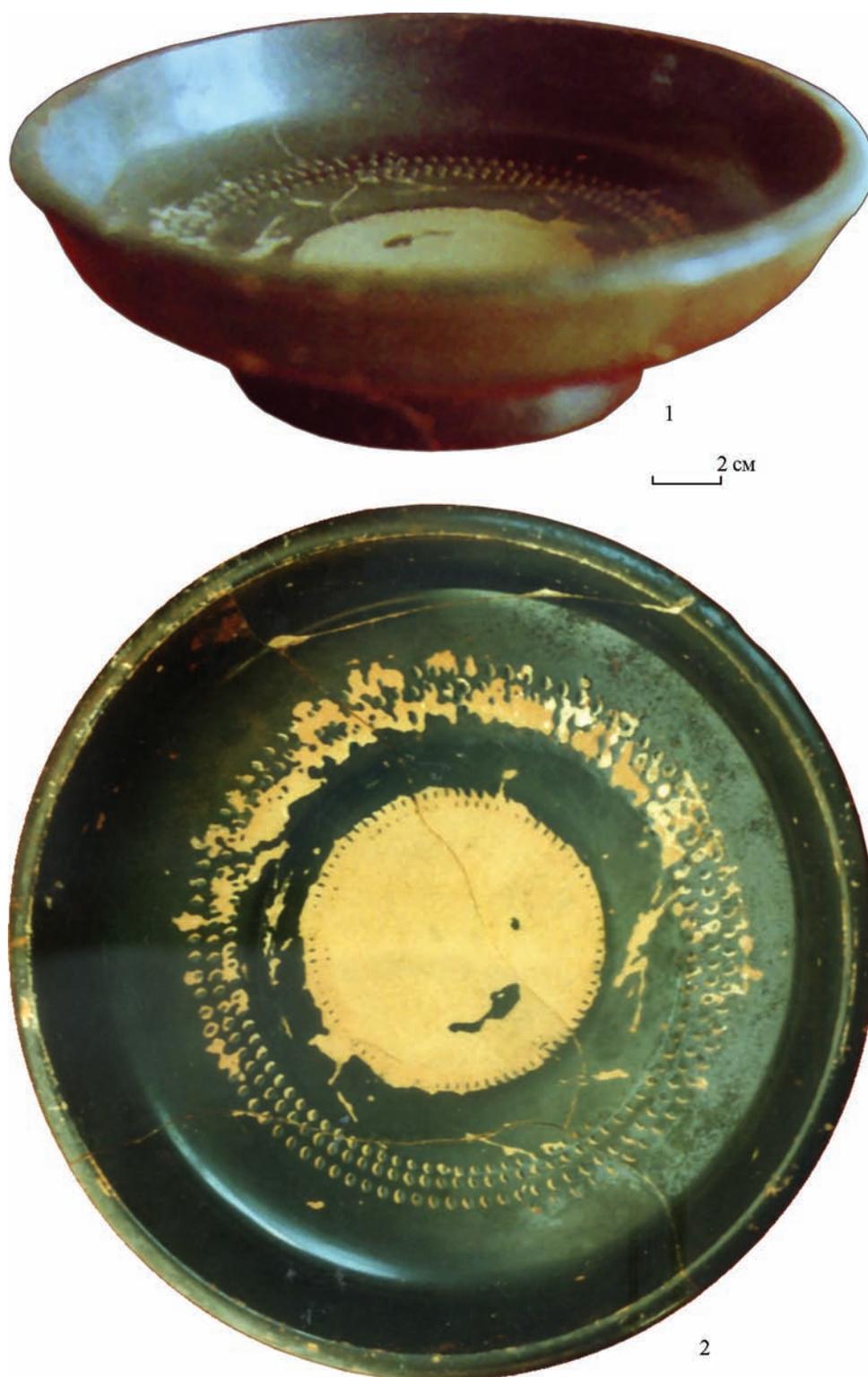

Рис. 160. Блюдо чернолаковое: 1 — вид сбоку; 2 — вид сверху

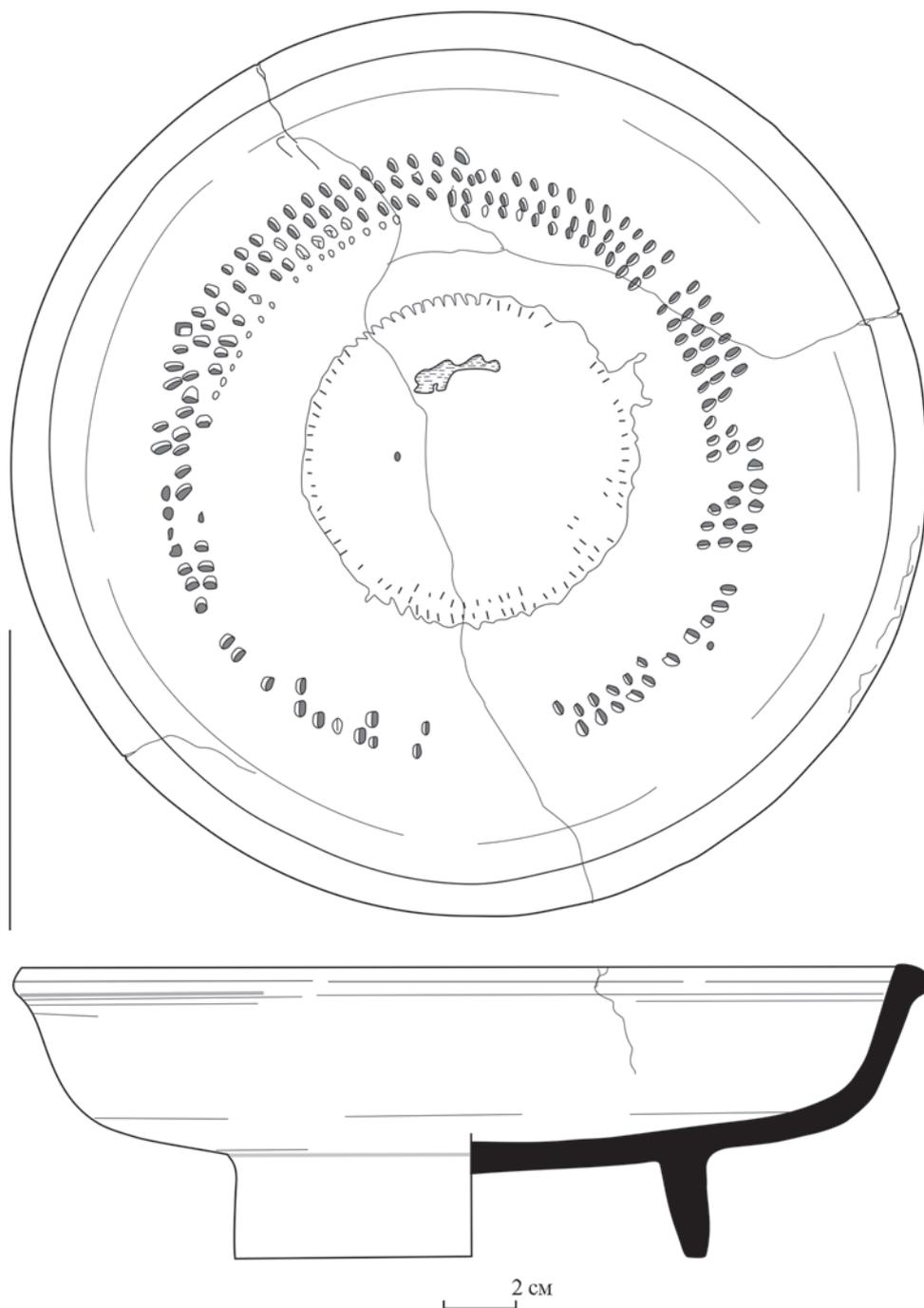

Рис. 161. Блюдо чернолаковое. Графика

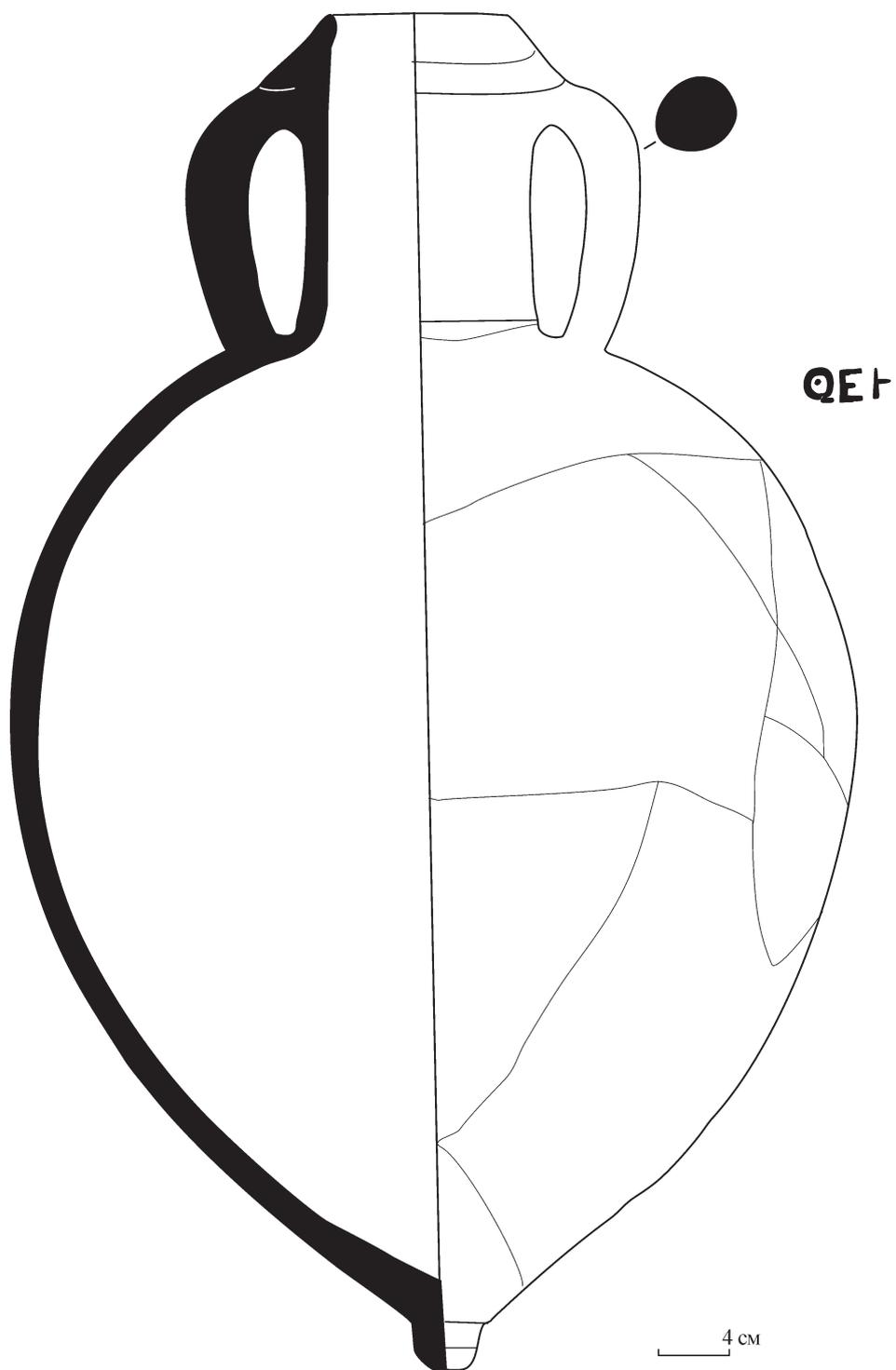

Рис. 162. Коринфская амфора

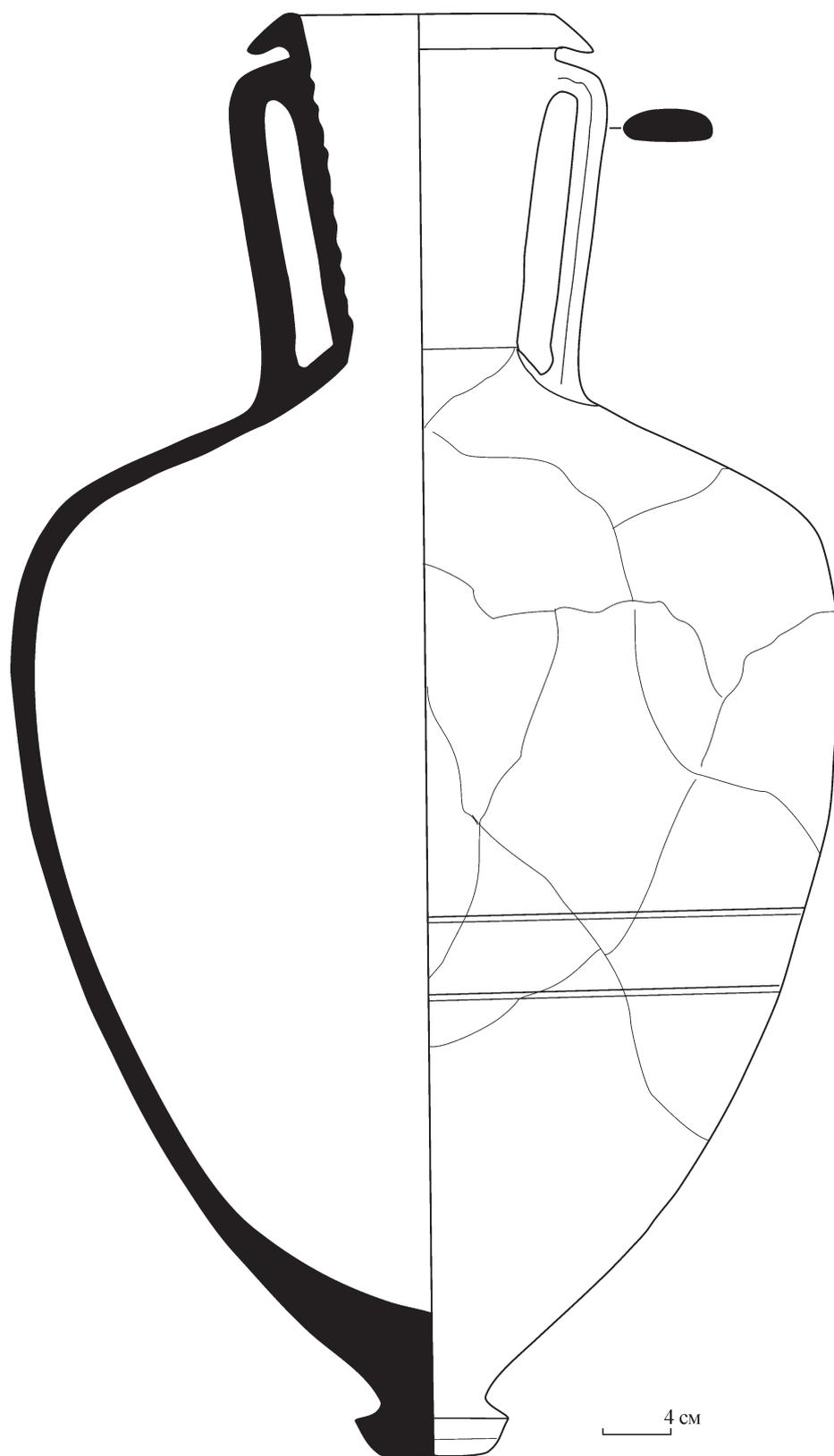

Рис. 163. Пифоидная амфора (Солоха I)

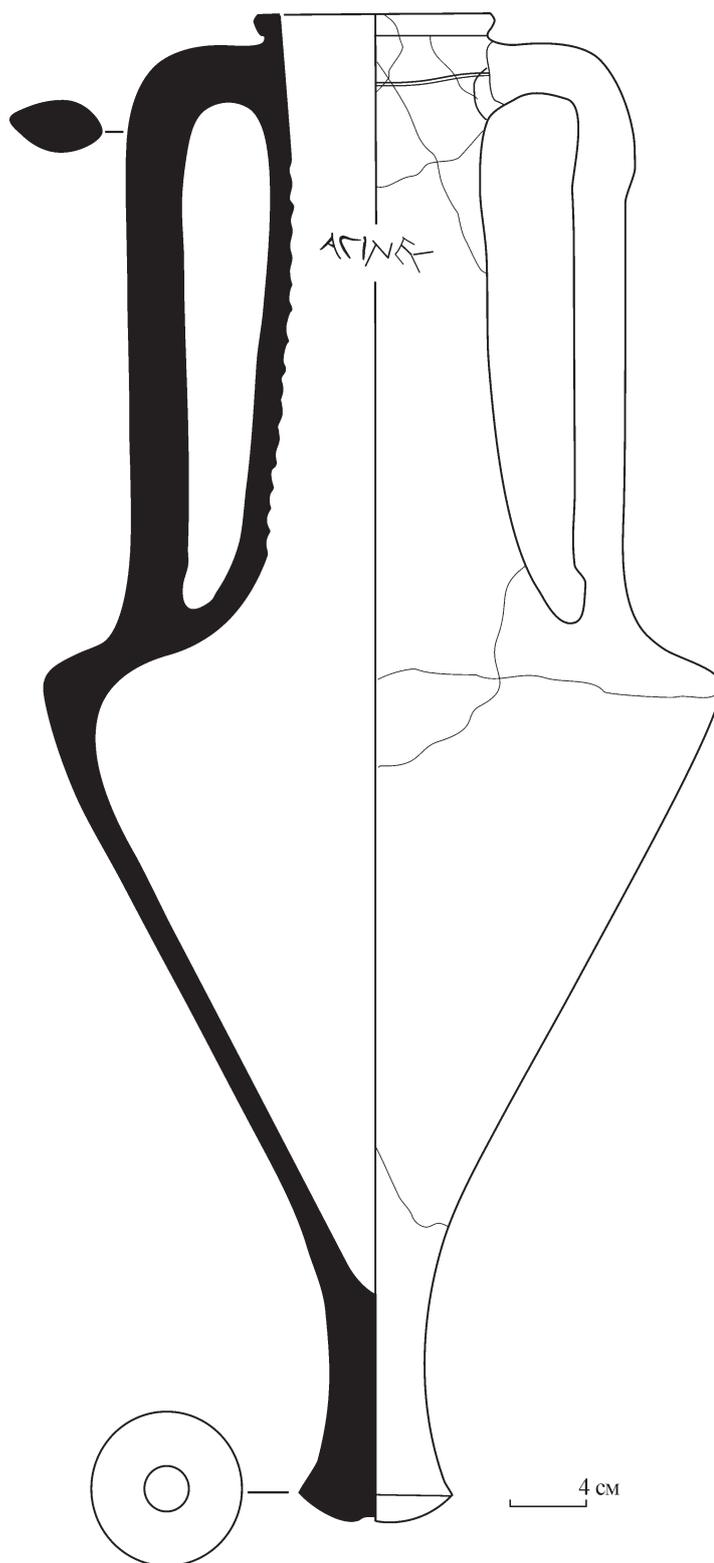

Рис. 164. Амфора с рюмковидной ножкой мелитопольского типа (Менда)

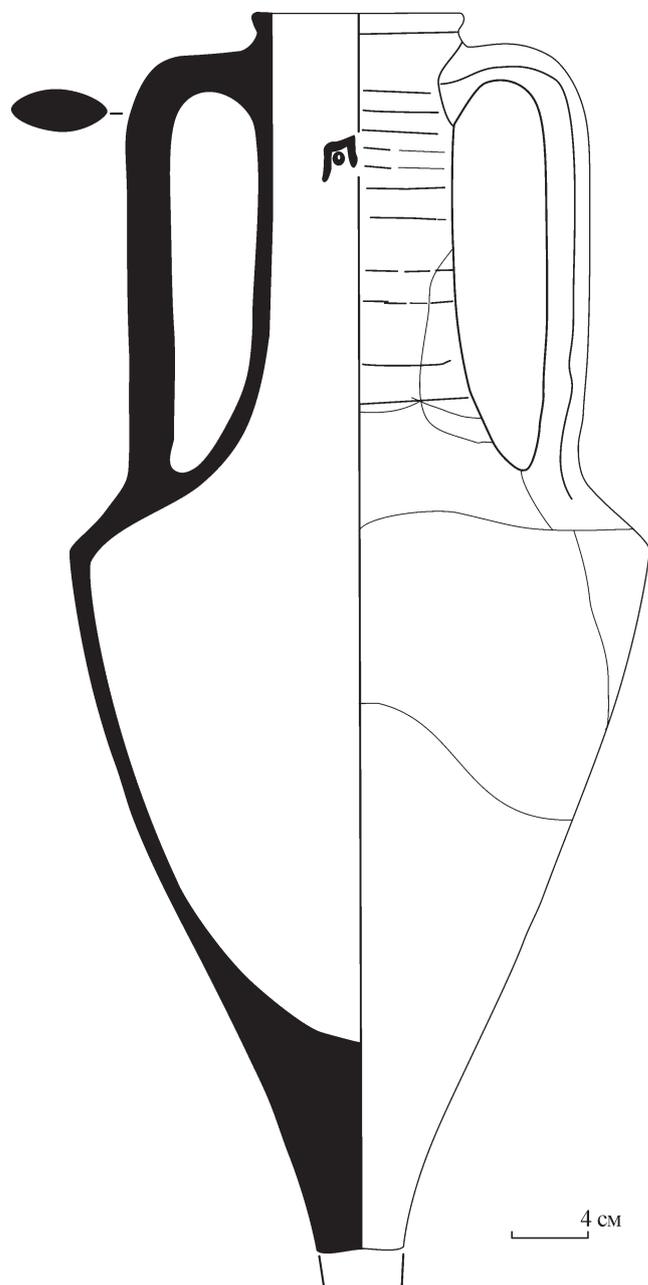

Рис. 165. Амфора с рюмковидной (отбитой) ножкой мелитопольского типа (Менда)

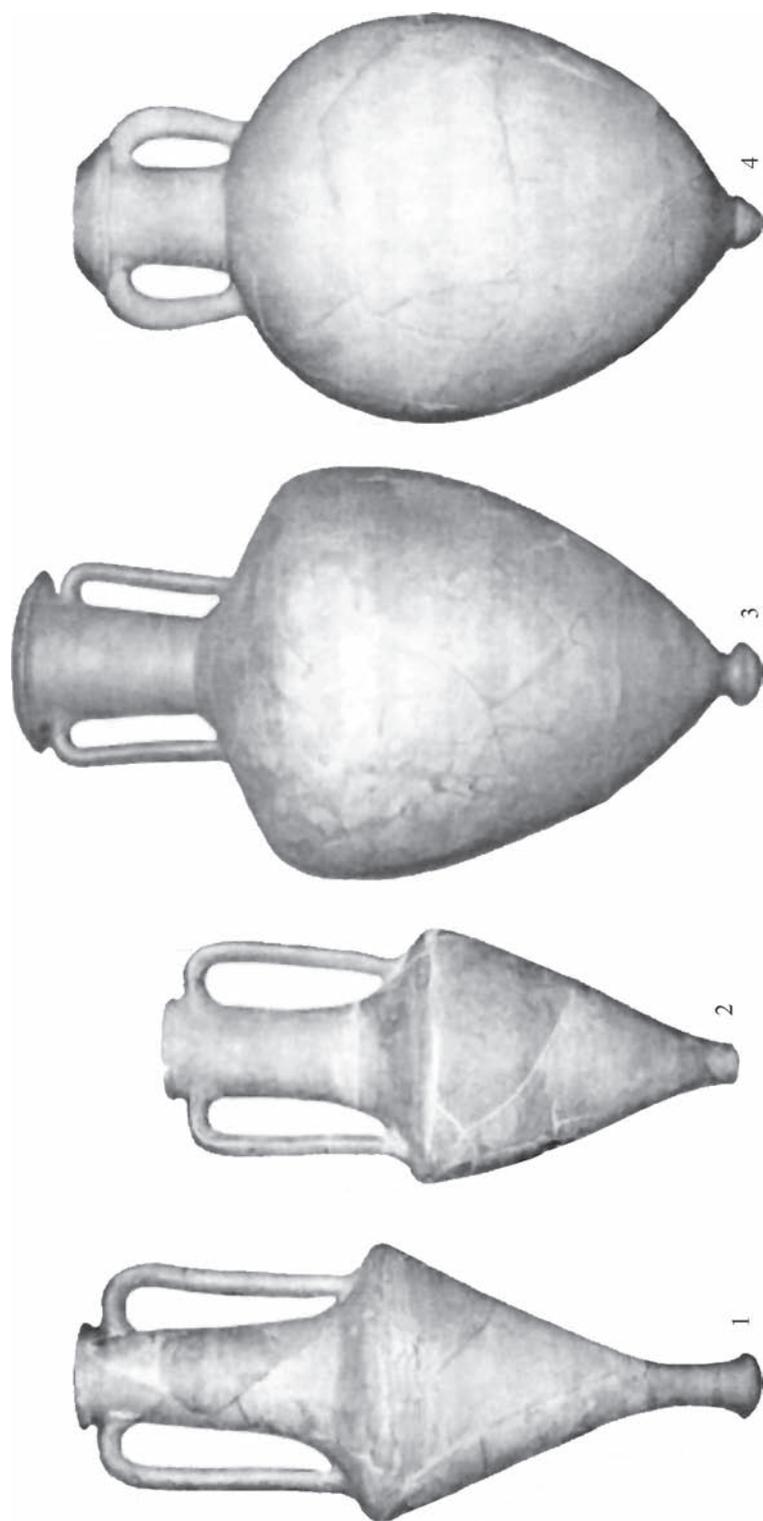

Рис. 166. Амфоры из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана

Рис. 167. Железный нож, найденных среди остатков жертвенной пищи: 1 — до реставрации; 2 — после реставрации (фото А. Чекановского); 3 — графика

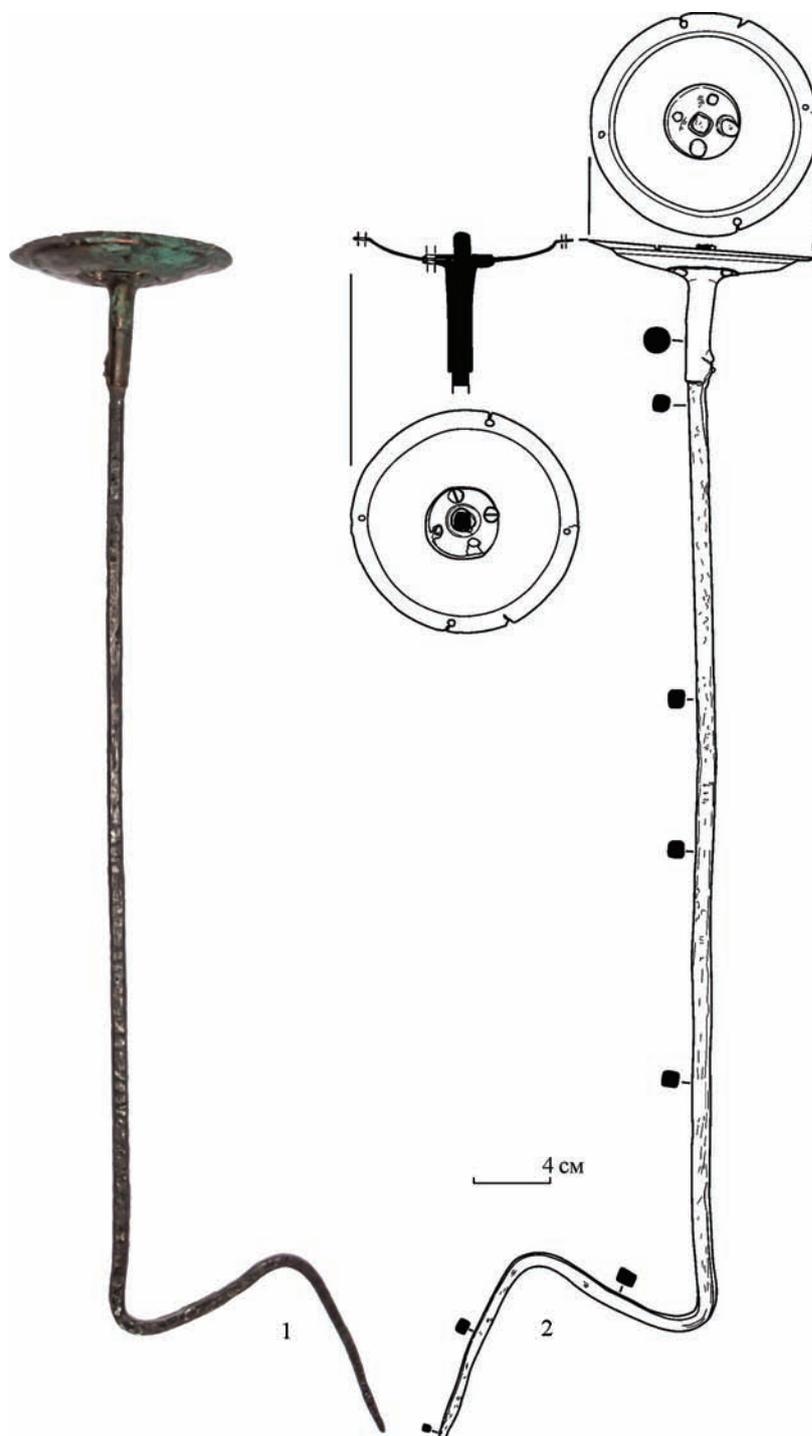

Рис. 168. Биметаллическая курильница из Центральной могилы: 1 — после реставрации (фото А. Чекановский); 2 — графика

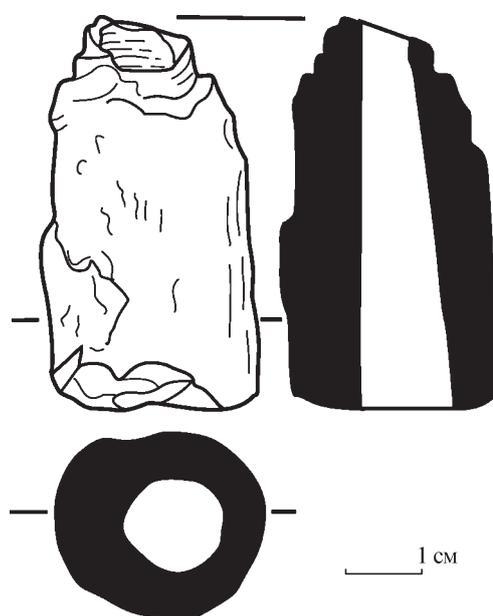

Рис. 169. Красная свинцовая руда — крокоит

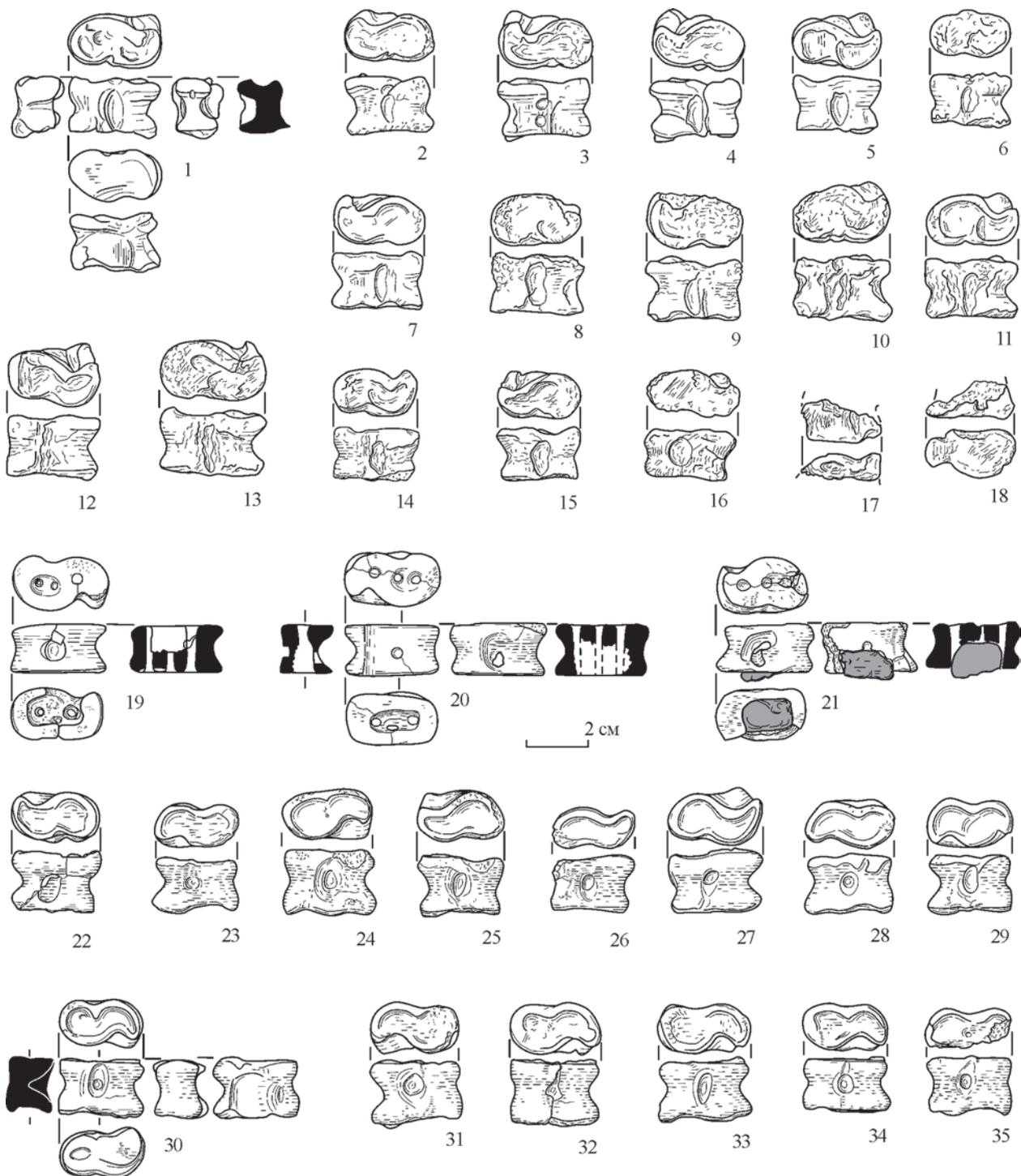

Рис. 170. Баряньи астрагалы

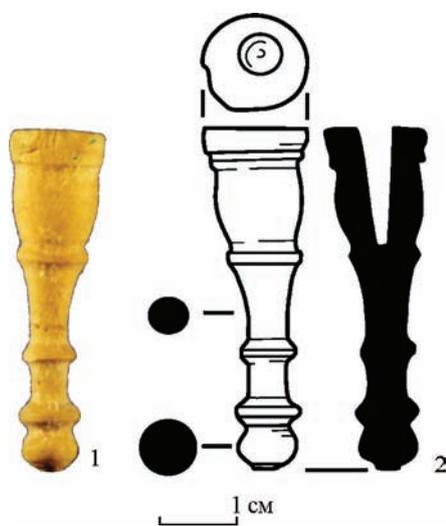

Рис. 171. Нижняя часть костяного греческого веретена: 1 — фото; 2 — графика

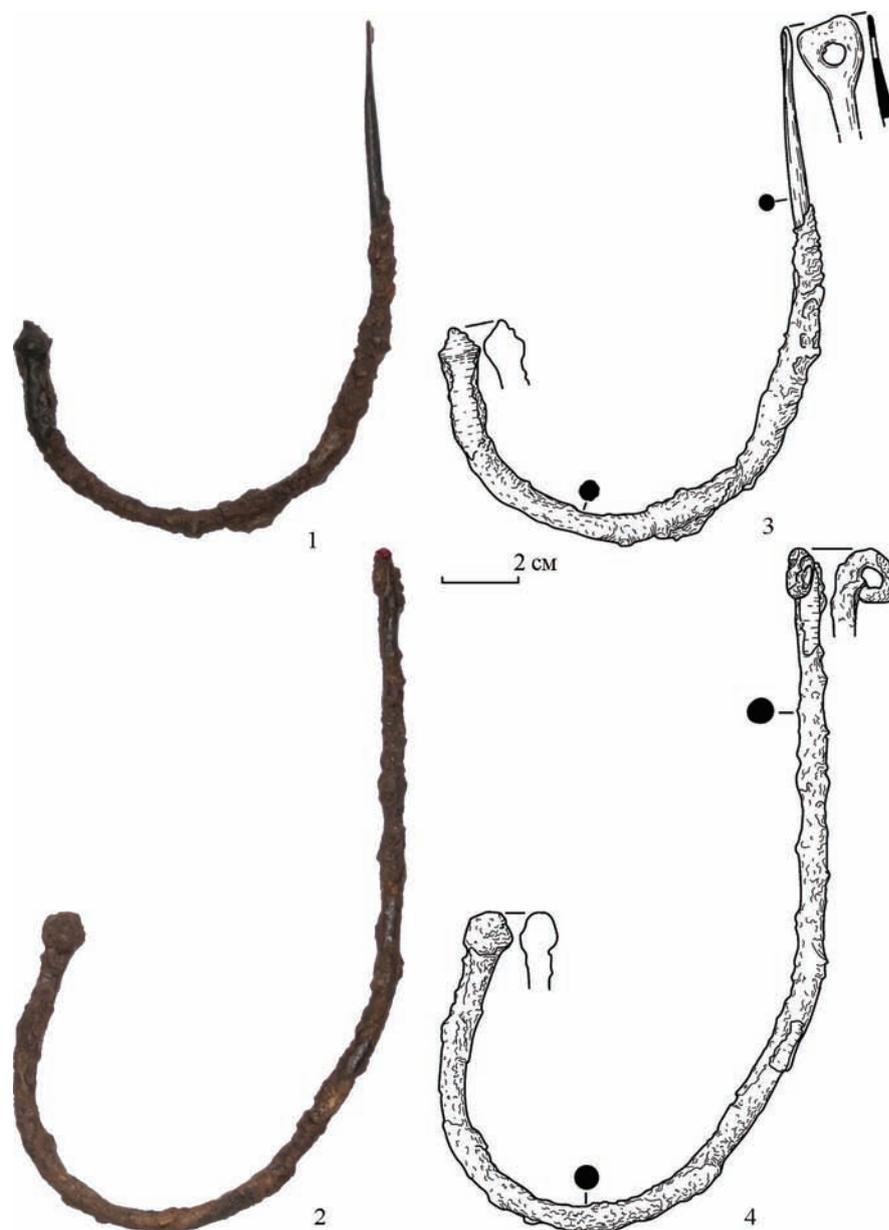

Рис. 172. Железные крюки от полога, закрывавшего помост с основным покойником: 1—2 — после реставрации (фото А. Чекановского); 3—4 — графика

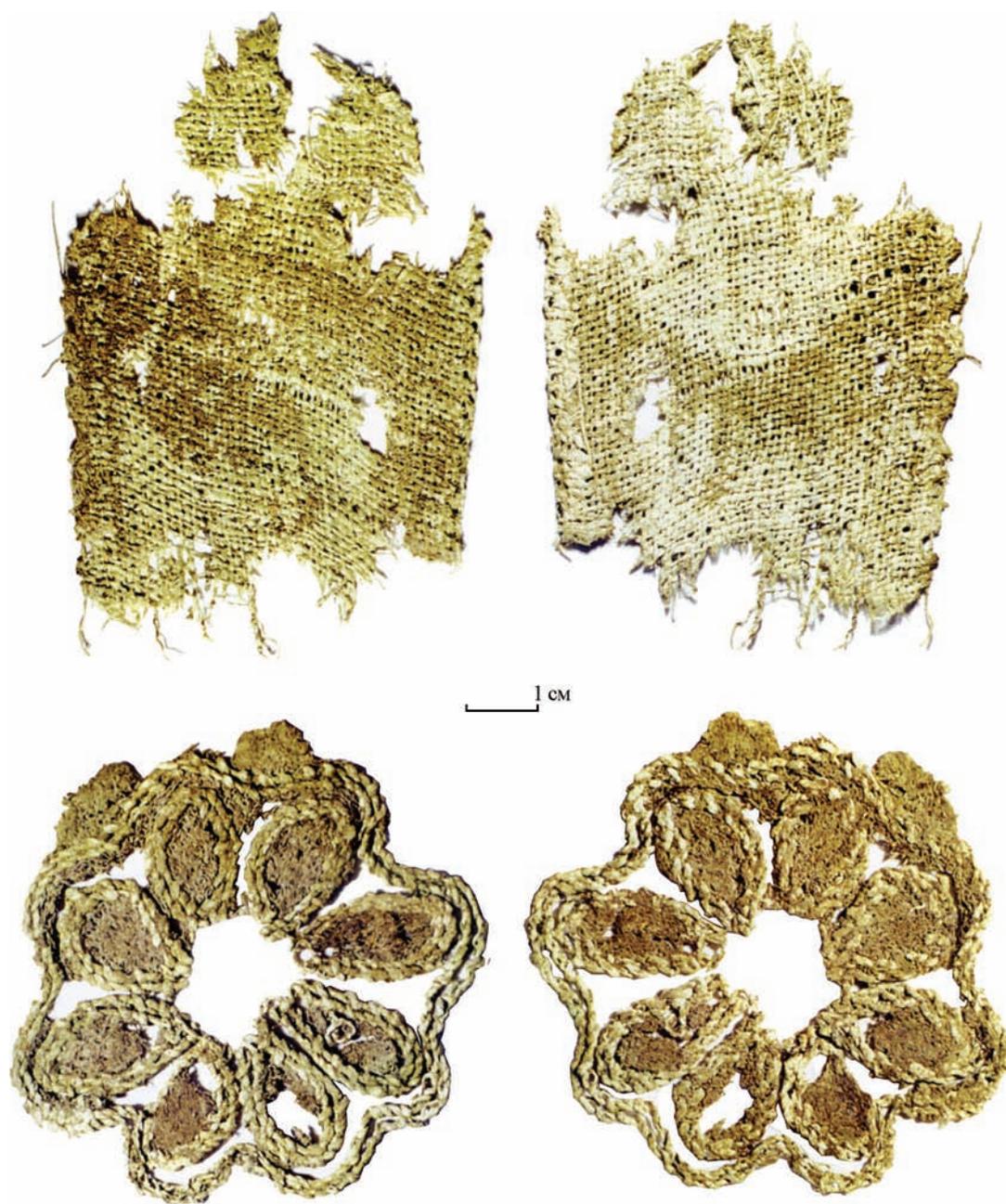

Рис. 173. Остатки ткани, покрывавшей большой котёл

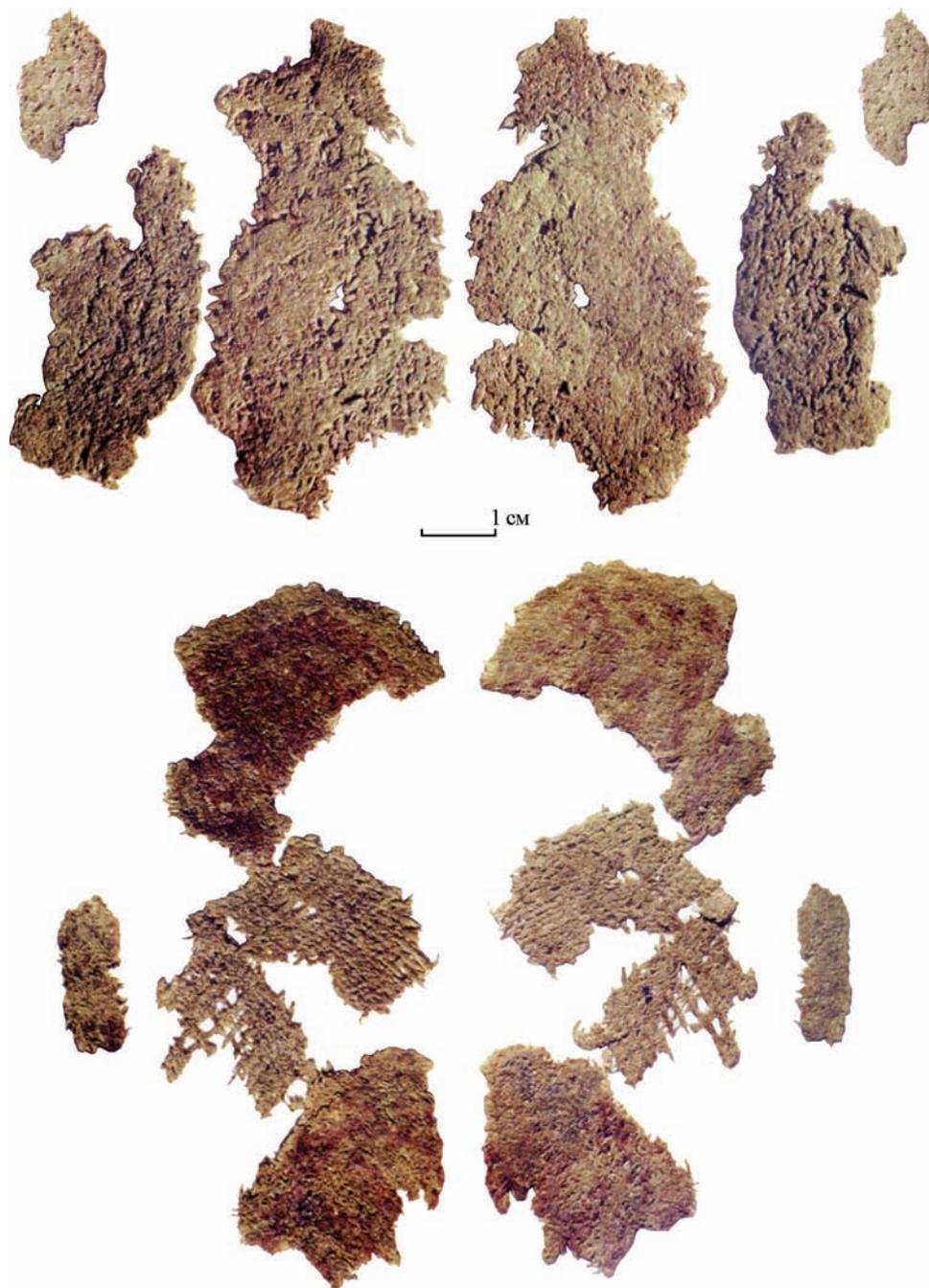

Рис. 174. Остатки ткани из большого котла

Рис. 175. Бронзовые предметы из захоронения девочки-служанки: 1 — гвоздевидная булавка-шпилька; 2 — проволочный браслет; 3 — кольцевидная серьга с нанизанной пастовой бусиной (фото А. Урсул)

Рис. 176. Золотые украшения женского головного убора-калафа: 1, 6 — детали стлениды; 2 — пластина с изображением танцующих менад; 3 — прямоугольная пластина с изображением грифона (фрагментирована); 4 — фрагменты золотого ободка с подвесками в виде жёлудей; 5 — узкая пластина-стойка с крючками, на которых — жёлудевидные подвески; 7 — метопида

Рис. 177. Пластина с танцующими менадами

Рис. 178. Золотые аппликации — украшения платья (1—8) и ожерелье (9)

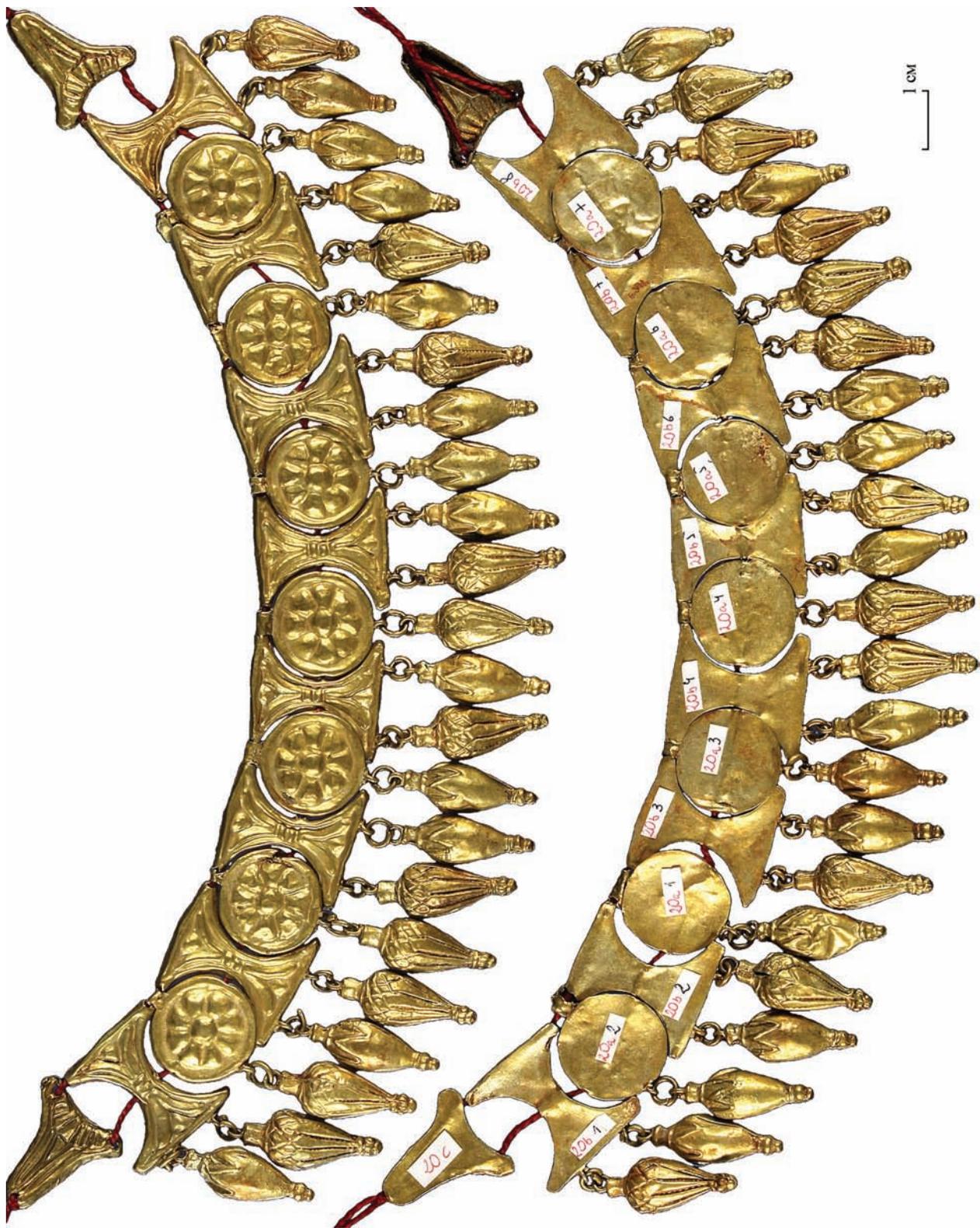

Рис. 179. Ожерелье. Фото А. Уреул

Рис. 180. Золотые аппликации — украшения платья. Находки 1995 г.

Рис. 181. Крупные круглые золотые аппликации с растительным орнаментом в виде креста в центре. Фото А. Урсул

Рис. 182. Золотые серьги-подвески с фигурками львиц

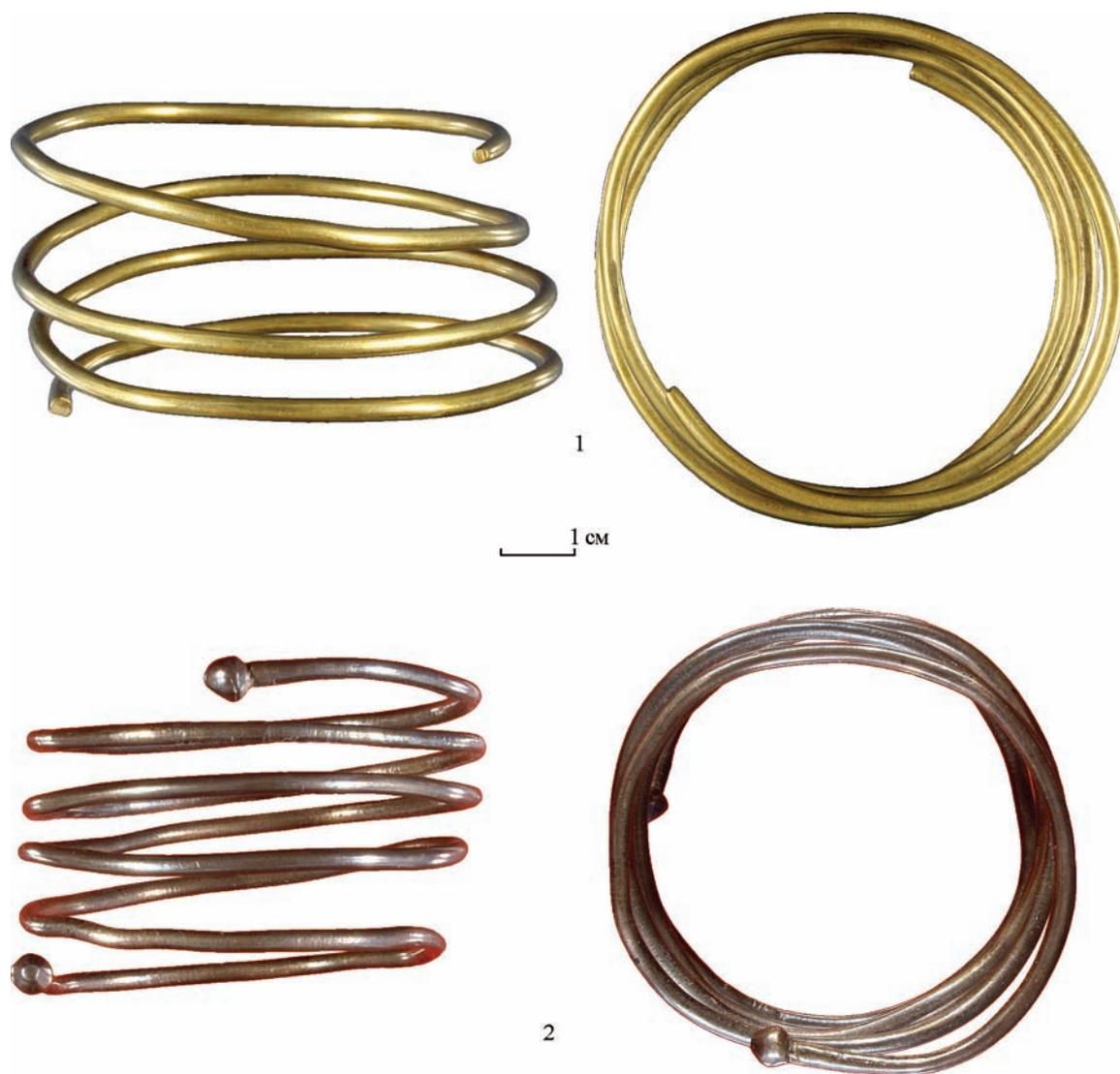

Рис. 183. Золотой (1) и серебряный (2) браслеты. Фото А. Урсул

Рис. 184. Золотые перстни: с гладкими щитками (1—3), имеющие резное изображение на щитках (4, 7), щитками — пантикапейскими статерами (5—6)

Рис. 185. Золотой перстень со щитком-пантикапейским статером. Находка 1995 г. Фото

Рис. 186. Золотой перстень со щитком-пантикапейским статером. Находка 1995 г. Графика

Рис. 187. Графическая реконструкция костюма знатной скифки из Боковой могилы Большого Рыжановского кургана. По Л. Ключко, с модификацией Я. Хохоровского и С. Скорого

Рис. 188. Модельная реконструкция костюма знатной скифянки из Боковой могилы. Изготовлена М. Савич

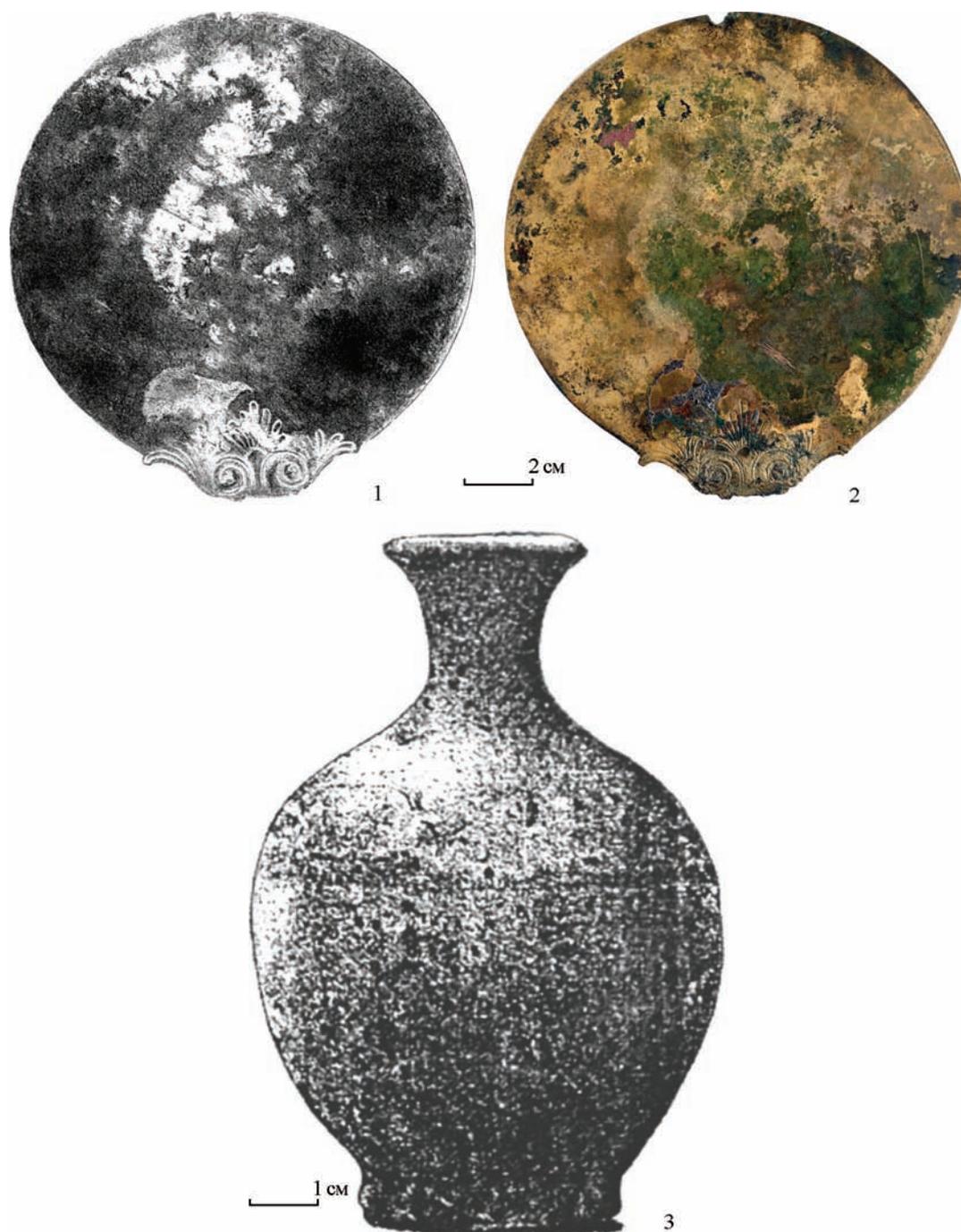

Рис. 189. Предметы туалета: 1, 2 — зеркало бронзовое; 3 — бальзамарий керамический (1, 3 — прорисовка, по Ossowski 1888a, tabl. IV: 3, VI: 2; 2 — фото А. Урсул)

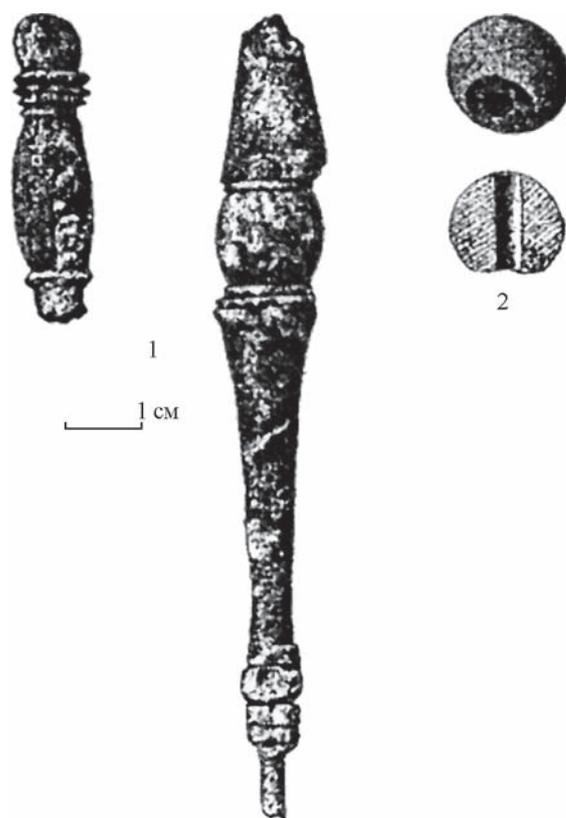

Рис. 190. Орудия труда: 1 — фрагменты веретена; 2 — пряслице (Ossowski 1888a, tabl. IV: 6—8)

Рис. 191. Кубок серебряный, позолоченный с гравированными изображениями:
1 — фото (А. Урсул); 2 — графика

Рис. 192. Кубок серебряный, позолоченный с гравированными изображениями. Фото А. Урсул

Рис. 193. Килик серебряный. Фото А. Урсул

Рис. 194. Бронзовые сосуды: 1 — ситула; 2 — чаша (по Ossowski 1888a, tabl. VI)

Рис. 195. Бронзовые сосуды, фото: 1 — ситупа; 2 — чаша. Фото А. Урсул

Рис. 196. Поддон бронзового сосуда — тарелочка (по Ossowski 1888a, tabl. VI: 5)

1

2

3

2 см

Рис. 197. Чернотаковые сосуды: 1, 2 — канфар (фото А. Урсул); 3 — ножка канфара (1, 3 — прорисовка, по Ossowski 1888a, tabl. IV: 4, 5; 2 — фото)

Рис. 198. Амфора из Боковой могилы (по Ossowski 1888a, tabl. V)

Рис. 199. Амфора из Боковой могилы. Фото А. Урсул

3 см

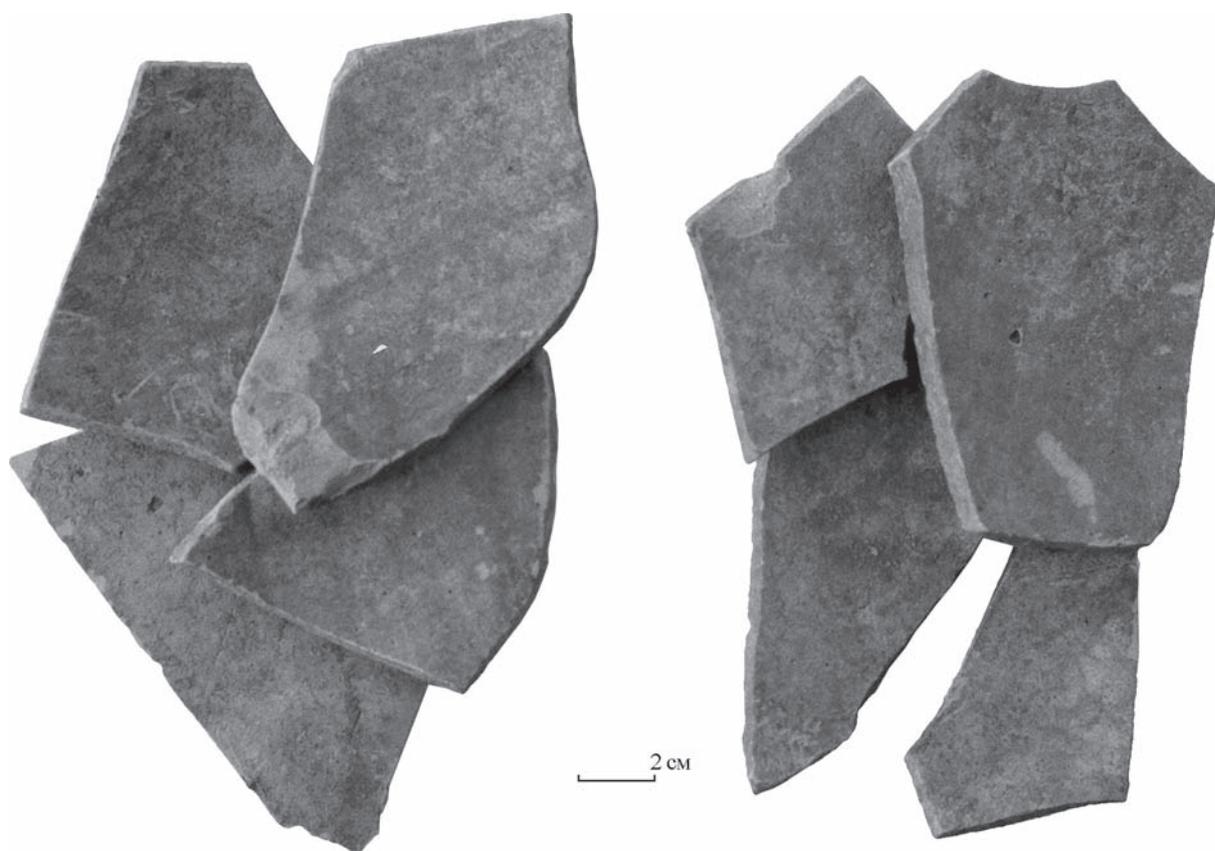

Рис. 200. Фрагменты амфор (тризна), найденные вблизи Боковой могилы (1995)

Рис. 201. Находки из Большого Рижановского кургана: 1, 2 — первичной, 3, 4 — вторичной насыпи, 5 — вблизи Боковой могилы (1 — фото А. Урсул; 2—5 — прорисовка, по Ossowski 1888a, fig. 3—4, 6—7)

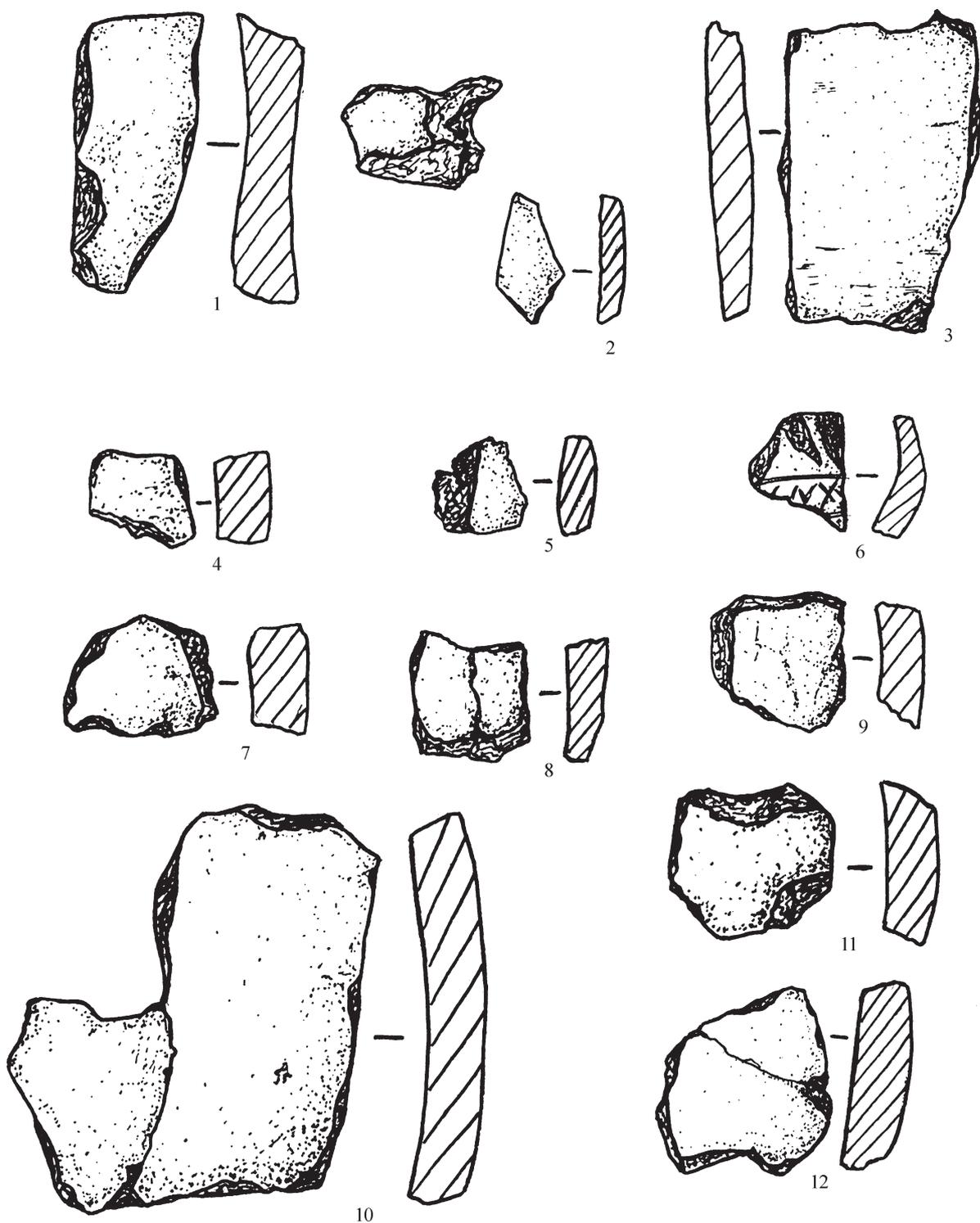

Рис. 202. Фрагменты лепных сосудов из рва

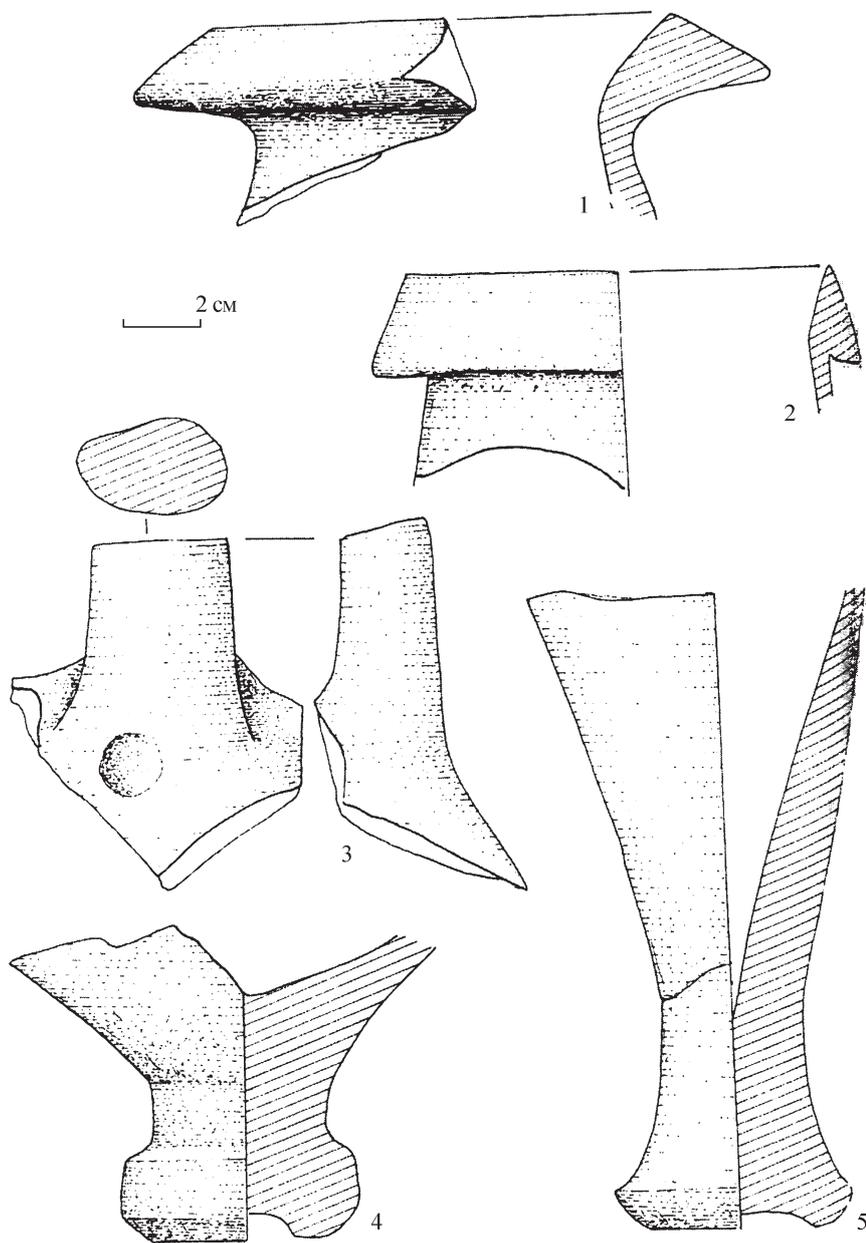

Рис. 203. Профильные части античных амфор из рва

Рис. 204. Радиоуглеродное датирование (ВР) уровня древней подкурганной почвы, участков почвы над входной ямой Центральной могилы БРК

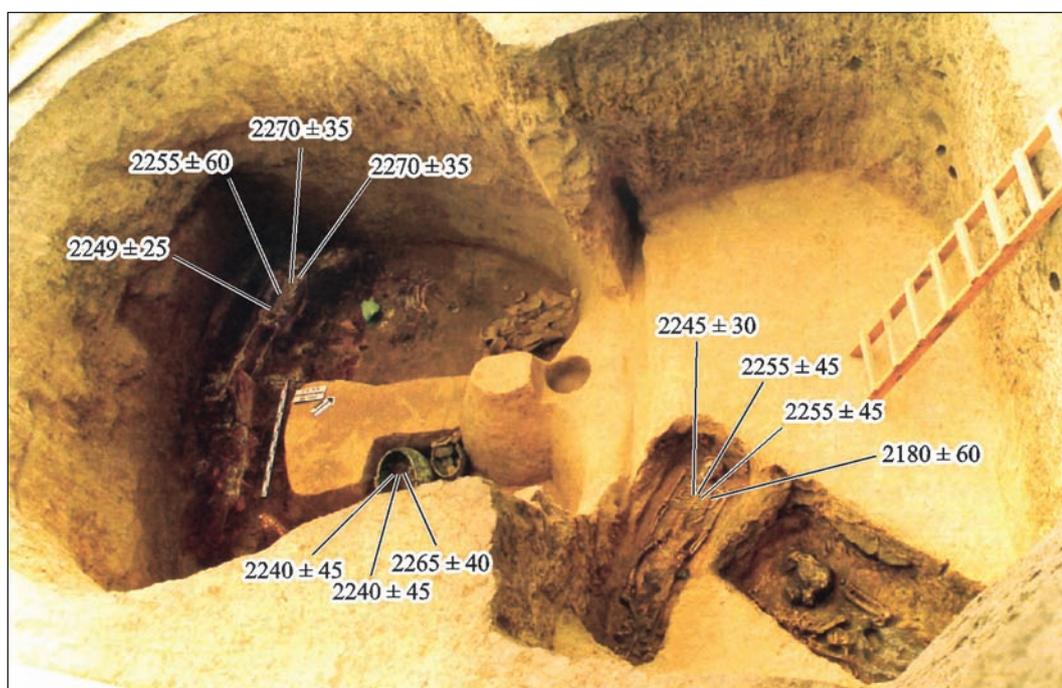

Рис. 205. Радиоуглеродное обозначение (ВР) для человеческих костей и костей животных из Центральной могилы

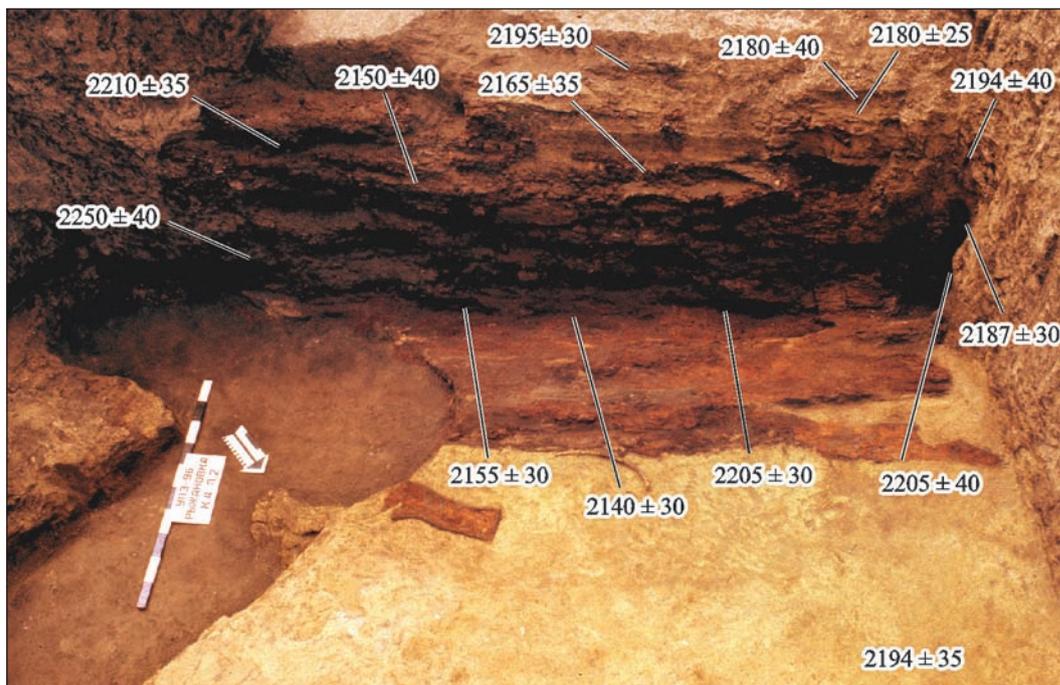

Рис. 206. Радиоуглеродное обозначение (ВР) участков перекрытия могилы охранника и деревянного заслона в погребальную камеру Центральной могилы

Рис. 207. Радиоуглеродное обозначение (ВР) для органических материалов из Центральной могилы

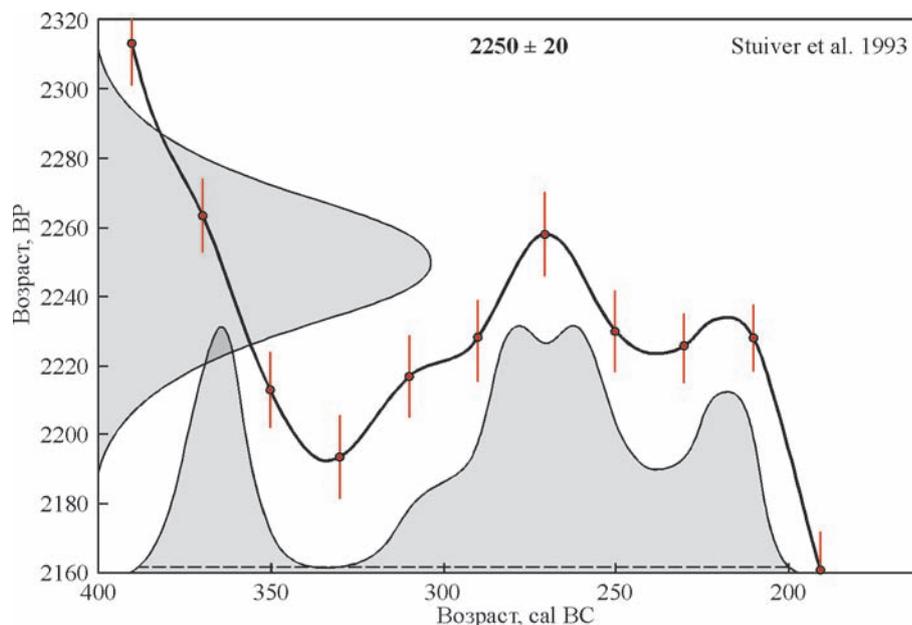

Рис. 208. Калибровка статистически усреднённой даты ВР = 2250 ± 20, определяющей достоверный момент возведения Большого Рыжановского кургана

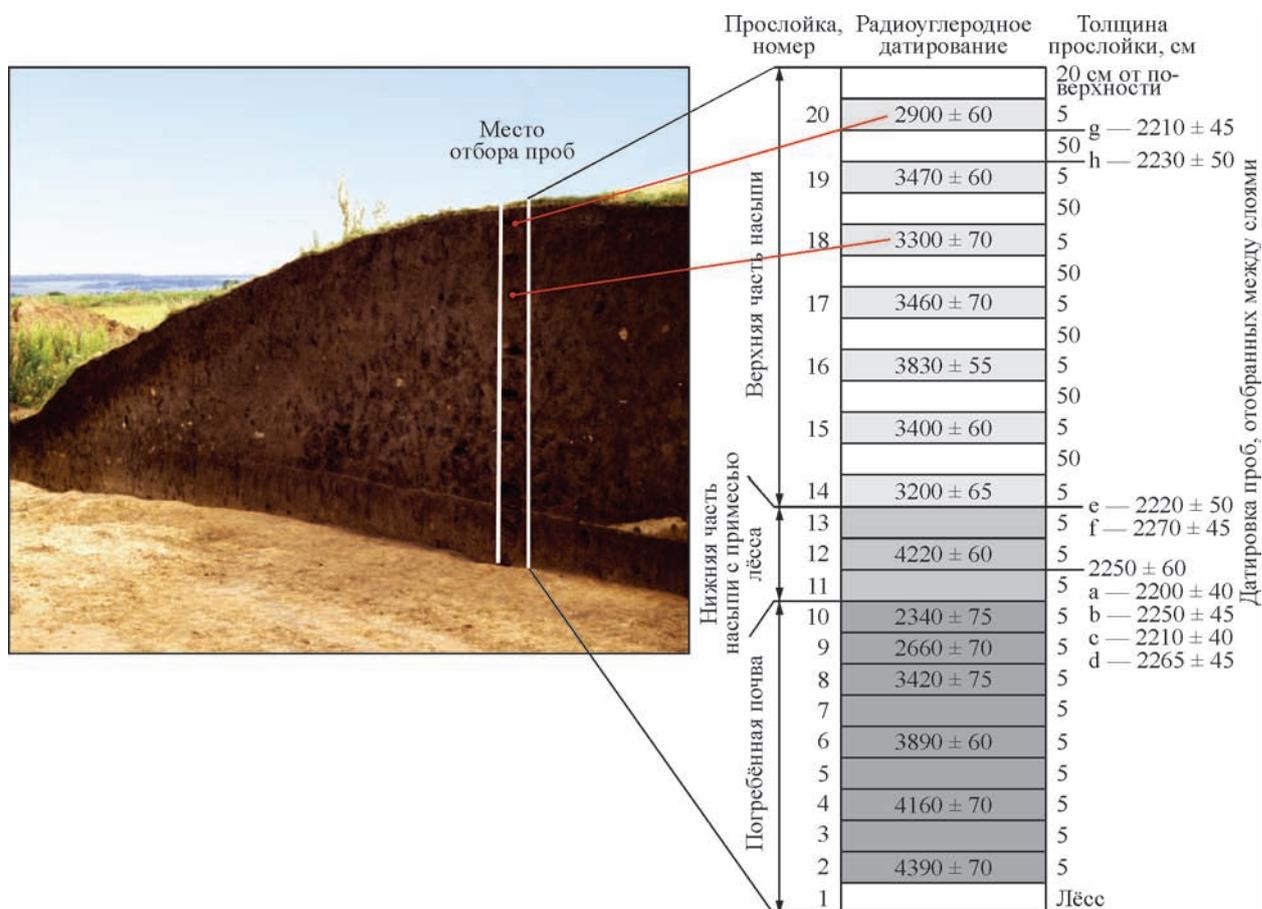

Рис. 209. Радиоуглеродное датирование слоя ископаемой почвы из-под насыпи Большого Рыжановского кургана, согласно данным, полученным для профиля Е/4

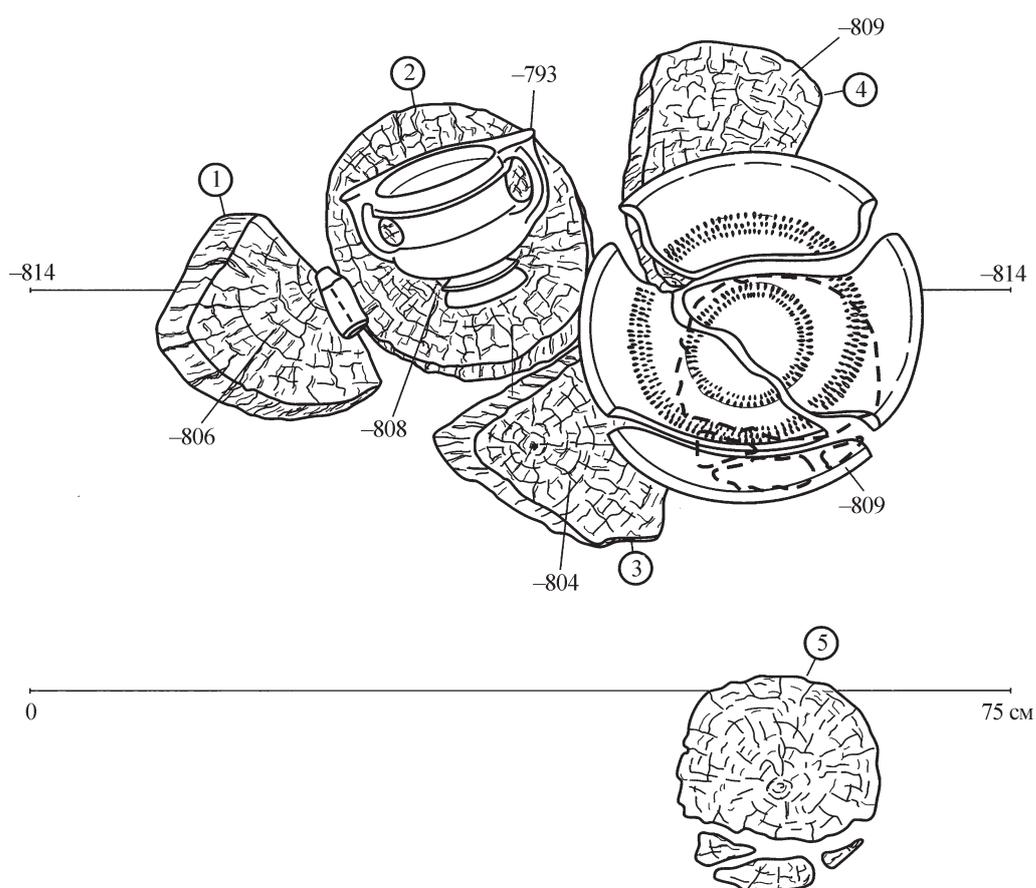

Рис. 210. Пеньки-стульчики с чернолаковыми канфаром и блюдом, стоявшие в углу погребальной камеры Центральной могилы

Рис. 211. Даты ВС и ВР, полученные для пеньков-стульчиков (малые значения обозначают даты ВС калиброванный, большие — ВР)

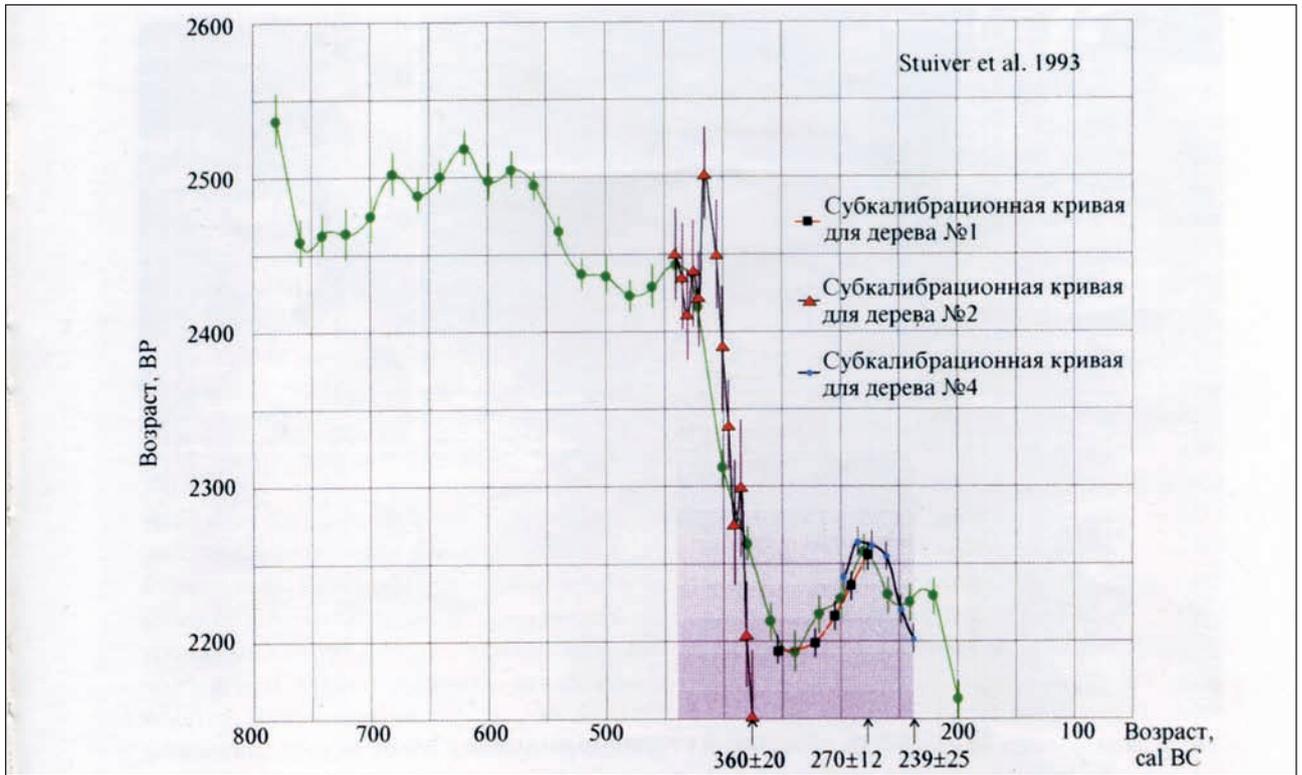

Рис. 212. Общее сопоставление «субкалиброванных» графиков для пеньков № 1, 2, 4

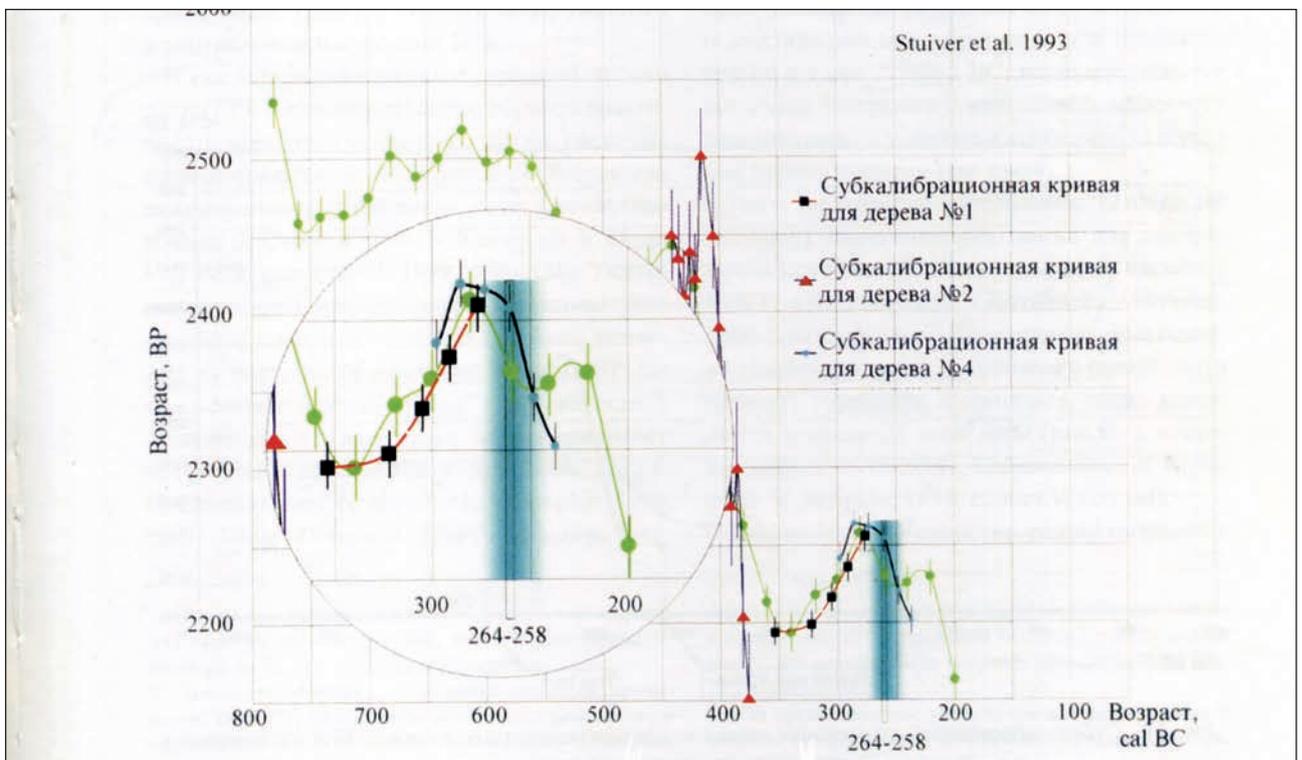

Рис. 213. Взаимоположение полученных для пеньков дат на кривой Stuivera с учётом возможных соприкосновений в пределах стандартной ошибки

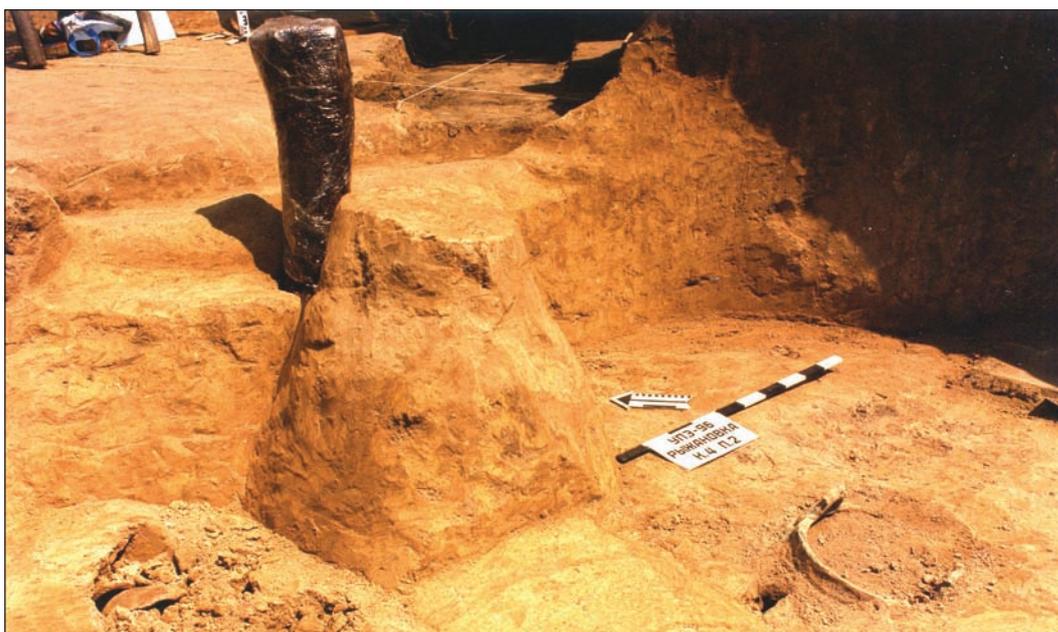

Рис. 214. Опорный столб-колонна из Центральной могилы, упакованный в плёнку, до изъятия из объекта

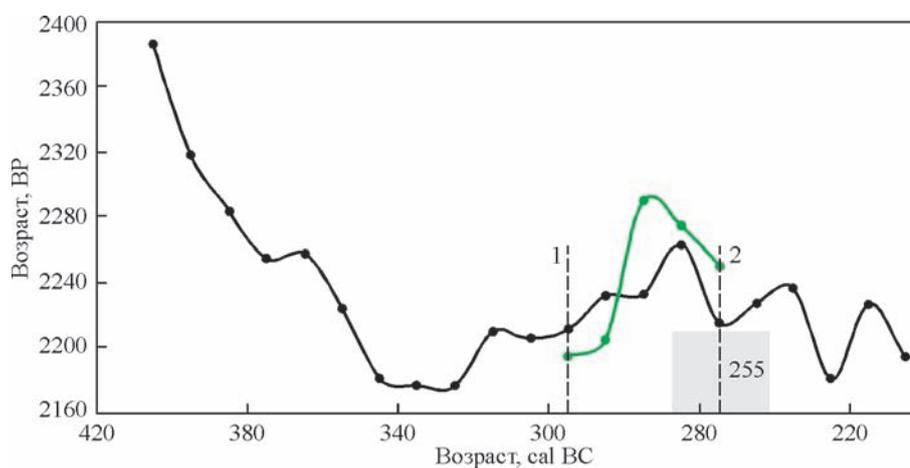

Рис. 215. «Субкалиброванное» датирование столба-колонны из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана, полученное в результате повторного анализа

М. Трейстер
БРОНЗОВЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ СОСУДЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОГИЛЫ
БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА*

1. Бронзовые сосуды

1.1. Ситула стамноидная

Бронзовые ситулы из Центральной (рис. 1-2) (Скорый 1998, с. 125-126; Скорий, Хохоровські, Григор'єв, Ридзевські 1999, с. 99; Chochorowski, Skoryj 2000, S. 107; Скорый 2000, с. 123; Teleaga, 2008, S. 267, Nr. 71) и Боковой (Бобринской 1894, с. 141, 145-146, табл. XIX, 5-7; Самоквасов 1908, с. 77, рис. 30; Онайко 1970, с. 115, № 765, табл. 33; Zahlhaas 1971, S. 90, Nr. C7; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 108, рис. 34, 18; с. III; Скорый 1998, с. 125-126; Скорый 2000, с. 123; Teleaga 2008, S. 267, Nr. 71) могил Большого Рыжановского кургана (далее – ЦМ и БМ БРК) относятся к типу стамноидных или типу С, по классификации Г. Цалхааз, со сливом оформленным в виде львиной головки (Zahlhaas 1971, S. 96-107; Barr-Sharrar 1982, p. 129-130; Pfrommer 1983, S. 250-262; Zimmermann 1998, S. 47 ff.; Teleaga 2008, S. 262-267, Karte 47; S. 447-448, Nr. 984-988). На территории Скифии было найдено четыре ситулы этой категории, при этом находка из комплекса бронзовой посуды в Песчаном (Ганина 1970, с. 68-71, 90, рис. 19-22, 30; Zahlhaas 1971, S. 92, Nr. C18; Boucher 1973, p. 94-95, figs. 18-20; Ganina 1974, fig. 20; Cat. New Yor, 1975, No. 179; Cat. Schleswig 1991, Nr. 103f; Cat. Vienna 1993, Nr. 65; Cat. San Antonio 1999, No. 85) относится к такому же варианту ситул, что и находки из БРК. Серебряная ситула из погребения № 1 кургана № 9 у с. Пески (Гребенников 1987, с. 155, рис. 5, 3; с. 156, № 20; Гребенников 2008, с. 101-102, 169, рис. 37, б) относится к раннему варианту ситул типа С (первая половина – середина IV в. до н.э.) и имеет иное оформление атташа ручки и слива⁵⁹.

Ситулы рассматриваемого нами варианта получили особенно широкое распространение в Македонии (Archibald 1988, p. 278). Из шестнадцати находок таких серебряных и бронзовых ситул с территории Балканского полуострова – восемь происходят из Македонии (см. Themelis, Touratsoglou 1997, p. 33; Zimmermann 1998, S. 165-166,

* Благодаря любезности С. Скорого, я имел возможность работать с публикуемыми находками фотографировать их во время своих поездок в Киев в марте 2007 и мае 2010 г. Статья была в основном написана в 2008–2009 гг. В настоящем виде она была окончательно оформлена и послана С. Скорого для публикации 08.07.2010 г. Соответственно все работы, касающиеся публикуемых в статье предметов и аналогий к ним, вышедшие 2010 г. не учтены. Отмечу здесь лишь свою публикацию, посвященную импортным бронзовым и серебряным сосудам из скифских курганов, опубликованную в 2010 г. он-лайн в материалах конгресса классической археологии в Риме (2008 г.), в которой среди прочих рассматриваются и публикуемые здесь сосуды из Центральной могилы БРК, а также свою статью, посвященную изображениям орлиноголового грифона в искусстве V–IV вв. до н.э., в которой в том числе подробно рассматривается мотив терзания грифоном оленя, представленный на серебряном круглодонном сосуде из БРК, см. Трейстер 2014, с. 202-206, рис. 4-5. Примечание автора, 05.09.2017 г.

⁵⁹ См. подробнее: Трейстер 2010а, с. 221, 223.

Nr. STM 1-17), включая недавнюю находку из некрополя Архондики, Пелла со сливом, оформленным в виде головки кабана (*Chryssostomou, Chryssostomou 2004, p. 568, 571, fig. 16*)⁶⁰. Четыре находки ситул типа С происходят из погребений 2-ой половины IV в. до н.э. в Нижнем Подунавье (*Teleaga 2008, S. 262-263*).

У всех трех рассматриваемых нами здесь ситул, найденных в Скифии, имеются практически идентичные сливы, оформленные в виде львиных головок (рис. 2). Очень близкие параллели им имеются на ситулах такой же формы из Македонии⁶¹. Ситулы из БРК объединяет с македонскими находками не только форма слива, но и другие особенности формы сосудов.

У ситул из БРК утрачены атташи ручек. О том, что он изначально был, например, на ситуле из ЦМ БРК, свидетельствует след припоя (рис. 1, 4). В качестве атташей могли выступать накладные маски с изображением головы Афины, как на ситулах из Песчаного и Цотилион в Западной Македонии (*BCH 59, 1935, p. 283, fig. 38; Zahlhaas 1971, S. 92, Nr. C16; Boucher 1973, p. 91-92, fig. 14; Pfrommer 1983, S. 253; Zimmermann 1998, S. 165, Nr. STM 13*), или маски силенов, как на большинстве упомянутых выше ситул из Македонии.

1.2. Кратер

Бронзовый кратер с широким краем и одной сохранившейся горизонтальной ручкой (рис. 3-4) находит близкую параллель в комплексе сосудов из Песчаного (*Ганина 1970, с. 80-81, 93, рис. 28; Teleaga 2008, S. 254, Nr. 3*). Отметим, что параллели кратерам такой формы известны с территории Македонии⁶² и из Пропонтийской Фракии⁶³ и могут, соответственно, с наибольшей вероятностью датироваться не ранее последней трети IV в. до н.э. Находки подобных сосудов в двух погребениях позднелатенского времени в Румынии и Польше связывают с добычей скиров и бастарнов (*Teleaga 2008, S. 253-254, Nr. 1, 4; S. 443, Nr. 957*).

Массивные короткие ручки округлого сечения, переходящие в круглые в плане атташи без декора, как у рассматриваемых кратеров, включая и находку в БРК (рис. 4), находят параллели и на бронзовых сосудах других форм, в частности на гидриях конца V–IV в. до н.э. (*Diehl 1964, 29, 32, Nr. B 99-104, 109, 110, 115, 122, Taf. 7-11*).

И. Делемен считает, что находки в кургане Наип и в гробнице в Вергине служили в качестве сосудов для воды; он также отмечает, что в гробнице в Свещари изображен аналогичный сосуд. Б. Барр-Шаррар связывает рассматриваемые кратеры с ритуальным омовением перед симпозиями (*Barr-Sharrar 2008, p. 11, 13*).

⁶⁰ См. также находку бронзовой ситулы из могилы № 22 некрополя Навпакта в Этолии (*Deltion 54. B.1 1999, 272, 274, fig. 19*).

⁶¹ Дервени, гробница А (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 57, No. 158; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 33, No. A 2, pls. 2; 34; Cat. Hannover 1994, S. 225, Nr. 262*). – Дервени, гробница В (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 64, No. 212; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 73, No. B 29, pl. 79; Cat. New York 2004, p. 79, No. 6*). – Вергина, гробница II (в серебре) (*Andronicos 1984, p. 146-147, figs. 104-105*). – Никесиани, гробница Е (*Boucher 1973, p. 91, 93, fig. 16; Cat. Washington 1980, p. 161, No. 122, col. pl. 18; Barr-Sharrar, 1982, p. 129-130, fig. 14; Lazaridis et al. 1992, p. 27, No. A1403, pl. A; Cat. Hannover 1994, S. 241, Nr. 305*). – Пидна, гробница северного некрополя (*Bessios, Pappa 1995, pl. 83A*). – Метоне, гробница № 3 (*Bessios, Pappa 1995, pl. 83B*).

⁶² Дервени, гробница А (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 59, No. 174; Cat. Washington 1980, p. 163, No. 126; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 31, No. A 51, pl. 32; Barr-Sharrar 2008, p. 13, fig. 7*). – Дервени, гробница В (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 65, No. 223; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 72-73, No. B 40, pl. 77*). – Дервени, гробница Z (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 71, No. 265; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 122, No. Z 18, pl. 132*). – Вергина, гробница II (*Andronicos 1984, p. 160, fig. 127*).

⁶³ Курган Наип в окрестностях Перинфа (*Delemen 2006, p. 262, 266, fig. 14*).

1.3. Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне

Две аналогичных чаши с туловом полусферической формы на кольцевых поддонах с подвижными ручками были найдены в ЦМ и БМ БРК (рис. 5-6) и (Петренко 1967, с. 25, 95, табл. 15, 1; Онайко 1970, № 772, табл. 33; Teleaga 2008, S. 276, Nr. 59). Подобные чаши происходят и из других скифских курганов: бронзовая чаша была найдена в северной могиле кургана № 22 у Архангельской слободы (Leskov 1974, S. 79, Abb. 118; S. 86), а серебряная – в погребении № 1 кургана № 9 у д. Пески (Гребенников 1987, с. 155, рис. 5: 1; с. 156, № 21; Гребенников 2008, с. 101-102, 169, рис. 37: 4). Возможно, к этому же типу следует отнести и бронзовую полусферическую чашу из Курджицкого кургана, у которой отмечаются два рельефных пояса под краем (Галанина 1980, с. 82, № 13; Teleaga 2008, S. 276, Nr. 56), подобно указанным выше сосудам, а также чашу из Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 218-219, № 152; Rolle, Murzin, Alekseev 1998b, S. 26, Nr. 152, Taf. 44, 1; Teleaga 2008, S. 274, Nr. 54).

Многочисленные параллели, совпадающие в деталях декора и в форме ручки (рис. 5: 1) происходят из македонских гробниц 2-ой половины IV в. до н.э.⁶⁴. Известны подобные сосуды в погребениях этого же времени в Эпире⁶⁵ и в Нижнем Подунавье, преимущественно, во Фракии, где они происходят из комплексов ок. 360–330 гг. до н.э., по датировкам Э. Телеага (Teleaga 2008, S. 273, 455, Nr. 1036-1043)⁶⁶. Чаша с двумя ручками происходит из македонской гробницы в Котрони (Эретрия на Эвбее) (Karapaschalidou 1989, fig. 26; Huguenot 2008, pl. 54, 1).

1.4. Канфар⁶⁷

Бронзовый канфар из ЦМ БРК (рис. 7-9) имеет тулово редкой формы, хотя высокая ножка на кольцевом поддоне (рис. 7: 2; 8; 9: 2), а также ручки, изгиб которых украшен горизонтальной пластиной подтреугольной формы (рис. 7-8; 9:1) находят параллели на бронзовых канфарах из македонских гробниц 2-ой половины IV в. до н.э.⁶⁸, из Фракии⁶⁹ и Центральной Греции⁷⁰. Более-менее близкое по форме тулово и аналогичная ножка

⁶⁴ Дервени, гробница В (Cat. Thessaloniki 1978, p. 63, No. 208; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 73, No. B 25, pl. 77). – Дервени, гробница Z (Cat. Thessaloniki 1978, p. 71, No. 263; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 122-123, No. Z 16, pl. 136). – Вергина, гробница II (в серебре) (Andronicos 1984, p. 149, fig. 111). – Никесиани, гробница E (Cat. Thessaloniki 1978, p. 97, No. 407, pl. 57; Lazaridis et al, 1992, p. 40, No. A1402, pl. 23). – Пидна, погребение № 20 (Bessios, Pappa 1995, pl. 86A; Cat. New York 2004, p. 84, No. 19). – Метоне (Bessios, Pappa 1995, pl. 83B). См. также другие примеры (Themelis, Touratsoglou 1997, p. 73, No. B 25 с литературой).

⁶⁵ Вотони (Vokotopoulou 1975, p. 773, 775, No. 24, fig. 34). – Витса (Vokotopoulou 1986, p. 288, No. 4, fig. 83a).

⁶⁶ Из восьми находок на территории Фракии и из гетского могильника Зимница ручки (две) имелись (были утрачены) лишь у чаши из Вырбицы (Filow 1934a, S. 176-177, Nr. 8, Abb. 194; Teleaga 2008, S. 273, 455, Nr. 1039, Taf. 111, 3).

⁶⁷ В тексте настоящей монографии данный сосуд рассматривается как килик (прим. С.А. Скорого).

⁶⁸ Дервени, гробница Δ (Cat. Thessaloniki 1978, p. 68, Nos. 246-247; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 103, Nos. Δ 8-9, pl. 113). – Дервени, гробница В (Cat. Washington 1980, p. 161, No. 121; Cat. Hannover 1994, S. 240-241, Nos. 302-303). – Никесиани, гробница E (Cat. Washington 1980, p. 161, No. 126; Lazaridis et al. 1992, p. 39, Nos. A872-873; col. pl. B; pl. 22). – Вергина, гробница III (Cat. Washington 1980, p. 181, No. 156, pl. 26).

⁶⁹ Хаджидимово, бывш. Горняни, серебряный канфар (Archibald 1998, pl. 36). – Копринско, некрополь Севтополиса, курган 1, серебряный килик (Archibald 1998, pl. 37).

⁷⁰ Галаксиди в Фокиде (Zimi, Sideris 2003, p. 45, pl. 16a-b).

имеются у бронзового килика неизвестного происхождения из Музея Метрополитен (*Richter 1915, p. 216, No. 595*).

Форма нижних атташей ручек в виде удлиненных листьев с заостренными концами (рис. 8; 9: 2) также находит параллели на бронзовых канфарах с различной формой тулова, например, из гробницы В в Дервени (*Cat. Thessaloniki 1978, p. 64, Nos. 213-214, pl. 32; Themelis, Touratsoglou 1997, p. 73-74, Nos. B30-31, pls. 80-81; Barr-Sharrar 2008, p. 27, fig. 24*), из Амфиополя (в Музее Амфиополя) и его окрестностей (*Maafß 1979, S. 57, Nr. 33*) в Восточной Македонии; из Галаксиды в Фокиде (*Zimi, Sideris 2003, p. 45, pl. 16a-b*).

2. Серебряные сосуды

2.1. Килик

Килики – одна из наиболее многочисленных категорий серебряных сосудов, известных по находкам в скифских курганах IV в. до н.э. Я уже подробно останавливался на генезисе формы этих сосудов (*Трейстер 2005, с. 513-515*). Рассматриваемый килик из ЦМ БРК (рис. 10-11) имеет довольно глубокое, практически полусферическое вместилище, край которого загнут внутрь. Килики с аналогичным по форме и профилировке края вместилищем происходят из погребения № 3 в Соболевой Могиле (*Cat. San Antonio 1999, No. 162; Мозолевский, Полин 2005, с. 175, рис. 102, 1; с. 190-191, № 94; Трейстер 2005, с. 513-515, № 1, рис. 159, табл. 21: 1*), в БМ БРК (*Бобринской 1894, с. 141, 145, табл. XVII: 4; Петренко 1967, с. 25, табл. 15: 7* (ошибочно называет килик бронзовым); *Онайко 1970, с. 116, № 773, табл. XXXIII*)⁷¹, северной гробнице Чертомлыка (с подрезкой под краем снаружи) (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, илл. на с. 257; с. 258, № 228; Rolle, Murzin, Alekseev 1998a, S. 163-164; Rolle, Murzin, Alekseev 1998b, S. 38, Nr. 228, Taf. 64:1-2*) и из тайника Гаймановой Могилы (*Бідзиля 1971, с. 49-50, рис. 5; Charrière 1974, Abb. 349; Мозолевський 1983, с. 125, рис. 101*). Подобные же серебряные килики известны и за пределами северопричерноморских степей, в частности, из Козани в Македонии, где он был найден в погребении II/1948 третьей четверти IV в. до н.э. (*Kallipolitis, Feytmans 1951, p. 93, fig. 8; p. 96, No. 6; Cat. Toledo 1977, p. 51; Karamitriou, Mentesidi 1993, p. 46, fig. 19; Zimmermann 1998, S. 158, Nr. SCM 2*). Отметим также сходство профилированного поддона килика (рис. 10, 2-3; 11, 3) с поддоном килика из погребения № 3 Соболевой Могилы (*Мозолевский, Полин 2005, с. 190-191, № 94, рис. 102: 1, табл. 21: 1; Трейстер, 2005, с. 521-522, рис. 158-159*).

2.2. Круглодонный сосуд с фигурным фризом

2.2.1. Форма и структура декора

Круглодонный сосуд с фигурным фризом из ЦМ БРК (рис. 12-18) относится к серии сосудов, известных по находкам из скифских курганов IV в. до н.э. (*Королькова 2003, с. 48-49, рис. 10*) и погребений некрополя Пантикапея 1-ой половины – середины III в. до н.э. (*Трейстер 2010б, с. 593-594*).

Некоторые исследователи идентифицируют их с упоминаемыми Геродотом ангосами, которые использовались для сбора крови в ритуале, посвященном Аресу (*Кузнецова 1988, с. 17-22; 2004, с. 100*), другие – с культом женского божества (*Королькова 2003, с. 48*).

⁷¹ Уже в первой публикации сосуд был изображен без ножки, однако отмечалось, что ножка «распалась от окисления».

Среди сосудов с фигурными фризами выделяется два варианта: у сосудов из кургана № 14/1986 у с. Дуровка под Воронежем (Пузикова 1995, с. 12 слева вверху; Пузикова 1997, с. 218, рис. 6; Пузикова 2001, с. 195, 243, рис. 41; Королькова 2003, с. 49, рис. 10:11) и БМ БРК (Бобринской 1894, с. 141, 145, табл. XVI: 7; Самоквасов 1908, с. 77, рис. 29; Петренко 1967, с. 25, 139, табл. 15: 3; Онайко 1970, с. 116, № 784, табл. XXXIII; Рябова 1986, с. 141, рис. 1: 8; ошибочно обозначен как находка из Керчи; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 108, рис. 34:22; Королькова 2003, с. 49, рис. 10:10) сам фриз (гравированный) занимает узкую полосу в центре тулова, а само тулово и над и под фризом украшено узкими лепестками. На сосуде из кургана № 1 у с. Волковцы центральный фриз представляет собой изображение плетенки (Khanenko 1899, pl. XXX, 451; Онайко 1970, с. 116, № 785, табл. XXXI; Рябова 1986, с. 142, рис. 2: 9; Скорый 2000, с. 122; Королькова 2003, с. 49, рис. 10: 8), на сосуде из Изобильного – полосу растительного орнамента (Рябова 1986, с. 142, рис. 2: 10; Королькова, 2003, с. 49, рис. 10: 5).

Сосуды второго варианта, представленного более многочисленными образцами, среди которых и рассматриваемый нами, характеризуются более широкой полосой фриза: фигурный декор (в рельефе) занимает верхнюю половину тулова, нижняя часть тулова украшена узкими лепестками или другими орнаментами (рис. 12-14, 18). Такие сосуды были найдены в Куль-Обе, Соболевой Могиле, кургане Патиньоти (Potratz 1963, S. 118, Taf. 50; Яковенко 1974, с. 65-66, рис. 26; Тункина 2002, с. 548-550, рис. 147: 1), Солохе (Манцевич 1987, с. 92-93, № 64; Королькова 2003, с. 49, рис. 10:14) и в Пантикапее (ДБК, табл. XXXV: 1-2; Грач 1984, с. 108, прим. 16; Королькова 2003, с. 49, рис. 10: 15). На некоторых из них также представлены сцены схваток животных, в частности, на сосудах из Куль-Обы (Artamonow 1970, Taf. 242, 245, 246; Кат. Ленинград 1985, № 12; Galanina, Grach 1986, figs. 193-195; Boardman 1994, p. 202, fig. 6.22; Schiltz 1994, S. 160, Abb. 118; Jacobson 1995, p. 207, VI.D.4, figs. 88-89) и погребения № 2 Соболевой Могилы (Cat. San Antonio 1999, No. 164; Мозолевский, Полин 2005, с. 185-187, № 59, табл. 15; Трейстер 2005, с. 517-518, 525-526, рис. 162-163).

Фриз с плетёнкой и лепестки в нижней части тулова сосуда (рис. 12: 2; 18:2) находят параллели на электровом сосуде со скифами из Куль-Обы (Artamonow 1970, Taf. 226, 229, 232-233; Galanina, Grach 1986, figs. 185-187; Cat. Hamburg 1993, Nr. 57; Cat. Zurich 1993, Nr. 41; Cat. Bonn 1997, Nr. 74; Cat. Milan 2001, No. 54), на упомянутом выше сосуде из Соболевой Могилы, лепестки – на круглодонных сосудах из Куль-Обы⁷². Однако, детали фриза с плетёнкой находят наибольшее соответствие на одном из круглодонных сосудов, найденных в Куль-Обе, с изображением льва и львицы, терзающих оленя и отдельно фигуры хищника кошачьей породы (Artamonow 1970, Taf. 241, 243-244; Грач 1984, с. 106, табл. III, рис. 10-15; Galanina, Grach 1986, figs. 190-192; Schiltz 1994, S. 164-165, Abb. 121; Jacobson 1995, p. 207, VI.D.5).

2.2.2. Розетта на донце

На донце сосуда представлена 9-лепестковая розетта со стрелками между лепестками, обрамленная двумя концентрическими кругами (рис. 15). Ближайшая аналогия ей – розетта на донце упомянутого выше серебряного кубка с фризом, изображающим гиппокампов, ныряющих рыб и уточку (Пузикова 1995, с. 12 слева вверху; Пузикова 1997, с. 218, рис. 6; Пузикова 2001, с. 195, 243, рис. 41; Королькова 2003, с. 49, рис. 10:11), из кургана у с. Дуровки, датирующегося по фрагментированной амфоре Менды первой половиной IV в. до н.э. (Пузикова 1997, с. 219-220, рис. 7; Пузикова 2001, с. 195). Так же, как и на рассматриваемом сосуде, в центре розетта сгруппирована вокруг довольно неаккуратно прочерченного кружка, лепестки разделены стреловидными выступами,

⁷² См. об этих сосудах, например, Грач 1984.

а сама розетка находится в обрамлении из двух врезанных концентрических линий. Интересно, что это единственные два известных мне случая помещения девятилепестковой розетки на донце круглодонного кубка. Так, например, на донце чаши с изображением скифов из Гаймановой Могилы (*Бідзиля* 1971, с. 50-55, рис. 5, 7-11; *Galanina* 1974, figs. 49-51; *Манцевич* 1975, с. 12-13, 22-23, рис. 8; 29-30; *Раевский* 1977, с. 36-39, рис. 4, 5; *Черненко* 1981, с. 85-87, рис. 63-65; 92; *Клочко* 1984, с. 60, рис. 2; 62-63; *Galanina, Grach* 1986, figs. 166-170; *Рябова* 1987, с. 148, рис. 3, 5; 150; *Rolle* 1989, p. 59, pl. 7 вверху слева; *Cat. Schleswig* 1991, Nr. 96a; *Клоčko* 1991, S. 105, Abb. 1, a; *Rjabova* 1991, S. 154-155, Abb. 1; *Cat. Vienna* 1993, Nr. 24; *Boardman* 1994, p. 201-202, fig. 6.23a-b; *Schiltz* 1994, S. 176-177, Abb. 128-129; *Jacobson* 1995, p. 200-202, VI.C.2; *Gebauer* 1997, S. 153-154, Abb. 52; *Fuhrmeister* 1997, S. 164-166, Abb. 60-61; *Ольховский* 2001, 151, 161, рис. II, 4) и сосуда с изображением скифов из кургана № 3 группы «Частых курганов» под Воронежем (*Ростовцев* 1914; *Либеров* 1965, с. 30, табл. 30: 1; с. 38; *Artamonow* 1970, Taf. 195-196, 198; *Galanina, Grach* 1986, figs. 171-173; *Schiltz* 1994, S. 390-391, Abb. 312, A-D; *Jacobson* 1995, p. 205-206, figs. 85-86, a-b; *Cat. Bonn* 1997, Nr. 39; *Fuhrmeister* 1997, S. 162-163, figs. 58-59; *Кам. Ст. Петербург* 2004, № 44) выгравирован круг с вписанной в него восьмилепестковой розеткой⁷³. Также восьмилепестковая розетка представлена на донце кубка с фризом, изображающих бегущих животных, из БМ БРК (см. розетку: *Онайко* 1970, с. 191, табл. XXXIII), а на одном из круглодонных кубков (с тремя сценами терзания) из Куль-Обы прочеканена четырнадцатилепестковая розетка (*Грач* 1984, с. 100, 104, табл. II, рис. 9).

2.2.3. Фигурный фриз

Особого внимания заслуживают сцены фриза (рис. 12:1; 13-14). На одной из них – два орлиноголовых грифона терзают быка (рис. 13), на другой – один львиноголовый грифон и один орлиноголовый – оленя (рис. 14). Подобные сюжеты до сих пор не были известны на аналогичных по форме кубках, хотя на одном из кульобских сосудов (*Artamonow* 1970, Taf. 242, 245, 246; *Galanina, Grach* 1986, figs. 193-195; *Boardman* 1994, p. 202, fig. 6.22; *Schiltz* 1994, S. 160, Abb. 118; *Jacobson* 1995, p. 207, VI.D.4, figs. 88-89) представлена сцена нападения двух орлиноголовых грифонов на горного козла (*Galanina, Grach* 1986, fig. 195; *Schiltz* 1994, S. 160, Abb. 118, вверху).

2.2.3.1. Сцена терзания оленя орлиноголовым и львиноголовым грифонами (рис. 14)

Мотив терзания оленя одним или двумя орлиноголовыми грифонами получает широкую популярность в искусстве Южной Италии, Греции, Македонии и Северного Причерноморья IV в. до н.э. Такие сцены известны в вазописи⁷⁴, в частности, краснофигурной этрусской, например, на горле кратера с волютами вазописца Авроры из Музея Виллы Джулии, ок. 360 г. до н.э. (*CVA Villa Giulia 1, CVA Italia 1, Gruppo IV, B, pl. 6, 1; Arias, Hirmer, 1960, S. 104, Farbtaf. XLVIII; Arias, Hirmer, Shefton, 1962, p. 385-386, col. pl. XLVIII; Sichtermann 1966, p. 48-49, No. 70, pl. 111*)⁷⁵, а также в краснофигурной апулийской второй половины IV в. до н.э. (*Lullies 1962, S. 76, Ann. 182*)⁷⁶ и на пеликах

⁷³ См. розетку на донце воронежского кубка: *Ростовцев* 1914, табл. II: 14; *Либеров* 1965, табл. 30: 1; розетку на донце кубка из Гаймановой Могилы: *Бідзиля* 1971, с. 53, рис. 10, справа.

⁷⁴ Подборку примеров, приведенных Ф. фон Лоренцем и Ф. Броммером, см. *von Lorentz 1937, S. 182; CVA Schloss Fasanerie. Bd. 2, CVA Deutschland. Bd. 16, 1959, S. 38.*

⁷⁵ О влиянии апулийского стиля на вазописца Авроры, см. *M. Naragi, in Cat. Venice 2000, p. 446.*

⁷⁶ См., например, на тулове кувшина из Роканова в Музее Тарента: *Lullies 1962, S. 75-76, 84, Taf. 35: 2*

так наз. керченского стиля (*Schefold 1934, S. 56, Nr. 537, S. 153; Kam. Москва 2002, с. 36. № 38*: два орлиноголовых грифона терзают лань). Скульптурная группа с изображением двух грифонов, терзающих лань, происходит из Южной Италии (*Meisterwerke Getty Museum 1997, p. 90-91*). Подобные композиции из позолоченных терракотовых накладок были особенно популярны в Таренте, где во второй половине IV в. до н.э. ими украшали саркофаги⁷⁷ (*Lullies 1962, S. 71-73, Taf. 1, 3; 17, 3-4; Cat. Milan 1984, p. 394, No. 31; Cat. Triest 2002, p. 247-248, No. 83.6*). Впрочем, аналогичные сцены известны на накладных украшениях деревянных саркофагов из Македонии⁷⁸. Известны подобные сцены и в мозаиках IV в. до н.э. (*Salzmann 1982, S. 50, Anm. 398; Grandjouan 1989, p. 23, note 79*), в частности, из Пеллы (*Salzmann 1982, S. 108, Nr. 105, Taf. 38, 1; Ciliberto 1991, p. 12, Taf. 2: 2*) и Олинфа (*Salzmann 1982, S. 99, Nr. 78, Taf. 13*) в Македонии. Сцены с изображением одного грифона, терзающего оленя, представлены на греческих бронзовых рельефах: накладках бронзового лутерия из «клада» у с. Песчаного (*Ганина 1970, с. 91-92; рис. 26; Cat. New York 1975, No. 168; Штумельман 1977, рис. 53-54; Cat. Schleswig 1991, Nr. 103n; Cat. San Antonio 1999, No. 84*) и бронзового зеркала в виде корочки из некрополя Ялисос на о. Родос, которое датировано 1-ой четвертью IV в. до н.э. (*Schwarzmaier 1997, S. 328, Nr. 230, Taf. 1:1*). Подобные же изображения известны в греческой глиптике классического времени (*Boardman 2001, p. 198, pl. 511*) и на греко-персидских скарабеоидах, выполненных в греческом стиле (*Boardman 2001, p. 312, pl. 868*). На нижнем фризе бронзового кратера из Дервени в Македонии, вероятнее всего, работы фессалийской мастерской ок. 370 г. до н.э. (*Barr-Sharrar 2008, p. 44-45*), представлена сцена с двумя грифонами, терзающими оленя (*Barr-Sharrar 2008, p. 161, fig. 29, pl. 19a*). На афинской агоре в слое 2-ой половины IV в. до н.э. были найдены фрагментированные терракотовые формы с подобными изображениями (*Grandjouan 1989, p. 11-13, 51, Nos. 52-55, pls. 14; 30*). Подобные же терракотовые формы происходят (*Davidson 1952, p. 62, No. 470, pl. 44*) или предположительно происходят (*Davidson 1952, p. 62, pl. 143d*) из Коринфа.

Сцены с изображением терзания оленя грифонами в целом были весьма популярны на произведениях торевтики так наз. греко-скифского стиля. На серебряном ритоне из Соболевой Могилы представлены гравированные сцены нападения орлиноголовых грифонов на копытных (*Cat. San Antonio 1999, No. 163; Мозолевский, Полин 2005, с. 183-185, № 58, табл. 20, 1-5; Трейттер 2005, с. 515-517, рис. 160-161*), а на золотых обкладках мечей – сцены с изображением одного орлиноголового грифона, терзающего оленя (Толстая Могила: *Мозолевский 1979, с. 69-73, рис. 52, 56; Galanina, Grach 1986, figs. 150, 153; Cat. Vienna 1993, Nr. 17, S. 97, Abb.; Schiltz 1994, S. 399, Abb. 330; Jacobson 1995, p. 243-244, VIII.C.5, fig. 110; Stähler 1997, S. 75 ff., Abb. 30; Cat. San Antonio 1999, No. 122*)⁷⁹ или орлиноголового грифона и льва, терзающего оленя (курган № 30 у с. Великая Белозерка (*Отроценко 1984, рис. на с. 123; 124-125; Cat. Schleswig 1991, Nr. 89; Cat. Vienna 1993, Nr. 18; Schiltz 1994, S. 398-399, Abb. 329; Jacobson 1995, p. 240-241, VIII.C2, fig. 109; Cat. San Antonio 1999, No. 121*), Куль-Оба (*Artamonow 1970, Taf. 208-209; Mantsevich 1980, p. 81-82, 84, fig. 4; Boardman 1994, 204-205, fig. 6:7; Schiltz 1994, S. 398-399, Abb. 331; Jacobson 1995, p. 241-242, VIII.C.3; Michel 1997, S. 34, Abb.*

(вместе с дионисийской сценой на плечиках). – На горле кратера с волютами, Адольфсэк, Замок Фазанери, инв. № 178: *CVA Schloss Fasanerie. Bd. 2, CVA Deutschland. Bd. 16, 1959. S. 38, Taf. 76; 77, 1.*

⁷⁷ Среди накладок известны и изображения львиноголовых грифонов: *Lullies 1962, S. 72, Taf. 8, 2; 11, 2.*

⁷⁸ Метоне: *Bessios, Pappa 1995, pl. 90B; Cat. Thessaloniki 2000, p. 29, fig. 20.*

⁷⁹ Аналогичная сцена с изображением орлиноголового грифона, нападающего сзади на оленя, представлена на пластинчатых браслетах из Куль-Обы (*Artamonow 1970, Taf. 237-238; Galanina, Grach 1986, fig. 179; Cat. London 1994, No. 86; Грач 1994, с. 137-138, рис. 2-3; Jacobson 1995, p. 136, II.E.5; Cat. Bonn 1997, S. 167-168, Nr. 73*).

15; *Stähler 1997, S. 77, Abb. 31; Rolle, Murzin, Alekseev 1998a, S. 135, 137*). Последняя сцена представлена и на верхнем фризе серебряной обкладки горита из Солохи (*Манцевич 1962, с. 110, рис. 5; Манцевич 1987, № 53; Artamonow 1970, Taf. 161; Gajdukevič 1971, S. 144-145, Abb. 30; Черненко 1981, с. 76, рис. 52; Jacobson 1995, p. 225, No. VII:2*).

Изображения двух орлиноголовых грифонов, терзающих оленя, мы встречаем только на длинных пластинах калафа из женского погребения в Толстой Могиле (*Мозолевский 1979, с. 127, № 174a; с. 130, рис. 111; Schiltz 1994, S. 381, Abb. 298*), а также из Чертомлыка (*Galanina, Grach 1986, fig. 233, Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 195, 197, № 113; Rolle, Murzin, Alekseev 1998b, S. 21, Nr. 113, Farbtaf. 9-10*). Этот же сюжет представлен на верхнем фризе конического предмета из тайника Братолюбовского кургана (*Schiltz 1994, S. 6-7, 9, Abb. 3-4*) и на верхнем фризе чертомлыцкой амфоры (*Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 178-179, № 91, деталь 3; Rolle, Murzin, Alekseev 1998b, S. 17, Nr. 91, Farbtaf. 6*). Таким образом, в памятниках торевтики из скифских курганов рассматриваемый сюжет зафиксирован, по крайней мере, с рубежа V–IV вв. до н.э.

Изображения львиноголовых грифонов на памятниках торевтики из скифских курганов чрезвычайно редки – укажем на такое изображение на обкладке горита из Солохи (*Манцевич 1962, с. 112, рис. 10; Манцевич 1987, № 53; Artamonow 1970, Taf. 160*), на обкладке ножен меча из Толстой Могилы (*Мозолевский 1979, с. 71, рис. 56; Galanina, Grach 1986, figs. 150, 152; Cat. Vienna 1993, Nr. 17, Abb. S. 97; Schiltz 1994, 399, Abb. 330; Cat. San Antonio 1999, No. 122*).

2.2.3.2. Сцена терзания быка двумя орлиноголовыми грифонами

Еще реже вторая сцена, представленная на фризе (рис. 13) – до сих пор изображения сцен терзания быка двумя грифонами в торевтике так наз. греко-скифского стиля известны не были. Сюжет с изображением орлиноголового грифона, нападающего на быка сзади представлен на недавно найденной в Фанагории мраморном фронте (*Кузнецов 2007, с. 10-11, рис. 8, цв. вклейка № 2*). Среди позолоченных терракотовых накладок 2-ой половины IV в. до н.э. из Тарента известны изображения быков с подвернутыми передними конечностями, которые могли образовывать композиции с грифонами (*Lullies 1962, S. 72-73, Taf. 16:3; Cat. Milan 1984, p. 394, No. 29; Cat. Triest 2002, p. 247-248, No. 83.4*). Такая сцена представлена, в частности, на второй стороне горла упомянутого выше кратера вазописца Авроры из Музея Виллы Джулии (*CVA Villa Giulia 1, CVA Italia 1, Grupo IV, B, pl. 5:1; Arias, Hirmer 1960, S. 104, Taf. 229; Arias, Hirmer, Shefton 1962, p. 385-386, pl. 229; Lullies 1962, S. 73; Sichtermann 1966, p. 48-49, No. 70, pl. 112*). В греческом искусстве классического времени изображения сцен терзания быков редки: укажем на золотой перстень с изображением льва, напавшего на быка из коллекции Национальной Библиотеки в Париже (*Boardman 2001, p. 220, pl. 696*): поза быка с подвернутой передней левой ногой и вытянутой назад правой задней – напоминает позу быка на сосуде из Рыжановки (рис. 13:1; 16:2). Подобный же сюжет представлен и на греко-персидских скарабеоидах, выполненных в смешанном стиле (*Boardman 2001, p. 318, pl. 935*). Очевидно, судя по изображению сцен терзания быка львом на рельефах северной (*Schmidt 1953, p. 83, pls. 19-20*) и западной (*Schmidt 1953, p. 83, pls. 53, 54, B*) лестниц Ападаны; основной лестницы Зала Совета (*Schmidt 1953, pls. 62, 66, 69*); на западной и южных лестницах дворца Дария (*Schmidt 1953, p. 228, pls. 132, B; 152-153, A; 155, B; Boardman 2000, p. 113, fig. 3.34; Cat. London 2005, p. 78-79, No. 39*), западной лестнице дворца Ксеркса (*Schmidt 1953, pls. 159, 161*) и в так наз. дворце Н (*Schmidt 1953, p. 280, pl. 203, D*) в Персеполе, этот сюжет, скорее, можно связывать с ахеменидским искусством. С другой стороны, сцена нападения льва и самки пантеры на быка допол-

няет сцены терзания двумя грифонами оленя на нижнем фризе бронзового кратера из Дервени (*Barr-Sharrar 2008, p. 35-36, fig. 30; p. 161-162, pl. 6*).

2.2.3.3. Композиции сцен

Если персонажи сцен и их компоновка сравнительно необычны для произведений торевтики рассматриваемых нами, то в построении композиций мы наблюдаем множество параллелей.

Это касается, в частности, симметричного изображения задних частей орлино-головых грифонов двух сцен, хвосты, изгибаясь, опущены между задних ног, а сами задние ноги как бы переплетаются (рис. 13: 3). Подобным же образом, на фризе сосуда из Соболевой Могилы (*Трейстер 2005, с. 526, рис. 163:3*) изображены львы, а на фризе ритона из Соболевой Могилы – орлиноголовые грифоны (*Трейстер 2005, с. 515, прим. 183, рис. 161:1*). Поза оленя, упавшего, с поджатыми под себя правыми ногами и выставленными назад и вперед левыми (рис. 14), находит точное соответствие на фризе круглодонного сосуда с тремя сценами терзания из Куль-Обы (*Galanina, Grach 1986, fig. 193; Schiltz 1994, S. 160, Abb. 118, в центре*).

2.2.3.4. Особенности декора. Сосуд из Рыжановки и сосуд КО-98 из Куль-Обы

По технике исполнения и стилю рассматриваемый сосуд отличается от сосуда с тремя сценами терзания из Куль-Обы и сосуда из Соболевой Могилы. Его выделяет подробная проработка посредством выборок металла суставов, сочленений и копыт (рис. 13-14; 16-17), которая в чем-то напоминает трактовку изображений на сосуде из Куль-Обы КО-98 с изображением льва и львицы, терзающих оленя и отдельной фигуры хищника кошачьей породы (*Artamonow 1970, Taf. 241, 243-244; Грач 1984, с. 106, табл. III, рис. 10-15; Galanina, Grach 1986, figs. 190-192; Schiltz 1994, S. 164-165, Abb. 121; Jacobson 1995, p. 207, VI.D.5*). На этом сосуде также имеются выборки на суставах, но они имеют несколько другую форму. В то же время, в изображении животных на куль-обском сосуде КО-98 превалирует мотив S-видных завитков в оформлении суставов, чего мы не наблюдаем на рыжановском сосуде. В любом случае, на сегодняшний день, среди известных памятников торевтики так наз. греко-скифского стиля – указанный сосуд из Куль-Обы является наиболее близкой стилистической параллелью.

Н. Грач, справедливо отмечавшая отличие стиля этого сосуда от других круглодонных сосудов с фризами, изображающими птиц и животных из Куль-Обы, сравнивала манеру изображения животных на нем с изображениями на обкладках мечей из Куль-Обы и Ушаковского кургана и предполагала изготовление их в каком-то производственном центре, функционировавшем на Северном Кавказе (*Грач 1984, с. 103, 105*).

Однако подобная трактовка суставов (ср. рис. 17: 2) находит очевидные прототипы в ахеменидском искусстве, например, на рельефе с изображением сфинкса из дворца G в Персеполе (*Cat. London 2005, p. 84, No. 46*), на глазурованных рельефах из Суз с изображением львиноголового грифона (*Ghirshman 1964, S. 142, Abb. 191; von Gall 1999, S. 156, Abb. 6*) и льва (*Ghirshman 1964, S. 143, Abb. 193*), а также на памятниках торевтики ахеменидского стиля V в. до н.э.⁸⁰

⁸⁰ Например, амфора с ручкой со сливом из Куковой Могилы во Фракии: *Filow 1934, S. 46, Nr. 14, Abb. 55-59; S. 199-210, Taf. III; Маразов 1978, с. 14-18; Cat. Saint Louis 1998, No. 117; von Gall 1999, S. 154, 156-157, Abb. 7-8; Boardman 2000, p. 190, fig. 5.71*. – Амфора с ручкой со сливом из Филипповки в Южном Приуралье: *Яблонский, Меццержаков 2007, с. 57, рис. 3, цв. табл. 1; Yablonsky 2007, p. 88, 93, fig. 7; Кат. Оренбург 2008, с. 90, № 5; Балахванцев, Яблонский 2008, с. 30, 34, рис. 5, 1; Трейстер 2008,*

Отметим, в этой связи следующие моменты. Наличие спиральных завитков на лопатках животных куль-обского сосуда К-О 98 и других предметах, рассмотренных Н. Грач, скорее, уводит в поиск параллелей в регион Южного Приуралья – подобным образом оформленные бедра и лапы хищников являются характерным признаком произведений раннесарматского звериного стиля Южного Приуралья V–IV вв. до н.э. (Королькова 2006, с. 71, 200, табл. 31).

При анализе изображения оленя на куль-обском сосуде Н. Грач не было обращено внимания на следующие детали: поясок жемчужника, проходящий по нижнему краю шеи, и изображение головы хищной птицы у перехода от тулова к бедру задней ноги. Оба эти признака характеризуют произведения скифского звериного стиля V в. до н.э. Изображения, вписанные в фигуры оленя, в частности, головки хищных птиц, характерны для изображений оленей так наз. завадско-акмечетской группы V в. до н.э. (Канторович 1996, с. 52)⁸¹ и примыкающих к ним памятников, таких как обкладка колчана из кургана первой половины V в. до н.э. у с. Ильичево в Восточном Крыму (Лесков 1968, с. 162-164, № 4, рис. 6-7; Leskov 1972, p. 50-52, fig. 13; Яковенко 1976, с. 135, рис. 10; Черненко 1981, с. 50-51, рис. 32; Мурзин 1984, с. 39, рис. 23 справа; Galanina, Grach 1986, fig. 70; Schneider, Zazoff 1994, S. 190, Abb. 33; S. 192, Anm. 96; Канторович 1996, с. 49, рис. 3: 1; Cat. San Antonio 1999, p. 160-161, No. 50) или бронзовая матрица из Гарчиново в Болгарии (Fettich 1934; Filow 1934b; Venedikov, Gerassimov 1973, Nr. 152; Cat. Cologne 1979, Nr. 202; Schiltz 1994, S. 217, 221-222, Abb. 167; Treister 2001, p. 161-167 с литературой; Cat. Bonn 2004, S. 291, Nr. 247). Для этих же изображений характерны полоски жемчужника по нижнему обрезу шеи оленя. Подобный же декор мы встречаем на знаменитой бляхе в виде фигуры оленя из Куль-Обы (Artamonow 1970, Taf. 264-265; Galanina, Grach 1986, fig. 213; Cat. Hamburg 1993, S. 126-127, Nr. 62; Schiltz 1994, S. 158-159, Abb. 116; Cat. Bonn 1997, S. 158-159, Nr. 65), которую традиционно датировали IV в. до н.э. или концом V–IV в. до н.э. (Артамонов 1968, с. 9-16; ср. Канторович 1996, с. 46) основываясь, прежде всего, на датировке гробницы; лишь сравнительно недавно было, на мой взгляд, абсолютно обоснованно, предложено относить её к значительно более раннему времени – 1-ой половине V в. до н.э. (Королькова [Чежина], Алексеев 1994; Алексеев 2003, с. 177, 262). Головка хищной птицы отделяет шею от тулова оленя на золотой обкладке ножен меча из Елизаветовского кургана № 1 на Нижнем Дону (ОАК за 1909—1910, с. 145, рис. 210; Ginters 1928, S. 19, Taf. 7, c; Манцевич 1969, с. 102, рис. 5:2; с. 104; Artamonow 1970, Taf. 323-324; Schneider, Zazoff 1994, S. 189, 191, Abb. 30), а также на фрагментированной золотой обкладке из кургана у с. Ильичево (Лесков 1968, с. 161-162, № 3, рис. 5; Leskov 1972, p. 50-52, fig. 12). Подобные же головки хищных птиц украшают хвосты животных на обкладке ножен меча из кургана № 16 (Ушаковского) Елизаветовского могильника (Ginters 1928, S. 20, Taf. 7, b; Artamonow 1970, Taf. 329-330; Грач 1984, с. 105, 107, табл. III, 16; Galanina, Grach 1986, fig. 219; Jacobson 1995, p. 238-239, VIII.B.3; Власова 1996)⁸². О том, что мотив головы хищной птицы, вписанный в изображения копытных был в моде, по крайней мере, в последней четверти V в. до н.э.⁸³ свидетельствуют находки бляшек в виде фигу-

с. 158-160, рис. 6; Yablonsky 2010, p. 138-139, fig. 18.

⁸¹ О завадско-акмечетской группе изображений оленей см. Канторович 1996, с. 55.

⁸² Н. Грач (Грач 1984, с. 105) считала ножны изделием мастерской, работавшей в середине – второй половине IV в. до н.э. на Северном Кавказе. Недавнее исследование показало, что комплекс кургана датируется не позднее последней четверти V в. до н.э. (Власова 1996, с. 13), учитывая тот факт, что обкладка ножен в древности, по крайней мере, дважды набивалась на ножны, есть все основания датировать создание меча временем около середины V в. до н.э.

⁸³ О датировке гробницы № 8 нимфейского кургана № 17/1876 второй половиной V в. до н.э., см. Силантьева 1959, с. 75-78 (на основе находок чернолаковой керамики). Л. Силантьева предлагала для

рок лосей с повернутой назад головой, у которых этот мотив использован в украшении хвоста и рога в погребении кургана № 17/1876 некрополя Нимфея (Силантьева 1959, с. 74-75, рис. 38, 8-10; Artamonow 1970, Taf. 102, 105). А находка аналогичных бляшек в боковом погребении Солохи (Манцевич 1987, с. 63-64, № 39) дает основание считать, что подобные мотивы были на вещах, которыми могли пользоваться и в 1-ой четверти IV в. до н.э.

Таким образом, нельзя исключать, что в случае с куль-обским сосудом КО-98 мы имеем дело не с произведением мастерской, расположенной где-то вдали на Северном Кавказе, а с изделием боспорской мастерской, но более раннего времени, еще 2-ой половины или конца V в. до н.э. Если принять эту гипотезу, будет понятна и связь куль-обского сосуда с приведенными Н. Л. Грач параллелями, прежде всего, еще относящимися к этому времени обкладками мечей из Елизаветовских курганов № 1 и 16 (Ушаковского кургана). Предположение о том, что среди куль-обских сосудов один может относиться к раннему времени не является удивительным – помимо бляхи в виде фигуры оленя, в той же Куль-Обе был найден браслет 2-ой четверти V в. до н.э. (Manzewitsch 1931, S. 106-116; Artamonow 1970, Taf. 206; Galanina, Grach 1986, fig. 180; Cat. Zurich 1993, Nr. 35; Cat. London 1994, No. 82; Грач 1994, 139-141, рис. 4-6; Cat. Bonn 1997, Nr. 68; Deppert-Lippitz 1998, S. 93-94). Тот факт, что, по крайней мере, отдельные элементы торевтики греко-скифского стиля IV в. до н.э. демонстрируют определенную связь с мотивами звериного стиля V в. до н.э. свидетельствуют антитетические головки хищных птиц, вписанные в вершины золотых обкладок ножен мечей из Куль-Обы и Великой Белозерки с розеткой между ними. Интересно, что на ножнах меча из Толстой Могилы, обнаруживающих очевидные прототипы на рассмотренных выше ножнах из Елизаветовского могильника, – на их месте представлены парные изображения петухов.

2.2.3.5. Атрибуция сосуда

Какое же значение имеют все эти наблюдения для атрибуции круглодонного сосуда со сценами терзания из ЦМ БРК? Совершенно очевидны античные (не скифские) прототипы обеих сцен терзания, представленных на сосуде. Интересно, что обе они представлены на горле одного и того же этрусского краснофигурного кратера вазописца Авроры, датированного ок. 360 г. до н.э., а сцены – терзания оленя двумя грифонами, а быка – двумя кошачьими хищниками (львом и пантерой) – на нижнем фризе бронзового кратера из Дервени в Македонии, который датируется ок. 370 г. до н.э.. Особенностью изображения на рыжановском сосуде является то, что один из грифонов, изображенных в сцене терзания оленя – львиноголовый (рис. 14: 2; 17: 2). Несомненная стилистическая связь с куль-обским сосудом КО-98, на мой взгляд, является еще одним свидетельством связей и преемственности торевтики V и IV в. до н.э. в Северном Причерноморье. Подобно тому, как сосуд 2-ой половины V в. до н.э., найденный в Куль-Обе, мог находиться в обращении в течение столетия, так и сосуд, найденный в ЦМ БРК и, вероятно, изготовленный около середины IV в. до н.э., сохранился на протяжении, по крайней мере, полувека, если принять предлагаемую авторами раскопок датировку погребения в рамках 1-ой четверти III в. до н.э. Разница между сосудами из Куль-Обы и БРК заключается, однако в их различном состоянии сохранности – последний сосуд был найден практически в идеальном состоянии, без утрат и следов использования.

золотых бляшек датировку третьей четвертью V в. до н.э. и датировала само погребение последней четвертью V в. до н.э.

3. Сосуды из различных материалов

3.1. Рог четырехчастный

Рог был изготовлен из кости, серебра и золота (рис. 19-20). Он четырехчастный и состоял из истлевшего рогового раструба (реконструирован из керамики), на верхнюю часть которого была надета гладкая обкладка из широкой полоски золота. Раструб переходит под тупым углом в сужающуюся трубку. Трубка была изготовлена из серебра и не сохранилась (реконструирована из мельхиора) (рис. 19). На конец трубки надет двухчастный золотой наконечник. Он состоит из цилиндрической трубки, свернутой из золотого листа с торцевыми сторонами внахлест, и надетой на него полый оттиснутой в матрице и состоящей из спаянных двух половинок львиной головки. На концы трубки надеты и припаяны к ней две декоративные филигранные полосы, образованные гладкими скатанными проволочками по краям и косичкой в центре (рис. 20). На стыке полосы, из которой свернута трубка, с внутренней стороны внешней декоративной филигранной полосы имеется небольшое отверстие, которое изначально служило для фиксации золотого наконечника на серебряной трубке рога (рис. 20: 2).

Ближайшей параллелью рогу является один из сосудов, найденных в тайнике Гаймановой Могилы (*Бідзиля 1971, с. 50-51, рис. 5; 7; Ganina 1974, No. 52 внизу; Charrière 1974, Abb. 349; Orfèvrerie ancienne 1975, б. н.; Маразов 1978, с. 18-19, рис. 11; Мозолевський 1983, с. 125, рис. 101; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 146; Власова 2000, с. 59, № 15; Manassero 2005a, p. 103-123, fig. 1; Manassero 2005b, p. 100-102, fig. 8; Manassero 2008, p. 112, No. 17; 114-115, 132, pl. XXXVII*).

Рог из Гаймановой Могилы также имел раструб, изготовленный из органического материала, который не сохранился, к которому были прикреплены золотые обкладки, серебряную коническую трубку и золотой наконечник с головкой льва. Вероятнее всего аналогичную конструкцию имел и так называемый малый рог с наконечником с головкой барана (*Бідзиля 1971, с. 50-51, рис. 5:7; Ganina 1974, No. 52 вверху; Charrière 1974, Abb. 349; Orfèvrerie ancienne 1975, б. н.; Мозолевський 1983, с. 125, рис. 101; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 146; Власова 2000, с. 59, № 16; Manassero 2008, p. 112, No. 18; p. 114-115, 132, pl. XXXVII*) из того же тайника, несохранившийся раструб которого был возможно украшен четырьмя золотыми пластинками с изображениями лежащего оленя (*Бессонова 2009, с. 31-32, рис. 1: 2*).

В отличие от рогов из Гаймановой Могилы, рог из ЦМ БРК не имел золотого кольца на стыке между раструбом и конической трубкой, а его раструб украшает только одна обкладка без декора, в его верхней части (рис. 19). При конструктивной близости отличается оформление трубок золотых наконечников двух рогов. Трудно сравнивать и оформление головок, тем более что головка льва на наконечнике большого рога из Гаймановой Могилы сильно помята.

Львиные головки, надетые на золотые цилиндрические трубки, имеются также у четырехчастных рогов из Братолюбовского кургана (*Kubyšev 1991, S. 139, Nr. 4; Cat. Schleswig 1991, Nr. 120g; Кубишев, Ковальов 1994, с. 141-144; Cat. Rimini 1995, p. 68, 70, No. 1.36; Власова 2000, с. 59, № 13; Vlasova 2001, p. 92, No. 13; Cat. Trento 2007, p. 221, fig. 2; 343, No. 121; Manassero 2008, p. 111, No. 11; p. 131, pl. XXXVI; Бессонова 2009, с. 30-38, рис. 1: 1*) и из кургана № 13 у Великой Знаменки (*Cat. Schleswig 1991, Nr. 120c; Cat. Vienna 1993, Nr. 25; Cat. San Antonio 1999, No. 116; Власова 2000, с. 59, № 11; Vlasova 2001, p. 92, No. 11; Cat. Trento 2007, p. 220, fig. 1; 342, No. 110; Manassero 2008, p. 111, No. 9; 131, pl. XXXVI*).

На роге из Великой Знаменки стыки украшены широкими филигранными полосками с «косичками» в центре и гладкими проволоками по бокам, как и на трубке рас-

смагриваемого рога из ЦМ БРК, при этом, на роге из Великой Знаменки такая же филигранная полоска украшает центральную часть трубки.

Еще сложнее оформлена трубка с наконечником рога из Братолюбовского кургана – оба поля, выделенные филигранными полосками, здесь украшает декор из напаянных спиралей с завитками.

Конструктивное отличие двух рассмотренных выше рогов от рога из ЦМ БРК заключается в наличии, как и у рассмотренных выше рогов из Гаймановой Могилы, гладкого золотого кольца, перекрывающего стык конической трубки и раструба у рога из Братолюбовского кургана; изготовление конической трубки у рога из Великой Знаменки из золота и оформление нижней части раструба этого рога двумя золотыми кольцами с рельефным декором.

Таким образом, рог из ЦМ БРК (рис. 19-20) выполнен в традиции многочастных рогов из скифских курганов 2-ой половины V – 1-ой половины IV в. до н.э., однако отличается от них простотой декора. Возможно, это свидетельствует в пользу его более поздней датировки, однако при отсутствии более близких аналогий, это наблюдение остается гипотезой.

4. Заключение

Проведенный выше анализ позволил определить хронологические позиции бронзовых и серебряных сосудов, найденных в Центральной могиле Большого Рыжановского кургана (ЦМ БРК). Серебряный круглодонный сосуд с фигурным фризом (рис. 12-18), вероятно, следует определить как изделие боспорской мастерской середины IV в. до н.э. Скорее всего, хронологически близок ему и серебряный килик (рис. 10-11). Бронзовые сосуды (рис. 1-9) в целом укладываются в рамки 2-ой половины IV в. до н.э., при этом большинство параллелей из Македонии происходит из комплексов, датирующихся последней четвертью столетия.

Еще в 1990 г. О. Неверов обратил внимание на сходство бронзовых кратера и ситулы с атташем в виде головы Афины в шлеме из «клада» у с. Песчаное и из некоторых македонских находок (Неверов 1990, с. 165-166). Это справедливое наблюдение может быть уточнено и расширено. В наборах металлической посуды из основного и бокового погребения БРК, а также из погребения у с. Пески (Клочко 1984, с. 65-66, рис. 9; Гребенников 1987, с. 152-156; Гребенников 2008, с. 77-78, 101-102, 168-169, рис. 36-37) сочетаются находки ситул типа С со сливами и чаш с подвижными ручками на кольцевидных поддонах. Помимо указанных комплексов такое сочетание известно только в гробницах последней четверти IV в. до н.э. в Македонии (бронза – Метоне: *Bessios, Pappa 1995, pl. 83*, внизу. – Серебро: Вергина, гробница II: ситула: *Andronicos 1984, p. 146-147, figs. 104-105*; чаша: *Andronicos 1984, p. 149, fig. 111*); инвентарь Центральной могилы Большого Рыжановского кургана, кроме того, включал бронзовый кратер типа известного в современных контекстах только по находкам в погребальных комплексах Македонии и Фракии, а также в «кладе» из Песчаного.

Возможно, характерные для Македонии и Фракии наборы сосудов, вероятно связанных с ритуальным омовением перед банкетом, включающие ситулы характерной формы и чаши полусферической формы с ручками, могли быть не только предметами торговли, но и подарками (*Трейстер 2010а, с. 236-238*). Наборы таких сосудов в богатых погребениях Македонии выполнены из бронзы, лишь в царских гробницах в Вергине найдены наборы, включающие серебряные ситулы и чаши (см. выше). Таким образом, можно понять, каким высоким статусом обладал предыдущий владелец серебряного сервиза из сравнительного скромного скифского погребения у с. Пески; впро-

чем, не приходится говорить о том, что погребенные в Большом Рыжановском кургане относились к высшей скифской знати.

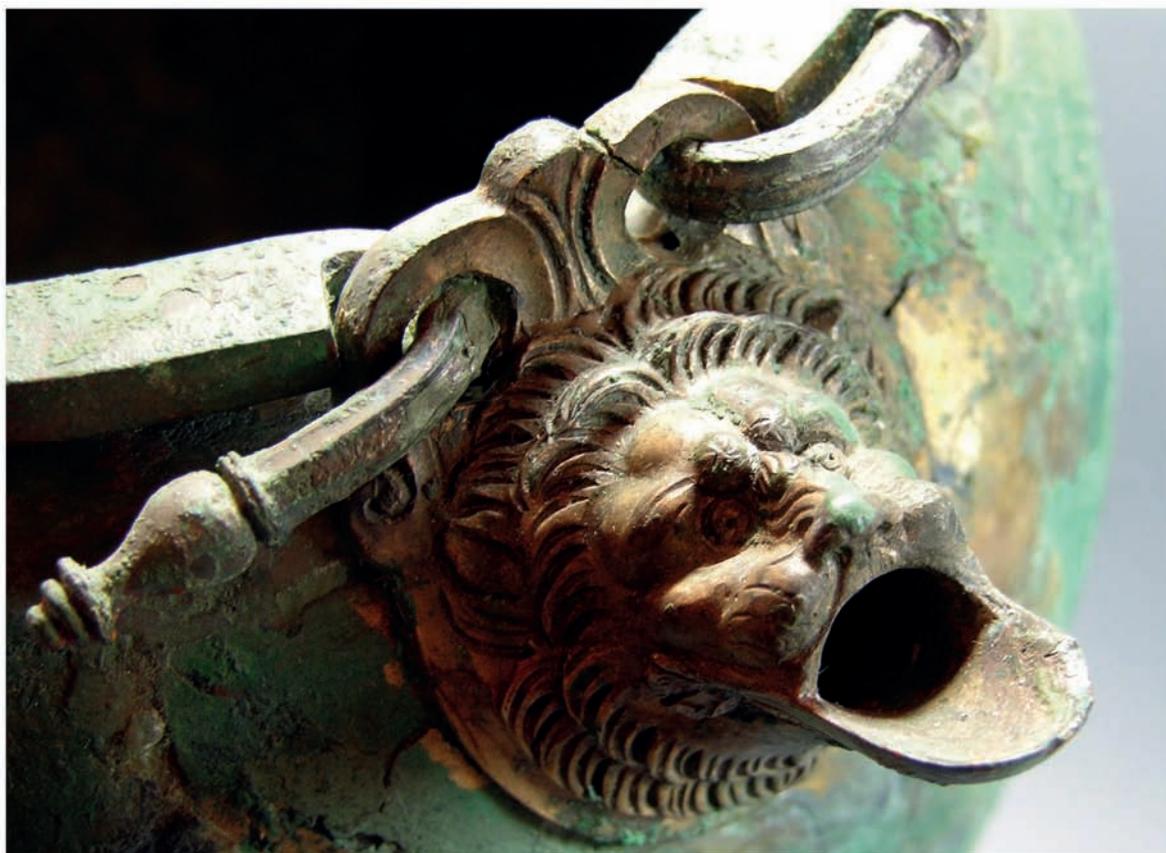
То, что характерные для Македонии и Фракии наборы бронзовой и серебряной посуды, как части сервизов, употреблявшихся во время банкетов (*Teleaga 2008, S. 327-333, Karte 66*), могли попасть к представителям скифской знати в результате торговли свидетельствует уникальный комплекс бронзовых сосудов, найденный у с. Песчаное. Этот комплекс, включающий в себя 15 бронзовых сосудов, в том числе три амфоры, пять гидрий, три лутерия, стамнос, две ситулы и кратер (*Ганина 1970; Parzinger 2007, S. 34-35, Abb. 5; Barone 2007, p. 278-281*), был датирован издателем V в. до н.э. (*Ганина 1970, с. 81*), причем эта датировка продолжает использоваться многими исследователями без критического анализа (*Русяева 1999, с. 96; Petropoulos 2005, p. 58; Barone 2007, p. 279; ср. Буйских 2007, с. 209-210*).

Поскольку я собираюсь посвятить специальное исследование комплексу из Песчаного, отмечу здесь, что, действительно, значительная часть происходящих из него сосудов относится к V в. до н.э., причем некоторые могут быть датированы еще концом VI – первой половиной V в. до н.э. В то же время, среди сосудов комплекса имеются уже упомянутые выше ситула типа С (*Ганина 1970, с. 68-71, 90, рис. 19-22, 30; Zahlhaas 1971, S. 92, Nr. C18; Boucher 1973, p. 94-95, figs. 18-20; Ganina 1974, fig. 20; Cat. New York 1975, No. 179; Cat. Schleswig 1991, Nr. 103f; Cat. Vienna 1993, Nr. 65; Cat. San Antonio 1999, No. 85*) и кратер (*Ганина 1970, с. 80-81, 93, рис. 28; Teleaga 2008, S. 254, Nr. 3*), наиболее вероятно македонского происхождения, которые, как было показано выше, никак не могут быть датированы временем ранее середины – 3-ей четверти IV в. до н.э. На более позднюю датировку ситулы обратил внимание еще В. Фукс, который предположил, что перевозчик и владелец «клада» бронзовых сосудов из Песчаного мог быть «торговцем старой металлической посудой» (*Fuchs 1978, S. 115*). Был ли комплекс находок из Песчаного награбленной добычей, предметом торговли или подарками для обмена – вопросы, на которые пока трудно дать однозначный ответ.

Значительный хронологический разброс сосудов из комплекса (минимум 150, возможно 170 лет), дающий, тем не менее, «моментальный снимок» ассортимента торговца бронзовыми сосудами (см. ниже), заставляет с осторожностью относиться к идее о том, что это был обычный торговый груз, мнение, часто приводимое в литературе без всякого анализа (*Rolle 1989, p. 92; Barr-Sharrar 2000, p. 279; Parzinger 2007, S. 35*). Его интерпретация как груза торговца старой посудой (!), высказанная В. Фуксом (*Fuchs 1978, S. 115*), заслуживает внимания, так как именно на наиболее старых сосудах отмечаются следы ремонта, у многих из них отсутствует одна из ручек или поддон, тогда как упомянутые выше ситула и кратер относятся к немногочисленным сосудам, не имеющим ни утрат, ни следов ремонта (см. подробнее *Трейстер 2010а, с. 238*). В таком случае, есть все основания предполагать, что путь торговца старыми сосудами в Скифию проходил через Македонию или Фракию, тогда как наиболее поздние сосуды комплекса из Песчаного, вероятнее всего, могли быть привезены оттуда. Особенности некоторых импортных бронзовых сосудов, найденных в Скифии, в частности, отсутствие ножек, ручек и кольцевых поддонов у сосудов из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана в свете рассмотренными нами деталей сохранности находок из Песчаного заставляет задуматься о том, не могла ли в некоторых случаях импортная бронзовая посуда попадать к скифам уже в таком виде? Было ли это экстраординарным явлением или можно говорить о том, что к скифам наряду с первоклассными произведениями античного искусства попадали также старые выбракованные вещи, в некоторых случаях подвергшиеся ремонту, вопрос, остающийся пока открытым.

Рис. 1. Ситула стамноидная бронзовая. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды и детали. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2892/8318. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 2. Ситула стамноидная бронзовая. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Детали. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2892/8318. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

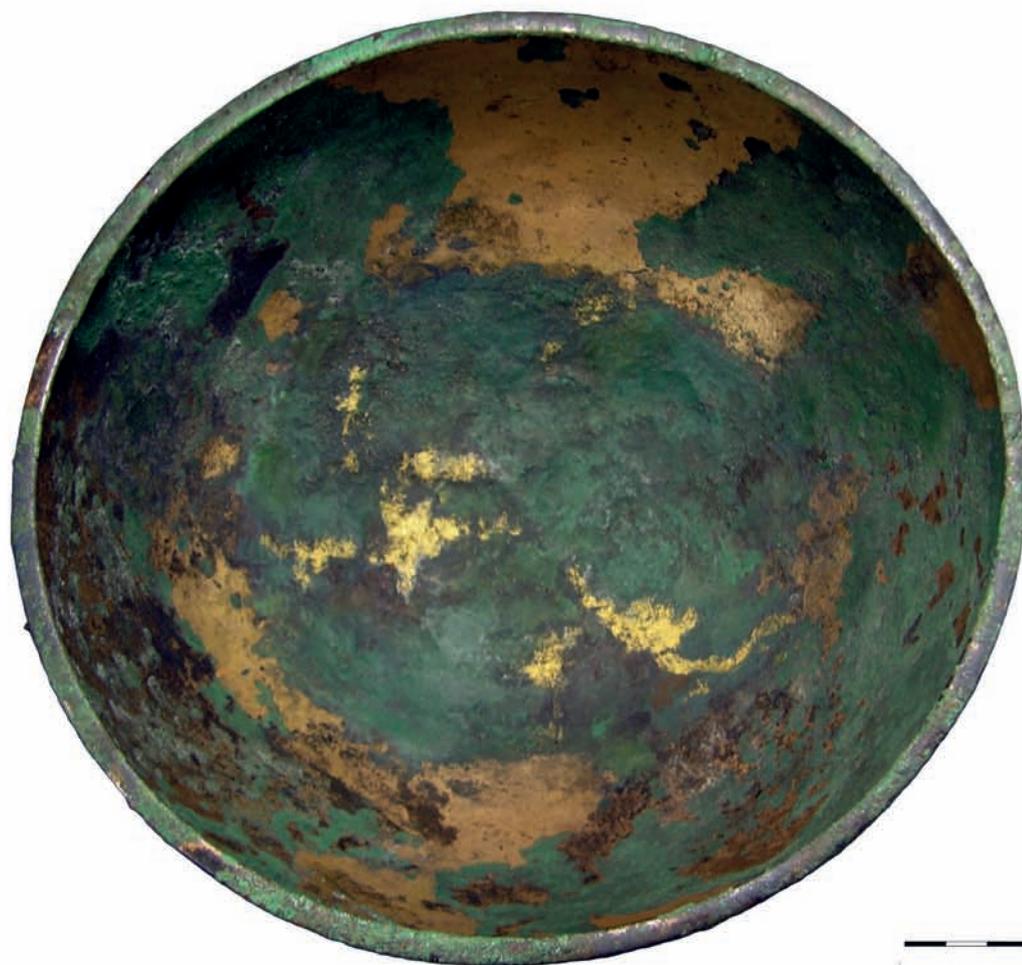
Рис. 3. Кратер бронзовый. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2903/8319. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

Рис. 4. Кратер бронзовый. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Вид снизу и детали. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2903/8319. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 5. Чаша бронзовая. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2903/8337. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 6. Чаша бронзовая. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Вид снизу и деталь. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2903/8337. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 7. Канфар бронзовый. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2894/8320. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 8. Канфар бронзовый. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2894/8320. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 9. Канфар бронзовый. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Детали. Археологический музей Института археологии НАНУ. Инв. № АМ 2894/8320. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 10. Килик серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/148. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 11. Килик серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Вид снизу и детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/148. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 12. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общие виды. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 13. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Фигурный фриз. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

3

Рис. 14. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Фигурный фриз. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 15. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Вид сверху и деталь. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 16. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Фигурный фриз. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 17. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Фигурный фриз. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

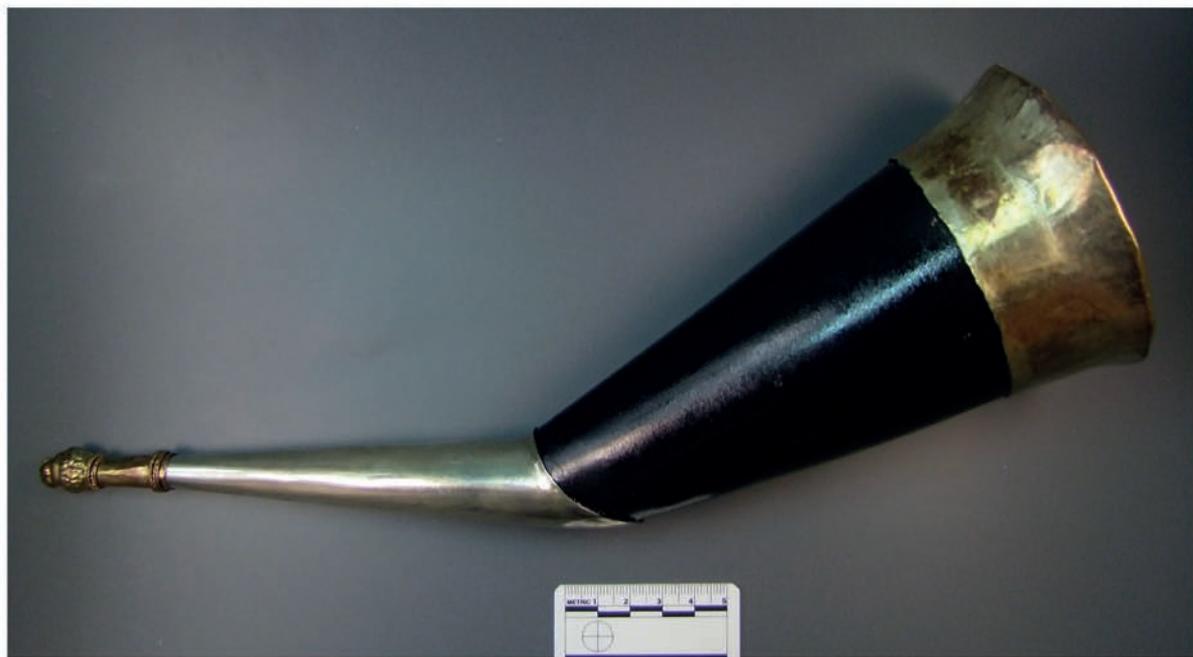

1

2

Рис. 18. Круглодонный сосуд серебряный. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Декоративные фризy. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/147. Фото М.Ю. Трейстера, 2007.

1

2

Рис. 19. Ритон. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Общий вид и деталь. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/2-3. 3-4249-4250. Фото М.Ю. Трейстера, 2010.

1

2

3

Рис. 20. Ритон. Центральная катакомба Большого Рыжановского кургана. Детали. Институт археологии НАНУ. Фонды. КП 711/2-3. 3-4249-4250. Фото М.Ю. Трейстера, 2010.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Литература

Алексеев, А.Ю., 1984. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV-III вв. до н.э. (по бляшкам аппликациям и наконечникам стрел). *АСГЭ*, 25, с.64-75.

Алексеев, А.Ю., 1987. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV века до нашей эры. *СА*, 3, с.28-39.

Алексеев, А.Ю., 1987а. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. *АСГЭ*, 28, с.38-51.

Алексеев, А.Ю., 1992. *Скифская хроника. Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк*. Санкт-Петербург.

Алексеев, А.Ю., 1996. *Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.)*. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

Алексеев, А.Ю., 1999. Краснокутский и Александропольский курганы в хронологической системе скифских древностей IV в. до н.э. *Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э.* Тезисы докладов международной конференции. Москва, с.8-10.

Алексеев, А.Ю., 2001. Греческие амфоры из Краснокутского кургана. *РА*, 4, с.69-76.

Алексеев, А.Ю., 2003. *Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э.* Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Алексеев, А.Ю., 2006. Акинак или махайра? (мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.). В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.) *Древности скифской эпохи*. Москва: Институт археологии РАН, с.43-65.

Алексеев, А.Ю., 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Алексеев, А.Ю. 2013. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья. *Боспорский феномен. Греки и варвары на европейском перекрёстке*. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, с.349-352.

Алексеев, А.Ю. 2014. Радиоуглеродное датирование скифских курганов. В: Супруненко О.Б. (Відп. ред.) *Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога, професора Є.В. Черненка (1934-2007)*. Київ; Полтава, с.9-13.

Алексеев, А.Ю. 2015. О радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья. *АСГЭ*, 40, с.88-98.

Алексеев, А.Ю., Мурзин, В.Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Амперер, Ж.-И., Гарлан, И. 1992. Греческие амфорные мастерские. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (отв. ред.) *Греческие амфоры*. Саратов: Издательство Саратовского университета, с.8-31.

Андросов, А.В., Мухопад, С.Е. 1987. Скифский аристократический курган «Каменская Близница». В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.) *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, с.54-74.

Андросов, А.В., Мухопад, С.Е. 1987а. Аристократический курган «Каменская Близница». *Киммерийцы и скифы*. Вып.1. Тедисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, с.14-16.

Андрух, С.И., Тощев, Г.Н., 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Книга I. – Запорожье: Издательство Запорожского госуниверситета.

Андрух, С.И., Секерська, О.П. 1999. Нові археозоологічні матеріали зі скіфських поховань. *Археологія*, 3, с.112-118.

Анохин, В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка

Антонов, А.Л. 2000. Святилища-«норы» скіфського часу. *Археологія и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк, с.37-39.

Анучин, Д.Н. 1887. О древнем луке и стрелах. *Труды V Археологического съезда в Тифлисе*. Москва, с.337- 411.

Аполония. 1963. *Розкопните в некропола на Аполония през 1947-1949*. София.

Аржан... 2004. *Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Арсланова, Ф.Х. 1974. Погребальный комплекс VIII-VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана. В: Акишев К.А. (отв. ред.) *В глубь веков*. Алма-Ата, с.46-60.

Артамонов, М.И. 1949. Этногеография Скифии. *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. Серия исторических наук, 13. с.129-171.

Артамонов, М.И., 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага; Ленинград.

Артамонов, М.И. 1968. Куль-обский олень. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.) *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, с. 9-16.

Бабенко, Л.И. 1999. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника. *Донская археология*, 2, с.85-90.

Бабенко, Л.И. 2000. Жіночий головний убір IV ст. до н.е. в кургані 8 біля с. Песочин Харківської області. *Археологія*, 4, с.59-69.

Бабенко, Л.И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Издательский дом «Райдер».

Бабенко, Т.Н., Бредис, Н.Ю., Клочко, Л.С. 1999. Фрагменты ткани из мужского захоронения в Большом Рыжановском кургане. *MSROA*, XX, с.317-320.

Балахванцев, А.С., Яблонский, Л.Т. 2008. Серебряная амфора из Филипповки. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.) *Ранние кочевники Волго-Уральского региона*. Оренбург: Издательство ОГПУ, с. 29-38.

Бандуровский, А.В., Буйнов, Ю.В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодо-нецкий вариант)*. Киев: Институт археологии.

Бандуровский, А.В., Буйнов, Ю.В., Дегтярь, А.К. 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В: Буйнов Ю.В. (отв. ред.) *Люботинское городище*. Харьков: «Регион-Информ», с.143-182.

Березовец В.Д. 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. *АП УРСР*, 9, с.39-87.

Бессонова, С.С. 1973. Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с.243-252.

Бессонова, С.С. 1982. О скифских повозках. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.102-117.

Бессонова, С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Безсонова, С.С. 1993. Щодо одного скіфо-еллінського культу IV ст. до н.е. *Дослідження старожитностей України*. ТД наукової конференції Музея історичних коштовностей України.Київ, с.5-6.

Бессонова, С.С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности скифов*. Киев: Институт археологии АН Украины, с.3-34.

Бессонова, С.С. 2009. Ритон из Братолюбковского кургана (к вопросу о датировке центрального захоронения). В: Бессонова С.С. (отв. ред.) *Эпоха раннего железа*. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. АДИУ. Киев; Полтава: Институт археологии НАН Украины, с. 30-38.

Бессонова, С.С., Быковская, Н.В., Детерлинг, Й., Ломтадзе, Г.А., Лоренц, А., Кройнци П.-А., Трейстер, М.Ю. 2008. *Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV-III вв. до н.э. в Восточном Крыму*. Симферополь; Бонн.

Бессонова, С.С., Скорый, С.А. 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *СА*, 4, с. 58-170.

Бідзіля В.І. 1971. Дослідження Гайманової Могили. *Археологія*, 1, с.44-56.

Бидзиля, В.И., Болтрик, Ю.В., Мозолевский, Б.Н., Савовский, И.П. 1977. Курганный могильник в уроч. Носаки. В: Бидзиля В.И. (отв. ред.) *Курганные могильники Рясные могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, с.61-159.

Бидзиля, В.И., Полин, С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Издательский дом «Скиф».

Битковский, О.П., Полин, С.В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V-IV вв. до н.э.). В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.74-85.

Блаватский, В.Д. 1954. *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Бобринской, А.А, 1887. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы Т.І*. Санкт-Петербург.

Бобринской, А.А, 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.ІІ*. Санкт-Петербург.

Бобринской, А.А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.Т.ІІІ*. Санкт-Петербург.

Бобринской. А.А. 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском районе Киевской губернии в 1908 г. *ИАК*, 35, с.61-85.

Бокий, Н.М. 1980. *Скифский период на пограничье Степи и Лесостепи в Днепровском Правобережье*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.

Боковенко, Н.А. 1991. Этуод о бронзовых котлах Северного Причерноморья . В: *Клейн Л.С. Археологическая типология*. Ленинград, с.256-263.

Болтрик, Ю.В. 1981. Исследования кургана Огуз. *АО –1980*. Москва: Наука, с.233-234.

Болтрик, Ю.В. 1986. О хронологии камерных погребальных сооружений Степной Скифии. *Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ*. Москва, с.22-23.

Болтрик, Ю.В. 1993. Курган Кара-Тюбе. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Вып.IV. Запорожье, с.183-197.

Болтрик, Ю.В. 2001. Курганы как ключ к пониманию социальной структуры Скифии IV в. до н.э. *Из истории античного общества*, 7. Нижний Новгород, с.170-181.

Болтрик, Ю.В. 2001а. Соціальна стратифікація Скіфії періоду «золотої осені». *Magisterium*. Випуск 6. Археологічні студії. Київ, с.76-80.

Болтрик, Ю.В. 2002. *Курганне будівництво скіфів у V-IV ст. до Н.Х. (за матеріалами поховальних комплексів Дніпро-Молочанського межиріччя)*. – Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ.

Болтрик, 2004. Социальная история Скифии 4 в. до Р.Х., отражённая в погребальных памятниках. In: Chochogowski J. (ed.) *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. Kraków, с.85-91.

Болтрик, Ю.В., Савовский И.П. 1991. Курган Плоская Могила. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.) *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.98-107.

Болтрик, Ю.В., Отрощенко, В.В., Савовский, И.П. 1977. Исследование Рогачикского курганного поля. *АО-1976*. Москва: Наука, с.269-270.

Болтрик, Ю.В., Фиалко, Е.Е., 1992. Тайники скифских могил. *Насельництва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*. Менск, с.28-30.

Болтрик, Ю.В., Фіалко, О.Є. 1991. Дослідження скіфського «царського» кургану Ташенак. *АДУ-1990*. Київ, с.7-9.

Болтрик, Ю.В., Фиалко, Е.Е. 2011. Курганы среднего течения р. Ташенак (по материалам раскопок Приазовской экспедиции ИА НАНУ). *Стратум плюс*, 3, с.127-174.

Болтрик, Ю.В., Фиалко, Е.Е., Чередниченко, Н.Н. 1994. Бердянский курган. *РА*, 3, с.140-156.

Боровка, Г.И. 1921. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана. *ИРАИМК*, I с.169-192.

Бородулин В.Г. 1979. Исследование курганов скифского времени в Харьковской области. *АО-1978*. Москва: Наука, с.306.

Браун Ф.Х. 1906. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. *ИАК*, 19, с.81-116.

Брашинский И.Б. 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. *Eirene*, 4, с.89-110.

Брашинский, И.Б. 1976. Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмковидными ножками»). В: Сокольский Н.И. (отв. ред.) *Художественная культура и археология античного мира*. Москва: Наука, с.67-74.

Брашинский, И.Б. 1980. *Греческий импорт на Нижнем Дону*. Ленинград : Наука.

Брашинский, И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Ленинград: Наука.

Бредис, Н. 1997. Исследования скифского текстиля (нач. III в. до н.э.) из Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XVIII, с.101-104.

Буйских, А.В. 2007. Рец. Petropoulos E. K. *Hellenic Colonization in Euxeions Pontos. Penetration, Early Establishment, and the Problem of the „Emporion« Revisited*. BAR Intern. Series 1394. Oxford, 2005. *ВДИ*, 3, с.205-213.

Бунятыян, К.П. 2005. Хронологія та періодизація поховань середньодніпровської культури Правобережної України. *Археологія*, 4, с.26-36.

Бунятыян, К. П., Фіалко, О.Є. 2009. Скіфський курган з розмальованим саркофагом. *Археологія*, 3, с.55-69.

Бунятыян, Е.П., Чередниченко, Н.Н., Мурзин, В.Ю. 1977. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка. В: Чередниченко Н.Н. (отв. ред.) *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев: Наукова думка, с.59-124.

Бутягин, А.М., Виноградов, Ю.А. 2014. *Курганы на мысе Ак-Бурун. Юз-Оба. Курганый некрополь аристократии Боспора*. Т.П. Симферополь; Керчь.

Бучинский, И.Е. 1963. *Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем*. Киев: Госсельхозиздат УССР.

Венедиков, И., Герасимов, Т. 1973. *Тракийското изкуство*. София: Издателство Български художник.

Виноградов, Ю.А. 1989. О курганах варварской знати V-III вв. до н.э. в районе Боспора Киммерийского. *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева*. Новочеркасск, с.38-40.

Виноградов, Ю.А., Марченко, К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. *СА*, 1, с.41-51.

Виноградов, Ю.А., Марченко, К.К., Рогов, Е.А., 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вып.5. Азов, с.6-27.

Виноградов, Ю.Г., Щеглов, А.Н. 1990. Образование территориального Херсонесского государства. *Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва, с.310-371.

Вишневская, О.А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э.* Москва: Наука.

Власова, Е.В. 1996. Золотые ножны меча из Ушаковского кургана. *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. ТД. Санкт-Петербург, с. 10-13.

Власова, Е.В. 2000. Скифский рог. *Античное Причерноморье*. Санкт-Петербург, с.46-67.

Высотская, Т.Н. 1979. *Неаполь – столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.

Высотская, Т.Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Наукова думка.

Вязьмитина, М.И. 1972. *Золото-Балковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Гаврилюк, Н.А. 1987. Прядение у степных скифов. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.116-130.

Гаврилюк, Н.А. 1989. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.

Гаврилюк, Н.А. 2013. *Экономика Степной Скифии VI-III вв. до н.э.* Киев: Институт археологии НАН Украины.

Галанина, Л.К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (эрмитажская коллекция Н.Е. Бранденбурга)* // САИ. Вып. Д1-33. Москва: Наука.

Галанина, Л.К. 1980. *Курджипский курган*. Ленинград: Наука.

Ганіна, О.Д. 1970. *Античні бронзи з Піщаного*. Київ: Наукова думка.

Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Ч.2. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.

Гарлан, І. 1992. Про походження амфор типу «Солоха». *Археологія*, 4, с.34-42.

Генинг, В.Ф. 1984. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н.э. по археологическим данным. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.) *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев: Наукова думка, с.124-153.

Генинг, В.Ф., Борзунов, В.А. 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда. *Вопросы археологии Урала*, 13, с.42-72.

Граков, Б.Н. 1930. Техника изготовления металлических стрел у скифов и сарматов. *Труды секции археологов Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук*, 5, № 78. Москва, с.70-90.

Граков, Б.Н. 1947. Пережитки матриархата у сарматов. *ВДИ*, 3, с.100-121.

Граков, Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре*. МИА. 36. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Граков, Б.Н. 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *Памятники скифо-сарматской археологии*. МИА. № 115. Москва: Издательство Академии наук СССР, с.56-113.

Граков, Б.Н., Мелюкова, А.И. 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. *ВССА*. Москва: Издательство Академии наук СССР, с.39-03.

Грач, Н.Л. 1984. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба. *Труды Государственного Эрмитажа*, XXIV, с.100-109.

Гребенников, Ю.С. 1987. Курганы скифской знати в Поингулье. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.) *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, с.148-158.

Гребенников, Ю.С. 2008. *Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.)*. Николаев: Илион.

Григорьев, В.П. 1994. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности скифов*. Киев, с.63-79.

Григорьев, В.П., Скорый, С.А. 2011. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. *Стратум плюс*, 2, с.175-212.

Гуляев, В.И., 2003. Донская археология, общескифские проблемы и научное наследие М.И.Ростовцева. В: Богард-Левин, Г.М. (отв. ред.) *Парфянский выстрел*. Москва: Росспэн, с.564-579.

Гуляев, В.И. 2016. *Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание*. Москва: Институт археологии РАН.

Гуляев, В.И., Савченко, Е.И. 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследования 1996-1997 гг.). *РА*, 4. с.115-132.

Гуляев, В.И., Савченко, Е.И. 1999. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г. Башилов В.А. (отв. ред.) *Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. Москва: Институт археологии РАН, с.151-157.

Данилко, Н.М., Куприй, С.А. 2004. Курган у с. Малая Лепетиха. *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму*, XI, Запоріжжя, с.79-86.

Діброва, О.Т. 1958. *Географія Української РСР*. Київ: Радянська школа.

Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А., 1982. *Народы нашей страны в «Истории Геродота»*. Москва: Наука.

Древности... 1868. Древности Геродотовой Скифии. Вып.1. Санкт-Петербург.

Древности... 1872. Древности Геродотовой Скифии. Вып.2. Санкт-Петербург.

Дьяконов, И.М. 1956. *История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н.э.* Москва: Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Евдокимов, Г.Л. 1992. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, III. Запорожье, с.136-148.

Євдокимов, Г.Л., Данилко, Н.М., Могилов, О.Д. 2012. Скіфський курган № 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. *Археологія*, 2, с.76-95.

Евдокимов, Г.Л., Куприй, Н.М. 1994. Исследования курганов скифской знати на Херсонщине в 1992 г. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов V тыс. до н.э. – V в. н.э.* Тирасполь, с.199-200.

Евдокимов, Г.Л., Фридман, М.И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.85-115.

Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология, 2005. Санкт-Петербург: Теза.

Журавлёв, Д.В., Новикова, Е.И., Шемаханская, М.С., 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование.* Москва.

Журавлев, О. 1997. Остеологические материалы из Центральной могилы Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XVIII, с.97-99.

Зайцева, К.И. 1962. Местная керамика Ольвии эллинистического времени. *Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство античного мира*, VII. Ленинград, с.184-206.

Зарайская, Н.П., Привалов, А.И. 1992. Скифские памятники Шевченковского могильника. *Донецкий археологический сборник*, Вып.2, Донецк, с.118-160.

Зеест, И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. МИА, № 83. Москва.

Зограф, А.Н. 1951. *Античные монеты*. МИА, № 16. Москва.

Золото... 1991. *Золото Степу. Археологія України*. Київ-Шлезвіг.

Иевлев, М.М. 1989. Роль географического фактора в истории Скифии. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, с.54-55.

Івлєв, М.М., 1991. Природа України у давнину і сьогодні. *Золото Степу. Археологія України*. Київ-Шлезвіг, с.17-23.

Ильинская, В.А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя. *СА*, 3, с.152-171.

Ильинская, В.А., 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с.42-63.

Ильинская, В.А., 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с.31-63.

Иллінська, В.А., Тереножкін, О.І. 1971. Скіфський період. В: Тереножкін О.І. (відп. ред.) *Археологія Української РСР*, Т.2, Київ: Наукова думка, с.8-100.

Ильинская, В.А., Тереножкин, А.И. 1983. *Скифия VII-IV вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В.А., Тереножкин, А.И. 1986. Памятники Лесостепи. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Археология Украинской ССР*, Т.2. Киев: Наукова думка, с.90-126.

Исмагилов Р. 1993. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему судьбы «классической» Скифии) *Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург, с..62-65.

Каминский, В.Н. 1982. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов. *КСИА*, 170, с..48-51.

Канторович, А.Р. 1996. «Летающие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии. *Историко-археологический альманах*, 2. Армавир-Москва, с. 46-59.

Канторович, А.Р. 2000. Конские налобники / наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля. В: Скорый С.А. (відп. ред.) *Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від народження О.І. Тереножкіна*. Київ; Чигирин, с.74-77.

Кат. Ленинград. 1985. *Античное художественное серебро. Каталог выставки*. Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Кат. Москва. 2002. *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. Москва.

Кат. Ст. Петербург. 2004. *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. Санкт-Петербург.

Катюшин, Е.А. 1998. *Феодосия, Кафа, Кефе*. Феодосия.

Кац, В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов: Издательство Саратовского университета.

Кёлер, К., 1992. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (отв. ред.) *Греческие амфоры*. Саратов: Издательство Саратовского университета, с.265-283.

Кирилин, Д.С. 1968. Трёхбратние курганы в районе Тобичикского озера. В: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Ленинград. – С.178-188.

Клепиков, В.М., Скрипкин, А.С. 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы. *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вып.5. Азов, с.28-40.

Клочко, Л.С. 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.118-130.

Клочко, Л.С. 1982а. Скифские налобные украшения VI-III вв. до н.э. В: Баран В.Д. (отв. ред.) *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. Киев: Наукова думка, с.37-52.

Клочко, Л.С. 1984. Верхній плечовий одяг скіфів. *Археологія*, 47, с. 57-68.

Клочко, Л.С. 1992. Скiфський жіночий костюм. *Автореф. дис. канд. іст. наук*. Київ.

Клочко, Л.С. 1995. Про один скіфський звичай. *Музейні читання*. Київ, с.21-23.

Клочко, Л.С., 1998. Реконструкция костюма женщины из боковой могилы Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XIX, с.139-149.

Клочко, Л.С., Гребенников, Ю.С., 1982. Скифский калаф IV в. до н.э. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.) *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, с.86-96.

Клочко, Л.С., Мурзін, В.Ю., Ролле, Р. 1991. Головний убiр з кургану Тетянина Могила. *Археологія*, 3, с.58-62.

Ковалев, Н.В., Полин, С.В. 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.) *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.33-53.

Ковалева, И.Ф. 1990. Срубные погребения с наборами альчиков. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.) *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск, с.59-71.

Ковпаненко, Г.Т., Бессонова, С.С., Скорый, С.А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г.Т., Бессонова, С.С., Скорый С.А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности скифов*. Киев: Институт археологии АН Украины, с.41-63.

Ковпаненко, Г.Т., Бунятян, Е.П. 1978. Скифские курганы у с.Ковалевка Николаевской области. В: Ковпаненко Г.Т. (отв. ред.) *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наукова думка, с.133-150.

Ковпаненко, Г.Т., Скорый, С.А. 1988. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье. *СА*, 2, с.73-83.

Козак, Д.Н., Скорый, С.А. 1999. Спільна Українсько-Польська виставка в Краківському археологічному музеї. *Археологія*, 3, с.139-141.

Козуб, Ю.И. 1973. Модель лука из Ольвии. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с.270-274.

Колотухин, В.А., 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. – Симферополь: Сонат.

Колтухов, С.Г., Мыц, В.Л. 2001. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму (некоторые результаты полевых исследований). В: Могарычѳв Ю.Н., Храпунов И.Н. (отв. ред.) *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып.2. Симферополь: Таврия-плюс, с.27-44.

Колтухов, С.Г., Мыц, В.Л., Колотухин, В.А. 1997. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая. *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект*. Севастополь, с.51-57.

Колтухов, С.Г., Сенаторов, С.Н. 2016. *Скифы Предгорного Крыма в VII-IV вв. до н.э.. Курганы 1890-1892 и 1895 гг.* (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVII). Симферополь.

Королькова, Е.Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. *АСГЭ*, 36, с.28-59.

Королькова, Е.Ф., 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.)*. Проблемы стиля и принадлежности. Санкт-Петербург.

Королькова (Чежина), Е.Ф., Алексеев, А.Ю. 1994. Олень из кургана Куль-Оба. *Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в честь профессора В.И. Равдоникаса*. Проблемы археологии, 3. Санкт-Петербург, с. 102-109.

Круц, С.И. 2017. *Скифы степей Украины по археологическим данным*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Кубышев, А.И. 1985. Скифский могильник у с. Водославка. *АО-1983*. Москва: Наука, с.301-302.

Кубышев, А.И., Бессонова, С.С., Ковалѳв, Н.В. *Братолюбовский курган*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Кубишев, А.И., Ковальов, М.В. 1994. Скіфський Братолобівський курган V ст. до н.е. на Херсонщині. *Археологія*, 1, с.141-144.

Кубышев, А.И., Куприй, С.А. 1998. О некоторых особенностях скифских погребений V-IV вв. до н.э. в Северном Причерноморье. *Музейні читання*. Київ. с.44-47.

Кубышев, А.И., Куприй, С.А., Ковалев, Н.В., 1999. Скифский курган у с. Каиры. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, с.142-143.

Кубышев, А.И., Николова, А.В., Полин, С.В., 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.130-148.

Кубишев, А.И., Покляцький, О.В., Симоненко, О.В. 1987. Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури. *Археологія*, 57, с.56-63.

Кубишев, А.И., Скиба, Л.Є., Скорый, С.А. 1995. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника. *Археологія*, 1, с.100-111.

Кузнецов В.Д. 2007. Фанагория: история исследований и новые находки. *РА*, 2, с. 5- 15.

Кузнецова, Т.М. 1987. Зеркала из скифских памятников VII-IV вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение). *СА*, 1, с.35-47.

Кузнецова, Т.М. 1988. Скифские ритуальные сосуды. *КСИА*, 194, с.17-23.

Кузнецова, Т.М. 2004. Сосуды скифов в «Истории» Геродота. *Археологические памятники раннего железного века Юга России*. Москва, с.93-116.

Кузнецова, Т.М. 2009. Археологические маркёры погребения «номарха». *Старожитності Сетепового Причорномор'я і Криму*, Т.XV. Запоріжжя, с.79-89.

Куприй, С.А. 1991. Скифский курганный могильник у с. Новофёдоровка на юге Херсонщины. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.) *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.108-117.

Куприй, С.А. 1994. О некоторых особенностях скифских погребальных памятников Северного Причерноморья. *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Запорожье, с.106-107.

Куприй, С.А., Данилко, Н.М. 2004. Конские погребения Водославского могильника. В: Скорый С.А. (відп. ред.) *Від Кіммерії до Сарматії*. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ: Корвин, с.46-48.

Курочкин, Г.Н. 1980. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов). В: Мартынов А.И. (отв. ред.) *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово. с.105-119.

- Кутайсов, В.А. 1987. Эллинистический дом Керкинитиды. *СА*, 1, с.169-182.
- Кутайсов, В.А., Ланцов, С.Б. 1989. *Некрополь античной Керкинитиды* (каталог). Киев.
- Куштан, Д.П., Нерода, В.В., Скорий, С.А., Хохоровський Я. 2011. Світлої пам'яті Володимира Павловича Григор'єва. *Археологія*, 1, с.142-143.
- Лаппо-Данилевский, А., Мальберг, В. 1894. Древности Южной России. *Курган Карагодеуашх*. МАР, 13.
- Лебедева, Е.Ю. 1999. Металлические ритоны скифского времени из памятников Северного Причерноморья и Северного Кавказа. *Музейні читання*. Київ, с.36-41.
- Лейпунская, Н.А. 1981. *Керамическая тара из Ольвии*. Киев: Наукова думка.
- Лейпунська, Н.О. 1989. До питання про хронологію деяких античних матеріалів у скіфських пам'ятках. *Археологія*, 2, с.107-115.
- Лесков, А.М. 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. *СА*, 1, с.158-165.
- Лесков О, 1974. *Скарби курганів Херсонщини*. Київ: Мистецтво.
- Либеров, П.Д. 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. *ВССА*. Москва: Издательство Академии наук СССР, с.132-168.
- Либеров, П.Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. САИ. Вып. Д1-31. Москва: Наука.
- Литвинский, Б.А. 1966. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. *СА*, 4, с.51-69.
- Лордкипанидзе, О.Д. 1976. Новые материалы к истории связей Афин с Колхидой. В: Сокольский Н.И. (отв. ред.) *Художественная культура и археология античного мира*. Москва: Наука, с.143-150.
- Лукьяшко, С.И. 2000. К реконструкции событий конца IV- начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону. *Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва, с.166-180.
- Лушин, В.Г, 2015. Чаши из человеческих черепов. *Древние культы, обряды, ритуалы*. Зимовники, 2015, с.5-13.
- Максименко, В.Е. 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии. *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вип.5. Азов, с.41-49.
- Максимов, Е.В. 1972. *Среднее Поднепровье на рубеже новой эры*. Киев: Наукова думка.

Максимов, Е.В. 1975. К вопросу о зарубинецких городищах на Среднем Приднепровье. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с.186-192.

Максимов, С.В. 1978. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я. *Археологія*, 28, с.45-54.

Маничев, Н., Ковалюх, Н. 1998. Геолого-геохимическая характеристика Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XIX, с.151-161.

Манцевич, А.П. 1947. Амфоры из кургана Солоха. *АСГЭ*, IV, с.3-5.

Манцевич, А.П. 1961. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа. *Исследования по археологии СССР*. Ленинград, с.145-150.

Манцевич, А.П. 1962. Горит из кургана Солоха. *ТГЭ*, VII, с 107-121.

Манцевич, А.П.1968. Об амфорах из кургана Солоха. *СГЭ*, XXIX, с.48-53.

Манцевич, А.П, 1969. Парадный меч из кургана Солоха. *Древние фракийцы в Северном Причерноморье* (МИА – № 150). Москва: Наука, С. 96- 118.

Манцевич, А.П. 1975. Керамічна тара з кургану Солоха. *Археологія*, 17, с.72-86.

Манцевич, А.П. 1975а. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи. *Archeologia Warszawa*, 26, с. 1-45.

Манцевич, А.П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Маразов, И. 1978. *Ритоните в древна Тракия*. София: Издателство Български художник.

Марченко, И.И., 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар.

Мачинский, Д.С. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников *АСГЭ*, 13, с.30-54.

Медведев, А.П. 1997. Новые материалы о финале лесостепной Скифии. *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вып.5. Азов, .50-66.

Мелюкова, А.И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П.Стемпковских). *Памятники скифо-сарматской культуры*.МИА № 115. Москва: Наука, с.114-166.

Мелюкова, А.И., 1964. *Вооружение скифов // САИ*. – Вып. Д1-4. – Москва: Наука.

Мелюкова, А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Мелюкова, А.И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1999. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961-1962 гг.). В: Мелюкова А.И., Машкова М.Г., Башилов В.А. (отв. ред.) *Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. Москва: Институт археологии РАН, с.60—97.

Милованов, Е., Иерусалимская, А. 1976. Лук из Мощенной балки. *СГЭ*, XLI, с.40-49.

Мирошина, Т.В. 1980. Скифские калафы. *СА*, 1, с.30-46.

Могилев, О.Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський.

Мозолевский, Б.Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифские древности*. Киев: наукова думка, с.187-234.

Мозолевський, Б.М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мозолевский, Б.Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.). В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с.70-154.

Мозолевский, Б.Н. 1982. Скифский «царский» курган Жёлтокаменка. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.179-222.

Мозолевский, Б.Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.63-74.

Мозолевський, Б.М. 1990. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії. *Археологія*, 1, с.122-138.

Мозолевский, Б.Н., Белозор, В.П. 1996. Новый погребальный памятник скифской аристократии Соболева Могила. *Първи международен симпозиум Севтополис. Надгробните могили в югоизточна Европа*. Т.2. В.Търново, с.34-36.

Мозолевський, Б.Н., Білозір, В.П., Василенко, В.А., 1973. *Археологічні дослідження в Україні 1991 р.* Луцьк, с.71-72.

Мозолевский, Б.Н., Полин, С.В. 1987. Скифский курган Бабина Могила. *Задачи советской археологии в свете решений XXVI съезда КПСС*. Москва, с.8-9.

Мозолевский, Б.Н., Полин, С.В. 2005. *Курганы скифского Героса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы)*. Киев: Издательский дом «Стилос».

Монахов, С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье (комплексы керамической тары VII-II веков до н.э.)*. Саратов: Издательство Саратовского университета.

Монахов, С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва-Саратов: Издательство «Киммериада».

Монахов, С.Ю., Абросимов, Э.Н. 1993. Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя. *Античный мир и археология*, Вып.9. Саратов, с.118-159.

Монахов, С.Ю., Рогов, Е.Я. 1990. Амфоры некрополя Панское-I. *Античный мир и археология*, Вып.7. Саратов, с.128-153.

Моруженко, А.О. 1992. Скифський курган Передерієва Могила. *Археологія*, 4, с.67-75.

Мошкова, М.Г. 1997. Пробема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф.Смирнова. *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вып.5. Азов, с.67-78.

Мурзин, В.Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Мурзин, В.Ю., Белан, Ю.А., Подвысоцкая, Е.П. 2017. *Бердянский курган (погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н.э.)*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Мурзін, В.Ю., Полін, С.В., Ролле, Р. 1993. Скифський курган «Тетянина Могила». *Археологія*, 2, с.85-101.

Мурзин, В.Ю., Ролле, Р., 2000. Гибель Великой Скифии и царь Атей. *Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва, с.216-219.

Мухопад, С.Е., Шалобудов, В.Н., Ромашко, В.А., Гуса, О.А. 1992. Скифские курганы группы «Маерова Могила» в Днепровском Надпорожье. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.) *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, с.47-65.

Неверов, О.Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма (опыт классификации). *Античная торевтика*. Ленинград, с.17-26.

Неверов, О.Я. 1990. Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма. *ВДИ*, 1, с.161-166.

Недопако, Д., Горникова, М. 1998. Некоторые технологические особенности и реставрация археологических материалов из Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XIX, с.163-165.

Никулицэ, И.Т. 1977. *Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях*. Кишинев: Штиинца.

ОАК за 1860 г. Санкт-Петербург, 1862.

ОАК за 1869 г. Санкт-Петербург, 1871.

ОАК за 1890 г. Санкт-Петербург, 1893.

ОАК за 1891 г. Санкт-Петербург, 1893.

ОАК за 1892 г. Санкт-Петербург, 1894.

ОАК за 1895 г. Санкт-Петербург, 1897.

ОАК за 1897 г. Санкт-Петербург, 1900.

ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918.

Окатынко, В.А., Скорый, С.А. 2017. Скифский курган «Турецкая Могила» в бассейне Северского Донца. *Старожитності раннього залізного віку. АДІУ*, Вип.2 (23), с.311-334.

Ольховский, В.С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII-III вв. до н.э.* Москва: Наука.

Ольховский, В.С. 2001. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии. *Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)*. Москва; Санкт-Петербург, с.144-163.

Ольховский, В.С., Евдокимов, Г.Л. 1994. *Скифские изваяния VII-III вв. до н.э.* Москва.

Онайко, Н.А. 1962. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (IV-II вв. до н.э.). *СА*, 1, с.66-83.

Онайко, Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э.* САИ. Вып. Д1-27. Москва: Наука.

Онайко, Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э.* САИ. Вып. Д1-27. Москва: Наука.

Отрошенко В.В., 1984. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с.121-126.

Очир-Горяева М.А. 2012. *Древние всадники степей Евразии*. Москва: Таус.

Парович-Пешикан, М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка.

Петренко, В.Г. 1961. *Культура племен Правобережья Среднего Приднепровья в IV-III вв. до н.э.* МИА. № 92. Москва: Наука, с.53-102.

Петренко, В.Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э.* САИ. Вып. Д1-4. Москва: Наука.

Петренко, В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII-III вв. до н.э.* САИ. Вып. Д4-5. Москва: Наука.

Петренко, В.Г. 1989. Локальные группы скифообразной культуры Лесостепи Восточной Европы. *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР*. Москва: Наука, с.67-80.

Плешивенко, А.Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.) *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.53-72.

Погорелый, В.Н. 1981. Скифские курганы у с. Мирное под Борисполем. В: Артёменко И.И. (отв. ред.) *Древности Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка, с.39-48.

Погребова, Н.Н. 1953. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. *СА*, XVII, с.285-291.

Покровська, Є.Ф. 1965. Кургани біля с. Сеньківка. *Археологія*, XVIII, с.139-149.

Полидович, Ю.Б. 2017. Лев и пантера (ажурные пластинки из Мелитопольского кургана). *Старожитності раннього залізного віку. АДІУ*, вип. 2 (23). Київ, с.185-192.

Полин, С.В., 1984. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с.103-119.

Полін, С.В. 1984а. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я. *Археологія*, 45, с.24-34.

Полін, С.В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с.17-33.

Полин, С.В. 1989. *Население северопричерноморских степей в III-II вв. до н.э. (этнополитический аспект)*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.

Полин, С.В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев.

Полин, С.В. 2009. О хронологии пантикапейских статов. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.) *Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти Валерия Михайловича Отрешко (1949-1999)*. Киев, с.211-228.

Полин, С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Полин, С.В., Алексеев, А.Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье*. Киев ; Берлин: Видавець Олег Філюк.

Полин, С.В., Кубышев, А.И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)*. Киев

Полин, С.В., Симоненко, А.В. 1997. Скифия и сарматы. *Сарматы и Скифия. Донские древности*, вып.5. Азов, с.87-98.

Привалова, О.Я., Зарайская, Н.П., Привалов, А.И. 1982. Двугорбая Могила. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.148-178.

Прилипка, Я.П., Болтрик, Ю.В. 1991. Опыт реконструкции скифского костюма по материалам погребения скифянки из Вишневой Могилы. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.) *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.18-33.

Пуздровский, А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнесинформ.

Пузикова, А.И. 1995. *Скифы Среднего Дона: Белгородская и Воронежская области*. Москва: Практик-А.

Пузикова, А.И. 1997. Уникальный комплекс из могильника скифского времени у с. Дуровка (Среднее Подонье), *РА*, 2, с.211-231.

Пузикова, А.И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Пустовалов, С.Ж., Черных, Л.А. 1997. Опыт применения формализовано - статистических методов для половозрастного анализа погребений катакомбной культуры. В: Бунятян Е.П. (отв. ред) *Методологические и методические вопросы археологии*. Киев, с.105-139.

Радзієвська, В.Є. 1979. Техніка прядіння у населення Лісостепової Скіфії. *Археологія*, 32, с.19-26.

Радзиевская, В.Е. 1992. Основные итоги раскопок Коломакского городища. *История и археология Слободской Украины*. Харьков, с.177-179.

Раевский, Д.С. 1977. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. Москва: Наука.

Раевский, Д.С. 1983. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей. В: Котович В.М. (отв. ред.) *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности*. Москва: Наука, с.40-60.

Раскопка... 1885. Раскопка кургана близ с. Рыжановка Звенигородского уезда Киевской губернии. *Киевская старина*, 12, с.727-728.

Рассадзін, С., Скоры, С. 1991. Інвентар мілаградсага пахавання каля в. Прыборск у Киеускім Палессі. *Весці Акадэміі навук БССР, серыя грамадскіх навук*, 3, с. 74-79.

Романчук, А.А. 1999. Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии. *Stratum plus*, 3, 260-273.

Ромашко, О.В. 2013. Типологія бронзових казанів скіфської культури (в світлі статистико-математичних методів). *Археологія*, 3, с.32-44.

Ромашко, В.А., Скорый, С.А 2009. *Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Ростовцев, М.И. 1914. *Античная декоративная живопись на юге России*. Санкт-Петербург.

Ростовцев, М.И. 1914а. Воронежский серебряный сосуд. *МАР*, 34, с.79-93.

Ростовцев, М.И. 1918. *Эллинизм и иранство на Юге России*. Петроград.

Ростовцев, М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград: Ленинградский гублит.

Ростовцев, М.И. 1989. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов. *ВДИ*, 1, с.196-206.

Ростовцев, М.И., Степанов, П.К. 1917. Эллино-скифский головной убор. *ИАК*, 63, с.69-101.

Рубан, В.В. 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV-II вв. до н.э. *ВДИ*, 1, с.26-46.

Рубан, В.В. 1989. *Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время)*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.

Руденко, С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Русяева, А.С. 1999. Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы). *ВДИ*, 4, с.84-97.

Русяева, А.С. 2004. Граффити и дипинти на амфорах из Большого Рыжановского кургана. In: Chochorowski J. (ed.) *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. Kraków. – С.385-397.

Рябинина, Е.А. 2002. О назначении рвов в погребальных памятниках раннего железного века. *Сучасні проблеми археології*. Київ, с.210-212.

Рябова, В.А. 1978. Раскопки скифского кургана у с. Гюновка в 1977 г. *Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.* ТД конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, с.62-63.

Рябова, В.А. 1979. Женское погребение из кургана Денисова Могила В: Баран В.Д. (отв. ред.) *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.47-51.

Рябова, В.А. 1986. Металлические кубки из скифских курганов. В: Станко В.Н. (отв. ред.) *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.138-149.

Рябова, В.А. 1987. Двуручные чаши из скифских курганов. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.144-151.

Рябова, В.А. 1989. Ритуальные сосуды как источник социально-политической истории Скифии. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, с.136-139.

Рябова, В.А. 1991. Культові посудини Скіфії. *Золото Степу. Археологія України*. Київ-Шлезвіг, с.153-156.

Савин, А.М., Семёнов, А.И. 1995. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков. *Культуры Степной Евразии второй половины I тыс. до н.э.* ТД Международной конференции. Самара, с.74-77.

Савин, А.М., Семёнов, А.И. 1997. Материалы гуннского облика из пещеры Камтыттукен в Горном Алтае. *Культура народов Сибири*. Санкт-Петербург, с.34-46.

Савинов, Д.Г. 1995. О ритуальном назначении погребальных камер больших Пазырыкских курганов. *Сакральное в культуре*. Санкт-Петербург, с.6-8.

Саенко, В.Н. 2011. Отражение представлений о пространстве и смерти в погребальной обрядности скифов. В: Березуцкий В.Д. и др. (отв. ред.) *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», с.75-80.

Самоковасов, Д.Я. 1908. *Могилы Русской Земли: описание археологических раскопок и собрания древностей*. Москва.

Сергеева, М. 1999. Деревянные изделия из Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XX, с.313-315.

Силантьева, Л.Ф. 1959. *Некрополь Нимфея*. МИА, № 69, с5-107.

Симоненко, А.В. 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье. В: Артёменко И.И. (отв. ред.) *Древности Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка, с.52-69.

Симоненко, А.В. 1982. О позднескифских налобниках. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.237-245.

Симоненко, О.В. 1998. Населення України за сарматської доби. В: Крижицький С.Д. (відп. ред.) *Давня історія України*. Т.2. Київ: Інститут археології НАН України, с.154-176.

Скиба, Л.Є. 1994. *Пирогівський могильник зарубинецької культури*. Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ.

Скиба, Л.Є. 2001. *Пирогівський могильник зарубинецької культури*. Київ.

Скорый, С.А. 1982. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с.231-236.

Скорый, С.А. 1996. *Кочовики передскіфської та скіфської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії)*. Автореф. дис. докт. іст. наук. Київ.

Скорый, С.А. 1997. *Стеблѣв: скифский могильник в Поросье*. Киев.

Скорый, С.А. 1998. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XIX, с.119-136.

Скорый, С.А. 1999. Дата Большого Рыжановского кургана (по археологическим данным). *Проблемы скифо-сарматской археологии (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова)*. Запорожье, с.240-241.

Скорый, С.А. 2000. Античная металлическая посуда из Большого Рыжановского кургана. *Музейні читання*. Київ. с.122-125.

Скорый, С.А. 2001. Погребальный обряд Большого Рыжановского кургана в контексте погребальных древностей скифской эпохи Северного Причерноморья. *Музейні читання*. Київ, с.149-151.

Скорый, С.А. 2001а. Похоронный ритуал Большого Рыжановского кургана – усыпальницы скифской знати. *Третья Кубанская археологическая конференция*. Краснодар-Анапа, с.166-169.

Скорый, С.А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Скорый С.А. 2005. Античная керамическая посуда из Большого Рыжановского кургана. В: Гуляев В.И. (отв. ред.) *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. Москва: Институт археологии РАН, с.535-546.

Скорый, С.А., 2010. Об одной группе парадных мечей скифского времени. *XI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы*. ТД. Керчь, с.399-403.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 1995. Большой Рыжановский курган – усыпальница скифской степной элиты в украинской Лесостепи. *Україна-Греція: історія та сучасність*. Київ, с.15-17.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 1997. Совместные исследования украинских и польских археологов. *Новые страницы древней истории Южной Украины*. Николаев, с.14-15.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2002. Последняя археологическая сенсация XX века. *Древний мир*, 3, с.4-13.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2004. Оружие из Большого Рыжановского кургана. *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, с.36-37.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2007. Большой Рыжановский курган – эталонный памятник скифской эпохи. *Вестник истории, литературы, искусства*. Том четвёртый. Москва, с.7-19.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2011. Шейная гривна из Большого Рыжановского кургана. В: Березуцкий В.Д. и др. (отв. ред.) *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», с.80-85.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2011а. Серебряные сосуды из Большого Рыжановского кургана. В: Посохов С.И. (отв. ред.) *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко*. Харьков: ХНУ импери В.Н. Каразина, с.271-279.

Скорый С., Хохоровски Я., Григорьев В. 1996. Начало раскопок Большого Рыжановского кургана. *Україна-Греція: досвід дружних зв'язків та перспективи співробітництва*. Маріуполь, с.26-28.

Скорый, С., Хохоровски, Я., Григорьев, В., Рыздзевски Я. 1998. Раскопки Большого Рыжановского кургана и его окружения. *Музейні читання*. Київ, с.80-83.

Скорый, С., Хохоровски, Я., Григорьев, В., Рыздзевски, Я. 2000. Работы Украинско-Польской экспедиции у села Рыжановка на Черкашине в 1996 году. *Археологічні дослідження в Україні 1994-1996 років*. Київ, с.142-143.

Скорый, С.А., Хохоровські, Я., Григор'єв, В.П., Ридзевські Я. 1999. Центральна могила Великого Рижанівського кургану. *Археологія*, 1, с.94-105.

Смирнов, К.Ф. 1959. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. *Древности Нижнего Поволжья, т.1*. МИА, № 60, с.206-322.

Смирнов, К.Ф. 1964. *Савроматы (ранняя история и культура сарматов)*. Москва: Наука.

Смирнов, К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. Москва: Наука.

Смирнов, К.Ф. 1977. Орские курганы ранних кочевников. *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа, с.3-51.

Смирнов, К.Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. Москва: Наука.

Сокольский, Н.И. 1971. *Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья*. МИА, № 178. Москва: Наука.

Спицын, А.А. 1901. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда. *ИАК*, 1, с.69-79.

Спицын, А.А. 1918. Курганы скифов-пахарей. *ИАК*, 65, с.87-143.

Супруненко, О.Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко О.Б. (відп. ред.) *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с.88-120.

Сыманович, Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Тельнов, Н.П., Четвериков, И.А., Синика, В.С., 2016. *Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Тереножкин, А.И., Ильинская, В.А., Мозолевский, Б.Н. 1977. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 года). В: Тереножкин А.И. (отв. ред.) *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, с.152-199.

Тереножкин, А.И., Ильинская, В.А., Черненко, Е.В., Мозолевский, Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножитн А.И. (отв. ред.) *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с.113-186.

Тереножкин, А.И., Мозолевский, Б.Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Токарев, С.А. 1959. Сущность и происхождение магии. В: Топоров С.А., Чернецов В.И. (отв. ред.) *Исследования и материалы по вопросам первобытных верований и религий*. Москва, с.7-75.

Толстой, И., Кондаков, П. 1889. *Русские древности в памятниках искусства. Вып.2. Древности скифо-сарматские*. Санкт-Петербург.

Топал, Д.А., 2014. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка. *Стратум плюс*, 2, с.129-156.

Трейстер, М. Ю. 2005. Серебряная посуда из Соболевой Могилы. В: *Мозолевский Б.Н., Полин, С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы*. Киев; Издательский дом «Стилос», с.513-527.

Трейстер, М.Ю. 2008. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье. *Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий»*. 21-25 апреля 2008 г. Оренбург, с. 145-170.

Трейстер, М.Ю. 2010а. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста // ПИФК. –Вып.1 (27). – Магнитогорск, 2010. С. 217-251.

Трейстер, М.Ю., 2010б. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д.В. Карейши и А.Б. Ашика 1834-1835 гг. В: *Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений*. Т. 1. Санкт-Петербург, с. 589-601.

Трейстер, М.Ю. 2014. Так называемые греко-персидские скарабеоиды с изображением орлиноголового грифона V–IV вв. до н.э. (иконография, хронология, распространение). *Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумболдт-конференции (Симферополь – Ялта, 20–23 сентября 2012 г.) / Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung (Simferopol – Jalta, 20.-23. September 2012) (Киев)*, с. 196-214.

Тункина И.В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.)*. Санкт-Петербург.

Ульские курганы. Культурно-погребальный памятник скифского времени на Северном Кавказе. 2015. Берлин; Бордо; Москва.

Фиалко, Е.Е., 1987. Костяные изделия из кургана Огуз. В: Черненко Е.В. (отв. ред.) *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с.130-140.

Фиалко, Е.Е., 1987а. Скифские курганы у с. Новое. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.) *Древнейшие скотоводы степей Юга Украины*. Киев: Наукова думка, с.171-187.

Фиалко, Е.Е., 1993. *Скіфський царський курган Огуз*. Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ.

Фиалко, Е.Е., 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи*. Киев.

Фиалко, Е.Е., 1996. Скіфські вудечки з залізними нахрапниками. *Археологія*, 4, с.94-100.

Фиалко, Е.Е. 1996а. Наборы античной металлической посуды из скифских погребений. *Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника*. Киев.

Фиалко, Е.Е. 1997. Античные вещи-маркеры из скифских могил (по поводу одного из пассажей «Истории» Геродота). *Новые страницы древней истории Южной Украины*. Николаев, с.15-16.

Фиалко, Е.Е. 1999. Знаковость вещи в погребальной практике скифов. *Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э.* Москва, с.138-140.

Фиалко, Е.Е. 2001. По поводу реконструкции головного убора из Рыжановского кургана. *РА*, 4, с.144-152.

Фиалко, О.Є. 2001а. Червонофігурні кратери із скіфських пам'яток. *Археологія*, 1, с.80-89.

Фиалко, Е.Е., 2004. Деревянные чаши – знаки воинской доблести скифов. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XI, Запоріжжя, с.269-279.

Фиалко, О.Є. 2015. Дружинний могильник скіфів на Лівобережній Херсонщині. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XVIII, Запоріжжя, с.120-156.

Фиалко, Е.Е., Болтрик, Ю.В. 2000. Двурожковые вилочки из погребальных памятников Скифии. *Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва, с.287-296.

Фридман, М.И. 1987. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.) *Древнейшие скотоводы степей Юга Украины*. Киев: Наукова думка, с.159-170.

Хазанов, А.М. 1966. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. В: Кисляков Н.А., Воробьева М.Г. (отв. ред.) *Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана*. Москва: Наука, с.29-44.

Хазанов, А.М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

Ханенко, Б.И., Ханенко, В.Н. 1899. *Древности Приднепровья*. Вып. 2. Киев.

Хохоровски, Я. 2004. Радиоуглеродная хронология Большого Рыжановского кургана. In: Chochorowski J. (ed.) *Kimmerowie, Scytowie, Sarmati*. Kraków, с.447-464.

Хохоровски, Я., Скорый, С. 2010. Семантика культурного пространства Большого Рыжановского кургана. *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний*. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, с.35-41.

Черненко, Е.В. 1981. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.

Черненко, Е.В. 1984. Длинные копья скифов. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (отв. ред.) *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с.231-235.

Черненко, Е.В., Симоненко, А.В. 1977. Курганная группа Широкое-III. В: Черненко Е.В. (отв. Ред.) *Курганы Южной Херсонщины*. Киев: Наукова думка, с.5-33.

Чижев, М.П. 1961. *Український Лісостеп: фізико-географічний нарис*. Київ: Радянська школа.

Чугунов, К.В. 1996. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (к вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников). *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*. Санкт-Петербург, с.69-80.

Чугунов, К.В. 2004. Аржан – источник. *Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве*. Санкт-Петербург, с.10-40.

Чугунов, К.В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2004. *Золотые звери из Долины царей*. Санкт-Петербург.

Шелов, Д.Б. 1956. *Монетное дело Боспора VI-II вв. до нашей эры*. Москва: Издательство АН СССР.

Шилов, В.П. 1961. Раскопки Елизаветинского могильника в 1959 г. *СА*, 1, с.150-168.

Шилов, В.П. 1962. Золотой клад скифского кургана. *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону, с.52-69.

Шиянова, А. 1999. Реставрация античных амфор из Большого Рыжановского кургана. *MSROA*, XX, с.329-331.

Штительман, Ф.М. 1977. *Памятники мирового искусства в музеях Украины. Античное искусство*. Киев: Мистецтво.

Шрамко, Б.А. 1983. *Археология раннего железного века Восточной Европы. Учебное пособие*. Харьков.

Шрамко, Б.А. 1990. Была ли Лесостепь завоевана скифами. *Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини*. Полтава, с.124-126.

Шрамко, Б.А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов Ю.В. (отв. ред.) *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, с.9-131.

Щеглов, А.Н. 1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира. *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси: Мецниереба, с.185-198.

Яблонский, Л.Т., Мещеряков, Д.В. 2007. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение). *РА*, 2, с. 55-62.

Яблонский, Л.Т. 2014. *Золото сарматских царей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004-2009)*. Каталог коллекции. Книга 1. Москва: Институт археологии РАН.

Яйленко, В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. В: Голубцова Е.С. (отв. ред.) *Эллинизм: экономика, политика и культура*. Москва: Наука, с.249-310.

Яковенко, Е.В. 1964. Античні амфори, знайдені на Київщині. *Археологія*, XVI, с.199-201.

Яковенко, Е.В. 1965. Некрополь скіфського часу біля м. Бориспіль. *Археологія*, XVIII, с.150-160.

Яковенко, Е.В. 1971. Про кулясті курільниці IV ст. до н.е. *Археологія*, 2, с.90-94.

Яковенко, Е.В. 1974. *Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е.* Київ: Наукова думка.

Яковенко, Э.В. 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // *Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 128-137.

Abramowicz, A. 1967. *Wiek archeologii. Problemy polskiej archeologii dziewiętnastowiecznej*. Warszawa.

Andronicos, M. 1984. *Vergina: The Royal Tombs*. Athens.

Archibald, Z. H. 1998. *The Odryssian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford.

Arias, P.E., Hirmer, M. 1960. *Tausend Jahre Griechische Vasenkunst*. München.

Arias, P.E., Hirmer, M., Shefton, B.B. 1962. *A History of Greek Vase Painting*. London.

- Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag.
- Avram, A. 1989. Wo sind die Amphoren von typ «Solocho-I « hergestellt worden? *Dacia*, XXXIII, 1-2, S.247-252.
- Barone, L. 2007. Un tesoro riemerso dal Dnepr. *Cat. Trento*, p .278-281.
- Barr-Sharrar, B. 1982. Macedonian Metal Vessels in Perspective: Some Observations on Context and Tradition. *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington, p. 123-139.
- Barr-Sharrar, B. 2000. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. *Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. Akten des 14.Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln, 21.bis 24.September 1999 (Kölner Jahrbuch. Bd. 33, p. 277-290.*
- Barr-Sharrar, B. 2008. *The Derveni Krater. Masterpiece of Classical Greek Metalwork*. Princeton.
- Besios, M., Pappa, M. 1995. *Πύδνα..* Athens.
- Bloesch, H. 1940. *Formen attischer Schalen von Exikias bis zum Ende des strengen Stils*. Berlin.
- Bloimbergowa, M.M. 1989. Juliana Talko-Hryniewiczza i Gotfryda Ossowskiego kontakty z Cesarską komisją archeologiczną w Petersburgu. *Kwartalnik historii nauki i techniki*, XXIX, 2, s.271-272.
- Blombergowa, M.M. 1993. *Badania archeologiczne polakow na terytorium Imperium Rosyjskiego w XIX i początku XX wieku*. Łódź.
- Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London.
- Boardman, J. 2000. *Persia and the West*. London.
- Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. 2nd ed*. London.
- Boucher, S. 1973. Trajets terrestres du commerce étrusque aus Ve et IVE siècle savant J.-C. *Revue Archéologique*, 1, p.79-96.
- Bydłowski, A., 1904. Mogily w Nowosiolce w pow. Lipowieckim gub. Kijowskiej. *Swiatowit*, V, s.59-80.
- Cat. Berlin, 2007. *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York.
- Cat. Bonn, 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn.
- Cat. Bonn, 2004. *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus*. Bonn.

- Cat. Cologne, 1979. *Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien*. Mainz.
- Cat. Hamburg, 1993. *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster.
- Cat. Hannover, 1994. *Makedonen die Griechen des Nordens*. Hannover.
- Cat. London, 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period*. London.
- Cat. London 2005. *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia*. London.
- Cat. Milan, 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milano.
- Cat. Milan, 2001. *Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti*. Milano.
- Cat. New York, 1975. *From the Lands of the Scythians*. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 32.5, 1973/74. New York.
- Cat. New York, 2004. *Alexander the Great. Treasures from an Epic Era of Hellenism*. New York.
- Cat. Rimini, 1995. *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero*. Rimini, 5 marzo-25 giugno 1995. Milano.
- Cat. Saint Louis, 1998. *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria*. New York.
- Cat. San Antonio, 1999. *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York.
- Cat. Schleswig, 1991. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig.
- Cat. Thessaloniki, 1978. *Treasures of Ancient Macedonia. Catalogue*. Thessaloniki.
- Cat. Thessaloniki, 2000. *The Gold of Macedon*. Thessaloniki.
- Cat. Toledo, 1977. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver*. Toledo.
- Cat. Trento, 2007. *Ori dei cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina*. Milano.
- Cat. Triest, 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste.
- Cat. Venice, 2000. *The Etruscans*. Venice.
- Cat. Vienna, 1993. *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien.
- Cat. Washington, 1980. *The Search for Alexander. An Exhibition*. Washington.

Cat. Zurich, 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich.

Charrière, G. 1974. *Die Kunst der Skythen*. Paris.

Chochorowski, J. 1999. Rings with panticapaem staters from the Great Ryzhanovka Barrow. *Zapiski Numizmatyczne*, III. Kraków, p.31-43.

Chochorowski, J. 2000. Zur Semantik der Bestattungssitte des Gross-Kurgans von Ryzhanovka. *Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages)*. 4th International Colloquium of Funeral Archeology. Tulcea, S.20-24.

Chochorowski, J. 2000a. Problems of the Chronology of the Great Ryzhanovka Kurgan. *Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology*, 19, p.41-46.

Chochorowski, J. 2005. Semantyka przestzeni sakralnej Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie. *Eurasija i antyk. Sesja naukowa poświęcona pamięci Profesora Jerzego Kubczaka 1928-1999*. Poznan, s.29-40.

Chochorowski, J. 2016. Godfrid Ossowski (1835-1897) – niespokojny duch XIX-wiecznej archeologii. *Nasi miastrowie. Instytut archeologii UR*. Rzeszów, s.7-58.

Chochorowski, J. 2016a. Między archeologia, antropologia i prehistoria – krakowskie środowisko naukowe w początkach działania Akademii Umiejętności (1873-1893) wobec problemu pochodzenia człowieka i jego kultury. *Historyka. Studia metodologiczne*, s.505-543.

Chochorowski, J., Grigor'ev, V., Skoryj, S. 1996. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie. *MSROA*, XVII, s.239-261.

Chochorowski, J., Kovalych, N., Skripkin, V. 1998. Subkalibrovane datowanie radiowęglowe grobowca «księcia» scytyskiego z Wielkiego Kurhany Ryżanowskiego. *MSROA*, XIX, s.99-118.

Chochorowski, J., Kovalych, N., Skripkin, V. 1999. Nove dane do chronologii radiowęglowej kurhanów grupy ryżanowskiej. *MSROA*, XX, s.293-299.

Chochorowski, J., Rydzewski, J., Skoryj, S. 1999. *Wielki Kurhan Ryżanowski (Przewodnik po wystawie «Tytanchamon ukraińskich stepów»)*. Kraków.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1995. Wielki Kurhan Ryżanowski w świetle aktualnej oceny badan Godfryda Ossowskiego. *MSROA*. XVI, s.119-127.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1997. The «collateral» (female) burial at the Great Ryzhanovka Barrow. *Studies in Ancient civilizations*, 8. Kraków, p.71-92.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1997a. Prince of the Great Kurgan. *Archeology*. September/October, p.32-39.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 1999. Kobięce nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA*, XX, s.301-311.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 2000. Die Zentralbestattung der Gross-Grabhügels von Ryżanovka im rechtsseitigen Teil des ukrainischen Waldsteppengebietes. *Pratiques funéraires des XIIIe – IVe s.a.v.J.C.* Tulcea, S.105-114.

Chochorowski, J., Skoryj, S., 2000a. Les fouilles Polono-Ukrainiennes du Grand Kourgane de Ryzhanivka á Ryzhanivka (dep.Zvenigorodka, dis.Tscherkassy// *Folia orientalia*. Krakow. – Vol.XXXVI.- p.68-88.

Chochorowski J., Skoryj, S. 2001. Polsko-Ukraińskie badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie. *Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej*. Ojców, s.463-486.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 2004. Ryżanovka, Raj. Zvenigorodka, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein skythisches Hügelgräberfeld – Grosser Ryżanovka-Kurgan. *Recherches archéologique de 1993-1998*. Kraków, S.221-242.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 2009. Der Grosse Ryżanovka-kurgan. Die semantic der sakralen Bereichs. *Saxa luguuntur. Сборник на чест Николай Сураков*. София, S.331-344.

Chochorowski, J., Skoryj, S. 2014. Łuk i sajdak z Centralnego Grobowca Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *Honoratissium assensus Genus est Armis laudare*. Kraków, s.77-98.

Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor’ev, V., Rydzewski, J. 1997. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA*, XVIII, s.77-92.

Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor’ev, V., Rydzewski, J. 1998. Trzeci sezon badań wykopaliskowych w Ryżanowce, raj. Zvenigorodka, obl. Čerkassy (Ukraina). *MSROA*, XIX, s.81-97.

Chochorowski, J., Skoryj, S., Grigor’ev, V., Rydzewski, J. 1997. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego – etap końcowy (sezon 1998). *MSROA*, XX, s.279-291.

Chrysostomou, A., Chrysostomou, P. 2004. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού κατά το 2004. *Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη*, 18, p. 561-572.

Ciliberto, F. 1991. Pittura su tavola e mosaico pavimentale: in margine ad un mosaico a ciottoli di Sicione con decorazione floreale. *Hefte des archäologischen Seminars der Universität Bern*, 14, p. 11-26.

CVA Schloss Fasanerie (Adolphseck), 1959. Bd. 2.

CVA Deutschland. 1959. Bd. 16 (München).

CVA Villa Giulia. Vol. 1.

CVA Italia. Vol. 1.

- Davidson, G.R. 1952. *The Minor Objects. Corinth, XII*. Princeton.
- Delemen, I. 2006. An Umplundered Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace. *AJA*, 110, № 2, p. 251–273.
- Deppert-Lippitz, B. 1998. Greek Bracelets of the Classical Period. *The Art of the Greek Goldsmith*. London, p. 91-94.
- Diehl, E. 1964. *Die Hydria. Formgeschichte und Verwendung im Kult des Altertums*. Mainz.
- Doulgeni-Intzessiloglou, A., Garlan, I. 1990. Vin et amphores de Péparéthos et d'Ikos. *Bulletin de correspondance Héléniqne*, CXIV, 1, p.361-389.
- Fettich, N. 1934. Der skythische Fund von Gartschinovo. *Archaeologia Hungarica*, XV. Budapest.
- Filow, B. 1934a. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien*. Sofia.
- Filow, B. 1934b. Ein skythisches Bronzerelief aus Bulgarien. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, IX, S. 197-205.
- Forti, L. 1963. Gli unguentari del primo periodo ellenistico. *Rendiconti dell' Accademia di archeol. Let. E bel. Arti di Napoli*, XXXVII.
- Fuchs, W. 1978. Bronzegefäße in Kiev. *Boreas*, 1, S. 113-115.
- Fuhrmeister, K, 1997. Zweiergruppen und Brüdermotiv? *Zur graeco-skythischen Kunst*, S. 161-176.
- Gajdukevič, V.F. 1971. *Das Bosporanische Reich*. Berlin; Amsterdam.
- Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad.
- Ganina, O.D. 1974. *Kiev Museum of Historical Treasures*. Kiev.
- Gebauer, J. 1997. Rankengedanken – zum Pektorale aus der Tolstaja Mogila. *Zur graeco-skythischen Kunst*, S. 147-160.
- Ghirshman, R. 1964. *Iran. Protoiraner, Meder, Achämeniden*. München.
- Ginters, W. 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin.
- Głąb, H. 1997. Analiza anatomo-antropologiczna szczątków ludzkich z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA*, XVIII, s.93-96.
- Golden warriors..., 1993. Golden warriors of the Ukrainian Steppes (Catalogue of the exhibition of Gold Treasures from Ukrainian Historic Treasures Museum, National Museum of Ukrainian History)*. Edinburg.

Godfrid Ossowski (1836-1897) człowiek-archeolog-geolog, 1997. Kraków.

Grace, V. 1963. Notes on the Amphoras from the Coroni Peninsula. *Hesperia*, XXXII, 3, p.319-334.

Grace, V. 1971. Samian Amphoras. *Hesperia*, XL, 1, p.52-95.

Grandjouan, C. 1989. Hellenistic Relief Molds from the Athenian Agora. *Hesperia Suppl.*, XXIII. Princeton.

Hančar, A. 1973. Die Bogenwaffe der Skythen. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 102, S.3-25.

Hartuče N., Anastasiu F. 1976. *Catalogul selectiv al colecției de arheologie a muzeului Brăilei*. Brăila.

Histria..., 1966. Histria II. București.

Huguenot, C. 2008. La tombe aus érotes et la tombe d'Amarnthos. *Eretria*, XIX. Lausanne.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World*. Leiden; New York; Köln.

Kac, V.I., Monachow, S.Yu., Stolba, V.F., Ščeglov, A.N. 2002. Tiles and Ceramic containers. *Panskoye I. Vol.I. The Monumental Building U 6*. Aarhus.

Kallipolitis, V.G., Feytmans, D., 1951. Νεκρόπολις κλασσικών χρόνων εν Κοζάνη. Αρχαιολογική εφημερίς (1948-1949), σ. 85-111.

Karamitriou-Mentesidi, G. 1993. Κοζάνη, πόλη Ελιμιώτιδος. Thessaloniki.

Karapaschalidou, A. 1989. *Μακεδονικός τάφος στο Κοτρώνι Ερετρίας*. Athens.

Khanenko B.N., V.I. 1899. *Collection B.Khanenko. Antiquités de la region du Dniepre. Époque antérieure à la grande émigration des peuples*. T. II. Kiev.

Koczownicy... 1996. Koczownicy Ukrainy. Katowice.

Kostrzewski, J. 1949. *Dzieje polskich badań prehistorycznych*. Katowice.

Kovaliukh, N., Skripkin, V., Khokhorovsky, J., Skory, S. 2003. On the Age of the Great Ryzhanovka burial-mound. *Impact of the Environment on human Migration in Eurasia*. St. Petersburg, p.37.

Kubczak, J. 1978. *Kurhany arystokracji skytyjskiej*. Poznań.

Kubyšev, A.I. 1991. Der Bratoljubovka-Kurgan. Die Grabanlage eines skythischen Nomarchen? *Beiträge zur Archäologie*, S. 131-140.

Lazaridis D., Rhomiopoulou K., Touratsoglou G. 1992. *Ο τύμβος της Νικήσιανης*. Athens.

Leskov, A.M. 1972. *Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries*. Lenin-grad.

Leskov, A.M. 1974. Die skythische Kurgane. *Antike Welt* Sondernummer (Küsnacht).

Lorentz, F. Von. 1937. ΒΑΡΒΑΡΩΝ ΨΦΑΣΜΑΤΑ. *RM*, 52, S. 165-222.

Lullies, R. 1962. Vergoldete Terrakotta-Appliken aus Tarent. *RM. Erg.*, 7. Heidelberg.

Lungu, V. 1993. Pour une chronologie de la céramique attique du nord de la Dobroudja (IV-III siècles av. J. - Chr.). *Pontica*, XXVI, p.159-190.

Maaß, M, 1979. *Antikensammlung München. Griechische und römische Bronzewecke*. München.

Manassero, N. 2005a. Un' iconografia inedita da Gajmanova Mogila. *Mesopotomia*, XL, p.103-123.

Manassero, N. 2005b. Riflessioni su un rhyton del Miho Museum. *Parthica*, 7, p. 93-112.

Manassero N. 2008. *Rhyta e corni potori dall'Età del Ferro all'epoca sasanide. Libazioni pure e misticismo tra la Grecia e il mondo iranico* (BAR Intern. Ser., 1750). Oxford.

Manzewitsch [Mantsevich], A.P. 1931. Der Armring aus Kul-Oba. *AA. Sp.*, S. 106-116.

Manzewitsch [Mantsevich], A.P. 1980. Sur l'origine des objets de toreutique dans les tumuli de l'époque Scythe. *Études sur l'orfèvrerie antique. Studies in Ancient Jewelry (Publication d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Univ. Catholique de Louvain, XIV; Aurifex 1)*. Louvain-la-Neuve, p. 80-105.

Marčenko, K.K., Žitnikov, V.G., Kopylov, V.P, 2000. *Die Siedlung Elizavetovka am Don (Pontus septentrionalis II. Tanais 2)*. Moskau.

Meisterwerke Getty Museum, 1997. Meisterwerke im J. Paul Getty Museum. Kunst der Antike. Los Angeles.

Michel, S. 1997. 'Allround-Mischwesen' – Visuelle Formulierung und Tradierung eines skythischen Bildgedankens. *Zur graeco-skythischen Kunst*, S. 25-36.

Meyer K. 2013. *Greco-Scythian Art and the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity*. Oxford.

Mertens, J.R. 1976. A Hellenestic Find in the New-York. *Metropolitan Museum Journal*, XI, p.71-84.

Mielczarek, M. 1986. Gold Panticapaen coins set in rings found in the Great Ryzhanovka Barrow (Ukraine). *Archeologia*, p.99-105.

Mielczarek, M. 1995. Na granicy dwóch światów. Pozaekonomiczne funkcje monet u Greków i Scytów północnego wybrzeża Morza Czarnego. *Pozaekonomiczne funkcje monet. X Ogólnopolska Sesja Numizmatyczna w Nowej Soli*. Poznań 1995, s. 7-19.

Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambriadge.

Murzin, V., Skory, S. 1994. An essay of Scythian History. *Il Mar Nero I*. Roma-Paris, p.55-98.

Nestor, I.1949. Săpăturile arheologice de la Zimnicea. *Studii. Revista de știința și filosofie*, II, București, p. 116-125.

Nosek, E.M., Mazur, A. 1999. Przedmioty żelazne z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w świetle badań metaloznawczych i chemicznych. *MSROA*, XX, s.333-338.

Orfèvrerie ancienne, 1975. Orfèvrerie ancienne. De la collection du Musée des trésors historiques d'Ukraine. Moscou.

Ossowski, G, 1888. Materiały do paleoetnologii kurhanów ukraińskich, I. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, XII, s.1-46.

Ossowski, G. 1888a. *Wielki Kurhan Ryżanowski według badan dokonanych w latach 1884 i 1887*. Kraków.

Ossowski, G. 1889. Wykopalisko z wielkiego kurhanu Ryżanowskiego. *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*, I, s. 11-13.

Parzinger, H. 2007. Die Reiternomaden der eurasischen Steppe während der Skythenzeit. *Cat. Berlin*, S. 30-57.

Petropoulos, E.K. 2005. *Hellenic Colonization in Euxeions Pontos. Penetration, Early Establishment, and the Problem of the „Emporion» Revisited*. BAR Intern. Series 1394. Oxford.

Pfrommer, M. 1983. Italien-Makedonien-Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik. *JdI*, 98, S. 235-285.

Pfrommer, M. 1987. *Studien zu Alexandrinischer und Grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit*. Berlin.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad.

Potratz, J.A.H. 1963. *Die Skythen in Südrussland*. Basel.

Rjabova, V.A. 1991. Kultgefäße der Skythen. *Cat. Schleswig*, 1991, S. 153-156.

Richter, G.M.A. 1915. *The Metropolitan Museum of Art. Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York.

Rolley, C. 1983. *Les bronzes Grecs*. Paris.

Rolle, R. 1979. *Totenkult der Skythen*. Teil 1,1. Berlin-New-York.

Rolle, R. 1989. *The World of the Scythians*. Berkeley; Los Angeles.

Rolle, R., Murzin, V.Ju., Alekseev, A.Ju. 1998a-b. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Teilbände 1 und 2-3. Mainz.

Rostowzew, M. 1931. *Skythen und der Bosphorus*. Bd.1. Berlin.

Rutkowski, B. 1979. Griechischer Kandselaber. *Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts*, 94, S.174-222.

Rydzewski, J. 1999. Scythian Chief in the Museum of Archeology. *Kraków*, Vol.6, № 1, p.4-5.

Rydzewski, J. 2001. Wystawa Tutanchamon ukraińskich stepów w Muzeum archeologicznym w Krakowie. *Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej*. Ojców, s.487- 494.

Rydzewski, J. 2016. Zabytki Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w zbiorach Muzeum archeologicznego w Krakowie. *Materiały archeologiczne*, XLI, s.211-243.

Salzmann, D. 1982. *Untersuchungen zu den antiken Kieselmosaiken*. Berlin.

Schefold, K. 1934. *Untersuchungen zu den Kertscher Vasen*. Berlin; Leipzig.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.

Schmidt, E.F. 1953. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. The University of Chicago Oriental Institute Publications, LXVIII. Chicago.

Schneider, L., Zazoff, P. 1994. Konstruktion und Rekonstruktion. Zur Lesung thrakischer und skythischer Bilder. *JdI*, 109, S. 143-216.

Schwarzmaier, A. 1997. *Griechische Klappspiegel. Untersuchungen zu Typologie und Stil*. Athenische Mitteilungen, 15. Beiheft. Berlin.

Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine, 1999. New-York.

Semionov, V.A., 1994. Au cocur de l'Asie. *Les Dossiers d' Archeologie. Les Scythes*, 194, p.38-43.

Sichtermann, H. 1966. *Griechischen Vasen in Unteritalien aus der Sammlung Jatta in Ruvo*. Tübingen.

Skoryj, S. 1993-1994. Die Frage der Beziehungen zwischen der Bevölkerung der Schwarzmeersteppen und der Bevölkerung der Waldsteppen im Dneprgebiet im 5. bis 4. v. Chr. *AAC*, XXXII, S.151-166.

Skory, S. 1996. Forest-Steppe of Eastern Europe in Scythian Time // Първи международен симпозиум «Севтополис», «Надгробните могили в югоизточна Европа», Т.2, p.39-63.

Skory, S., Chochorowski, J. 2007. The Great Ryzhanovka Barrow: an intact burial of a Scythian nobleman. *Archaeology now. Great Discoveries of our Time*. London, p.70-71.

Skory, S., Chochorowski, J. 2010. About one group of parad Swords of Scythian Age. *Istros*, XVI, p.267-281.

Sparkes A., Talcott L. 1970. *The Athenian Agora XII. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C.* Princeton; New Jersey.

Stähler, K. 1997. Zum Relief der Schwertscheide von Čertomlyk. *Zur graeco-skythischen Kunst*, S. 61-84.

Sulimirski, T. 1970. *The Sarmatians*. London.

Talcott L. 1936. Vases and Kalos Names from an Agora Well. *Hesperia*, V, 3, p.333-354.

Talko-Hryniewicz, J. 1913. *Człowiek na ziemiach naszych*. Warszawa.

Talko-Hryniewicz, J. 1923. Z moich wspomnień o dawnych archeologach. *Wiadomości archeologiczne*, VIII. s.174-190.

Talko-Hryniewicz, J. 1930. *Z przeżytych dni (1850-1908)*. Warszawa.

Teleaga, E. 2008. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v.Chr.* Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 23. Rahden.

Themelis, P., Touratsoglou, I, 1997. *Οι Τάφοι του Δερβενίου*. Athens.

Thompson, H.A, 1934. Two centuries of Hellenistic Pottery. *Hesperia*, III, p.311-480.

Treasures... 1979. Treasures of Ancient Macedonia. Archeological Museum of Thessalonicae.

Treister, M.Y. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Colloquia Pontica, 8.Leiden; Köln; Boston.

Treister, M. 2010. Bronze and Silver Greek, Macedonian and Etruscan Vessels in Scythia. Roma 2008. *International Congress of Classical Archaeology. Meetings Between Cultures in the Ancient Mediterranean*. Bolletino di archeologia on line 1/2010. Volume speciale C/ C10/2. http://151.12.58.75/archeologia/bao_document/articoli/2_TREISTER.pdf.

Trésors... 1998. Trésors des steppes d'Ukraine. Mémoire d'une exposition. Montréal.

Čugunow, K., Parzinger, H., Nagler, A. 2006. *Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe.* München.

Čugunow, K., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstengrab Aržan-2 in Tuva.* Nainz am Rhein.

Scheglov, A.N., Kats, V.A. 1991. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea. *The Metropolitan of Art. Metropolitan Museum Journal*, 26, p.97-122.

Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien; München.

Vickers, M. 1979. *Scythian Treasures in Oxford.* Oxford.

Vickers, M. 2002. *Scythian and Thracian antiquities in Oxford.* Oxford.

Vlasova, E.V. 2001. The Scythian Drinking Horn. *Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum (Colloquia Pontica, 7).* Leiden; Boston; Köln, p. 71-111.

Vokotopoulou, I. 1975. *Le trésor de vases de bronze de Votonosi.* BCH, 99, p. 729-788.

Vokotopoulou, I. 1986. *Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κόμης.* Athens.

von Gall H. 1999. Der achämenidische Löwengreif in Kleinasien. *AMI*, 31, S.149-160.

Vulpe, R.. 1953. Săpăturile de la Poenești din 1949. *Materiale și cercetări arheologice privind istoria veche a RPR*, I. București, p.213-506.

Yablonsky, L.T. 2007. Excavations of a „Royal« Barrow-Grave in the Southern Ural. *Folia Archaeologica*, LIII, p. 85-100.

Yablonsky, L. T. 2010. New Excavations of an Early Nomadic Burial Ground at Filipovka (Southern Ural Region, Russia). *AJA*, 114, p.129-143.

Zahlhaas, G. 1971. *Grossgriechische und römische Metalleimer.* München.

Zimi, E., Sideris, A. 2003. Χάλκινα σκεύη το Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση. *Themelis, P. Το Γαλαξείδι: απο την αρχαιότητα εως σημερα. Πρώτου Ειστημονικού Συνεδρίου Γαλαξείδι, 29-30 Σεπτεμβρίου 2000.* Athens, p. 35–60.

Zimmermann, N. 1998. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit.* Rahden.

Архивные материалы

Бидзиля В.И., Ляшко С.Н., Никитенко М.М. и др., 1974. Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 г. // НА ИА НАНУ, 1974/10.

Бородулин В.Г., 1978. Отчет об археологических исследованиях Песочинского курганного могильника и курганной группы, расположенной в зоне сооружения Фрунзенской оросительной системы в 1978 г. // НА ИА НАНУ. – 1978/2.

Евдокимов Г.Л., Поруцкий А.Г., Гершкович Я.П., 1981. Отчет о раскопках курганов и поселений Краснознаменной новостроечной экспедицией в Херсонской области в 1981 году // НА ИА НАНУ. – 1981/21.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Рычков Н.А., 1986. Отчет о раскопках Правобережного отряда Черкасской экспедиции в 1986 г. // НА ИА НАНУ. – 1986/16.

Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Бессонова С.С. и др., 1983. Отчёт о работе Лесостепной Правобережной экспедиции Института археологии АН УССР за 1983 г. // НА ИА НАНУ 1983/7.

Кубышев А.И., 1977. Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1977 г. // НА ИА НАНУ. – 1977/23.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Евдокимов Г.Л. и др., 1976. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1976 году // НА ИА НАНУ. – 1976/17.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Николова А.В. и др. 1977. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 году // НА ИА НАНУ. – 1977/23.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др. 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г. // НА ИА НАНУ. – 1983/26.

Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоненко А.В. и др. 1988. Отчёт о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1988 году в зоне строительства орошаемых участков в Херсонской области // НА ИА НАНУ. – 1988/20.

Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Жигулина Л.И. и др. 1979. Отчет о раскопках Белозерского отряда Запорожской экспедиции в 1979 г. // НА ИА НАНУ, 1979/4 «а».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДИУ – Археологія і давня історія України, Київ.
АО – Археологические открытия, Москва.
АН УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР, Київ.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград – Санкт-Петербург.
ВДИ – Вестник древней истории, Москва.
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии, Москва.
ДБК – Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии, Санкт-Петербург.
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры, Петроград.
Кат – Каталог.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва.
МАО – Московское археологическое общество, Москва.
МАР – Материалы по археологии России, Москва.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва.
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины, Киев.
ОАК – Отчёт императорской Археологической комиссии. – Санкт-Петербург.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология, Москва.
СА – Советская археология, Москва.
САИ – Свод археологических исследований, Москва.
СГЭ – Сообщение Государственного Эрмитажа, Ленинград.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград
ТД – Тезисы докладов.
- AA – Archäologischer Anzeiger.
AAC – Acta Archaeologica Carpathica, Kraków.
AJA – American Journal of Archaeology.
AMI – Archäologische Mitteilungen aus Iran.
BAR – British Archaeological Reports.
BCH – Bulletin correspondance hellénique.
Cat – Catalogue.
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum.
JdI – Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts.
MSROA – Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, Rzeszów-Krosno-Tarnów.
RM – Römische Mitteilungen.
Zur graeco-skythischen Kunst – Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster 1995 (Münster 1997)

SUMMARY

Sergei Skoryj, Jan Chochorowski

GREAT RYZHANOVKA KURGAN

Introduction

The Great Ryzhanovka Kurgan (hereinafter referred to as GRK), a sepulchral monument of the Scythian elite, was investigated in 1995-1998 by a joint Ukrainian-Polish expedition from the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev) and the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University (Kraków). The leader from the Ukrainian side was Sergiej Skoryj, candidate of sciences and senior researcher in the Department of Scytho-Sarmatian Archaeology of the Institute of Archaeology NASU. The Polish expedition was led by Jan Chochorowski, PhD, the head of the JU Institute of Archaeology at the time. The research was financed by the Polish side and expedition members included research staff from the following institutions: Archaeological Inspection of the Department of Culture of Cherkassy Province administration, NASU Institute of Archaeology, and Archaeological Museum in Kraków, as well as a number of students from the JU Institute of Archaeology.

The works of the Ukrainian-Polish expedition (the results of 1996 in particular) received wide media coverage in Ukraine, Poland, and a number of other countries, both near and far. First and foremost, however, the expedition's field works enjoyed considerable coverage in Ukrainian and Polish scientific literature every season. With time, a number of analytical papers were published, devoted to particular aspects of the investigation into GRK: the burial rite used, the barrow's chronology (using archaeological and radiocarbon methods), selected categories of finds (ornaments, metal and ceramic vessels, weaponry), reconstruction of costume, the semantics of GRK, and the characteristics of the side tomb in particular.

In other words, we have been trying to keep the global archaeological community up to date with the development of our works, presenting both preliminary results and conclusions with this in mind. It is worth mentioning that the information about the investigation of GRK, both in the form of conference presentations and analytical papers, immediately attracted the attention of specialists. At the same time, we are well aware that the picture emerging from the mentioned publications is far from complete, and they can by no means replace a monographic study of the monument in question. It was exactly this consideration which provided the decisive stimulus for the work presented here.

On many occasions during the investigation of the barrow and while working on this monograph, we received considerable help from our colleagues, some of whom, to our huge regret, are no longer among us⁸⁴.

⁸⁴ One should mention here Vladimir Grigorjev (11.11.1952-01.10.2010), assistant leader of the Ukrainian-Polish expedition, senior research worker of the Archaeological Inspection of the Department of Culture of Cherkassy Province. administration.

A number of factors, both of an objective and subjective nature, conspired to delay the publication of a monograph devoted to GRK and, unfortunately, the work on the manuscript of this book has been suspended more than once. With respect to the steppe zone of Eurasia in general, including the North Pontic area and the Kuban, the years that have passed since the investigation of GRK have seen the exploration and publication (or publication of old research) of some splendid monuments of the nomadic aristocracy of the Scythian Period. In the steppe part of Southern Siberia this was Arzhan-2 with its unique finds, in Southern Ural Foothills – the elite Sarmatian necropolis of Filipovka-1, in the North Pontic – kurgan Bliznets-2, on the left bank of the Dnieper River, upstream of the Dnieper Rapids. Moreover, monographic publications have appeared devoted to the materials from elite Scythian burials excavated in the past, such as Babina Mogila, Vodjana Mogila, Soboleva Mogila, Bratolubskij Kurgan, Gajmanova Mogila, aristocratic burials from Zolotobalkovskij barrow necropolis, Berdjanskij Kurgan in the Lower Dnieper basin, Triokhbratnyje Kurgans, Uz-Oba groups in Crimea, and Ulskije Kurgans in the Kuban Basin. Recently, the materials from the famous kurgan of Kul-Oba in Crimea have been quite comprehensively analysed, and, after the conclusion of archaeological research, a publication of the royal Alexandropolskij Kurgan is currently being prepared (Lugovaja Mogila). In light of the growing interest in the sepulchral monuments of Scythian Period elites, and given the nearly full preservation of the Great Ryzhanovka Kurgan, its geographical location (southern part of the Forest-Steppe zone on the right-bank of the Dnieper), and a number of distinct features in its architecture and burial rite, the publication of the materials from GRK seems more than justified.

Chapter I.

The geographical Location of the Great Ryzhanovka Kurgan

The Great Ryzhanovka Kurgan is located approximately 4.5 km south of the present day village of Ryzhanovka (Zvenigorodka raion, Cherkassy oblast'), in the southern part of the Ukrainian Right-Bank Forest-Steppe zone. It is part of a small cemetery (which in the 1890's numbered 21 barrows), situated alongside a dirt road connecting Ryzhanovka to the neighbouring village of Kobrynovo. The kurgan cemetery is located on a high, narrow (1-1.5km wide) gently undulating, plateau, stretching 12 km north-west to south-east. The plateau dominates the surrounding landscape (rising to 238 m above sea level at its highest point) and offers a panoramic view stretching 20 km to the south, east and west. In the distant past, kurgan cemeteries were grouped along communication routes traversing the plateau, the earliest ones attributed to the Bronze Age.

The Ryzhanovka region lies between the Gniloi Tikic and Gornyi Tikic rivers (right-bank tributaries of the Siniuha river, which flows into the Southern Bug river), the area which – in terms of present day geographic zoning – forms the southern part of the Dnieper Upland. From the physico-geographic perspective, this area is located in the Central (Right-bank) province of the Ukrainian Forest-Steppe Zone. In terms of landscape, it represents an undulating loess plain, cut by very numerous ravines and balkas (valleys). On the analysed territory, mainly in the valleys and balkas, one can find islands of deciduous forest with a predominance of oak and hornbeam. Multi-grass meadow steppe covers vast areas even today, which is no surprise as the Ryzhanovka region lies not far from the proper steppe zone, some 100-120 km to the north. Although the course of the southern border of the Ukrainian Forest-Steppe zone fluctuated according to some pedologists and geologists, it is nevertheless most often considered as running along the line of the present day towns of Balta – Kirovograd – Kremenchug – Poltava – Charkov.

The Right-Bank Forest-Steppe zone is characterised by a relatively warm climate with abundant precipitation (at present, the mean temperature in July is +21°C with annual precipitation no less than 500 mm). The climate conditions of the Dnieper Upland are the most favourable of the entire forest-steppe zone. The predominant soils are deep meadow chernozems, or less frequently podzols. Deep chernozems developed at places covered in the past by multi-grass steppes. The results of paleoclimatic, paleobotanic, paleozoologic and other research indicate that, unlike steppe areas, the forest-steppe zone was less affected by climatic changes. Generally speaking, in the reconstructions of past environmental and climatic conditions in the territory of Ukraine, one can notice that the cold, dry climate of the 13th – 8th centuries BC, gave way in the first half of the 7th century BC (i.e. at the beginning of the Scythian era) to a mild, humid climate which lasted for the entire Scythian period and beyond. The above fully applies to the Right-Bank Forest Steppe zone. Thus, the environmental conditions of the Right-Bank Forest-Steppe zone and of the Dnieper Upland (including the territory between Gnilyi Tikic and Gornyi Tikic where GRK is located), such as the temperate climate, fertile soils, the mixture of forest and steppe areas and the presence of water sources favoured agriculture and animal herding, and, in general, the coexistence of two types of economy – settled and nomadic.

Chapter II. History of research

1. Field investigations of the kurgan

The beginning of the investigation of the GRK was marked by small-scale amateur excavations carried out in the 1880s by a young Pole, Julian Talko-Hryniewicz, later to become a renowned Polish archaeologist, member of the Anthropological Commission of Polish Academy of Arts and Sciences in Kraków, and professor of the Jagiellonian University (Fig. IV). What attracted his interest was a huge barrow situated in the lands belonging to his cousin Jędrzej Hryniewicz. The kurgan was 7.56 m high and approximately 30 m in diameter. In May 1884, helped by local peasants, J. Talko-Hryniewicz cut the mound with two perpendicular trenches, each 2 metres wide, from north to south and from west to east, down to what he described as «clayey bedrock». Encouraged by the finds of horse bones and amphorae fragments in the western trench, and hoping to discover a burial there, Talko-Hryniewicz dug the trench 70 cm deeper into the bedrock. Since no traces of burial were found, the works on the kurgan ceased, but the trenches were left unfilled.

In the spring of 1887, the ground in the western part of the trench collapsed due to freeze-thaw and exposed a large cavity. This attracted the interest of local peasants who started to search it on their own in the hope of finding treasure. One of them, a certain A. Masljuk, who explored the cavity at nights, retrieved a number of artefacts from it, including several gold ornaments. Masljuk returned the discovered objects to the Ryzhanovka mansion, where they were given to J. Talko-Hryniewicz (who came to Ryzhanovka and inspected the kurgan) and, by means of his intermediary, donated to the Academy of Arts and Sciences in Kraków. Talko-Hryniewicz used this opportunity to ask the aforementioned institution to send a «delegate» from the Archaeological Commission to Ryzhanovka who would «recover the remaining artefacts from the tomb». He also promised to «protect the kurgan from looting».

In late August 1887, the geologist and archaeologist Godfryd Ossowski arrived at Ryzhanovka, sent by the Archaeological Commission (of which he was also a member) in order to investigate the circumstances of the discovery of such scientifically important artefacts (Fig. VI). Having inspected the cavity in the large kurgan (it was Ossowski who first coined

the term «the Great Ryzhanovka Kurgan»), he arrived at the conclusion that it was a burial chamber (crypt) of a catacomb tomb. Since he believed the entrance to the crypt to have been situated in the northern part of the mound, Ossowski decided to excavate the kurgan's NW sector simultaneously with the investigation of the crypt itself. Ossowski and Talko-Hryncewicz jointly directed the works, with local people working as diggers.

The investigators reached the burial chamber from above, through the cavity formed after the crypt's ceiling collapsed. When cleaning the burial chamber, a female skeleton was discovered by the chamber's wall at its southern end. All the bones (except for the skull, retrieved earlier by A. Masljuk) were lying in situ. The deceased was furnished with many personal ornaments made of gold and silver, and a number of other artefacts, vessels in particular – ceramic, bronze, silver and other. In total, 473 artefacts were found, of which 449 were made of gold (primarily appliques of a ceremonial costume) and 24 of silver.

The nature of the finds discovered in the chamber convinced Ossowski to regard it as a burial of an elite Scythian woman.

It is worth emphasising the great importance of yet another undertaking which Ossowski carried out during his stay at Ryzhanovka. The Polish researcher created a detailed map (as it proved later, a very reliable one!) showing the distribution of kurgan groups in the Ryzhanovka region, including those on a watershed to the south from the village, in the direction of Kobrynowo. GRK was assigned number 4 in Ossowski's map (Fig. II).

The discovery of the spectacular finds in 1887 was of such great importance for studies on the Scythian period that it inspired the Imperial Archaeological Commission (in Saint Petersburg) to dispatch Dmitry Samokvasov, a renowned archaeologist and professor of the Moscow and Warsaw universities (Fig. VII), to investigate some of the kurgans in the Ryzhanovka region.

In 1890, Samokvasov excavated 11 kurgans: 9 on the watershed, belonging to the same group as kurgans 4 and 12 (according to Ossowski's numbering), and 2 large barrows to the NW from Ryzhanovka, along the road to Czyzhovka village. Reports from the works on the abovementioned kurgans were presented in two studies, published in 1893 and 1908.

The Imperial Archaeological Commission and Samokvasov himself hoped to find precious artefacts similar to those discovered in GRK's catacomb in other Ryzhanovka kurgans, but these did not materialise. All 4 Scythian-period burials (one from the second half – end of the 7th century BC, and three most likely dated to the 4th-3rd centuries BC) discovered in the kurgans he explored (including the second large kurgan on the watershed, 7.1 m high and more than 27 m in diameter) turned out to have been looted. The exploration of the mentioned 11 kurgans all but exhausted Samokvasov's finances, which prevented him from undertaking a full investigation of GRK.

While investigating the kurgans near Ryzhanovka in 1890, Samokvasov nevertheless managed to carry out small-scale works at GRK. The accounts surviving in the literature about this activity offer a somewhat contradictory picture. In one publication (Report from investigations in the village of Ryzhanovka) it is stated that Samokvasov «examined the soil dug out in 1887 from the catacomb in the great kurgan». From the second, later work published by Samokvasov it emerges that he did not limit himself to examining the soil excavated from the catacomb in 1887, but also carried out the following works: «excavated test pits in the NW part of the kurgan and in all places where trenches were shown in Ossowski's drawings, uncovered again the catacomb's bottom filled with fresh soil which fell off from the nearly vertical walls left after the 1887 excavations, and examined the entrance to the catacomb, unexplored in 1887». However, far from everything in this account is true.

The revival of interest in the fate of GRK took place after nearly a century from its first investigation. In 1983, archaeologists from the Forest-Steppe Right-Bank Expedition of the

Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian Soviet Socialist Republic, G. Kovpanenko and one of the authors of this book (S. Skoryj) carried out surface surveys in the Tjasmin River basin, preceding the construction of the «Urengoi – Pomary – Uzhgorod» gas pipeline. During the research they examined a number of sites between the Gnloi Tikic and Gorny Tikic. They focused their attention on 3 kurgans, of which one, up to 5 m high and nearly 40 m in diameter, had not been damaged by ploughing. In the report from the Expedition's work, these kurgans were identified as part of the kurgan cemetery excavated by Ossowski and Samokvasov. A hypothesis was put forward positing that one of the surviving mounds might be a relic of the GRK.

When the authors of this book met in Kraków in December 1994 to examine the collection of artefacts from the Ryzhanovka catacomb in the Archaeological Museum, an assumption in the discussion was that the largest of the kurgans examined in 1983 by the Forest-Steppe Right-Bank Expedition, situated on the watershed to the south from Ryzhanovka, was likely the Great Ryznahnovka Kurgan. To verify the survival of the GRK, the authors, accompanied by V. Grigorjev (head of Archaeological Inspection of the Department of Culture of Cherkassy Province administration), visited Ryzhanovka on 12 May 1995 and examined the kurgans surviving on the watershed to the south of the village. The comparison of Ossowski's plan of the kurgan group with the locations of the 9 surviving mounds in the cemetery permitted two of them to be identified as kurgans 4 and 12 (Fig. VIII-XI).

The identification raised no doubts: 1) the measured distance between kurgan 4 (GRK) and the place where the road turns towards Pavlovka village precisely corresponded with the distance shown on Ossowski's map, 2) the same applied to the distance between GRK and kurgan 12, 3) kurgan 4 was the largest in the group, which agreed with the accounts provided by Ossowski and Samokvasov on the GRK, 4) a depression could be seen in the western part of the mound of kurgan 4, which fully agreed with the information about the excavations carried out in this part of the GRK's mound.

Regular excavations of the GRK began in 1995 and continued, as mentioned in the Introduction, for 4 field seasons (1995-1998). They can be divided into 4 basic stages:

First stage – from 1 July to 10 August 1995. During this stage the following tasks were fulfilled: the western half of the kurgan's mound, considerably disturbed and therefore of limited value for understanding the kurgan's structure, was machine removed, a full cross-section of the kurgan was recorded, the side tomb (ST) was uncovered and investigated anew, the outline of the central tomb was identified, and the kurgan was secured until the next field season.

The analysis of the central cross-section through the kurgan produced detailed information concerning the construction of the mound, and allowed for the identification of Talko-Hryniewicz's trenches from 1884 (actually, it turned out that they had not been fully filled in) and of a *vykid* (a cone-shaped mound of bedrock clay extracted while digging the central burial chamber). The exploration of ST revealed that it actually differed in certain details from what was shown on Ossowski's drawings. In general, however, the dimensions and overall arrangement of the chamber agreed with the plan created by the Polish researcher. Furthermore, the remains of a side burial of a girl were discovered in the entrance shaft (dromos), and a number of tiny gold ornaments were found. Of particular importance among the latter was a gold finger-ring with a Panticapaion stater coin used as a bezel, the third one from the kurgan. The cleaning of the surface under the mound revealed traces of test pits dug by Samokvasov in 1890. Their location indicated that he had not managed to find the Side Tomb.

Second stage – 26 June – 13 August 1996. The main goal during this stage was the exploration of the Central Tomb of GRK, and this goal was achieved with complete success. The burial of an elite Scythian turned out to be unlooted. Moreover, the investigation of the eastern part of the mound was begun. Taking into account the fact that this part had survived

intact, a decision was made to remove it with six transversal sections which were each 5 m wide and perpendicular to the kurgan's central cross-section. No balks were left during the removal, and the vertical profile of each section was carefully cleaned. In this particular case, such an approach allowed for the following: a) the mound's construction could be more comprehensively investigated than if explored with traditional, parallel trenches separated with balks, b) the soil excavated from the eastern part of the mound could be moved to the already explored western part, which was rational given the plans to reconstruct the kurgan after its full investigation. In 1996, two first sections were removed, the northern and southern one. During the same campaign, the exploration of the ditch surrounding the kurgan was started (its north-eastern part).

Third stage – 27 July – 30 August 1997. Three tasks were fulfilled during this stage. The crucial one was the full removal of the eastern half of the GRK's mound in sections oriented along W-E axis. After this was done, the remains of the clay vykid originating from the Central Tomb were manually cleaned. Its northern part proved to have been considerably damaged by both one of Talko-Hryncewicz's trenches (1884) and a large test pit dug by Samokvasov (1890). During the cleaning of the vykid, sparse animal bones were recorded on its surface and at its base, possibly the remains of a funeral feast. After the vykid was thoroughly documented, it was fully removed using spades, and the surface beneath it was examined. The exploration of the ditch surrounding the kurgan continued (in the south-western part).

Fourth stage – 26 June – 24 July 1998. The last field season envisaged the completion of the research on the kurgan, and its reconstruction in order to protect the cultural landscape of this part of the Right-Bank Forest-Steppe zone. The full investigation of the kurgan was made complete by the exploration of the remaining part of the ditch (in the western part). To facilitate the recording of the positions of finds and a better understanding of its stratigraphy, the ditch was divided into 44 sections (usually 3 m long), with vertical cross-sections of nearly all sectors cleaned and documented.

GRK's mound was recreated exactly in its former place, up to a height of 8 m and with a diameter of 45 m (fig. 94-95), that is to the dimensions recorded in 1880s during the first field research on this monument.

2. The Great Ryzhanovka Kurgan in scientific literature prior to the Ukrainian-Polish excavations

a) General assessment of scientific publications concerning GRK

The discovery of an unlooted side tomb in the Great Ryzhanovka Kurgan, housing the remains of a high-status Scythian woman, and first of all a very effective, high quality publication of these materials by G. Ossowski in Polish and French immediately attracted the considerable interest of archaeologists. However, it was the re-publication of the Ryzhanovka materials in the works of A. Bobrinskoi (1894) and D. Samokvasov (1908) that popularised this discovery in broad archaeological circles, including Russian archaeologists studying Scythian antiquities. Generally speaking, these two publications remained the main source of information on ST GRK for East European scythologists for many years.

All the later works concerning GRK can be divided into two groups of very unequal sizes: *proper archaeological works* and *historiographical or memoirs-type works*.

The latter group consists of works entirely by Polish researchers. The earliest are the memoirs of J. Talko-Hryncewicz (1913; 1923; 1930). In a vivid and easy form, he presents the history of his works on GRK in 1884 and provides information about the excavations conducted by G. Ossowski (1887) and D. Samokvasov (1890). The historiographical works of J. Kostrzewski (dedicated generally to the history of Polish archaeology) and A. Abramowicz (19th century Polish archaeology) briefly mention G. Ossowski's discovery in GRK. In the pa-

per and monograph by M. Blombergowa (1989; 1993), where the activity of Polish archaeologists in Ukraine in the late 19th -early 20th century is discussed, particular attention is given to the history of J. Talko-Hryniewicz's and G. Ossowski's works on the monument in question. The primary source for the author were the memoirs of J. Talko-Hryniewicz.

The works belonging to the category of *proper archaeological literature* can be further divided into subgroups according to the quantity of information about GRK.

1. *Short reports* about the sepulchral monument itself (intrinsically about ST GRK) and the objects found with the remains of the high-status woman: I. Tolstoi and N. Kondakov (1889), E. Minns (1913), A. Spitsin (1918), M. Rostowzew (1918; 1925; 1931), P. Liberov (1954), I. Kubczak (Kubczak 1971), V. Ilinskaia and A. Terenozhkin (1971; 1983; 1986), and R. Rolle (1979). Perhaps the most recent work in this category is the lecture presented by S. Skoryi and J. Chochorowski during the international conference «Ukraine – Greece: history and today» (Київ, 1995) published in the conference proceedings (1995).

2. The second subgroup is very small and, in contrast to the first, contains works that give *practically all existing information* about the burial rite observed in ST GRK, including information on the unearthed objects, accompanied by relevant illustrations. Categorized here are the monographs on Scythian type antiquities in the Ukrainian Forest-Steppe zone – by V. Petrenko (1967) and G. Kovpanenko, S. Bessonova and S. Skoryi (1989) as well as the article by J. Chochorowski and S. Skoryi published in 1995 in Poland. In the latter, the authors present exhaustive information about ST GRK, including illustrations of the layout of the kurgan and side tomb, together with drawings of the artefacts (according to G. Ossowski). Two elements of this paper are of particular importance, namely the identification of one of kurgans near Ryzhanovka as GRK (in May 1995), and the emphasis placed on the need for its full exploration (1995).

3. The third subgroup (undoubtedly the most numerous) comprises works concerning particular *elements of grave inventory* discovered in ST GRK. Some of these works only briefly mention certain objects from the female burial, sometimes as analogies for objects of eastern provenance discovered in other sites. Here one may include publications by such authors as I. Zeest (1960), V. Ilinskaia (1968), O. Ganina (1970), A. Meliukova (1979), B. Mozolevskij (1979), T. Miroshina (1980), L. Klochko (1982), B. Riabova (1986; 1991), E. Fialko (1996), V. Gulyaev and E. Savchenko (1998).

Other works provide information, accompanied by illustrations, about either a specific group of objects from the burial (*Петренко 1961*), e.g. ornaments (*Петренко 1978*), or about practically all the ST GRK assemblage (*Онайко 1970*). They usually offer typological characteristics of the objects and propose their chronology. As a model example, one should mention V. Petrenko's work here on Scythian ornaments, where the relevant finds from Ryzhanovka are mentioned.

Finally, the third group of works offers thorough studies of particular objects from ST GRK where issues such as the origins, semantics and chronology of the artefacts are discussed. Such studies often include remarks or conclusions from the field of history. Within this category are principally works dedicated to the investigation and reconstruction of the ceremonial headdress of a female buried in ST GRK (*Ростовцев, Степанов 1917; Боровка 1921; Клочко 1982a; 1992; 1998*). Also of interest are the observations and conclusions resulting from studies on rings with gold Pantikapaion staters used as bezels (*Шелов 1956; Mielczarek 1986*), and on the most remarkable ornament of ceremonial headdress, a gold plate with a scene of dancing maenads (*Рябова 1979; Бессонова 1983; 1993*).

b) *Main directions of research on ST GRK*

They were outlined already by G. Ossowski (1988), and included the following: 1) the absolute chronology of ST GRK, 2) ethnic attribution of the young female buried there, 3) and her social status.

The Polish researcher believed that the catacomb (and the entire kurgan as well) dated between 650 and 480 BC. He based his assessment on the gold staters found, which he believed to have originated precisely from that period. In his opinion, the woman buried in the catacomb was «undoubtedly» a Scythian, and enjoyed *a very high social position* in her lifetime. The arguments he gave in support of his views were as follows: the type of burial (catacomb) known from the Scythian monuments of the steppe zone, the type of dress appliques, the huge workload needed to erect the tomb, the rich and diversified grave inventory, including numerous artefacts made of precious metals.

The young woman perhaps belonged to a «royal family». However, in Ossowski's view the only way to determine whether she was a daughter of a Scythian chieftain or merely one of his concubines (πάλλακις) was by performing further research in GRK.

Of the three research questions mentioned above, the one that attracted the greatest interest was that about the chronology of GRK, which is fully understandable given the state of preservation of such a spectacular monument.

Chronology of GRK

The determination of the date of ST GRK (projected on the kurgan as a whole) typically relied on antique objects from the burial inventory (amphora, kantharos, bronze situla, gold appliques of female headdress), in particular the gold Panticapaion staters used as finger-ring bezels.

As early as one year after the publication of the Ryzhanovka materials by G. Ossowski, I. Tolstoi and N. Kondakov authoritatively demonstrated that staters similar to those discovered in ST GRK should be ascribed to the 4th-3rd century BC. However, they emphasized the fact that the coins, considering their use in adornments, «played the role of *works of art rather than circulating currency* and hence the artefacts (i.e. the remaining inventory – S. S., J. Ch) should be regarded as *being of later provenance*». In other words, the authors did not exclude the possibility that the chamber itself might be younger than the 4th-3rd century BC.

E. Minns (1913) referred the burial to the 3rd century BC, while A. Spitsyn (1918) included it into the group of «late Scythian period» burials (according to his periodization), i.e. to the 3rd-2nd century BC. Perhaps the first scholar to declare the 4th century BC as the only possible date for ST GRK and for the entire kurgan was M. Rostowzew (1925; 1931): «Dating of the Ryzhanovka kurgan ... *raises no doubts* - it is determined by gold Pantikapaion staters from the 4th century BC set in rings» (emphasis in italics by S. S., J. Ch.). The majority of researchers regarded the staters as decisive chronological indicators allowing the chronology of ST GRK to be limited to the 4th century BC: P. Liberov (1954), D. Shelov (1956), N. Onaiko (1962; 1970), V. Ilinskaia and A. Terenozhkin (1971; 1983), M. Mielczarek (1986). V. Petrenko (1961; 1967), taking into account the chronology proposed by M. Rostowzew, A. Spitsyn, and N. Onaiko, referred the Ryzhanovka burial to the 4th century BC or to the turn of the 3rd century BC.

Among contemporary researchers, the absolute dating of a female burial from GRK was perhaps most thoroughly discussed by A. Alekseev. In his works, ST GRK (and the kurgan) were referred to the years 330-300 BC. Such dating was based on the following artefacts: finger-rings with bezels – Pantikapaion staters which D. Shelov referred to the years 330-300 BC; one of the gold finger-rings with a bezel featuring a bow, mace, and sword crossed with what could be a thunderbolt, which refers to the symbolism known from the reverses of the coins of Philip II or, more likely, of Alexander III (336-323 BC); gold openwork cross-like appliques known exclusively from the sites dated to the last decades of the 4th century BC; bronze situla, which can be dated according to the second half of the 4th century BC; silver cup and kylix, from the second half of the 4th century BC; tableware (a kantharos, goblet, bottle-lacrimarium) dated to the second half of the 4th century BC; and finally a Solokha-I type

amphora which, from the point of view of its «proportions» can also be referred to the second half of the 4th century BC (*Алексеев 1984; 1987; 1987a; 1992; 1996*).

Ethnic attribution of the woman buried in ST GRK

Regardless of the fact that the young woman buried in ST GRK was quite definitely claimed by Ossowski to have been a Scythian, the issue has not been treated as being so unambiguous in later literature.

The majority of scholars support the view about the nomadic character of the burial in question, but remain cautious in its ethnic assessment, for example V. Ilinskaia and A. Terenozhkin (1971; 1983), or more recently G. Kovpanenko, S. Bessonova, and S. Skoryj (1989).

Other authors, proceeding primarily from the traits of the burial rite, follow the view of G. Ossowski and regard the young woman who was buried in ST GRK as Scythian, for example P. Liberov (1954), R. Rolle (1975), J. Kubczak (1978), S. Skoryj and J. Chochorowski (1995; 1995a).

Alternative opinions were proposed by V. Petrenko and L. Klochko, who believed that the deceased was a member of the indigenous forest-steppe community (1961; 1967; 1989). L. Klochko (1992; 1998) based his opinion on the presence in the female costume of a belt decorated with gold appliques. Ethnographic data suggest that such belts do not belong to female costume among the nomads, but are known among settled communities. In addition, the ornaments included a bronze pin, an element particularly typical of the attire of forest-steppe tribes.

Social status

Unlike G. Ossowski, who claimed (albeit cautiously) that the young person buried in ST GRK may have been a daughter of a Scythian chieftain or his concubine, later researchers expressed very ambiguous opinions on the issue. For example, V. Petrenko regarded ST GRK as «one of the richest aristocratic burials» (1961; 1967), a tomb of a «representative of a higher social class» (1989), V. Ilinskaia and A. Terenozhkin as «aristocratic burial» (1971) or a «rich burial» (1983), and S. Skoryj alone (1993-1994; 1996) or with co-authors (Murzin, Skoryj 1994; Skoryj, Chochorowski 1995) as a burial of «higher Scythian elite» or of a representative of «Scythian steppe elite».

Only a few scholars offered fully definite opinions on the issue, emphasising that a number of features in the burial rite and inventory, primarily the presence of appliques in the form of dancing maenads adorning the ceremonial headdress, argue for the woman buried in ST GRK to be regarded as a *priestess of an ecstatic agricultural cult*. Such views can be found in works published by V. Riabova (1979), L. Klochko (1982; 1992), and in particular S. Bessonova (1983; 1993), the author of the most comprehensive publication on the issue (Bessonova 1993).

Chapter III.

Characteristics of the sepulchral features and architecture of the kurgan

The features within GRK will be characterised in the following order: we begin with the characteristics of the chamber, follow with the description of the mound, and finally the ritual ditch surrounding the kurgan. The entire sepulchral complex was, in our opinion, created in the following manner: first, a ditch was dug in order to mark out the area for the mound, and to sacralise it. After the sepulchral area had been cleaned, a tomb for a high-ranking warrior was built, and subsequently a mound was raised above it. When, after some time, a high-ranking woman was buried in a side tomb, the original mound was extended to cover both burials.

1. Central tomb

The central tomb was situated in the western half of the sepulchral area, very close to its centre. However, when we take into account that the chamber is adjoined from the E by the

vykid, generally built from pure yellow bedrock clay, it becomes clear that the burial actually occupied the centre of the area later covered with the mound (fig.2; 7). The vykid had the form of a wide arch stretching from N to S, having a maximum length of 11 m, width of 5.5 m, the height above the original ground surface (further in the text as OGS) being 0.95 m. The reconstructed original length of the vykid was 15.5 m, and it resembled a regular cone in cross-section.

The tomb is oriented along the NE-SW axis, and can be described as a *catacomb without a dromos*, which was carved out in compact bedrock loess. It consists of a large, vertical entrance shaft, adjoined from the southwest by an underground burial chamber. By the time of the excavations the chamber's ceiling had already collapsed. The total length of the tomb is 6.74 m (fig.11-12).

The entrance pit had the shape of an almost exactly regular rectangle in plan, 4.54x2.74 m at the top and 4.4 x 2.68 m at the bottom. Its longer axis was oriented from NE to SW, and the depth from OGS to the bottom was 2.60 m. In the northern and southern corners of the pit were small steps, carved without much care. An arched entrance cut in the south-western, long wall of the pit led to the underground burial chamber. The entrance pit was filled with relatively homogenous chernozem soil, with no detectable disturbances. At the bottom, two accompanying burials were found – of a warrior-guard, and of a horse.

The burial of the warrior-guard. The burial partially covered the entrance to the underground chamber. The grave cut, by the south-western wall of the entrance pit, had a sub-rectangular shape (dimensions at the bottom: 1.70 m long, 0.35-0.52 m wide, and with the depth from the bottom of the entrance pit of 0.52-0.54 m), was parallel to the entrance to the underground, and oriented along the NNE-SSW axis. The burial was originally covered with oak planks and laths placed across the grave cut (fig.19).

At the bottom, a skeleton was found lying on a reed mat, which belonged to a man 35-40 years old, buried in a supine position with the head to the NNE. The guard was most likely killed violently before placing him in the grave.

A quiver lying by his hip contained a cluster of bronze arrowheads (65 pcs), most of them with the remains of shafts, and an iron knife. Above it, at the height of the elbow and near the chest, was an iron awl. On his wrist, the warrior was wearing a bracelet of beads.

By his legs, or more precisely beneath his legs, the remains of food offerings survived, originally placed on a wooden support or vessel recorded only in the form of a decayed outline.

The horse burial (oriented along the E-W axis) was discovered close to that of the warrior, nearly perpendicularly to it. The grave cut was rectangular, with the following dimensions at the bottom: length - 2.22 m, width - 0.62-0.82 m, and depth from the bottom of the entrance shaft – 0.54-0.60 m (fig.20).

Stratigraphic observations allowed for a conclusion that the guard was buried first, and later the horse. The horse burial had no covering as such.

The grave was filled with dark chernozem soil containing small pieces of decayed wood.

A skeleton discovered at the bottom belonged to an adult stallion, lying with legs bent in prone position, with the head to the west. The skull, with an iron bit in the 'working' position (e.g. in the horse's muzzle), was found separated from the skeleton, lying parallel to cervical vertebrae with the muzzle forward. The overall picture strongly suggests that before burial the horse had its head cut off and this was subsequently placed by the carcass (fig.21).

To the right of the muzzle, an iron nose piece was found (not in its original position), and an iron girth buckle was discovered near the left scapula.

Burial chamber

The entrance to the chamber was blocked with a special barrier consisting of two layers of timbers (fig.17-18). The lower part of the barrier was originally set in a shallow ditch dug

along the entire width of the entrance, but was later pushed out by the pressure of soil. The entrance was quite broad (approximately 1.6 m) but low (up to 0.60 m in the centre), which made it resemble an arch-like horizontal slit. It was divided into two channels respectively 1.0 m and 0.60 m wide, which lowered down nearly vertically towards the bottom of the burial chamber. The channels were separated by a bedrock partition, which continued throughout the nearly full length of the burial chamber. An oak post (1.1 m high, with a diameter of 0.24 x 0.25 m in the upper part) was found before the partition, which originally supported the chamber's ceiling. The post was fixed in a pit 0.26 - 0.32 m deep which had a diameter of 0.36 m (fig.12; 23-24).

The burial chamber resembled a trapezium with slightly rounded corners in plan, and had the following dimensions: length – 3.7 m, width – 2.8-5.1 m, reconstructed width – 1.8-1.9 m (fig.11-12). The wall had been carefully (especially near the burial) carved in bedrock clay, and the chamber originally had a possibly arching ceiling. During the exploration, traces of two later looting trenches were recorded from different times which, however, did not reach the tomb's bottom.

Undoubtedly, the central burial chamber of GRK imitated a dwelling. Its ceiling and walls were originally draped with fabric which was fixed, at least to the walls, by means of special wooden pegs; the roughly square holes left by these pegs were recorded at various levels. The fabric was a loosely woven cloth made from plant fibres, of a white-grey colour.

The entire floor was lined with reed mats, whose remains survived in the form of white decayed stains. Apart from that, traces of mats or supports made of bast or bark were recorded under some of the artefacts.

Beginning from the entrance, the burial chamber was divided for most of its length by a partition carved out in bedrock clay. In our opinion, the partition imitates a stove of a kind, comprising of a sub-rectangular «hearth» part with a flat top and a niche in a longer side, and a relatively wide «chimney» resembling a truncated cone. The «stove»-partition divided the chamber into two parts: a «household» part, where the majority of various objects were found, and a «living» part, where the proper burial of a high-ranking individual was situated (fig.11;28; 35-37).

The deceased (male, 45-50 years old) was buried by the north-western, longer wall of the chamber, on a large wooden platform (3.5 m long and maximum 2.0 m wide), on a relatively thick bed of grass and with the head on a cushion. The body was lying in a supine position with the head to the northwest (fig.11; 37-38).

The part of the platform where the body lay was separated by a kind of a curtain of a pink-violet colour (judging from impressions surviving on clay lumps), attached to the ceiling by two iron hooks.

The deceased was wearing a solid gold torque on his neck, a symbol of power and indicator of high social status (fig.40). With his left hand, he held the lower part of a scabbard of a short sword with a gold-covered hilt (fig.43; 45). A large leather gorytos (a bow-and-quiver case) lay immediately next to the sword, detectable as a dark, decayed outline with fragments of wood and leather, within which were arrows (94 pcs), and an iron knife and awl. Next to the gorytos, parallel to it and partly covering its lower part, were the remains of a wooden bow (fig.42-43).

To the right of the deceased, at the height of the elbow joint, a bronze object in the shape of a fork was found. Four bear claws were found on the grass bed near the body: at the legs, and to the right of the head.

The remaining weapons were deposited along with the deceased on the platform. These included the remain of a second leather quiver, to the left of the head, with a set of arrows (84 pcs) and an iron knife. An iron hook was found nearby, on which the quiver was originally suspended (fig.47:1).

In the lower part of the platform a bundle comprising a spear and 5 javelins was uncovered, which originally must have lain horizontally on two large iron hooks fixed into the wall (fig.48). Near the legs, between the wall and the spear and javelins, a third leather quiver with arrows (86 pcs) and an iron knife was recorded (fig.47:2). The quiver also was originally suspended on the wall, on an iron hook.

A kind of a hiding place was uncovered at the edge of the platform, having the form of a clay mound covered with grass from above. Under a layer of clay, a bronze situla was lying on a mat, with the spout pointing downwards (fig.49-50). A white stain was recorded on the clay floor under the mat, possibly from a liquid spilled from the situla. The situla contained 2 silver vessels inside – a cup and a kylix (fig.51).

Remains of food offerings and an iron knife were found nearby, lying within a decayed stain, being a trace of a wooden vessel or support. In the same place a metal censer was found, which clearly originally stood in a vertical position near the hiding place. A cluster of sheep astragals lay between the hiding place and the censer, forming two parallel arrangements (10 and 20 bones, respectively) (fig.55). It cannot be ruled out that these were some magical lines separating the place of burial from the world of the living, and possibly protecting it from evil spirits. The spot where the censer was situated seems to have not been accidental, as the upper part of a bone spindle was discovered exactly in that place during the cleaning of the chamber's bottom.

A group of vessels were placed immediately by the entrance, comprising two wine amphorae (crushed) (fig.56), a bronze kylix (lying on its side), and a bronze bowl containing the remains of vegetables – broad beans and wild garlic (fig.57).

There were 5 stumps in the south-western corner of the chamber, two of them cut in half. A black-glazed kantharos was lying on its side on the second stump, and another black-glazed vessel, broken into 4 parts, on the fifth one (fig.58-59). The stumps apparently played the role of stools.

Vis-à-vis the stools, at the lower edge of the burial platform, were found the remains of a female headdress – kalathos and a shroud spread on the floor, adorned with gold appliques (fig.60-61).

Further towards the entrance, nearly entire «household» part of the chamber was crammed with artefacts, primarily vessels of various types. Near the south-eastern wall, two large, fragmented pithoid amphorae were lying next to each other (fig.65). The rim part of one of the amphorae (the one closer to the entrance) was discovered lying partly on a bronze vessel of the krater type (fig.63). Found inside the krater were gold and silver fittings from a rhyton (drinking horn), as well as the remains of its horn body and its gold termination having the form of a lion's head (fig.64).

Immediately at the entrance, just behind the amphorae, numerous bones were found, being remains of food offerings (horse meat). They were lying on a wooden support or vessel fixed with an iron clamp, or directly on the floor (fig.65-66). Nearby, a round wooden vessel was discovered, with charcoal in its bottom. The charcoal was apparently to serve to light fires in the underworld.

Immediately by the bedrock structure, which we conventionally labelled as «stove model», and more precisely in a niche carved in its side, stood 2 bronze cauldrons of different sizes. Their feet were set into special pits dug into the floor. In other words, what we have here is a synthesis of typical house stove and conventional nomadic bonfire. Both cauldrons contained the remains of meat offerings, placed in the grave already cooked. Judging from the bones, the smaller cauldron must have contained large chunks of horse meat, put in such large amounts that it protruded above the cauldron's rim (fig.67). The larger cauldron contained a young, whole sheep. The food was covered with fabric, a kind of embroidered tablecloth, pieces of which survived (fig.68).

2. Side Tomb

The side, secondary tomb was situated in the north-western sector of the area covered by the kurgan (fig.2). It was a catacomb grave comprising an entrance shaft, a short dromos, and a burial chamber proper. The tomb was dug out of the yellow bedrock loess and oriented along the N-S axis with a slight deflection to the west and east. The total length of the tomb was 9.5 m. Both the entrance pit and dromos lay outside the outline of the original mound, and only the burial chamber was within its reach (fig.73-77).

Entrance pit

It starts from a small platform (approximately 3.0 x 1.8 m) carved into the bedrock to a depth of about 0.20 m. The shaft is sub-rectangular in outline, 2.90 x 2.14 m at the surface, and has a depth of 2.72 m from the starting platform, and 3.0 m from OGS. The shaft narrows on each side, reaching a size of 1.40 x 0.60 m at its bottom. In the northern part of the pit, 3 steps cut in bedrock were recorded, inclined toward the bottom.

Dromos

In plan, the dromos resembled a slightly bent rectangle, and had dimensions of 1.30-2.50 x 1.60-2.10 at the bottom. The bottom sloped gently towards the burial chamber. The arched ceiling of the dromos survived nearly in full, and was only slightly collapsed. The dromos was 0.52 m high at the entrance and 1.58 m where it opened onto the burial chamber.

The exploration of the entrance pit produced 3 gold plaques, stamped, which most likely belonged to the costume of the deceased female and were lost when the body was transported into the underground tomb.

By the eastern wall, under a layer of clay that had fallen off the walls, poorly preserved human bones and a few teeth were found, belonging to an individual 12-14 years old. The bones probably belonged to a servant girl, killed during the burial of her high-ranking lady. It is probable that one can associate a number of ordinary artefacts retrieved from the catacomb in 1887 with this girl, which made a striking contrast to the rich furnishings of the elite woman. These were simple bronze ornaments: a bracelet, a pin, and modest earrings, one of them with a glass bead.

Burial chamber

It was separated from the dromos by a wooden curtain (of which the decayed outline survived) set in a special channel. The chamber was trapezium shaped in plan, 3.0 m long and from 2.30 to 3.20 m wide, and the reconstructed height of its arched ceiling was approximately 1.7 m.

According to Ossowski's drawing and descriptions, when he explored the chamber he found a plank 2.0 m long and 0.40 m wide near the entrance, on which were lying an amphora, a bronze bowl, a mirror, and other objects (fig.78). In the southern, slightly sunken part of the chamber a skeleton was found in a supine position with the head to the west, resting on a bed of «forest moss» covered with cloth. The legs were tied at the ankles. Except for the skull, recovered earlier by A. Masljuk, all the other bones lay in their original positions. The skeleton belonged to a young woman, short and of «poor body constitution». The ornaments, made primarily of gold, were generally found *in situ* and covered the skeleton over its whole length. They included ear-rings, links from a gold necklace, and more than 400 gold appliques being dress adornments. The deceased was wearing 8 finger-rings (6 on the fingers of the right hand and 2 on the left), as well as 2 bracelets: gold and silver.

Near the head, slightly to the left, the following objects were found: a bronze situla lying on its side with a silver cup inside, a silver kylix, a black-glazed kantharos, a clay phial, a bronze bowl containing remains of some unidentified silver object, and a «small clay vessel» with a ceramic spindle-whorl inside. Fragments of a bone spindle were discovered «by

the chamber's wall» (probably behind the head). All the described artefacts were originally placed on fabric spread over the floor, from which only a «decayed powder of a light grey colour» survived.

During the cleaning of the burial chamber's bottom, several artefacts overlooked during the 1887 excavations were found: 3 gold appliques, a finger-ring with a gold Panticapaion stater as bezel (fig.80-81) and two fragments of bronze vessels.

Remains of a funeral feast, undoubtedly connected with this burial, were recorded to the north, west, and south west of the side tomb. They included animal bones and amphora sherds.

3. Mound and ditch

1. The state of the GRK mound prior to the start of the 1995 excavations

The kurgan mound has never been ploughed, and its surface was covered with grass. It was round in plan, with the measured dimensions of 41.5 m along N-S, and 37.7 m along W-E axis (fig.1). The maximum height above the present day ground surface was 4.75 m (and 4.30 m from OGS, as it turned out during the excavations) (fig.3-4).

Both the visual inspection and the measurements show that the southern and eastern parts survived in the best shape. Disturbances were recorded in the centre (on the top), in the north east, and particularly north west part. They included the remains of a triangulation mark once set on the kurgan's top, a military trench from WWII, and a poorly noticeable depression up to 2.0 m wide, apparently the remains of Talko-Hryniewicz's trench.

The damage was the greatest in the north western part of the mound. It was exactly there where, according to Ossowski's account, his trench was situated, in which he discovered the catacomb with the female burial. It was also there where D. Samokvasov opened his test trenches, and where local people were searching for treasures. The mound was full of holes of various sizes and shapes in this part.

Using the formula for a truncated cone $V = \pi/3 \times h (R^2 + r^2 + R + r)$, where h is the height, R – radius of the main diameter, and r – radius of the small diameter (platform on the mound's top), the volume of the surviving mound can be estimated at 2,300 cubic metres.

3.2. Construction of the mound

The mound of the Great Ryzhanovka Kurgan is comprised of two basic parts, corresponding to the two stages in which it was erected: the original, earlier mound (built over the tomb of the elite Scythian in the centre), and the additional, later mound, built after the female burial was dug under the original mound. The addition of the later mound increased the diameter and, perhaps, the height of the kurgan.

The original mound was nearly exactly round in plan, with a slight irregularity along the W-E axis. Its diameter was 27 m from north to south, and 30 m from west to east (fig.2), while the height is reconstructed at approximately 8 m (fig.83). The mound has a core, or basis, built from pieces of turf deliberately cut out to varying sizes and shapes, which is covered with a chernozem part. The central part of the core was retained by the bedrock vykid from the central tomb, which formed a semi-circle around it from the east. In other words, the vykid also played a structural role in the construction of the original mound's core.

The core was covered with a layer of black and brown chernozem from all sides and from the top, giving the original mound its diameter of 27-30 m. The width of the chernozem layer varied from 2.5 to 4.0 m along the edges, and in the centre it obviously must have originally been thicker.

The addition of the later mound increased the kurgan's diameter (at least along the N-S axis) to 35 m (fig. The kurgan was enlarged from the northwest, that is from the side where the side tomb was carved out beneath the original mound. The added mound was built from chernozem reinforced with turf blocks. A layer of bedrock clay recorded on the slopes of the

added mound, in its lower part (which must have been dug out while cleaning the ditch – see below) can be seen as a kind of crepidome (fig.2-3; 84).

How high the kurgan was after the later mound was added remains unclear. Taking into account that in the late 19th century GRK was approximately 8.0 m high (see p.?), it seems justified to suppose that the addition of the second mound slightly increased the kurgan's height. However, the added mound may have equally well been actually lower than the original one. It is worth recalling the words of Ossowski, who wrote that in his time (i.e. in 1880s) a slight bump could be seen on the mound's slope in the area of the side tomb.

It is difficult to determine the time that passed between the construction of the original and additional mounds (and, by implication, between the burials in the central and side tombs). However, it could probably not have been longer than 3-4 years. Stratigraphic observations revealed no turf layer between the original surface and the added mound, and it would have probably developed had the time difference been more significant.

Ditch

The ditch was nearly precisely round in shape, with N-S diameters of 43.2 (inner) and 44.2 m (outer), and W-E diameters of 43.5 and 46.0 m, respectively. Two gaps, 4.7 and 4.8 m wide, formed entrances in the north-western and south-eastern parts of the ditch (fig.2; 85). It is worth noticing that the entrance pit to the central tomb was aligned exactly to this axis (NW-SE). In other words, the ditch was dug before the tomb, with the position and arrangement of the latter taken into account. The ditch had a relatively constant width along its entire perimeter, ranging from 1.6 to 2.3 m, only in a few places reaching 3.0 m, and was on average 1.0 m deep. Its cross-section was similar in all parts, and resembled an elongated cone (fig.86-88).

Rather than on the bottom, the remains of a funeral feast discovered in the ditch were found higher, on a layer of run-off soil which formed at the ditch's bottom due to rainfall (fig.89). This is one more indirect proof that the ditch was dug before the construction of the tomb, and no ritual activity was performed in the ditch prior to the burial. The remains of a funeral feast, in the form of animal bones and fragments of wheel-made and hand-made vessels, were quite unevenly distributed, with some concentrations on both ends of the two entrances (horse bones, sherds).

The highest concentrations were recorded approximately 20-21 m east of the north-western gap (with a fragmented skull of a child, most likely connected with sacrificial offerings) and 33 m west of the same gap. In some places along the perimeter, faint traces of bonfires were identified, with animal bones nearby. The highest concentration of funeral feast remains was identified on both sides of the north-western entrance, and especially to the south west of it, where amphorae sherds (2 rims, 2 feet, a handle, and body sherds) were found along with 5 horse skulls and 2 mandibles (fig.90-92). In total, the ditch yielded bones belonging to 7 horses, 2 bulls, a sheep or goat, a hare, as well as what is possibly a deer antler. Some of the bones and their fragments could not be identified.

Chapter IV. Artefacts

IV.1. Finds from the Central Tomb

A) Burial of the guard

1. Remains of a leather quiver with a set of arrows

The quiver survived in the form of small fragments of dark leather (fig.96). The set comprised 65 bronze arrowheads (40 pyramidal, 25 trilobate). Such arrowheads were typical of the latest Scythian quiver sets, dated within the 4th-3rd centuries BC (fig.98; 99: 39, 40, 42, 55).

Interestingly, along with arrowheads typical of the mentioned period, the trilobate pieces included a distinct group of 12 objects (6 of them in particular) which had a clearly archaic look, referring to arrowheads known from the Scythian quiver sets of the 5th century BC, or even the turn of the 6th century BC (fig.98: 3, 10, 12, 18, 23-29; 99: 31-33, 35-38, 43, 59, 60-65).

2-3. Iron knife with a bone handle and an iron awl with a wooden handle

Such tools are commonplace in Scythian material culture. The knife refers to a group described by B. Grakov as «knives with straight blade and arching spine» (fig.100: 1), which became widespread in the Scytho-Sarmatian world as early as the 5th century BC. They are not precise chronological indicators. The awl (acc. to Grakov) belongs to a group of straight awls «with short base in the form of a truncated pyramid» (fig.100: 2). Both artefacts belonged to the quiver set and were used for removing broken shafts and sharpening new ones.

4. Bracelet in the form of a string of beads

It is composed of 27 beads: 25 ring-like beads made of glass, and 2 barrel-shaped beads, one made of glass and one of bone (fig.101).

Such beads, apparently of Greek manufacture, are known in large numbers from Scythian tombs, primarily female ones, dated to the 5th-3rd centuries BC. In male burials beads occur extremely rarely and in small numbers. The inclusion of the bone bead may suggest the bracelet was regarded as an amulet.

5. Remains of wooden support or vessel

They were recorded as a decayed rectangular stain of a brown colour. Wooden supports or vessels, used as plates for meat offerings, are common in Scythian burials starting from the 5th century BC. They most often survive only in very small fragments, and relatively complete exemplars are extremely rare finds.

B. Horse burial

All that survived from the horse tack were iron details, sometimes attached to a leather fabric: a bit together with simple cheekpieces terminating in loops, and a headpiece (fig.102:1-3; 103:1-3; 104:1-3). To the horse tack also belonged a rectangular girth buckle with a protruding prong bent at a right angle (fig.102:4; 103:4; 104:4). The horse bridle, containing exclusively iron details, is typical of latest Scythian burial monuments, linked with the 4th, and primarily the early 3rd century BC.

Burial chamber

Burial of an elite Scythian male

Weapons and related objects of warrior's equipment

1. *Iron sword*, single-edged, with the grip covered with thin gold foil. It was found in a wooden scabbard provided with a silver chape. The scabbard survived only as a decayed outline. The total length of the sword was 55.0 cm (fig.105).

The sword from the central tomb belongs to a group of single-edged swords with grips covered with gold foil bearing the representations of animals. Apart from the one from Ryzhanovka, there are 9 other swords of this type known in the North Pontic Steppes and in the Forest-Steppe Zone of Eastern Europe. They date to the 4th century BC, most often to the end of this century. The sword from GRK finds direct analogies, primarily in terms of the form of grip, in specimens from Chertomlyk, Soboleva Mogila, Kerch (?), and Lepetikha. Given the very close similarity of the details of animal representations, it can be assumed that the gold coverings from the mentioned swords were manufactured using one matrix.

2. *Spear with a leaf-shaped iron point and a wooden shaft (decayed) with an iron ferrule on its end.*

The point was 58.6 cm long and belong to a group of spearheads with long, narrow blades with no ribs (fig.106:1; 107:1; 108:1). This is a relatively late type, dated to within the

4th, or 4th-3rd centuries BC. Judging from the position of the point and the ferrule, which were found *in situ*, the total length of the spear reached 2.35 m.

3-7) *Five javelins with long, iron points, wooden shafts (decayed), and iron ferrules.*

The points are identical in terms of construction but differ in size. Two of them are 57 cm long, while the lengths of the remaining three vary from 34 to 34.5 cm. The ferrules also differ slightly in their appearance: some are cylindrical, other slightly taper towards the end, while yet another have conical shape (fig.106:2-6; 107:2-6; 108:2-6; 109-111).

Such javelins appeared in the 5th century BC but became particularly widespread beginning from the 4th century BC.

Regardless of the differing lengths of points and ferrules, all the javelins had the same length, coinciding with that of the spear, that is 2.35 m. Since the points of the spear and the javelins were found lying together in a bundle, beneath remains of leather and an iron aglet, there are reasons to assume that they were originally placed in a leather cover closed by a strap and aglet.

9-10) *Wrought iron hooks*, smoothly bent, on which the javelins and spear were originally placed. They differed in size and were wrapped around with leather straps (fig.112-114).

Analogical iron hooks are not uncommon finds in elite Scythian kurgans in the North Pontic zone and are known from the East European Forest-Steppe Zone as well. Undoubtedly, they were meant for suspending or placing on them various weapons and funeral equipment. The earliest hooks come from the second quarter of the 5th century BC, and they continue to occur until the end of the Scythian Period.

11) *Goryt (case for a bow, set of arrows, knife, and awl)*

Judging from its decayed outline (of a brown colour) and single pieces of leather and wood, the goryt was comprised of a lower, narrowing part, a curved, flaring middle part which apparently repeated the silhouette of sigma-shaped bow in 1/3 of its length, and an upper part of an oval shape (fig.43, 115). In the upper part, a poorly detectible, decayed bone ferrule was identified, in the form of an elongated stick, which closed the part of the goryt where a quiver set was placed. The goryt was 59 cm long, with a maximum width of 25 cm, and a minimum width in the curved part of 13 cm.

Made from wood and leather, the goryt from CT GRK belongs to the category of simple goryts in E. Chernenko's classification. Unlike ceremonial exemplars, they were not provided with details made of precious metals or full metal overlays. Such goryts were used by the bulk of Scythian warriors.

The *set of arrows* survived as a bloc of 94 bronze, pyramidal arrowheads (fig.116-118) with wooden shafts preserved to more or less the same length of approx. 10 cm. Probably, the shafts had been deliberately broken before placing them into the goryt, a funerary element possibly symbolising the death of their owner. The arrows were arranged in 6 rows: 2 rows of 15 and 4 rows of 16 arrows.

The arrowheads represent two types and differ slightly in terms of their details. Both belong to later variants, commonplace in quiver sets during the 4th-3rd centuries BC.

Most of the arrowheads reveal no traces of use, which possibly means they were manufactured for the needs of the burial.

The iron knife with a bone, trapezium-shaped handle-overlay, and the iron awls with an oval-sectioned handle were found in the 'storage' part of the goryt along with the arrows (fig.119). The function of these tools, commonly discovered in quiver sets, has already been discussed above.

12. *Wooden recurve bow*. It was found near the goryt, to the left of it. The bow was placed into the grave in the working position, meaning that it was strung. It survived very poorly, and its length can be estimated as 70 cm (fig.43, 115). The bow belongs to the category

known as the composite bows of Scytho-Sarmatian Period. Dendrological analysis of one of the fragments revealed that the bow was made from oak wood.

Bows are extremely rare finds in Scythian burials. Prior to the Ryzhanovka excavations, only 3 finds had been confidently confirmed from the whole of the Scythian territory: in kurgan 2 of the Tri Brata group near the village of Ogonki (4th century BC), burial 4 in the kurgan from Vladimirovka in Crimea (mid-4th – early 3rd century BC), and burial 4 in kurgan 8 near Vodoslavka, in Khersonез oblast’.

13. *Leather quiver with a set of arrows and an iron knife*, originally hanging on an *iron hook* by the head of the deceased elite Scythian.

The *quiver* survived in a poor condition. What survived was primarily its lower part, in the form of a brown stain of decay beneath the arrowheads, and a small piece of leather of a brown colour. The state of preservation makes the precise reconstruction of the quiver’s shape and dimensions impossible (fig.47:1).

The *arrows* with bronze heads (84 pcs.) (fig.) were very densely placed in the quiver, forming a cluster, and were arranged in 7 rows (fig.120). All the arrowheads were pyramidal and had inner sockets, and they represented two basic types (fig.121-124). 28 arrowheads bore signs made with a sharp and thin tool, most likely owners marks, in the form of two isosceles triangles touching each other at their apexes.

Similar arrowheads were widely used in the Scythian quiver sets of the 4th-3rd centuries BC.

The *iron knife with bone handle* attached with rivets (fig.125). This was used for sharpening arrow shafts.

The *iron hook* (for suspending the quiver). It appears to be similar to the iron hooks presented above. Remains of a leather strap survived on the hook’s surface (fig.126).

14) *Leather quiver with a set of arrows and an iron knife*, lying by the feet of the deceased elite Scythian.

The *quiver* survived in a poor state: all that was recorded was its lower part in the form of a decayed stain of a brown colour and separate fragments of brown leather. Judging from these remains, the lower part of the quiver was nearly exactly rectangular, with slightly rounded corners, and was quite wide, up to 10 cm. The surviving length of the quiver was 12-15.5 cm (fig.47:2; 127).

The *arrows* (86 pcs) were provided with bronze, pyramidal heads with inner sockets (fig.128). They are typical of the latest Scythian quiver sets.

Most of the arrows had shafts preserved only at the sockets, although in some cases shafts survived to a greater length, up to 7-8 cm. They may have been broken intentionally. The arrows were densely packed in the quiver, forming a packet 8-9 cm wide, arranged in 6 rows.

Thus, together the two quivers and the goryt accompanying the deceased contained 264 arrows, which means on average about 90 in each.

The *iron knife with bone handle* attached with rivets (fig.129) represents a group of knives with an arching spine. As in all cases mentioned previously, it was used for sharpening arrow shafts.

15) *Bronze, fork-shaped point with trumpet-like socket* for attachment on a shaft, cast (fig.130).

In steppe and forest-steppe areas of the North Pontic zone, more than 40 such objects are known from sepulchral contexts. They occurred over a wide timespan from the 5th/4th century BC to the 1st century AD, but their function has not been satisfactorily explained as yet.

Personal ornaments and objects made of precious metals

16) *Gold torque* of 1.5 turns, made from a round-sectioned bar (4 mm in diameter), terminating in figurines of lionesses. The object was cast, with some of the details later refined.

The torque is slightly bent, and resembles an oval in plan, with external diameters of 14 x 16.2 cm, internal diameters of 15.6 x 13.3 cm, and a weight of 158.34 g (fig.131).

Rather than just ornaments, such gold torques were symbols of power, markers of high social status and an almost indispensable attribute of Scythian elites. 10 torques of this type are known, and they all come as a rule from Scythian burials of a 4th century BC date. The torque from Ryzhanovka find nearly exact analogies in artefacts from Krasnoj Perekop and Kapitanovka.

17) *Rhyton* – a drinking horn, fragmented. It survived as fragments of the horn body, with the upper and lower parts made from gold and silver, and a gold terminal in the form of a lion head. The rhyton has been reconstructed (fig.132-134).

Similar rhytons can be found in burials from the 5th and 4th centuries and are not precise chronological indicators. They belonged to Scythian ritual vessels.

18) *Silver cup* with a spherical body (fig.135).

The cup's bottom was adorned with a centrally placed 9-petal rosette, and another multi-petal rosette adorned the lower part of the body. It was framed from above by a circumferential plaited pattern. The central part of the body featured a frieze depicting ungulate animals (bull and deer) being mauled by gryphons. The scenes are rendered in high relief, and the animal figures are grouped in threes.

Similarly to the rhyton, the cup belongs to a group of ritual or cult vessels, relatively common in Scythian elite burials of the 4th century BC. Today, approximately 40 such spherical cups are known, although none of them can be seen as direct analogy for the Ryzhanovka vessel.

19) *Silver kylix* with a hemispherical body, figural handles, and a low, hollow foot. The vessel was forged (fig.136-137).

Similar kylixes were used as wine-drinking vessels and were manufactured in large numbers in Greek centres in the Mediterranean. They were a virtually indispensable part of elite Scythian burial inventories in the second half – close of the 4th century BC. Scythian burials in the North Pontic zone have yielded several dozen such vessels.

20) *Remains of headgear – kalathos (I) and shroud (II) – in the form of gold appliques.*

I. The kalathos originally comprised a hard backing covered, judging from impressions on the inner sides of the appliques, with a cloth of a violet colour. The kalathos was adorned with a gold forehead band (metopida) and a number of gold appliques (rosettes, palmettes with vegetal decoration, rectangular plaques with realistic representations of hares, triangular plates, and narrow bands with acorn-shaped pendants) (fig.138-142; 145).

Ceremonial headgear of this type are known from female burials of a 4th century BC date: kurgan 21 (burial 2) at Kamenka, Nikolaievskaja Oblast', and kurgan 46 (Tatjanina Mogila) in Dnepropetrovskaja Oblast'.

II. The *shroud*, judging from imprints surviving on the opposite sides of gold appliques, was a piece of fabric of a red colour, and was decorated along one of the longer edges with gold appliques of two types: larger ones, with a Medusa head representation (34 pcs), and smaller, cockade-shaped plaques (54 pcs) (fig.143-145). The in-situ arrangement of the appliques on both sides of the kalathos remains suggests the shroud was more than 1.5 m long. Its width cannot be determined.

Remains of shrouds adorned with gold appliques are known from a number of Scythian aristocratic burials from the 4th century BC, for example chamber 4 in the Chertomlyk kurgan in the Lower Dnieper basin, and kurgan 1 at Dubovka in the middle Don basin.

Vessels for offerings of food and drink

Bronze vessels

21-22. *Cast cauldrons with egg-shaped bodies set on high, conical feet, with two vertical, loop-shaped handles.*

They only differed in size, and, in consequence, capacity (the larger cauldron had a capacity of 62 litres, and the lower of 12 litres) (fig.147-149).

They belong to a type known in Scythia during the 5th-4th centuries BC, which were most likely of local, Scythian manufacture.

Bronze cauldrons were used for boiling meat, which was done by fixing the foot into a pit dug in the ground and making a bonfire under the cauldron's body.

23. *Situla* with a rounded biconical body and a pouring spout (with a strainer) in the form of a lion head. It is provided with two solid, high handles bent at the ends (fig.150-151).

The situla's body was hammered from a thin bronze sheet of a golden colour, while the pouring spout and strainer, as well as the handles, were cast.

The situla refers to a group of vessels originating most likely from artistic centres operating in northern Italy or Etruria, where they were manufactured from the first quarter of the 5th century BC.

One can point to the following analogies for the vessel from CT GRK: 1) One of two situlae from a group of bronze vessels discovered in a peatbog on the Sula River near Peschanoe, Cherkassy Oblast', Ukraine, which dates to the 1st half of the 5th century BC; 2) Situla from a Thracian burial at Zlokuchene, Shumen District, Bulgaria, dated to the 2nd half of the 4th century BC; 3) Vessel from tomb «E» in the Nicesiani necropolis in Eastern Macedonia (Greece) – the tomb dates to the mid-4th century BC. This last vessel is akin to the Ryzhanovka situla in all details, which means it is its precise analogy.

24. *A krater-like vessel with hemispherical body*, originally provided with two solid, semi-circular handles crowned with discs. One handle had been lost in the past, the other was found lying next to the vessel. The vessel was originally set on a support, also lost in the past. The vessel's rim, especially from one side, was considerably dented in places due to use, and the damage had undoubtedly taken place before the vessel was placed in the tomb (fig.152-153).

The vessel's body was hammered from a thin bronze sheet of golden colour, while the handles and support were made separately and soldered to the body with tin.

The vessel most likely served for preparing wine, which is suggested both by its position within the burial chamber next to two large amphorae (which, judging from a residue on their bottoms, were originally filled with wine), and by the rhyton (wine-drinking vessel) found inside it.

We know of only a few similar vessels of a 5th-4th century BC date, which have been found in various regions.

25. *Glass-shaped kylix* with handles bent upwards, set on a high stem with wide support (fig.154-155). All the mentioned details (bowl, handles, foot) were cast separately from bronze of a golden colour and soldered together with tin.

Bronze kylixes are extremely rare finds in Scythian tombs in the North Pontic area. We know of only two cases where such vessels have been discovered in Scythian burials from the North Pontic steppes: in the Gajmanova Mogila kurgan (first half of the 4th century BC), where a kylix survived complete, and in Tatjanova Mogila (burial 2, mid-4th century BC) where only fragments survived. The kylix from Gajmanova Mogila differs from the Ryzhanovka vessel in many details, while the comparison with the one from Tatjanova Mogila is impossible due to its fragmentation.

Taking all of this into account, the kylix from Ryzhanovka should be seen as an object of 4th century manufacture, continuing earlier traditions of ceramic and metal vessels in Attica.

26. *Hemispherical bowl* on a low, ring support. Originally the bowl was provided with two figural handles, of which one had been broken off in the past. The body was hammered from a thin bronze sheet of a golden colour, while the support and handles were cast, and soldered to the body with tin (fig.156-157).

Similar vessels of Greek Mediterranean provenance are widely recorded in the 5th-4th century BC burials of the local population inhabiting the steppe and forest-steppe sections of the North Pontic zone.

In general, three of the four bronze vessels discovered in CT GRK can be convincingly seen as a small wine-drinking set, consisting of a situla for the pouring and straining of wine, a «krater» for its preparation (mixing with water), and a kylix for drinking. The fourth vessel, as mentioned, was used as a bowl.

Ceramic vessels

27. Black-glazed *kantharos* with a squat body set on a ring support, with massive handles. The vessel bears stamped decoration at the base. The glaze is of poor quality, in particular near one of the handles where it is of grey colour, with all likelihood due to poor firing. The handles and rim are strongly worn, indicating the prolonged use of the vessel (fig.158-159).

The *kantharos* refers to Attic manufacture. Materials from the agora in Athens allow the dating of such vessels to 350-325 BC.

28. *Black-glazed vessel on a high support, with a rounded body and straight rim*. It was found broken into several pieces. The glaze is of a good quality, and the vessel is decorated at the base with 3 concentric circles painted with bright-coloured lines (fig.160-161).

This vessel also refers to the Attic manufacture. Materials from the agora in Athens allow the dating of such vessels to 350-325 BC.

29 *Amphora* with egg-shaped set on a small conical foot, with low, cylindrical neck, short, round-sectioned handles, and collar-shaped rim (fig.162; 166:4).

The vessel's shoulder bears a graffito composed of three Greek letters ΘΕΙ, probably an abbreviation of the word meaning «splendid» or «beautiful».

The vessel belongs to the Corinthian amphorae of type A in Carolin Koehler's classification. Such amphorae were manufactured in Corinth over a relatively long time, at least from the 5th until the 3rd century BC.

Corinthian amphorae of this type have not been confidently confirmed in other Scythian barrows as yet.

30. Pithoid *amphora* with a rounded body tapering towards biconical foot, with a short cylindrical neck, thin, oval-sectioned handles, and so-called mushroom-shaped rim (fig.163; 166:3).

The vessel refers to amphorae identified by A. Mancevich as the Solokha-I type. At present, the majority of scholars agree that such vessels were produced in numerous centres of antique world, primarily in the 4th century BC.

In total, we know of more than 30 published complete vessels of «Solokha-I» type from the south of Eastern Europe (apart from the North Pontic zone, they are known from the Kuban, the North-Western Pontic zone, the Colchis, and other places).

31-31. *Amphorae* with wineglass-shaped feet, representing the same type but differing in certain details and size (fig.164-165; 166:1-2). One of the amphorae has a graffito in the middle of its neck, composed from a Greek word «ασίνης» and letter «κ». The word «ασίνης» can be translated as «harmless», «intact», or as «offering pleasure», i.e. as a confirmation of the wine's quality. The letter «κ» most likely indicates a numerical value (20), which may refer to the wine's volume or price.

The second amphora bears a dipinto, almost exactly in the middle of the neck, composed from two Greek letters («Π» with «Ο» inside it), painted with a red ochre. The monogram could be an abbreviated name or have a numerical meaning.

Both vessels refer to a group of amphorae with wineglass-shaped feet, first distinguished by I. Zeest as the «Melitopol» type.

The manufacture of such amphorae has been convincingly linked with the town of Mende (western coast of the Pallene peninsula in Chalkidiki). In S. Monachov's classifica-

tion, the Ryzhanovka vessels belong to variant II-C (Melitopol) of the second type of Mendean amphorae.

Amphorae with wineglass-shaped feet were produced throughout nearly the entire 4th century BC, and even the beginning of the 3rd century BC.

Wooden vessels

33. Round *vessel* with two arching indentations on the sides, which survived as a decayed outline. Such vessels were typically used for meat offerings. Similar vessels, including exemplars bound by iron clamps, were particularly widespread in Scythian monuments in the steppe zone during the 4th century BC (fig.66).

34. Round *vessel* possibly made from a single piece of wood, with charcoal at the bottom (fig.66). It survived very poorly as only a decayed outline of a brown colour. It was used for lighting fires.

35. *Remains of a support or vessel*, discovered near the 'hiding place'. Neither the shape nor dimensions can be determined – all that survived were tiny pieces of decayed wood. On them lay bones – remains of meat offerings – and an iron knife.

36. *Iron knife* with an arching spine and two bone handle covers. The covers are attached to each other by means of four iron rivets (fig.167).

Ritual objects

37. Metal «censer» comprised of two parts. The upper part, hammered, is a bronze shallow bowl (or, more precisely, lamp), and the lower one is a hammered iron shaft, sharpened at the lower end (fig.168). We were unable to find any close analogies for this artefact. To a certain degree, the Ryzhanovka censer resembles so-called candelabra, known from ancient sites from Greece and Cyprus, as well as Thracian sites in Bulgarian and Macedonia. They are similar in having long, hammered iron shafts with shallow bronze bowls set on the top. The difference is that the mentioned candelabra terminate in tripods with sharpened ends.

38. Unworked, elongated lump of *lead ore of a red colour* (fig.169), originating from the Urals.

We do not know of similar objects from Scythian burials in the North Pontic zone, or actually from Scythian burials in Eurasia in general.

The object, which leaves red marks when rubbed against hard surface, probably refers to such ritual objects as realgar, widely known from tombs of the Scytho-Sarmatian period in Eurasia (North Pontic area included), and which are traditionally associated with cult behaviours.

39. *Sheep astragals (ankle bones)* – 35 pieces, of which 28 survived in full and 7 in fragments. Four bones bear traces of processing, and one has a lead weight inside (fig.170).

Astragals are relatively common finds in Scythian burials from the North Pontic area, primarily in the 4th century BC but also earlier.

Their function is far from clear. The presence in some of the Ryzhanovka astragals of small pieces of lead (which made them heavier) suggests the bones may have been as dice, although this interpretation does not rule out their use in some ritual activities as well.

Remaining artefacts

40. *Lower detail of a composite spindle*, lathe-turned from bone into a shape resembling a chess pawn (fig.171).

The detail belongs to a spindle of Greek provenance. Such composite spindles, provided with similar lower terminations, are quite common in rich burials of Steppe Scythia.

41-42. Wrought *iron hooks* from a round-section bar and used for hanging a curtain, slightly differing in size. They are similar to the hooks presented above. Both hooks were originally wrapped in leather straps (fig.172).

43. Remains of fabric (possibly a tablecloth) found on the food offerings placed in the smaller bronze cauldron. The tablecloth survived in a few pieces of different sizes.

Of the largest two of the surviving fragments one was elongated and had one edge which was probably hemmed. The grey-brown fabric was adorned with what looks like red and claret motifs. The second fragment was round in shape and had an openwork decoration in the form of an 8-petal flower (possibly a stylized daisy) (fig.173). The petals were outlined with a thin, doubled thread of a white colour. Each petal had a red or claret dot sewn on in the centre (fig.174).

IV.2. Artefacts from the Side Tomb

A) Burial of the servant girl

1. Bronze *bracelet* in the form of an open circle, with slightly sharpened ends. The surface was adorned with shallow, engraved motifs of parallel lines (fig.175:2).

In V. Petrenko's classification it belongs to a group of wire bracelets which appeared as early as the 5th century BC, and became particularly widespread in the 4th century BC, first of all in the steppe areas of the North Pontic. A few such bracelets are also known from the right-bank forest-steppe zone.

2. Bronze *nail-shaped pin*, with a small aperture piercing the head through (fig.175:1). Such pins were characteristic of indigenous forest-steppe communities during the Scythian period. They appeared in the 6th century BC and remained popular until the end of the Scythian period.

3. Bronze *earrings*, ring-like, one with a blue glass bead strung on it (fig.175:3).

Such ornaments date to the 4th century BC, and often occur in common Scythian burials in the steppe part of the North Pontic. In a much smaller number they are also known from Scythian-period burials in the left-bank forest-stepper zone.

4. Glass bead, biconical, of a bright green (salad green) colour.

Biconical glass beads are rare in Scythian-period burials and do not give a narrow date.

B. Burial of an aristocratic Scythian woman

1. Adornments of ceremonial dress

a) Gold headdress appliques – *kalathos*

This group includes a forehead band decorated with stylized representations of four hippocamps, heads of birds of prey with strongly curved beaks, palmettes, and five-leaf rosettes (fig.176:7), details of the *stlengida* – a curved plate decorating the upper part of the *kalathos* (fig.176:1, 6), a broad plaque depicting five dancing maenads (fig.176:2; 177), a fragment of a rectangular plaque with an embossed representation of a griffin (fig.176:3), a narrow plaque-circlet with small hooks supporting hollow, acorn-shaped, decorated pendants (fig.176:4), and narrow bordering strips (the upper rim of the *kalathos*) with hollow, acorn-shaped pendants (fig.176:5). Some elements are missing from the *kalathos* and were most likely lost during the accidental discovery of the tomb. The above headgear details find analogies in many aristocratic Scythian burials of a 4th century date in North Pontic steppes, and primarily in the Deev kurgan.

b) Gold appliques of *dress*

They are represented by a variety of gold plaques, including the following: triangular plaques decorated with stamped motifs, round, large plaques decorated with vegetal ornamentation depicting a schematic cross, round hemi-semi-spherical plaques with a 5-leaf rosette in the centre, round, flat plaques depicting a ten-petal rosette, a round, flat plaque in the form of a seven-petal rosette, round, slightly convex plaques with a fifteen-petal rosette in the centre, round, hemispherical plaques with a schematic cross in the centre, round, flat plaques with a circle framed by a beaded border, and small, round, slightly convex plaques with a nine-petal rosette (fig. 178:1-8; 180-181).

The above types of plaques with vegetal motifs (various kinds of rosettes in particular) are known in Scythian materials throughout the 4th century BC (for example, kurgans such

as Kara-Tiube, Chertomlyk, Oguz, Zoltokamenka, and Kamenskaia Bliznitsa). However, an increased percentage of such finds (within one assemblage) is particularly characteristic of the latest Scythian elite sites.

16. *Silver ornaments* in the form of small flattened tubes. G. Ossowski thought these objects to be adornments of a costume.

II. Personal adornments

17. *Gold necklace*, consisting of two types of links: cockade-shaped links decorated with stamped ornamentation and links in the form of round, eight-petal rosettes. A clasp is preserved on the left side of the necklace, having the form of a triangular plaque covered with stamped vegetal ornamentation (fig.178:9; 180).

The Ryzhanovka necklace finds no direct parallels. Nevertheless, the construction of the necklace is similar to a whole series of analogical ornaments known from kurgans of the Scythian aristocracy or from elite graves of other barbarian tribes from the Pontic zone, dated to the mid- or second half of the 4th century BC.

18. *Gold earrings – pendants in the form of figurines of winged lionesses* reclining on elongated pedestals. Suspended from the lower part of the pedestal are chains with six small hollow spheres (fig.182).

Although the discussed earrings–pendants have no direct analogies, they obviously refer to the group of earrings–pendants in the form of sculptured figurines of mythical sphinxes on pedestals. The closest parallels to the Ryzhanovka adornments are the earrings – pendants from two Scythian burials: the side chamber of the Deev kurgan on the lower Dnieper and burial no 1 in kurgan no 18 in the «Kolbinskij» cemetery on the middle Don River (third quarter of the 4th century BC).

19. *Gold biconical beads, hollow, and a round serdolik bead* of a red colour. According to G. Ossowski, the beads were found next to the earrings and perhaps had been attached to them as pendants. The beads have not survived and are known only from the illustrations published by G. Ossowski (*Ossowski. 1888a*, tabl.III: 8 a-d).

Small biconical gold beads sometimes occur in aristocratic Scythian burials from the last quarter of the 4th century BC.

20. *Gold bracelet in the form of a three-and-a-half turn spiral* (fig.183:1).

In V. Petrenko's classification, the bracelet refers to type 7 of rod bracelets. Usually, such bracelets were made of silver, less often of bronze, and exceptionally of iron. They occur mainly in the assemblages from the 4th century BC.

21. *Silver bracelet in the form of a five turn spiral with broadened conical finials* (fig.183:2).

22-24. *Gold finger-rings, cut from thin (up to 1 mm) metal foil with plain, oval (2 specimens) or round (1 specimen) bezels and adjustable hoops of two overlapping bands* (fig.184:1-3).

These specimens belong to one of the most widespread types of rings in Scythia, recorded throughout the entire Scythian period. They have been discovered in the majority of Scythian elite tombs, especially in female burials.

25-26. *Cast gold finger-rings with engraved representations.*

25. *Finger-ring* with round, flat bezel and hoop of overlapping bands. On the bezel is engraved the representation of a griffin (fig.184:7).

The imagery places the ring in the group of so-called Pontic rings, which appeared relatively late among Scythian ornaments, that is in the last quarter of the 4th century BC.

26. *Finger-ring* with a flat, oval bezel and hoop of one massive semi-circular band. The bezel bears a distinct representation of a bow, Hercules' club, and what may be a short sword (fig.184:4).

As was noticed by A. Alekseev, such accessories fully correspond with the symbols known from the obverses of coins minted under Philip II and Alexander III, dating to 336-323 BC.

27-29. *Gold finger-rings with bezels made from gold Bosporian (Pantikapaion) staters* (3 specimens). Two of them were discovered in 1887 (fig.184:5-6), one in 1995 (fig.185-186).

The obverses depict a bearded head of a satyr (Pan) in left profile, with a wreath of ivy leaves. The reverses show a lion-headed (horned?) griffin with a spear in its mouth, walking left on a sheaf of wheat, and the letters PAN. The bezels of the first two rings are strongly worn, testifying to their prolonged use.

Various dates were proposed for the gold Pantikapaion staters used in the two rings discovered in 1887, most of which fell within the limits of the 4th century BC. The most widely accepted dating was that proposed by D. Shelov – 330-315 BC. V. Anokhin included similar coins to the latest group of Pantikapaion staters, emitted between 314 and 294 BC. S. Polin confines the dates of all three coins used as bezels to the third quarter of the 4th century BC (no later than 325 BC).

30. *Finger-ring – amulet (?)*, consisting of a hoop made from a narrow, twisted gold band of low standard, attached to a bezel made from ordinary limestone (*Ossowski, 1888a, tabl.III:30*).

Usually, stone scarabs were used as bezels in such rings. Among Scythian materials there are only a few examples where the role of a bezel is played by an ordinary stone, and these come from burials dated to the second half of the 4th century BC.

III. Toilet accessories

31. Cast *bronze mirror*, of Hellenic provenance. A handle (broken) attaches to the disc by means of a small figural extension decorated with an engraved palmette and volutes (fig.189:1-2).

Among the North Pontic materials, such mirrors appear as early as the end of the 6th century BC. They are recorded throughout the 5th century BC and become especially numerous in the 4th century BC.

32. *Ceramic balsamarium, apparently a container for incense*. It has a rounded body set on a distinctly separated ring base, and a short narrow neck with an out-turned rim (fig.189:3).

The vessel has not survived in the collection of the Archaeological Museum in Kraków. It is known from the description and illustrations published by G. Ossowski.

In N. Onaiko's opinion, the vessel represents «an early variant of a Hellenic bottle – lacrimarium». It refers to bottles of type II according to the classification of M. Parovich-Peschikan. Similar vessels appear in the last decades of the 4th century BC and become widespread in the early 3rd century BC.

IV.3. Working tools

33-34. *Fragments of a spindle and a spindle-whorl*.

33. Composite, profiled *bone spindle*. Its lower part has a rounded edge resembling a chess pawn. The central part is broadened, and the upper part narrows to form the shaft. The object is known only from the description and illustrations published by G. Ossowski (fig.190:1).

As mentioned earlier, similar bone spindles are considered to be of Hellenic provenance and became quite widespread in Scythia, particularly beginning from the second half of the 4th century BC.

34. *Biconical clay spindle-whorl*. Dark surface, of an almost black colour, well burnished (fig.190:2).

Spindle-whorls of this type are widely known from Scythian-era assemblages in the steppe and forest-steppe sections of the North Pontic zone.

35-36. *Fragments of two iron knives with arching spines*. One had a bone hilt and the other was made of wood, both attached to the shafts by means of rivets.

37. *Iron needles* discovered by G. Ossowski, but not included in the description of the assemblage published in his monograph. Kept in the Archaeological Museum in Kraków.

They are preserved in the form of a cluster of strongly corroded sticks, among which one can distinguish no fewer than six specimens.

Iron needles, usually in groups of several specimens, rarely occur in Scythian-era burials. Most of them are known from tombs dated no later than the 4th century BC.

IV.4. Vessels

Silver vessels

38. *Silver cup* of an analogical type to the one from CT GRK, which it also resembles by the shape of its spherical bottom and lower body.

The central part of the body features a frieze depicting six running animals: three dogs and three feline predators (most likely leopards). The representations on the frieze are engraved, and the animal figurines are gilded (fig.191-192).

The imagery of the cup from ST GRK finds no analogies. However, in respect to the execution of the central frieze (gilded engravings), the cup may well be paralleled with two silver vessels of a similar form discovered in the 4th century BC burials: kurgan no 14 at Durovka on the middle Don, and a kurgan from Budki in the Sula basin.

39. *Kylix*, originally composed of a hammered hemispherical bowl with figural handles and a low hollow base. One of the handles and the base were broken off in the past (fig.193). The kylix resembles that from the Central Tomb, although the dimensions differ slightly.

Bronze vessels

40. *Situla* of Etrurian provenance, typologically identical with that from CT GRK but slightly larger (fig.194:1; 195:1). Its bronze handle and rings used for its attachment to the vessel were broken off in the past and later, according to G. Ossowski's description, the handle was substituted with a «new, iron one, of simple workmanship».

41. *Hemispherical bowl* on a low ring-like support, of Mediterranean provenance (fig.194:2; 195:2).

The vessel was originally provided with two figural handles which – as was correctly noticed by G. Ossowski – had been broken off in the past.

The bowl from the Side Tomb is fully akin to that from the Central Tomb, and differs only in being slightly larger.

42. «*Small plate*» or *tiny «bowl*» (acc. to Ossowski) (fig.196).

The object was first cast and next finished with lathe turning (?). Unfortunately the object has not survived in the collection of the Archaeological Museum in Kraków. Most likely, this is a cast base of a large bronze vessel whose body was damaged, and the base started to be used as a small container.

Clay ware

Black-glazed vessels

43. *Kantharos*, with a squat body (set) on a narrow ring support, with massive handles. The vessel, of Attic provenance, is typologically identical to and only slightly smaller than that from the Side Tomb.

The kantharos reveals traces of damage: in one handle the upper extension is broken off, the glaze on the body is splintered in many places, handles and especially the rim are strongly worn (fig.197:1-2). All this damage, together with the traces of repair, indicate the prolonged use of this vessel. On the underside of the base, a grafitto has been scratched through the glaze in the form of a clumsy letter A.

44. So-called *small bowl*. As convincingly demonstrated by G. Ossowski, it was in fact the foot of a vessel similar to the kantharos from the Side Tomb (fig.197:3).

45. *Pithoid amphora*, with a rounded biconical body resting on a small foot, with a short cylindrical neck, thin, oval-sectioned handles, and so-called mushroom-shaped rim (fig.198-199).

The vessel, like one of the amphorae from the Central Tomb, is usually associated with a group of amphorae conventionally referred to as the Solokha-I type. It is worth mentioning, however, that the discussed amphora differs considerably in terms of morphological details from the one found in the Central Tomb.

S. Monakhov included such amphorae into the Ryzhanovka type or type III-A of amphorae with a mushroom-shaped rim, and proposed the island of Samos as the place of their manufacture.

As for the chronology of the amphora from ST GRK, S. Monakhov has established it «based on the rich inventory (of the burial – S. S., J. Ch.), including the Attic black-glaze kantharos, to the third quarter of the 4th century BC». In our opinion, this date is far too early.

Finds from the vicinity of GRK

Western (more precisely: south-western) trench of Julian Talko-Hryniewicz.

The finds included sherds from several amphorae, and a disc cut out from the wall of an amphora of light brown colour.

1. Numerous sherds originating from 2 amphorae made from clay of a light red (orange) colour and of darker clay. The discovered fragments included a foot and a handle (kept in the collection of the Archaeological Museum in Kraków).

2. The function of discs such as the one discovered here remains unclear. They are widespread in many cultural milieus, including during the Scythian period. It is worth mentioning a view positing their role as gaming pieces.

If our assumptions are correct, after the burial of the aristocratic Scythian woman in the side tomb, some mourning activities were performed by the tomb, near the added mound, and also in the ditch which had been dug in connection with the central tomb.

Finds from the mound

A) Original, earlier mound

(eastern, or more precisely south-eastern trench of J. Talko-Hryniewicz)

1. *Iron spearhead* with a laurel leaf-shaped blade, without a rib (fig.201:1-2).

Spears with such heads reached the greatest extent of their popularity at the close of the 6th and first half of the 5th century BC but remained in use also in later times.

2. Several indistinct *fragments of Scythian-period hand-made pottery* recorded in three places within the eastern half of the mound (fig.201:5). Unfortunately, they are not large enough to identify the type of vessel they come from.

B. Secondary added mound

(northern part of G. Ossowski's trench)

3. *Fragments of an iron sword* – part of the hilt and a broken-off blade

According to the object's description, the metal hilt had thin wooden covers attached to it on both sides using bronze rivets (fig.201:3).

Swords with a hilt provided with covers (typically bone ones) belong to a group of the latest Scythian swords, dated no earlier than the 4th century BC.

4. *Fragment of an iron bit*, twisted (fig.201:4).

«Twisted» bits were not particularly popular among the Scythians and are primarily known from the second half of the 4th century BC.

IV.5. Finds from the ditch

a) fragments of hand-made vessels

13 fragments were found: 9 originating from rough vessels and 4 from vessels with smoothed surfaces, one of the latter being ornamented. They belonged to a miniature cup, bowl, and some number of pots with rough surfaces. In total, the discovered sherds originated from no fewer than 10 hand-made vessels (fig.202). Due to their indistinctiveness, they cannot be precisely dated.

b) fragments of wheel-made vessels

Nearly all of them originated from amphorae.

Taking into account the morphological details (form of the rim, handle, and foot), as well as the colour and fabric, the discussed amphora sherds can be more or less reliably assigned to 6 vessels. Three of them have analogies among the vessels discovered in the side tomb: 1) pithoid amphora of the «Ryzhanovka» type, possibly of Samian provenance (an analogy in ST GRK (fig.203:3-4); precise chronological position unknown – S.Ju. Monakhov dates the vessel after the tomb); 2) pithoid amphora, most likely from Knidos (analogy in CT GRK, time of circulation of such vessels: from the close of the 5th until the early 3rd century BC) (fig.203:1); 3) amphora with a wineglass-shaped foot, of Mendean provenance (analogy in CT GRK, chronology: primarily within the 4th century, although such vessels are also known in the early 3rd century BC) (fig.203:5).

4) Undoubtedly, the most interesting is the fourth amphora (probably from Samos), which was discovered broken into fragments. It finds promising analogies in North Pontic assemblages from around 280-270 BC (fig.203:2). This amphora is of particular importance for the determination of the chronological position of all the amphorae from GRK, and of the kurgan itself.

Body sherds from another two amphorae (nos. 5 and 6) do not allow their chronology and provenance to be established.

In total, the remains of a funeral feast in the ditch surrounding the kurgan, in our opinion connected mainly with the burial in the central tomb, included fragments of 16 vessels, of which 10 belonged to Scythian home-made vessels and 6 were fragments of amphorae of Mediterranean provenance.

Chapter V.

Burial rites of the Great Ryzhanovka Kurgan against the background of Scythian sepulchral complexes in the North Pontic zone

A detailed analysis of the burial rite of GRK against the background of Scythian burials (including aristocratic ones) in the North Pontic zone allows for the following conclusions to be drawn:

1. In terms of the constructional details of the mound, the ditch, and the nature of the funeral feasts remains, GRK finds good analogies among Scythian sepulchral complexes from the steppe areas of the North Pontic, in particular in aristocratic Scythian kurgans dated to the 4th century BC.

2. The architecture of the central and side tombs has relatively close parallels in a number of Scythian kurgans (including aristocratic) in the North Pontic steppes. The analogies for the central tomb include the Berdianskij kurgan (southern and eastern tombs – ca. 380-365 BC acc. to A. Alekseev, around 380-370 BC acc. to S. Polin) and the Strashna Mogila (4th century BC). The side tomb finds analogies in Kamenskaja Bliznitsa (turn of the 4th/3rd century BC acc. to A. Androsof and S. Mukhopad, the early 3rd century BC acc. to A. Alekseev, the third quarter of the 4th century BC acc. to S. Polin) and the Deev Kurgan (around 300 BC).

3. In a number of artefacts from the funeral inventory, the central tomb of GRK shows noticeable similarities to at least three aristocratic burials – kurgan 487 at Kapitanovka (late 4th or early 3rd century BC), kurgan 9 at Pesky (mid- second half of the 4th century BC), and the Soboleva Mogila kurgan (mid- third quarter of the 4th century BC). The similarity is closest with the burial from Kapitanovka, although the latter is undoubtedly not as rich.

The side tomb of GRK can be compared, primarily in terms of the spectacular costume of the woman buried there and the set of her personal adornments, to a few aristocratic female

burials from the second half – late 4th century BC. They have been discovered in side tombs of Scythian aristocratic kurgans in the lower Dnieper basin – in Tolstaia Mogila, the First Mor-dvinovski kurgan, and the Deev kurgan. Taking into account the set of artefacts, the female burial from the Deev kurgan seems to be the closest parallel, despite being more modest than GRK.

4. The data presented above indicate that the Great Ryzhanovka Kurgan has much in common with a number of Scythian aristocratic kurgans from the North Pontic zone. However, regarded as a whole sepulchral complex (with all its aspects), it finds no exact analogy among them. This makes GRK a unique source for studies on different aspects of Scythian culture. This becomes even more evident when we take into account certain details and micro-details of the funeral rite revealed in GRK, which find no parallel among Scythian sepulchral monuments in the North Pontic area.

Chapter VI. Chronology

The position of GRK as one of benchmark archaeological sites for studies on the history of Scythia becomes even more prominent if its chronology can be confidently established. To fulfil this task, we have applied traditional archaeological methods, involving comparative analysis of the datable elements of the funeral inventory and characteristics of the burial rite, as well as radiocarbon analysis.

1. Archaeological dating

The stratigraphic observations made during the exploration of the GRK mound in 1995-1997 leave little doubt that the time that passed between the burials in the central and side tombs was very short, approximately 3-4 years, since no turf layer had developed between the original surface and the added mound.

These stratigraphic conclusions are fully confirmed by a number of artefacts from the funeral inventories, which are either identical or very similar in the two tombs. This applies, for example, to the silver cups and kylixes, bronze situlae and bowls, and black-glazed kantharoi. One can assume they had been part of one set of various vessels belonging to one rich family, which was later divided into two groups placed into the two tombs. In light of the above, both tombs in GRK can be seen as archaeologically contemporaneous.

The analysis of the funeral inventory from both tombs in the GRK have demonstrated that the artefacts, like in the majority of Scythian elite burials, are not a chronologically homogenous set. This is fully understandable since many artefacts, particularly those of a prestigious nature and also those related to cult, were accumulated in the hands of this rich family or another and apparently passed down between generations.

All the objects retrieved from GRK can be divided into 4 chronological groups, differing in size.

1. The most numerous group are objects which have good analogies in Scythian sepulchral materials dated to the 4th century BC, and more precisely to its second half. This artefacts form what A. Alekseev described as the core of the burial inventory in the GRK.

2. A small group of objects are known from older periods, at least from the 5th century BC, but functioned for a relatively long time. These are comprised of the bronze cauldrons, the Etrurian situlae, the Attic bowls (CT and ST), the krater-like vessel (CT), the mirror, the pin (ST), and some types of bronze arrowheads from the burial of the warrior-guard in the central tomb.

3. Another group comprises an equally small quantity of finds which are characteristic of the end of the 4th century and the beginning or the first quarter of the 3rd century BC. They

include the black-glazed knatharoi and vessel (CT and ST), the gold pendants – details of headdress, the iron pieces of horse tack, the amphorae of the Solokha-I type (Knidos) and of Mendeian provenance (CT), the rosette-shaped dress appliquéés and hollow gold beads (ST).

4. A very narrow group of artefacts find analogies in materials dated to the 3rd century BC. Here belong the plaques depicting a Medusa head with her mouth shut, which decorated the shroud (1st quarter of the 3rd century BC) (ST), the toilet vessel – the balsamarium from the first half of the 3rd century BC, the rings with bezels made from Pantikapaion staters similar to coins issued in 310-403 or 314-294 BC (ST), and finally the fragment of a red-coloured amphora with a high, overhanging rim typical of 280-270s, of Samian provenance, discovered in the ditch.

Taking into account the late dates established for the artefacts from the last group, and the fact that those included into the third group could also occur in materials dated to the early 3rd century BC, we believe it is methodologically correct to place the time of GRK burials within the first third of the 3rd century BC. In our opinion, the discovery of the mentioned Samos amphora among the funeral feast remains in the ditch allows this date to be narrowed down to the 280s-270s.

2. Dating with the radiocarbon method (C14)

In order to determine the age of GRK by means of the radiocarbon method, samples were collected from nearly all of the organic materials recovered during the excavations (fig.204-215). The results of these analyses have in most part been already published. From the perspective of the nature and research potential of particular materials it is worth noting that the BP ages for the human bones (the ‘chieftain’ and his guard) and for the animal bones from the central tomb vary around 2250 BP. Similar results were obtained for samples taken from the bones of the high-ranking Scythian woman discovered by Ossowski in the side tomb in 1887, which are kept in the Archaeological Museum in Kraków (tabl.I).

The age determinations obtained for the animal bones from the ditch (the remains of the funeral feast) are slightly less unambiguous. The earliest date to 2280 ± 80 BP, and the youngest to 2040 ± 50 , with many samples falling later than 2250 BP. This may indicate that we are dealing here with chronologically heterogeneous material, and the bones were deposited in many episodes rather than only immediately after the burial. This, however, still does not fully explain the recorded picture. Although the timing of funeral feasts was surely regulated by symbolic-religious rules, this could not have been an overly long period, for example longer than the life of one generation. The range of BP dates established for the bones suggest they were thrown into the ditch between 275 and 255 BP, a period when a short but rapid inversion and decline in the amount of radioactive carbon isotope in the atmosphere is observed.

The same age - 2250 ± 60 BP (Ki-6669) – was determined for the surface of the buried soil covered by the mound of GRK.

In this situation, the decisive factor are the results of the wiggle matching method, obtained for the stumps and the post from the central tomb (*Хохоровски, 2004, с. 452-454*). Taking standard error into account, these results allow the above date to be narrowed down to 264-258 BC.

Thus, it seems fully plausible that the ‘chieftain’ from the central tomb of the Great Ryzhanovka Kurgan was buried «around 260 cal. BC».

3. Final conclusions

Both the results of traditional archaeological dating and the radiocarbon data indicate that the sepulchral complex of GRK should be dated within the first half of the 3rd century BC. As can be seen, the spread between the boundary dates – the lower archaeological date of «280-270 BC» and the upper radiocarbon chronology of «around 260 BC» is very small, and possibly less than 20 years. Apparently, it was precisely in this time interval when the burials from the Great Ryzhanovka Kurgan should be placed – **between 280 and 260 BC**.

The dating of GRK to the first half of the 3rd century BC is also indirectly suggested by some other observations. Let us recall here that nearly all the imported objects uncovered in the two tombs bore traces of use and repair. This fully applies to the black-glazed pottery: the kantharos and another vessel. Such artefacts are often dated to 350-325 BC by analogy to the materials from Agora in Athens. However, many authors have noticed that imported Greek pottery (black-glazed vessels included) were highly valued among the barbarians. Therefore, they may have found their way to Scythian tombs after having been used for quite a long time (see e.g. Брашинский, 1965, p.91; Алексеев, 1987, p.32; Лейпунська, 1989, p.114; Филко, 2004, p.90). A good example in this respect would be the kantharos from the side tomb, which had been worn out, broken, and then repaired from pieces by making tiny holes and most likely merging the sherds with a thin cord.

Thus, in terms of chronology, GRK is not parallel with the majority of the latest burial mounds of Scythian aristocracy, which A. Alekseev distinguished as his group «G» and dated within 330-300 BC. Among elite Scythian burials known today, it is chronologically close only to the kurgans of Kamenskaja Bliznitsa and Khomina Mogila, but even these two are slightly earlier than GRK.

Chapter VII.

Ethnic identification and social status of the individuals buried in the kurgan

1. Ethnic attribution

The comprehensive analysis of the burial rite in both tombs of GRK, as well as the construction of the mound and organisation of the sepulchral space convincingly indicate that most of the elements find analogies among Scythian sepulchral complexes of the North Pontic steppes. This applies primarily to general features such as the type of the tomb, position and orientation of the bodies of the main deceased and the warrior-guard in CT, composition of funeral inventory and the arrangement of artefacts in respect to the deceased, and a number of other details and micro-details typical of the burials of nomadic Scythians.

It is worth mentioning that the appearance of catacomb graves (typical of steppe Scythians) in the forest-steppe part of the North Pontic area during the Scythian period has in itself been unambiguously interpreted as proof for the migration of steppe nomads to this region.

The anthropological examination of the bones belonging to the primary deceased and the guard from the central tomb, and their comparison with anthropological materials from the North Pontic steppes (more than 700 skeletons from that region have been examined to date) also argues for the steppe origin of the deceased individuals. It should be emphasised that the population inhabiting North Pontic steppes was by no means homogeneous in the Scythian period, and the Scythian ethnos comprised many tribes of different origins. As a very cautious assumption we could propose that, unlike the warrior-guard from the central tomb, the girl who was the servant of the high-ranking Scythian woman most likely represented the local, autochthonous population of the forest-steppe zone. This is suggested by the bronze pin (one on the few elements of her funerary inventory) – an ornament typical of indigenous, forest-steppe population of the Scythian period. Such pins can fully be considered as an ethnographic indicator.

2. Social status

According to the criteria applied in Scythology to determine the social position of individuals buried in kurgans (G. Kurochkin, A. Terenozhkin– V. Ilinskaia, B. Mozolewski, V. Gening, and others), the Great Ryzhanovka Kurgan, which at the time of its first investigation was 7.56 m high and had a diameter of 36 m, can be referred to the second group of aristo-

cratic Scythian burials (in B. Mozolevskij's classification), and its central tomb, accordingly, can be regarded as the burial of a nomarch (in Herodotus' account a governor of a province).

As some scholars (e.g. I. Diakonov) believe, during the Scythian period noms or districts were large administrative-political units, and nomarchs, accordingly, were administrators or governors of particular territories. Other authors, V. Ilinskaia and A. Terenozhkin among them, regard nomarchs as chieftains of tribes or large tribal units, leaders of large Scythian military formations/unions/alliances? This view generally overlaps with that expressed by M. Rostovcev about the special, military-oriented nature of Scythian aristocracy, part of which were nomarchs. We are more inclined to subscribe to this latter perspective. Undoubtedly, the nomarch interred in CT GRK in the company of his guard was first and foremost a warrior, as evidenced by the wealth of the various weapons placed in the grave with him. He was also certainly a skilful horseman for whom archery was an important part of his life, as reflected by certain pathologies identified in his skeleton. And he met a proper warrior's end, as he died due to an extensive trauma to the head, in all likelihood suffered in battle.

A review of opinions circulating about the social role of the young female buried in the side tomb shows that the vast majority of researchers spoke rather vaguely on the issue, seeing her as a representative of «the higher class», higher Scythian aristocracy», or just «aristocracy».

Only a few scholars offered definite opinions on the issue (S. Bessonova, L. Klochko, V. Riabova). In their opinion, the social standing of the Scythian aristocrat from the side tomb is determined primarily by the appliqués in the form of dancing maenads adorning the ceremonial headdress, and by the three rings with bezels made from Panticapaion staters with a representation of Pan (a Satyr) on their obverses, which is a clear reference to Dionysian symbolism. These artefacts argue for regarding the female from ST as *a priestess of an ecstatic agricultural cult*.

According to a view deeply entrenched in Scythology, the majority of Scythian kurgans were family tombs.

At first glance, in the case of GRK the situation seems clear: one male burial is accompanied by one female tomb. However, when we consider the significant age difference between the deceased (the «chieftain» was 45-50 years old while the female was young), they could have been bound by various types of family ties, being father and daughter or husband and wife. It should be noted here that the young female could hardly be the nomarch's sister – the age difference between them, no less than 25-30 years, seems too large to allow for such an interpretation.

So, was she daughter or wife? Let us recall that among the grave furnishing accompanying the man there was a ceremonial female headdress, clearly symbolising the burial of his wife. This headdress differs considerably in appearance from that worn by the young aristocratic female buried in the side tomb. In other words, fundamental differences between these two headdresses suggest that if we interpret the young female buried in the side tomb as a wife of the nomarch from the central tomb, she would be another, perhaps the youngest of his wives. In general, scholars agree that polygyny was possible among Scythian aristocracy.

However, that polygyny was possible needs not mean that this was the case in GRK. Equally, the large age difference and variations in the mentioned headdresses may indicate that the female from the side tomb was a daughter of the chieftain-nomarch buried in the central chamber, a daughter who held an important cult position and who died young, not long after the death of the nomarch.

Chapter VIII.**The Great Ryzhanovka Kurgan in the historic context of the forest-steppe and steppe monuments of Eastern Europe in the 4th-3rd centuries BC.**

Scythian burials in typical steppe tombs – catacombs, i.e. of an analogical type to the tombs in GRK, were the most distinct markers of the third stage of the development of Iranian nomads in the Right-Bank Forest-Steppe area. Unlike the first two, relatively short stages (early 7th century BC and late 7th – early 6th century BC), the third was more prolonged and spanned the whole of the 5th century.

This phenomenon coincides with the moment when many forest-steppe strongholds in the discussed region ceased to function. Others witnessed a decline – like the Motroninskoe, Pastyrskoe, and Sharpovskoe strongholds in the Tjasmin River basin, and the Trakhtemirovskoe stronghold in the Ros' basin. The connection seems obvious, which allows the appearance of Scythians in the forest-steppe zone to be interpreted in terms of a conquest.

It should be noted that the mentioned process affected vast areas. It can be seen not only in the Right-Bank Forest-Steppe, but to certain degree also in some parts of the Left-Bank Dnieper basin, in particular the Terrace Forest-Steppe region from where nomadic burials in catacombs typical for steppe areas are also known.

One can assume that the southern part of the Right-Bank Forest-Steppe in the 4th century BC was included into North Pontic Scythia as one of its provinces.

From the 4th century BC, the area between the Gnilyi and Gornyi Tikic Rivers, where the Great Ryzhanovka Kurgan lies, became, in our opinion, inhabited by one of Scythian tribes or tribal unions which moved from North Pontic steppes. They may perhaps have come from the Priazovye region, as suggested by some features of the burial rite recorded in GRK, which have analogies precisely on the Azov Sea coast. The chieftain, or one of chieftains of this tribe was buried in Ryzhanovka. Apart from the burials in GRK, other Scythian burials from the discussed period are also known in the region, but they are few and far between.

The increasing nomadic expansion to the north into the forest-steppe zone, inscribes well into the broader pattern of aggressive operations undertaken by the Scythians, in the second half of the 4th century in particular.

Around the middle of that century, this nomadic political organisation reached a high level of economic and social development. This resulted in the increased external activity of the nomads, oriented in many directions. Having reached the heyday of its military might, Scythia adopted a particularly aggressive approach in the Danube basin, at the borderlands with western Thracian tribes. There, Scythia's interests collided with those of the Macedonian state, ruled at that time by Philip II. The ensuing war progressed with varying degrees of success until a general battle in 339, in which the Macedonian king gained a decisive victory. Ateas, the 90 year-old king of Scythia, who had played an active role in the anti-Macedonian campaign, died in the same year.

These events apparently had dire consequences for the Scythians. After the defeat, and more setbacks that followed it, the overall political situation clearly did not develop in their favour. The Thracians were growing in strength at the western border, and the territory between the Dniester and Danube fell under the control of the Getae tribes. At Scythia's eastern borders, Sarmatian tribes were becoming increasingly active.

The end of Scythia has been given different dates, from the close of the 4th century BC, early 3rd century BC, first quarter of the 3rd century BC, the turn of the first and second thirds of the 3rd century BC, to the first half of the 3rd century. In some parts of the former Scythian territory, the so-called Little Scythias continued to develop: in the lower Dnieper basin, steppe parts of Crimea, and in the lower Danube basin. However, these people led a sedentary life and their culture differed considerably from the culture of mounted nomads.

Some researchers (e.g. A. Alekseev) believe that the proper Scythian culture vanished at the turn of the 4th and 3rd century BC, or between 309 and 290 BC. Others (e.g. S. Polin, A. Simonienko) notice that Scythian aristocratic kurgans ceased to be built in the last third of the 4th century BC, and only barrows of common people can be found after that date, in particular in the early 3rd century BC.

The tombs from GRK, containing splendid burials of high-ranking Scythians dated to the first, or the very beginning of the second third of the 3rd century BC, allow the above views to be revised. It is worth emphasising in this context that, despite being undoubtedly the most spectacular example, GRK is not the only sepulchral monument of the Scythian aristocracy in the North Pontic area in the 3rd century BC.

The fall of Scythia has been given a wide spectrum of explanations in literature, some of which were proposed long ago, while other are relatively recent. It seems that the most plausible one is that given by A. Alekseev, who argues that Scythia collapsed due to the coincidence of many adverse circumstances, primarily of an economic and political nature.

However, a view about the negative role played by the Sarmatian factor in sealing the fate of Scythia is also very convincing. This is even more so when we take into account the opinion of those scholars who emphasise that Scythia fell in the early 3rd century due to a series of devastating raids or some major military operation rather than the mass migration of the Sarmatians. This came later, in the second half of the 2nd century BC, and is well reflected in materials from sepulchral monuments. The earlier aggression, in the opinion of M. Moshkovi, had an important political goal – «to suppress and crush Great Scythia and take its place in contacts with Greek colonies on the Black Sea». Sarmatian aggression apparently affected some parts of the East European Forest-Steppe as well. The evidence can be found in a number of left-bank forest-steppe strongholds, where traces of invasion at the turn of the 4th and 3rd centuries BC have been recorded (Kolomakskoie in the Vorskla River basin, Knyshevskoie in the upper Psel River basin, Semilukskoie on the upper Don River, and others).

On the right bank of the Dnieper River, however, the situation was different in the forest-steppe zone. The Sarmatians began raiding this area – and crossing the Dnieper – no sooner than the late 2nd and early 1st century BC. This inspired the indigenous population inhabiting the middle Dnieper basin, known as the Zarubints culture, to intensively fortify their settlements. The mass migration of the Sarmatians into the right-bank middle Dnieper basin took place at the turn of the eras, and from the 1st century AD the region (the basins of the Ros and Tjasmin Rivers in particular) became settled by a Sarmatian tribe or tribal union, which is evidenced by the appearance of their characteristic sepulchral monuments. Incidentally, a kurgan holding a rich Sarmatian cremation burial from the second half of the 2nd century BC has been discovered at the eastern margins of the Ryzhanovka village.

Therefore, the Scythians inhabiting the southern part of the right-bank forest-steppe zone and the territory between the Gnilyi and Gornyi Tikic in particular, including the aristocrats buried in GRK, were contemporaries of dramatic events unfolding in the steppe part of Scythia and in some regions of the left-bank forest-steppe in the first half of the 3rd century BC in connection with Sarmatian invasions. Unlike the steppe areas, the mentioned territory was not the theatre of military operations during the Scytho-Sarmatian struggles. This, however, does not rule out the possibility of some form of contact with the Sarmatians, or that Scythians from the right-bank forest-steppe areas did not participate in battles fought by their steppe kinsmen against the Sarmatians.

In this light, the Great Ryzhanovka Kurgan can be seen as a «witness» to Scythia's departure from the scene of history after a period of crisis and decline caused by the coincidence of many factors, most important among them being the military activity of the Sarmatians. Whatever is in fact the case, we believe that the Scythian-period populace (including the eth-

nic Scythians) inhabiting the forest-steppe areas in the southern part of the right-bank Dnieper basin escaped the tragic fate of the Scythians from North Pontic steppes. Here, apparently, the culture of Scythian horse-riders did not collapse as early as in the steppes, and continued for some time, before gradually declining.

The remains of a proper Scythian ethnos, the bearers of an Iranian steppe culture, who survived in the southern peripheries of the Right-Bank Forest-Steppe, most likely contributed to the development of a new ethnocultural entity which formed at the close of the 3rd century BC, known to archaeologists as the middle Dnieper variant of the Zarubincts culture. As has been frequently noted in literature, certain Scytho-Iranian traits are reflected in the material culture of the «Zarubincts» people.

Chapter IX. **Semantics of the sacral space in the Great Ryzhanovka Kurgan** **(by way of a conclusion)**

Attempting to uncover the original meanings of the sacral space hidden in the material relics of the past and the symbolic culture reflected by sepulchral features, an archaeologist should start from the analysis of the source material. The latter, in turn, is based on a functional assessment of the artefacts and interpretation of symbolic contexts reflected, for instance, in the structure of the archaeological features, in the nature of the funerary inventory and the relationships between its particular components, dictated by specific traits of the burial rites. With respect to Scythian kurgans housing the burials of a nomadic aristocracy, the application of these research procedures is difficult, since many of the barrows have been looted and damaged, sometimes already in the past.

In this context, GRK seems one of the few lucky exceptions. The importance of the central (male) tomb discovered in 1996 can be evaluated from a number of perspectives. Undoubtedly, one of the most important aspects is the fact of the tomb's survival in its intact shape: it has not been damaged by looters. Despite the natural damage that this feature suffered due to the collapsing of the tomb's loess ceiling soon after the burial, the composition of the funerary inventory, and most importantly its distribution, remained unaltered. The side tomb (female) in the Great Ryzhanovka Kurgan also turned out to be unlooted, although the circumstances of its discovery and of the 19th-century excavations, as well as the state of preservation of the documentation, made its reliable assessment more difficult. Nevertheless, observations made during the exploration of the central tomb have allowed the result of the research carried out by the first discoverers in 1887 to be reinterpreted or confirmed.

Trying to read the cultural meaning of CT GRK from the logic of its creators, it is crucial to correctly understand the semantics of the grave goods, the symbolic message carried by their distribution within the chamber, and the allusiveness of the architectonic structure of the burial space. It is important to take into account that the material context is a projection of the symbolic meaning, a symbolic representation of both individual artefacts and human behaviour. Here, in the first place, one should base on the assessment of the functions of particular artefacts, the relationships between the functions of particular elements of funerary inventory, their positions in relation to each other within the burial chamber, determined certainly by the conceptual context, and others. The same assessment is needed with regard to elements of sepulchral architecture, their appearance and arrangement. It has to be emphasised that there was no place for coincidence in the ritual procedures associated with the interment of a deceased. It should also be taken into account that a researcher trying to uncover the meaning that the material relics of the past were given by their creators is burdened with their subjec-

tive understanding. Therefore, one needs to be aware of these limitations of a researcher's position in the process of the interpretation of the socio-cultural reality of the past, which allow one to formulate assessments from an individual, personal perspective.

Among the many aspects of the semantic interpretation of the sepulchral architecture and burial rite of GRK we will note the following:

1. The ditch surrounding the kurgan apparently demarcated the «sacrum» space under the mound, which had a magical meaning, from the sphere of «profanum» (or more likely «semi-magical» space) outside it.

2. The orientation of the burials and of the gaps in the ditch (along the SE-NW line), and the layout of tombs and remains of funeral feast, were all connected to each other. In all likelihood, the arrangement of particular architectural elements within the sepulchral complex had an astral (solar) context.

3. Both the layout of the sepulchral architecture and the choreography of particular funerary rituals were subordinated to a higher truth about the transient and ephemeral nature of all beings, symbolised by the wandering (sunrises and sunsets) of the sun over the horizon (from SE to NW). In this context, the interment of a deceased in a deep underground chamber was a symbolic act of departure to «the chthonic world of darkness».

4. On the one hand, the burial chamber in the central tomb was modelled as a dwelling, with such prominent features as the bed-platform (where the chieftain could rest) and a decoy stove (symbolic of home fires burning), while on the other it imitated a nomadic camp – under the open sky, around cauldrons with food boiling over a bonfire. This syncretism reflects the merging of cultural patterns typical of a steppe (nomadic) civilisation with those characteristic of the forest-steppe (sedentary, agriculturalist) population. It developed over a many generations long period of coexistence of these two ethnic components.

5. The «private» half of the burial chamber envisaged a space for leisure (with a kylix of wine, playing dice, and possibly even smoking cannabis). This seems to have been the more personal, «intimate» of the two functional divisions of the burial chamber.

6. The arrangement of the «household», or «public» part of the chamber, with a staged campsite with a meal being prepared on a bonfire, symbolises the vital aspect of the afterlife («the deceased's life after death»). This staged vision of the afterlife seems to be a projection of reality. In addition, this area also played a ceremonial («official») function. The «household» part of the burial chamber represents the real aspects of the deceased's life to some extent.

7. The ceremonial female dress placed within the symbolic boundaries of this area, by the throne of the deceased chieftain, probably indicates (as a surrogate) that the chieftain had a spouse. This rationality of ritual behaviours (i.e. leaving the owner of the costume among the living) most likely stemmed from some fundamental (social or religious) factors. In this context it seems justified to assume that the female buried in the side chamber (a person certainly closely linked to the 'chieftain' from the central chamber, possibly his daughter) may have been a priestess. The same is also indicated by the magical meaning of the iconographic symbols adorning her dress and ornaments (Menades, Satyr/Pan, Medusa-Gorgon).

8. The arrangement of the dead chieftain's burial, and in particular of his personal equipment (comprised exclusively of offensive weapons), reflects his real social position as a warrior and chieftain (the torque with lion head terminals being a symbol of vital strength and domination). The physical capability of the deceased as a mounted warrior (archer) has been confirmed by the results of anthropological analysis.

9. The area housing the platform (behind a curtain) with the body and the ceremonial vessels was divided from the remaining part of the chamber with a «sacral demarcation line» marked by two rows of astragals, the spindle (possibly symbolising the cutting of the thread

of life), and the censer (symbol of spiritual life), which symbolised the departure from this world to afterlife. At the same time, such an arrangement marks a division between the two extreme states of being: life («leisure and drinking» part) and death («sleeping – funeral» part), which is between the bodily and spiritual aspects of human nature.

10. The characteristic arrangement of vessel deposits in both chambers, each comprising silver ceremonial vessels (cup and kylix) placed on their sides, and an upturned situla with its contents deliberately spilt, most likely symbolises the sacrificial act of liberation from the bodily form and immersion into the spiritual one. The kind of drink used and the silver service for libations seem to have had some semantic context as well, now difficult to understand.

11. The burials of the violently killed dependents: the warrior-guard with a horse in the entrance shaft to the central tomb, and the girl-servant in the dromos leading to the side tomb, demonstrate their ritual readiness to serve, at the same time pointing to their social position. The difference in status is highlighted by the place of burial, but first of all by the type and nature of grave goods.

12. The use of turf blocks covered with lush vegetation in the construction of the mound allows one to assume that this element of sepulchral architecture was also burdened with symbolic meaning. One of the hypotheses circulating in this context posits that this symbolic expression of the nomad's control over dead pastures – in life as well as after death – was meant to guarantee him prosperity in the other world.

13. The feast crowning the ceremonial (or its major stage) also cannot be seen as purely consumption activity. This is evidenced by human bone fragments found among the remains of the feast in the fill of the ditch, possibly suggesting certain human sacrifices or ritual cannibalism among the Scythians.

14. The added mound, which connected the two tombs and enlarged the kurgan, emphasises both the link between the people buried in them («chieftain» and «princess-priestess») and the symbolic uniformity of ritual behaviours creating the sacral nature of the «funerary shrine».

15. The location of this elite kurgan on a watershed, along an ancient road, raises associations with the symbolic meaning of road as a route of transition to the underworld, known from folklore and ethnography.

Among the most important features of the burial rite in GRK one should mention the clear and unambiguous manner in which the norms of social and religious life are reflected in funerary architecture, the arrangement of sepulchral space, and the character of grave goods, including their literal representations. By reflecting the symbolism of life, the whole of the identified behaviours and actions («gestures» in a ritual spectacle) highlight the continuity of the existence of the deceased, who at this stage of his social career had achieved the status of a heroic person, a demi-god. However, although having departed to the afterlife (chthonic reality), the «chieftain» remains in the earthly world thanks to the kind of staged reality, in which he continues to play his social role. Stone statues of warriors placed on the tops of kurgans frequently depicted deceased Scythian chieftains and rulers, tribal leaders, elevated to the rank of mythical heroes (Old Greek ^οηρως). All of this underlines the importance of the myth about the transformation of a warrior-chieftain into a «divine hero», as a sacred pattern. Existing at the borderland between two worlds, in a reality determined by ritual and expressed in magical behaviours, they were the guarantors of prosperity for the living. This reflects the special role of nomadic elites, who were the bearers of a certain ideological programme. Therefore, one is not surprised by the famous reply given by Scythian king Idanthyrsus to Persian «king of kings» Darius I Hystaspes, in which he laconically explains the basics of Scythian self-identity: *«We Scythians have neither towns nor cultivated lands, which might induce us, through fear of their being taken or ravaged, to be in any hurry to fight with you. If,*

however, you must needs come to blows with us speedily, look you now, there are our fathers' tombs — seek them out, and attempt to meddle with them — then ye shall see whether or not we will fight with you» (Herod., IV, 127). This speech very clearly expresses the ideology of the Scythian aristocracy, among whom Idanthyrsus can be seen as «*primus inter pares*». It was exactly the «*fathers*» (aristocratic ancestors) who, thanks to their symbolic presence in kurgans («*tombs*»), provided the sense of ideological, cultural, and political identity for mobile nomadic tribes. In the world of nomads, with its limitations set by impermanent existence, continuous pressure from the surrounding nature, and dependence on often changing natural conditions, this factor was the only permanent value, the foundation of a collective mentality. When referred to the symbolic area of GRK, the above statement seems even more important, since the barrow in all likelihood held the burial of one of the latest (if not the last) rulers of classical Scythia.

The «*chieftain*» buried in GRK was the heir of the cultural ideals of the «*invincible*» Scythians, expressed on the eve of the fall of their civilizational and political independence, shortly before the next wave of warlike nomads (Sarmathians) and other turns of fortune confined them to a secondary role of multicultural Scythia Minor, and ultimately swept them away completely from the stage of history.

ИНДЕКС

- Абрамович А. – 22
Авраам А. – 80
Аврора – 313
Адольфсэк – 314
Ак-Бурун – 114
Аксютинцы – 70
Александреску П. – 8, 77
Александропольский курган (Луговая Могила) – 9, 70, 92, 100, 129, 135
Алексеев А. – 25, 27, 68, 82, 89, 92, 96-97, 100, 129, 134-135, 143
Алтай – 59
Амфиполь – 311
Анисимков Е. – 6
Анохин В. – 97-98
Апан-Сарча – 63
Аполония – 78
Арес – 311
Аржан-2 – 8, 59
Артамонов М. – 146
Архангельская Свобода – 310
Архондико – 309
Атей – 154
Аттика (Афинская Агора) – 76-78, 143
Аязлер Поповско – 65
- Бабина Могила – 9, 128, 130-131, 133, 135
Бак Уршуля – 9
Балеарские острова – 78, 104
Балканский полуостров – 308
Балки – 88, 1214, 132
Барр-Шаррар Б. – 309
Бастиас Х. – 74
Башмачка – 73, 128, 148
Бежник Ш. – 7
Белых В. – 6
Бельмак-Могила – 122
Бельское городище – 84, 120
Бердянский курган – 9, 110-111, 113, 115, 120, 128, 132, 149
Бессонова С. – 7-8, 23, 26, 46, 87, 154-155
Беш-Оба – 112, 124
Близнец-2 – 9, 120, 124
Бломбергова М. – 22, 24.
Бобринской А. – 20-22, 102-103
Бобрица – 76
Богдановка – 114

Богдановская горнообогатительная фабрика (БОФ) – 111

Болгария – 73, 84

Болтрик Ю. – 7-8, 69, 71, 110, 149

Большая (Великая) Белозёрка – 115, 314, 318

Большая Близница – 73, 90, 92, 127

Большой Рыжановский курган, Рыжановка – 1-6, 10-11, 13, 15, 17, 19-20, 23, 25, 28, 48, 72-73, 83, 89, 94, 99, 114, 123, 126-127, 131-133, 143-144, 146, 148, , 153-154, 157-158, 308, 315, 320-321

Боспор – 147-148, 156

Братолюбровский курган – 9, 64, 118, 128, 315, 320

Брашинский И. – 78-79

Бредис Н. – 33.

Броммер Ф. – 312

Будки – 101, 126

Бурты – 112

Вани – 80

Ватикан – 71

Великая Греция – 79

Великая Знаменка – 64, 319-320

Верхний Рогачик – 134

Вергина – 56, 309-310, 320

Верхний Дон – 156

Верхний Рогачик – 94

Виноградов Ю. – 153

Витса – 310

Вишнёвая Могила – 113, 128

Вишнополь – 6, 80, 153

Владимировка – 58, 63

Водославка – 59-60, 68, 90, 110, 118, 151

Водяна Могила – 9, 80, 131, 148

Волковцы – 76, 312

Ворскла – 84, 120, 156

Восточная Македония – 73

Восточный Крым – 78, 114, 118, 317

Вотоноси – 310

Вырбица – 310

Высочино-V – 99

Восточная Подолия – 129

Восточноевропейская Лесостепь – 47, 50, 554, 65, 90, 113

Гавлик А. – 6

Гайманова Могила – 9, 56, 64-65, 67, 73, 75, 90, 99, 121, 123, 127, 129, 151, 311, 313, 319-320

Гайманово Поле – 88, 123

Галаксиади – 310-311

Галущино – 98

Гарчиново – 317

Генинг В. – 149

Георгиева Р. – 8, 112

- Геремесов курган – 129
Геродот – 148-149, 311
Гладковщина – 6
Глиное – 50
Гломб Х. – 34
Годлевски П. – 6
Горный Алтай – 84
Горный Тикич (Гнилой Тикич) – 10, 16, 152, 157
Горняни – 310
Граков Б. – 48
Грач Н. – 316-318
Греция – 313
Григорьев В. – 6, 16
Гринцевич Е. – 13, 21
Грузия – 76
Гюновка – 83, 90
- Дарий I Гистасп – 161
Деев курган – 24, 70, 88, 90-91, 94, 96, , 99, 123-124, 127, 132-133, 159-151
Денисова Могила – 90
Дервени – 73-74, 309-311, 314, 316
Двугорбая Могила – 58, 72
Делемен И. – 310
Демченко А. – 7
Денисова Могила – 134
Диодор Сицилийский – 155-156
Дмухайловка – 113
Днепр – 156
Днепровская Правобережная Лесостепь – 9, 19
Днепровское Правобережное Надпорожье – 9, 120, 124
Днепровское Лесостепное Левобережье – 156
Днепровское Лесостепное Правобережье – 128, 151, 156
Днепровское Правобережье – 47, 50, 65, 153
Днепропетровск – 120, 124
Днепрорудный – 71
Добруджа – 77
Дон – 156
Дорт-Оба – 124
Дуда И. – 6
Дудчаны – 106, 118
Дуровка – 69-70, 101, 107, 312,
- Евдокимов Г. – 8
Евразия – 85
Елизаветовское городище – 78-79, 108
Елизаветовский курган – 317
Елизаветовский могильник – 77, 99, 317-318
Енисала – 77
Еудокс Книдский – 156
- Жёлтокаменка (Драна Кохта) – 82-83, 93, 128-132, 135

Журавлёв О. – 30, 37

Журовка – 76

Задунавье – 112

Западный Крым – 108

Залесское – 14

Западная Македония – 73, 309

Зеест И. – 79

Зелёное – 49, 83, 114

Зимнице – 112, 310

Звонецкое – 63

Злокучене – 73

Зограф А. – 97

Золотобалковский курганный могильник (Золотая Балка) – 9, 63, 113.

Иванов – 76

Ивановка – 132

Иданфирс – 161

Изобильное – 312

Ильинска – 106

Ильинская В. – 22, 25

Ильинцы – 56, 129

Исмагилов Р. (Исмагил Р.) – 156

Истрия – 77, 99

Казённая Могила – 126

Каиры – 8, 112, 124, 132

Каллатис – 104

Калькова Могила – 70

Каменная Могила – 129, 148

Каменная Близница – 83, 93, 130-132, 135, 155

Канев – 88

Канторович А. – 50

Капитановка – 52, 62-63, 72, 76, 118-119, 122, 133, 150

Карагодеуашх – 63, 70-71, 73, 94.

Кара-Тюбе – 93

Кац В. – 8, 63, 68

Кёлер К. – 78

Керчь – 52, 312

Кипр – 84

Киянский Д. – 7

Клочко В. – 7

Клочко Л. – 7, 25-27, 88, 147, 151

Книд – 79, 314

Кнышовское городище – 156

Ковалёвка – 63

Кобриново – 10, 154

Ковпаненко Г. – 16, 33

Колбинский могильник – 94

Коломакское городище – 156

Корнеевка – 118, 132

- Кривой Рог – 117
Курган Патиньоти – 71
Ковалюх Н. – 139
Козани – 311
Колоджейчик П. – 6
Коломакское городище – 156
Колхида – 76, 80
Кондаков Н. – 20, 22, 24
Копринско – 310
Коринф – 78, 314
Кос – 79
Костшевский Ю. – 22
Котрони – 310
Краков – 135, 141
Краснокутский курган – 47, 107, 127-129, 135
Красный Подол – 121
Кривенко Н. – 6
Крицкая Л. – 36
Крометц М. – 141
Крым – 58, 80, 115, 121
Костшевский Ю. – 22
Кубчак И. – 22
Кубышев А. – 8
Кузнецова Т. – 98
Кукова Могила – 316
Кулик С. – 6
Куроленко Н. – 7
Куштан Д. – 6
Кулик С. – 6
Куль-Оба – 9, 53, 63, 66-67, 91, 96, 99, 114, 118, 126, 140, 312-314, 316-318
Кут – 113
- Лейпунская Н. – 80, 99
Левобережная Лесостепь – 157
Левобережная Террасовая Лесостепь – 6, 87, 153
Лемешев курган – 134
Ленина хутор – 104
Лесовичи – 80, 103
Лесостепная Скифия – 77
Лесостепное Поднепровье – 87
Лесостепное Правобережье – 80, 153
Лесостепь – 88, 112, 120
Либеров П. – 22, 24
Лисьей Могилы группа – 88, 123
Лоренц фон Ф. – 312
Лукиан – 149
Лунгу В. – 7
Львово – 88, 114, 117-118, 125
- Македония – 74, 76, 84, 308, 311, 313-314, 318, 320-321
Малая Лепетиха – 52, 112, 129, 148

- Малые Скифии – 155
Мамай-Гора – 80, 88, 116
Манцевич А. – 71, 79
Мартоноша – 74
Марьевка – 98
Марьяновский курган – 98
Маслюк А. – 14-15, 40
Матога Б. – 7
Матусов – 120
Мачинский Д. – 155
Мелитопольский курган – 56, 67-68, 73, 82-83, 91-92, 95, 113, 116, 125-126, 128
Меловое – 124
Мелюкова А. – 47, 57, 105
Менда – 82-83, 109
Метоне – 309-310, 320
Мечет-Сайский могильник – 59
Микены – 121
Микитенко Т. – 7
Мильчарек М. – 25, 97
Минз Э. – 22, 24
Минуссинская котловина – 84
Мирное – 95
Михайлова Р. – 6
Могилев А. – 50
Мозолевский Б. – 82, 110, 117, 126, 129-130, 132
Мокрое болото – 10
Монахов С. – 78, 82-83, 104, 108-109
Мордвиновский курган – 94, 98, 126, 129, 133, 148, 150
Мосякин С. – 36
Мотронинское городище – 153
Мошкова М. – 156
- Навпакта – 309
Нагорное – 49, 111, 114
Наип-курган – 309
Накос – 79
Неверов О. – 95, 320
Неморожский курганный могильник – 16
Нижнее Побужье – 63, 150
Нижнее Поднепровье – 9, 63, 67, 73, 88, 113, 116, 126, 132, 155-156, 310
Нижнее Поднестровье – 50
Нижний Дон – 77-78
Никесиани – 309-310
Никулицэ И. – 112
Нимфей – 98, 318
Никуда – 10
Новое – 118
Новокумакский могильник – 59
Новоалексеевка-Богачёвка – 52
Новониколаевка – 52
Новосёлки – 80, 118

- Новотроицкое – 116
Новофёдоровка – 56, 118
Носаки – 124-125, 129
Носек Э. – 51, 77
- Огуз – 47, 70, 73, 83, 86, 92-93, 95, 110.
Олинф – 314
Ольвия – 79-80, 98-99
Ольховский В. – 110, 114-115, 118, 123, 125, 131
Онайко Н. – 25, 68, 79, 96, 99, 102
Орджоникидзе – 50, 70, 86, 88, 111-115, 117, 119, 123
Орищенко М. – 6
Орищенко Р. – 6
Ормян К. – 6
Оситняжка – 129
Оссовский Г. – 6, 15-18, 20-22, 24-26, 39, 42, 92-95, 98-106, 124-125, 136, 147, 151, 154
Острая Томаковская Могила – 129
Отрощенко В. – 8
- Павленок М. – 7
Павловка – 10
Павлѣхин К. – 6
Пазырыкский курган – 84
Пален – 82
Памир – 85
Панское – 78, 108
Пантикапей – 7, 52, 311
Париевка-Ильинцы – 80
Парович-Пешикан М. – 98
Парос – 79
Пастырское – 81, 98, 153
Патиньоти – 312
Пепаретос – 79
Первомаевка – 112, 118-119
Персеполь – 315
Петерс Л. – 7
Петрушевец В. – 7
Пелла – 309, 314
Передереева Могила – 56, 116, 118, 129
Перепятиха – 128
Перинф – 309
Перлез Д. – 7
Пески – 52, 73, 82, 116, 118-119, 1221, 133, 150, 308, 310, 320
Песочинский могильник – 80, 90-91, 96, 113, 119, 151,
Песчаное – 73-74, 95, 309, 314, 320-321
Петренко В. – 25-27, 47-48, 60, 63, 87, 95, 147.
Пидна – 309-310
Плоская Могила – 80, 129, 132
Побужье – 156
Поволжье – 116
Подолье – 88

Подовое – 106, 116
Подунавье – 154
Поднепровье – 155
Поднестровье – 156
Подшивайлов А. – 24
Поингулье – 122
Полин С. – 8, 50, 67-68, 74, 82, 97-99, 132, 134, 144-145
Польша – 309
Посулье – 126
Поянешти – 112
Правобережная Лесостепь – 150
Правобережье Среднего Поднепровья – 157
Предгорный Крым – 112, 155
Предградная станица – 117
Приазовье – 49, 111, 122, 126
Приборск – 88
Прикубанье – 98, 103
Припонтийская Фракия – 74, 309
Причерноморье – 99
Протоген – 155
Протопопова В. – 36
Псевдо-Скилак – 156
Псёл – 156
Пятибратний курган (Пять Братьев) – 56, 63, 81, 92, 95, 113

Радюне Луковит – 65
Репяховатая Могила – 120
Рим – 71, 308
Родос – 79, 314
Роканов – 313
Ролле Р. – 22, 67
Романюк В. – 6, 36, 85
Ромашко А. – 71
Ростовцев М. – 22, 24-25, 90, 150, 155
Рось – 132, 157
Румыния – 77, 309
Рыдзевски Я. – 6, 14
Рябова В. – 26

Саглы-Бажи – 59
Салоники – 74
Самоквасов Д. – 15-16, 18-22, 28, 92-93, 101, 154
Самос – 79, 104, 108-109
Сатола М. – 6
Сахнова Могила – 128
Свещари – 309
Северский Донец – 113, 119-120, 131
Северный Кавказ – 316
Северное Причерноморье – 50, 52, 55, 64-65, 67, 73-74, 76-78, 83, 85, 87-88, 98-100, 104, 112, 115-116, 120-122, 125, 130, 132, 134, 154-155, 157, 313, 318
Северо-Западный Крым – 156

Северо-Западное Приазовье – 83
Северопричерноморская Степь – 132, 147
Севтополис – 310
Семенченко Е. – 7, 16
Семилукское городище – 156
Сентеш-Векерзуг – 125
Сеньковка – 87
Сергеева М. – 53
Сивашовка – 132
Силантьева Л. – 317
Симоненко А. – 50
Симферополь – 124
Сицилия – 79
Скифия – 50, 58, 95, 100, 113-114, 116-117, 123, 134-135, 148-149, 154-156, 181, 309, 321
Скржинская М. – 8, 66
Скрипкин В. – 139
Скорый С. – 6, 16, 22-23, 88, 96-97, 144, 308
Слоновская Близница – 129
Смела – 20
Смирнов К. – 121
Соболева Могила – 9, 52, 63, 65, 67, 70, 72, 111, 116, 118, 120, 128-129, 130-131, 133, 150, 312, 314, 316
Совхоз Красный Перекоп – 63, 67-68, 76, 96, 99, 112
Солоха – 25, 56, 58, 72, 79, 92, 112, 118, 132, 135, 315, 318
Соха Уршуля – 9
Спицын А. – 22, 24, 25
Средиземное море – 102
Среднее Поднепровье – 94
Средний Дон – 50, 68, 94, 101, 107
Средняя Европа – 125
Старое – 88
Старинская птицефабрика – 87
Старый Мерчик – 80, 113
Стары Загоры – 84
Старокорсунская станица – 104
Стеблѐв – 83
Степанов П. – 90
Степная Скифия – 83, 86, 129, 149, 156-157
Степная Украина – 117
Степное Северное Причерноморье – 146
Степное Причерноморье – 82
Страшная Могила – 70, 110, 115, 117, 119, 128-129, 132, 148
Суворовское – 117
Судар В. – 6
Сузы – 316
Сукляя – 120
Сула – 101
Супой – 73-74
Сухая Калина – 122
Талаевский курган – 64
Талько-Гринцевич Ю. – 13, 15, 18, 21, 22, 28, 41, 45, 104

- Тарент – 315
Тарквиния – 71
Тарнавка – 74
Татьянина Могила – 70, 75
Тащенак – 49, 149
Телеага А. – 310
Тереножкин А. – 22, 24, 150
Тетевенски Балкан – 65
Тишки – 73
Трейстер М. – 5, 73-74, 76
Трёхбратние курганы (курганы Три Брата) – 9, 58, 114, 119
Толочко П. – 7
Толстая Могила – 56, 64, 67, 70, 91-92, 96, 114, 116, 126-127, 129-133, 150-151, 315-318
Толстой И. – 20, 22, 24
Топал Д. – 52, 144
Тува – 59, 85
Турецкая Могила – 131
Тясмин – 120, 129, 150, 153, 157
- Ульские курганы – 9
Умбрия – 71
Урал – 85
Урсул Агнешка – 9
- Фанагория – 315
Фенченко Д. – 7
Феодосия – 95
Фиалко Е. – 6, 69, 149
Филипп II – 154
Филипповка – 9, 316
Флоренция – 71
Фокида – 310
Фракия – 73, 76, 310, 320-321
- Хаджидимово – 310
Харьков – 131
Холодный Яр – 147
Хомина Могила – 50, 70, 86, 95, 111, 115, 128, 155
Хохоровска Э. – 7
Хохоровский Я. – 6, 9, 15, 17, 22-23, 88, 96-97, 136
- Цалхааз Г. – 308
Центральная Греция – 76, 310
Центральная Италия – 71
Центральный Крым – 124
Цымбалова Могила – 129
Цотилион – 308
- Частые курганы – 56, 118, 313
Чекановский А. – 9
Чередникова Могила – 80, 83

-
- Чередниченко Н. – 98
Черкащина – 153
Черненко Е. – 8, 56-57
Черновол В. – 7
Черноморское – 117
Чертомлык – 24, 47, 52, 56, 63, 67, 70, 72-73, 76, 87, 91, 93, 95-96, 113, 118, 126-127, 150-151, 310-311, 315.
Чижовка – 15
Чмырёва Могила – 74, 121, 129, 148
- Шарповское городище – 153
Шевера М. – 36
Шелов Д. – 25, 97.
Шемаханская М. – 9
Швец В. – 7
Широкое – 124
Шмальки – 126
Шрамко Б. – 47, 57, 60, 62
Шульговка – 52, 67, 70, 134
Шумен – 73
- Щеглов А. – 8, 63, 75, 155
- Эллада – 76
Эпир – 310
Эретрия на Эвбее – 310
Этолия – 309
Этрурия – 71, 73
- Юг Восточной Европы – 64, 80
Южная Италия – 313-314
Южное Приуралье – 8, 316-317
- Ялисос – 314

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Сергей Скорый

Ян Хохоровски

БОЛЬШОЙ РЫЖАНОВСКИЙ КУРГАН

Керівник видавничих проектів - Філюк О.В.
Оригінал-макет виготовлено ФОП «Видавець Олег Філюк»
Обкладинка - Маєвська О.М.
Комп'ютерна верстка - Маєвська О.М.

Мова російська

Підписано до друку 20.07.18.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. . Обл.-вид. арк. .
Наклад 300 прим.